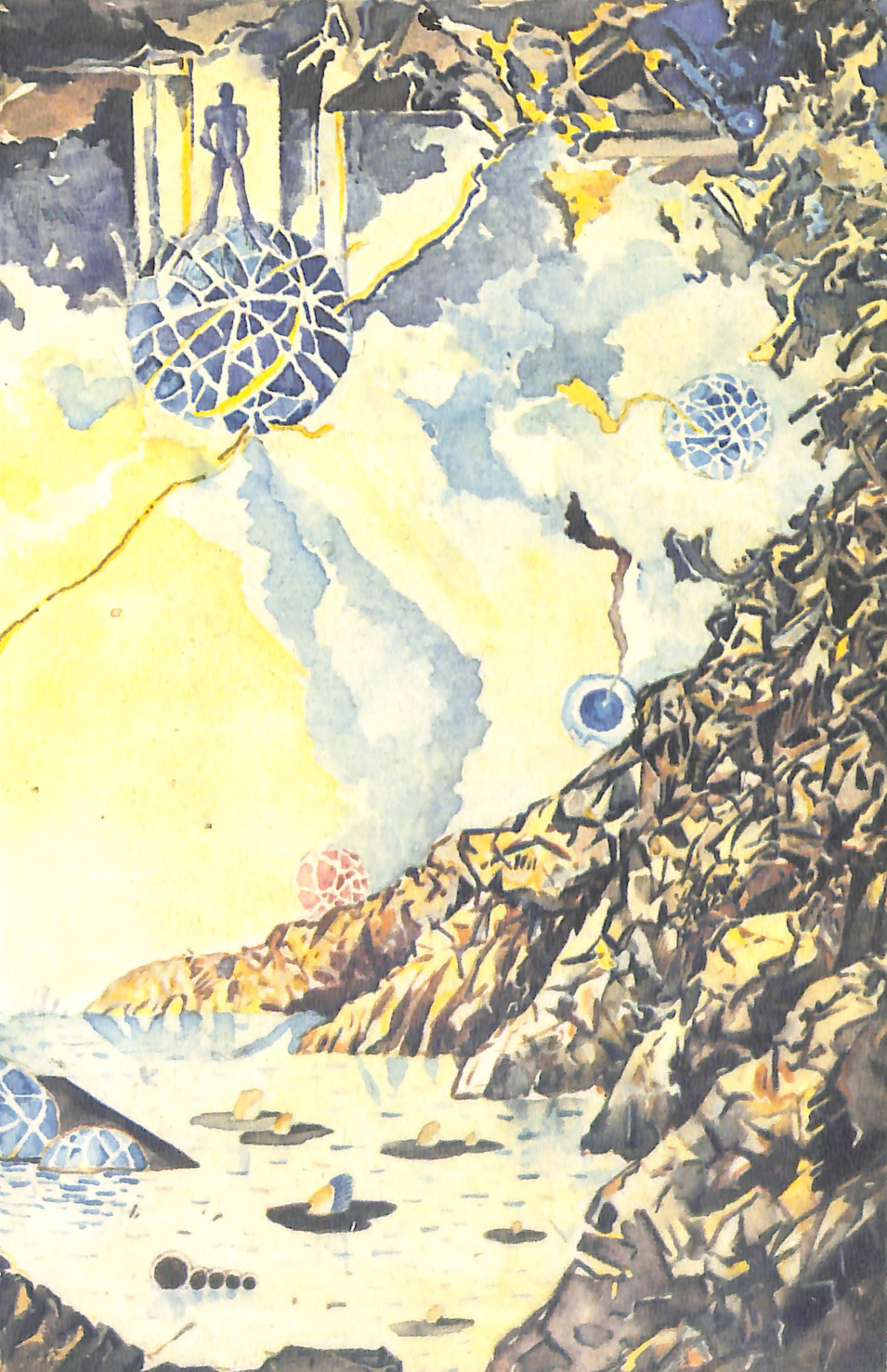
Айзек Азимов

Основатели

А. Азимов Основатели

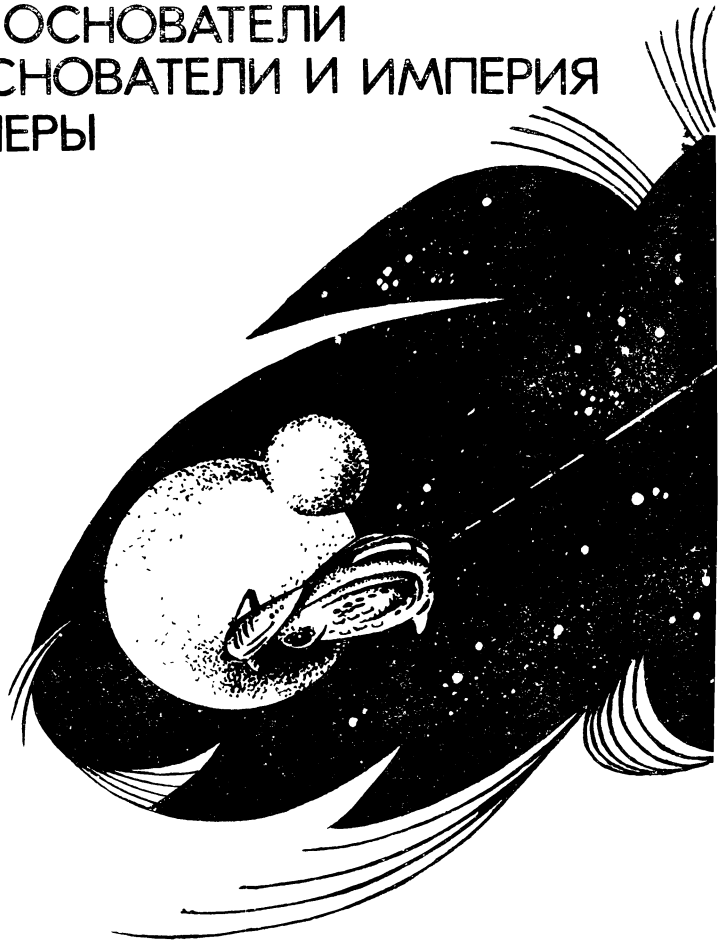
РОСТОВ-НА-ДОНУ
"ГЕРМЕС„
1992

Библиотека фантастики

том 3

РОМАНЫ

ОСНОВАТЕЛИ
ОСНОВАТЕЛИ И ИМПЕРИЯ
ДУБЛЕРЫ

Айзек Азимов

ОСНОВАТЕЛИ

3

ББК 84.7США-4
А 26

Серия основана в 1991 г.

Составитель *А. Г. Бобита*

Художник-оформитель *А. Е. Ткач*
Художники-оформители *В. Г. Еременко, И. И. Еременко*

Издание подготовлено при участии издательского центра
КПКФ «Реванш»

Издатели выражают особую благодарность за помощь, оказанную в подготовке книги:

А. В. Гайденко,
А. М. Цыганенко

Айзек Азимов
Основатели. Основатели и империя. Дублеры: Романы. — Т.3. — Ростов н/Д.: Гермес, 1992. — 544 с., ил. — (Библиотека фантастики).

В память об ушедшем из жизни писателе, ученом, редакторе — Айзеке Азимове — в настоящую книгу включены романы из сериала «Основатели», за который автор был удостоен в 1956 году премии «Хьюго» с формулировкой «...За лучшую серию всех времен».

Для широкого круга читателей.

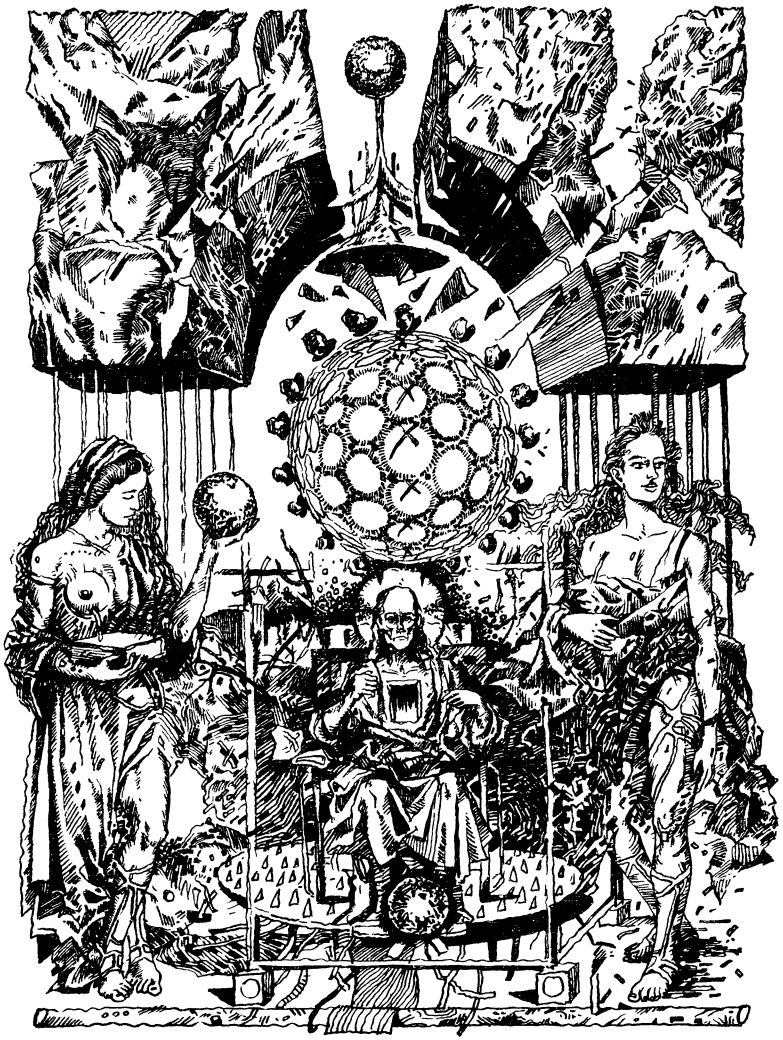
ББК 84. 7США-4

© Составление.
А. Г. Бобита, 1992
© Иллюстрации.
В. Г. Еременко, И. И. Еременко, 1992.
© Разработка серийного оформления.
В. Г. Еременко, А. Е. Ткач, А. Г. Бобита, 1992

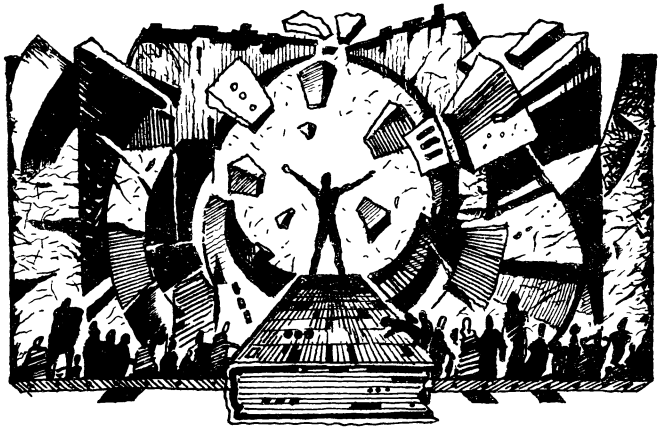
А $\frac{4703040100-002}{У36(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5—87—022—002—5

ОСНОВАТЕЛИ

© *Isaak Asimov. Foundation. London, Hamilton: Panther books, 1964*
© Перевод. О. С. Ладыженский, Д. Е. Громов, 1992

ЧАСТЬ I. ПСИХОИСТОРИКИ

1

ХАРИ СЕЛДОН (11988—12069 Галактической эры). *Обычно даты приводятся в действующем летосчислении Эры Основателей: 79-1. Родился в семье среднего достатка на планете Геликон в секторе Арктура (согласно легендам — правда, весьма сомнительным — его отец занимался выращиванием табака на гидропонных фермах). Еще в детстве у Хари обнаружились выдающиеся математические способности. Существует огромное множество рассказов о необычайной одаренности Селдона, однако большая их часть весьма противоречива. Рассказывают, что в возрасте двух лет он...*

...Несомненно, наибольший вклад Селдон внес в развитие психоистории. Он рассматривал эту область науки, как нечто большее, чем набор весьма туманных аксиом — благодаря его исследованиям психоистория приобрела характер точной статистической науки...

...Наиболее точное описание подробностей жизни Селдона содержится в биографии, составленной Гиалем Дорником, которого в юности судьба свела с Хари Селдоном за два года до смерти этого великого ученого. История их знакомства... *

Галактическая Энциклопедия.

---

* Все цитаты из Галактической Энциклопедии приводятся по изданию 116-му 1020 г. Эры Основателей (ЭО), выпущенному издательством: Энциклопедиа Галактика Паблишинг Кампани, Термин. С разрешения издательства.

Звали его Гааль Дорник, был он родом из провинции и никогда ранее не видел Трантор собственными глазами. Конечно, по гипервидео, в помпезных трехмерных передачах новостей, посвященных коронации императора или открытию Галактического Совета, он неоднократно видел столицу на экране. Хотя Гааль и проживал на планете Синнакс, обращавшейся вокруг одной из звезд на самом краю Голубого Дрейфа, он отнюдь не был оторван от цивилизации. В те времена все обитаемые планеты Галактики были связаны единой информационной сетью: двадцать пять миллионов планет — и каждая из них являлась составной частью Империи, со столицей на Транторе. Именно так обстояли дела во вторую половину того памятного века.

...Это путешествие, несомненно, было пока что наиболее ярким событием в совсем недолгой жизни молодого ученого Гааля Дорника. Впрочем, в космосе он бывал и раньше, так что сам полет оставил его равнодушным. Честно говоря, до этого он летал только на единственный спутник Синнакса — собирал материалы о закономерностях дрейфа метеоритов для своей диссертации, — однако перелет на полмиллиона миль мало чем отличается от путешествия длиной в полмиллиона световых лет.

Правда, Гааль немного напрягся перед скачком через гиперпространство, который не применялся при коротких межпланетных перелетах. Скачок был и, наверное, навсегда останется единственным практически возможным способом межзвездных путешествий. Как известно, в обычном пространстве скорость движения любого объекта не может превышать скорости света (это одна из основополагающих истин, открытых еще в далеком прошлом, на самой заре человеческой истории) — и это означает долгие годы, необходимые, чтобы долететь даже до ближайшей обитаемой звездной системы. Но скачок через гиперпространство, этот непостижимый для человека континуум, не являющийся ни пространством, ни временем, ни материей, ни энергией — этот скачок давал возможность пересечь Галактику за исчезающе малый отрезок времени между двумя соседними мгновениями.

Первого в своей жизни скачка через гиперпространство Гааль ожидал с некоторым страхом, который свернулся калачиком где-то в низу живота; но все произошло практически мгновенно — легкая вибрация, небольшой внутренний толчок — Гааль даже не сразу понял, что ощутил его, — и все.

После этого остался огромный сверкающий звездолет — совершенный продукт двенадцати тысячелетий развития Империи — и он сам, недавно получивший докторскую степень и приглашенный знаменитым Хари Селдоном на Трантор для участия в каком-то загадочном эпохальном проекте.

Дорник разочаровался в гиперскачке и стал ждать появления Трантора, постоянно околачиваясь в обзорном отсеке. В назначенное

время, когда стальные шторы на иллюминаторах раскрылись, он был уже на месте и смотрел на величественное сияние звезд, упиваясь захватывающим зрелищем мерцающего шарового скопления, напоминавшего гигантский рой светящихся мошек, застывший в космосе. Одно время Гааль мог видеть морозную бледно-голубую дымку газовой туманности на расстоянии пяти световых лет от корабля, молоком разлившуюся за иллюминаторами и наполнявшую обзорный отсек ледяным сиянием. Через два часа, после очередного скачка, это зрелище исчезло.

Впервые Гааль Дорник увидел солнце Трантора в виде размытого бледного пятнышка, затерянного среди мириад ему подобных, и выяснил, что это именно оно, только благодаря корабельному гиду. Здесь, поблизости от ядра Галактики, вокруг было неисчислимое множество звезд. Но после каждого скачка указанное пятнышко становилось все ярче, затмевая своим сиянием другие звезды, которые блекли на его фоне.

— Обзорный отсек задраивается до конца полета. Всем приготовиться к посадке, — возвестил внезапно появившийся в дверях офицер.

Гааль поспешил за ним и уцепился за рукав белой униформы с эмблемой Империи — Звездолетом и Солнцем.

— Не позволите ли вы мне остаться? Мне бы очень хотелось увидеть Трантор!

Офицер улыбнулся, и Гааль слегка покраснел. До него дошло, что он говорит с провинциальным акцентом.

— Утром мы совершим посадку на Транторе.

— Но я бы хотел полюбоваться им из космоса.

— К сожалению, молодой человек, это невозможно. Это не космическая яхта. Мы заходим на посадку со стороны звезды. Вы ведь не хотите одновременно ослепнуть, обгореть и получить дозу радиации?

Гааль отпустил рукав мундира и направился прочь по коридору. Офицер крикнул ему вслед:

— Эй, парень, Трантор все равно показался бы тебе только серым пятном. Но по приезде я рекомендую вам купить билет на космическую экскурсию — это совсем недорого.

Гааль обернулся.

— Благодарю вас.

Он испытывал глупое мальчишеское разочарование — но подобным слабостям подвержены не только мальчишки, но и вполне взрослые мужчины. В горле у Гааля Дорника стоял комок. Он еще никогда не видел Трантор своими глазами — Трантор, великий и огромный — как... как жизнь! А теперь ожидание затягивалось...

2

Корабль опустился под какофонию звуков — сквозь обшивку пробивалось шипение атмосферы, протыкаемой кораблем и трущейся о его металлический корпус, монотонно гудели кондиционеры, компенсирующие нагрев от трения, ревели тормозные двигатели.

Затем послышались голоса людей, готовившихся к высадке, скрип подъемников, выгружающих багаж, почту и грузы в длинный центральный коридор корабля, откуда потом все это подадут на специальные грузовые платформы.

Гааль почувствовал легкую дрожь, которая свидетельствовала о том, что звездолет прекратил движение. В течение последних нескольких часов корабельная гравитация постепенно увеличивалась и сейчас сравнялась с силой тяжести на планете. Тысячи пассажиров терпеливо ждали в шлюзовых отсеках, слегка покачивавшихся на силовых подушках, которые обеспечивали их ориентацию по линиям все время менявшегося гравитационного поля. Теперь они, наконец, были зафиксированы на изогнутых наклонных пандусах, и в конце их открылись огромные зияющие люки.

Гааль путешествовал налегке. Пока таможенники быстро и умело распаковывали и снова запаковывали его багаж, проверяли визу и ставили печати, он стоял у стойки, не обращая ни малейшего внимания на все эти процедуры.

Это был Трантор! Воздух здесь казался чуть более густым, а сила тяжести — чуть выше, чем на его родной планете, но к этому можно было привыкнуть. Но можно ли было привыкнуть к этой необъятности?! Здание космопорта было огромно. Крыша его почти не просматривалась в вышине — легко можно было представить себе, что где-то под ней клубятся облака. Противоположной стены не было видно — только люди и стойки, люди и стойки, постепенно исчезающие вдалеке...

Человек у стойки в очередной раз с раздражением произнес:

— Проходите же,.. Дорник, — ему пришлось заглянуть в визу, чтобы вспомнить имя.

— К-куда? — переспросил Гааль.

— К такси: направо и третий поворот налево.

Дорник отошел, оглядываясь на повисшие в воздухе дымные завитушки, которые образовывали надпись: «ТАКСИ ВО ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ». Когда он отвернулся, от безликой толпы отделился человек и подошел к стойке. Чиновник взглянул на него и коротко кивнул. Человек кивнул в ответ и двинулся вслед за приезжим. Он знал, куда направляется Гааль.

Толпа прижала Дорника к перилам, но он все же успел разглядеть небольшую надпись: «РАСПОРЯДИТЕЛЬ». Человек, на которого она указывала, даже не взглянул на Гааля.

— Вам куда?

Поскольку молодой человек и сам толком не знал ответа на этот вопрос, он замешкался, и очередь за ним стала быстро расти. Распорядитель, наконец, взглянул на него:

— Куда вы направляетесь?

Денег у Гааля было маловато, но сейчас речь шла только об одной ночи — а потом у него будет работа; поэтому он постарался произнести как можно небрежнее:

— В хороший отель, пожалуйста.

Однако на распорядителя это заявление не произвело никакого впечатления.

— Они все хорошие. В какой именно?

— Тогда в ближайший, — отчаянно произнес Гааль.

Распорядитель нажал кнопку, и на полу тут же появилась тонкая светящаяся полоска, извивающаяся среди других подобных ей разноцветных линий. В руку Гаалю сунули слегка светившийся билет.

— Один — двенадцать, — изрек распорядитель.

Дорник стал рыться в карманах в поисках мелочи.

— Куда мне идти?

— Идите по светящейся линии. Пока вы движетесь в правильном направлении, ваш билет будет светиться.

Гааль двинулся вперед, стараясь не потерять свою линию. Сотни людей двигались по огромному пространству космпорта, следуя за своими светящимися полосами, останавливаясь в нерешительности в точках пересечения, и снова устремлялись к своим персональным пунктам назначения, скрываясь вдали.

Линия Гааля закончилась. Служащий, одетый в яркую желто-голубую форму из блестящей пластоткани, отталкивающей грязь, подхватил оба его чемодана.

— Прямая линия к «Люксору», — сообщил он.

Следивший за Дорником человек слышал эти слова и подождал, пока тот сядет в тупоносую машину.

Такси сразу же взмыло вверх. Молодой человек глядел вниз сквозь изогнутое стекло широко раскрытыми глазами. Непривычное ощущение полета в замкнутом пространстве заставило его инстинктивно вцепиться в спинку водительского кресла. Необъятность пространства мгновенно исчезла, сжалась, люди внизу превратились в муравьев, беспорядочно ползающих по полу, который продолжал быстро сжиматься и уноситься назад.

Впереди показалась стена, испещренная отверстиями входов в тоннели. Она начиналась далеко в вышине и тянулась во все стороны, исчезая из поля зрения. Такси, в котором сидел Гааль, подлетело к одному из отверстий и нырнуло в него. На мгновение Дорник задумался: как удалось водителю из множества тоннелей выбрать именно этот?

Вокруг была непроглядная тьма, которую лишь изредка прорезали проносившиеся мимо сигнальные огни. Воздух был наполнен звуками машин, мчавшихся вокруг с огромной скоростью.

Гааля мягко толкнуло вперед, когда такси затормозило, вылетая из тоннеля, и опустилось на землю.

— Отель «Люксор», — объявил водитель, хотя это и так было ясно. Он помог Гаалю вытащить багаж, с невозмутимым видом сунул в карман десять кредиток «на чай», забрал ожидавшего на стоянке пассажира и улетел. За все время, прошедшее с момента посадки корабля, Дорник не увидел ни клочка чистого неба.

3

ТРАНТОР *— ...В начале тринадцатого тысячелетия эта тенденция достигла своего апогея. Планета Трантор, на которой еще сотни поколений назад обосновалось правительство Империи, расположенная в центральном районе Галактики, окруженная большим количеством высокоразвитых густонаселенных миров, не могла не стать самым мощным центром цивилизации за всю историю существования человечества.*

Растущая урбанизация планеты, в конце концов, достигла предела. Вся поверхность Трантора площадью в 75 000 000 квадратных миль представляла собой единый город. Население планеты в период ее наибольшего расцвета превысило сорок миллиардов человек. И вся эта огромная масса людей отдавала свои силы административным нуждам Империи — и, казалось, этих людей не хватало для выполнения задач, стоявших перед ними — столь сложны были эти задачи. (Здесь, однако, необходимо учитывать, что последние правители, безразличные к судьбе Галактической Империи, не могли обеспечить адекватного управления ею, что и явилось решающим фактором, приведшим к падению Империи.) Ежедневно десятки тысяч кораблей доставляли с двадцати сельскохозяйственных планет продукты питания к обеденному столу жителей Трантора...

Эта зависимость столицы от регулярности поставок пищевых и других жизненно важных продуктов из других миров делала Трантор все более уязвимым для попыток захвата путем блокады. Многократно повторявшиеся в течение последнего тысячелетия восстания заставили императоров осознать эту опасность, и в результате имперская политика свелась в основном к защите жизненно важных артерий Трантора...

Галактическая Энциклопедия

Гааль не знал, светит ли сейчас Солнце; он не знал даже, день сейчас или ночь, и ему было неловко спрашивать об этом. Казалось, вся планета обитала под огромным металлическим колпаком. Ему только что принесли «второй завтрак», но это ничего не значило —

обитатели многих планет жили по стандартному времени, не принимая во внимание вносившие неразбериху смены дня и ночи. Скорости вращения разных планет вокруг оси были различны, а скорости вращения Трантора Гааль не знал.

Поначалу, обнаружив указатель с надписью «Солярий», он двинулся в этом направлении, но это оказалось всего лишь помещение, где можно было загорать при искусственном солнечном свете. Простояв там в растерянности пару минут, Дорник вернулся в главный вестибюль «Люксора» и осведомился у портье:

— Где бы я мог купить билет на экскурсию по планете?

— Прямо здесь.

— Когда она начинается?

— К сожалению, сегодняшнюю вы уже пропустили. Следующая — завтра. Вы можете приобрести билет сейчас, и вам будет забронировано место.

Но завтрашний день не устраивал Гааля — завтра он должен быть в Университете.

— А у вас нет обзорной башни или чего-нибудь в этом роде — под открытым небом?

— Конечно, есть. Если хотите — можете купить билет Подождите минутку — я только проверю, не идет ли дождь. — Он нажал кнопку у своего локтя и прочел текст, возникший на матовом экране. Дорник читал вместе с ним.

— Погода ясная. Вообще-то сейчас довольно сухое время года, — сообщил портье и доверительно добавил. — Сам я не очень люблю выбираться наружу. Последний раз я там был года три назад. Вполне достаточно взглянуть на это один раз — потом уже ничего нового там не увидишь. Вот ваш билет. Специальный лифт позади вас — там есть надпись: «На башню».

Лифт был новой конструкции и приводился в действие антигравитационным устройством. Гааль вошел внутрь, и за ним последовали остальные пассажиры. Оператор нажал кнопку. На мгновение Дорник завис в воздухе, но потом снова стал обретать вес, по мере того, как лифт набирал скорость. Затем началось торможение, и его ноги вновь оторвались от пола. Он невольно ойкнул. Оператор крикнул ему:

— Суньте ноги под перекладину! Вы что, читать не умеете?

Остальные пассажиры уже давно это проделали. Улыбаясь, они наблюдали, как Гааль тщетно пытается сползти вниз по стене. Их ноги были прижаты хромированными перекладинами, расположенными у пола параллельно друг другу на расстоянии около двух футов. Он заметил эти приспособления, еще входя в лифт, но не понял, для чего они предназначены.

Но тут чья-то рука стащила его вниз. Гааль промычал благодарность, и тут лифт остановился. Они вышли на открытую площадку,

залитую ослепительным солнечным светом. Человек, который помог Гаалю, оказался позади него.

— Здесь мест хватает, — любезно сообщил он.

Гааль захлопнул рот, который было раскрыл от изумления.

— Да, вы правы, — он автоматически направился к креслам, но тут же остановился.

— Если вы не возражаете, я лучше подойду к перилам. Хочется посмотреть на все это.

Человек добродушно махнул рукой, и Дорник подошел к перилам и остановился, упиваясь раскинувшейся перед ним панорамой.

Земли нигде не было видно — она была скрыта сложнейшими рукотворными конструкциями. Горизонта тоже не наблюдалось — на фоне неба всюду возвышались металлические постройки, сливавшиеся вдали в однообразную серую массу. Гааль догадался, что ту же картину можно было увидеть в любой точке планеты. Планета-город застыла, и лишь несколько прогулочных яхт лениво плыли по небу, но молодой человек знал, что миллиарды людей находились в постоянном движении под металлической скорлупой этого мира.

Зелени тоже не было. Не видно было ни растительности, ни почвы, ни каких-либо живых существ, кроме людей. Гааль знал, что где-то на планете находится дворец Императора и сад, разбитый более чем на сотне квадратных миль первозданной земли, утопающий в зелени деревьев и буйстве красок цветов на многочисленных клумбах, — маленький островок живой природы в безбрежном океане стали — но с того места, где он стоял, этого оазиса не было видно. Он мог находиться за тысячи миль отсюда — но где именно — Гааль не знал.

Но он надеялся, что через некоторое время сможет увидеть его во время экскурсии.

Гааль Дорник глубоко вздохнул, осознавая, наконец, что он находится на Транторе, в центре Галактики и человеческой цивилизации. Он не видел ее слабых сторон. Не видел то и дело прибывающих кораблей с продовольствием; не сознавал, что жизнь сорока миллиардов обитателей Трантора зависела от тоненькой, но жизненно важной ниточки, соединявшей столицу с остальной Галактикой. Он думал лишь о величайшем подвиге Человека, окончательно и даже с некоторым пренебрежением покорившего Вселенную.

Продолжая рассеянно глядеть куда-то вдаль, он отошел от барьера. Спутник по лифту жестом указал на кресло по соседству, и Гааль сел.

Мужчина улыбнулся:

— Меня зовут Джиррил. Вы впервые на Транторе?

— Да, мистер Джиррил.

— Я так и понял. Кстати, Джиррил — это не фамилия, а имя. Да, Трантор поражает воображение людей с поэтическим складом

ума; хотя сами транторцы редко поднимаются сюда — это зрелища действует им на нервы.

— Действует на нервы?! Кстати, мое имя — Гааль. Но это же великолепное зрелище!

— Это все из-за субъективности восприятия. Если человек родился, вырос и работает в тесных комнатах и узких коридорах, то выход сюда, на открытое пространство, когда над головой — одно бездонное небо, — может привести к серьезному нервному потрясению. Правда, с пяти лет сюда начинают поднимать детей — по разу в год. Хотя я сомневаюсь, что в этом есть смысл — первые несколько раз ребятишки просто впадают в истерику. Следовало бы поднимать их сюда с грудного возраста, и не реже раза в неделю.

— Действительно, в этом, наверное, нет особого смысла. Даже если они никогда не выйдут наверх — они будут счастливы там, внизу, — ведь это они управляют Империей. Кстати, вы не знаете, на какой высоте мы находимся? Наверное, где-то около полумили? — Гааль спохватился, не звучит ли его вопрос слишком наивно.

Джиррил мягко усмехнулся:

— Нет, всего пятьсот футов.

— Как?! Мы ведь поднимались на лифте около...

— Совершенно верно. Только больше половины времени занял подъем к поверхности земли. Город на Транторе уходит более чем на милю в глубину. Это как айсберг — девять десятых всех конструкций скрыты под землей. Часть из них уходят даже на несколько миль под дно бывшего океана. Здесь зарылись так глубоко, что используют перепад температур между поверхностью планеты и глубинными слоями для выработки электроэнергии. Вы не знали об этом?

— Нет. Я думал, вы используете атомные генераторы.

— Раньше так и было, но этот способ оказался дешевле.

— По-видимому.

— А вы что думаете обо всем этом? — на миг добродушное выражение исчезло с лица Джиррила.

Гааль замялся.

— Это потрясающее зрелище, — выговорил он.

— Вы здесь в отпуске? Путешествуете? Осматриваете достопримечательности?

— Не совсем. Я давно уже хотел посетить Трантор, а сейчас мне предложили здесь работу.

— Работу?

— Меня пригласили участвовать в проекте доктора Селдона из Транторийского Университета, — счел нужным пояснить Дорник.

— Ворона-Селдона?

— Не понял... Я имел в виду доктора Хари Селдона, психоисторика. А никакого ворона-Селдона я не знаю...

— Так я о нем и говорю. Его прозвали вороном — Селдон постоянно каркает и предсказывает всякие несчастья.

— Серьезно? — Гааль был искренне удивлен.

— Вам бы следовало это знать — ведь вы же собираетесь работать у него?

— Да, собираюсь. Я математик. А что за несчастья он предсказывает?

— А вы не знаете?

— Боюсь, что не имею ни малейшего представления. Я читал статьи Селдона и его коллег. По теоретической математике.

— Далеко не все его работы были опубликованы.

Гааль начал испытывать раздражение.

— Пожалуй, мне пора идти. Приятно было с вами познакомиться.

Джиррил равнодушно помахал рукой ему вслед.

В номере Гааля Дорника ожидал человек. От неожиданности Гааль не задал обычный в таких случаях вопрос: «Вы что здесь делаете?» Человек поднялся ему навстречу. Был он стар, почти лыс и при ходьбе прихрамывал, но Дорник увидел лишь его ясные голубые глаза.

«Меня зовут Хари Селдон», — произнес он за мгновение до того, как затуманенный мозг Гааля Дорника сопоставил обращенное к нему лицо с многочисленными фотографиями, которые он неоднократно видел ранее.

4

ПСИХОИСТОРИЯ *— ...Гааль Дорник с помощью нематематических понятий определил психоисторию, как раздел математики, рассматривающий реакции больших групп людей на долгодействующие социально-экономические стимулы...*

...На основании вышеупомянутых определений было сделано заключение, что рассматриваемые группы людей достаточно велики, чтобы стать объектами точного статистического анализа.

Необходимые размеры таких групп определяются по первой теореме Селдона, которая... Другим необходимым условием является отсутствие у указанных групп людей информации о том, что они являются объектами психоисторического анализа, чтобы их реакции являлись действительно произвольными...

В основе психоисторического анализа лежат разработанные Селдоном функции, которые проявляют свойства, соответствующие таким социальным и экономическим факторам, как...

Галактическая Энциклопедия

— Добрый день, сэр, — произнес Гааль, — я, я...

— Вы думали, что мы увидимся только завтра? Так оно и было бы в нормальной ситуации, но сейчас, чтобы воспользоваться ваши-

ми услугами, приходится действовать немедленно. Нам становится все труднее подбирать себе сотрудников.

— Извините, сэр, но я вас не понимаю.

— Вы ведь разговаривали с человеком на обзорной башне?

— Да. Его звали Джиррил. Больше я о нем ничего не знаю.

— Имя — не важно. Он агент Комиссии общественной безопасности, и он следил за вами от самого космопорта.

— Но почему? Я ничего не понимаю...

— Он говорил что-нибудь обо мне?

Гааль замялся.

— Он назвал вас вороном-Селдоном.

— А он сказал, почему?

— Сказал, что вы предсказываете несчастья.

— Правильно. Как вам нравится Трантор?

Дорник не нашел другого эпитета, кроме «великолепно».

— Вы произнесли это рефлекторно; ну, а что по этому поводу может сказать психоистория?

— Я не пробовал применить ее к этому вопросу...

— Пока я жив, вы, молодой человек, должны будете научиться применять психоисторию к любым проблемам — это должно стать само собой разумеющимся. Смотрите.

Селдон извлек из карманчика у пояса калькулятор. Говорили, что он кладет калькулятор даже под подушку, чтобы пользоваться им в минуты бессонницы. Серая блестящая поверхность приборчика была потерта от долгого пользования. Уже покрытые возрастными пятнами, но еще проворные пальцы Селдона забегали по пластиковой панельке. На табло стали появляться красные светящиеся значки.

— Вот положение Империи на сегодняшний момент, — заявил Селдон и сделал паузу, ожидая, что скажет Гааль.

— Но это, наверное, не полная картина? — проговорил, наконец, молодой человек.

— Совершенно верно. Я рад, что вы не верите людям на слово. Но это приближение является доказательством теоремы. Надеюсь, с этим вы согласны?

— Согласно результатам последней проверки производной функции, это так, — Дорник очень старался избежать возможной ловушки.

— Хорошо. Но добавим к этому вероятность убийства Императора, возможность восстания под предводительством вице-короля, периодические экономические кризисы, снижение активности по исследованию новых планет и кроме того...

Он все продолжал. Упоминая очередной фактор, он каждый раз касался панельки, и на табло появлялся новый символ, тут же включавшийся в основную функцию, в результате чего та постепенно расширялась и изменялась.

Гааль перебил старика только один раз:

— Такое преобразование этого множества мне кажется сомнительным.

Селдон повторил операцию медленнее.

— Но ведь вы произвели это с помощью запрещенной социальной операции!

— Хорошо, молодой человек, соображаете вы быстро — но все же недостаточно быстро. В такой комбинации она не запрещена. Давайте-ка разложим по рядам.

На этот раз процедура заняла куда больше времени; но, когда Селдон закончил ее, Дорник смущенно произнес:

— Да, теперь я понял. Вы были правы.

Наконец Селдон завершил все преобразования.

— Вот Трантор через пятьсот лет. Что вы можете сказать по этому поводу? — он склонил набок голову, ожидая.

Гааль не верил своим глазам.

— Полный крах! Но этого не может быть!.. Трантор всегда был...

Возбужденное напряжение, свойственное обычно лишь молодым, переполняло Хари Селдона — казалось, у него состарилось только тело.

— Но вы сами видели, как мы получили этот результат! Выразите его словами, забудьте на минуту о символах.

Дорник медленно заговорил:

— С постепенным углублением специализации Трантор оказывается все более уязвимым, неспособным защитить себя. Одновременно, как административный центр Империи, он становится все более ценной добычей. Линия наследования престола становится все более спорной, а вражда между знатными семействами — открытой. Социальная ответственность исчезает начисто.

— Достаточно. Какова численная вероятность полного уничтожения столицы в течение пяти веков?

— Я затрудняюсь сказать.

— Но вы, конечно, могли бы провести дифференцирование поля?

Дорник почувствовал оказываемое на него давление. Селдон не предложил ему свой калькулятор, хотя панель его была всего лишь на расстоянии фута от глаз молодого человека. Гааль стал лихорадочно считать в уме, чувствуя, как на лбу его проступает пот. Наконец, он выдал ответ:

— Примерно восемьдесят пять процентов.

— Неплохо, — протянул Селдон, выпятив нижнюю губу, — но и не блестяще. Точный ответ — девяносто два с половиной процента.

— За это вас и прозвали вороном-Селдоном? Подобных расчетов в журналах я не встречал, — сказал Гааль.

— Естественно. Это — не для печати. Не может же Империя позволить открыто заявлять о ее нестабильности! Но для психоисто-

рии это довольно простое упражнение. Однако недавно в аристократические круги просочилась информация о некоторых наших исследованиях.

— Это плохо?

— Не обязательно. Мы стараемся учитывать все факторы.

— Так вот почему за мной следили!

— Да. Все, имеющее отношение к моему проекту, находится под их наблюдением.

— Вам грозит опасность, сэр?

— О, да. Существует вероятность — одна целая семь десятых процента — что меня приготовят к смертной казни. Разумеется, проект это не остановит — такую возможность мы тоже учли. Ну хорошо, думаю, завтра мы увидимся в Университете.

— Конечно!

5

КОМИССИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ *— ...После убийства Клеона I, последнего императора из династии Антунов, власть перешла в руки группы аристократов. Обычно в течение многих веков аристократические группы вносили элемент порядка в положение Империи, периодически характеризовавшееся нестабильностью и неопределенностью. Группы эти находились под контролем влиятельных семейных кланов Ченов и Дивартов и служили в основном слепым орудием для поддержания существующего строя. ...Они еще сохраняли некоторую власть в государстве, пока на престол не взошел последний сильный император Клеон II. Первый Верховный комиссар...*

...С определенной долей достоверности можно считать, что ослабление влияния Комиссии началось после процесса Хари Селдона, который состоялся за два года до начала Эры Основателей.

Процесс этот был описан Гаалем Дорником в его биографии Хари Селдона...

Галактическая Энциклопедия

Гааль не смог сдержать своего обещания. Наутро его разбудил негромкий звонок. Он взял трубку и услышал голос портье — также негромкий, вежливый, но вместе с тем укоризненный, — что, впрочем, было вполне естественно при данных обстоятельствах, — ибо голос этот сообщил, что по распоряжению Комиссии общественной безопасности Гааль находится под домашним арестом. Он тут же кинулся к двери и убедился, что она не открывается. Оставалось только одеться и ждать.

Вскоре за ним пришли и куда-то повели — он по-прежнему был под арестом. Потом ему стали задавать вопросы — все очень вежливо, в рамках приличий. Гааль Дорник честно рассказал, что он

прилетел из провинции, с планеты Синнакс, учился, получил докторскую степень по математике, подал заявление о принятии на работу в группу доктора Селдона — и был принят. Он вновь и вновь повторял свой рассказ со всеми подробностями — и каждый раз они снова возвращались к вопросу об его участии в проекте Селдона. Как он узнал о нем, какие должен был выполнять обязанности, какие ему были даны секретные инструкции, в чем состоит суть проекта?

Всякий раз Дорник отвечал, что ничего не знает, что никаких секретных инструкций он не получал — что он только ученый, математик, и политикой не интересуется...

Наконец, ласковый инквизитор осведомился:

— И когда же будет уничтожен Трантор?

— Об этом я ничего не знаю, — с запинкой проговорил Гааль.

— А кто знает?

— За других я отвечать не могу, — его вдруг бросило в жар.

— Вам кто-либо говорил об уничтожении Трантора? Называл конкретные сроки?

Молодой человек заколебался, а инквизитор тем временем продолжал:

— За вами следили, доктор. Наши люди находились в космопорте, когда вы прилетели, и на обзорной башне, где вы ждали встречи. И, разумеется, мы слышали вашу беседу с доктором Селдоном.

— Тогда вы и сами знаете, что он думает по этому поводу, — заметил Гааль.

— Но нам бы хотелось услышать и ваше мнение.

— Доктор Селдон считает, что Трантор будет разрушен в течение ближайших пяти веков.

— И у него есть... математические доказательства?

— Да, безусловно, — вызывающе ответил Дорник.

— И вы считаете, что его... расчеты — верны?

— Раз доктор Селдон ручается за них, то вероятность ошибки практически исключена.

— Позже мы еще вернемся к этому вопросу.

— Подождите! Я требую присутствия адвоката! — спохватился вдруг Гааль. — Как гражданин Империи, я имею на это право!

— Ваши права будут соблюдены.

Это оказалось правдой.

Вскоре вошел высокий человек с лицом, состоявшим, казалось, из одних вертикальных линий, и таким хмурым, что улыбка, скорее всего, просто не смогла бы на нем уместиться.

Гааль устало поднял голову навстречу вошедшему. Он пробыл на Транторе не более тридцати часов, а за это время уже произошло столько событий!

— Меня зовут Лорс Эваким. Я буду защищать вас по поручению доктора Селдона, — заявил высокий человек.

— Да? Тогда слушайте: я требую немедленной апелляции к Императору! Меня арестовали незаконно. Я ни в чем не виноват. Ни в чем! — он резко развел руками. — Я хочу срочно добиться слушания дела у Императора.

Пока он говорил, Эваким методично раскладывал на полу содержимое принесенной с собой тонкой папки. Если б Дорник находился в более спокойном настроении, он бы обратил внимание на юридические бланки из целлометa — тонкие пленки, предназначенные для зарядки в персональную капсулу. Потом на свет появился миниатюрный магнитофон.

— Уверен, что Комиссия держит нас под контролем прослушивающих лучей. Это незаконно, но их это не остановит.

Гааль тут же замолчал и скрипнул зубами.

— Но магнитофон, который я принес, — невозмутимо продолжал Эваким, усаживаясь в кресло, — внешне самый обыкновенный — снабжен одним дополнительным устройством, которое полностью нейтрализует эти лучи. Но об этом они догадаются не сразу.

— Значит, мы можем спокойно разговаривать?

— Разумеется.

— Я настаиваю на слушании у Императора.

Эваким холодно улыбнулся. Как выяснилось, на его вытянутом лице все же нашлось место для улыбки — при этом щеки его собрались гармошкой.

— Вы ведь из провинции? — осведомился он.

— Да, но я такой же гражданин Империи, как вы или члены той же самой Комиссии общественной безопасности.

— Естественно. Просто вы, как провинциал, не осведомлены о жизни Трантора. У Императора не бывает слушаний.

— К кому же тогда можно подать апелляцию на действия Комиссии? Такая процедура предусмотрена?

— Нет. Формально вы можете апеллировать к Императору, но слушания все равно не будет. Поймите, теперешний Император — это отнюдь не правитель времени династии Антунов. Фактически власть на Транторе находится в руках аристократических кланов, а Комиссия общественной безопасности как раз из них и состоит. Это развитие событий было достаточно точно предсказано психоисторией.

— Действительно? — удивился Дорник. — Но если доктор Селдон может предсказать развитие событий на Транторе на пять столетий вперед...

— Может и на пятнадцать.

— Не сомневаюсь. Но почему же тогда он не смог предугадать события сегодняшнего утра и не предупредил меня вчера? — Гааль Дорник сел и оперся щекой о вспотевшую ладонь. — Конечно, я знаю, что психоистория — наука статистическая, и с ее помощью

трудно предсказать будущее отдельного человека — но, тем не менее, все эти события меня весьма расстроили.

— Вы ошибаетесь. Доктор Селдон предполагал, что именно сегодня утром вас могут арестовать.

— Что?!

— Мне очень жаль, но это так. Отношение Комиссии к его работе становилось все более подозрительным. Они чинили все большие препятствия к привлечению к проекту новых сотрудников. И графики показали, что для достижения конечной цели события следует довести до кульминации именно теперь. Доктор Селдон специально посетил вас вчера, чтобы ускорить развитие событий — так как Комиссия действовала слишком нерешительно.

Гааль чуть не задохнулся от возмущения:

— Я протестую!..

— Поймите, это было необходимо. Вас выбрали отнюдь не по каким-то личным соображениям. Вам следует знать, что проект доктора Селдона разрабатывался на основе новейших достижений математики в течение восемнадцати лет, и он учитывает практически все возможные факторы с большой степенью вероятности. Сегодняшние события — только один из этих факторов. Меня прислали, чтобы успокоить вас и заверить, что опасаться нечего. Для вас все закончится благополучно; о самом проекте с большой вероятностью можно сказать то же самое. Что касается вас лично, то расчеты дают благоприятный исход с большой степенью достоверности.

— Какова численная вероятность этого? — осведомился Гааль.

— Относительно проекта — девяносто девять и девять десятых процента.

— А относительно меня?

— Как мне сказали — семьдесят семь и две десятых процента.

— Значит, у меня куда больше одного шанса сесть в тюрьму или быть приговоренным к смертной казни!

— Вероятность последнего не больше одного процента.

— Да? Я понял, что расчеты судьбы отдельного человека ничего не говорят. Я хочу видеть доктора Селдона.

— К сожалению, это невозможно. Доктор Селдон тоже арестован.

Дверь распахнулась. Дорник испуганно вскочил со стула. Вошедший охранник подобрал магнитофон, внимательно осмотрел его и сунул в карман.

— Он нужен мне для работы,— негромко произнес Эваким.

— Мы предоставим вам другой магнитофон, господин советник, который не излучает статическое поле.

— Тогда наша беседа закончена.

Гааль проводил его долгим взглядом.

6

Процесс длился сравнительно недолго и мало напоминал те изощренные судебные процедуры, о которых Гааль читал. Наступил третий день суда, хотя Дорник уже с трудом мог вспомнить его начало.

На его долю достались лишь комариные укусы — вся тяжелая артиллерия была нацелена на доктора Селдона. И, тем не менее, Хари Селдон оставался невозмутимым. Гаалю казалось, что этот человек был единственным воплощением спокойствия и стабильности среди всех окружающих.

Присутствовали немногие, и те — исключительно бароны Империи. Ни пресса, ни общественные представители допущены не были. Впрочем, вряд ли кто-либо, кроме присутствующих, знал, что проходит суд над Хари Селдоном. Сама атмосфера зала была наполнена враждебностью по отношению к обвиняемым.

За длинным столом, установленным на возвышении, расположились пятеро членов Комиссии общественной безопасности. Они были облачены в пурпурные с золотой каймой одеяния и облегающие голову шапочки из пластика — символ судебной власти. Посередине восседал Верховный комиссар Линь Чен. Дорник наблюдал за ним с почтительным трепетом — ему еще никогда не приходилось видеть вельможу столь высокого ранга. В течение процесса Чен редко произносил что-нибудь, давая понять, что многословие ниже его достоинства.

Адвокат Комиссии перелистал свои записи, и слушание дела продолжилось. Селдон снова занял место за кафедрой.

Вопрос: — Итак, доктор Селдон, сколько человек занято сейчас в возглавляемом вами проекте?

Ответ: — Пятьдесят математиков.

Вопрос: — Входит ли в их число доктор Гааль Дорник?

Ответ: — Он — пятьдесят первый.

Вопрос: — Значит, всего пятьдесят один? А, может быть, пятьдесят два или пятьдесят три? Или еще больше? Вспомните как следует, доктор Селдон.

Ответ: — Формально доктор Дорник еще не является моим сотрудником. Когда я приму его на работу, у меня будет пятьдесят один человек. Сейчас нас пятьдесят, как я уже говорил.

Вопрос: — По нашим данным, на вас работает сто тысяч человек.

Ответ: — Сто тысяч математиков? Вы ошибаетесь.

Вопрос: — Я не говорил — математиков. Если взять всех людей, работающих на ваш проект в разных областях, наберется их сто тысяч?

Ответ: — Если так ставить вопрос, ваша цифра, возможно, и верна.

Вопрос: — Возможно? Я утверждаю, что так оно и есть! Всего в вашем проекте задействовано девяносто восемь тысяч пятьсот семьдесят два человека.

Ответ: — Видимо, в эту цифру входят также женщины и дети.

Вопрос (повысив голос): — Суть состоит в том, что всего их девяносто восемь тысяч пятьсот семьдесят два человека. Это факт, и нечего от него увиливать!

Ответ: — Хорошо, я согласен с этой цифрой.

Вопрос (заглянув в записи): — Теперь отставим это на время в сторону и вернемся к другому вопросу, который мы уже довольно долго обсуждали. Доктор Селдон, повторите ваши прогнозы относительно будущего Трантора.

Ответ: — Я говорил уже и снова повторяю: через пять веков Трантор будет разрушен.

Вопрос: — Как вы считаете, лояльно ли ваше заявление по отношению к Императору?

Ответ: — Нет, сэр. Научная истина не бывает лояльной или нелояльной.

Вопрос: — Вы уверены, что ваше заявление является научной истиной?

Ответ: — Да.

Вопрос: — На каком основании?

Ответ: — На основании математических расчетов по методике психоистории.

Вопрос: — Можете ли вы доказать, что ваши расчеты верны?

Ответ: — Да, но эти доказательства будут понятны только математику.

Вопрос (с улыбкой): — Значит, вы утверждаете, что ваша истина столь сложна, что простой человек не в состоянии ее понять? Не кажется ли вам, что истина должна быть более понятной, доступной для людей, а не такой таинственной?

Ответ: — Для некоторых людей эта истина является вполне ясной. Физика передачи энергии, известная под названием «термодинамики», была выяснена и оставалась верной на протяжении практически всей истории Человечества, с самых давних времен, но и сейчас существует множество людей (в том числе и здесь присутствующих), которые не смогли бы построить даже простейшую силовую установку. Причем это люди с высокоразвитым интеллектом. Я сомневаюсь, что высокообразованный господин комиссар...

В этот момент один из членов Комиссии наклонился к адвокату. Нельзя было разобрать, что он сказал, но голос его звучал довольно сурово. Покраснев, адвокат прервал Селдона.

Вопрос: — Доктор Селдон, мы собрались здесь не для того, чтобы выслушивать ваши речи. Считайте, что вы доказали свою точку зрения. Однако я считаю необходимым отметить, что ваш прогноз

может быть направлен на подрыв доверия народа к правительству Империи и служить вашим личным интересам.

Ответ: — Это не так.

Вопрос: — Однако вы утверждаете, что период, который должен предшествовать так называемому падению Трантора, будет изобиловать различными смутами и беспорядками?

Ответ: — Совершенно верно.

Вопрос: — Но сам факт такого предсказания может привести к указанным вами беспорядкам, а вы в это время окажетесь предводителем стотысячной армии!

Ответ: — Во-первых, это неверно. Но даже если бы дело обстояло именно так, вы сами легко можете выяснить, что из этих ста тысяч наберется не более десяти тысяч мужчин, годных по возрасту к военной службе, и ни один из них не проходил военной подготовки.

Вопрос: — Состоите ли вы на службе у какого бы то ни было лица?

Ответ: — Нет.

Вопрос: — Вас не интересуют материальные блага? Вы утверждаете, что служите исключительно науке?

Ответ: — Вы совершенно правы.

Вопрос: — Хорошо. Посмотрим, как у вас это получается. Скажите, доктор Селдон, возможно ли изменить будущее?

Ответ: — В некоторых пределах. К примеру, в ближайшие несколько часов зал суда может быть взорван, но этого может и не произойти. Если он будет взорван, будущее немного изменится.

Вопрос: — Не уходите от ответа, доктор Селдон. Возможно ли полное изменение хода человеческой истории?

Ответ: — Да.

Вопрос: — Насколько сложно это сделать?

Ответ: — Очень сложно. Для этого необходимы огромные усилия.

Вопрос: — Почему?

Ответ: — Население Трантора огромно, и поэтому психоисторические тенденции этой планеты обладают огромной инерцией. Для их изменения необходимо противостояние обьекта, обладающего не меньшей инерцией. Либо необходимо вовлечь в этот процесс огромное количество людей, либо — если будет действовать относительно небольшая группа людей — для перемен потребуется очень большой промежуток времени. Вы меня понимаете?

Вопрос: — Кажется, да. Падения Трантора удастся избежать, если огромное количество людей будет действовать, чтобы предотвратить катастрофу.

Ответ: — Совершенно верно.

Вопрос: — Достаточно ли ста тысяч человек, чтобы справиться с этой задачей?

Ответ: — Нет, сэр. Этого количества недостаточно.

Вопрос: — Вы уверенны в этом?

Ответ: — Подумайте сами: в настоящий момент на Транторе проживает свыше сорока миллиардов человек. Учтите также, что тенденция, ведущая к падению Трантора, связана не только со столицей, но и со всей Империей — а ее население составляет почти квинтиллион человек.

Вопрос: — Ясно. Но, может быть, сто тысяч человек способны изменить эту тенденцию, если на это будут направлены усилия их и их потомков в течение пятисот лет?

Ответ: — По-видимому, нет. Пятьсот лет — слишком малый срок.

Вопрос: — Ага! Тогда из вашего заявления следует вполне определенный вывод. В вашем проекте задействовано сто тысяч человек, однако этого недостаточно, чтобы в течение пяти веков предотвратить падение Трантора — это им не удастся, что бы они ни предпринимали.

Ответ: — К счастью, это так.

Вопрос: — Но, с другой стороны, никаких противозаконных целей эти люди не преследуют.

Ответ: — Абсолютно верно.

Вопрос: (медленно и удовлетворенно) — Тогда, доктор Селдон, слушайте как можно внимательнее — нам необходим точный ответ на этот вопрос. Какую цель преследует ваша стотысячная группа сотрудников?

Голос адвоката стал неприятно-скрипучим. Он взвел пружину своего капкана, загнал в него Селдона и, казалось бы, не оставил ему никаких путей к отступлению.

Шум голосов стал громче; он прокатился по всему залу, не оставив равнодушными даже членов Комиссии. Они склонялись друг к другу, шелестя своими пурпурными золочеными мантиями. Молчание сохранял только Верховный комиссар.

Хари Селдон сохранял невозмутимое спокойствие, ожидая, пока гул голосов стихнет.

Ответ: — Их цель — свести к минимуму последствия катастрофы.

Вопрос: — Конкретнее.

Ответ: — Объяснить это несложно. Дело в том, что предстоящее падение Трантора не является изолированным событием в модели развития человеческой цивилизации. Эта тенденция зародилась много столетий назад и сейчас развивается с постоянным ускорением; падение Трантора будет являться кульминацией этого длительного процесса. Я имею в виду начинающийся упадок и последующий полный крах Галактической Империи.

Зал взорвался ревом. Адвокат, на которого никто больше не обращал внимания, вопил: «И вы осмеливаетесь открыто...» Его заглушили выкрики из зала: «Измена!»

Верховный комиссар не спеша поднял свой молоток и опустил его вниз. Негромкий звук гонга прорезал всеобщий шум, и когда он затих, в зале воцарилась тишина. Адвокат глубоко вздохнул.

Вопрос (с театральным пафосом): — Вы отдаете себе отчет, доктор Селдон, что речь идет об Империи, возраст которой составляет двенадцать тысяч лет, которая выстояла, несмотря на все трудности, в течение множества поколений людей, которая опирается на любовь и преданность миллиардов своих подданных?!

Ответ: — Мне хорошо известна история Империи и ее современное положение. При всем моем уважении к собравшимся здесь я могу заявить, что разбираюсь в этом вопросе намного лучше любого из вас.

Вопрос: — И, тем не менее, вы предрекаете крах Империи?

Ответ: — Его предсказывает математика. Лично я рассматриваю такую перспективу с сожалением. Даже если допустить, что Империя не является идеальным вариантом общественного устройства (хотя я этого не заявляю), то анархия, которая неизбежна после ее развала, будет значительно хуже. Поэтому мой проект направлен на борьбу именно с этой анархией. Однако, господа, распад Империи — событие колоссального масштаба и бороться с ним будет очень трудно. О его наступлении свидетельствуют усиление бюрократии, резкое уменьшение проявлений инициативы, жесткая кастовость, подавление всякой любознательности и множество других факторов. Все это, как я уже говорил, началось многие века назад. И процесс этот слишком глубок и обширен, чтобы его можно было повернуть вспять.

Вопрос: — Но ведь для каждого очевидно, что Империя сейчас так же сильна, как и ранее.

Ответ: — Внешне пока действительно все в порядке. Создается даже впечатление, что такое положение будет сохраняться вечно. Однако, господин адвокат, позволю себе заметить, что сгнивший изнутри ствол дерева внешне выглядит целым и могучим, пока не налетит ураган и не переломит его надвое. Первые признаки этого урагана уже налицо. И при помощи слухового аппарата психоистории вы сможете уже расслышать треск дерева.

Вопрос (неуверенный): — Доктор Селдон, мы собрались здесь не для того, чтобы выслу...

Ответ (твердый): — Распад Империи неизбежен, и все хорошее, что в ней было, исчезнет вместе с ней. Накопленные знания будут утеряны, а порядок, который она поддерживала, превратится в хаос. Настанет период нескончаемых звездных войн, космическая торговля прийдет в упадок, население значительно сократится, а большинство планет потеряют свои связи с центром Галактики. И это будет длиться многие столетия.

Вопрос (робкий голос на фоне гробового молчания): — И так будет длиться вечно?

Ответ: — Психоистория способна предсказать крах Империи; она же делает вывод и о последующих столетиях хаоса. Как здесь уже говорили, Империя успешно продержалась двенадцать тысячелетий — но смутное время, которое наступит после ее распада, продлится тридцать тысяч лет. Несомненно, со временем возникнет Вторая Империя, но до того тысячи поколений людей будут жить и умирать в страданиях и невежестве. И мы должны бороться против этого.

Вопрос (слегка оправившись от шока): — Вы противоречите сами себе! Ранее вы утверждали, что не можете предотвратить разрушение Трантора — а из этого следует, что предотвратить развал Империи тем более невозможно!

Ответ: — Не стану утверждать, что на данном этапе мы можем предотвратить развал. Но есть еще время сократить период безвластия, который за этим последует. Господа, у нас имеется возможность уменьшить время анархии до одного тысячелетия — если моей группе будет позволено немедленно начать действовать. Мы живем в переломный период истории. Огромный массив стремительно развивающихся событий нужно отклонить совсем немного, чуть-чуть... Сделать больше мы все равно не в силах, но, возможно, этого окажется достаточно, чтобы избавить все Человечество от двадцати девяти тысячелетий варварства.

Вопрос: — Каким же образом вы предполагаете достичь этой цели?

Ответ: — Необходимо сохранить знания, накопленные Человечеством. Вся сумма человеческих знаний не может быть постигнута одним человеком, или даже тысячей людей. В результате распада социальной структуры Империи наша наука также рассыплется на мелкие осколки. Лишь немногие люди сохранят достаточно глубокие знания, но лишь в узких областях отдельных дисциплин. Сами по себе эти знания будут практически бесполезны. И даже эти бессмысленные обрывки будут утеряны последующими поколениями. Но если мы сейчас обобщим всю сумму имеющейся на сегодняшний день информации, этого не случится. Последующие поколения будут пользоваться этим наследием в своей деятельности, так что им не придется снова открывать уже известное нам. Цивилизация будет создана вновь в течение одного тысячелетия, а не тридцати.

Вопрос: — Это все...

Ответ: — Это все и есть моя программа, на которую уже работают тридцать тысяч мужчин с женами и детьми — они посвятили себя подготовке Галактической Энциклопедии. Они не успеют закончить этот колоссальный труд при жизни, а я даже не доживу до действительного начала осуществления своей программы. Но к тому

времени, когда Трантор будет уничтожен, Энциклопедия будет закончена, и ее экземпляры окажутся во всех крупных библиотеках Галактики.

Верховный комиссар приподнял и опустил свой молоток. Хари Селдон сошел с кафедры и молча опустился рядом с Гаалем.

— И как вам понравилось это представление? — осведомился он, улыбаясь.

— Оно вам удалось, но что дальше? — осведомился, в свою очередь, молодой человек.

— Вот посмотрите, они прервут заседание и попробуют договориться со мной лично.

— Откуда вы можете это знать?

— Честно говоря, — вздохнул Селдон, — я не знаю. Практически все зависит от Верховного комиссара. Много лет я изучал его характер, поведение... Я пытался анализировать его поступки, но вы-то знаете, что уравнения психоистории слабо применимы в анализе личностных характеристик. И все же я надеюсь на успех.

7

Подошедший Эваким, кивнув Гаалю, наклонился к Селдону и что-то тихо сказал ему. Но тут было объявлено о закрытии заседания; Дорника и Селдона увели в разные стороны.

На следующий день все было по-другому. В зале находились только члены Комиссии, Хари Селдон и Гааль Дорник, которые сидели теперь за одним столом с судьями, так что обвиняемых и обвинителей больше ничто не разделяло. Им даже были предложены сигары из пластиковой коробки, переливавшейся всеми цветами радуги — казалось, по крышке ее все время текла тонкая пленка воды, однако под пальцами неизменно оказывалась сухая твердая поверхность.

Селдон сигару взял, Гааль же отказался.

— А где мой адвокат? — осведомился Селдон.

— Это уже не суд, доктор Селдон. Нам необходимо вместе обсудить вопросы безопасности Империи, — ответил один из членов Комиссии.

— Теперь говорить буду я, — произнес Линь Чен, и все остальные члены Комиссии откинулись на спинках своих кресел и приготовились слушать. Вокруг Чена мгновенно образовалась тишина, в которую должны были падать его слова.

Дорник затаил дыхание. Сухощавый изможденный Верховный комиссар казался старше, чем был на самом деле — фактически он являлся властелином всей Галактики. Ребенок, имевший титул Императора, был только символом, за которым стоял Линь Чен — и далеко не первым символом.

— Доктор Селдон, вы возмущаете спокойствие в имперских владениях. Через сотню лет ни одного человека из квадриллиона теперешних жителей Галактики не будет в живых. К чему нам забивать себе голову событиями, которые должны произойти через пять веков?

— Мне не прожить и пяти лет, — ответил Селдон, — и, тем не менее, этот вопрос меня весьма беспокоит. Вы можете считать меня идеалистом, но считайте, что я отождествляю себя с той мистической сущностью, которую принято именовать словом «Человечество».

— Мне нет никакого дела до мистических теорий. Ничто не препятствует мне избавиться от вас и от ненужного мне пятисотлетнего будущего — которое мне никак не угрожает, — казнив вас сегодняшней ночью.

— Неделю назад, — беззаботно бросил Селдон, — вы могли бы это сделать, и у вас, вероятно, даже был бы при этом один шанс из десяти остаться живым в течение года. Но сегодня на это у вас нет даже одного шанса из тысячи.

В зале повисло напряженное молчание; кто-то из членов Комиссии глубоко вздохнул. Гааль ощутил, как короткие волоски у него на шее встают дыбом. Чен слегка опустил веки.

— Почему? — спокойно осведомился он.

— Падение Трантора предотвратить невозможно — но его легко ускорить. Слухи о судебном процессе и моем исчезновении разлетятся по всей Галактике. Будут нарушены мои планы, направленные на смягчение последствий краха Империи, — и люди быстро убедятся, насколько зыбко их будущее. Уже сейчас многие с завистью вспоминают, как жили их деды. До людей дойдет, что революции, мятежи, спад торговли в дальнейшем будут только усиливаться. Новая логика поведения — скорее хватать все, что плохо лежит, — быстро возобладает в Галактике. Честолюбивые и неразборчивые в средствах люди тут же начнут активно действовать. И этими своими действиями они лишь ускорят развал Империи. Вы можете казнить меня — но тогда Трантору прийдет конец не через пятьсот лет, а через пятьдесят. А вам — менее, чем через год.

— Это все детские сказки, — процедил Чен. — Но ваша смерть — не единственный приемлемый для нас вариант.

Он приподнял свою тонкую руку над бумагами — лишь два пальца продолжали касаться верхнего листа.

— Скажите, — спросил он, — ваша деятельность действительно будет заключаться только в подготовке Энциклопедии, о которой вы упоминали?

— Да.

— Для этого вам обязательно находиться на Транторе?

— Желательно, ваше превосходительство. Ведь на Транторе есть Императорская библиотека, кроме того, здесь находятся ученые, работающие в Транторийском университете.

— Но разве не лучше было бы вам заниматься своей работой на какой-нибудь отдаленной планете, где бы суета метрополии не была помехой научным изысканиям?

— Этот вариант также имеет свои преимущества.

— Мы уже нашли для вас такую планету. Там вы со своими людьми сможете спокойно работать. В Галактике будут знать, что вы работаете над предотвращением распада Империи. Будет даже объявлено, что вы в силах его предотвратить, — Чен слегка улыбнулся. — Я мало во что верю, и тем более мне трудно поверить в крах Империи, поэтому я буду искренен в этом заявлении. А вы, доктор, не будете нарушать спокойствие на Транторе и во всей Империи своими предсказаниями. В противном случае мы казним вас и всех ваших последователей, которых сочтем нужным казнить. Угрозы свои можете оставить при себе — я в них не верю. Вам надлежит сделать выбор в ближайшие пять минут.

— Ваше превосходительство, какую планету вы отдаете в наше распоряжение? — осведомился Селдон.

— Кажется, она называется Термин, — ответил Линь Чен. Он небрежно, кончиками пальцев перелистал бумаги и пододвинул их Селдону.

— Она необитаема, но для жизни вполне пригодна. После необходимого обустройства этот мир вполне будет отвечать нуждам ваших ученых. Правда, он находится несколько вдалеке...

— Эта планета — на самом краю Галактики, сэр, — прервал его Селдон.

— Как я сказал, Термин находится несколько вдалеке от других миров. Это даст вам возможность полностью сосредоточиться на научных проблемах.

Вам осталось две минуты на размышление.

— Чтобы перебраться туда, нам понадобится немало времени. Ведь переселяться придется двадцати тысячам семей.

— Время вам будет предоставлено.

На мгновение Селдон задумался. Истекала последняя минута.

— Я согласен на ссылку.

При этих словах у Гааля подпрыгнуло сердце. Главным образом он переживал огромную радость, и это было естественно — ведь он только что избежал верной гибели. Но, несмотря на испытываемое облегчение, остался и привкус сожаления о том, что Селдон потерпел поражение.

8

Они долго молчали, пока такси несло их сквозь сотни миль извивающихся тоннелей в сторону Университета. Потом Гааль шевельнулся и произнес:

— Неужели вы сказали комиссару правду? Ваша смерть действительно ускорила бы распад Империи?

— Когда дело касается психоистории, я никогда не лгу. Кроме того, в этом случае ложь и не спасла бы меня. И Чен знал, что я говорю правду. Как политик, он очень умен, а политики, в силу специфики их занятий, обычно интуитивно чувствуют, что психоистория не врет.

— Тогда почему вы все же выбрали ссылку? — спросил Дорник, но Селдон промолчал.

Когда такси влетело на территорию Университета, мускулы Гаэля стали действовать — точнее, бездействовать — независимо от его воли. Из такси его пришлось выносить чуть ли не на руках.

Яркий свет заливал всю территорию Университета. Дорник уже почти забыл о существовании Солнца. Правда, и Университет был расположен не под открытым небом — все его здания были накрыты огромным куполом из прозрачного материала. Материал этот был поляризован, поэтому Гааль мог спокойно смотреть прямо на полыхавшую в зените звезду. Сияние ее бликами отражалось от металлических поверхностей многочисленных зданий.

Здания Университета были серебристого цвета, в отличие от остальных тускло-серых зданий Трантора. Их металлический блеск почему-то вызывал ассоциации со слоновой костью.

— По-моему, это солдаты, — заявил вдруг Селдон.

— Что? — Дорник возвратился из заоблачных высот на грешную землю и узрел перед собой часового.

Они остановились, и тут же из ближайшей двери выглянул предупредительный капитан.

— Доктор Селдон?

— Да, я.

— Мы ждали вашего прибытия. С этого момента вы и ваши сотрудники подчиняетесь законам военного времени. Мне приказано сообщить вам, что вам предоставлено шесть месяцев для подготовки переезда на Термин.

— Всего шесть месяцев!.. — начал было Гааль, но Селдон незаметно сжал его локоть, и юноша умолк.

— Таков приказ, — констатировал капитан.

Когда он скрылся, Гааль повернулся к Селдону.

— Но что можно успеть за шесть месяцев?! Это же просто замедленное убийство!

— Тише, тише. Давайте лучше пройдем в мой кабинет.

Этот небольшой кабинет был абсолютно недоступен для прослушивания. Направленные на него специальные лучи не выявляли ни подозрительной тишины, ни еще более подозрительного статического поля. Воспринимался вполне правдоподобный разговор, произвольно составленный из почти бесконечного набора безобидных фраз, которые произносили реальные голоса с соответствующими интонациями.

— Так вот, — Хари Селдон наконец расслабился. — Нам хватит шести месяцев.

— Я не понимаю, как их может хватить.

— Очень просто. Мальчик мой, в нашем плане действия других людей неизменно играют нам на руку. Я же говорил, что характер Чена, его психологический склад были подвергнуты такому скрупулезнейшему анализу, какому никогда ранее не подвергался ни один человек. И мы не допускали начала процесса надо мной, пока время и обстоятельства не предопределили его завершение в нашу пользу.

— Но как вы смогли устроить...

— ...чтобы нас сослали на Термин? А почему бы и нет?

Он коснулся пальцами определенной точки письменного стола, и небольшой участок стены за его спиной отошел в сторону. Только Селдон мог произвести эту операцию, так как скрытое под поверхностью стола сканирующее устройство реагировало лишь на папиллярные линии его пальцев.

— Там есть несколько микрофильмов, — пояснил Селдон. — Возьмите тот, что помечен буквой Т.

Гааль отыскал микрофильм, Селдон зарядил его в проектор и передал Дорнику пару окуляров. Тот отрегулировал их, и перед его глазами поплыло изображение...

— ...Но тогда.., — произнес он через некоторое время.

— Вас что-то удивляет? — осведомился Селдон.

— Значит, вы уже два года готовились к переезду?

— Два с половиной. Разумеется, мы не были уверены на сто процентов, что будет выбран именно Термин, но вероятность этого была достаточно велика.

— Но зачем, доктор Селдон? Зачем вы устроили так, чтобы вас отправили в ссылку? Не лучше ли было бы остаться контролировать события здесь, на Транторе?

— Зачем? К тому есть несколько причин. Работая на Термине, мы будем пользоваться поддержкой Императора, и в то же время не возникнет опасений, что мы ставим под угрозу безопасность Империи.

— Но ведь до сих пор вы вызывали такие опасения, чтобы навязать Комиссии решение о вашей ссылке. Я все же не понимаю, зачем это было нужно.

— Скорее всего, эти двадцать тысяч семей не пожелали бы отправиться на задворки Галактики по своей воле.

— Но зачем вам вообще переселяться туда? Это вы мне можете объяснить?

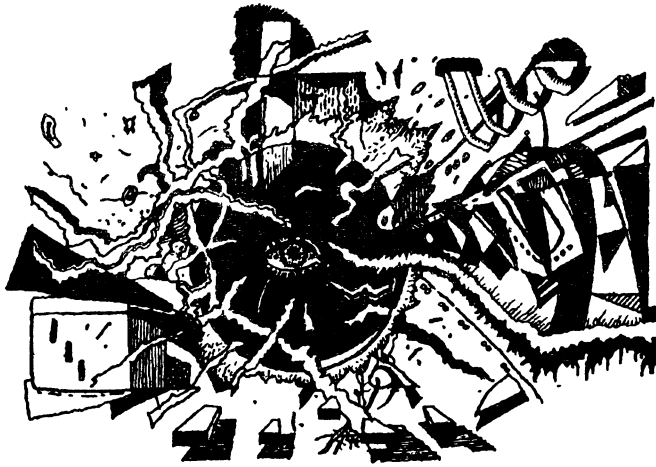
— Пока нет. Сегодня вам достаточно знать, что ученые обоснуются на Термине. А второй зародыш будущей цивилизации будет создан, скажем, на другом краю Галактики, — он улыбнулся. — Там, у Границы Звезд. Что же касается дальнейшего, то я скоро умру, и вы сможете увидеть своими глазами куда больше, чем я. И не надо уверять меня в обратном и желать мне доброго здравия. По словам врачей, жить мне осталось не более двух лет. К тому времени я уже добьюсь в жизни всего, чего хотел. А кто может пожелать лучшего момента для завершения своего жизненного пути?

— А что будет потом, после вашей... смерти?

— Дальше мое дело продолжат мои последователи, в том числе, возможно, и вы сами. Они смогут внести последний штрих в мой план и в нужное время соответствующим образом спровоцировать восстание на Анакреоне, после чего события будут развиваться беспрепятственно в нужном направлении.

— Я снова не понимаю.

— Со временем поймете, — на изрезанном морщинами лице Селдона появилось спокойное и в то же время усталое выражение. — Большинство моих людей переправятся вместе со мной на Термин, но кое-кто останется. Устроить это будет нетрудно... Что же до меня лично, — чуть слышно прошептал он, — то моя жизнь закончена...

ЧАСТЬ II. ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

1

ТЕРМИН *— ...Местонахождение этой планеты (см. карту) странно не соответствовало той роли, которую ей было предназначено сыграть в судьбе всей Галактики. Этот мир находится на самом краю одной из спиральных ветвей Галактики и является единственной планетой далекого Солнца. Планета эта бедна полезными ископаемыми и экономического значения практически не имела. В течение пятисот лет, которые прошли с момента ее открытия, она так и не была колонизирована — пока на нее не высадились Энциклопедисты...*

С появлением нового поколения Термин неизбежно должен был стать чем-то большим, чем просто местом обитания психоисториков с Трантора. Начиная с восстания на Анакреоне, которое ознаменовало приход к власти Сэлвора Хардина, первая великая династия...

Галактическая Энциклопедия

Луис Пиренн работал за ярко освещенным письменным столом, находившимся в углу комнаты. Он координировал работу ученых, направляя все их усилия на достижение поставленной цели. Сейчас в рисунок этого сложного плана необходимо было вплести несколько недостающих линий.

Ровно пятьдесят лет ушло на то, чтобы создать этот первый в своем роде центр ученых-Энциклопедистов и превратить его в отлично действующий механизм. Пятьдесят лет ушло на сбор и подготовку материалов.

Теперь оставалось совсем немного — через пять лет первый том самого фундаментального труда, издававшегося когда-либо в Галактике, выйдет в свет. Последующие тома будут выходить через каждые десять лет — машина уже запущена. Кроме того, придется выпускать и дополнения к ним — специальные комментарии последних событий, представляющих интерес, пока...

На столе приглушенно, но словно бы с раздражением, зазвонил звонок, и Пиренн непроизвольно вздрогнул — он чуть не забыл о назначенной на сегодня встрече. Он поспешно коснулся ручки, от пиравшей дверной замок, и краем глаза успел заметить, как открылась дверь, и в проеме возникла крупная фигура Сэлвора Хардина. Однако при этом Луис Пиренн даже не поднял головы.

Хардин про себя усмехнулся. У него было мало времени, но он прекрасно знал, что на Пиренна бессмысленно обижаться за его манеру обращения с людьми, мешающими ему работать. Поэтому Сэлвор опустился в кресло по другую сторону стола и стал ждать.

Еле слышно скрипело перо Пиренна, скользя по бумаге. Так продолжалось довольно долго — больше ни движения, ни звука. Наконец, Хардин извлек из жилетного кармана монету в два кредита и подбросил ее. Нержавеющая сталь сверкнула в воздухе отраженным солнечным светом. Хардин поймал монету и снова подбросил ее, лениво глядя на мелькание солнечных бликов. Нержавеющая сталь оказалась хорошим эквивалентом и средством обмена на планете, которая была вынуждена импортировать металлы.

Пиренн поднял голову и мигнул.

— Перестаньте! — буркнул он.

— Что?

— Перестаньте подбрасывать эту дурацкую монету. Прекратите это,.. пожалуйста.

— А-а-а, это.., — Хардин поймал монету и опустил ее обратно в карман. Я бы хотел знать, когда вы освободитесь. Дело в том, что мне необходимо вернуться на заседание Совета до того, как начнут голосование по проекту нового водопровода.

Вздохнув, Пиренн отодвинул в сторону бумаги.

— Я готов. Но только, пожалуйста, не донимайте меня снова этими городскими проблемами. Вы вполне можете решать их сами. Все свое время я посвящаю Энциклопедии.

— А новости вы слушаете? — флегматично осведомился Хардин.

— Какие новости?

— Те самые, которые два часа назад были переданы по ультраволновой связи Термина. Императорский наместник в префектуре Анакреона провозгласил себя королем.

— Да? Ну и что?

— А то, — ответил Сэлвор, — что от внутренних районов Империи мы теперь отрезаны. Мы предполагали подобное развитие событий, но от этого нам не легче. Через Анакреон проходит единственный торговый путь, который связывает нас с Сантэнни, Вегой и самим Трантором. Откуда мы теперь будем получать металлы? Мы уже полгода испытываем нехватку стали и алюминия, а теперь поставки вообще прекратятся; какие бы то ни было грузы мы сможем получать лишь в том случае, если на то будет милостивое разрешение короля Анакреона.

Пиренн нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

— Так и действуйте через него.

— А как? Ведь вы знаете, Пиренн, что согласно Хартии, регламентирующей деятельность нашего Фонда Основателей, вся власть на Термине принадлежит Совету попечителей комитета по делам Энциклопедии. Я же, как мэр города Термина, обладаю властью, дающей мне право только высморкаться или, скажем, чихнуть, если вы решите аннулировать приказ, дающий мне некоторые полномочия. Так что подобные вопросы должен решать ваш Совет и вы лично. От имени города, процветание которого зависит от регулярности поставок из центральных областей Галактики, я прошу вас назначить экстренное заседание...

— Подождите! Не надо предвыборных речей. Вам ведь хорошо известно, что Совет попечителей отнюдь не препятствовал созданию муниципальных органов правления на Термине. Население быстро растет, и мы понимаем необходимость таких органов; кроме того, увеличивается число людей, работающих в отраслях, непосредственно не связанных с выпуском Энциклопедии. Но, тем не менее, наипервейшей и основной целью Фонда остается издание всеобъемлющей Галактической Энциклопедии. Термин — это государственное научное учреждение, Хардин. И мы не собираемся вмешиваться в местную политику.

— «Местную политику!» Да поймите же, Пиренн, клянусь большим пальцем левой ноги Императора, сейчас дело идет о жизни и смерти! Ведь Термин не может самостоятельно обеспечивать существование на нем машинной цивилизации. На нем попросту нет металлов, и вы это прекрасно знаете. Ни железа, ни меди, ни алюминия — вообще ничего. А как вы думаете, что случится с вашей Энциклопедией, если мы чем-нибудь не угодим королю Анакреона?

— Вы забываете, что Термин подчиняется лишь непосредственно Императору. Мы не являемся частью префектуры Анакреона, как

и какой-либо другой. Запомните это! Термин — часть личных владений Императора, так что никто не посмеет нас тронуть. Империя вполне способна защитить свои владения.

— Тогда почему же она позволила Анакреону обрести независимость? Да и не ему одному! Не менее двадцати самых удаленных от центра префектур Галактики уже действуют по собственному усмотрению. Честно говоря, я весьма сомневаюсь, что Империя в состоянии защитить нас.

— Ерунда! Не все ли равно — императорские наместники или короли? С помощью несложных политических интриг Империя всегда справлялась с ними — просто соответствующие люди слегка потянут за неизвестные нам тайные ниточки, и все станет на свои места. Восстания губернаторов случались и раньше, даже Императоров не раз заставляли отрекаться от престола или убивали. Но все это практически не отражалось на Империи в целом. Так что выбросьте все из головы. Это не наше дело. Мы — ученые, и наша основная забота — Энциклопедия... Да, чуть не забыл!

— В чем дело?

— Разберитесь с этой вашей газетенкой! — ответил Пиренн довольно зло.

— Вы имеете в виду «Городскую газету»? Она не принадлежит мне. У нее есть частные владельцы. А что, собственно, случилось?

— Эта газета уже несколько недель призывает, чтобы пятидесятилетний юбилей образования Фонда был отмечен всеобщим праздником и какими-то нелепыми торжествами.

— А что в этом плохого? Через три месяца радиевые часы откроют Первое Хранилище. Я бы охарактеризовал это событие, как весьма выдающееся. Вы не согласны с этим?

— Но к чему тут это идиотское поклонение, Хардин? Первым Хранилищем занимается только совет попечителей. А я, как вы знаете, являюсь представителем Императора на Термине, и обладаю всей полнотой власти.

По выражению лица Хардина легко было предположить, что он медленно считает в уме до десяти. Наконец он мрачно произнес:

— Кстати, о вашем статусе представителя Императора — у меня есть для вас еще одно сообщение.

— Опять связанное с Анакреоном? — Пиренн раздраженно сжал губы.

— Да. К нам направляется чрезвычайный посланник с Анакреона. Он будет здесь через две недели.

— Посланник? С Анакреона? Направляется сюда? — некоторое время Пиренн молчал, переваривая услышанное. — А зачем?

Хардин поднялся и придвинул кресло к столу.

— Догадайтесь.

И без всяких церемоний хлопнул дверью.

2

Его высочество Энсельма Родрика Сэлвор Хардин встретил на космодроме со всеми церемониями, полагающимися при таком событии государственной важности. Титул «его высочество» сам по себе указывал благородство происхождения. К тому же Родрик являлся субпрефектом Плуамы, чрезвычайным посланником его величества короля Анакреонского и имел еще множество всяких титулов.

Натянуто улыбнувшись, субпрефект с поклоном извлек свой бластер из кобуры и протянул его Хардину рукояткой вперед. В ответ Сэлвор также передал гостю бластер, который специально одолжил для этого случая. Оба таким образом продемонстрировали чувства дружбы и доброй воли, и хотя Хардин обратил внимание на явную выпуклость у плеча посланника, он благоразумно сделал вид, что не заметил этого.

В окружении целой свиты приличествующих случаю менее важных персон они уселись в наземную машину. Торжественный кортеж медленно двинулся к площади Энциклопедии. По пути народ приветствовал их с достаточным энтузиазмом.

С благодушным безразличием воина и аристократа Энсельм Родрик принимал приветствия.

— Этот город и есть весь ваш мир? — осведомился Родрик у Хардина.

Хардин повысил голос, чтобы перекрыть шум толпы:

— Наш мир молод, ваше превосходительство. За нашу короткую историю нас редко навещали представители высшей аристократии. Поэтому ваше прибытие и вызвало такой энтузиазм.

Видимо, представитель «высшей аристократии» не почувствовал иронии.

— Ваш город основан всего пятьдесят лет назад? Да у вас тут полно неосвоенных земель, мэр. Вам никогда не приходило в голову основать на них поместья?

— Не вижу в этом необходимости. Здесь у нас все централизовано — это необходимо для организации работ по изданию Энциклопедии. Возможно, когда наше население увеличится...

— Удивительный мир! У вас нет крестьянства?

«Ясно, как день, — подумал Сэлвор, — что его превосходительство довольно неумело пытается прозондировать почву».

— У нас нет ни крестьянства, ни аристократии, — небрежно бросил он.

Родрик удивленно приподнял брови:

— А ваш правитель, с которым я должен встретиться?

— Вы имеете в виду доктора Пиренна? Он — председатель Совета попечителей и личный представитель Императора.

— Доктор? У него, что, нет других титулов? Ученый? И он считается выше гражданской власти?

— Разумеется, — дружелюбно ответил Хардин. — Здесь все ученые, в большей или меньшей степени. И вообще, мы скорее не мир, а научное учреждение, которое подчиняется непосредственно Императору.

На последней фразе Сэлвор сделал небольшое ударение, и это немного смутило субпрефекта. Во всяком случае, он хранил задумчивое молчание на протяжении всего оставшегося пути до площади Энциклопедии.

Хардин испытал немалое удовлетворение, заметив, что Пиренн и Родрик, встретившие друг друга громкими изъявлениями взаимной дружбы и уважения, испытывают друг к другу полное отвращение, что весьма сократило все последующие скучнейшие церемонии.

В течение всего «ознакомительного осмотра» здания Энциклопедии его высочество Энсельм Родрик с совершенно пустыми глазами слушал лекцию Пиренна. С застывшей на лице вежливой улыбкой он выслушал скомканные пояснения, пока они проходили по хранилищам справочных фильмов и бесчисленным смотровым залам.

После того, как они миновали бесконечные отделы комплектования, редактирования и просмотра, субпрефект, наконец, изволил высказать свое мнение по поводу увиденного:

— Все это весьма интересно, — изрек он, — но, по-моему, это весьма странное занятие для взрослых людей. Зачем все это нужно?

Ответа на это замечание у Пиренна не нашлось, но Хардин видел, что выражение его лица было более, чем красноречиво.

Ужин, который состоялся вечером, являл собой зеркальное отображение дневного осмотра, так как на этот раз инициативу поспешил захватить его высочество Родрик, и в течение всего ужина с огромным воодушевлением, не пропуская ни одной технической подробности, описывал свои подвиги на посту командира батальона во время недавней войны Анакреона с соседним Смирно, также недавно объявленным независимым королевством.

Рассказы субпрефекта продолжались до тех пор, пока ужин не закончился и присутствовавшие мелкие чиновники не исчезли. Заключительную часть триумфального рассказа о разлетавшихся в пыль космических кораблях пришлось дослушивать только Хардину и Пиренну, когда они выбрались на балкон и Энсельм благодушно расслабился, подставив лицо теплому летнему ветерку.

— А теперь, — жизнерадостно заявил он, — пора приступать к обсуждению более важных вопросов.

— Конечно, — проворчал Хардин, закуривая длинную вегианскую сигару. «Сигар маловато осталось», — подумал он, раскачиваясь в кресле так, что пола касались лишь две его ножки.

В черном небе, от края до края, раскинулась огромная эллиптическая Галактика. Несколько ближайших звезд, различимых здесь, на ее задворках, казались маленькими мерцающими точками по сравнению с ее сияющим великолепием.

— Разумеется, — заметил субпрефект, — все официальные переговоры, подписание документов и остальные формальности мы вынесем на заседание... как называется ваш... Совет?

— Совет попечителей, — холодно ответил Пиренн.

— Странное название... Ладно, отложим это на завтра. Но, тем не менее, мы вполне могли бы подготовить почву для дальнейших переговоров сейчас, с глазу на глаз. Не возражаете?

— А конкретнее?.. — осведомился Хардин, явно провоцируя Родрика.

— Хорошо, слушайте. Здесь, на Периферии, за последнее время произошли значительные перемены; в результате положение вашей планеты стало весьма неопределенным. Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы мы пришли к общей точке зрения относительно создавшейся ситуации... Господин мэр, не найдется ли у вас еще сигары?

Сэлвор скрипнул зубами и неохотно передал посланнику еще одну сигару. Его высочество Энсельм Родрик понюхал ее и удовлетворенно хмыкнул.

— Это ведь вегианский табак, если не ошибаюсь? Где вы его достаете?

— Недавно получили небольшую партию, но от нее уже почти ничего не осталось. Одной Вселенной известно, когда мы сможем получить следующую — если вообще сможем.

Пиренн нахмурился. Он не курил и вообще не переносил табачного дыма.

— Насколько я понял, ваше превосходительство, вы прибыли к нам только для получения информации? — сухо осведомился он.

— Родрик молча кивнул, жадно затягиваясь и пуская клубы дыма.

— В таком случае, это не займет у вас много времени. Статус Первого Фонда Энциклопедии не изменился.

— Ясно. А каким он был до сих пор?

— Фонд представляет собой государственное научное учреждение и является частью личных владений его величества Императора.

Однако на субпрефекта это заявление не произвело никакого впечатления. Он был занят пусканием колечек дыма.

— В теории это выглядит прекрасно, доктор Пиренн. Я уверен, что у вас имеются соответствующие грамоты с императорскими печатями, но как обстоит дело в действительности? Каковы ваши отношения со Смирно? Ведь вы находитесь менее чем в пятидесяти парсеках от их столицы. И как насчет Коноума и Дэрибоу?

— Мы не поддерживаем никаких отношений ни с одной из этих префектур. Как часть владений Импер...

— Это уже королевства, а не префектуры, — уточнил его высочество.

— И с королевствами тоже. Мы не имеем к ним никакого отношения. Как научное учреждение...

— Да черт бы побрал вашу науку! — грубое ругательство мгновенно наэлектризовало и без того напряженную атмосферу. — Причем здесь она?! Смирно в любой момент может захватить вашу планету!

— По-вашему, Император при этом будет сидеть сложа руки?

Немного успокоившись, его высочество продолжил:

— Послушайте, доктор Пиренн: и вы, и мы уважаем собственность Императора, но за короля Смирно в этом отношении я не могу поручиться. Кстати, мы только что подписали договор с Императором — копию его я представлю завтра вашему Совету — и этот договор, от имени его величества, возлагает на нас ответственность за поддержание порядка на территории прежней префектуры Анакреона. Вы поняли меня?

— Разумеется. Но Термин не входит в префектуру Анакреона.

— А Смирно...

— И в префектуру Смирно — тоже. Термин вообще не является частью какой-либо префектуры.

— А известно ли об этом королю Смирно?

— Это меня не интересует.

— Зато нас интересует! Мы только что закончили войну с ними, но они до сих пор оккупируют две принадлежащие нам звездные системы; а Термин занимает очень выгодное стратегическое положение между нашими двумя государствами.

Тут Сэлвор, потеряв терпение, решил вмешаться:

— Что же вы предлагаете, ваше превосходительство?

Субпрефект с готовностью прекратил словоблудие и начал высказываться более определенно:

— Очевидно, что Термин не может защитить себя сам; поэтому Анакреон должен взять вашу планету под свою защиту ради собственной же безопасности. Разумеется, мы отнюдь не собираемся вмешиваться в ваши внутренние дела...

— У-гу, — хмуро промычал Хардин.

— ...Но и вы, и мы заинтересованы, чтобы на вашей планете была создана наша военная база.

— Это все? Одна военная база на огромной пустующей территории Термина?

— Конечно, возникнет вопрос содержания воинского контингента, который вас будет защищать...

Сэлвор Хардин опустил свое кресло на все четыре ножки и оперся локтями о колени.

— Вот мы и добрались до сути. Только давайте называть вещи своими именами. Вы хотите, чтобы Термин стал вашим протекторатом и платил вам дань.

— Налоги, — поправил Энсельм с улыбкой, — плата за защиту.

С неожиданной силой Пиренн треснул рукой по подлокотнику кресла.

— Подождите, Хардин, я сам скажу! Ваше превосходительство, я не дам и ржавой полукредитной монеты за Смирно, Анакреон и прочие новоявленные королевства с их войнами и мелкими политическими интригами! Термин является государственным научным учреждением, свободным от налогообложения!

— Государственным? Но наше государство не содержит вас, доктор Пиренн.

— Я являюсь прямым представителем.., — от гнева Пиренн даже вскочил.

— ...Его августейшего величества Императора, — закончил Энсельм Родрик с издевкой в голосе. — А я являюсь непосредственным представителем короля Анакреона. И до Анакреона куда ближе, доктор Пиренн.

— Давайте вернемся к делу, — прервал ссору Хардин. — Каким образом вы собираетесь взимать с нас эти так называемые налоги, ваше превосходительство? Натурой? Зерном, картофелем, овощами, скотом?

Субпрефект с удивлением посмотрел на мэра:

— Черт возьми! Зачем нам это нужно? Этого добра у нас самих хватает. Золотом, разумеется. А еще лучше — хромом или ванадием, если у вас их много.

Хардин засмеялся:

— Много! У нас даже железа почти нет! Золото!.. Вот, полюбуйтесь на нашу валюту!

Он перебросил посланнику монету.

Родрик поймал ее и вытаращил глаза.

— Что это? Сталь?!

— Она самая.

— Я не понимаю...

— На Термине нет никаких металлов. Мы импортируем их. У нас нет золота, так что нам нечем вам платить, разве что вас устроят несколько тысяч бушелей картофеля.

— А промышленные товары?

— Без металлов? А из чего нам изготавливать машины?

В воздухе повисла пауза, и Пиррен поспешил предпринять еще одну попытку.

— Этот разговор просто не имеет смысла. Термин — это научное учреждение, которое занято исключительно подготовкой Галактической Энциклопедии. Клянусь Вселенной, у меня создается впечатление, что вы вообще не понимаете, что такое наука!

— С помощью вашей Энциклопедии нельзя выиграть войну, — нахмурил брови Родрик. — Промышленность у вас не развита, но ваш мир практически и не заселен. Вы вполне могли бы платить землей.

— Как это? — не понял Пиренн.

— Мир почти пуст, а земли здесь достаточно плодородные, как я понял. Многие аристократы на Анакреоне не отказались бы расширить свои поместья.

— Как вы можете предлагать подобное...

— Не волнуйтесь так, доктор Пиренн. Земли хватит всем. Если мы договоримся и вы окажете нам содействие, то вы фактически ничего не потеряете. Будут пожалованы титулы, дарованы поместья — ну, вы понимаете...

— Благодарю! — ехидно усмехнулся Пиренн.

Неожиданно Хардин простодушно осведомился:

— А не смог бы Анакреон поставлять нам плутоний для наших ядерных энергоустановок? Нашего запаса хватит лишь на несколько лет.

Пиренн поперхнулся от неожиданности. Несколько минут стояла мертвая тишина. Когда, наконец, его высочество Родрик заговорил снова, в его голосе появились новые нотки:

— Так у вас есть ядерная энергетика?

— Естественно. Что тут особенного? Ядерной энергией, насколько я помню, люди пользуются уже больше пятидесяти тысяч лет. Конечно, она есть и у нас. Вот только с плутонием проблемы...

— Да... да.

После паузы посланник неловко произнес:

— Хорошо, господа, завтра мы продолжим обсуждение этой темы. Прошу прощения...

Глядя ему вслед, Пиренн процедил сквозь зубы:

— Недоумок! Полный болван! Этот...

— Не скажите, — прервал его Хардин. — Это всего лишь порождение соответствующей среды. Он знает только один язык: «У меня есть бластер, а у тебя — нет!»

Но тут совершенно озверевший Пиренн набросился на него:

— Что за разговоры о военных базах и дани?! Вы что, с ума сошли?!

— Нет. Я специально подбросил ему эту кость, чтобы он разговорился. И в результате он выболтал истинные намерения Анакреона — разделить Термин на земельные владения. Разумеется, я не собираюсь допускать этого.

— Вы не собираетесь?! Вы? Да кто вы такой?! И какого черта вы выболтали ему, что у нас есть ядерная установка? Теперь из-за этого мы превратимся в мишень!

— Да, — ухмыльнулся Хардин, — но мишень, от которой лучше держаться подальше. Вы еще не поняли, зачем я затронул эту тему? Результат только подтвердил мои догадки.

— Какие догадки?

— Что на Анакреоне больше нет ядерной энергетики. Если бы она у них была, то наш гость знал бы, что плутоний в энергоустановках уже давно не применяется. А это значит, что и на остальной Периферии ядерной энергетики больше не существует; на Смирно ее точно нет — иначе Анакреон не вышел бы победителем из большинства боев недавней войны. Любопытная информация, не правда ли?

— Да уж! — и Пиренн в ярости покинул комнату.

Сэлвор чуть улыбнулся. Он потушил сигару и стал смотреть в небо, на величественную спираль Галактики. «Выходит, они вернулись к нефти и углю...» — пробормотал он. Остальные мысли он оставил при себе.

3

Когда Хардин утверждал, что «Городская газета» принадлежит не ему, формально он не лгал. Сэлвор был вдохновителем кампании за автономию Термина и муниципальное правление, его избрали первым мэром города и планеты, и не было ничего удивительного в том, что, хотя ни одна акция «Газеты» не принадлежала ему, он держал под контролем более шестидесяти процентов этих самых акций — другими, более хитроумными способами.

А такие способы существовали.

Поэтому, когда Хардин начал внушать Пиренну мысль о том, что ему должно быть позволено присутствовать на заседаниях Совета попечителей, «Газета» отнюдь не случайно начала такую же кампанию. Состоялся первый в истории Фонда Основателей массовый митинг, на котором было выдвинуто и поддержано требование, чтобы город был представлен в «национальном» правительстве.

В результате Пиренн с неохотой согласился.

Восседая во главе стола, Хардин отвлеченно думал о том, почему ученые, имеющие дело с точными науками, оказываются никудышними администраторами. Возможно, потому, что они привыкли иметь дело с незыблемыми фактами, и совершенно не привыкли к гибкости людей.

Слева сидели Томаз Сатт и Джорд Фара, справа — Ландин Краст и Йейт Фулэм; Пиренн и Сэлвор председательствовали. Есте

ственно, все присутствующие отлично знали друг друга, но по случаю заседания напускали на себя предельно важный вид.

Пока открывалось заседание, Хардин потихоньку дремал, но когда Пиренн отпил воды из стакана, что служило традиционной прелюдией, Сэлвор несколько оживился.

— С немалым удовлетворением я могу сообщить Совету, — начал Пиренн, — что после нашего предыдущего заседания я получил сообщение о том, что через две недели на Термин прибудет канцлер Империи лорд Дорвин. Как только он информирует Императора об истинном положении дел, можно будет считать, что наши отношения с Анакреоном урегулированы в нашу пользу.

Он с улыбкой обратился через стол к Хардину:

— Я передал эту информацию в «Газету».

Про себя Сэлвор рассмеялся. Было очевидно, что мэр допущен в Совет лишь потому, что Пиренну не терпелось преподнести ему эту новость.

Он невинно осведомился:

— А если серьезно, чего вы ожидаете от лорда Дорвина?

Ответил ему Томаз Сатт — ответил в своей обычной неприятной манере обращаться к собеседнику в третьем лице— для пущей важности.

— Сразу ясно, — заметил он, — что наш мэр Хардин — профессиональный циник. Думаю, даже ему понятно, что Император не допустит посягательств на свои личные владения.

— Да? И что же он предпримет, если на них все-таки посягнут?

Послышался недовольный шум. Пиренн заявил:

— Вы нарушаете порядок. А ваши заявления граничат с изменой, — добавил он.

— Это можно считать ответом?

— Да! И если это все, что вы можете сказать...

— Не стоит делать слишком поспешных выводов. У меня есть еще вопрос. Что было сделано для предотвращения угроз со стороны Анакреона, помимо этого дипломатического хода, который может оказаться бесполезным — хотя я этого и не утверждаю.

— Вы видите угрозу со стороны Анакреона? — осведомился Йейт Фулэм, поглаживая свои свирепые рыжие усы.

— А вы ее не видите?

— Едва ли, — снисходительно ответил Фулэм, — Император...

— Великий Космос! — раздраженно воскликнул Хардин. — Что тут происходит? Периодически кто-либо произносит слово «Император» или «Империя», словно эти слова обладают магической силой. До Императора отсюда пятьсот парсеков, и я абсолютно убежден, что ему наплевать на нас. А если это и не так, то что он может предпринять? Весь императорский флот, базирующийся в этом районе Галактики, теперь находится в руках четырех новоявленных ко-

ролевств, в том числе Анакреона. Как вы не понимаете, что сражаться надо оружием, а не словами! Только благодаря тому, что мы подбросили Анакреону информацию, что у нас есть ядерное оружие, мы получили два месяца отсрочки. Но нам-то хорошо известно, что это всего лишь ложь во спасение. У нас есть только мирная атомная энергия, да и той совсем мало. Очень скоро они об этом узнают, и, я думаю, им не придется по вкусу наш обман!

— Уважаемый сэр...

— Простите, я еще не закончил, — Сэлвор завелся, и ему самому это нравилось. — Конечно, вызвать канцлера — это хорошо, но лучше бы у нас было несколько мощных осадных орудий с атомными зарядами. Господа, два месяца уже потеряны, и у нас больше не осталось времени. Что вы собираетесь предпринять?

Ландин Краст, наморщив нос от злости, ответил:

— Мы не желаем и слышать о милитаризации Фонда. Это будет означать открытое вступление в политическую борьбу. А мы, господин мэр, — научное учреждение, не более, и не менее.

— Кроме того, мэр не понимает, что производство оружия отвлечет необходимых нам людей от работы над Энциклопедней. Этого нельзя допускать ни в коем случае, — добавил Сатт.

— Совершенно верно, — согласился Пиренн. — Энциклопедия превыше всего — так было, есть и будет.

Хардин застонал от злости. Кажется, Совет в полном своем составе страдал «комплексом Энциклопедии».

Он холодно сказал:

— А членам Совета когда-нибудь приходило в голову, что у Термина могут быть и другие интересы, помимо Энциклопедии?

— У Фонда не может быть других интересов, кроме Энциклопедии, — так же холодно ответил Пиренн.

— Не у Фонда, а у Термина. Боюсь, вы не представляете себе сложившуюся ситуацию. Сейчас на Термине более миллиона людей, и не более ста пятидесяти тысяч из них работают непосредственно над Энциклопедией. Для остальных Термин — их дом. Мы родились здесь. Мы живем здесь. И для нас ваша Энциклопедия почти ничего не значит — по сравнению с нашими домами, фермами, фабриками. И мы требуем надежной защиты...

Его заглушили крики собравшихся.

— Энциклопедия — превыше всего! — проревел Краст. — Мы обязаны исполнить свою миссию!

— К черту вашу миссию! — закричал в ответ Сэлвор. — Может быть, пятьдесят лет назад в ней и был смысл, но мы — новое поколение!

— Это не имеет никакого значения, — ответил Пиренн. — Мы — ученые.

И тут Хардин увидел открывшуюся лазейку — и моментально бросился в нее:

— Неужели? Весьма приятное заблуждение. На вашем примере можно легко понять, почему в Галактике на протяжении тысячелетий творилось столько бед! Какая же это наука — веками сидя на одном месте, раскладывать по полочкам труды ученых последнего тысячелетия?! А вы никогда не пытались пойти дальше, развить их достижения, найти что-то свое? Нет! Вместо этого вы счастливо прозябаете в своем застойном болоте! И вся Галактика находится там же Космос знает сколько времени! Вот потому-то и восстает Периферия, рвутся старые связи, локальные войны длятся столетиями, целые звездные системы утрачивают атомную энергетику и возвращаются к варварской химической!

Спросите меня — и я скажу вам: Галактика распадается!

Он сделал паузу и опустился в кресло, переводя дыхание. На нескольких человек, одновременно пытавшихся ему возразить, он больше не обращал внимания.

Краст взял слово:

— Не знаю, господин мэр, чего вы добиваетесь своими истерическими выкриками, но в нашу дискуссию вы до сих пор ничего конструктивного не внесли. Господин председатель, я предлагаю не принимать во внимание высказывания предыдущего оратора и продолжить обсуждение с того момента, на котором оно было прервано.

Джорд Фара впервые оживился. До сих пор он не принимал участия в полемике, даже когда страсти накалились до предела. Но теперь, наконец, прозвучал его тяжелый бас — такой же тяжелый, как и все его тело, весом фунтов в триста.

— Господа, а вам не кажется, что мы кое о чем забыли?

— О чем? — раздраженно осведомился Пиренн.

— О том, что через месяц состоится празднование пятидесятой годовщины.

Фара, как всегда, изрек эту банальность с крайне многозначительным видом.

— Ну и что?

Фара безмятежно продолжал:

— А то, что в этот день откроется Хранилище Хари Селдона. Вы никогда не задумывались над тем, что в нем находится?

— Не знаю. Наверняка, ничего особенного. Возможно, юбилейная речь. Я не считаю, что Хранилищу стоит придавать особое значение, хотя «Газета», — он в упор посмотрел на Хардина, но тот только ухмыльнулся, — пыталась раздуть это дело. Но я пресек эти попытки.

— Вот как, — заметил Фара. — Возможно, вы были неправы. Не кажется ли вам, — он выдержал паузу, коснувшись пальцем

своего маленького кругленького носа, — что Хранилище открывается весьма вовремя?

— Как раз наоборот, — проворчал Фулэм. — У нас хватает и других проблем, о которых надо беспокоиться.

— Более важных, чем послание Хари Селдона? Не думаю, что это так, — Фара, более чем когда-либо, стал похож на оракула, и Хардин с удивлением глядел на него: «На что он намекает?»

— По-моему, — с воодушевлением заявил Фара, — вы все забыли, что Селдон был величайшим психоисториком всех времен и создателем нашего Фонда. Логично было бы предположить, что он использовал свою науку, чтобы установить наиболее вероятное развитие событий в ближайшем будущем. И если это так, то он наверняка изыскал способ предупредить нас о грозящей опасности и, возможно, даже указать нам пути разрешения возникших проблем. Ведь вам известно, что Энциклопедия — его любимое детище.

Заявление Фары всех весьма озадачило. После затянувшейся паузы Пиренн, наконец, промямлил:

— Ну, я не знаю... Психоистория — великая наука, но, насколько мне известно, среди нас сейчас нет специалистов в этой области. По-моему, мы вступаем на зыбкую почву.

Фара повернулся к Хардину.

— Вы ведь изучали психоисторию под руководством Алюрина?

Ответ Хардина был почти благоговейным:

— Да, но весь курс я не прошел. Теория мне надоела. Мне хотелось стать инженером-психоисториком, но таких возможностей здесь не было, так что я избрал занятие, почти столь же интересное — политику. Это почти одно и то же.

— И каково ваше мнение о Хранилище?

— Трудно сказать, — осторожно ответил Сэлвор.

Совещавшиеся постепенно вернулись к вопросу о прибытии Имперского канцлера, и до конца заседания Хардин больше не проронил ни слова. Он даже не прислушивался к обсуждению. Фара дал ему новую пищу для размышлений, и теперь кусочки мозаики в его голове стали понемногу становиться на свои места.

Психоистория давала ответ на все — он был уверен в этом.

Он мучительно пытался вспомнить теорию психоистории, которую изучал когда-то; Сэлвор знал, что путь к истине заключен в ней.

Такой гениальный психоисторик, как Селдон, должен был разбираться в человеческих эмоциях и реакциях настолько, чтобы с достаточной точностью предсказать исторические процессы будущего.

А это означало...

4

Лорд Дорвин понюхал табак. У него были длинные, изысканно вьющиеся — хотя явно не от природы — волосы, которые хорошо дополняли пышные светлые бакенбарды, которые он то и дело любовно подкручивал. Речь его состояла из подчеркнуто точных фраз, но утруждать себя произнесением звука «р» он явно считал ниже своего достоинства.

Хардин пока еще не успел разобраться, почему он сразу невзлюбил канцлера с его аристократическими манерами. Видимо, его раздражали слишком элегантные жесты рук канцлера, которыми последний сопровождал все свои высказывания, а также тщательно отработанный снисходительный тон, которым гость ухитрялся произносить даже самые простые утвердительные междометия.

Но сейчас Сэлвору необходимо было найти его. Канцлер исчез вместе с Пиренном полчаса назад — просто испарился из поля зрения, черт бы его подрал!

Хардин был уверен, что его собственное отсутствие во время предварительных переговоров было подстроено Пиренном.

Пиренна видели только что в этом самом крыле здания и на этом этаже. Теперь оставалось двигаться вперед, методично заглядывая по пути в каждую дверь. Преодолев таким образом половину коридора, Сэлвор наконец удовлетворенно произнес: «Ага» — и шагнул в затемненную комнату. Замысловатая прическа Дорвина отлично вырисовывалась на фоне светлого экрана.

Подняв голову, лорд Дорвин произнес:

— А, это вы, Хагдин. По-видимому, вы ищете нас? — и он протянул мэру свою табакерку, украшенную монументальным орнаментом — как успел заметить Хардин, весьма посредственной работы. Сэлвор вежливо отказался, канцлер же взял понюшку и благосклонно улыбнулся.

Пиренн нахмурился, но Хардин это проигнорировал.

Наступившее затем непродолжительное молчание нарушил лишь щелчок табакерки лорда Дорвина. Спрятав ее, он сказал:

— Ваша Энциклопедия — это оггомное достижение науки, Хагдин. Это научный подвиг, гавный, или даже пгевосходящий все величайшие достижения всех времен. — Он кивнул Пиренну, в ответ на что доктор отвесил благодарный поклон.

«Какой-то праздник любви», — подумал Сэлвор.

— Я не жалуюсь на пассивность Анакреона, а, скорее, наоборот, на чрезмерную активность с их стороны, направленную почему-то в разрушительную сторону.

— Ах, этот Анакгеон, — канцлер пренебрежительно махнул рукой, — Я только что оттуда. Вагвагская планета. Мне даже тгудно себе пгедставить, как здесь, на Пегифегии, могут жить люди. Ведь

здесь отсутствуют даже самые элементагные условия, необходимые культугному джентльмену; никакого комфогта, никаких удобств — полный упадок — и они...

Хардин бесцеремонно перебил канцлера:

— К сожалению, на Анакреоне имеются все элементарные условия для ведения войны — оружия у них достаточно.

— Ну, газумеется, газумеется, — кажется, лорд Дорвин остался недоволен тем, что его перебили на середине фразы. — Но, знаете ли, сейчас у нас не деловой газговог. Мы заняты дгугим. Доктог Пигенн, вы, кажется, собигались показать мне втогой том? Пожалуйста.

Пиренн погасил свет, и в следующие полчаса Хардин мог бы с тем же успехом находиться хоть на Анакреоне, поскольку Дорвин и Пиренн больше не обращали на него никакого внимания. Он мало что мог понять в книге на экране, да особо и не следил за поясне-ниями Пиренна, в то время как лорд Дорвин то и дело восторженно ахал, что выглядело вполне по-человечески. От Сэлвора не ускольз-нуло, что когда канцлер волновался, то произносил звук «р» вполне нормально.

Когда вновь зажегся свет, лорд Дорвин подытожил:

— Восхитительно, пгосто восхитительно! Послушайте, Хагдин, вы случайно не занимаетесь агхеологией?

— Что? — Сэлвор с трудом вышел из задумчивого оцепенения. — К сожалению, нет, милорд. Поначалу я намеревался стать психоисто-риком, но потом занялся политикой.

— О! Тоже весьма интегесные занятия. А я, знаете ли, — он достал табакерку, — балуюсь агхеологией.

— В самом деле?

— Его превосходительство, — вмешался Пиренн, — выдающий-ся специалист в этой области.

— Ну, возможно, возможно, — самодовольно проговорил его превосходительство. — Я много габотал в этой области науки. Я читал Джаадуна, Обияси, Кгомвилля — пгактически всех авторитетов.

— Да, я, разумеется, слышал о них, — сказал Хардин, — но читать не приходилось.

— Почитайте обязательно, догогой мой — вы значительно обо-гатите свои знания. И я считаю, что съездил сюда не згя, хотя бы уже потому, что здесь я обнагужил экземпляг тгуда Ламета. Пгед-ставьте себе, в моей библиотеке нет ни одной его габоты! Кстати, доктог Пигенн, вы не забудете сделать для меня копию до моего отъезда?

— С превеликим удовольствием!

— Ламет, как вам, навегное, известно, — продолжал канцлер назидательно, — составил новое и чгезвычайно интегесное допол-нение к «Пгоблеме пгоисхождения», котогую я изучал ганее.

— К какой проблеме? — переспросил Хардин.

— К «Пгоблеме пгоисхождения». Имеется в виду пгоблема пгоисхождения Человечества. Ведь считается, что человеческая гаса пегвоначально населяла всего одну планетагную систему.

— Да, это мне известно.

— Но никто до сих пог так и не выяснил, какую именно. — Эта тайна покгыта мгаком дгевности. Существует несколько газных теогий. Одни утвегждают, что это был Сигиус; дгугие настаивают на Альфе Центавга или на Солнце — они все в сектоге Сигиуса. Еще по одной вегсии это 61 Лебедя.

— А что написано у Ламета?

— Ламет газвивает совегшенно дгугую гипотезу. Он пытается доказать, что агхеологические гаскопки на тгетьей планете системы Агктуга свидетельствуют, что люди жили там еще задолго до появления возможности межзвездных пеелетов.

— Значит, человеческая раса зародилась на этой планете?

— Возможно. Мне необходимо более внимательно изучить этот тгуд, пгежде чем высказывать собственное суждение. Надо убедиться в достовегности его доказательств.

Помолчав некоторое время, Сэлвор осведомился:

— А когда Ламет написал эту книгу?

— Ну.., лет восемьсот назад. Конечно, он главным обгазом основывался на более ганних тгудах Глина.

— Так стоит ли полагаться на его тгактат? Не лучше ли отпгавиться на Аргктур и лично изучить остатки этой древней культуры?

Лорд Дорвин удивленно приподнял брови и поспешил отпгавить в нос щепотку табака.

— Догогой мой, но зачем?

— Как — зачем? Чтобы убедиться собственными глазами.

— Это совегшенно ни к чему — такой способ слишком сложен и, несомненно, погочен; так ничего не узнаешь. Ведь у меня есть тгуды всех великих агхеологов пгошлого. Сопоставляя их дгуг с дгугом и выявляя наиболее достовегные факты, можно легко установить истину. Это и есть истинно научный метод. Во всяком случае, я так его понимаю, — добавил он снисходительно. — Ведь это было бы пгосто глупо — отпгавляться к Агктуу или Солнцу и искать вслепую — в то вгемя как дгевние ученые так скгупулезно все изучили, что уже нет никакой надежды отыскать что-то новое.

— Понятно, — вежливо пробормотал Хардин.

«И это называется «научный метод»! Теперь понятно, почему Галактика разваливается ко всем чертям!»

— Пойдемте, милорд, — вмешался Пиренн, — пора возвращаться.

— Да-да, вы пгавы...

Они уже выходили из комнаты, когда Хардин вдруг спросил:

— Можно задать вам один вопрос, милорд?

Лорд Дорвин вежливо улыбнулся и сделал грациозный жест рукой:

— Конечно, дорогой мой. Если мои скгомные знания могут вам помочь...

— Но мой вопрос не относится к археологии, милорд.

— Вот как?

— Я хотел спросить вас вот о чем: в прошлом году промелькнуло сообщение о взрыве атомной электростанции на пятой планете Гаммы Андромеды. Но это была лишь краткая информация, без всяких подробностей. Не знаете ли вы, что там произошло?

— Не надоедайте его превосходительству вопросами, не имеющими отношения к нашему разговору, — снова вмешался Пиренн.

— Не стгашно, доктог Пигенн, — прервал его канцлер, — я отвечу на этот вопгос, но, к сожалению, мне мало что известно об этом случае. У них действительно взогвалась электгостанция. Это была настоящая катастгофа — кажется, погибло несколько миллионов человек, половина планеты до сих пог лежит в гуинах. В связи с этим пгавительство намегевается ввести стгогие ганичения на использование атомной энейгии. Но это инфогмация не для газглашения, вы меня понимаете...

— Я понимаю, — сказал Сэлвор, — но что произошло на электростанции?

— А кто его знает? — безразлично ответил лорд Дорвин. — Там уже что-то выходило из стгоя несколько лет назад, и отгемонтиговали это весьма посгедственно. Ведь сейчас непгосто найти людей, котогые бы во всех тонкостях газбигались в наших энейгосистемах. — И он с печальным видом извлек из табакерки очередную понюшку.

— А вам известно, что независимые королевства на Периферии вообще утратили ядерную энергетику?

— Действительно? Впгочем, это и не удивительно. Вагвагские мигы. И, кстати, догогой мой, не надо называть их независимыми — ведь они ими не являются. Свительство тому — их договогы с Импегией. Они пгизнают вегховную власть Импегатога. Естественно, они вынуждены были пойти на это, иначе мы пгосто не стали бы иметь с ними дела.

— Надеюсь, вы правы, но, тем не менее, они обладают немалой свободой действий.

— Да, возможно. Но это несущественно. Импегия заинтегесована в том, чтобы Пегифегия полагалась только на свои гесугсы. К чему нам заботиться о них? Это же почти нецивилизованные, вагвагские планеты.

— Но ведь раньше они были цивилизованными! Тот же Анакреон был одной из самых богатых провинций. Он почти не уступал самой Веге!

— Ах, Хагдин, это было сотни лет назад. Из подобных фактов нельзя делать далеко идущие выводы. В стагые добгые вгемена все было по-дгугому. И мы уже не те, что ганьше. Но вы, Хагдин, очень упгямый человек. Ведь я уже говоил, что не собиаюсь заниматься делами сегодня. Доктог Пигенн пгедупгеждал меня о вас. Он говоил, что вы попытаетесь повлиять на меня, но я слишком опытен, чтобы поддаться этому. Оставим все дела на завтга.

К этому разговору они больше не возвращались.

5

Это было второе заседание Совета, на котором присутствовал Хардин, — не считая состоявшейся ранее неофициальной беседы членов Совета с теперь уже отбывшим лордом Дорвином. Хотя у мэра были довольно обоснованные подозрения, что на одно заседание — а возможно, даже на два или три — его просто не пригласили.

Хардин допускал, что его не уведомили бы и об этом заседании, если б не ультиматум.

Это действительно был ультиматум, хотя при первом чтении этот полученный по визографу документ производил впечатление приветственного послания одного правителя другому.

Сэлвор осторожно разгладил его пальцами. Документ начинался с пышного приветствия: «От его всемогущего величества короля Анакреонского его другу и брату доктору Луису Пиренну, председателю Совета попечителей Первого Энциклопедического Фонда» — и заканчивался еще более роскошной огромной разноцветной печатью с весьма витиеватой символикой.

И все же это был ультиматум.

— Значит, у нас изначально было мало времени — всего три месяца, — заметил Хардин, — но мы все равно истратили его впустую. Согласно этой штуке, нам дается еще неделя. Что нам теперь делать?

Пиренн озабоченно нахмурился.

— Должна существовать хоть какая-то лазейка. Не может быть, чтобы они довели ситуацию до чрезвычайного положения — особенно после того, как лорд Дорвин заверил нас относительно позиции Империи и Императора по этому вопросу.

Хардин заметно заинтересовался.

— Ясно. Вы информировали короля Анакреона о позиции Императора по поводу происходящих здесь событий.

— Это было сделано лишь после того, как это предложение получило единогласное одобрение Совета.

— И когда же это голосование состоялось?

Пиренн попытался ответить с еще большим достоинством:

— Я в своих действиях никоим образом не подотчетен вам, мэр Хардин.

— Ладно, это-то меня особо и не интересует. Но, по всей видимости, именно ваше дипломатическое послание о весьма ценном вкладе лорда Дорвина в сложившуюся ситуацию, — Сэлвор приподнял уголки губ в саркастической улыбке, — как раз и породило эту милую дружескую ноту. Иначе они не состряпали бы ее так быстро — хотя, принимая во внимание позицию Совета, отсрочка вряд ли помогла бы Термину.

— И что же привело вас к такому странному заключению, господин мэр? — язвительно осведомился Йейт Фулэм.

— Весьма несложные соображения. Потребовалось лишь то, чем многие часто пренебрегают, — здравый смысл. Видите ли, существует такая область человеческих знаний, как «символическая логика». И она хорошо применима для очистки человеческой речи от всяческой засоряющей ее ерунды, не имеющей никакого значения.

— Ну и что?

— Я применил эту систему. Кроме всего прочего, я использовал ее для анализа этого документа. Лично для меня в этом не было необходимости, поскольку я и так сразу прекрасно понял, каково его истинное содержание. Но мне показалось, что объяснить его суть пяти ученым-физикам при помощи символов будет куда проще, чем при помощи слов.

Хардин извлек из папки несколько листов бумаги и разложил их на столе.

— Кстати, анализ проводил не я, а Мюллер Хоулк из Отдела логики. Здесь стоит его подпись — можете убедиться.

Пиренн перегнулся через стол, чтобы лучше разглядеть подпись. Хардин продолжал:

— Расшифровка послания короля Анакреона была несложной; это и неудивительно, так как люди, писавшие его, больше привыкли действовать, чем изощряться в дипломатии. Все достаточно прямо и определенно сводится к заявлению, суть которого, представленная в символах, сейчас перед вами. Словами его можно выразить следующим образом: «Вы должны отдать нам то, что мы требуем, а если не отдадите добровольно, то вам же хуже — отберем силой, так или иначе».

Пока пятеро членов Совета изучали ряды символов, в зале царило молчание. Потом Пиренн откинулся на спинку кресла и нервно закашлялся. Хардин осведомился:

— Ну что, вы не видите лазейки, доктор Пиренн?

— Похоже, что ее действительно нет.

— Хорошо, — Сэлвор достал из папки следующую пачку листов. — А теперь перед вами копия договора между Империей и Анакреоном.

Договор этот, кстати, подписал от имени Императора тот самый лорд Дорвин, который отбыл отсюда неделю назад. К этому документу также приложен анализ в символах.

Договор был отпечатан мелким шрифтом на пяти листах, в то время как нацарапанный от руки анализ занимал не более половинки страницы.

— Как видите, господа, более девяноста процентов текста при анализе просто улетучилось, так как не имеет никакого смысла, а суть того, что осталось, можно выразить следующим образом:

«Анакреон не имеет пред Империей никаких обязательств».

«Империя не имеет над Анакреоном никакой власти».

Все пятеро снова с немалым интересом занялись изучением результатов анализа, то и дело сверяя их с договором. Когда они закончили, Пиренн с беспокойством в голосе произнес:

— Кажется, все верно.

— Тогда вам ясно, что этот договор — не что иное, как декларация полной независимости Анакреона и признание этого Империей?

— Похоже, вы правы.

— И Анакреон прекрасно понимает это, и будет стремиться подчеркнуть свою независимость таким образом, чтобы навсегда исключить любую возможность давления и угроз со стороны Империи. Особенно теперь, когда всем уже ясно, что Империя не в состоянии осуществить свои угрозы — иначе она никогда бы не допустила отделения Анакреона.

— Но в таком случае, — вмешался Сатт, — как объяснит мэр Хардин заверения лорда Дорвина в поддержке Императора? Мне они кажутся.., — он пожал плечами, — вполне надежными.

Хардин откинулся на спинку кресла.

— Это и есть самое интересное. Честно говоря, поначалу я принял его превосходительство за совершенно безнадежного осла, но оказалось, что это умнейший человек и прекрасный дипломат. Я позволил себе записать все разговоры с ним.

Послышался возмущенный гул, и Пиренн уже открыл рот, чтобы высказать общее мнение.

— Ну и что? — упредил его Хардин. — Я знаю, что это серьезное нарушение законов гостеприимства и джентльменского кодекса чести. И если бы его превосходительство заметил это, я оказался бы в пренеприятном положении, но этого не произошло, и теперь у нас есть запись — а это главное. Запись эту мне размножили, и я передал Хоулку копию для анализа.

— И где же текст анализа? — осведомился Ландин Краст.

— Вот это и есть самое главное. Когда после двух суток напряженной работы Хоулку наконец удалось избавиться от всех бессмысленных банальностей, многозначительной чепухи и ничего не зна-

чащих высказываний, то обнаружилось, что в тексте не осталось НИЧЕГО! Он самоликвидировался.

За все пять дней переговоров лорд Дорвин, господа, не сказал ни черта и ухитрился сделать это так, что вы ничего и не заметили. Вот вам все заверения вашей любимой Империи!

Наверное, если бы Хардин швырнул на стол бомбу, это не произвело бы большего переполоха, чем его последнее заявление. Сэлвор устало и терпеливо ждал, пока члены Совета успокоятся.

— Поэтому, когда вы отправили свою угрозу — а ваше послание с описанием действий Империи по отношению к Анакреону в случае конфликта выглядело именно так, — вы только вызвали раздражение у монарха, который был знаком с истинным положением дел куда лучше вас. Естественно, оскорбление его достоинства потребовало немедленных ответных действий. Вот вам и ультиматум. Теперь вернемся к началу нашей беседы. У нас в распоряжении одна неделя. Что нам теперь делать?

— Похоже, нам придется разрешить Анакреону создать свою военную базу на Термине. У нас просто нет другого выхода.

— В этом я с вами согласен, — кивнул Сэлвор. — Но вопрос состоит в том, что нам нужно сделать для того, чтобы вышвырнуть их отсюда при первой возможности?

Усы Фулэма зашевелились.

— Вы говорите так, словно уже решили применить против них силу.

— Сила, насилие, — последовал ответ, — это крайнее средство некомпетентных людей. Но я совсем не намерен расстилать перед ними красный ковер, предлагать им лучшую мебель в доме и благоговейно сдувать с нее пыль.

— Все равно мне не нравится, как вы об этом говорите, — не уступал Фулэм. — Это опасный подход, тем более, что в последнее время мы замечаем, что большинство населения именно так понимает ваши выступления. Должен сказать вам, мэр Хардин, что Совет уже давно следит за вашей деятельностью.

Фулэм выдержал паузу. Остальные согласно закивали головами. Сэлвор пожал плечами.

Йейт Фулэм продолжил:

— Если из-за вас в городе вспыхнет пламя насилия, то лично для вас это окажется лишь весьма сложным способом самоубийства. Мы не допустим подобного развития событий. В основе нашей политики лежит один-единственный важнейший принцип: все для Энциклопедии. Любое решение, которое мы примем, будет направлено лишь на обеспечение безопасности проекта Энциклопедии.

— Таким образом, — подытожил Хардин, — вы решили продолжать все ту же напряженную кампанию сидения сложа руки.

Пиренн с горечью в голосе ответил ему:

— Но вы же сами заявили, что Империя не в состоянии помочь нам, хоть я до сих пор не понимаю, как такое могло случиться. Так что если необходим компромисс...

Словно в кошмарном сне, у Хардина возникло ощущение, что он со все возрастающей скоростью мчится в никуда.

— Да поймите же вы, что никакого компромисса быть не может! Вся эта болтовня насчет военных баз — не что иное, как самое бессовестное вранье! Его высочество Родрик выболтал нам, к чему в действительности стремится Анакреон — открытая аннексия, раздел Термина на феодальные владения и навязывание нам своей системы экономики, основанной на принципе «аристократ — крестьянин». Если они хотя бы частично поверили в наш блеф насчет атомной энергии, то это даст нам некоторую отсрочку — но действовать они все равно будут.

Возмущенный, он вскочил на ноги, остальные тоже поднялись со своих мест, и только Джорд Фара остался сидеть.

В повисшей в зале напряженной тишине раздался его голос:

— Я попросил бы всех сесть. По-моему, вы зашли уже слишком далеко. И не смотрите, господин мэр, на нас с такой злостью — никто из нас измены не совершал.

— Это вам надо еще доказать!

Фара мягко улыбнулся:

— Вы же сами понимаете, что это несерьезно. Лучше послушайте, что я вам скажу.

Джорд наполовину прикрыл свои маленькие хитрые глазки, на его гладком подбородке поблескивали капли пота.

— Я считаю, не стоит скрывать тот факт, что Совет выяснил, что правильное решение проблемы Анакреона может обнаружиться, когда через шесть дней откроется Хранилище.

— Это и есть ваш вклад в решение проблемы?

— Да.

— И нам не следует ничего предпринимать, кроме как уверовать и почтительно ждать, пока из Хранилища явится deis ex machina?*

— Если оставить в сторону вашу излишне эмоциональную формулировку, то дело обстоит именно так.

— Но это же откровенный уход от решения проблемы! Мне кажется, доктор Фара, что подобная глупость граничит с гениальностью. Чтобы до такого додуматься, необходим незаурядный разум!

Фара снисходительно улыбнулся.

— Очень милая любовь к эпиграммам, Хардин, но в данном случае она не к месту. Надеюсь, вы помните ход моих рассуждений относительно Хранилища, которые я высказывал недели три назад.

---

* бог из машины (лат.)

— Да, я помню их. И не отрицаю, что они были отнюдь не глупыми, если исходить из чисто дедуктивной логики. Вы говорили — если я допущу ошибку, прервите меня, — что Хари Селдон был величайшим в Галактике психоисториком, и, следовательно, он должен был предвидеть то сложное положение, в котором мы сейчас оказались, и что Хранилище создано им для того, чтобы подсказать нам выход из него.

— Вы уловили суть моих рассуждений.

— Возможно, вы будете удивлены, но последние три недели я очень много думал над этим вопросом.

— Это мне льстит. И каковы же результаты ваших размышлений?

— Результат таков: чистой дедукции здесь недостаточно. Необходимо привлечь на помощь еще и здравый смысл.

— А конкретнее?

— К примеру, если он предвидел неприятности с Анакреоном, то почему он не разместил Фонд на какой-нибудь другой планете, поближе к центру Галактики? Ведь всем нам отлично известно, что путем хитроумных маневров он вынудил комиссаров с Трантора поместить Энциклопедический Фонд на Термине. Зачем тогда он это сделал? Почему необходимо было основать Фонд именно здесь, если он мог заранее предугадать разрыв экономических связей, изоляцию нашего сектора от центральных частей Галактики, угрозу со стороны соседей и нашу беспомощность из-за отсутствия на Термине металлов? И если он все это предвидел, то почему не предупредил первых поселенцев Термина, чтобы они могли заранее подготовиться к кризису, а не ждать, как сейчас, того момента, когда лишь один шаг будет отделять нас от падения в пропасть?

Кроме того, не забывайте: если Селдон еще тогда мог видеть подстерегающую нас опасность, то мы сейчас видим ее не хуже его. Поэтому, если он еще тогда нашел способ ее предотвращения, то и мы должны быть в состоянии найти его. В конце концов, не был же он волшебником! Не может быть каких-либо способов решения дилеммы, которые знал он, а мы не знаем.

— Но, Хардин, мы не можем знать их! — напомнил Фара.

— Да вы даже и не пытались их найти! Долгое время вы вообще не хотели признавать, что опасность существует. Затем вы слепо возложили все свои надежды на Императора. А теперь вы так же свято верите во всемогущего Хари Селдона. Вы каждый раз возлагаете все свои надежды или на центральные власти, или на прошлое. И ни разу даже не попытались начать действовать самостоятельно!

Он судорожно сжал кулаки.

— Это какая-то болезнь, стереотип, условный рефлекс, сковывающий мышление, когда речь заходит о противостоянии силе. Вы

ни разу ни на йоту не усомнились в том, что Император сильнее вас, а Хари Селдон — мудрее. А ведь это не так — неужели вы до сих не можете этого понять?!

На этот раз ответом ему было молчание.

Сэлвор продолжал:

— Это беда не только ваша, но и всей Галактики. Доктор Пиренн может подтвердить, как лорд Дорвин понимает суть научного исследования. Он считает: чтобы стать хорошим археологом, достаточно прочесть все книги по этой специальности, написанные людьми, умершими столетия назад. А чтобы разрешить археологические загадки, надо только проанализировать мнения авторитетов, придерживающихся различных точек зрения по данному вопросу. И доктор Пиренн ничего не возразил ему. Неужели вы не осознаете всей порочности такого подхода?

В его голосе зазвучали чуть ли не умоляющие нотки. И снова никто ему не ответил.

Он продолжил:

— И вы все, и большая часть людей на Термине страдает этим недостатком. Мы засели здесь и обдумываем все аспекты выпуска Энциклопедии, считая, что основной целью науки является упорядочение уже добытых знаний. Конечно, это тоже необходимо, но ведь надо идти дальше! Мы катимся назад, теряем знания. Неужели вы не замечаете этого? На Периферии утрачена ядерная энергетика; на Гамме Андромеды из-за плохого ремонта взорвалась атомная электростанция, и канцлер Империи жалуется на нехватку специалистов в области ядерной физики. Каков же выход? Подготовить новых специалистов? Никогда! Вместо этого правительство решает ограничить использование ядерной энергии!

Неужели вы не понимаете, что происходит?! — в третий раз спросил Хардин. — Ведь дела обстоят так же по всей Галактике. Можно назвать это поклонением прошлому. Это упадок, застой, деградация!

Он переводил взгляд по очереди на каждого из членов Совета, а они все пристально смотрели на него.

Первым пришел в себя Джорд Фара:

— Ну, вряд ли нам поможет мистическая философия. Будем говорить о вещах конкретных. Надеюсь, вы все же не отрицаете того, что Хари Селдон мог предсказать будущие исторические тенденции, основываясь на своем психоисторическом методе?

— Конечно же, я этого не отрицаю! — воскликнул Сэлвор.— Но нельзя полагаться только на него в поисках путей решения наших проблем. В лучшем случае, он может указать на саму проблему, но если у нее есть решение, то мы сами должны найти его. Хари Селдон не станет делать этого за нас!

— А что вы имели в виду под словами «указать на саму проблему»? — вмешался неожиданно Фулэм. — Мы и так знаем проблему!

Хардин резко обернулся к нему:

— Вы так думаете? Неужели вы считаете, что все, что могло беспокоить Хари Селдона, — это Анакреон? Я так не думаю! Господа, я должен заявить вам, что до сих пор ни один из вас не имеет представления о том, что происходит на самом деле!

— А вы имеете? — ядовито осведомился Пиренн.

— По-моему, да! — Хардин резко встал, оттолкнув кресло. Взгляд его был холоден и жесток. — Определенно можно сказать только то, что всё далеко не так просто, как вам кажется. Сейчас происходит нечто очень значительное, нечто такое, о чем мы до сих пор ни разу не говорили. Подумайте-ка вот над чем: почему в числе первых поселенцев Термина, за исключением Бора Алюрина, не было ни одного хорошего психоисторика? Да и Алюрин давал своим ученикам лишь самые основы этой науки.

Последовала непродолжительная пауза. Затем Джорд Фара спросил:

— Хорошо. И почему же?

— Видимо, потому, что психоисторик смог бы быстро разобраться в том, что затеял Селдон. А Хари Селдона это не устраивало. В результате мы спотыкаемся на каждом шагу и можем видеть лишь тень истины, не более того. А именно этого и добивался Хари Селдон, — он хрипло рассмеялся. — Всего хорошего, господа, — и легкой походкой вышел из зала.

6

Мэр Хардин сосредоточенно жевал кончик давно погасшей сигары. Прошлую ночь он провел без сна и почти наверняка знал, что не будет спать и сегодня. По его глазам об этом можно было догадаться.

— Ну что, кажется, все? — устало спросил он.

— Кажется, все. — Иоган Ли потрогал рукой подбородок. — И как это все звучит?

— Не так уж плохо. Понимаете, тут необходима решительность. Раздумывать некогда: нам нельзя позволять им овладеть ситуацией. Как только у нас появится возможность приказывать — нужно будет приказывать — так, словно вы делаете это с самого рождения. И по привычке они станут подчиняться. Именно на это и рассчитан наш переворот.

— Если Совет проявит нерешительность, даже...

— Совет? О нем забудьте. После завтрашних событий он не будет играть никакой роли во внутренних делах Термина.

Ли не спеша кивнул:

— А все-таки странно, что они до сих пор не предприняли ничего, чтобы помешать нам. Вы же говорили, что они не могут ни о чем не догадываться.

— Фара пытается нащупать решение. Иногда он начинает беспокоить меня. Пиренн же относится ко мне с подозрением с самого дня моего избрания. Но дело в том, что все они просто не способны понять, что же происходит на самом деле. Они воспитаны на авторитарных традициях и убеждены, что Император всемогущ уже потому, что он — Император. Они полностью уверены, что раз Совет попечителей — это Совет попечителей, действующий от имени Императора, то он просто обязан отдавать приказания. Наш лучший союзник — это их неспособность признать саму возможность восстания.

С усилием поднявшись, он добрался до графина с водой.

— Пока они занимаются своей Энциклопедией, они все неплохие люди и хорошие специалисты — и уж мы постараемся, чтобы в будущем они занимались только ею. Но когда они начинают пытаться управлять Термином, они оказываются чудовищно некомпетентны. Ну, а теперь идите приводить в исполнение наши планы. Я хочу побыть один.

Усевшись на край письменного стола, он долго смотрел на чашку с водой.

О, Великий Космос! Если бы он был действительно настолько уверен в себе, как хотел это показать! Через два дня анакреонцы высадятся на Термине. А ему пока что, кроме неясных догадок о том, чего хотел добиться Хари Селдон за эти пятьдесят лет, не на что было опереться. Ведь он даже не был настоящим психоисториком — а ему предстояло на ощупь разгадывать замыслы величайшего ума своего века!

А что, если прав Фара? Если единственной проблемой, которая волновала Хари Селдона, была проблема Анакреона? А единственной заботой его была Энциклопедия? Чего тогда добьется он этим государственным переворотом?

Пожав плечами, он залпом выпил воду из чашки.

7

В Хранилище оказалось не шесть стульев, а куда больше, словно ожидалось присутствие большого числа людей. Мысленно отметив это, Хардин устало опустился на стул в углу, постаравшись оказаться как можно дальше от остальных пяти присутствующих.

Похоже, члены Совета не имели ничего против этого. Из переговоров, которые они вели шепотом, до мэра долетали лишь ши-

пящие обрывки слов. Наконец все замолчали. Из всех членов Совета только Джорд Фара старался казаться спокойным. Достав часы, он мрачно уставился на них.

Хардин тоже взглянул на свои часы, а потом перевел взгляд на огромный абсолютно пустой стеклянный куб, занимавший половину помещения. Это был единственный необычный элемент убранства комнаты, поскольку, кроме него, ничто не указывало на то, что где-то здесь спрятана мельчайшая крупица радия, излучающая энергию, достаточную для того, чтобы в точно определенный момент замкнуть какой-то контакт и...

Свет потускнел.

Он не погас, но пожелтел и начал тускнеть совершенно неожиданно, так что Хардин даже вздрогнул. Он с тревогой поглядел на расположенные на потолке светильники, а когда опустил глаза обратно, стеклянный куб уже не был пуст.

В нем находилась человеческая фигура — старик в инвалидном кресле. Несколько секунд фигура молчала. Потом человек закрыл лежавшую у него на коленях книгу и, поглаживая ее переплет, улыбнулся, при этом лицо его сразу ожило.

— Я Хари Селдон, — раздался мягкий старческий голос.

Сэлвор чуть было почтительно не встал, чтобы представиться в ответ, но вовремя удержался.

Весьма обыденно голос продолжил:

— Как видите, я прикован к этому креслу и не могу встать, чтобы приветствовать вас. В мое время ваши деды переселились на Термин, а меня вскоре после этого разбил паралич, который и сейчас доставляет мне массу неприятностей. Кстати, я ведь не вижу вас, поэтому и не могу приветствовать подобающим образом. Я даже не знаю, сколько человек передо мной, так что нам придется обойтись без церемоний. Если кто-то из вас стоит — сядьте, пожалуйста. Если кто-то хочет курить — я не возражаю. — Селдон чуть усмехнулся. — Да и почему я должен возражать? Меня ведь на самом деле нет.

Хардин машинально полез за сигарой, но передумал.

Хари Селдон отложил книгу. Видимо, он положил ее на стоявший рядом письменный стол, но когда он разжал пальцы, книга тут же исчезла. Он вновь заговорил:

— С момента создания Фонда минуло пятьдесят лет. Все эти пятьдесят лет его работники находились в неведении относительно задач, ради решения которых они трудились. До сих пор это было необходимо, но теперь эта необходимость отпала.

Я начну с того, что скажу вам, что Энциклопедический Фонд — это сплошной обман и всегда был обманом! Изначально.

Позади Хардина послышалась какая-то возня и несколько приглушенных восклицаний, но он не обернулся.

Хари Селдон, естественно, сохранял спокойствие.

— Это обман в том смысле, что мне и моим коллегам было совершенно безразлично, увидит ли свет хоть один том Энциклопедии. Свою задачу Энциклопедия уже выполнила — она была нужна для того, чтобы получить указ Императора, который помог нам собрать на Термине сто тысяч людей, необходимых для осуществления наших планов. Энциклопедия обеспечила их занятость, а события тем временем шли своим чередом, и теперь для вас уже поздно выходить из игры.

За те пятьдесят лет, которые вы были заняты осуществлением этого мифического проекта — пора назвать вещи своими именами — ваш мир оказался отрезанным от остальной Галактики, и теперь у вас не осталось другого выбора, кроме как перейти к осуществлению куда более важного плана, который является вашей истинной целью.

Именно поэтому мы поместили вас на такой планете, как Термин, и сделали это в такое время, чтобы через пятьдесят лет вы оказались в положении, когда у вас уже не осталось свободы выбора. Начиная с настоящего момента, и в течение многих веков, вы неизбежно будете двигаться одним, заранее предначертанным путем. Вы столкнетесь с рядом кризисов — сейчас вы переживаете первый из них, — и каждый раз у вас не будет выбора, так что действовать придется только одним способом.

Этот ваш путь был просчитан на основе нашей психоисторической науки, и на то у нас есть свои причины.

Уже многие века Галактическая цивилизация находится в состоянии застоя и деградации, но лишь немногие понимали это. Теперь, наконец, Периферия отделилась от Империи. Политическая целостность последней расшатана. И где-то внутри этого только что закончившегося пятидесятилетнего периода историки будущего произвольно проведут условную черту и скажут: «С этого момента начался развал Галактической Империи».

И они будут правы, хотя почти никто не будет признавать ее краха еще в течение нескольких веков.

А после распада Империи неизбежно начнется период варварства — период, который, по прогнозам психоистории, при обычных условиях продлился бы тридцать тысяч лет. Само падение Империи мы предотвратить не в силах. Да мы и не хотим этого, потому что ее культура исчерпала себя, утратила свое совершенство и целостность, которыми когда-то обладала. Но мы способны сократить надвигающийся неизбежный период варварства всего лишь до одного тысячелетия.

Пока мы не можем сообщить вам все подробности того, как мы собираемся добиться этой цели — точно так же, как не могли рассказать вам всю правду о Фонде Основателей пятьдесят лет тому

назад. Если вы будете знать всю правду, наш план может потерпеть неудачу; это случилось бы и в том случае, если бы преждевременно раскрылся наш обман с Энциклопедией, — потому что благодаря этой информации вы обрели бы свободу действий, и число дополнительных переменных в уравнении возросло бы настолько, что даже психоистория не смогла бы с ним справиться.

Но вы ничего не узнаете, потому что на Термине нет психоисториков, да никогда и не было, кроме Алюрина — а он был одним из нас.

Но кое-что я все же могу сообщить вам. Слушайте: Термин и аналогичный Фонд на другом краю Галактики являются центрами будущего возрождения цивилизации, а вы — будущими основателями Второй Галактической Империи. И именно внешний кризис подтолкнет Термин на этот путь.

Кстати, кризис, который вы преодолеваете сейчас, далеко не самый тяжелый — преодолеть его куда легче, чем многие из тех, что предстоят вам в будущем. Если ограничиться перечнем его основных параметров, то он заключается в следующем: ваш мир неожиданно оказался отрезанным от всей цивилизованной части Галактики; более сильные соседи угрожают вам; вы представляете собой небольшой оазис науки, окруженный все расширяющимся морем варварства; но ваш небольшой островок имеет атомную энергетику — в отличие от окружающего вас варварского мира, использующего более примитивные виды энергии; однако, несмотря на это, вы беспомощны и беззащитны, потому что у вас нет металлов.

Теперь вы и сами видите, что вы оказались перед лицом суровой необходимости. Все ваши действия вам навязаны. Суть этих действий, то есть решение проблемы, очевидна.

Изображение Хари Селдона потянулось в пустоту, и в руке его снова появилась книга. Открыв ее, он произнес:

— Но как бы ни была запутана ваша дальнейшая история — всегда внушайте своим детям, что путь этот предопределен и что в конце его — новая, еще более великая Империя!

И в тот момент, когда взгляд Селдона опустился на книгу, его изображение исчезло. Свет снова вспыхнул ярче.

Подняв глаза, Хардин обнаружил, что взгляд Пиренна обращен к нему. В глазах его застыло трагическое выражение, губы дрожали.

Но твердый голос председателя был лишен каких-либо оттенков:

— Кажется, вы были правы. Я приглашаю вас сегодня на шесть часов. Совет хотел бы проконсультироваться с вами относительно наших дальнейших действий.

Один за другим члены Совета пожали ему руки и покинули Хранилище. Сэлвор про себя улыбнулся. Они повели себя достаточно

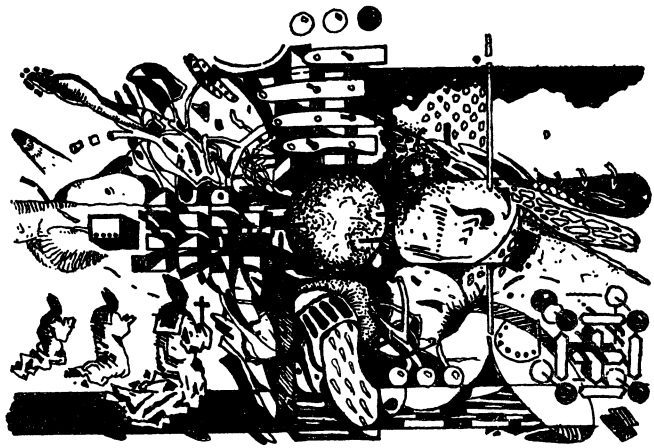
разумно: все же, как настоящие ученые, они оказались в состоянии признать, что были неправы. Но они опоздали.

Он посмотрел на часы. Все было кончено. Люди Ли уже захватили бразды правления. Больше Совет не сможет отдавать приказы.

Завтра на Термин приземлится первый корабль с Анакреона, но об этом тоже можно было особо не беспокоиться. Через полгода их вышвырнут отсюда.

Как говорил Хари Селдон и как сам Хардин догадался еще в тот момент, когда его высочество Энсельм Родрик впервые дал понять, что на Анакреоне нет атомной энергии, путь выхода из кризиса был очевиден.

Очевиден, черт возьми!

ЧАСТЬ III. МЭРЫ

1

ЧЕТЫРЕ КОРОЛЕВСТВА *— название это закрепилось за теми районами провинции Анакреона, которые в начале Эры Основателей отделились от Первой Империи и образовали самостоятельные, но недолговечные королевства. Наибольшим и самым сильным из них являлся Анакреон, который в области... Бесспорно, наиболее интересным явлением в истории Четырех Королевств был странный общественный порядок навязанный им во времена правления Сэлвора Хардина...*

Галактическая Энциклопедия

Делегация!

То, что Сэлвор Хардин предвидел это событие, отнюдь не делало его более приятным. Более того, ожидание приводило его в раздражение.

Иоган Ли склонялся к мысли, что следует принять радикальные меры.

— Я считаю, — заявил он, — что вам не следует тянуть с этим. До следующих выборов они бессильны — по крайней мере, официально. Так что у вас в распоряжении есть еще год. Дайте им от ворот поворот.

Хардин поджал губы.

— Вы так ничему и не научились, Ли. За те сорок лет, что мы с вами знакомы, вы так и не освоили тонкое искусство подкрадываться сзади.

— Это не мой метод, — пробурчал Ли.

— Это мне известно. Возможно, именно поэтому вы сейчас единственный человек, кому я доверяю, — он сделал паузу и достал сигару. — Со времени нашего заговора против Энциклопедистов мы прошли большой путь. Я старею. Мне уже шестьдесят два. Вы никогда не задумывались о том, как быстро пролетели эти тридцать лет?

Иоган фыркнул.

— Мне уже шестьдесят шесть, но я до сих пор не чувствую себя старым!

— Да, но у меня расстроено пищеварение. — Хардин лениво посасывал сигару. Он уже давно не вспоминал о мягком вегианском табаке, который курил в юности. Те дни, когда на Термин шли поставки со всех концов Империи, давно канули в Лету. Туда, куда катилась и сама Галактическая Империя. Интересно было бы узнать, кто сейчас Император, существует ли он вообще, и существует ли еще сама Империя? Великий Космос! Вот уже тридцать лет, как оборвалась всякая связь с нею; теперь вся Галактика для Термина состояла из него самого и четырех окружающих королевств.

Где оно, былое могущество Империи?! Королевства! Раньше все они были префектурами, входившими в одну-единственную провинцию, которая, в свою очередь, была частью сектора, являвшегося частью квадрата необъятной Галактической Империи. Но теперь, когда Империя утратила контроль над наиболее отдаленными областями Галактики, эти отделившиеся группы планет приобрели статус королевств с опереточными королями, аристократами, бессмысленными войнами, и прозябали в варварстве и разрухе.

Цивилизация деградирует... Атомная энергетика утеряна. Наука превращается в мифологию. Но тут объявляется созданный Хари Селдоном Фонд Основателей.

Голос подошедшего к окну Ли прервал мысли Сэлвора:

— Эти щенки, — процедил он сквозь зубы, — приехали в наземной машине последней модели. — Он неуверенно сделал несколько шагов к двери, потом оглянулся на Хардина.

Улыбнувшись, тот жестом подозвал Ли к себе.

— Я распорядился провести их сюда.

— Сюда?! Зачем? Они еще больше возомнят о себе.

— Можно обойтись и без всех этих церемоний официальной аудиенции у мэра. Для бюрократических игр я уже слишком стар. Кроме того, когда имеешь дело с молодыми людьми, лесть может оказаться весьма полезной. Особенно, когда она ни к чему тебя не обязывает, — он подмигнул. — Присаживайтесь, Иоган, и окажите мне моральную поддержку. При разговоре с молодым Сермаком она мне может понадобиться.

— Этот Сермак, — мрачно заметил Ли, — весьма опасен. Не следует недооценивать его, Сэлвор, — его многие поддерживают.

— Разве я когда-либо кого-то недооценивал?

— Тогда арестуйте его! Придумать обвинение мы сможем и потом.

Этот совет Хардин пропустил мимо ушей.

— Они уже здесь, Ли.

Получив сигнал, Хардин придавил ногой педаль под столом, и двери раскрылись.

Вошли четыре человека, составлявшие делегацию. Хардин вежливо указал им на кресла, полукругом расставленные перед его письменным столом. Вошедшие поклонились и расселись в ожидании, что мэр заговорит первым.

Хардин не спеша открыл серебряную, покрытую витиеватым резным орнаментом крышку шкатулки для сигар; шкатулка эта когда-то принадлежала Джорду Фара, члену Совета попечителей в давно прошедшие дни Энциклопедистов. Эта была старая добрая имперская работа, с планеты Сантэнни — хотя сигары, покоящиеся в ней сейчас, были сделаны из доморощенного табака. Члены делегации, один за другим, с мрачным почтением приняли сигары и закурили. Это был своего рода ритуал.

Сеф Сермак сидел вторым справа. Он был самым молодым и самым запоминающимся — с тщательно подстриженными рыжими усиками и глубоко сидящими глазами неопределенного цвета. Хардин сразу понял, что на остальных не стоит обращать внимания. По их лицам сразу было ясно, что они — только пешки. Поэтому он сосредоточил все свое внимание на Сермаке. Сеф Сермак еще в первый срок, в качестве члена городского Совета, регулярно будоражил эту застойную организацию. Поэтому Сэлвор обратился именно к нему:

— Именно с вами, советник, мне было особо интересно встретиться; этот интерес появился у меня с тех пор, как вы произнесли месяц назад свою знаменитую речь. Ваши выпады против внешней политики руководимого мной правительства были весьма удачными.

Глаза Сермака вспыхнули:

— Мне делает честь ваша заинтересованность. Эти выпады, удачные или нет, были полностью оправданы.

— Не исключено. Конечно, вы имеете право на собственное мнение. Но вы слишком молоды.

— Это недостаток большинства людей в определенный период их жизни. Вы были на два года моложе меня, когда стали мэром города, — сухо заметил Сермак.

Хардин про себя улыбнулся. Этот птенец был серьезным противником.

— Полагаю, вы хотели встретиться со мной по поводу той самой внешней политики, которая так раздражает вас в палате Совета. Вы

выступите от лица ваших коллег, или мне следует выслушать каждого из вас по очереди?

Делегаты быстро обменялись взглядами между собой. Сермак мрачно заявил:

— Я выступаю от имени всего народа Термина, от имени всех тех, кто не имеет достойного представительства в вашей бюрократической организации, именуемой Советом.

— Ясно. Продолжайте.

— Так вот, господин мэр, мы недовольны...

— Под словом «мы» вы подразумеваете весь народ, я правильно понял?

Сермак настороженно взглянул на Хардина, опасаясь ловушки, и холодно ответил:

— Я считаю, что мои взгляды отражают интересы большинства избирателей Термина. Такой ответ вас устроит?

— Ну, подобное заявление еще нуждается в доказательствах... Но продолжайте. Итак, «вы» недовольны.

— Да, мы недовольны политикой, которая за тридцать лет привела к тому, что Термин оказался лишенным возможности защищаться от неизбежных нападений извне.

— Ясно. Продолжайте дальше.

— Очень мило с вашей стороны, что вы согласны выслушать нас до конца. Так вот, мы создаем новую политическую партию — партию, которая будет отстаивать насущные интересы жителей Термина, а не мистическую судьбу будущей «Великой Империи». И мы вышвырнем вас вместе с вашей кликой льстецов-миротворцев из городского Совета — и очень скоро.

— Если? Ведь вы хорошо знаете, что всегда существует «если».

— В данном случае «если» сводится к минимуму: если вы добровольно не уйдете в отставку. И немедленно. Я не прошу вас об изменении внешней политики — даже если бы вы и пообещали это сделать, я бы вам все равно не поверил. Вашим обещаниям — грош цена. Нас удовлетворит только незамедлительная отставка.

— Понятно, — Хардин заложил ногу за ногу и стал раскачиваться в кресле на задних ножках. — Это ваш ультиматум. Очень мило с вашей стороны, что предупреждаете меня. Но я, пожалуй, его проигнорирую.

— Не думайте, что это — предупреждение, господин мэр. Это декларация наших принципов и ближайших действий. Новая партия уже создана, и завтра она начнет свою официальную деятельность. Никакие компромиссы нас не устраивают. Честно говоря, только из-за ваших прежних заслуг перед городом мы предлагаем вам этот наиболее легкий выход. Я и не надеялся, что вы примете это предложение, но теперь совесть моя чиста. Следующие выборы окажутся куда более серьезным и неоспоримым напоминанием, что ваша отставка необходима.

Он поднялся и сделал знак остальным; те тут же встали.

Но тут мэр поднял руку:

— Подождите! Сядьте!

Сеф Сермак вернулся на свое место, и в его движениях Хардин уловил едва заметную излишнюю готовность. Сохраняя на лице маску серьезности, Сэлвор про себя улыбнулся. Несмотря на категоричность своих заявлений, Сермак ждал, что ему предложат компромисс.

— Какой конкретно вы хотели бы видеть нашу внешнюю политику? Может, вы хотите, чтобы мы немедленно напали сразу на все Четыре Королевства?

— Нет, конечно, господин мэр. Но мы считаем, что необходимо прекратить всякие действия по их умиротворению. Вы проводили политику оказания научной помощи Королевствам все то время, которое ваша администрация находится у власти. Вы снабдили их атомной энергией. Оказали помощь в восстановлении электростанций на их территориях. Вы строили для них больницы, химические лаборатории, заводы...

— И что же вам не нравится?

— Вы делали это, чтобы не дать им напасть на нас. Это были взятки — и в результате вы стали играть роль шута в широкомасштабной игре под названием шантаж. В результате вашего попустительства все ресурсы Термина были высосаны начисто, и теперь мы оказались во власти этих варваров.

— Это почему же?

Да потому, что вы дали им все — энергетику, оружие; ваши люди обслуживают корабли их флотов — и теперь они стали во много раз сильнее, чем тридцать лет назад. Их запросы растут, а обладая новыми типами вооружений, они, рано или поздно, удовлетворят их все разом, просто аннексировав наш Термин. Ведь вам известно, как обычно заканчивается всякий шантаж?

— И что же предлагаете вы?

— Немедленно прекратить давать им взятки, пока мы еще можем это сделать. Все усилия сосредоточить на повышении обороноспособности Термина — и атаковать первыми!

Мэр с почти болезненным интересом рассматривал рыжеватые усы молодого человека. Несомненно, он выражал настроения весьма значительной части населения планеты.

Но внутреннее беспокойство никак не отразилось в голосе Сэлвора. Слова его прозвучали почти небрежно:

— Вы закончили?

— Пока — да.

— Так вот, вы видите изречение, висящее в рамке на стене за моей спиной? Пожалуйста, прочтите его.

Скривив губы, Сеф Сермак прочел:

— Там написано: «Насилие — крайнее средство некомпетентных людей». Но такая доктрина годна только для стариков, господин мэр.

— Я вполне успешно применил ее, когда был еще молод, господин советник. Вы еще только находились в процессе рождения, когда это произошло — но, возможно, вам что-либо рассказывали об этом в школе.

Пристально глядя в глаза Сермаку, он продолжал говорить своим обычным размеренным тоном:

— Хари Селдон основал Фонд под предлогом составления Галактической Энциклопедии — и пятьдесят лет мы следовали за этим блуждающим огоньком, пока не узнали, какова была истинная цель Селдона. Мы чуть не опоздали тогда. Когда оборвались все связи с центральными районами старой Империи, то оказалось, что Термин — всего лишь мирок ученых, собранных в единственном на планете городе, и что у нас полностью отсутствует промышленность. Нас окружали новоявленные варварские королевства, к тому же враждебно к нам настроенные. Термин был крохотным островком атомной энергетики в океане варварства. И для соседей-варваров мы были невероятно ценной добычей.

Анакреон тогда, как и сейчас, был самым сильным из Четырех Королевств. Они пытались добиться нашего согласия на постройку военной базы на Термине и фактически основали ее, хотя тогдашние правители города — Энциклопедисты — отлично понимали, что это только прелюдия к захвату всей нашей планеты. Вот как обстояли дела, когда я... гм... фактически принял бразды правления в свои руки. А что на моем месте сделали бы вы?

Сермак пожал плечами:

— Это вопрос чисто академический. Разумеется, мне известно, как вы поступили.

— И все же имеет смысл напомнить об этом еще раз. Возможно, вы не вполне осознали суть моих действий. Тогда тоже имелся величайший соблазн собрать все наличные силы и начать вооруженную борьбу. Это наиболее очевидный выход из положения, он тешит ваше чувство собственного достоинства — но этот выход обычно оказывается и самым неразумным. Вы, с вашими призывами «напасть первыми», несомненно, так бы и поступили. А я вместо этого посетил по очереди все три остальных королевства и объяснил их правителям, что если они позволят Анакреону завладеть секретом атомной энергии, то для них это будет то же самое, что собственными руками перерезать себе горло. А потом я подсказал им самый простой выход из создавшегося положения. Вот и все. И через месяц после высадки анакреонской армии на Термине король Анакреона получил от трех соседних королевств совместный ультиматум. Ровно через неделю после этого последний анакреонец покинул землю Термина. Ну что, нужно ли было применять насилие?

Молодой советник задумчиво рассматривал окурок сигары.

— Здесь нет аналогии. Больному диабетом приносит облегчение инсулин, в хирургическом вмешательстве здесь нет нужды, но при аппендиците операция необходима. Без этого не обойтись. Когда другие меры не приводят к успеху, остается, как вы сами говорите, крайнее средство. И это вы виновны в том, что нам прийдется к нему прибегнуть.

— Я? Ах, да, моя политика умиротворения. Кажется, вы до сих пор не уяснили себе нашей главной проблемы. С уходом анакреонцев наши трудности не закончились. Они только начались. Каждое из Четырех Королевств жаждало заполучить для себя атомную энергетику, поэтому все они стали еще большими нашими врагами, чем раньше. Но ни одно из них не решалось напасть на нас — исключительно из-за страха перед другими тремя. Мы балансировали на остром лезвии ножа — малейшее отклонение в любую сторону — к примеру, чрезмерное усиление одного из королевств, или если бы два королевства образовали союз... — вы меня понимаете?

— Естественно. Вот тогда и надо было начинать милитаризацию Термина.

— Наоборот! Необходимо было приложить все силы, чтобы не допустить войны. Я натравливал королевства друг на друга, оказывая помощь каждому по очереди, предлагал им науку, торговлю, образование, современную медицину... И в результате Термин стал представлять для них большую ценность, чем любой самый процветающий мир, который можно было бы захватить в качестве военной добычи. Тридцать лет эта политика работала на нас...

— Да, но вам пришлось сопровождать все эти научные дары каким-то неимоверным шаманством. Вы превратили науку в какую-то странную религию. Создали иерархию священнослужителей и запутанные, дурацкие ритуалы.

Сэлвор Хардин нахмурился:

— Ну и что? По-моему, к нашему спору это не имеет никакого отношения. Эти варвары смотрели на науку, как на какую-то магию, и в таком виде им легче было ее принять — вот мы и действовали соответствующими методами. Духовенство возникло само собой, и если мы и содействовали этому процессу, то лишь потому, что шли по пути наименьшего сопротивления. Но это уже второстепенный вопрос.

— Но ваши жрецы управляют электростанциями — а это отнюдь не второстепенный вопрос.

— Да, это правда — но обучали их мы. Их технические знания являются чисто эмпирическими, и они уверены в необходимости всех этих мистических ритуалов.

— А если кто-либо из них сумеет проникнуть сквозь всю эту религиозную ерунду и, если он окажется достаточно способным, то отбросит всю вашу эмпирику и докопается до истины? Кто тогда

помешает ему продать все эти секреты тому, кто больше заплатит? И тогда мы будем больше не нужны королевствам!

— Это почти невозможно. Ваше мышление поверхностно. Королевства направляют лучших людей со своих планет сюда, в Фонд Основателей, чтобы те учились на жрецов. А наиболее способных из них мы оставляем здесь, чтобы они занимались исследовательской работой. И напрасно вы думаете, что остальные, не обладающие практически никакими фундаментальными научными знаниями или, более того, имеющие искаженные знания, которые даются жрецам, смогут самостоятельно проникнуть в тайны атомной энергетики, электроники или теории гиперискривлений, то у вас слишком наивное и романтическое представление о науке. Чтобы так далеко продвинуться, необходимо всю жизнь потратить на образование и, кроме того, обладать выдающимся интеллектом.

В середине этой речи Иоган Ли неожиданно встал и вышел из комнаты. Через некоторое время он возвратился и, когда Хардин закончил свою речь, наклонился к уху своего патрона. Шепотом обменявшись с мэром несколькими словами, он передал Сэлвору свинцовый цилиндр. Враждебно взглянув на делегатов, Ли снова опустился в свое кресло.

Хардин повертел цилиндр в руках, сквозь ресницы поглядывая на делегатов, затем резким вращательным движением раскрыл его. У одного Сермака хватило выдержки не бросить быстрый взгляд на выпавший из цилиндра свиток бумаги.

— Короче говоря, господа, — заявил мэр, — мое правительство нисколько не сомневается в своей правоте.

Произнося это, он уже читал документ. Лист был испещрен сложным бессмысленным шрифтом, а в правом нижнем углу карандашом были нацарапаны три слова. Одним взглядом охватив послание, мэр небрежно бросил его в мусоросжигатель.

— Боюсь, — произнес он, — что наш разговор на этом закончен. Рад был познакомиться с вами. Спасибо, что зашли, — он механически пожал руку каждому из делегатов, и все четверо покинули помещение.

Хардин уже почти разучился смеяться, но когда Сермак и трое его молчаливых спутников скрылись за дверью и уже не могли слышать его, он сухо рассмеялся и весело посмотрел на Ли.

— Как вам понравился этот блеф, Ли?

— Не уверен, что это был блеф, — проворчал Ли. — Если смотреть на его выходки сквозь пальцы, то он вполне может одержать победу на следующих выборах, о чем он и заявлял.

— Вполне возможно — если только раньше ничего не случится.

— Но что бы ни случилось, Хардин, — это должно происходить в нужном нам направлении. Я уже говорил вам, что у Сермака есть сильная поддержка. Возможно, он и не станет дожидаться следующих

выборов. Ведь в свое время и мы с вами применили насилие для достижения своих целей — несмотря на ваши взгляды на этот вопрос.

Брови Хардина поползли вверх:

— Сегодня вы пессимистично настроены, Ли. По-видимому, вас раздирают противоречия — иначе вы не стали бы говорить о насилии. Если вы помните, наш маленький переворот обошелся без жертв. Это была необходимая мера, предпринятая в соответствующий момент, и все прошло без сучка, без задоринки. Ну а Сермаку придется потрудней. Мы с вами — не Энциклопедисты. Мы всегда настороже. Пустите за этими молокососами своих людей, но поаккуратнее, Иоган. Они не должны догадаться, что за ними следят — ну а мы должны быть все время в курсе событий, понимаете?

Ли невесело рассмеялся:

— Хорош бы я был, если б ждал ваших указаний, Хардин! Сермак и его люди уже месяц «под колпаком».

Сэлвор хмыкнул:

— Так вы еще раньше додумались до этого? Отлично! Кстати, — как бы между прочим заметил он, — посол Верисов возвращается на Термин. Надеюсь, что временно.

Повисла короткая пауза, за которой стоял страх.

— Об этом было в послании? Уже начинается? — с тревогой спросил Ли.

— Не знаю. Сначала необходимо послушать, что скажет посол. Возможно, действительно начинается. В конце концов, что-то просто обязано случиться до выборов. Кстати, а почему вы выглядите таким испуганным?

— Потому что я не знаю, чем все это закончится. Вы, Хардин, зашли слишком далеко. Вы ведете слишком рискованную игру.

«И ты, Брут!» — подумал Сэлвор, но вслух сказал:

— Вы не намерены случайно вступить в новую партию Сермака?

Ли против воли улыбнулся:

— Ладно, ваша взяла. Может быть, теперь мы, наконец, пообедаем?

2

Хардина считают автором множества афоризмов — он был признанным мастером в этой области — но многие изречения ему приписывают ошибочно. Считается, в частности, что ему принадлежит фраза: «Полезно иногда быть прямолинейным — особенно если у вас сложилась репутация хитроумного человека».

Поули Верисов неоднократно имел возможность последовать этому совету, потому что он уже четырнадцатый год находился на Анакреоне в двойственном положении, и жизнь его нередко представляла собой танец босиком на раскаленном железе.

Для жителей Анакреона он являлся Верховным жрецом, представляющим таинственный Фонд, который для «варварских» планет был оплотом той религии, которую в последние тридцать лет усиленно насаждал Сэлвор Хардин. В этой ипостаси ему оказывались всякие почести, которые его ужасно утомляли — он от души презирал все эти ритуалы, в которых был вынужден участвовать.

Но для предыдущего короля Анакреона, как и для его молодого внука, который теперь взошел на трон, он был всего лишь послом державы, которой они одновременно боялись и страстно желали завоевать.

Короче, это была весьма неприятная работа, и это его первое возвращение на Термин за последние три года было для него своеобразным отпуском, несмотря на вызвавший его неприятный инцидент.

Поскольку Верисову не впервой было путешествовать в условиях строжайшей секретности, то он в очередной раз воспользовался афоризмом Хардина о пользе прямолинейности.

Переодевшись в гражданскую одежду — что само по себе было маленьким праздником — он отправился на Термин на пассажирском лайнере вторым классом.

По прибытии он смешался с толпой в космопорте и из кабины видеофона позвонил в городскую ратушу.

— Мое имя — Ян Смайт. На сегодня мне назначена аудиенция у мэра.

Подключившись тут же к другой линии, деловитая молодая дама с неприветливым голосом произнесла несколько неразборчивых слов, а затем сухо сообщила Верисову: «Через полчаса мэр Хардин примет вас, сэр». Экран видеофона потас.

Выйдя из кабинки, посол Термина на Анакреоне купил номер «Городской газеты» и, словно бы прогуливаясь, прошел в парк при ратуше и уселся на первую же попавшуюся свободную скамейку. В ожидании назначенного часа он успел прочесть передовицу, спортивные новости и страницу с комиксами. Через полчаса, сунув газету под мышку, он вошел в ратушу и назвал в приемной свое имя.

Никто при этом не обращал на него внимания — словно он был человеком-невидимкой — и в этом не было ничего удивительного — ведь он вел себя совершенно естественно.

Увидев его, Хардин улыбнулся:

— Берите сигару! Как прошло путешествие?

Верисов не замедлил воспользоваться его предложением.

— Скучать не пришлось. По соседству со мной летел священнослужитель — направлялся сюда для прохождения специального курса обучения по использованию радиоактивного синтетического препарата для лечения рака. Вы, я думаю, в курсе...

— Но названия этого средства он ведь наверняка не знал?

— Конечно, нет. Для него это — Священная Пища.

Мэр улыбнулся:

— Продолжайте.

— Он вовлек меня в богословскую дискуссию и постарался приложить все усилия — естественно, на своем уровне — чтобы возвысить мой дух и помочь избавиться от низменного материализма.

— Он так и не смог узнать своего Верховного жреца?

— Без его малиновой мантии? Кроме того, он со Смирно. Довольно любопытное происшествие. Я даже удивлен, как прочно укоренилась религия науки. С точки зрения социологии, можно сделать вывод, что когда начала ослабляться связь Империи с ее окраинами, то и наука начала деградировать, в первую очередь, на дальних планетах. Теперь, чтобы ее приняли, науке пришлось предстать в новом обличии, что она и сделала. Все выходит очень складно, когда призываешь на помощь символическую логику. Я даже написал на эту тему статью — исключительно для собственного удовольствия — ее ведь не опубликуешь!

— Любопытно! — мэр заложил руки за голову и вдруг произнес. — А теперь рассказывайте, каково положение на Анакреоне?

Посол, нахмурившись, вынул изо рта сигару; с неприязнью взглянул на нее и отложил в сторону.

— Ситуация довольно скверная.

— Потому-то вы и прилетели.

— Естественно. Положение на сегодняшний момент следующее: основной фигурой на Анакреоне является принц-регент Виенис. Дядя короля Леопольда.

— Знаю. Но в будущем году Леопольд достигает совершеннолетия. Кажется, в феврале ему исполняется шестнадцать.

— Да, — Верисов выдержал паузу и мрачно добавил. — Если он останется в живых. Отец короля погиб при подозрительных обстоятельствах — во время охоты ему в грудь попала пуля-игла. Разумеется, было объявлено, что имел место несчастный случай.

— Кажется, я помню этого Виениса. Я видел его на Анакреоне, когда побывал там перед тем, как мы выкинули их с Термина. Сейчас, припомню. Кажется, смуглый такой молодой парень, брюнет; правый глаз у него еще косил. И нос такой смешной, крючковатый.

— Он самый. Косой глаз и нос крючком — только он уже успел поседеть. Он ведет нечистую игру. Правда, к счастью, это самый отъявленный дурак на всем Анакреоне. Он считает себя дьявольски хитрым, и это делает его глупость еще более очевидной.

— Так оно обычно и бывает.

— Он считает, что для того, чтобы разбить яйцо, в него надо влепить атомный заряд. Наглядное тому свидетельство — налог на церковную собственность, который он попытался ввести два года назад, сразу после смерти прежнего короля. Помните?

Хардин медленно кивнул и улыбнулся:

— Жрецы подняли жуткий вой!

— Да, такой, что он дошел до самой Лукреции. С тех пор Виенис стал куда осторожнее, когда имеет дело со жрецами, но все равно действует весьма грубо. В определенном смысле это плохо для нас — его самоуверенность безгранична.

— Не исключено, что он слишком усердно пытается скомпенсировать свой комплекс неполноценности. У младших сыновей королевских фамилий это случается.

— Но результат получается тот же. У него пена изо рта идет, так ему хочется захватить Термин. Он даже почти не пытается скрывать это. И с военной точки зрения он вполне в состоянии это сделать. Старый король создал отличный флот, да и Виенис в последние два года не сидел сложа руки. Тот же налог на церковную собственность в действительности предназначался на военные нужды, а когда этот план провалился, он вдвое увеличил подоходный налог.

— Это вызвало недовольство?

— Небольшое. В течение нескольких недель основной темой всех проповедей в королевстве было повиновение властям. Правда, благодарности за это мы от него не дождались.

— Хорошо. Общее положение дел понятно. А теперь скажите, что же все-таки случилось?

— Две недели назад анакреонский торговый корабль обнаружил древний крейсер старого имперского флота, который дрейфовал в космосе лет триста, а то и больше.

В глазах мэра появился интерес; он выпрямился в кресле.

— Да, я слышал об этом. Я даже получил просьбу от Комиссии по навигации приобрести этот крейсер для изучения. Насколько я понял, он хорошо сохранился.

— Даже слишком хорошо, — сухо ответил Верисов. — Когда на прошлой неделе Виенис получил ваше предложение о передаче корабля Фонду, с ним чуть припадок не случился.

— Кстати, ответа от него до сих пор нет.

— Он и не ответит, разве что пушками — по крайней мере, надеется на это. Вы знаете, что в день моего отлета с Анакреона он явился ко мне и выдвинул встречное предложение: чтобы Фонд отремонтировал этот крейсер и вернул его правительству Анакреона. У него даже хватило нахальства заявить, что ваша нота является свидетельством намерения Фонда напасть на Анакреон! И заявил, что в случае отказа от ремонта боевого крейсера он будет считать, что его подозрения подтвердились, и будет вынужден принять меры по защите Анакреона. Так и заявил — будет вынужден! Вот почему я здесь.

Сэлвор мягко рассмеялся.

Верисов улыбнулся в ответ и продолжил:

— Разумеется, он ожидает, что мы откажемся, и с его точки зрения это будет прекрасный предлог для немедленного нападения.

— Я это прекрасно понимаю, Поули. Что ж, в таком случае, по крайней мере полгода у нас есть. Мы приведем корабль в порядок и вернем его принцу-регенту с сердечным приветом от меня лично. Пусть он будет назван «Виенис» — в знак нашей дружбы и взаимного уважения.

Он усмехнулся.

Верисов опять лишь чуть заметно улыбнулся в ответ.

— Вы правы, Сэлвор, я тоже считаю этот шаг логичным, но все же я испытываю беспокойство.

— По какому поводу?

— Это ведь настоящий старый крейсер! А в те времена строить умели. Его кубическое измещение равно половине измещения всего анакреонского флота. На нем установлено атомное оружие, с помощью которого можно разнести на куски целую планету; его защита абсолютно непроницаема для Q-лучей и не накапливает радиацию. Он слишком хорош для них, Хардин...

— Вы, Верисов, мыслите слишком поверхностно. И вам, и мне хорошо известно, что с помощью вооружения, которое у него есть сейчас, Анакреон способен без труда захватить Термин, не дожидаясь, пока мы отремонтируем крейсер. Так что дадим мы им крейсер, или нет — особого значения не имеет. Вы ведь сами понимаете, что до настоящей войны дело не дойдет.

— Надеюсь, — посол поднял глаза на мэра. — Но, Хардин...

— Что это вы замолчали? Продолжайте.

— Вообще-то это меня не касается, но я успел прочесть газету...

Он выложил газету на стол и указал на первую страницу.

— Что это означает?

Хардин спокойно прочитал заголовок: «Группа советников создает новую политическую партию».

— Во всяком случае, здесь это так представлено, — Верисов заерзал. — Я понимаю, что вы куда лучше меня разбираетесь во внутренней обстановке, но ведь они, как могут, нападают на вас, не угрожая разве только физическим насилием. Насколько они сильны?

— Очень сильны. Не исключено, что после очередных выборов они возглавят Совет.

— А не раньше? — Верисов искоса взглянул на мэра. — Ведь контроля над Советом можно добиться и без выборов — есть и другие пути...

— Спасибо за предупреждение, но я же не Виенис...

— Нет, но для ремонта корабля потребуется несколько месяцев, а когда он будет закончен, нападение станет неизбежным. Они воспримут нашу уступку, как проявление крайней слабости, а когда они получат свой крейсер, то силы их по крайней мере удвоятся.

И, естественно, они тут же нападут на нас — это так же несомненно, как и то, что я — Верховный жрец. Не стоит рисковать. Я советую вам сделать одно из двух: либо раскрыть ваш план кампании Совету, либо решить этот вопрос с Анакреоном немедленно.

Хардин нахмурился.

— Немедленно? Не дожидаясь наступления кризиса? Этого нельзя делать. Это противоречит плану Хари Селдона.

Немного помявшись, Верисов проворчал:

— А вы полностью уверены в существовании этого плана?

— На это счет у меня сомнений нет, — жестко ответил Сэлвор. — Я был тогда в Хранилище и узнал об этом непосредственно от самого Хари Селдона.

— Я не это имел в виду, Хардин. Просто я не представляю, как можно распланировать историю на тысячелетие вперед. Не исключено, что Селдон переоценил свои возможности, — слегка поморщившись от иронической улыбки Хардина, он, подумав, добавил. — Впрочем, я не психоисторик.

— Вот именно. Среди нас нет ни одного психоисторика. Но начальные знания в этой области я в молодости получил — и их вполне достаточно, чтобы понимать, на что способна психоистория, даже если я сам и не могу воспользоваться ее возможностями. Несомненно, Селдону удалось сделать все, о чем он говорил. А говорил он о том, что Фонд был создан в качестве убежища для ученых, в качестве средства, при помощи которого Селдон хотел сохранить науку и культуру разваливающейся Империи, пронести ее сквозь века варварства, в которые мы уже вступили, чтобы, в конце концов, основать новую Империю.

Верисов, помедлив, с некоторым сомнением кивнул.

— То, что события, предположительно, должны развиваться в этом направлении, известно всем. Но можем ли мы идти ради этого на риск? Можем ли мы рисковать нашим настоящим ради неясного будущего?

— Мы просто обязаны это сделать — поскольку будущее совсем не является неясным. Оно рассчитано и спланировано Селдоном. Все предстоящие нам кризисы Селдон «нанес на карту», и исход каждого последующего из них в немалой мере зависит от успешного разрешения предыдущего. Этот кризис всего лишь второй, и один Великий Космос знает, к каким последствиям рано или поздно приведет даже малейшее отклонение от намеченного пути.

— Подобные опасения мне кажутся беспочвенными.

— Отнюдь! Хари Селдон предупреждал, что свобода наших действий во время каждого кризиса будет настолько ограничена, что у нас будет оставаться лишь один путь выхода из него.

— Чтобы мы не могли свернуть с этой прямой, но узкой тропы?

— Да, чтобы исключить возможность отклонений. А это значит, что до тех пор, пока существует выбор, кризис еще не наступил. Так

что нам следует позволить, насколько это возможно, чтобы события шли своим естественным путем, и, клянусь Космосом, именно это я и собираюсь сделать.

Верисов не ответил. С молчаливым неодобрением он покусывал свою нижнюю губу. Год назад мэр впервые обсуждал с ним эту серьезную проблему — что противопоставить враждебным приготовлениям Анакреона — но обсуждал только потому, что он, Верисов, выступил против политики дальнейшего умиротворения противника.

Похоже, Сэлвор угадал мысли посла:

— Мне бы следовало ничего не говорить вам об этом.

— Почему? — удивился Верисов.

— Потому что на данный момент уже шесть человек — вы, я, еще три посла и Иоган Ли — вполне представляют себе, что нас ожидает, а я очень боюсь, что в планы Селдона это не входило.

— Почему?

— Потому что даже высокоразвитая во времена Селдона психоисторическая наука имела свои ограничения. Слишком большое количество независимых переменных даже ей было не по зубам. Селдон не мог предвидеть действий множества отдельных личностей на протяжении длительного периода времени, точно так же, как статистические уравнения газовой термодинамики не применимы к отдельным молекулам. Он имел дело с большими группами людей, с населением целых планет — ведь только слепые толпы не могут предвидеть результатов своих собственных действий.

— Я не совсем понимаю.

— Ничем не могу помочь. У меня нет достаточных познаний в психоистории, чтобы научно обосновать то, что я только что сказал. Вы и сами знаете, что на Термине нет квалифицированных психоисториков, как нет и трудов, проливающих свет на эту область науки. Совершенно ясно, что Селдон не хотел, чтобы на нашей планете нашлись специалисты, которые могли бы заранее разобраться в надвигающейся ситуации. Он хотел, чтобы мы шли вперед вслепую, и в результате двигались в правильном направлении — согласно законам психологии толпы. Я ведь в свое время уже говорил вам, что мы не знаем, к чему движется Термин, с тех пор как я выставил с нашей планеты анакреонцев. Я поставил перед собой задачу сохранять равновесие сил — только и всего. И лишь позднее, как мне показалось, я уловил некую систему в ходе развития событий. Но я сделал все возможное, чтобы не воспользоваться своими знаниями. Если бы я начал действовать, опираясь на них, весь план Селдона мог бы рухнуть.

Верисов задумчиво кивнул.

— Я присутствовал при столь же запутанных спорах в храмах Анакреона. Но как вы думаете определить тот момент, когда настанет время переходить к действиям?

— Он уже определен. Вы ведь сами только что сказали, что как только крейсер будет отремонтирован, ничто больше не сможет удержать Виениса от нападения на нас. Альтернативы уже не будет.

— Да.

— Хорошо. Это то, что касается внешнеполитического курса. А что касается внутренней обстановки на Термине, то, я думаю, вы также согласитесь со мной, что после ближайших выборов к власти придет новый, воинственно настроенный Совет, и он начнет активные действия против Анакреона. Здесь тоже нет альтернативы.

— Согласен.

— А раз нет альтернативы — значит, наступает кризис. Но я все равно беспокоюсь.

Мэр выдержал паузу. Верисов тоже хранил молчание. Медленно, с неохотой Хардин заговорил снова:

— Мне пришло в голову, что и внутренняя, и внешняя напряженность должна была возникнуть одновременно — по плану Селдона. А на самом деле существует разрыв в несколько месяцев. Виенис, скорее всего, нападет на нас весной, а до выборов еще целый год.

— По-моему, это несущественно.

— Не знаю. Возможно, это связано с неизбежными погрешностями в расчетах, но не исключено и то, что тут повлияла и моя осведомленность. Я всегда старался действовать так, чтобы мои прогнозы не сказывались на ходе событий, но разве можно быть вполне уверенным, что это у меня получилось? И к каким результатам может привести это несоответствие? По крайней мере, я принял одно решение.

— И какое же?

— Когда начнется кризис, я полечу на Анакреон. Хочу быть в центре событий, когда... Впрочем, достаточно. Уже поздно. Предлагаю отправиться куда-нибудь и приятно провести вечер. Мне необходима разрядка.

— Тогда устроим это здесь, — ответил Верисов. — Мне не хочется, чтобы меня узнали. Можно догадаться, какие выводы сделают из этого члены новой партии, которую организуют ваши ненаглядные советники. Так что прикажите подать коньяк.

Хардин так и сделал, но коньяка заказал немного.

3

В те давние времена, когда в Империю входила практически вся Галактика, Анакреон считался самой богатой префектурой Периферии, а дворец вице-короля посещали многие Императоры. И почти все они хоть раз испытывали свое охотничье искусство, садясь в скоростной воздушный катер с игольчатым ружьем в руках и всту-

пая в единоборство с пернатой летающей крепостью, известной под названием птицы ниак.

Прошло время, и величие Анакреона кануло в Лету. Дворец вице-короля лежал теперь в руинах, и среди развалин гулял ветер — за исключением одного крыла, восстановленного рабочими с Термина. И ни один Император не посетил Анакреон за последние двести лет.

Но охота на ниака по-прежнему оставалась королевским спортом, а острый глаз и умение обращаться с игольчатым ружьем по-прежнему считались основными обязательными достоинствами анакреонских монархов.

Леопольд Первый, король Анакреонский и владелец Внешних территорий — что обязательно добавлялось к его титулу, хоть и не соответствовало действительности — неоднократно доказывал свою доблесть в этом деле, хотя ему не исполнилось еще и шестнадцати. Своего первого ниака он убил в тринадцать лет, десятого — сразу по вошествии на престол, а сейчас он возвращался с охоты на сорок шестую птицу.

— К совершеннолетию я убью пятьдесят ниаков! — торжествовал он. — Никто не сможет сравниться со мной!

Но придворные не заключают пари и не вступают в состязания с королями, потому что в этом кроется смертельная опасность — выиграть. Поэтому никто его вызов не принял, и король удалился для переодевания в отличном настроении.

— Леопольд!

Это был единственный голос, который мог заставить его остановиться — и король остановился. Он раздраженно обернулся.

В дверях его покоев стоял Виенис, хмуро глядя на своего юного племянника.

— Отошли их, — потребовал он, нетерпеливо махнув рукой в сторону придворных, — и побыстрее.

Король резко кивнул, и двое придворных, поспешно кланяясь, попятились вниз по лестнице. Леопольд вошел в дядину комнату.

Виенис неодобрительно покосился на охотничий костюм племянника.

— Тебе предстоят куда более важные дела, чем охота на ниаков — и очень скоро.

Повернувшись, он подошел к письменному столу. С того времени, как он стал слишком стар для бьющих в лицо порывов ветра, опасных кульбитов на расстоянии крыла от ниака, вхождения в штопор и стремительных виражей на воздушном катере, подчиняющемся чуть заметному движению ноги, он с неодобрением относился к любому виду спорта.

Леопольд отлично знал причину кислой мины дяди и не без злорадства начал восторженно рассказывать:

— Эх, жаль, вас не было со мной, дядюшка! Мы подняли одного в лесах Самии — это было настоящее чудище! Мы два часа гонялись за ним по территории почти в семьдесят квадратных миль — и в конце концов я зашел со стороны Солнца, — руки его двигались, словно он снова оказался за рулем своего катера. — Я поднырнул, поймал его на вираже — и прямо под левое крыло, почти в упор. Его это разозлило, он кувыркнулся вбок. Я — за ним, взял левее, выждал, пока он бросится вниз — так и случилось — он пошел вниз. Он был в крыле от меня — и тогда я сделал финт...

— Леопольд!

— В общем, я его прикончил.

— Я в этом и не сомневался. А теперь — послушай, наконец!

Пожав плечами, король подошел к столу, взял лерский орех и принялся грызть его вовсе не по-королевски. Взглянуть дяде в глаза он не осмелился.

— Сегодня я был на корабле, — бросил для начала Виенис.

— На каком корабле?

— Существует только один Корабль. Тот самый. Тот, который ремонтируют люди Фонда — для нашего флота. Старый имперский крейсер. Теперь понял?

— А, этот? Я же говорил, что Фонд отремонтирует его, если ты попросишь. Эти твои сказки о том, что они хотят на нас напасть — полная ерунда. Если они действительно собираются напасть, то зачем им ремонтировать для нас крейсер? Ты ведь сам понимаешь, что в таком случае это было бы бессмысленно.

— Ты дурак, Леопольд!

Король, только что разделавшийся с одним лерским орехом и уже собиравшийся приняться за другой, покраснел.

— Послушайте, — капризно и со злостью произнес он, — вы забываетесь! Вам не следует так меня называть. Ведь вам известно, что через два месяца я стану совершеннолетним.

— Да, и ты вполне в состоянии взять на себя все королевские обязанности. Если бы ты уделял общественным делам хотя бы половину того времени, которое ты уделяешь охоте на ниаков, я бы с чистой совестью отказался от регентства.

— К данному случаю это не имеет никакого отношения. Хоть вы и регент, и мой дядя, я все же король, а вы — мой подданный. И вы не имеете права называть меня дураком, так же, между прочим, как и сидеть в моем присутствии. Я не давал вам разрешения садиться. По-моему, вам следует осторожнее вести себя, иначе я буду вынужден принять соответствующие меры.

Виенис холодно посмотрел на него.

— Может быть, вы желаете, чтобы я называл вас «ваше величество»?

— Да!

— Отлично! Так вот, вы дурак, ваше величество!

Его черные глаза горели под лохматыми бровями. Молодой король медленно сел. На какое-то мгновение во взгляде регента мелькнуло сардоническое выражение, но тут же исчезло. Его полные губы растянулись в улыбке, и рука опустилась на плечо короля.

— Ладно, Леопольд. Мне действительно не следовало говорить с тобой так жестко. Иногда бывает нелегко соблюдать все приличия, когда тяжкое бремя обстоятельств... ну, ты ведь понимаешь?

Хотя слова Виениса и звучали примирительно, взгляд его отнюдь не стал мягким.

Леопольд неуверенно произнес:

— Да, я понимаю, государственные дела чертовски сложны...

Не без страха он гадал, не обрушатся ли сейчас на него нудные и бессмысленные подробности итогов торговли со Смирно за этот год или пересказы бесконечных и безрезультатных споров о судьбе малонаселенных миров Красного Тоннеля.

Виенис заговорил снова:

— Мальчик мой, я давно собирался поговорить с тобой об этом — наверное, так и надо было сделать — но скучные подробности управления государством всегда были чужды твоему юношескому темпераменту.

Леопольд кивнул:

— Да, вы правы...

Прервав его, дядя продолжил твердым голосом:

— Но через два месяца ты станешь совершеннолетним. Более того, в трудные времена, которые сейчас наступают, тебе придется посвящать все свое время активной государственной деятельности. Ведь ты станешь королем, Леопольд.

Леопольд снова кивнул, но лицо его ничего не выражало.

— Будет война, Леопольд.

— Война?! Но ведь мы заключили перемирие со Смирно...

— Не со Смирно. С самим Термином.

— Но, дядя, они же согласились отремонтировать крейсер. Ты сам говорил...

Он замолк, словно поперхнувшись, когда увидел, как скривились губы Виениса.

— Леопольд, — произнес он уже менее дружелюбно, — я хочу с тобой поговорить, как мужчина с мужчиной. Война с Термином будет, независимо от того, отремонтируют они корабль, или нет. И скорее как раз вследствие того, что они его отремонтируют. Энциклопедический Фонд — источник власти и могущества. Все, чем гордится Анакреон, все его корабли и города, его жители и торговля — зависят от от тех жалких крох и отбросов, которые нам так неохотно бросает Фонд. Я еще застал те времена, когда города Анакреона обогревались углем и нефтью. Но достаточно об этом, тебе этого не понять...

— Похоже, — скромно согласился король, — но что касается Термина, то, по-моему, мы должны быть благодарны им...

— Благодарны?! — взревел Виенис. — Благодарны за то, что они, как скряги, подбрасывают нам жалкие подачки, объедки с барского стола — в то время как у них остаются богатства, ведомые одному Космосу! А зачем они копят их? Да это же ясно — чтобы когда-нибудь править Галактикой!

Рука его опустилась на колено племянника, глаза сузились.

— Леопольд, ты — король Анакреона. Но твои дети, или дети твоих детей могут стать королями Вселенной — если в твоих руках окажется власть, которую скрывает от нас Фонд.

Глаза Леопольда загорелись, спина выпрямилась.

— В этом что-то есть... В конце концов, они просто не имеют права держать все эти секреты у себя. По-моему, это несправедливо. Они обязаны считаться с Анакреоном!

— Ну вот, ты уже начинаешь понимать. А теперь, мальчик мой, подумай, что будет, если Смирно решится напасть на Термин и получит в результате все их секреты? Через сколько месяцев мы превратимся в их вассалов? Как долго сможешь ты продержаться на троне?

Леопольд разнервничался.

— Великий Космос! Вы совершенно правы! Нам необходимо нанести удар первыми. Ведь это будет всего лишь акт самозащиты!

Улыбка на лице Виениса стала чуть шире.

— Более того, когда-то, в самом начале царствования твоего деда, Анакреон даже успел создать военную базу на Термине — базу, жизненно необходимую для обороны нашего государства. Но нам пришлось оставить эту базу в результате интриг предводителя Фонда, мошенника-ученого, в жилах которого не было и капли благородной крови! Ты понял, Леопольд?! Твой дед был унижен простолюдином! Я помню этого человека. Он был едва ли старше меня, когда прибыл на Анакреон со своей дьявольской улыбкой и со своими дьявольским мозгами — но за его спиной стояла мощь трех королевств — которые, как подлые трусы, объединились в коалицию, чтобы посягнуть на величие Анакреона.

Леопольд покраснел от гнева, глаза его сверкали.

— Клянусь Селдоном, на месте деда я все равно продолжал бы борьбу!

— И зря. Тогда мы приняли мудрое решение: переждать и смыть оскорбление в более удобный для этого момент. До самой своей преждевременной смерти твой отец надеялся, что именно он смоет позор... Ладно, достаточно об этом...

Виенис на минуту отвернулся. Потом, словно бы подавляя нахлынувшие чувства, произнес:

— Ведь он был моим братом. И если его сын...

— Да, дядя, я не посрамлю памяти отца. Я решил. Будет только справедливо, если мы не оставим камня на камне от этого гнезда мятежников, и немедленно!

— Нет, сейчас еще не пришло время для этого. Сначала мы дождемся, пока они отремонтируют крейсер. Сам факт, что они согласились его отремонтировать, говорит о том, что они нас боятся. Дураки! Они пытаются задобрить нас — но ведь мы не свернем с нашего пути, не так ли?

Леопольд звонко ударил себя кулаком по ладони.

— Пока я король Анакреона — нет!

Виенис усмехнулся.

— Кроме того, нам надо дождаться прибытия Сэлвора Хардина.

— Сэлвора Хардина?! — глаза короля округлились, и все жесткие линии сползли с юношеского безбородого лица.

— Да, Леопольд, в день твоего рождения на Анакреон прибывает сам правитель Термина — не исключено, что для того, чтобы заговорить нам зубы. Но это ему не удастся!

— Сэлвор Хардин! — повторил Леопольд благоговейным шепотом.

Виенис нахмурился.

— Что, испугался? Это тот самый Сэлвор Хардин, который ткнул носом в грязь твоего деда во время своего первого визита на Анакреон. Не забывай о смертельном оскорблении, которое он нанес нашему королевскому дому! И нанес его простолюдин! Ведь он сам вышел из грязи.

— Нет... я постараюсь не забыть этого. Я не забуду! Мы отомстим ему... но, но... я все же немножко боюсь.

Принц-регент встал.

— Боишься? Чего же? Чего ты боишься, мальчишка.., — он задохнулся, не в силах подобрать слов.

— Ведь развязать войну против Фонда — это.... это святотатство! Я имел в виду.., — он умолк.

— Продолжай.

— Ну, если бы Дух Галактики на самом деле существовал.., — неуверенно начал Леопольд, — ...ему бы это, наверное, не понравилось. Вам не кажется?

— Нет, не кажется! — твердо ответил регент.

Он вновь опустился на свое место. Губы его скривились в странной улыбке.

— Значит, ты действительно забиваешь себе голову этими бреднями о Духе Галактики? Вот что значит позволять тебе делать все, что взбредет в голову! По-моему, ты слишком прислушиваешься к Верисову.

— Он многое мне объяснил...

— Насчет Духа Галактики?

— Да.

— Эх ты, сосунок! Да он сам верит во все это мракобесие куда меньше меня! А я в него совсем не верю. Сколько раз я говорил тебе, что все это — сплошная чушь!

— Да, я помню. Но Верисов говорил...

— Черт бы побрал этого Верисова! Это все чушь собачья!

Повисла краткая пауза, полная молчаливого протеста со стороны Леопольда; затем король сказал:

— Все равно, все в это верят. Во все эти истории о пророке Хари Селдоне и о том, что Фонд предназначен для выполнения его заповедей — чтобы в конце концов построить рай земной — а ослушники будут обречены на вечные муки. Люди в это верят. Я ведь председательствовал на многих празднествах и мог сам в этом убедиться.

— Да, они верят — но не мы. И ты должен быть рад, что дело обстоит именно так — потому что благодаря этой человеческой глупости, ты считаешься королем по праву, дарованному тебе богом, более того, ты и сам — полубожество. Это очень выгодно. Исключается сама возможность любых бунтов; абсолютное повиновение во всем обеспечено. И именно поэтому тебе, Леопольд, необходимо лично объявить о войне с Термином. Я — всего лишь регент, простой смертный. Ты же король, а значит, — полубог.

— Но мне кажется, что на самом деле все обстоит не совсем так, — задумчиво произнес король.

— Да, не совсем, — последовал иронический ответ, — но ты являешься полубогом для всех, кроме жителей Термина. Ясно? Для всех, кроме них. И как только мы разделаемся с ними, уже никто не посмеет отрицать, что ты — наместник бога. Подумай об этом.

— И после этого мы сможем сами управлять энергоустановками в храмах и кораблями, которые летят без людей; в нашем распоряжении будет и святая пища, которая излечивает рак, и многое другое?.. Но Верисов говорил, что пользоваться этим могут только те, на кого снизошло благословение Духа Галактики...

— Да, так говорит Верисов. Верисов — это главный твой враг после Сэлвора Хардина! Так что лучше слушай меня, Леопольд, а о них не беспокойся. Мы вместе возродим Империю — не только Королевство Анакреон — а Империю, в которую будут входить миллиарды Солнц Галактики. Разве это не лучше, чем пресловутый «земной рай»?

— Лучше.

— Может ли Верисов пообещать что-либо большее?

— Нет.

— Отлично, — в голосе регента появились повелительные нотки. — Ну что ж, в таком случае вопрос можно считать решенным. — Он даже и не ждал ответа короля. — Иди. Я приду позже. Да, еще одно, Леопольд.

Молодой король обернулся в дверях.

По лицу Виениса блуждала широкая улыбка, но глаза регента оставались холодными.

— Будь поосторожнее, когда охотишься на ниаков, мальчик мой. После того прискорбного несчастного случая с твоим отцом меня часто начинает одолевать беспокойство за тебя. В азарте охоты иглы из ружей так и носятся в воздухе — всякое может случиться. Так что будь поосторожнее. А что касается Термина, то этот вопрос мы с тобой решили, не так ли?

Глаза Леопольда расширились, и он поспешил отвести взгляд в сторону.

— Да,.. конечно.

— Вот и хорошо.

Проводив племянника равнодушным взглядом, Виенис вернулся к своему письменному столу.

Леопольд вышел из покоев дяди, обуреваемый мрачными, не лишенными страха мыслями. Конечно, было бы совсем неплохо захватить Фонд и получить власть, о которой говорил Виенис. Но потом, когда они одержат победу, и он будет прочно сидеть на троне... Неожиданно его стало очень беспокоить то, что Виенис и два его нахальных сынка в настоящее время являются прямыми наследниками трона в случае его смерти.

Но он — король. А король может отдать приказ, чтобы кого-то убили. Даже если эти «кто-то» — его дядя и двоюродные братья...

4

Луис Борт был вторым после Сермака наиболее активным деятелем в объединении инакомыслящих, которые теперь составили весьма горластую Партию действия. Однако его не было в составе делегации, посетившей Сэлвора Хардина почти полгода тому назад. Это произошло отнюдь не потому, что его деятельность не получила признания — как раз наоборот. Дело в том, что в это время он находился в столице Анакреона.

Находился он там в качестве частного лица, не вступал ни в какие официальные контакты, ничего существенного не предпринимал, а только заглядывал в самые укромные уголки этой шумной планеты и совал курносый нос во все пыльные щели.

Домой он возвратился к концу короткого зимнего дня. С утра ветер пригнал тучи, и к вечеру повалил снег. Однако через час после прибытия он уже сидел за восьмиугольным столом в доме Сермака.

Первые же его слова отнюдь не подняли настроение собравшимся, которые и без того находились в унынии из-за сгущавшихся за окнами сумерек и усиливающегося снегопада.

— Боюсь, — заявил он, — что положение наше, если выражаться языком мелодрамы, следует назвать «поражением».

— Вы так думаете? — мрачно осведомился Сермак.

— Думать поздно, Сермак. Другого мнения уже быть не может.

— Вооружение.., — начал, было, Докор Вальто чуть ли не официальным тоном, но Борт тут же перебил его.

— Забудьте об этом. Это старая песня, — он оглядел всех присутствующих.

— Будем говорить о людях. Признаться, поначалу я считал, что следует инспирировать дворцовый переворот, чтобы на троне оказался человек, более подходящий для Термина. Это была неплохая мысль. Она хороша и сейчас. Правда, у нее есть один маленький недостаток — она абсолютно неосуществима. Великий Сэлвор Хардин позаботился и об этом.

— Вы можете изложить поподробнее, Борт.., — кисло произнес Сермак.

— Подробностей просто нет! Это все не так просто. Загвоздка заключается в самой ситуации на Анакреоне, черт ее побери! Все дело в религии, которую сотворил Фонд. Она действует!

— Ну и что?

— Чтобы понять это, надо увидеть собственными глазами. Нам известно только то, что на Термине существует крупное учебное заведение по подготовке жрецов и что иногда в отдельных районах города устраиваются специальные представления паломников — и все. Мы к этому вполне привыкли, и нас это мало беспокоит. Но на Анакреоне...

Лим Таркей одним пальцем пригладил маленькие, топорщащиеся вандейковские усики и откашлялся.

— И что же это за религия? Хардин всегда утверждал, что все это — витиеватая болтовня, предназначенная для того, чтобы они принимали нашу науку и не ставили ее под сомнение. Помните, Сермак, как он тогда говорил нам...

— Объяснения Хардина, — напомнил Сермак, — далеко не всегда соответствуют действительности. Но что же это за религия, Борт?

Борт немного задумался.

— С этической точки зрения она хороша. Она почти не отличается от различных философских течений старой Империи. Высокие моральные принципы и все такое. В этом отношении к ней не придерешься. Религия — один из важнейших движущих исторических факторов, способствующих развитию цивилизации, и с этой точки зрения ее эффективность...

— Это нам известно, — нетерпеливо прервал его Сермак, — давайте ближе к делу.

— Пожалуйста, — Борт был несколько смущен, но постарался не показать этого. — Религия, которую насаждал и поддерживал Фонд, базируется на строгом авторитарном принципе. Обратите на это внимание. Научные приборы и оборудование, которое мы поставляем Анакреону, полностью контролируются священниками, но

они имеют лишь практические навыки обращения с техникой. Они сами свято верят в свою религию и в... как бы это получше сформулировать... в духовную ценность той силы, которая находится в их распоряжении. Например, месяца два назад какой-то болван покопался в энергоустановке Фесалекьянского храма — одной из самых мощных. Как и следовало ожидать, пять кварталов взлетело на воздух. И все, особенно жрецы, сочли это карой божьей.

— Припоминаю. Газеты тогда как-то очень невнятно прокомментировали этот случай. Но я что-то не пойму, к чему вы клоните.

— Тогда слушайте, — сухо отрезал Борт. — Жречество представляет собой иерархическую лестницу, и на вершине ее находится король. Его считают полубогом. Он — абсолютный монарх по праву, дарованному свыше. Такого правителя нельзя сбросить с трона. Теперь понятно?

Но тут вмешался Вальто:

— Погодите. Почему вы утверждаете, что все это — дело рук Хардина? Какое он имеет к этому отношение?

Борт бросил на задавшего этот вопрос полный горечи взгляд.

— Этот обман усиленно насаждался Фондом. Им оказывается с нашей стороны всяческая научная поддержка для осуществления этой мистификации. На любом крупном празднестве обязательно присутствует король, окруженный радиоактивным сиянием, которое исходит от всего его тела и поднимается над головой, как корона. Тот, кто прикоснется к нему, получит серьезные ожоги. А в критические минуты он может перемещаться по воздуху, якобы вдохновленный божественным духом. Одним мановением руки он наполняет храм жемчужным сиянием. И таких простеньких фокусов, которые выполняются для него, очень много. Даже жрецы, которые сами же их и производят, свято в них верят.

— Плохо! — изрек Сермак, покусывая губу.

— Я готов лить слезы, как фонтан в парке у ратуши, — вполне серьезно сказал Борт, — когда думаю о всех тех шансах, которые мы упустили. Взять хотя бы события тридцатилетней давности, когда Хардин спас нашу планету от Анакреона... В те времена анакреонцы еще не понимали, что Империя разваливается. После восстания на Зеоне они занимались, в основном, своими делами. Но даже после того, как все каналы связи были оборваны, и этот пират, дед нынешнего Леопольда, провозгласил себя королем, они все еще не поняли, что Империи приходит конец.

Если бы тогда Император, набравшись храбрости, рискнул начать военные действия, он вернул бы себе все, что потерял, с помощью двух крейсеров и внутреннего восстания, которое наверняка бы вспыхнуло. И мы, мы могли сделать то же самое! Но вместо этого Хардину зачем-то понадобилось насаждать поклонение монарху. Одного не пойму — зачем?!

— А что творит Верисов? В свое время он был сторонником активных действий. Что он себе думает? Он что, ослеп? — неожиданно вступил в разговор Хаим Оурси.

— Не знаю, — сухо ответил Борт. — Для анакреонцев он — Верховный жрец. Но, насколько я знаю, он выступает всего лишь в роли консультанта жрецов по техническим вопросам. Он — только фасад, чтоб ему пусто было, фасад!

Наступило молчание. Все сидевшие за столом теперь смотрели на Сермака. Молодой лидер партии нервно грыз ногти. Наконец он решительно произнес:

— Плохо. Но я чувствую — здесь что-то не так! — и добавил еще энергичнее. — Неужели Хардин настолько глуп?

— Похоже на то, — отозвался Борт, пожав плечами.

— Никогда не поверю! Что-то тут не так. Нужно быть абсолютным идиотом, чтобы так планомерно и настойчиво резать собственное горло. Даже если бы Хардин был дураком, он не мог бы быть настолько глупым — а я его дураком не считаю. С одной стороны, он насадил религию, которая исключает саму возможность внутренних волнений и мятежей. С другой — предоставил Анакреону огромное количество самого разнообразного оружия. Не понимаю.

— Согласен, это дело действительно довольно темное, — признался Борт, — но факты налицо. Какой вывод отсюда следует?

— Государственная измена, — резко сказал Вальто, — он просто продался Анакреону.

Но Сермак нетерпеливо мотнул головой.

— С этим я тоже не могу согласиться. Какая-то безумная, бессмысленная история!.. Скажите, Борт, вы слышали что-нибудь о крейсере, который Фонд обязался привести в порядок и передать в распоряжение анакреонского флота?

— Крейсер?

— Старый имперский крейсер...

— Нет, я не слышал об этом. Но это еще ни о чем не говорит. Их космические верфи — религиозные святыни, и простым смертным туда не пробраться. Об их флоте просто нет никакой информации.

— Но кое-какие слухи все же просочились. Несколько членов нашей партии подняли этот вопрос в Совете. И, представьте себе, Хардин не стал ничего отрицать. Его представитель осудил распространителей слухов — и все. А это не может не навести на размышления.

— Все это только подтверждает остальное, — заметил Борт. — Если и это правда — значит, все просто сошли с ума. Такое предположение выглядит ничуть не хуже всех остальных.

— Я полагаю, — снова вступил в разговор Оурси, — что у Хардина нет в запасе какого-нибудь секретного оружия, с помощью которого мы могли бы...

— Ну да, — ядовито перебил его Сермак, — какой-нибудь чертик, который в психологически подходящий момент выскочит из шкатулки и перепугает Виениса до смерти. Уж лучше Фонду самому себя взорвать, чтобы избавиться от агонии ожидания, чем полагаться на секретное оружие Хардина.

— Так вот, — поспешил Оурси сменить тему, — вопрос заключается в следующем: сколько у нас осталось времени? Отвечайте же, Борт!

— Согласен, это сейчас главный вопрос, но только не надо так на меня смотреть. Я не знаю. В анакреонской прессе Фонд вообще никогда не упоминается. Сейчас она в основном кричит о предстоящих торжествах — и больше ничего. Как вам известно, на следующей неделе Леопольд будет праздновать свое совершеннолетие.

— Тогда у нас еще есть несколько месяцев, — Докор Вальто улыбнулся, впервые за весь вечер. — За это время мы можем...

— Да ни черта мы не сможем! — нетерпеливо оборвал его Борт. — Я же говорю вам, что король для них — бог. Нет у нас никакого времени! Вы думаете, королю сначала нужно развернуть пропагандистскую кампанию, чтобы поднять боевой дух своих подданных? Обвинить нас в агрессии, накалить обстановку? Когда он решит, что время для удара настало, то просто отдаст приказ, и его подданные ринутся в бой. Все предельно просто. Это невероятная система. Божеству вопросов не задают. Так что приказать он может хоть завтра, насколько я понимаю. А вам останется только делать из его приказа самокрутки и покуривать.

Тут все заговорили одновременно. Сермак колотил по столу, требуя тишины. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетел Леви Нораст. С его пальто осыпался снег.

— Вы только взгляните! — крикнул он, швыряя на стол припорошенную снегом газету. — И видеовещание тоже трубит об этом!

Газету развернули, и над ней склонились пять голов.

— Великий Космос, он летит на Анакреон! Летит на Анакреон.., — тихо пробормотал Сеф Сермак.

— Измена! — завопил Таркей в приливе волнения. — Черт побери, Вальто был прав! Он продал нас и теперь летит на Анакреон получать свои сребреники!

Сермак встал.

— Теперь у нас больше не осталось выбора. Завтра же я потребую, чтобы Совет выразил недоверие Хардину. А если это не пройдет...

5

Снег перестал идти, но всюду он уже лежал толстым слоем, и поэтому низко посаженный плоский наземный автомобиль с трудом пробирался по пустынным улицам. Тусклый серый отблеск нарож-

дающегося рассвета был холодным не только в поэтическом, но и в самом прямом смысле, так что даже в этот переломный момент истории Фонда ни сторонники Партии действия, ни приверженцы Хардина не были до такой степени разгорячены, чтобы начать свою деятельность в такую рань.

Иоган Ли был недоволен и ворчал все громче.

— Это будет плохо выглядеть, Хардин. Они будут кричать, что вы просто удрали.

— Пусть кричат, что угодно. Мне необходимо добраться до Анакреона, и я хотел бы сделать это без лишних осложнений. Так что давайте закончим этот разговор, Ли.

Сэлвор Хардин откинулся на мягкую спинку сиденья и слегка поежился. В хорошо обогреваемой машине было тепло, но в заснеженном мире за стеклом было что-то леденящее — и это раздражало его.

— Когда-нибудь, когда до этого дойдут руки, надо будет заняться климатическим кондиционированием Термина. В этом нет ничего невозможного, — задумчиво пробормотал Сэлвор.

— Но сначала, — ответил Ли, — мне бы хотелось осуществить кое-что другое. Как, например, вы относитесь к кондиционированию Сермака? Хорошая, сухая камера, с постоянной температурой в двадцать пять градусов ему, по-моему, как раз подойдет.

— И тогда мне действительно понадобятся охранники — и не только эти двое, — Хардин кивнул на двух крепких парней из команды Ли, устроившихся на переднем сиденье вместе с шофером. Глаза их внимательно осматривали дорогу, а руки лежали на рукоятках атомных бластеров. Вы, по-видимому, хотите развязать гражданскую войну?

— Я? В костре есть и другие угли, и достаточно лишь слегка поворошить его, чтобы он вспыхнул. Могу перечислить, — он начал загибать свои толстые пальцы.

Первое: вчера Сермак учинил бучу в городском Совете и потребовал, чтобы вам было выражено недоверие.

— У него было полное право это сделать, — спокойно ответил Хардин. — Кроме того, это его предложение не прошло — против двести шесть голосов, за — сто восемьдесят четыре.

— Большинство всего в двадцать два голоса, в то время как мы рассчитывали на шестьдесят. Не отрицайте, вы ведь предполагали лучший расклад.

— Ситуация была действительно щекотливая, — признался Сэлвор.

— Хорошо. Второе: пятьдесят девять членов Партии действия после голосования дружно встали с мест и покинули помещение Совета.

Хардин промолчал. Ли подождал немного и продолжил:

— И третье: Сермак, прежде чем покинуть Совет, орал, что вы предатель, что вы удираете на Анакреон, чтобы получить там свои тридцать сребреников, что большинство членов Совета, отказавшихся голосовать против вас, тоже замешаны в измене, и что его партия недаром называется Партией действия. На что это, по-вашему, похоже?

— Полагаю, на неприятности.

— А теперь вы удираете на рассвете, словно преступник. Вы должны появиться на заседании Совета и, если понадобится, объявить военное положение, клянусь Космосом!

— Насилие — последнее прибежище...

— ...некомпетентности. Чепуха!

— Ладно, посмотрим. А теперь слушайте меня внимательно. Тридцать лет назад, в день пятидесятой годовщины со дня основания нашего Фонда, Хранилище открылось, чтобы явить нам изображение Хари Селдона и дать нам первое представление о том, что происходит в действительности.

— Я помню, — кивнул Ли, и неясная ностальгическая улыбка скользнула по его лицу. — Это произошло в тот самый день, когда мы захватили власть.

— Точно. Это было время нашего первого крупного кризиса. Сейчас мы переживаем второй; через три недели будет праздноваться восьмидесятая годовщина со дня основания Фонда. Вам не кажется, что здесь есть какое-то знамение?

— Вы имеете в виду, что Селдон появится снова?

— Я еще не закончил. Селдон ничего не говорил о том, что появится вновь, но это должно соответствовать его общему плану. Он всегда предпринимал все возможные предосторожности, чтобы скрыть от нас, что нас ожидает в будущем. Кроме того, невозможно выяснить, запрограммированы ли радиевые часы на повторное открытие Хранилища. Возможно, мы могли бы докопаться до истины, разобрав Хранилище, но не исключено, что оно запрограммировано на самоуничтожение в случае постороннего вмешательства. На всякий случай я приходил туда каждую годовщину — но пока Селдон больше ни разу не появлялся. Но теперь мы снова стоим перед серьезным кризисом.

— Тогда он должен появиться.

— Возможно. Я не знаю. Но суть вот в чем: на сегодняшнем заседании Совета, сразу же после объявления, что я отбыл на Анакреон, вы сообщите, что 14 марта снова появится изображение Хари Селдона, чтобы сделать чрезвычайно важное сообщение относительно кризиса, который мы только что успешно преодолели. Иоган, это очень важно. Но больше ничего не говорите, какие бы вопросы вам ни задавали.

Ли вытаращил глаза.

— А они в это поверят?

— Это не имеет значения. Они будут в замешательстве, а именно этого я и добиваюсь. Они начнут гадать, правда ли это, и если нет, то чего я этим хочу добиться — и в конце концов решат ничего не предпринимать до 14 марта. А я вернусь на Термин намного раньше.

На лице Иогана Ли отразилась неуверенность.

— Ведь это заявление насчет успешно преодоленного кризиса — блеф!

— Разумеется. А вот и космопорт.

Ожидавший Хардина космический корабль угрюмо проступил из предрассветного мрака. Хардин пошел к нему сквозь снег; уже у открытого люка он обернулся и протянул Ли руку.

— До свиданья, Ли. Извините, что оставляю вас в этом пекле, но кроме вас, я не доверяю никому. И прошу вас, держитесь подальше от огня.

— Не беспокойтесь, в пекле и без огня горячо. Я буду действовать согласно вашим указаниям.

Ли сделал шаг назад, и люк шлюза закрылся.

6

На планету Анакреон, давшую название всему королевству, Сэлвор Хардин прибыл отнюдь не сразу — всего лишь за день до коронации Леопольда. Предварительно он посетил восемь крупнейших звездных систем королевства, задерживаясь в каждой лишь на короткий срок, необходимый для переговоров с местными представителями Фонда.

К концу поездки он не мог избавиться от чувства подавленности, возникшего при ощущении истинных масштабов королевства. Тем более что Анакреон, в свою очередь, был всего только крохотным осколком, незначительным островком на просторах Галактической Империи, и человеческий разум не в состоянии был объять ее истинные размеры. Хотя человеку, мыслящему категориями одной планеты, причем малонаселенной, население и границы даже одного королевства Анакреон могли показаться невероятными.

Границы эти почти совпадали с границами прежней префектуры Анакреона, в которую входило тридцать пять звездных систем, и шесть из них имели по нескольку обитаемых миров. Численность населения быстро увеличивалась в связи с научным прогрессом, поощряемым Фондом, и на данный момент составляла около девятнадцати миллиардов.

Хардина потрясло величие стоящей перед Фондом задачи. За последние три десятилетия столичный мир был полностью оснащен атомными энергетическими установками, но на обширных территориях провинций имелись районы, где атомная энергетика не была

восстановлена до сих пор. И если бы не остатки техники, не пострадавшие в процессе мощного «отлива» Империи, и сохраненные в рабочем состоянии, — даже сегодняшний уровень цивилизации был бы там невозможен.

С прибытием на столичную планету Хардин обнаружил полную остановку повседневной деловой активности. В провинциях еще продолжались праздничные торжества, но на планете Анакреон все до последнего человека с языческим восторгом участвовали в ритуалах, сопровождающих совершеннолетие местного бога — короля Леопольда.

Хардин смог уделить лишь полчаса для общения с загнанным и измученным Верисовым, после чего подошло очередное храмовое празднество, и посол был вынужден умчаться для руководства им. Впрочем, плодотворность этого получаса была несомненна, и Хардин в прекрасном расположении духа принялся готовиться к вечернему фейерверку. Если бы его узнали, то несомненно Хардину навязали бы участие в религиозных обрядах, которых он не выносил — поэтому он вел себя подобно постороннему наблюдателю. К счастью, его почти или совсем не замечали, и даже прижали к стене, когда в бальный зал дворца хлынули сверкающие, возбужденные толпы высшей аристократии.

Хардин удостоился чести быть представленным Леопольду в качестве одного из бесчисленной очереди гостей, держащихся на расстоянии от короля, стоящего в величественном одиночестве и окруженного смертоносным радиоактивным сиянием. Не пройдет и часа, как он воссядет на массивный трон из сплавов радия и иридия, покрытый золотым резным орнаментом и драгоценными камнями; затем трон со всеми безделушками торжественно поднимется в воздух, медленно проплывет над полом и зависнет у огромного окна. И тогда толпы черни, опьяневшие от собственных приветственных кличей, смогут лицезреть своего повелителя. И вряд ли трон обладал бы столь внушительной массой, не будь в него встроен атомный двигатель.

Приближалась полночь. Хардин привстал на цыпочки для лучшего обзора, подавляя желание забраться на стул, поежился и обнаружил Виениса, пробиравшегося к нему сквозь толпу. Этот факт вынудил его расслабиться.

Виенис продвигался медленно. Этикет вынуждал его на каждом шагу раскланиваться с каким-нибудь почтенным аристократом, чей дед получил титул герцога за помощь, оказанную деду Леопольда в захвате королевства.

Отделавшись от последнего придворного, облаченного в парадный мундир, Виенис подошел к Хардину. Его улыбка мигом видоизменилась в саркастическую ухмылку, а черные глазки из-под лохматых бровей излучали самодовольство.

— Дорогой мой Хардин, — протянул он низким баритоном. — Раз уж вы настаиваете на инкогнито, то неудивительно, что вам приходится скучать.

— Мне не скучно, ваше высочество. Я нахожу все это чрезвычайно увлекательным. Вы же знаете, мы на Термине не избалованы подобными зрелищами.

— Не сомневаюсь. Но не откажитесь последовать в мои покои, где мы смогли бы побеседовать подробнее и в значительно более конфиденциальной обстановке!..

— Разумеется.

Они поднялись по ступенькам лестницы рука об руку, и не одна вдовствующая герцогиня пыталась разглядеть в лорнет личность неприметного и невзрачно одетого незнакомца, которому тем не менее выпала честь беседовать с самим принцем-регентом.

Войдя в покои принца, Хардин немедленно устроился поудобнее и с благодарностью принял бокал вина из рук самого Виениса.

— Локрианское вино, — подчеркнул Виенис. — И как положено — двухсотлетней выдержки. Было заложено в королевские погреба за десятилетие до восстания на Зеоне.

— Воистину королевский напиток, — вежливо подтвердил Хардин. — Предлагаю тост за короля Анакреона Леопольда Первого!

Они выпили. Помолчав, Виенис сказал:

— За короля, который скоро будет Императором Периферии, а позднее, возможно, и более отдаленных территорий. Как знать? Может быть, придет день и Галактика вновь объединится.

— Объединится — Анакреоном?

— А почему бы и нет? Благодаря руководимому вами Фонду преимущество Анакреона перед остальной Периферией будет несомненным.

Хардин поставил пустой бокал и поднял глаза на Виениса.

— Фонд окажет помощь любому государству, которое обратится за таковой. Наше правительство предано высшим идеалам и великим моральным ценностям, заложенным нашим основателем Хари Селдоном, и мы никому не отдаем предпочтения. Увы, ваше высочество, с этим ничего не поделаешь.

Принц-регент улыбнулся еще обаятельнее.

— Если воспользоваться сленгом масс, Дух Галактики помогает лишь тем, кто способен помочь сам себе. Я понимаю не хуже вас, что добровольно Фонд никогда не пойдет на сотрудничество с нами.

— Позволю себе изменить формулировку. Мы ведь отремонтировали для Анакреона имперский крейсер, хотя моя Навигационная комиссия собиралась использовать его для исследовательских целей.

— Исследовательских целей! — Виенис иронично подчеркнул последние слова. — Разумеется! Но вы не пошли бы на этот ремонт, не пригрози я вам военными действиями.

— Я не знаю, — Хардин сделал неопределенный жест.

— Зато знаю я. И моя угроза не прекратила своего существования.

— А теперь?

— Сегодня поздно говорить об угрозах, — принц быстро взглянул на часы, стоявшие на его письменном столе. — Послушайте, Сэлвор Хардин, вы уже бывали на Анакреоне. И мы оба тогда были молоды. Но даже в то время наши взгляды на вещи кардинально не совпадали. Ведь вы, как утверждает молва, человек мирный, не так ли?!

— Полагаю, что так. Во всяком случае, я считаю насилие неэкономичным способом достижения цели. Всегда находятся менее прямолинейные, но гораздо более действенные средства.

— Да, я слыхал о вашем знаменитом афоризме: «Насилие — последнее прибежище некомпетентности». И все же, — регент рассеянно почесал за ухом, — я не склонен считать себя совсем уж некомпетентным.

В ответ Хардин только вежливо наклонил голову.

— Несмотря на это, — продолжил Виенис, — я был и остаюсь сторонником прямых действий. Я верю в необходимость напрямик идти к поставленной цели. Таким способом я уже достиг многого и намереваюсь достичь еще большего.

Хардин прервал его.

— Я знаю... Я не сомневаюсь, что вы прямо прокладываете дорогу к трону для себя и своего потомства, учитывая обстоятельства кончины отца короля — вашего брата... и слабое здоровье нового короля. Не правда ли, у Леопольда крайне слабое здоровье?..

Голос нахмурившегося Виениса при этих намеках приобрел жесткий оттенок.

— Я рекомендую вам, Хардин, не касаться отдельных тем. Вы, видимо, полагаете, что в качестве мэра Термина имеете право на непродуманные заявления. Советую вам прекратить подобные попытки. Я не тот человек, который пугается слов. Мое жизненное кредо заключается в преодолимости всех трудностей — если решать без колебаний. И я еще никогда не отступал перед трудностями.

— В этом я убежден. И хотел бы выяснить, перед какой именно проблемой вы отказываетесь отступать на данный момент?

— Перед проблемой убеждения Фонда в необходимости сотрудничества. Ваша мирная политика привела к очень серьезным ошибкам, в частности, к недооценке смелости вашего противника. Не все, в отличие от вас, являются противниками прямых действий.

— Например? — спросил Хардин.

— Например, вы в одиночестве прибыли на Анакреон и также в одиночестве проследовали в мои покои.

Хардин огляделся вокруг.

— Ну и что тут особенного?

— Ничего, — ответил регент, — ничего, за исключением пятерых охранников за дверями, отлично вооруженных и готовых нажать на спусковой крючок. Я опасаюсь, Хардин, что вам не удастся выйти отсюда.

Брови мэра иронически приподнялись.

— А у меня и не возникло желания срочно покидать вас. Хочу спросить вас, принц, — неужели вы так боитесь меня?!

— Совершенно не боюсь. Но я надеюсь таким образом убедить вас в моей решительности. Считайте это демонстрацией силы.

— Название не играет роли, — равнодушно бросил Хардин. — Как бы вы ни называли сегодняшний инцидент, он не доставит мне особого неудобства.

— Я уверен, что со временем вы измените свое отношение к происходящему. Хотя за вами числится еще одна ошибка, и на этот раз гораздо более серьезная. Как я понимаю, Термин сейчас совершенно беззащитен?

— Разумеется. Нам нечего бояться. Мы не посягаем на чужие интересы и оказываем помощь любому, без предпочтений.

— И в связи с изложенным, — продолжил Виенис, — вы любезно помогли вооружиться нам, особо способствовав созданию мощного Анакреонского флота — нашего собственного флота. И с наличием в его рядах имперского крейсера этот флот — непобедим.

Хардин притворился, что собирается встать.

— Ваше высочество, мы зря теряем время. Если в ваши намерения входит объявление войны и вы сейчас информируете меня о случившемся, то я настаиваю на немедленной связи с моим правительством.

— Садитесь, мэр Хардин. Вам незачем связываться с правительством, и я не объявляю войну. Она попросту не будет объявлена. Фонд узнает о начале военных действий по ядерному залпу анакреонской эскадры под командованием моего сына, который в данное время находится на бывшем крейсере имперского флота, ныне флагмане эскадры «Виенис», с вашего позволения.

— И когда все это должно состояться? — нахмурился Сэлвор Хардин.

— Если это вызывает у вас такой интерес, то сообщаю: анакреонская флотилия вышетела ровно в одиннадцать, то есть пятьдесят минут тому назад, и как только Термин окажется в зоне видимости, первый залп будет произведен. То есть — завтра. Вы можете считать себя военнопленным.

— Именно таковым я и считал себя с самого начала, — Хардин продолжал хмуриться. — Хотя, надо заметить, я крайне разочарован...

Виенис презрительно хмыкнул.

— И это все, что вы скажете?

— Нет. Я все же полагал, что полночь — церемония коронации, знаете ли, — более подходит для отлета эскадры. Теперь я понимаю,

что вы решили объявить войну, находясь еще в качестве регента. И все же, если корабли вылетели бы в полночь, все выглядело бы гораздо драматичнее.

Регент остолбенел, глаза его налились кровью.

— Великий Космос! Вы понимаете, Хардин, что вы несете?!

— Разумеется, — мягко прервал его мэр Термина. — Потому что свой ответный удар я запланировал как раз на полночь.

Виенис вскочил с кресла.

— Я не поддаюсь на блеф. Ответный удар невозможен. И если вы рассчитываете на поддержку других королевств, то можете распроститься с вашей мечтой. Если их флоты даже объединятся, им не выстоять против нашего.

— Не сомневаюсь. И не собираюсь производить ни единого выстрела. Просто неделю назад по всем каналам связи прозвучало сообщение о том, что планета Анакреон предана анафеме.

— Передана... анафеме?!

— Совершенно верно. И если вы незнакомы с этим термином, то я не сочту за труд разъяснить его вам. Это означает полную забастовку всех до единого анакреонских жрецов — если, конечно, они не получат от меня иного приказа. Но я не сделаю этого в связи с лишением средств связи, да и будь я в других условиях, то все равно не изменил бы своего решения.

Хардин наклонился к регенту и добавил неожиданно резко:

— Ваше высочество, понимаете ли вы, что любой военный акт по отношению к Термину является величайшим святотатством?!

Виенису с трудом удавалось сохранить хладнокровие.

— Прекратите молоть чушь, Хардин. Оставьте ваши сказки для черни.

— Дорогой мой, а на кого, по-вашему, рассчитаны мои сказки? Я уверен, что последние полчаса во всех анакреонских храмах толпы народа слушают своего жреца, рассказывающего им именно эти сказки! Любой мужчина или женщина на Анакреоне понимают теперь, что их правительство развязало отвратительную агрессию против священного религиозного центра. Впрочем, через четыре минуты наступит полночь. Рекомендую вам выйти в бальный зал для наблюдения за развитием событий. А я останусь здесь — в полной безопасности при наличии пятерых охранников за дверью.

Хардин подлил себе локрианского вина, откинулся на спинку кресла и в полнейшем равнодушии стал рассматривать потолок.

Виенис выбежал из комнаты, неразборчиво ругаясь.

Аристократы в зале затаили дыхание, освобождая пространство для трона. На нем уже восседал Леопольд с высоко поднятой головой и окаменевшим лицом. Юный король крепко вцепился в подлокотники. Гигантские люстры стали гаснуть, и в рассеянном цветном свете атомных лампочек на потолке четко проявилось царственное сияние, образовавшее светящийся нимб над монаршей головой.

Виенис замер на лестнице. Все смотрели на трон и не обратили внимания на принца-регента. Он сжал кулаки и поклялся, что бред Хардина не толкнет его на необдуманные поступки.

Трон дрогнул, беззвучно взмыл над полом и поплыл по залу

Над помостом, вниз по ступенькам, над полом в шести дюймах от него — трон направлялся к огромному распахнутому окну.

Синхронно с басовым ударом колокола, возвестившего о наступлении полночи, трон застыл у окна... и нимб вокруг короля исчез. Леопольд замер на мгновение, лицо его исказилось. Без сияния он ничем не отличался от простого смертного. А потом трон покачнулся и рухнул на пол, с высоты все тех же шести дюймов. И при грохоте падения мгновенно отключилось все освещение дворца.

Сумятицу и вопли перекрыл громовой голос Виениса:

— «Факелы! Немедленно принесите факелы!»

Принц расталкивал толпу, пытаясь в темноте пробиться к выходу. Переполох во тьме еще усилила ворвавшаяся дворцовая охрана

Каким-то образом удалось все же внести в бальный зал факелы, предназначавшиеся для уличного праздничного шествия после коронации. Они излучали красный, бирюзовый и зеленый свет, охранники метались по залу, и высвечивались искаженные, перепуганные лица придворных.

— Сохраняйте спокойствие, — крикнул Виенис, — и оставайтесь на местах. Через секунду восстановится энергоснабжение.

Он, наконец, заметил капитана охраны, растерянно топтавшегося рядом.

— В чем дело, капитан?

— Ваше высочество, — ответ последовал незамедлительно, — жители столицы окружили дворец.

— Чего они хотят? — неистово прорычал Виенис

— Во главе толп идет жрец. Мои люди опознали его — это Верховный жрец Поули Верисов. Он требует прекращения агрессии против Термина и немедленного освобождения мэра Хардина.

Бегающие глаза капитана противоречили официальному невыразительному тону сообщения.

— Любого кто попытается проникнуть через дворцовые ворота, сразу же расстреливать из бластеров! Пусть собаки повоют! А завтра... завтра мы рассчитаемся с ними!

Все факелы, наконец, были зажжены, и в зале стало достаточно светло. Виенис кинулся к стоящему у окна трону и рывком поднял на ноги потрясенного бледного Леопольда.

— Пошли со мной.

Он бросил беглый взгляд в окно. Город окутала кромешная мгла. Где-то внизу хрипло ревела толпа. И лишь справа, от Арголидского храма, исходил ослепительный свет. Виенис ожесточенно выругался и потащил Леопольда за собой.

Леопольд шел, как сомнамбула, с вытаращенными глазами, и слова застревали в его горле. Пятеро охранников сопровождали правителей.

— Хардин, — прохрипел принц, ворвавшись в свои покои, — вы забавляетесь с силами, слишком могущественными для ваших игр.

Мэр проигнорировал это заявление. Он иронически улыбался, сидя в кресле, и атомная лампа рядом с ним светилась мягким жемчужным светом.

— С добрым утром, ваше величество, — кивнул Хардин Леопольду. — Я поздравляю вас с восшествием на престол.

— Хардин! — прервал его Виенис. — Я приказываю вернуть всех ваших жрецов к их прямым обязанностям!

Хардин холодно посмотрел на него.

— Попытайтесь сделать это сами, Виенис, и вы поймете, кто из нас играет с чрезмерно могущественными силами. Ни одно колесо не вращается сейчас на Анакреоне. Кроме храмов, нигде не горит ни один светильник. Вода не течет по трубам — только в храмах. На зимней стороне планеты нет ни калории тепла — только в храмах. Больницы отказывают пациентам в приеме. Отключены электростанции. Все корабли прикованы к земле. И если положение дел не устраивает вас, Виенис, вы можете попробовать приказать жреческой касте приступить к работе. Лично я этого делать не собираюсь.

— И клянусь Космосом, Сэлвор Хардин, я сделаю это. Настало время раскрыть все карты. Поглядим, смогут ли жрецы устоять перед армией. Сегодня же ночью все храмы на территории Анакреона будут контролироваться вооруженными силами.

— Отлично — если только вы сможете отдать приказ. Все линии связи планеты отключены. Вы также можете удостовериться, что радио, телевидение и ультраволновая связь не работают тоже. И единственным аппаратом связи, действующим вне храмов, является телевизор в этой комнате — но я перестроил его только на прием.

Виенис безуспешно пытался восстановить дыхание, а Хардин тем временем продолжал излагать ситуацию.

— Если хотите, пусть армия попытается взять штурмом Арголидский храм — он неподалеку от дворца — и использовать для связи с другими районами планеты их ультраволновый передатчик. Только я опасаюсь, что посланные части будут немедленно растерзаны озверевшей толпой — а кто же тогда защитит дворец, Виенис? Дворец — и ваши драгоценные жизни?!

Черт побери, мы сумеем продержаться. Пусть вопит чернь, пусть нет энергии — мы не уступим. Мы будем держаться до сообщения о захвате Термина — и простолюдины, на которых вы сделали ставку поймут всю бесполезность и беззащитность вашей религии. И гнев народа обратится против предавших его жрецов! Предупреждаю вас, Хардин, что у вас есть время до завтрашнего полудня, так

как вы можете отключить энергоснабжение Анакреона, но вы не в силах остановить мой флот.

В голосе Вениса зазвенели ликующие нотки.

— А он все ближе и ближе к Термину, и в авангарде его летит отремонтированный вами самими колоссальный крейсер.

— Разумеется. Я отдал приказ отремонтировать крейсер — но так, как сам этого хотел. Скажите, Виенис, что вы знаете о такой вещи, как ультраволновое реле? Ничего? Ну что ж, тогда не позднее, чем через две минуты вы познакомитесь с его возможностями.

В углу неожиданно включился телевизор, и Хардин счел необходимым уточнить:

— Вернее, через две секунды! Садитесь, дорогой Виенис, садитесь и слушайте.

Тео Апорат являлся одним из верховных жрецов Анакреона, и в силу своего сана заслуживал назначения на должность главного жреца флагманского корабля «Виенис».

Впрочем, дело было не только в его высоком положении. Он прекрасно разбирался в корабле и во время ремонта крейсера трудился непосредственно под руководством святых отцов с Термина. Это по их указаниям он занимался двигателями, ремонтировал системы связи, укреплял арматуру и латал пробитую обшивку. Его даже допустили помогать мудрецам Фонда при установке священного прибора, ранее никогда не применявшегося.

Прибор специально предназначался для ослепительного красавца-крейсера. Он назывался ультраволновое реле.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Тео поразила чудовищность поставленной перед крейсером задачи.

Он не мог поверить в слова Верисова о готовящемся святотатстве, о том, что пушки «Вениса» обратятся против священного Термина. Термина — планеты, где он учился в молодости, планеты, несущей народам благодать!

Но последний приказ адмирала развеял остатки сомнений.

Как осмелился король, помазанник божий, на такое чудовищное решение?! И король ли пошел на подобный шаг? Вполне допустимо, что монарх находится в полном неведении, а все случившееся является делом рук подлеца Вениса... А ведь именно сын этого самого Вениса заявил ему, Тео Апорату, всего пять минут назад:

— Ваше преосвященство, несите ответственность за состояние душ, а корабль я прошу оставить мне.

Апорат не сумел скрыть хитрой улыбки. Разумеется, он несет ответственность за души и их благодать, но он также специалист в области проклятий. О чем очень скоро узнает молодой принц Лефкин.

Жрец шагнул в центр связи корабля, прислужник Тео шел впереди пастыря — и дежурные офицеры даже не предприняли по-

пытки остановить их. Тем более, что жрец имел допуск в любой отсек крейсера.

— Заприте двери, — бросил Апорат, глядя на хронометр.

Без пяти минут двенадцать. Время было рассчитано безукоризненно. Быстрым отработанным движением жрец двинул вперед крохотный рычажок, включающий внутреннюю общую связь. В любом закоулке двухмильного корабля каждый сможет увидеть и услышать своего духовного наставника.

— Внимание! Внимание! Солдаты королевского флагманского крейсера «Виенис»! Слушайте вашего главного жреца!

Он выдержал паузу. Голос его звучал от кормы судна до навигаторских пультов в носовой части.

— На наш корабль, — Тео повысил голос, — легло бремя святотатства. Вам решили не сообщать об этом, но за подобное прегрешение душа любого из нас будет обречена на скитания по ледяным безднам Космоса! Внимание! Ваш командующий, повинуясь греховной воле пославших его, намерен обрушить свои бомбы на источник света и благодати — на священный Термин! Посему я, жрец Тео Апорат, во имя Духа Галактики лишаю отступника права на командование, ибо нет такого права без благословения Духа Галактики. И даже святость короля — ничто без соответствующего повеления Духа.

Голос жреца набирал силу и величественность. Прислужник застыл в благоговении, офицеры боролись с нарастающим страхом.

— И в связи с дьявольской миссией корабля я снимаю с него благословение Духа Галактики.

Он торжественно простер руку. И тысячи экранов донесли дрожащим съежившимся солдатам величественное изображение их жреца.

— Во имя Духа Галактики и пророка его Хари Селдона, а также последователей его, святых отцов Термина, я предаю этот корабль анафеме. Да ослепнут экраны — глаза его. Да онемеют орудия — нечестивые руки его. Да замолчит сердце его — атомный двигатель. И да будет голос корабля — связь внутренняя и внешняя — поражен немотой. Да замрет дыхание его — коридорные вентиляторы; и погаснет душа его — источники света! Именем Духа Галактики — трижды анафема!

Отзвучало последнее слово, наступила полночь — и за много световых лет отсюда, в Арголидском храме, некая рука включила ультраволновое реле, которое со сверхсветовой скоростью замкнуло цепь, включив другое реле на флагманском крейсере «Виенис»...

И ПРОКЛЯТЫЙ КОРАБЛЬ УМЕР!

Проклятия религии, базирующейся на научных знаниях, — безотказны. Безотказны и смертельны.

Апорат наблюдал погружение корабля во тьму и слышал затихающее гудение гиператомных двигателей. Он возрадовался в душе

своей и извлек из кармана своей длинной туники атомную лампу, тут же замерцавшую тихим жемчужным светом.

Взгляд его скользнул вниз, к ногам, где в смертельном ужасе корчились два коленопреклоненных офицера.

— Спасите души верующих, ваше преосвященство! — взвыл один из них. — Простите заблудших, ничего не ведающих о богохульных замыслах своих начальников!..

— Следуйте за мной, — сурово заявил Апорат. — Для ваших душ еще возможно спасение.

В окружающей тьме царил страх, реально ощутимый и нарастающий. Вокруг пятна света от лампады Апората непрерывно толкались солдаты, хватающиеся за подол его одеяния и умоляющие о милосердии.

На все просьбы был один ответ: «Следуйте за мной!»

Принц Лефкин обнаружился в офицерском отделении. Он на ощупь искал дорогу, проклиная все и всех, и требовал немедленного включения света. Когда жрец встал перед адмиралом — ответом был ненавидящий взгляд.

— Это ваше дело!..

Лефкин был голубоглазым по материнской линии, но это плохо сочеталось с наследственным косоглазием Виенисов и с их же крючковатым носом.

— Как я должен расценивать ваши предательские поступки?! Немедленно восстановите энергоснабжение! В конце концов, я здесь командующий или нет?!

— Уже — нет, — ответ жреца дышал мрачной решимостью.

— Арестуйте предателя, — Лефкин окинул толпу солдат взбешенным взглядом. — Взять его, или, во имя Космоса, я клянусь отправить каждого ослушника нагишом в воздушный люк!..

Адмирал тоже решил выдержать паузу, но она не возымела действия.

— Вам приказывает ваш адмирал, олухи! Арестуйте его!

Молчаливое неповиновение заставило принца окончательно потерять рассудок, и он истерически завизжал:

— Кого вы слушаете? Этого шута, этого преподобного лицедея?! Кто из вас способен всерьез поверить в религию призраков и лунной дымки?! Ваш жрец — самозванец, а столь чтимый им Дух Галактики — продукт богатой фантазии, рассчитанной на...

Апорат не дал Лефкину договорить.

— Арестуйте святотатца. Его слова навлекают на ваши души вечное проклятие!

Десятки солдат мгновенно сбили с ног все еще вопящего благородного адмирала.

— Возьмите его и следуйте за мной.

Лефкина поволокли за идущим впереди жрецом. Коридоры были битком набиты солдатами. Вернувшись в центр связи, Тео

Апорат приказал низложенному командующему сесть у единственного работающего телевизора.

— Прикажите всем кораблям эскадры изменить курс и немедленно повернуть на Анакреон.

Залитый кровью, избитый и растерянный Лефкин покорно выполнил приказ.

— И теперь, — Апорат по-прежнему оставался мрачен, — теперь я сообщаю вам о наличии ультраволновой связи с королевством. Говорите то, что потребую я.

Отрицательный жест Лефкина повлек за собой угрожающий рев толпы в прилегающих отсеках и коридорах.

— Я жду, — повторил жрец. — Начинайте.

И принц Лефкин начал.

— Внимание! Анакреонский флот...

Полная тишина царила в покоях Виениса до появления на экране изображения принца Лефкина. Регент вскрикнул при виде смятенных черт своего сына и его разорванной формы, вскрикнул и рухнул в кресло с искаженным лицом, на котором явно читался страх.

Хардин слушал совершенно бесстрастно, и руки его спокойно лежали на коленях; что касается юного короля, то он корчился в темном углу, нервно закусив золотое шитье рукава. Даже с солдат слетел покров свойственной им невозмутимости. Они взяли атомные бластеры наизготовку, но украдкой поглядывали от дверей на изображение измученного человека в телевизоре.

Создавалось впечатление, что Лефкин говорит под суфлера. Голос его был напряжен, полон усталости, и самоуверенность в нем отсутствовала начисто.

— Анакреонский флот... понимая кощунственный характер своей миссии и... не желая оказаться соучастником преступления против... намерен возвратиться в столицу, для... предъявления отступникам ультиматума... отступникам, повернувшим данное им оружие против... родника вселенской благодати — Термина... и божественной воли Духа Галактики. Требуем незамедлительного прекращения любых военных действий против истинной веры... гарантии... удовлетворяющей нас в лице полномочного представителя флота жреца Тео Апората... а также гарантии... невозможности подобной войны в будущем.

Была выдержана длительная пауза.

— Смещенный принц-регент Виенис... под стражу и... на суд духовенства за свои богохульные поступки и деяния. В противном случае королевский флот Анакреона... дворец с лица земли... и другие необходимые меры, для... гнездо еретиков и губителей человеческих душ...

Рыдание заглушило последнюю фразу, и экран телевизора угас.

Пальцы Хардина легко скользнули по атомной лампе, и она погасла вслед за экраном. Мрак обнял смутные тени регента, короля и охранников, и стало ясно различимо сияние вокруг мэра Сэлвора Хардина.

Нет, не яркое праздничное сияние, привилегия коронованных особ, — нимб Хардина выглядел гораздо более будничным, но произвел никак не меньшее воздействие.

Не далее, как час тому назад Виенис объявил мэра военнопленным и уведомил о падении Термина. Теперь же он выглядел призраком, молчащим, измученным призраком; и ирония сквозила в прозвучавших словах Хардина.

— Напомню вам притчу, — тихо сказал мэр, — древнюю, как само человечество, поскольку те страницы, на которых она записана, копии еще более древних, и так почти до бесконечности. Я думаю, вам не повредит выслушать ее.

Был у лошади опасный и могучий враг — волк. В непрерывном страхе за свою жизнь и полном отчаянии лошадь решила начать поиски не менее сильного союзника. Она предложила человеку заключить с ней союз, отметив, что волк — враг им обоим. Человек с радостью принял предложение и настаивал на немедленном уничтожении волка — если лошадь позволит человеку использовать ее талант к быстрому бегу. Со стороны лошади не поступило никаких возражений, и седло легло на ее спину. Человек прыгнул в седло, догнал волка и легко убил его.

Лошадь облегченно вздохнула и, поблагодарив человека за помощь, сказала: «Наш враг убит. Теперь прошу вернуть мне свободу и снять седло и упряжь». Громко рассмеялся на это человек, взмахнул хлыстом и крикнул: «Не болтай глупости, старая кляча, но-о-о!» — и шпоры вонзились в бока лошади.

Стояла тишина, и тень, раньше носившая имя Виенис, не подавала признаков жизни.

— Я надеюсь, вы поняли смысл сказанного, — продолжил Хардин. — Стремясь к абсолютному закреплению своей монаршей власти над собственными народами, короли всех Четырех Королевств согласились принять религию — научную религию Термина, способную превратить их в полубогов. Но именно эта же религия превратилась в упряжь для властителей, так как животворящая сила атомной энергии находилась в руках жрецов, а служители культа подчинялись нам — заметьте, нам, а не вам. Волка вы сумели убить, но с человеком вам не справиться...

Виенис прыгнул на середину комнаты. Хриплый нечеловеческий голос выкрикивал бессвязные слова, и дыры глазниц горели во мраке.

— И все-таки я прикончу тебя — ты сгниешь здесь, не выйдя из моих покоев! Пусть жрецы проклинают нас! Пусть они уничтожают все! Тебе это будет безразлично! Месть предателю!..

Он уже бился в истерике.

— Солдаты! Бластером этого чистоплюя! Огонь по дьяволу во плоти!..

Улыбающийся Хардин развернул кресло и обратился к солдатам лицом. Они не шевелились, и лишь крайний охранник неуверенно поднял бластер, подумал и опустил его обратно. Несмотря на приказание принца-маньяка, им оказалась не по зубам мишень, подобная мэру священного Термина Сэлвору Хардину — в ореоле мягкого сияния, в ореоле славы разрушителя всей военной мощи королевства Анакреон.

Изрыгающий проклятия регент подскочил к ближайшему солдату. Он выхватил из его рук атомное оружие и, подобно взбесившемуся зверю, прицелился в неподвижного Хардина и нажал спусковой крючок.

Мерцающий сплошной луч полоснул по силовому полю, окружавшему мэра Термина; и поле полностью нейтрализовало страшную энергию, всосав ее в себя. Дикий хохот вырвался у принца, и он вновь выстрелил.

Чуть шире стала улыбка Хардина, и чуть сильнее засветилось в ответ силовое поле, поглощая все заряды бластера. Из угла донесся нечленораздельный стон Леопольда, прикрывавшего глаза рукой.

Последний выстрел заглушил крик отчаяния Вениса — и на этот раз он поднял бластер к собственной голове! Безголовое тело обмякло и рухнуло на пол.

Не выдержав, Хардин отвернулся от ужасного зрелища и пробормотал:

— Человек, понимающий только прямые действия. Воистину, радикальное решение!..

9

Люди в три ряда толпились у задней стены Хранилища, потому что стульев все равно не хватало.

Невольное воспоминание мелькнуло в мозгу Сэлвора Хардина: те люди, которые тридцать лет тому назад присутствовали при первом появлении Хари Селдона. Шестеро старых Энциклопедистов. Теперь они давно уже мертвы. А сам он тогда был неприлично молодым и бесправным мэром; и именно в тот день он вместе с Иоганом Ли утвердил свои права.

Сегодня члены Городского Совета также ожидали Селдона, но сегодня все обстояло иначе. Мэр Сэлвор Хардин ныне обладал всей полнотой власти, плюс невероятной популярностью в связи с падением милитаристского Анакреона. Когда мэр вернулся из столицы королевства, сообщив о трагической смерти Вениса и предъявив новый договор за подписью предельно дружественного Леопольда, вотум доверия был провозглашен ему с огромным энтузиазмом.

Ответные договоры с оставшимися тремя королевствами не заставили себя долго ждать. Согласно им, Термин приобретал такую власть, что любые попытки нападения на планету, подобные Анакреонской агрессии, предотвращались навсегда. Факельные шествия двинулись по улицам и проспектам Термина. И даже имя Хари Селдона уступало в популярности имени Сэлвора Хардина.

Хардин иронически поджал губы. Подобная популярность приходила уже к нему — во время первого кризиса.

В дальней части комнаты шла увлеченная беседа между Сефом Сермаком и Луисом Бортом. Похоже, недавние события никак не сказались на их самоуверенности. Они немедленно проголосовали за мэра Хардина, в предвыборных речах признали все свои ошибки и принесли любезные извинения за резкие высказывания в предыдущих выступлениях. Прозвучал весьма деликатный намек на убеждения и голос гражданской совести, и была тут же развернута новая кампания в поддержку Партии Действия.

Иоган Ли легко коснулся руки Сэлвора и намекающим жестом указал на свои часы.

— Привет, Ли. Что беспокоит тебя сегодня? Ты еще зол на меня?

— Он должен возникнуть через пять минут, не правда ли?

— Надеюсь, что так. В прошлый раз Селдон появился точно в полдень.

— А если на этот раз он не появится вообще?

Я сыт по горло твоим пессимизмом!

Не появится — значит, не появится.

Хмурый Ли медленно покачал головой.

— Если сегодняшнее событие провалится, у нас снова начнутся неприятности. Если мы не получим поддержки Селдона — Сермак снова станет мутить воду. Он уже объявляет о необходимости прямого аннексирования всех Четырех Королевств, а также расширения территорий Фонда — и, если потребуется, силой. Кстати, новая кампания по этому поводу уже началась.

— Знаю. Факир должен глотать пламя, даже если он сам разжигает свой огонь. А у тебя, Ли, есть потребность всегда находиться в состоянии беспокойства, даже если повод для него ты придумал сам.

Освещение стало желтеть и окончательно потускнело — и у собиравшегося возразить Ли перехватило дыхание. Он указал рукой на стеклянный куб, занимающий половину комнаты, и со вздохом упал в кресло.

Хардин рефлекторно напрягся, увидев фигуру в кресле, возникшую в кубе. Кроме него, никто из собравшихся не мог помнить тот день, ровно тридцать лет тому назад, когда подобное событие произошло впервые! В то время Сэлвор Хардин был молод, а человек

в кресле был стар. Но Хардин состарился, а Хари Селдон не изменился с тех пор. Совсем.

Пальцы человека легко поглаживали лежащую на коленях книгу, и глаза смотрели прямо перед собой.

— Я — Хари Селдон!

Старческий мягкий голос.

Все присутствующие затаили дыхание. Старик в стеклянном кубе продолжил спокойным тоном:

— Я появляюсь перед вами во второй раз. И, разумеется, я не могу знать, присутствовал ли кто-нибудь из вас при моем первом появлении. Мои органы чувств не в состоянии сообщить мне, есть ли тут кто-нибудь вообще, но это не имеет значения: если второй кризис преодолен, и преодолен успешно — вы не можете быть ни в каком ином месте. Только здесь. Если же комната пуста — значит, второй кризис оказался вам не по зубам.

Селдон спокойно улыбнулся.

— Но я сомневаюсь в подобном исходе, поскольку вероятность серьезных отклонений от плана в первые восемьдесят лет равняется нулю и шести десятым процента. Однако...

Однако я намерен предостеречь вас от чрезмерной самоуверенности. Во время наших встреч в мои расчеты не входит предоставление вам лишней информации, предвосхищающей развитие событий, но необходимо отметить то, что на данный момент вы лишь достигли нового непрочного равновесия. Разумеется, даже оно намного улучшило ваше положение. Духовная сила способна побеждать противника в неравной борьбе, но для ответных ударов она не годится. Неизбежный рост противодействия в виде сепаратизма или национал-шовинизма создает ситуацию, когда духовные проявления бессильны. И я не думаю, что открываю вам существенно новые истины.

Прошу простить мне излишнюю туманность формулировок. Я вынужден использовать в основном приблизительные категории, потому что ни одному из вас не хватит знаний для понимания сложнейшей символики психоистории — так что я стараюсь подобрать лучший способ объяснений.

Путь, ведущий к новой Империи, огромен, и Фонд находится всего лишь в начале пути. Ресурсы соседних королевств — как человеческие, так и прочие — гораздо выше ваших на сегодняшний день. А за их границами по галактическим просторам раскинулись непроходимые джунгли варварства. В их кипящей лаве еще существуют остатки — вернее, останки — Галактической Империи, ослабленные, рассыпающиеся, но еще достаточно могущественные.

Хари Селдон прервал речь, взял книгу и раскрыл ее. На лице старика было торжественное выражение.

— И я рекомендую вам никогда не забывать о том, что там, у Границы Звезд, на другом краю Галактики, был создан другой Эн-

циклопедический Фонд. Всегда помните о нем и учитывайте этот фактор. План рассчитан мною на девятьсот двадцать лет — итак, господа, хотя это и ваша проблема, но приступайте к ее решению!

Он снова посмотрел на книгу и исчез. Освещение постепенно вновь стало ярким. Все потянулись к выходу, и в наступившей толчее Ли успел наклониться к уху Хардина.

— Когда он появится в следующий раз? Он не сказал об этом.

— Я не знаю, — ответил мэр Хардин. — Но я надеюсь, что этого не случится до того счастливого времени, когда все мы будем спокойно отдыхать в наших уютных могилах!..

ЧАСТЬ IV. ТОРГОВЦЫ

1

*«**ТОРГОВЦЫ** — ...во все времена до установления полной политической гегемонии Фонда, торговцы упрямо, шаг за шагом, при возникновении любой возможности, распространяли свое влияние на колоссальные территории Периферии. Месяцами и годами не появлялись они на Термине, корабли их в большинстве случаев являлись кустарными самоделками, честность их не выдерживала никакой критики, отвага их...*

Используя подобные методы, они сумели создать более прочную Империю, чем все Четыре Королевства с их ложным религиозным фанатизмом...

Бесчисленное количество легенд ходило об этих бесстрашных одиночках. Девизом торговцев был один из афоризмов Сэлвора Хардина, и неизвестно, был ли он взят в качестве шутки, или вполне серьезно. Девиз гласил: «Не допускайте, чтобы ваши представления о нравственности не позволяли вам поступать правильно!»

Крайне трудно рассортировать сонм преданий на достоверные и совершенно не соответствующие реальности. Скорее всего, не нашлось бы ни одной легенды, где не отдавалась бы дань преувеличениям...»

Галактическая Энциклопедия.

Когда бортовой приемник принял сигнал вызова, Лиммар Пониетс вспомнил старый бородатый анекдот о ванной и телефонном звонке, соль которого оставалась в силе даже в суровых космических дебрях Галактической периферии.

Впрочем, данный отсек корабля свободного торговца — если он не заставлен всевозможными товарами — устроен достаточно удобно. К примеру, душ — и даже душ с горячей водой! — не дальше десятка футов от пульта управления. Так что Пониетс, с ног до головы в мыльной пене, прекрасно слышал треск приемника.

Сыпя проклятиями, он выскочил из душа, как ошпаренный, и помчался настраивать приемник. Не прошло и трех часов, как подававший сигнал второй торговый корабль уже летел с его кораблем бок о бок, а еще спустя некоторое время широко ухмыляющийся парень уже пробирался к Лиммару через герметичный шлюз стыковки.

Пониетс предоставил самый лучший стул на борту гостю, а сам шлепнулся в кресло пилота, вращающееся для лучшего обзора.

— Тебе что, нечего делать, Горм? — вопрос был задан крайне мрачно. — Я полагаю, ты гнался за мной от самого Термина?

Лес Горм отрицательно покачал головой, доставая сигарету.

— Гнался? Ни в коем случае. Мне просто не повезло. Меня угораздило приземлиться на Глипталь IV сразу после того, как туда пришла почта. Так что я сразу был отряжен за тобой. Держи.

И он передал Пониетсу крохотный сверкающий шарик. Потом добавил:

— Информация совершенно конфиденциальная. Полная секретность. Запрет на передачу в эфир и все такое прочее. Во всяком случае, меня предупредили о последствиях. Хотя зря — капсула индивидуального пользования, и открыть ее сможешь только ты.

Во взгляде Пониетса, рассматривавшего капсулу, стояла глубокая неприязнь.

— Сам вижу. Еще никогда хорошие новости не приходили в подобной форме.

Капсула открылась от прикосновения его пальцев, и прозрачная тоненькая пленка раскрутилась часовой пружиной. Лиммар быстро пробежал глазами сообщение, и, едва он успел дойти до конца, как начало уже сморщилось и приобрело коричневый оттенок. А еще через минуту-другую пленка почернела и рассыпалась пеплом.

— Галактика тебя забери! — крякнул от ярости Пониетс.

— Возможно, тебе потребуется помощь? — чрезвычайно тихо спросил Лес Горм. — Или все это слишком секретно для меня?

— Не говори глупости. Ты же член Гильдии. Здесь написано, что я должен лететь на Аскон.

— Аскон? К чему?

— Там местные власти засадили в тюрьму одного нашего. Торговца. Только это между нами.

Лицо Горма стало злым и напряженным.

— Посадили, а, между прочим, это нарушение Конвенции.

— Сознательное вмешательство в местную политику — тоже нарушение Конвенции, — заметил Лиммар.

— Вмешательство? — Горм задумался. — Вряд ли он мог на это решиться... Кстати, кто этот купец? Ты не знаешь имени? Может быть, я с ним знаком...

— Не знаком! — резко бросил Пониетс. Лицо Горма поскучнело, но вопросов он больше не задавал.

Пониетс встал и угрюмо уставился на видеоэкран. Он глядел на изображение Галактики, сходное по форме с туманной линзой, и губы его шевелились в беззвучных проклятиях. Затем он громко произнес:

— Черт бы их всех побрал! А у меня даже норма по реализации не выполнена...

Неожиданно Горма осенило.

— Слушай, приятель... Этот твой Аскон — там же закрытая зона!

— Совершенно верно. Там не продать даже перочинного ножа — запрещено. А об автоматических приборах просто не может быть и речи. Так что моя норма висит на мне, как ядро, прикованное к ногам каторжника. В подобном положении лететь на Аскон — почище самоубийства.

— А как насчет того, чтобы отказаться?

Пониетс отрицательно покачал головой.

— Ты понимаешь, Горм, я-то знаю этого парня. И не могу бросить товарища в беде. Тут уж ничего не поделать. Дух Галактики призвал меня, и я обязан, не раздумывая, идти по первому его зову.

Горм иронически хмыкнул.

Пониетс покосился на юнца и усмехнулся.

— Ах да, я и забыл... Ты же никогда не читал «Книгу Духа»! Не читал, ведь правда?

— Не только не читал, но и не слыхал о ее существовании, — резко бросил Горм.

— Разумеется! А вот если бы у тебя было религиозное образование, то ты бы наверняка слышал о ней.

— Какое-какое? Религиозное? Лиммар, ты что, учился на жреца?!

Потрясению Горма не было предела.

— К сожалению, да. И это мой тайный недостаток. Хотя святые отцы так и не смогли меня обуздать. И я был исключен — что, впрочем, не помешало мне в получении светского образования под руководством преподавателей из Фонда. Кстати, поскольку мне давно пора отчаливать — как у тебя в этом квартале с выполнением нормы?

Горм поправил фуражку и затушил окурок.

— Ерунда, справлюсь. Остатки груза. Сбуду — и конец.

— Счастливчик, — хмуро констатировал Пониетс. И после того, как Лес Горм покинул борт его корабля, он еще долго сидел, не шевелясь, в глубокой задумчивости.

Итак, Аскель Гороу находился на Асконе, да к тому же еще и сидел в тюрьме! Отвратительное известие! И намного хуже, чем

могло показаться с первого взгляда. Одно дело изложить любопытствующему юнцу обрывки правды, чтобы он удовлетворился и отправился по своим делам, а совсем другое дело — когда ты понимаешь всю серьезность сложившейся ситуации.

Лиммар Пониетс входил в число немногих, кто прекрасно знал, что старший торговец Аскель Гороу в действительности никогда не был торговцем. Нет, на него возлагалась совершенно иная миссия — миссия агента Фонда!

2

Две недели принесли самые мизерные результаты.

Первые семь дней пришлось потратить, чтоб добраться только до самых окраинных границ Аскона. А там уж бдительные пограничные корабли в совершенно неимоверном количестве взяли Пониетса в кольцо. Как бы ни работала их система слежки, она выполняла свои функции безукоризненно. Они медленно окружили его без каких бы то ни было сигналов и, четко соблюдая дистанцию, указали курс на центральное светило Аскона.

Пониетсу хватило бы минуты, чтоб разнести в клочья всю эскадру. Эти лоханки являлись остатками давно погибшей Галактической Империи. И были это спортивные корабли, а отнюдь не военные крейсеры, и на этих изящных, но бесполезных эллипсоидах не устанавливалось атомное вооружение. Так что количество их не играло никакой роли. Он мог — и не мог. У них в руках находился Аскель Гороу, а такого заложника нельзя было терять. И сами асконцы прекрасно понимали это.

Вторая неделя ушла на множество утомительно сложных процедур и взаимоотношения с сонмищем мелких чиновников — фильтром между внешним миром и Великим Магистром Аскона. Каждый ничтожный администратор требовал велеречивости и заискивающего обращения. Каждого необходимо было, преодолевая отвращение, аккуратно ублажить для получения размашистой подписи, открывавшей дорогу — нет, не к Магистру, а всего лишь к следующему чиновнику чуть высшего ранга.

Впервые верительные грамоты торговца оказались бесполезными.

Две недели — и, наконец, Пониетса отделяла от заветного Великого Магистра лишь золоченая дверь с охраной по бокам. Но как ни крути, пропавшего времени было жалко.

Гороу сидел в камере, а груз самого Пониетса благополучно гнил в трюмах его корабля.

Великий Магистр оказался крохотным человечком с морщинистым лицом и почти облысевшим черепом. Огромный меховой воротник, покрытый блестками, казалось, придавливал его к земле и лишал возможности двигаться.

Строй вооруженных стражников раздвинулся, и Пониетс сумел приблизиться к подножию кресла владыки.

— Вот что, — с явным удовольствием произнес правитель Аскона. — Для угроз у вас нет повода, а лесть на меня не действует. Кроме того, не рекомендую вам тратить время на жалобы и обиды. Я уже не помню, сколько раз ваши бродяги получали предупреждение насчет продажи ваших дьявольских машин на благочестивом Асконе. Нам они не нужны.

— Ваше преосвященство, — хладнокровно ответил Пониетс. — Я и не собираюсь оправдывать известного нам обоим торговца. Главный принцип торговли — не соваться туда, где ее услуги не требуются. Но Галактика весьма обширна, и бывали случаи нарушения границ без злого умысла. Это ошибка, достойная всяческого осуждения, — но всего лишь ошибка.

— Конечно, осуждения! — пискнул Великий Магистр. — Но неужели простая ошибка? Не успел этот богохульник и бродяга попасть за решетку, как ваши эмиссары с Глипталя IV уже завалили меня письмами, где просят о переговорах. И двух часов не прошло! Кстати, в этих посланиях не раз упоминалось и о вашем прибытии. Так что все это весьма смахивает на отлично спланированную кампанию по его спасению. И для простой ошибки — случайной или нет — все выглядит слишком хорошо подготовленным и известным заранее.

Темные глаза асконского владыки горели презрением. Без паузы он продолжил:

— Вы, торговцы, словно сумасшедшие мотыльки, мечущиеся между звездами и мирами, вы достаточно безумны, чтобы приземлиться на самом крупном из миров Аскона, в центре государства, — и назвать это непреднамеренным нарушением границ. И все мы прекрасно понимаем, что дело обстоит совсем не так.

Пониетс пожал плечами и произнес со всей настойчивостью, на которую он был способен:

— Ваше преосвященство, даже если предположить, что действия торговца являлись обдуманными и сознательными, то с точки зрения Торговой Гильдии они противоречат строжайшим правилам ее устава.

— За эти предположения, — голос асконца был холоден и резок, — ваш коллега, вероятно, поплатится жизнью.

Внутри у Пониетса все напряглось, но он оставался корректен и настойчив.

— Ваше преосвященство, смерть — такое необратимое решение, что я уверен в наличии компромиссного варианта.

Последовала пауза. И за ней последовал вкрадчивый намек.

— Мы осведомлены о неисчислимых богатствах Термина...

— Богатства? Разумеется. Только именно наши богатства вы и отказываетесь покупать! А наша атомная продукция включает в себя...

Некоторые интонации произнесенного напоминали заклинание.

Глаза Великого Магистра прикрылись веками, и следующий вопрос был еще более многозначительным.

— Неужели у вас не найдется ничего более ценного?

Ответный взгляд торговца светился непониманием.

— В таком случае, чего же вы хотите?

Асконец иронически всплеснул руками.

— Вы надеетесь, я поменяюсь с вами местами и стану сам рассказывать о своих желаниях? Не выйдет! Я все-таки думаю, что ваш коллега понесет кару за совершенное им святотатство. В соответствии с асконским законодательством, его ждет казнь в газовой камере. И это справедливо. В данных обстоятельствах такая же участь ожидала бы и наибеднейшего крестьянина. И я сам бы не избежал подобной участи.

Без всякой надежды Пониетс пустил еще один пробный шар.

— Ваше преосвященство, могу ли я надеяться на встречу с заключенным?

— Еще раз повторяю, — Магистр оставался холоден, — асконское законодательство сурово, и общение с взятыми под стражу запрещено.

— Ваше преосвященство, умоляю вас проявить сострадание к заблудшей душе этого человека в тот час, когда тело его находится в ожидании сурового, но справедливого наказания. Все это время, пока жизнь его находилась под угрозой, он был лишен духовного утешения, и сейчас он способен отойти в царствие Духа Галактики нераскаявшимся.

Великий Магистр недоверчиво покосился на торговца.

— Вы хотите сказать, что являетесь утешителем заблудших душ?

— Увы, ваш недостойный собеседник получил соответствующее образование, — лицо Пониетса преисполнилось скорби. — В пустоте бескрайнего Космоса мы, бродячие торговцы, крайне нуждаемся в людях, способных заботиться о духовной стороне нашей жизни странников, занятой в основном мыслями о мирских заботах и коммерции.

Владыка Аскона задумчиво прикусил нижнюю губу.

— Да, я понимаю... Всякий живущий, уходя к душам своих праотцов, обязан подготовиться. Но никогда мне не приходило в голову, что и торговец в состоянии быть верующим.

3

Аскель Гороу заворочался на койке и приоткрыл левый глаз. Лиммар Пониетс вошел в дверной проем и с грохотом захлопнул за собой обитые железом створки. Гороу что-то буркнул себе под нос и поднялся на ноги.

— Пониетс! Они все-таки прислали именно тебя!..

— Это всего лишь случайность, — горько произнес Пониетс. — Или козни моего личного дьявола. Пункт первый: ты попадаешь в переделку на Асконе. Пункт второй: мои торговые дела, что отлично известно Торговой Комиссии, вынудили меня оказаться на расстоянии всего в пятьдесят парсеков от данной системы — и как раз в то время, когда происходят те события, которые изложены в пункте первом. И, наконец, пункт третий: Комиссии также известно, что раньше мы работали вместе. Ты считаешь это простым совпадением обстоятельств. Я нахожу совсем иной ответ.

— Не увлекайся! — предостерег Гороу приятеля. — Здесь может быть прослушивание. При тебе есть искривитель поля?

При виде поднятой Лиммаром правой руки, на которой сверкал узорчатый браслет, Гороу вновь расслабился.

Пониетс прошелся по камере. Она была пуста и просторна. Освещение не заслуживало упреков, и различные сопутствующие тюрьме запахи также отсутствовали.

— Слушай, Аскель, у тебя тут прямо санаторий, только что за ухом не чешут!..

Гороу не обратил на сарказм Лиммара никакого внимания.

— Слушай, а как, собственно, тебе удалось сюда пробраться? Я вот уже третью неделю как нахожусь в строжайшем одиночном заключении.

— Как раз со дня моего прибытия! Угадал? Получается, что у старикана, который здесь крутит все дела, имеется свое слабое место... Он полон благочестивых идей, и я отнюдь не безрезультатно воспользовался этим! Так что перед тобой стоит твой духовный пастырь. Все-таки в священнослужителях есть и свои полезные моменты — он к вящей выгоде своей с удовольствием перервет тебе глотку, но ни за что не согласится отказать в спасении твоей нематериальной души, существование которой под большим вопросом. Это служит иллюстрацией к практикуму по эмпирической психологии. А торговец обязан разбираться во многих вещах — хотя бы понемногу.

Гороу саркастически улыбнулся.

— А ты как раз и учился в духовной семинарии! Ты умница, Лиммар, и я рад, что прибыл именно ты. Но не думаю, что Магистру так нравится исключительно моя душа... Он не намекал на выкуп?

Пониетс хищно прищурился.

— Еще как намекал! И грозил в противном случае газовой камерой. Так что я избежал риска, не настаивая на развитии этой темы — там могла скрываться ловушка. Но скорее всего — простое вымогательство. Чего он может хотеть?..

— Чего? Золота.

— Золота?! — Пониетс поднял бровь. — Металл? Зачем оно ему?!

— Это на Асконе средство платежей.

— А... Ну тогда понятно. И где я ему достану золота?

— Где угодно. Но достанешь. Ты не кривись, это все чертовски важно. Пока ноздри Магистра чуют аромат золота — я в безопасности. Наобещай ему любое количество — какое запросит. И если понадобится, отправляйся прямиком на Термин. И когда меня освободят и вышлют из системы под конвоем — мы с тобой расстанемся.

Неодобрение сквозило в поведении и взгляде Пониетса.

— А затем ты в надежде на успех вновь притащишься на Аскон, и я буду снова тебя вытаскивать?

— У меня задание — любой ценой продать Аскону атомную технику.

— Ты не успеешь вернуться даже на один парсек, как будешь схвачен. И я не думаю, что сообщаю тебе что-нибудь новенькое.

— Меня не схватят, — сказал Гороу. — Но даже будь это так, мое решение не изменится.

— И при следующей попытке ты будешь убит.

Гороу равнодушно пожал плечами.

— Я все же попытаюсь договориться с Великим Магистром. Пока я действовал с завязанными глазами, но попробую разобраться в ситуации.

— Вряд ли, — тихо сказал Пониетс. — Пока что любая моя реплика, самая невинная, доводила его преосвященство до сердечного приступа.

— Положение достаточно несложно, — перебил его Гороу. — Единственная возможность закрепить безопасность Термина на Периферии — создать везде, в том числе на Асконе, торговое государство под контролем религии. Для навязывания политического диктата у нас пока не хватит силы. Так что торговля — это все, на что мы способны для поддержания контроля над Четырьмя Королевствами.

Пониетс кивнул.

— Это я и так понимаю. Любая система, отказывающаяся приобретать наши атомные устройства, не может регулироваться религиозными структурами.

— Правильно. И поэтому автоматически становится оплотом враждебности и неприятия.

— Ладно, — сказал Пониетс, — оставим теории. Что конкретно мешает торговле с Асконом? Их верования? Великий Магистр имел в виду именно это.

— Их религия — некая форма поклонения предкам. В древних сказаниях упоминается нечестивое прошлое, которое искупили несколько наивных пророков. В такой искаженной форме описывается анархия столетней давности, когда с планеты было выдворено имперское воинское формирование, и к власти пришло независимое правительство. И любой продукт науки и прогресса, включая атомную энергетику, неизбежно отождествляется с тогдашним имперским режимом. А он вызывает у местных лишь ужас.

— Да ну? Я видел здесь весьма симпатичные каравеллы, которые с легкостью вычислили меня за два парсека от их рубежей. Клянусь Галактикой, от них попахивало атомной энергией.

Гороу пожал плечами.

— Эта эскадра является остатками разгромленной Империи. И на них вполне могут стоять атомные двигатели. То, что осталось, здесь прекрасно хранится. Вопрос в том, что местные власти сознательно не хотят улучшать технологию, а уж их внутренняя экономика совершенно лишена атомной энергии. Вот это положение мы и обязаны изменить.

— И каким образом ты намеревался это сделать?

— Я собирался преодолеть барьер сопротивления сначала в мелочах. Говоря попросту, если бы я сумел продать местному аристократу перочинный ножик с наведенным полем для заточки лезвия, то в его же интересах было бы протолкнуть те законы, которые не мешали бы ему открыто пользоваться инструментом. Это хоть и звучит довольно глупо, но абсолютно обоснованно. Продажа стратегических товаров в стратегически просчитанный момент времени неизбежно приведет к возникновению проатомной оппозиции в законодательных институтах.

— И для этого послан ты? А затем — и я, чтобы выкупить тебя и улететь, а ты продолжишь свои бессмысленные попытки? У тебя нет ощущения, что дело поставлено с ног на голову?

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил Гороу.

— Погоди, — резко перебил его Пониетс, — и пойми, что ты дипломат, а не торговец, и сколько ни называй тебя торговцем, толку от этого не прибавится. Это дело необходимо поручить человеку, чья специальность — торговля, а у меня весь корабль битком забит непроданными товарами. Кстати, у меня недовыполнена норма по продаже, и наверстать упущенное я ни за что не сумею.

Гороу слегка улыбнулся.

— То есть ты хочешь сказать, что согласен влезть не в свое дело и пойти на риск?

— А ты считаешь, что подобное занятие годится лишь для истинного патриота, а торговцы никогда патриотами не были и не будут?

— Разумеется! Патриотизм совершенно ни к чему первопроходцам.

— Ты знаешь, пожалуй, я с тобой соглашусь. И я не собираюсь бегать по Галактике исключительно ради спасения Фонда. Такие подвиги не для меня. Но делать деньги — моя прямая специальность, и сейчас у меня появилась такая возможность.

Пониетс встал и направился к двери. Гороу тоже поднялся.

— И что же ты намерен предпринять?

— Еще не решил, — улыбнулся торговец. — Но моя основная цель — что-нибудь продать, так что наши задачи в данный момент совпадают. Не в моих привычках хвастаться, но пара-другая фокусов всегда найдется про запас. Еще не было случая, чтобы Лиммар Пониетс не выполнил нормы.

Он постучал. Дверь тут же распахнулась, и двое охранников замерли по бокам.

4

— Настоящее представление! — хмуро произнес Великий Магистр. Он поплотнее закутался в свои меха, и рука правителя опустилась на железный посох, заменявший ему трость.

— Представление — и золото, ваше преосвященство!

— Пускай золото, — небрежно согласился Великий Магистр.

Пониетс распахнул створки установленного ящика с самым оптимистичным выражением лица, на какое его еще хватало. В атмосфере всеобщей враждебности он чувствовал себя одиноким. Как в первый год странствий по Космосу. Полукруг бородатых советников надменно уставился на торговца. Среди сановников был и Фирл — фаворит сидел рядом со своим повелителем. В его худом лице сквозила нескрываемая упрямая враждебность. Пониетс уже встречался с Фирлом и сразу же наметил его на роль противника и, соответственно, жертвы номер один.

Развитие событий незримо торопила небольшая армия, собравшаяся за стенами этого зала. Торговца аккуратно изолировали от родного корабля, и единственным его оружием была взятка, которую он собирался сунуть власть имущим. Да и Гороу по-прежнему оставался заложником.

Пониетс, наконец, сумел настроить своего механического монстра, сработанного на скорую руку всего лишь за неделю, в которого он вложил всю свою изобретательность, и взмолился про себя, чтобы кварц и свинцовые пластины не расплавились во время подъема напряжения.

— Что это такое? — не выдержал Великий Магистр.

— Это, — ответил торговец, — небольшой аппарат, сконструированный лично мной.

— Меня не интересует подобный бред. Я хочу знать, является ли он проклятым детищем мерзкой черной магии вашего мира!

— Если так определять атомный источник энергии, — хмуро заявил Пониетс, — то да. Но я не прошу никого из вас прикасаться к нему или вообще что-нибудь делать. Если в приборе есть хоть капля дьявольщины, всю ответственность за совершенный грех я беру на себя.

Угрожающим жестом Великий Магистр простер свой железный посох по направлению к аппарату, и губы его беззвучно зашевелились, произнося очищающее заклинание. Узколицый советник по правую руку владыки улучил момент и склонился к уху Магистра. Колючие рыжие усы приблизились к щеке правителя, и тот раздраженно отстранил назойливого приближенного.

— И что же связывает ваш сатанинский аппарат и золото, которое назначено для спасения жизни вашего соотечественника?

Пониетс опустил руку на центральную камеру прибора и стал легонько поглаживать закругления ее стенок.

— Эта машина способна превратить дешевое для вас железо в червонное золото наивысшего качества. Железо, ваше преосвященство, отвратительное железо, гвозди кресла, на котором вы восседаете, арматуру стен этого здания — в сверкающее, тяжелое, желтое, прекрасное золото!

Пониетс ощущал, что дело летит в тартарары. Как правило, прошлые его торговые сделки совершались легко и изящно; сегодняшняя же спотыкалась, как подбитый космический тяжеловоз. Впрочем, Великого Магистра интересовал конечный результат, а не способ изложения сути.

— Ага, превращения! И в прошлом нашего королевства встречались наивные глупцы, верящие в такую возможность. За свою кощунственную наглость им пришлось дорого заплатить!

— Но успеха им удавалось добиться?

— Никогда! — казалось, воспоминания на эту тему доставляли Магистру какое-то злобное удовлетворение. — Если бы они смогли преуспеть в создании золота — в самом факте удачи лежало бы прощение. Но провал неизбежно приводит к смерти. Прошу вас, сделайте нечто подобное с моим посохом! Ну же!

Конец посоха зазвенел, ударившись об пол.

— Я надеюсь, что ваше преосвященство простит меня, но я смог собственноручно изготовить лишь простенькую небольшую модель, и ваш посох слишком велик для нее.

Крохотные блестящие глазки правителя забегали по свите.

— Рандел, ваши пряжки. Не бойтесь, в случае порчи вам возместят двойную стоимость.

Пряжки мгновенно были переданы по рукам. Когда они оказались у Великого Магистра, он задумчиво взвесил их на ладони.

— Вполне, — протянул он и швырнул пряжки на пол.

Пониетс нагнулся и поднял их. Затем с усилием открыл цилиндр камеры. Ему пришлось скосить глаза от напряжения, когда он пытался поаккуратнее примостить пряжки на анодной решетке.

Потом задача упростится. Но в первый раз нельзя допустить ни малейшего промаха.

Самодельный прибор угрожающе затрещал. Звук продолжался около десяти минут. В зале явно разнесся запах озона. Асконские аристократы попятились назад, возмущенно ворча. Фирл, улучив момент, снова зашептал что-то на ухо Великому Магистру, но тот никак не отреагировал.

И металлические пряжки превратились в золотые.

— Пожалуйста, ваше преосвященство! — Пониетс протянул их Магистру, но старик испуганно отмахнулся от них. Он по-прежнему сомневался. Взгляд его не отрывался от аппарата.

— Господа, господа, это золото. Подлинное золото. Если вы мне не верите, то можете подвергнуть пряжки любым химическим и физическим анализам. И вряд ли вы сможете отличить его от природного. Вот что можно сделать с банальным железом! Кстати, ржавым тоже. Также допускаются в ограниченном количестве примеси в сплавах...

Пониетс говорил очень быстро, используя момент.

Но можно было не торопиться. Пряжки лежали на его ладони, и золото говорило само за себя.

В конце концов, Магистр решился протянуть руку, и прозвучал голос узколицего Фирла.

— Ваше преосвященство, это золото — порождение дьявольского творения.

— Розы растут и в грязи, ваше преподобие. Вы же приобретаете у наших соседей различную продукцию, и вас не мучит ее происхождение — сделана ли она на станках, получивших благословение ваших почтенных предков, или тут не обошлось без какого-нибудь чудовищного устройства из бездны Космоса. Я ведь не машину вам предлагаю, а золото! — возразил Пониетс Фирлу.

— Все-таки золото есть всего лишь золото, — Магистр по-прежнему колебался, — и оно предназначено всего лишь для выкупа жизни осужденного язычника. Я думаю, Фирл, вы слишком требовательны...

Но руку он все же отдернул.

— Вы, ваше преосвященство, воплощение мудрости, — перебил его Пониетс. — Рассудите сами, если вы отпустите несчастного язычника, то ваши досточтимые предки никак не пострадают, но на полученное взамен прекрасное золото вы сможете принести великолепные дары на алтари их бессмертных душ. И даже если в золоте

и была частица греховности и нечестия, то от употребления его на такие благородные цели она немедленно исчезнет.

Губы Великого Магистра искривила хитрая ухмылка и последующие слова прозвучали неожиданно порывисто.

— Клянусь прахом моего прадедушки, Фирл, у вас вряд ли найдутся возражения против последних слов этого молодого человека! Они настолько же разумны, как и наставления моих предков!

— Вполне возможно, — хмуро буркнул Фирл, — если только они не подсказаны ему Врагом рода человеческого.

— Предлагаю лучший вариант, — неожиданно вмешался Пониетс. — Пусть золото подвергнется испытанию. Принесите его в качестве жертвоприношения в святилище ваших предков, а я останусь в вашем распоряжении на тридцать дней. Если к концу этого срока духи предков не проявят неудовольствия по поводу жертвований, и ничего особо страшного не произойдет — я предлагаю считать это аргументом в пользу чистоты золота. У кого-нибудь есть лучшие предложения?!

Великий Магистр поднялся на ноги и обвел взглядом зал в ожидании возражений, но каждый, на кого этот взгляд падал, выражал всяческое согласие. Даже Фирл прикусил рыжий ус и одобрительно кивнул.

Пониетс улыбнулся про себя, убеждаясь в несомненной пользе духовного образования.

5

Еще одна неделя была потрачена на организацию аудиенции у Фирла. Пониетс привык к ощущению физической беспомощности, но внутреннее напряжение не спадало. Из города его вывезли под охраной. И даже на загородной вилле фаворита с него не снимали неусыпного наблюдения. Увы, это надо было принимать как должное и мириться.

Вне круга духовной аристократии Фирл выглядел моложе и выше ростом. В светской одежде его нелегко было принять за обладателя столь высокого звания.

— Странный вы человек, Пониетс, — неожиданно сказал он, и Лиммару почудилась дрожь под полуприкрытыми веками. — Очень странный. В течение всей последней недели, а в особенности последних двух часов вы пытаетесь доказать мне, что я нуждаюсь в вашем золоте... Оно нужно всем, и не только ваше, так что все слова бессмыслены! Отчего бы нам не сделать по шагу навстречу друг другу?

Пониетс решил говорить доверительным тоном.

— Это не простое золото. Не какая-нибудь пара монет. Не в них дело. Дело в том, что стоит за этим золотом.

— Ну-с, и что же стоит за вашим золотом? — насмешливо спросил Фирл, как бы подсказывая ответ. — Я надеюсь, что ваши слова не являются прелюдией к очередной наивной демонстрации ваших товаров?

— Наивной? — Пониетс слегка нахмурился.

— Разумеется, наивной, — Фирл оперся подбородком о сложенные руки. — И я не критикую вас. Я полагаю, наивность эта отнюдь не случайна. Если бы я лучше разбирался в мотивах вашего поведения, я бы немедленно предупредил его преосвященство. Потому что на вашем месте я делал бы золото прямо на борту корабля, не мозоля глаза всякими машинами, и предлагал бы Магистру только золото. Тогда устроенный вами спектакль попросту оказался бы ненужным, и не возникло бы столько разногласий.

— Вы правы, — согласился Лиммар Пониетс, — но поскольку я — это я, а вы — это вы, то я пошел на создание подобной ситуации для привлечения вашего благосклонного внимания.

— Ах так! Всего лишь! — Фирл даже не предпринял попытки скрыть своего презрения, смешанного с радостью. — И я не ошибся, полагая, что тридцатидневный период очищения был предложен лишь для того, чтобы превратить весь этот балаган в нечто выгодное для вас?!

Пониетс рискнул на несколько злую шутку.

— Разумеется, поскольку суждение о чистоте золота будут выносить те люди, которые больше всего заинтересованы именно в чистоте его!

Фирл пристально посмотрел на торговца. Казалось, он был доволен и раздосадован одновременно.

— Это тонкое замечание... А теперь ответьте на следующий вопрос — зачем вам понадобилось привлекать именно мое внимание?

— На него несложно ответить. За короткое время пребывания на Асконе я обнаружил некоторые заинтересовавшие меня факты относительно вас. К примеру, ваш возраст. Вы слишком молоды для должности члена Совета, и семейство, членом которого вы являетесь, отнюдь не так давно принадлежит к аристократии.

— Вы позволяете себе критиковать мою семью?

— Ни в коем случае. Каждый знает величие и святость ваших уважаемых предков. Хотя некоторые будут болтать, что именно ваше семейство как раз и не является членом Пяти Племен...

Фирл откинулся на спинку кресла.

— При всем моем уважении к Пяти Племенам, — он даже не пытался скрыть злобу, — у их потомков жидкая кровь и истощенные чресла. И сейчас из них не более пяти десятков остается в живых.

— Конечно. Но найдутся люди, утверждающие от имени государства, что на престол Великого Магистра не должен претендовать человек, не являющийся продолжателем линии Пяти Племен. Да еще

столь юный фаворит, не так давно обласканный Великим Магистром. Такой человек, как вы, неизбежно вынужден нажить себе могущественных врагов среди высших старейшин Аскона. А его преосвященство стар, и десница его покровительства не станет простираться над вами после его ухода в лучший мир. И в особенности, если кто-нибудь из нынешних последователей возьмется толковать слова духа Магистра. Вы меня понимаете?

Фирл помрачнел.

— Для заезжего торговца у вас оказались слишком длинные уши. По-моему, их надо слегка подрезать.

— К этому вопросу мы сможем вернуться позднее.

— Итак, попытаемся угадать, — Фирл нетерпеливо заерзал в своем кресле, — вы намерены предложить мне власть и богатство посредством дьявольских аппаратов на вашем корабле. Я прав?

— Допустим, что правы. И что же мешает вам принять предложение? Всего лишь местные мерила добра и зла?!

Фирл отрицательно покачал головой.

— Вовсе нет. Поймите, дорогой мой чужеземец, ваше мнение о нас — это мнение язычников и агностиков, и хотя я выгляжу как ортодоксальный последователь нашей мифологии, на самом деле таковым не являюсь. Я — человек образованный, и, смею полагать, даже просвещенный. Если отставить в сторону этический смысл нашей религии, то ее обрядовая сторона и ритуальные отправления предназначены в основном для масс.

— Тогда почему вы сопротивляетесь? — Пониетс решил настаивать, но не форсировать событий.

— Вот именно поэтому. Из-за толпы. Возможно, я и рискнул бы пойти на сделку с вами, но ваши машины предназначены для того, чтобы ими пользовались. Как я смогу нажить богатство, если буду пользоваться — что вы там предлагаете? — ну, к примеру, бритвой, пользоваться в строжайшей тайне, под постоянной угрозой разоблачения?! Даже упростив процесс бритья и получив чисто выбритый подбородок, я вряд ли разбогатею! И если меня хоть раз застанут с вашим механизмом в руке, как мне удастся избежать смерти в газовой камере или суда разъяренной толпы?!

— Никак, — Пониетс пожал плечами. — Для этого, как я полагаю, надо будет приучить ваш народ, к вящей его выгоде и немалому удобству, также пользоваться всякими устройствами, в том числе и атомными. Я не отрицаю, что для этого понадобятся колоссальные усилия, но тем больше станет конечная выгода. Впрочем, перспективы меня сейчас не касаются, и вообще — это ваши заботы... Я ведь не бритву пытаюсь вам всучить, не перочинный ножик или атомный сжигатель мусора.

— А что же вы пытаетесь мне всучить?

— Непосредственно золото. Я предлагаю вам тот аппарат, который я демонстрировал Совету на прошлой неделе.

Фирл весь напрягся, и кожа на его лбу задергалась.

— Прибор, способный делать из железа золото?!

— Совершенно верно, то есть ваши запасы золота будут равняться вашим запасам железа. Мне кажется, такое количество должно удовлетворить любые потребности. Его хватит и для того, чтобы воссесть на престол Великого Магистра, невзирая на возраст и массу недоброжелателей. Кроме того, все это совершенно безопасно.

— Что вы имеете в виду?

— Вопрос упирается в секретность применения данного аппарата — сохранение тайны, о которой вы упоминали, говоря о невозможности безопасно использовать атомную технику. Найдите самое глубокое подземелье в самой мощной цитадели вашего самого отдаленного поместья — и спрячьте там полученный прибор. Он все равно принесет вам несметные богатства. Аппарат не увидит никто, а само золото не носит на себе следов изготовления, потому что ни в коей мере не отличается от природного металла.

— А кто станет управлять машиной?

— Вы же и станете. Для этого необходимо не более пяти минут обучения. Я смогу настроить аппарат для вас лично в любое подходящее время.

— Что вы просите взамен?

— Естественно, — Пониетс решил не зарываться, — цена моя будет высока. В конце концов, торговля дает мне средства к существованию. К примеру — а я даю ценнейшую машину! — мне потребуется эквивалент кубическому футу золота в железе.

Фирл расхохотался. Пониетс покраснел и добавил с плохо скрываемой неуклюжестью:

— Я напоминаю вам, ваше преподобие, расходы возместятся за полчаса.

— Возместятся — а через час вы улетите, и машина перестанет работать! Я требую надежных гарантий.

— Мое слово.

— Разумеется, слово торговца, — в голосе Фирла звучал сарказм, — крепчайшая гарантия, но ваше присутствие здесь мне понравится гораздо больше. Это я даю вам честное слово, что расплачусь спустя неделю после поставки мне аппарата в полном рабочем состоянии.

— Это невозможно.

— Ах, так?! И это после того, как вам грозит смертная казнь за попытку продать адскую машину его преподобию Фирлу? Единственный выбор у вас — это завтрашнее водворение в газовую камеру!

Глаза Пониетса заблестели, но лицо выражало исключительно бесстрастие.

— По-моему, это несправедливо. Вы находитесь в гораздо более выгодном положении. Я прошу изложить ваше обещание в письменном виде.

— И дать вам вескую улику для моей казни? Никогда, сэр! Среди нас двоих сегодня находится лишь один глупец!

— Ладно, договорились, — бесцветным голосом произнес Пониетс.

6

Гороу вышел из тюрьмы на тринадцатый день, и его место в камере заняли пятьсот фунтов червонного золота. Одновременно с освобождением была снята анафема с порождения Геенны — то есть с его корабля. И к кораблю никто больше не прикасался.

Точно так же, как и в день прилета в систему Аскона, конвой маленьких изящных корабликов выпроводил обоих торговцев за пределы королевства.

Лиммар Пониетс наблюдал за освещенным солнцем пятнышком — каким казался корабль Гороу — а в это время четкий, но еле различимый из-за слабости голос Аскеля звучал в рубке, передаваемый по узкому помехоустойчивому эфирному лучу.

— Это же совсем не то, что было нужно, Лиммар! Твой преобразователь железа в золото совершенно не годится. Кстати, откуда он у тебя взялся?!

— Ниоткуда, — терпеливо ответил торговец. — Я собственноручно склепал его из камеры облучения пищевых продуктов.

На самом деле он не стоит и ломаного гроша. Он потребляет столько энергии, что совершенно не годится для использования в промышленных масштабах. Иначе Фонд давно бы использовал нечто подобное для получения тяжелых металлов, а не мотался бы по Галактике, рискуя многим. У всякого торговца есть пара подобных трюков; правда, я раньше никогда не сталкивался с преобразователем железа в золото. Хотя, замечу, это впечатляет — впрочем, временно...

— Пускай. Но сам по себе твой трюк никуда не годится!

— Зато он сгодился для вытаскивания тебя лично из крайне неуютного местечка!

— Ты так и не вник в суть вопроса. И как только наш внимательный эскорт покинет нас, мне придется немедленно возвратиться.

— Зачем?!

— Ты сам ответил на свой вопрос в разговоре с фаворитом, — Гороу говорил весьма раздраженно. — Твоя сделка базировалась на аргументе, что аппарат преобразования как таковой ценности не представляет, а является лишь способом достижения цели. То есть политик Фирл покупал не аппарат, а золото. Не имеющий ценности прибор и ценное золото. Это удачно в виде психологического фокуса, и трюк сработал, но...

— То есть? — упрямо повторил Лиммар Пониетс.

Голос в приемнике усилился.

— То есть мы должны были продать Аскону машину, ценную саму по себе. Машину, которой бы там пользовались открыто, и вынуждающую асконцев ради их собственного блага положительно воспринять атомную технику вообще.

— Я прекрасно понимаю тебя, — еще мягче заявил Пониетс, — ты уже говорил мне все это. Теперь я прошу тебя поразмыслить над результатами моей сделки. Фирл будет преспокойно чеканить золотишко до того времени, пока проданный аппарат не выключится навсегда — а это произойдет нескоро. Так что победу на ближайших выборах он, считай, уже купил. Нынешний Великий Магистр не протянет долго.

— Ты что, рассчитываешь на благодарность Фирла? — холодно перебил его Гороу.

— Отнюдь. Я рассчитываю на разумную заботу о личных интересах. Мой преобразователь обеспечит Фирлу победу на выборах, механизмы управления...

— Да ничего подобного! Как раз наоборот. Плевать он хотел на сам механизм. И ценить будет лишь старое доброе золото. Я втолковываю тебе это уже целую вечность.

Пониетс развалился в кресле и довольно ухмыльнулся. Наверное, надо было прекращать провоцировать начинавшего беситься Аскеля Гороу. Да, пора...

— Не торопись, приятель, я еще не закончил свою мысль. Так необходимое тебе другое оборудование уже включено в условия сделки.

За таким заявлением последовала небольшая пауза. Наконец Гороу осторожно произнес:

— Какое такое другое оборудование?..

Пониетс сделал небрежный жест.

— Скажи мне, Гороу, видишь ли ты наш конвой?

— Вижу, вижу... Продолжай о другом оборудовании.

— Я продолжу, если ты будешь слушать внимательно. Нас с тобой сопровождает личная эскадра его преподобия Фирла, чего он добился в виде особого расположения у его преосвященства Великого Магистра. И правитель согласился.

— К чему ты клонишь?

— Как ты думаешь, куда сопровождает нас эта эскадра? На периферию Асконского королевства, где расположены поместья Фирла — и его рудники! Ты понял? — Пониетс заговорил горячо и увлеченно. — Я же предупреждал тебя, что ввязался в твою авантюру не для спасения миров, а для получения прибыли. Отлично. Сработанный мною преобразователь ушел по дешевке. Даром — если не считать избавления от опасной близости газовой камеры. Но плевать я хотел на газовую камеру, если у меня не выполнена торговая норма!

— Слушай, Лиммар, вернись к рудникам. Они-то здесь при чем?!

— При том, что рудники — это прибыль! Мы с тобой летим за оловом. Тем самым оловом, которым я завалю каждый кубический фут на своей посудине, а потом завалю и твой корабль, имей это в виду! Старина, я сяду вместе с Фирлом, чтоб забрать олово, а ты уж будь любезен — прикрой меня сверху всеми орудиями, которые у тебя найдутся, на случай неджентльменского поведения фаворита. В собранном олове и заключается моя прибыль.

— За аппарат преобразования?

— За весь груз атомных приборов, бывший у меня на борту. Двойная цена, и вдобавок еще премиальные! — Пониетс как бы извинялся за что-то. — Конечно, я обвел фаворита вокруг пальца, но у меня горела норма, и ничего не оставалось...

Похоже, Гороу подрастерялся. Он тихо протянул:

— Ты не собираешься объяснить все это поподробнее?

— Тут нечего объяснять! Гороу, все лежит на ладони. Этот местный мудрец полагал, что его слово перед Великим Магистром гораздо весомее моего, и поэтому легко полез в ловушку. Он взял преобразователь, подписав себе по асконским законам смертный приговор. Но в любое время он мог заявить, что просто заманивал меня в западню из чистейшего патриотизма, для предъявления обвинений в запретной продаже.

— Это я и сам понимаю!

— Разумеется, но его слово против моего — это слишком ненадежно для торговца. Понимаешь, этот хитрый Фирл никогда даже не слыхал о микрофильмирующей камере, и не мог себе представить ничего подобного.

Неожиданно Гороу расхохотался.

— Правильно понимаешь, — сказал Пониетс, — он считал, что одержал победу. Ведь я был должным образом обезврежен. Но когда я с видом побитого пса принялся за настройку липового преобразователя, я вмонтировал в него микрофильмирующую камеру, а назавтра, во время рабочего осмотра аппарата, достал пленку. У меня там обнаружилась чудесная видеозапись его потайного святилища, где несчастный лично управлял преобразователем, работавшим на полную катушку, и при виде первого куска золота впал в такой экстаз, словно сам снес золотое яичко.

— И ты продемонстрировал ему запись?

— Не позднее, чем спустя два дня. Увы, он никогда не видел цветных трехмерных звуковых изображений. В нашей предварительной беседе он заявил, что не отличается суеверностью, но я впервые видел взрослого человека, перепуганного до такой степени. И считай меня полным болваном, если я хоть чуть-чуть приукрашиваю. А когда я ему сказал, что точно такой же прибор установлен на городской площади, и включится ровно в полдень, для трансляции записи перед многими миллионами асконских фанатиков, чтоб те могли разорвать

фаворита Фирла на мелкие кусочки — не прошло и мгновения, как он уже стоял передо мной на коленях. И был готов согласиться на любую сделку.

— Неужели это правда?! — Гороу не мог сдержать смеха. — Я имею в виду, действительно ли ты установил прибор для трансляции на городской площади?

— Конечно, нет — но какая теперь разница?! Он заключил сделку. Фирл скупил все приборы, которые валялись на моем корабле — да и на твоем тоже!, — и дал взамен такое количество олова, какое только мы сможем увезти в трюмах. В данный момент его невозможно было разубедить во всемогуществе Лиммара Пониетса. Кстати, имеется письменное свидетельство о сделке, и я могу передать копию тебе, до моей следующей встречи с Фирлом — на всякий случай.

— Но ты чувствительно затронул его самолюбие, — внезапно сказал Гороу. — И захочет ли он теперь пользоваться всеми купленными аппаратами?

— А почему бы и нет?! У него нет иного способа возместить свои убытки, а сделанные на этом капиталы вернут фавориту былое самоуважение. У меня не возникает сомнений в том, кто будет следующим Магистром. А для нас это будет прекрасным вариантом, потому что Магистр Фирл будет на нашей стороне.

— Да, — подтвердил Гороу, — отличная сделка. Если не считать того, что твои методы убеждения покупателя весьма и весьма сомнительны. Правильно тебя все-таки выперли из семинарии. Я так понимаю, что у тебя вообще нет никаких нравственных устоев?

— Тебе не все равно? — равнодушно поинтересовался Пониетс. — Ты что, забыл, что говаривал сам Сэлвор Хардин об этих самых... как их... нравственных устоях.

ЧАСТЬ V. ТОРГОВЫЕ КОРОЛИ

1

«ТОРГОВЦЫ — ...Экономическая экспансия Фонда усиливалась, согласно предсказаниям психоисториков. Торговцы обогащались, и с ростом капитала к ним приходила власть...

Некоторые забывают, что Хобер Мэллоу тоже начинал самым обыкновенным торговцем. Но они всегда помнят, что под конец жизни Мэллоу стал первым торговым королем...»

Галактическая Энциклопедия

Джорин Сатт сцепил пальцы и поглядел на их тщательный маникюр.

— Крайне загадочная ситуация, — сказал он. — В принципе — но это между нами, мы можем иметь дело с наступившим очередным кризисом, предсказанным Хари Селдоном.

Сидевший напротив него человек порылся в карманах своего укороченного смирнианского пиджака и извлек сигарету.

— Не знаю, не знаю, Сатт... Пока что во время всякой предвыборной кампании политики подымают истеричный вой о наступлении кризиса Селдона.

На лице Сатта заиграла легкая улыбка.

— Я не принимаю участия в кампании, Мэллоу. А в нашей проблеме мы имеем дело с атомным оружием — но понятия не имеем, откуда оно взялось.

Старший торговец со Смирно Хобер Мэллоу молчал и равнодушно сосал сигарету.

— Давайте, давайте, выкладывайте — если, конечно, у вас есть соображения на этот счет.

Мэллоу не отличался особой вежливостью по отношению к людям из Фонда. Может быть, он и чужеземец для них, но от этого его значительность никак не падала.

Сатт приблизился к трехмерной карте Галактики на письменном столе. После настройки на ней загорелась алая гроздь из шести-семи звездных систем.

— Перед вами Кореллианская республика, — тихо произнес Джорин.

Торговец кивнул.

— Я знаю ее. Поганая республика! Смердящая крысиная дыра! Называется-то она республикой, само собой, но так как-то всегда выходит, что на должность командора избирается кто-нибудь из династии Арго. А если вы не выражаете своего восхищения, то с вами обязательно происходит какая-нибудь гадость...

Кривя рот, он повторил:

— Бывал, бывал я там...

— Но вы и возвращались оттуда, что случается далеко не со всеми. В течение последнего года на территории Кореллии пропали три корабля, обладавшие, согласно Конвенции, статусом нон грата. Причем на кораблях этих стояло вооружение от всех обычных видов ядерных бомб до силового поля системной защиты.

— Что было в последних сообщениях пропавших кораблей?

— Ничего экстраординарного. Все нормально.

— А как реагирует Кореллия?

В глазах Сатта засветилась ирония.

— У нас не нашлось возможности поинтересоваться их мнением. Слава о военной мощи Термина является гарантом его приоритета на всей Периферии. И вы думаете, потеряв всего три корабля, мы можем позволить себе роскошь интересоваться их судьбой?!

— Тогда я хотел бы знать, что же вам все-таки нужно от меня?

Джорин Сатт не мог позволить себе роскошь раздражаться по пустякам. Находясь на должности секретаря мэра, он отлично научился нейтрализовать оппозиционеров из Совета, безработных, реформаторов и сумасшедших, которые клялись, что смогли постичь предстоящий ход истории, продуманный Хари Селдоном. И при таком умении обращаться с посетителями для выведения Сатта из себя требовалось что-то исключительное.

— Не спешите, дорогой мой. Вы понимаете? Три корабля, в одном и том же секторе, пропали за один год. Для совпадения — слишком нереально, а над атомным оружием одержать победу способно только такое же атомное оружие, но уже в гораздо больших количествах. Соответственно вопрос: если Кореллия имеет атомное вооружение, то откуда оно появилось?!

— Ну, и откуда оно появилось?

— Тут предполагаются два варианта: либо кореллианцы додумались до его изобретения...

— Крайне невероятный вариант!...

— Допустим. Второй вариант — допустить возможность измены.

— Вы так считаете? — холодно спросил Мэллоу.

— Не вижу в этом ничего особенного, — спокойно ответил секретарь. — С момента принятия Четырьмя Королевствами Конвенции Термина мы постоянно сталкиваемся с многочисленными группировками инакомыслящих среди народов этих самых королевств. В каждом из них находятся претенденты на трон и отставная аристократия, которые крайне неловко пытаются изобразить горячую любовь к Фонду. И некоторые из них вполне могли приступить к непосредственным действиям.

Лицо торговца немного покраснело.

— Понятно. И что же вы намерены предложить именно мне? Тем более, что я со Смирно.

— Знаю. Вы смирнианец — то есть родились на Смирно, одном из Четырех Королевств. И лишь по образованию — человек Фонда. А по праву рождения — иностранец, чужак. Во времена войн между Анакреоном и Лорисом ваш покойный дед носил титул барона, и все ваши семейные наследственные владения подверглись экспроприации, когда Сеф Сермак устроил перераспределение земель.

— Клянусь Мглою Космоса, ничего подобного! Мой дед был оборванным сыном нищенствующего пилота и помер еще до создания Фонда, копая уголь за мизерную зарплату. И лично я ничем не обязан прошлому режиму. Но родился я на Смирно, и клянусь Галактикой, ничуть не стыжусь ни за Смирно, ни за ее население. И ваши подлые дешевые намеки на потенциальную измену не заставят меня лизать сапоги Фонду за его мелочные подачки! А теперь я жду или приказаний, или предъявления обвинений. И мне наплевать, что это будет.

— Дорогой мой старший торговец, мне абсолютно безразлично, кем был ваш дед: королем Смирно или самым распоследним побирушкой. Все, что я сказал, служит одной цели — доказать незначительность этой информации. Видимо, вы не заметили главного. Так что вернемся к делу. Вы — смирнианец. У вас богатый опыт общения с чужеземцами. И, кроме того, вы один из лучших торговцев. Опять же, бывали на Кореллии и знакомы с нравами кореллианцев. Вот и отправьтесь туда.

Мэллоу глубоко вздохнул.

— В каком качестве? Шпиона?

— Ничего подобного. В качестве торговца, но умеющего глядеть в оба. Вам нужно попытаться выяснить источник появления на Ко-

реллии атомной энергии. Кстати, смею вам напомнить: на двух из трех пропавших кораблей были смирнианские экипажи.

— Когда назначен отлет?

— Это зависит от состояния вашего корабля...

— Шести дней будет достаточно.

— Вот сразу и вылетайте. Все дополнительные инструкции получите в Адмиралтействе.

— Отлично! — Мэллоу встал, потом долго тряс руку Сатта и, наконец, вышел.

Сатт подождал. Он посмотрел на свои сплюснутые пальцы и стал их тщательно массировать. Затем пожал плечами и отправился в кабинет мэра.

Мэр уже выключил видеоэкран и откинулся на спинку кресла.

— Ну, и что вы думаете по этому поводу, Сатт?

— Из него бы вышел неплохой актер, — задумчиво протянул Джорин Сатт, глядя перед собой.

2

День клонился к вечеру. В холостяцких апартаментах Сатта на двадцать первом этаже «Хардин Билдинга» сидел Паблис Мэнилоу и потягивал вино.

Кстати, именно Мэнилоу, седой и сухощавый, выполнял две важнейшие функции Фонда. Во-первых, он являлся секретарем по иностранным делам при мэрии. Во-вторых, для всех солнц и систем Галактики, за исключением самого Термина, он был Лидером Церкви, Подателем Священной Пищи, Магистром Святилищ; и эти громкие и невразумительные титулы и звания можно было произносить до бесконечности.

— Но он не возражал, чтобы вы послали туда именно этого торговца. Вот в чем суть, — произнес Паблис Мэнилоу.

— Это ерунда, — перебил его Сатт. — И не дает нам возможности быстро принять решение. Все это мероприятие — грубая авантюра, потому что у нас нет никаких возможностей просчитать вероятность тех или иных результатов. Это равносильно вытягиванию веревки в надежде на то, что на конце ее случайно может завязаться петля.

— Разумно. Но ваш Мэллоу — способная личность. И я допускаю, что обмануть его совсем не так просто...

— На этот риск мы вынуждены согласиться. Если измена реально существует — причастны к ней исключительно способные люди. Если измены нет — то способные люди понадобятся нам для выяснения истины. А Мэллоу останется под нашим наблюдением. Кстати, у вас опустел бокал...

— Благодарю вас, мне достаточно.

Сатт налил вина в свой бокал и стал терпеливо ждать, пока гость вынырнет из состояния глубокой задумчивости.

Что бы ни творилось в голове Мэнилоу — к решению это не привело, потому что он вдруг спросил:

— Скажите мне, Сатт, что вы задумали?

— Хорошо, Паблис, — тонкие губы Сатта зашевелились. — Мы с вами находимся в данный момент в самом разгаре «кризиса Селдона».

Мэнилоу удивленно поднял на него глаза.

— Откуда у вас такие данные? Селдон опять появился в Хранилище?

— А зачем? Мой дорогой, это совершенно излишне. Давайте попробуем спокойно разобраться в ситуации. С тех пор, как Империя покинула Периферию и мы стали рассчитывать только на самих себя, — мы ни разу не сталкивались с противником, обладающим атомной энергией. Сегодня это произошло. Впервые. Само по себе это уже крайне важное событие. Но оно не одиноко. Почти за семь десятков лет мы в первый раз сталкиваемся с серьезнейшим внутренним кризисом. И, по-моему, полное совпадение обоих кризисов — внешнего и внутреннего — снимает все сомнения.

Мэнилоу прищурился.

— Если это все, то двух факторов недостаточно. До сих пор происходили два кризиса Селдона, и оба раза Фонд стоял на грани гибели. Если опасность уничтожения не возникла, значит, и речи не может быть о третьем кризисе.

Поколебать спокойствие Сатта оказалось невозможно.

— Такая опасность на подходе. Когда кризис наступил, то и круглый дурак может догадаться о нем. Но распознать зародыш, эмбрион катастрофы — вот истинная услуга государству. Поймите, Мэнилоу, наше развитие — это заранее предначертанный исторический путь. Нам известно, что Хари Селдон сумел рассчитать исторические вероятности будущего. Мы также знаем, что нам предстоит восстановить рухнувшую Галактическую Империю. Нам сообщили, что на восстановление уйдет около тысячи лет. И нетрудно догадаться, что за это время мы обязательно столкнемся с рядом кризисов. Первый из них наступил через пятьдесят лет после основания Фонда, второй — спустя тридцать лет после первого. После второго уже прошло семь десятков лет. Самое подходящее время для третьего кризиса. Паблис, я совершенно уверен в том, что говорю.

— И у вас есть план по борьбе с наступающим кризисом? — в жесте, каким Мэнилоу потер нос, сквозила неуверенность.

Сатт кивнул.

— И мне вы отводите главную роль?

— Да, — подтвердил Сатт. — Для успешного противостояния внешней атомной угрозе мы просто обязаны навести порядок в собственном доме. Торговцы...

— Торговцы! — Паблис многозначительно подчеркнул это слово.

— Именно. Именно о торговцах и пойдет речь. Они необходимы, но неподконтрольны и слишком сильны. Они — иноземцы, и образование получено ими в отрыве от религии. С одной стороны, мы сами дали им знания, с другой — лишили себя возможности управлять ими.

— А если будет доказана измена?

— Если возникнут такие доказательства, все несказанно упростится. Впрочем, не стоит придавать этому большого значения. Даже если в среде торговцев и нет предателей, они все равно являются доминирующим фактором нестабильности. Как ни крути, они не связаны с Термином чувством патриотизма или общностью происхождения, или даже религиозными порывами. Под влиянием торговых коалиций внешние провинции, воспринимающие нас в качестве святых наместников, способны выйти из повиновения.

— Все это я прекрасно понимаю. Где выход?

— Выход в том, что решение требуется найти немедленно, еще до обострения кризиса Селдона. Если извне нам станет угрожать атомное оружие, а изнутри — волнения масс, то риск распада неизмеримо возрастет, — Сатт поставил пустой бокал на столик. — И совершенно ясно, что это ваша задача.

— Моя?!

— Ну не мне же браться за это дело! На мой пост не выбирают — на него назначают, то есть у меня нет законодательных функций.

— У вас нет... А у мэра?..

— Это нереально. Мэр для такого совершенно не подходит. В нем кипит энергия лишь в одном случае — когда мэру необходимо снять с себя ответственность. И если сформируется независимая партия, способная поставить под угрозу его переизбрание, он вполне способен попасть под ее влияние.

— Увы, Сатт, я абсолютно непригоден к практической политике...

— А вы обопритесь на меня. Всякое бывает, Мэнилоу. Еще со времен Сэлвора Хардина должности мэра и Лидера Церкви не исполняло одно и то же лицо. Но если вы сумеете справиться с поставленной задачей — это вполне может состояться теперь.

3

В другом конце города, в неизмеримо более скромной обстановке, у Хобера Мэллоу состоялась иная встреча. Вначале он долго слушал собеседника, затем осторожно сказал:

— Да, я слышал о ваших действиях, целью которых является получение прямого представительства торговцев в Совете. Только почему вы пришли именно ко мне, Твер?

Если даже к Хаиму Тверу и не обращались по этому вопросу, он все равно находил возможность напомнить, что он входил в число первых иностранцев, получивших светское образование на Термине.

— Я уверен в своих действиях, — просиял он. — Вы помните наше первое знакомство — в прошлом году?

— Конечно. Мы встретились на конвенции торговцев.

— Точно. Вы тогда председательствовали на заседании и любо поставили этих краснорожих толстяков на место. И что немаловажно — вас любит население Термина. В вас наблюдается специфический лоск или своеобразная репутация почтенного авантюриста, что, в принципе, одно и то же.

— Отлично, — холодно сказал Мэллоу. — Но почему именно сегодня?

— Потому что сегодня есть шанс. Вам известно об отставке министра образования? Сообщения в прессе и других средствах информации отсутствовали, но это правда.

— А откуда это известно вам?

— Какая разница.., — он небрежно махнул рукой. — Неважно. В Партии Действия наблюдается явный раскол, и мы в состоянии расправиться с ней хоть сию минуту, подняв требования равноправия торговцев, или, иначе, вопрос о демократии — кто за, кто против.

Мэллоу развалился в кресле поудобнее и принялся осматривать свои толстые пальцы.

— Прошу прощения, Твер. В начале следующей недели я улетаю. Дела, знаете ли... Так что поищите кого-нибудь другого.

Твер обалдело воззрился на него.

— Дела? Какие-такие дела?!

— Дела сверхсекретные. Спешность третьей степени и все такое прочее... Я имел аудиенцию у самого секретаря мэра.

— У змеи Сатта?! — Хаим Твер явно волновался. — Это обман. Это провокация! Сукин сын Сатт старается устранить вас, Мэллоу...

— Стоп, стоп... — Мэллоу успокаивающе опустил руку на сжавшийся кулак Хаима. — Не горячитесь. Если это провокация, то я неизбежно вернусь и рассчитаюсь за все. Если же нет — то змея Сатт на этот раз играет нам на руку. Вы поймите, наступает предсказанный кризис. Кризис Селдона.

Мэллоу подождал реакции, но она все не появлялась. Твер по-прежнему тупо таращился на него.

— А кто... что такое этот кризис Селдона?..

Мэллоу не выдержал и сорвался на крик.

— Во имя Галактики! Чему вы учились, когда ходили в школу, дьявол вас забери?! И как мне расценивать ваш идиотский вопрос?!

— Тогда не кричите, а объясните, — Хаим Твер нахмурился. После долгой паузы Мэллоу сдвинул брови и медленно заговорил:

— Да уж вижу, придется... Когда влияние Галактической Империи на ее дальних границах ослабло и Периферия погрязла в невежестве варварства и откололась — Хари Селдон со своими соратниками-психоисториками основал колонию, Фонд. Основал здесь, внутри возникшего хаоса, для сохранения науки, искусства, технических знаний, для концентрации разума, которому вменяется в обязанность создание ядра будущей Империи.

— Ну, конечно же, я это знаю... Забыл только.

— Дайте мне договорить, — холодно перебил Твера торговец. — Предстоящий путь развития Фонда был тщательно спланирован, исходя из положений психоистории, а эта наука была, в свою очередь, весьма развита в то время. Закладывались предпосылки для возникновения ряда кризисов, которые вынуждали бы нас неуклонно продвигаться по намеченной дороге к основанию будущей Империи. То есть любой возникший «кризис Селдона» означает новую эру в нашем развитии. И теперь мы вплотную приблизились к очередному — третьему по счету.

— Разумеется! — Твер пожал плечами. — Я понимаю вас. Я должен был четче помнить все это. Только школу-то я окончил слишком давно, еще задолго до вас.

— Оставим эту тему разговора, она ни к чему. Сейчас главное то, что меня посылают в самый эпицентр, в огонь возникшего кризиса. Результаты возвращения — если я вообще вернусь — предугадать невозможно. А вот выборы в Совет происходят регулярно — один раз в год.

Твер покосился на него.

— Вы разнюхали что-нибудь важное?

— Нет.

— Тогда у вас есть какой-нибудь конкретный план?

— Никаких планов — конкретных или неконкретных.

— Да вы что?!

— Абсолютно ничего. Я помню один из афоризмов Хардина: «Для преуспевания недостаточно тщательного планирования — необходима импровизация!» Вот я и собираюсь импровизировать.

Твер неуверенно покачал головой и встал, Мэллоу встал тоже, и они застыли, глядя друг на друга.

Выждав, Мэллоу неожиданно заявил как ни в чем не бывало:

— Послушайте, Твер, летите вместе со мной? И нечего пялиться, как помешанный, я знаю, что вы были торговцем до того, как выбрали в подруги большую политику.

— А вы хоть можете сказать мне, куда вы летите?!

— Могу. В направлении Вассалианского Провала. А точнее ответить не могу, пока не выйдем в космос. Ну, я жду ответа.

— А вдруг Сатт подумает, что меня лучше держать в таком месте, где наблюдение за мной стоит гораздо дешевле?!

— Вряд ли. Если Сатту выгодно избавиться от меня, то от вас избавиться ему выгоднее в пять раз. Не считая того, что ни один торговец не отправится в полет, не сформировав команду по собственному вкусу. Так что я собираюсь брать с собой тех, кого я захочу.

Странный огонь вспыхнул в глазах старика.

— Договорились. Я лечу с вами. За три последних года это будет мой первый вылет.

Он протянул Мэллоу руку. Тот, не задумываясь, пожал ее.

— Отлично! Просто прекрасно! А теперь мне пора идти подбирать остальных ребят. Вы же знаете место стоянки «Далекой Звезды», не правда ли? Так что до свидания — и приходите завтра.

4

Кореллия представляла собой отнюдь не редкое историческое образование: по форме — республика, но у ее правителя были в наличии все признаки абсолютного монарха, за исключением титула. Так что в республике наличествовал обычный для такой формы правления деспотизм, который не сдерживался даже такими общепринятыми факторами, как честь монарха и преданность придворных.

Также ничтожен был уровень материального развития. Века правления Галактической Империи канули в Лету, и от них остались лишь разрушенные памятники да молчаливые руины. Влияние Фонда практически отсутствовало, а правитель Кореллии — Командор Эспер Арго — был переполнен решимостью никогда не допустить подобного влияния, путем запрета на деятельность миссионеров и строгих ограничений на торговлю.

Космопорт производил впечатление запустения и разрухи, и даже экипаж «Далекой Звезды» поддался всеобщему серому унынию. Ангары, постройки, да и сама атмосфера, казалось, покрылись бурой разъедающей плесенью.

Хаим Твер играл в солитер, ерзал и почесывался.

— Хорошенькие перспективы для содружества и торговли, — сказал Хобер Мэллоу, погрузившись в размышления.

Потом он замолчал и уставился в иллюминатор. Навряд ли можно было высказать какое-нибудь иное мнение о Кореллии. Сам перелет выглядел будничным. Вышедшая на перехват нежданных гостей кореллианская эскадра состояла из искореженных неуклюжих великанов и крохотных искалеченных памятников былой роскоши. Так что вся эскадра держала дистанцию и уважительно косилась на торговый корабль. Так продолжалось до посадки. А последующие просьбы Мэллоу об аудиенции третью неделю оставались без внимания.

— Отличные перспективы, — повторил Мэллоу, — просто прекрасные, просто... Непочатая целина, и все.

Хаим Твер швырнул карты в угол и нетерпеливо покосился на торговца.

— Космос тебя побери, Мэллоу, что ты намерен предпринять?! Команда озлоблена, офицеров уже дергает от нервозности, а лично я полон любопытства...

— И в отношении чего тебя терзает любопытство?

— В отношении ситуации и наших с тобой шкур! Чего мы здесь ждем?!

— Ничего. Мы просто ждем.

Старый торговец побагровел и долгое время молчал. Потом пробормотал:

— Ты идешь наугад, Мэллоу. Посадочный блок окружен охраной, сверху барражируют корабли эскадры. И я могу предположить, что они намереваются подпалить нас ко всем чертям.

— Положим, для этого у них было уже две недели.

— Но вполне возможно, что они просто ожидают подкрепления! — Глаза Твера стали жесткими и колючими.

Мэллоу подвинул стул и сел.

— Я думал об этом. Но проблема оказалась слишком сложной. Сперва нам дали приземлиться на Кореллии без каких бы то ни было затруднений. Но это не стоит принимать во внимание, потому что из трех сотен приземлявшихся здесь кораблей пропало всего лишь три. Слишком мало в процентном исчислении. Но я готов предположить, что у них может оказаться не так много кораблей с атомным вооружением, и без особой необходимости они просто не желают заявлять об их существовании, до резкого увеличения численности.

— Я предлагаю еще один вариант, — перебил его Твер.

— Нет уж, погоди... Конечно, есть вариант, что у них вообще нет атомной энергии. Или есть, но они это тщательно скрывают, опасаясь, что мы способны пронюхать часть информации. В конце концов, пиратские налеты на торговые корабли — это одно, и совершенно другое — обманывать аккредитованного посла Фонда, факт прибытия которого на Кореллию означает появление у Фонда обоснованных подозрений. Учитывая вышеизложенное...

— Погоди, дорогой, погоди... — Твер умоляюще поднял руки. — В твоих доводах можно утонуть. Оставь ненужные детали и объясни просто — чего ты добиваешься?!

— Если ты не дослушаешь мои ненужные детали — ты не сможешь понять, чего я добиваюсь. Мы ждем. Они тоже ждут. Они не имеют понятия, зачем здесь я, — а я не имею понятия об их истинных возможностях. Но мое положение значительно более уязвимо, потому что я один, а их тут целая республика, плюс возможное наличие атомной энергетики. И я не могу решиться на шаги, ухудшающие и без того неважное положение. Понятное дело, ожидание опасно. И на месте нашего корабля вполне может оказаться взрывная воронка. Но мы готовились к этому с самого начала и сейчас ничего не можем поделать.

— Ну ты и... Стоп! Это еще кто такой?!

Мэллоу поднял взгляд и принялся настраивать приемник. Когда видеоэкран вспыхнул, на нем обнаружилось суровое лицо сержанта вахты.

— Я вас слушаю, сержант.

— Прошу прощения, сэр. Команда приняла на борт миссионера. С Термина.

— Кого?! — лицо Мэллоу исказилось.

— Миссионера, сэр. Вы понимаете, сэр, он нуждается в госпитализации, и мы решили...

— Из-за вашей самодеятельности, сержант, многие из нас будут нуждаться в госпитализации. Приведите команду в полную боевую готовность.

Командная рубка мгновенно опустела. Сразу же после приказа даже те, кто был свободен от вахты, мигом встали на посты у боевых орудий. На межзвездных просторах Периферии именно скорость выполнения приказов считалась самым большим достоинством, а команда корабля Мэллоу была устойчива к разлагающему влиянию окружавшей анархии и отличалась высокой мобильностью.

Торговец неторопливо вошел в караульное помещение и оглядел миссионера с головы до ног. Затем взгляд его перешел на лейтенанта Тинтера, отступившего в сторону, и, наконец, на вахтенного сержанта Дэмена. Коренастая, плотно сбитая фигура сержанта и невозмутимое его лицо резко выделялись на фоне невыразительного лейтенанта.

Мэллоу повернулся к Тверу, внушительно помолчал и сказал:

— Твер, пойдите и вызовите сюда весь офицерский состав, кроме баллистиков и старших координаторов. Всей команде сохранять боевую готовность до следующих указаний.

За последующие тихие пять минут Мэллоу успел открыть и закрыть двери всех туалетов, сунуть нос под стойку бара и изучить

плотные шторы на иллюминаторах с толстым стеклом. На минуту он вообще покинул комнату, но вскоре вернулся, что-то тихо мурлыча себе под нос.

Офицеры стали собираться в помещении. Пришедший последним Хаим Твер захлопнул за собой дверь.

Прозвучал тихий голос Мэллоу.

— Во-первых, я хочу знать, кто посмел поднять на борт этого человека, не получив на то моего разрешения?!

Взгляды присутствующих сконцентрировались на выступившем вперед вахтенном сержанте.

— Простите, сэр, — четко рапортовал Дэмен. — Конкретно санкций не давал никто. Решение было... коллегиальным. То есть он как бы свой, наш... а эти иноземцы, что внизу...

Мэллоу резко, почти грубо оборвал Дэмена.

— Это все очень хорошо, и я вполне способен разделить ваши благородные порывы, сержант. Кстати, остальная вахта — она ведь находилась под вашим началом?!

— Так точно, сэр.

— Ясно. Когда конфликт будет исчерпан, все они пойдут на недельку в свои каюты. Под домашний арест. Вы на тот же срок лишаетесь всех полномочий и прерогатив, сопутствующих вашему званию. Вам понятны мои слова, сержант?

Сержант чуть ссутулился, но выражение каменного лица осталось прежним.

— Слушаюсь, сэр, — прозвучал четкий ответ.

— А теперь идите к своему орудийному расчету.

Дверь за Дэменом закрылась, и легкий шумок прошел по каюте. Твер бесцеремонно вмешался в происходящее.

— В чем причина ваших поступков, Мэллоу? По-моему, наказание совершенно неправомерно. Вы сами отлично осведомлены о том, что проклятые кореллианцы убивают всех миссионеров, попавших к ним в лапы.

— Какими бы причинами ни объяснялись действия, противоречащие моим приказам, — они влекут за собой неизбежное наказание. Никто не имел права покидать корабль без моего приказа или брать кого-нибудь на борт.

Прозвучал протестующий возглас лейтенанта Тинтера.

— Целая неделя сплошного бездействия. В таких условиях никакая дисциплина невозможна.

— А для меня возможна, — холодно оборвал его торговец. — Дисциплина в идеальных тепличных условиях не стоит ни гроша. Так что я добьюсь дисциплины даже в геенне огненной, — или вообще ничего не добьюсь. Где этот ваш миссионер? Давайте его сюда.

Мэллоу сел. К нему боязливо приблизился человек в пурпурной рясе.

— Как вас зовут, святой отец?

— Меня? — пурпур одеяния перетек поближе к торговцу. На виске миссионера темнел кровоподтек, глаза были бессмысленны. Во время происходившего в караульной каюте он молчал, не двигался и, казалось, даже не дышал.

— Да, да... Ваше имя, преподобный отче?

Худосочное тело миссионера внезапно ожило. Его трясло. Жест вытянутых рук напоминал благословляющее объятие.

— Дети мои, и ты, сын мой!.. Да охранит вас спасительная десница Духа Галактики, ныне, присно и во веки веков!

Твер подошел к миссионеру, и голос его звучал хрипло и беспокойно.

— Да он болен! Эй, кто там, отведите святого отца в постель!.. Мэллоу, прикажите позаботиться о пострадавшем. Вы же видите, он избит и испуган.

Сильная рука торговца отодвинула Твера на прежнее место.

— Если вы будете вмешиваться не в свое дело, Твер, я прикажу выставить вас отсюда. Итак, ваше имя, достопочтенный?!

Миссионер умоляюще сложил ладони.

— Во имя просвещения, милосердные люди, спасите невинного от свирепых язычников!

Он говорил торопливо, захлебываясь, словно боясь, что его вот-вот прервут.

— Спасите пастыря душ от варваров, от неверных скотов, готовых предать меня растерзанию, и вручить мученический венец вопреки намерениям великого Духа Галактики! Я преподобный Джорд Парма, родом с Анакреона. И обучался я, дети мои, на самом святом Термине! Я служитель Духа, владеющий всеми обрядами и таинствами. И мой внутренний голос привел меня сюда, в царство язычников! — Голос его срывался. — Муки, муки претерпел несчастный Джорд Парма в вертепе скотов! Вы же смиренные сыновья Духа, так защитите меня в его славу и честь!..

В поток сбивчивых слов резким диссонансом ворвался металлический голос системы предупреждения:

— В поле видимости обнаружены подразделения потенциального противника! Жду ваших указаний!

Машинально все присутствующие посмотрели на репродуктор. Мэллоу озлобленно выругался. Он повернул тумблер селектора и закричал:

— Продолжать наблюдение! Ответных действий не предпринимать! Пока все!..

Торговец быстро подошел к шторам на иллюминаторе и рывком раздернул их.

Подразделения потенциального противника! Мягко сказано... На корабль шло несколько тысяч разгневанных кореллианцев. Гро-

мовой рев катился из одного угла космопорта в другой. В ледяном зябком свете магниевых прожекторов отлично было видно неумолимое приближение передних рядов.

— Лейтенант Тинтер! — торговец не обернулся, но лейтенант отлично мог видеть налившуюся кровью бычью шею. — Сходите к внешнему переговорному коммутатору и узнайте, что им всем здесь нужно! Также поинтересуйтесь, находятся ли среди них представители законных властей. И никаких обещаний и угроз, иначе я пристрелю вас собственноручно.

Тинтер отдал честь и покинул каюту.

Тяжелая рука опустилась на плечо Мэллоу, и он резко сбросил ее. Это был Твер. Он со злостью зашипел в ухо торговцу:

— Слушай, Мэллоу, ты просто обязан защитить этого несчастного. Иначе честь твоя будет растоптана, и ты навеки потеряешь уважение земляков. Он же прямой представитель Фонда, священнослужитель, человек, наконец!.. А местные дикари его... В конце концов, ты слушаешь меня или нет?!

— Слушаю, слушаю, — саркастически заявил Мэллоу, — но у меня найдутся занятия более важные, чем быть телохранителем тупых миссионеров. Я собираюсь делать лишь то, что сочту нужным, и клянусь Селдоном, Духом и всей Галактикой, что если я замечу хоть кроху неповиновения с твоей стороны, то вколочу тебе все зубы в твою паршивую глотку! Ну как, ты еще не раздумал вставать на моем пути?! Он оттолкнул Твера и подошел к миссионеру.

— Эй, вы! Святой отец Парма! Вам были известны положения Конвенции, запрещающие миссионерам доступ на кореллианскую территорию? Да или нет?!

Миссионера била дрожь.

— Сын мой, если в душе моей зазвучит голос Духа Галактики, я повинуюсь ему без рассуждений. Когда темные души местного населения не ведают о свете истинной веры — разве это не знак того, что именно они и нуждаются в просвещении?!

— Все сказанное вами, святой отец, не имеет ни малейшего отношения к поставленному вопросу. Вы в любом случае находитесь здесь, нарушая тем самым все законы — как Кореллии, так и Фонда. И не нарушая закона, в свою очередь, я не имею возможности защитить вас.

Миссионер привычно воздел руки к небесам. Но на этот раз в движении не было растерянности и замешательства. За иллюминаторами глухо ревела взбешенная толпа, звучал зуммер системы внешней связи, и дикий страх горел в глазах преподобного отца Пармы.

— Неужели вы не слышите ничего? И после этого продолжаете твердить мне о неких эфемерных законах, начертанных слабой рукой

человека?! Есть, есть высшее, истинное правосудие! Или забыли вы заповеди Великого Духа: «Видя мучения ближнего своего, нельзя стоять, сложа руки!» Или иную заповедь: «Как ты отнесешься к униженным и оскорбленным, так и к тебе отнесутся иные!» Вы же на корабле, у вас есть орудия!.. Разве не милосердный Фонд стоит за вашей спиной?! И разве над всем этим и всеми нами не царит могучий и милосердный Дух, правящий Галактикой?!

Он замолчал, тяжело переводя дух.

И вместе с ним умолк зуммер внешней связи «Далекой Звезды». Дверь хлопнула, и в каюту вбежал крайне обеспокоенный лейтенант Тинтер.

— Я слушаю вас, лейтенант! — резко сказал торговец.

— Сэр, кореллианцы настаивают на выдаче миссионера.

— И в случае отказа?..

— Трудно было разобрать конкретно. Но угрозы звучали несомненно. Народу полно... и все они просто озверели. Там еще орет какой-то тип, называющий себя губернатором округа. И вроде бы он имеет некие особые полномочия — но поет явно с чужого голоса.

— Так или иначе он является представителем законных властей, — пожал плечами Мэллоу. — Пойдите и сообщите кореллианцам, что если этот губернатор или полицейский явится один — он сможет забрать преподобного Джорда Парму.

Мэллоу повернулся к остальным, и в руке его неожиданно обнаружился пистолет. Он навел его на Хаима Твера.

— Я никогда не сталкивался ранее с неповиновением и не знаю, что это такое. Но если кто-либо из присутствующих попытается учить меня хорошим манерам, он рискует нарваться на ответный урок.

Твер, явно собиравшийся что-то сказать, с усилием сложил лицо в более или менее спокойную маску. Но дышал он тяжело и шумно.

Тинтер покинул каюту, а Мэллоу приблизился к экрану внешнего обзора. Через пять минут от толпы, стоящей перед кораблем, отделился тощий человечек. Он шел медленно и нерешительно. Два раза он готов был бежать обратно, но грозный рев пришедшей в неистовство толпы заставлял его продолжать путь к кораблю.

— Отлично, — Мэллоу подкрепил свои слова движением бластера, который по-прежнему не выпускал, — Гэен и Апшур, забирайте проповедника.

Миссионер отчаянно завопил. Он снова вознес худые руки к небесам, широкие тяжелые рукава рясы опали к плечам, обнажая жилистые предплечья со вздувшимися синими венами.

На крохотную долю секунды в каюте вспыхнул какой-то непонятный свет, но тут же погас. Мэллоу зажмурился, но тут же повторил свой презрительный и приказывающий жест.

Два солдата волокли святого отца к выходу, а он, извиваясь в их руках, изрыгал потоки проклятий.

— И да проклят будет предатель, отдающий ближнего своего на смерть и поругание! Да оглохнут уши, не внявшие мольбам невинного, да ослепнут зеницы, не заметившие страданий беззащитного!.. И душа, вошедшая в союз с черным мраком зла, да станет чернее просторов Космоса!..

Твер в ужасе зажал уши руками.

Мэллоу поставил бластер на предохранитель и убрал его в кобуру.

— Разойдись! — голос торговца был ровен и спокоен. — По местам! После ухода толпы сохранять состояние боевой готовности шесть часов. После чего удвоить все вахтенные дежурства до сорока восьми часов. Ждите дальнейших указаний. Пока все. Твер, а вы пройдите со мной.

Они уединились в личной каюте Мэллоу. Повелительным жестом торговец указал на свободный стул, и Твер послушно сел. Создавалось ощущение, что его массивная фигура усохла.

Мэллоу иронично разглядывал его.

— Твер, — наконец произнес он, — вы меня разочаровали. Мне кажется, что три года крупной политики вытравили из вас навыки торговца. Так что имейте в виду — если на Термине я и поборник демократии, то у себя на корабле я действую любыми подходящими методами и использую любые доступные мне средства, вплоть до абсолютной тирании. Мне никогда раньше не приходилось поднимать оружие на своих людей. Я и сегодня не стал бы делать этого, если бы не ты и твое поведение. Пойми, Твер, ты на корабле исключительно по моему приглашению, официальной должности ты не занимаешь, и всяческие почести я стану тебе оказывать лишь наедине в каюте. Вне ее стен с этого момента в присутствии команды и офицерского состава ты будешь звать меня «сэр», а я тебя «мистер Твер». И если мне вздумается отдать приказ, то ты кинешься исполнять его куда расторопнее самого занюханного новобранца третьего разряда, хотя бы из чувства самосохранения, иначе я еще расторопнее засажу тебя в трюм. Причем в кандалах. Уяснил?

Крупный партийный босс с трудом сглотнул и закрыл пересохший рот. Ему понадобились незаурядные усилия, чтоб произнести:

— Извини.

— Считай, что я принимаю твои извинения! Пожмем друг другу руки!

Крепкая ладонь Мэллоу сильно сдавила вялые пальцы Твера.

Политик сказал:

— А ведь я исходил из самых лучших побуждений... Очень трудно обрекать человека на смерть. Этот худосочный липовый гу-

бернатор не сможет остановить толпу. Так что миссионер конченый человек.

— Ничего подобного. И я не мог поступить по-другому. Все происходящее было откровенно шито белыми нитками. Неужели ты не обратил внимания?!

— На что?

— На что? Этот космопорт на окраине Кореллии, здесь все население спит до полудня. И вдруг, как чертик из табакерки, бежит несчастный затравленный миссионер. А откуда, собственно, он взялся? И почему бежит именно сюда? Ну, допустим, совпадение... Мгновенно собирается огромная толпа народу. Опять же, откуда?! До ближайшего сколько-нибудь солидного города более ста миль! Но толпа, в свою очередь, умудряется собраться за полчаса. Возникает масса вопросов...

— Действительно.., — растерянно протянул Твер.

— И напрашивается вывод: что, если преподобного отца привезли к нам и подбросили в качестве аппетитной наживки? Что-то уж больно был неловок наш приятель, святой пророк Джорд Парма. И мне показалось, что за все время пребывания на борту он так и не пришел в себя.

— Нетрудно понять — при таком суровом обращении... — с горечью вставил Твер.

— Можно и так! А возможен и расчет на наши благородные порывы и дешевую гордость! Они хотели, чтоб мы проглотили святого червяка и принялись его ретиво защищать. Тем более, что он находится здесь, нарушив все законы — и Термина, и Кореллии. Если бы я позволил Парме остаться на борту, то мое поведение означало бы агрессию против Кореллии, а Фонд не имел бы ни малейших юридических оснований для нашей защиты.

— Твоя гипотеза слишком невероятна.

Щелкнул репродуктор внутренней связи, предвосхитив ответ Мэллоу.

— Официальное сообщение, сэр.

— Давайте его сюда. И немедленно!

Зазвенел зуммер, и в приемном блоке внутренней почты возник блестящий цилиндрик. Мэллоу вскрыл его и извлек свиток, весь изукрашенный серебром. Он со значимостью погладил свиток пальцами.

— Прямая телепортация из столицы. Личный бланк Командора.

Торговец быстро проглядел присланный текст и коротко засмеялся.

— Значит, гипотеза моя и мои подозрения слишком невероятны, да?!

Он швырнул послание Тверу.

— Не прошло и получаса после выдачи лжемиссионера, и мы вдруг получаем выдержанное в самом любезном тоне приглашение посетить его высочество Командора. Кстати, мы безуспешно ждали этого послания целую неделю. Мне кажется, испытание мы выдержали.

Если верить личным заверениям Командора, то Его высочество Эспер был простым человеком. Седые космы на затылке явно нуждались в стрижке и свисали до плеч, рубашку неплохо было бы постирать, да и говорил он в нос.

— Я отнюдь не хвастаюсь, торговец Мэллоу, — заявил он. — Показуха мне чужда. В моем лице вы видите лишь равного среди равных и первого гражданина государства. Собственно, мой единственный титул — это титул Командора, и он означает лишь то, что я сказал.

Похоже, ему доставляло огромное удовольствие повторять все это в сотый раз.

— Если быть откровенным, именно в этом заключается общность между Кореллией и вашим государством. Насколько мне известно, счастье республиканского правления радует ваше население не меньше, чем наше.

— Вы совершенно правы, Командор, — внутренне Мэллоу был глубоко возмущен подобным сравнением, но старался не показывать виду. — Наверное, аргумент такого рода и является основой дружбы и мира между нашими государствами.

— Вот-вот! Дружбы и мира! — Эспер нацепил на себя маску сентиментальности, и его реденькая бородка затряслась. — И я не думаю, что на просторах Периферии найдется кто-нибудь, кто принимал бы идеалы мира так близко к сердцу. Смею заявить, что с тех пор, как мой мудрый отец уступил мне кормило власти, царство мира никогда не покидало эту землю. Хотя, наверное, мне не стоит так увлекаться этой темой, но доходили до меня слухи, что народ мой, или скорей, сограждане, зовут меня Эспером Благословенным.

Мэллоу повернулся и осмотрел тщательно ухоженный сад. В самых неожиданных его закоулках торчали здоровенные ребята с оружием странной конструкции в руках, что не делало их привлекательнее. Возможно, эти меры предосторожности были направлены против Мэллоу. Впрочем, такое поведение вполне оправдывалось. Но зачем резиденции обожаемого народом Эспера такие высокие стены, окованные сталью, да еще и укрепленные совсем недавно? Защита от всеобщей любви?..

Торговец сказал:

— Мне повезло, Командор. Мне довелось встретиться с вами. Я видел множество тиранов и деспотов на иных планетах, которые не являлись просвещенными властителями и не имели качеств, привлекательных для их народов.

— Нельзя ли конкретнее? — голос Командора стал настороженнее.

— Конкретнее? К примеру, им совершенно наплевать на благополучие собственного народа. А вы печетесь именно об этом.

Они медленно прохаживались по усыпанной гравием дорожке. Командор Эспер сцепил руки за спиной и глядел себе под ноги.

Меж тем Мэллоу мягко продолжал:

— До сегодняшнего дня ваше правительство всячески ущемляло торговлю между двумя нашими государствами, накладывая на действия наших торговцев различные эмбарго, зачастую не всегда справедливые. А я лично полностью убежден, что для вас не являются секретом преимущества неограниченной торговли...

— То есть свободной торговли?! — перебил его Командор.

— Хорошо, пусть будет так. Вы же понимаете, что свободная торговля обоюдовыгодна для наших государств. У нас наличествует тот товар, который крайне нужен вам. И правительства обязаны способствовать обмену, ибо он приводит страны к процветанию. И такой друг народа, как вы, такой просвещенный правитель — я даже сказал бы «человек из народа» — не нуждается в моих подробных разъяснениях. Я бы считал их даже оскорбительными для мудрого Командора Эспера...

— Совершенно верно! Я абсолютно с вами согласен! Но поймите и вы меня! — в голосе прозвучали жалобные нотки. — Ваше правительство ведет себя так неосторожно! Я — сторонник торговли на обоюдовыгодных условиях, способствующих процветанию, — но не на ваших единоличных условиях! В конце концов, я не деспот Кореллии, — он увлекся, и голос его зазвучал громче, — я лишь выразитель общественного мнения. И мой народ никогда не согласится на колониальную торговлю золотой канителью и стеклянными бусами!

Мэллоу напрягся.

— Проблемы с религией?

— И постоянные проблемы! Вы наверняка прекрасно помните историю с Асконом, историю двадцатилетней давности. Сначала там были проданы некоторые ваши товары, потом были выдвинуты требования полной свободы миссионерской деятельности, якобы для правильного использования проданной техники! — затем были созданы Храмы Здоровья нации... А там пошло-поехало: строительство духовных семинарий, автономные права святых отцов... Ну, и что же в результате?! Аскон теперь входит в зону влияния Термина, превратившись в его придаток, а Великий Магистр Аскона даже собственные подштанники не смеет назвать своими! Ни за что! И никогда. Подлинно независимая нация не продает своей чести.

— Все высказанное вами не имеет никакого отношения к моему предложению, — осторожно вмешался Мэллоу.

— Не имеет?

— Абсолютно. Я — старший торговец Мэллоу. Моя персональная религия — деньги. И разная мистика и дешевые фокусы упомянутых вами миссионеров раздражают меня в еще большей степени. И я даже рад тому, что услышал от вас! Если следовать вашим взглядам, то мы смогли бы договориться.

— Отлично сказано! — Командор прерывисто захихикал, и Мэллоу усмотрел нечто женственное в его поведении. — Я полагаю, что Фонд с самого начала должен был отправить на Кореллию человека, подобного вам.

Он дружески хлопнул по массивному плечу торговца.

— Но, дорогой мой, это всего лишь половина дела! Вы забыли сказать, в чем же состоит наша выгода. Давайте, давайте, не увиливайте!..

— Выгода здесь всего одна. И состоит она в том, что на ваши плечи, Командор, упадет ужасающее бремя богатства.

— Действительно ужасающее? — хмыкнул Эспер. — А что я буду делать с богатством? Подлинное сокровище — преданность и любовь народа. А в этом у меня нет недостатка.

— Вам отнюдь не повредит и то, и другое, поскольку золото вы сможете загребать правой рукой, а преданность народа — левой.

— Если такое и в самом деле возможно — мне оно представляется интересным... Вы считаете, такой вариант осуществим?

— И осуществим сотней различных способов. Вся трудность в том, какие предпочесть. Ну, что ж, давайте попробуем... Начнем с предметов роскоши. Взгляните на этот прибор...

Из кармана Мэллоу возникла длинная цепочка полированного металла, собранная из плоских звеньев.

— Как вам нравится?

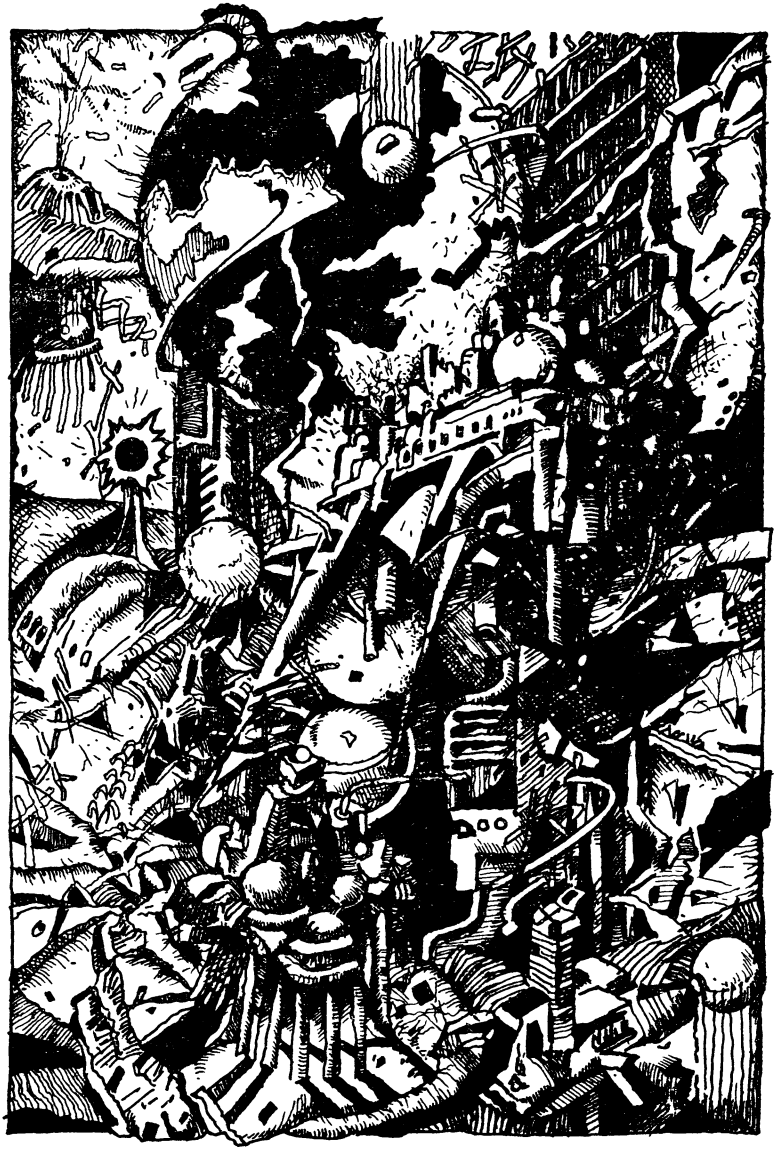
— Мне? А что это?!

— Так просто не объяснишь. Требуется демонстрация. У вас в резиденции найдется девушка? Или любая молодая женщина? И хорошо бы зеркало в полный рост... На подставке.

— Разумеется, найдется. Пройдемте в помещение.

Сам Командор именовал свою резиденцию домом, но простолюдины сошлись бы скорее на названии «дворец». А сам Мэллоу склонялся к тому, что этот дом — крепость. Дворец стоял на холме, откуда прекрасно просматривалась столица, и ряд мощных укреплений опоясывал скромный дом Командора Эспера. Архитектура была рассчитана на длительную оборону, а подходы со всех сторон тщательно охранялись. «Прекраснейшее жилище, — подумал торговец с недоброй ухмылкой, — для Обожаемого — Народом — Эспера — Благословенного...»

В доме перед ними появилась молоденькая девушка. Она склонилась в низком поклоне, и Командор отрывисто бросил:

— Это одна из служанок моей супруги. Подойдет?

— Вполне!

Сам Командор не отрываясь следил, как Мэллоу обвивает свою цепочку вокруг талии девушки, щелкает застежкой и делает шаг назад.

Эспер недоверчиво поджал губы.

— И это все?!

— Я попрошу достопочтенного командора задернуть шторы. Моя юная леди, там левее застежки вы найдете рычажок. Я прошу вас, переставьте его на верхнее деление. И не бойтесь, это не ядовитая змея...

Девушка робко выполнила указание, посмотрела на себя и ахнула.

Ее тело охватило многоцветное, переливчатое свечение, поднимающееся от талии вверх и образующее вокруг головы сверкающую диадему, словно сотканную из жидкого пламени. Создавалось впечатление, что с небес сорвали северное сияние и набросили его на платье служанки.

Девушка повернулась к зеркалу и уже не могла оторваться от собственного отражения.

— А теперь возьмите это, — торговец передал зачарованной девушке ожерелье из тусклых неказистых камней. — И наденьте на шею.

Каждая бусинка колье, попав в свечение пламени, мгновенно превратилась в огненный шар, переливающийся оттенками пурпура и золота.

— А теперь вам нравится? — спросил торговец у Эспера. Тот не ответил. Глаза девушки излучали восхищение. Командор махнул рукой, и служанка неохотно выключила волшебный пояс. Величие наряда исчезло. Она вышла из комнаты — но она никогда не забудет о случившемся.

— Возьмите все это себе, Командор, — сказал Мэллоу, — в качестве презента вашей супруге. Такой маленький подарок от восхищенного Термина.

Командор подкидывал пояс и ожерелье на ладони, словно оценивая дар.

— И как оно изготовляется?

Мэллоу пожал плечами.

— Вопрос не по адресу. Спросите у наших специалистов. Но что я знаю точно, так это то, что украшения будут действовать без всякого вмешательства жрецов и миссионеров.

— Возможно. Но все же это дамские побрякушки. И что с ними делать? При чем здесь богатство?!

— Неужели у вас никогда не бывает приемов, банкетов, балов?! Ведь бывают, Командор?

— Бывают.

— А вы представляете себе, сколько дамы Кореллии согласятся выложить за подобные побрякушки?! Никак не менее десяти тысяч кредитов за штуку.

Было видно, что Командор потрясен.

— Сколько?!

— А кроме того, блок питания подобного украшения не работает больше, чем полгода, и их приходится частенько заменять. Мы продадим вам любое количество такого товара за партию железа по номинальной стоимости в десять тысяч кредитов. Так что на вашу долю останется около девятисот процентов прибыли.

Эспер ухватился обеими руками за бороду. В глазах его замелькали многозначные цифры.

— О Галактика! Эти матроны передерутся из-за ваших игрушек! А я ограничу продаваемое количество, и устрою аукционы... Но, разумеется, втайне. Не стоит им знать, что я сам...

Меллоу вклинился в его речь.

— Для таких случаев мы объясним вам, как создаются подставные агентства и фирмы. Разумеется, если в этом будет нужда... Далее, у нас найдутся поляные комплекты аппаратуры для домашних хозяек. В наличии микропечи, которые за две минуты зажарят сапожную подметку до кондиции телячьего ростбифа. Наши ножи, они не требуют заточки. Наши совершенно автоматические прачечные помещаются в любой комнатный шкаф, выполняя при этом любые операции; а кроме того — полировочные приборы для мебели, агрегаты для мытья полов и мытья посуды, пылесосы и светильники — в общем, все и на любой вкус. И если вы сделаете это изобилие доступным для населения, то можете сами представить рост вашей популярности! И представить огромные запасы товара, на продажу которого имеется правительственная монополия, и перспектива получения девятисот процентов прибыли с этого! Народ выложит за все это немалые денежки, и ему совершенно незачем знать, что лично вам товар достается значительно дешевле. Кстати, напоминаю: для работы всех таких штук не понадобится ни один жрец. Что и требовалось доказать.

— Остался невыясненным один пункт... Каков здесь ваш, лично ваш интерес?

— Мой интерес не отличается от интереса любого торговца с Термина. Я со своими людьми заберу половину полученной прибыли. Если вы скупите весь имеющийся в наличии товар — сами увидите, что никто из нас не останется в убытке.

Командор не смог скрыть внутреннего ликования.

— То есть вы имеете в виду, что вам должны заплатить железом?

— Железом, антрацитом, рудами. Или табаком, или перцем, или магнием и древесиной твердых пород — тем паче, что Кореллия богата всем перечисленным.

— Предложение заманчивое...

— И совершенно безопасное. Кстати, я вспомнил еще один товар. Я бы смог полностью переоборудовать ваши заводы, Командор.

— Неужели? И каким образом?!

— Допустим, у вас есть сталелитейные предприятия. А у меня есть отличные недорогие устройства, которые способны понизить расходы на производство продукции до одного процента от прежнего уровня. Затем вы вполовину снижаете цены и делите с производителями более чем огромные прибыли. И если вы позволите, я мог бы продемонстрировать обещанное. У вас в городе найдется сталелитейный завод? Это не займет много времени.

— Мне кажется, это можно устроить, торговец Мэллоу. Только, конечно, завтра.. Не откажетесь ли вы поужинать сегодня с нами?

— У меня большая команда и.., — начал было торговец.

— Пусть приходят все! — Командор Эспер сделал величественный жест. — Это будет знаменательная встреча двух великих дружественных народов. И к тому же она позволит нам продолжить утреннюю приятную беседу. Только имейте в виду, — тут его голос стал сух и суров, — имейте в виду: это не откроет двери вашим миссионерам.

— Командор Эспер, — холодно заявил Мэллоу, — даю вам честное слово, что религия только снижает мои прибыли.

— Тогда все. Мои люди проводят вас на корабль.

6

Супруга Эспера была намного моложе своего мужа. Черные волосы, гладко зачесанные к затылку, обрамляли холодное и бледное лицо.

— Мой драгоценный благородный супруг, — у нее оказался совсем детский голосок, — вы уже закончили? Я могу, наконец, войти в сад?

— Не стоит чрезмерно преувеличивать, дорогая Лиция, — неожиданно мягко ответил Командор. — Этот молодой человек приглашен к нам вечером на ужин, и ты сможешь вволю поболтать с гостем и даже получить удовольствие, слушая меня. А также необходимо подготовить место для его команды. И звезды намекают мне, что их не будет слишком много.

— Зато они вполне могут оказаться невероятными обжорами, пожирающими мясо огромными ломтями и выпивающими бочки

вина. А потом ты не будешь спать две ночи и стонать, подсчитывая убытки.

— Ты знаешь, на сей раз, скорей всего, не буду. И, несмотря на твою предвзятость, ужин должен выглядеть самым щедрым.

— Ясно, ясно, — она с презрением окинула мужа взглядом. — Я вижу, у тебя полное согласие и дружба с этими новоявленными варварами. И похоже, что именно поэтому меня не допустили присутствовать на сегодняшней встрече. Не задумала ли твоя мерзкая черная душонка какой-нибудь заговор против моего отца?!

— Ничего подобного!

— А я должна, разумеется, поверить тебе на слово. Если когда-нибудь жизнь несчастной молодой женщины приносили в жертву политике, устраивая ей омерзительный брак, то это как раз мой случай. Даже на окраинах родной планеты я могла бы подыскать себе более подходящего супруга.

— Слушайте меня внимательно, досточтимая госпожа. Если таково ваше горячее желание, то можете убираться на вашу родную планету. Я отпущу вас, только оставлю на долгую память наиболее известную мне часть вашего тела — то есть вырежу ваш злобный язычок!

Командор склонил голову, словно предвкушая обещанное.

— И добавлю к этому уши и кончик носа. Я полагаю, эта мера лишь прибавит вам красоты.

— Ты не посмеешь, мерзкий подонок! Мой отец тогда превратит твое игрушечное королевство — простите, республику! — в метеоритное крошево! Собственно, он может сделать то же и просто так, если я надумаю пожаловаться ему на твои шашни с прибывшими варварами.

— Это надо понимать как угрозу? А впрочем, не надо сегодня угроз... Ведь вечером ты сама сможешь задать приехавшему молодому торговцу любые интересующие тебя вопросы. А до тех пор, мадам, закройте свой очаровательный ротик.

— А это надо понимать как приказ?!

— Понимай, как хочешь. Возьми вот это и замолчи, наконец.

Он обернул цепочку вокруг талии жены и надел на шею подаренное ожерелье. Потом собственноручно повернул рычажок и отошел в сторону.

У его супруги перехватило дыхание. Она, как сомнамбула, вытянула перед собой немеющие руки, затем робко тронула подарок и ахнула.

Командор удовлетворенно потер руки и добавил:

— Можешь вечером появиться в этом. Потом получишь еще. А теперь умолкни.

На сей раз его благоверная действительно замолчала.

7

Хаим Твер поерзал в кресле и заявил:

— Ну, и почему у тебя столь кислое выражение лица?!

Вопрос вывел Мэллоу из задумчивости.

— Неужели? И с чего бы это?

— Видимо, помимо вчерашнего банкета, случилось что-то еще. Какие-то неприятности... Ведь правда?!

В голосе Твера звучала неожиданная уверенность.

— Неприятности? Ничего подобного. Скорее, наоборот. До того я, так сказать, ломился в открытую дверь. Что-то уж слишком легко мы получили доступ на его сталелитейный заводик...

— Ты усмотрел ловушку?!

— Слушай, не преувеличивай, ради Селдона! — Мэллоу вздохнул и продолжил уже менее раздраженно. — Просто этот подарок означает, что на заводе нет ничего, интересующего нас.

— То есть, ты намекаешь на атомную энергию?.. — теперь пришла очередь Твера впадать в задумчивость. — Я тебе еще раз заявляю, что на Корелии нет ни малейших признаков наличия атомной промышленности. И скрыть свидетельства наличия такой базовой глобальной технологии практически невозможно.

— Не совсем невозможно. Особенно если она недостаточно развита и используется исключительно в военных областях. Значит, может встретиться лишь на сталелитейных производствах или... Или на космоверфях.

— И если мы все-таки ее не обнаружим...

— То или ее нет здесь, или такая технология тщательно скрывается. Значит, будем гадать или положимся на везение и счастливый случай.

Твер покачал головой.

— Очень жаль, что меня вчера не было рядом с тобой...

— Конечно, жаль, — в голосе торговца не было особого огорчения. — Против твоей моральной поддержки я ничего не имею. Но, к сожалению, условия нашей встречи назначал не я, а Командор. Кстати, нас уже ждет у дверей правительственный автомобиль, собирающийся везти нас на завод. У тебя вся аппаратура с собой?

— Абсолютно вся.

8

Никакие мелкие и никчемные ремонтные работы не могли скрыть атмосферу запустения, царившую на заводе. Он был совершенно пуст, и кругом царила противоестественная тишина — можно сказать, даже негостеприимная тишина по отношению к Командору Эсперу и его свите.

Мэллоу взял стальной лист и небрежно швырнул его на две опоры.

Твер протянул ему принесенный инструмент. Торговец взял его и, сунув руку в свинцовый кожух, крепко сжал обитую кожей рукоятку.

— Мой инструмент в какой-то степени опасен, — сказал Мэллоу, — но ультразвуковой резак тоже опасен. Просто надо держать пальцы подальше.

Продолжая разговаривать, он легко провел отверстием сопла над центральной осью листа металла. Лист мгновенно и бесшумно распался на две части.

Присутствующие вздрогнули, и Мэллоу рассмеялся. Он взял одну из образовавшихся половинок и положил себе на колено.

— Точность настройки позволяет регулировать глубину резки до сотых долей дюйма. Толщина листа не играет роли. Двухдюймовый лист будет резаться ничуть не хуже этого. Если толщина листа определена с большой точностью, то можно резать металл на полированном деревянном столе, не царапая при этом полировку.

Он говорил, и в конце каждой фразы атомный резец отсекал все новые и новые полосы стали.

— Это то же самое, — заявил торговец, — что резать мясо для бифштекса.

Он поднял инструмент повыше.

— Предположим, вы собираетесь уменьшить толщину листа, избавиться от ржавчины или удалить выпуклости. Пожалуйста!

Лепестки прозрачной, тонкой металлической фольги стали сниматься со второй половинки — шесть дюймов, восемь, и, наконец, двенадцать.

— Принцип сверления совершенно такой же.

Все присутствующие столпились вокруг Мэллоу. Происходящее походило на цирковой трюк, на невероятную ловкость рук уличного фокусника, но от этого не переставало являться самой убедительной коммерческой рекламой. Командор Эспер поглаживал ладонью обрезки металла. Члены правительства поднимались на цыпочки, пытались заглянуть через плечо стоящего рядом и перешептывались, а Мэллоу аккуратно пробивал в дюймовом стальном листе красивые круглые отверстия, изящно работая атомной дрелью.

— И еще одна демонстрация. Будьте любезны, принесите две небольшие трубы!

Некий почтенный камергер, подхваченный волной всеобщего оживления, с готовностью кинулся выполнять просьбу и не постеснялся испачкать свои холеные руки, подобно простому рабочему.

Мэллоу взял трубы, поставил их вертикально и легким движением резца зачистил их концы, сняв мелкую стружку, и после поставил одну трубу на другую. Все увидели одну трубу! Даже микро-

скопические неровности, допуски атомного уровня, отсутствовали на срезах! Обе трубы составляли единое целое. Одним движением резака — сплошной блок.

Мэллоу посмотрел на потрясенных зрителей, собираясь продолжить рекламную речь — и замолчал, словно подавившись. У него перехватило дыхание. Холодок возник у торговца в желудке, и пальцы онемели.

В суматохе случилось так, что личный телохранитель Командора Эспера протолкался в первый ряд — и он стоял настолько близко, что Мэллоу получил возможность вплотную рассмотреть его личное оружие!

Телохранитель был вооружен атомным бластером! И ошибка исключалась: у нарезного оружия, стреляющего пулями — пусть даже разрывными — никак не могло быть подобного дула. Хотя главное заключалось не в этом. Отнюдь не в этом!

По стволу этого оружия выкладывались золотые пластинки с глубокой гравировкой, создававшей стилизованное изображение Космолета и Солнца!

Космический корабль и светило — такая эмблема украшала каждый огромный том оригинала Галактической Энциклопедии, над которой упорно работали все ученые Фонда.

И те же самые Космолет и Солнце тысячелетиями сверкали на знаменах Галактической Империи!

Мэллоу откашлялся и продолжил как ни в чем не бывало:

— Взгляните на трубу! Она составляет единое целое. Ну, разумеется, соединение отнюдь не идеальное... Но никто не сделает лучшего вручную.

Пора было заканчивать рекламные трюки. Достаточно. И Мэллоу замолчал. Он выяснил то, что хотел. И мысли его сейчас были заняты только одним — золотым сфероидом со стилизованными лучами и сигароподобным космическим кораблем.

Корабль и Солнце — имперский государственный символ!

Империя! При звуках этого слова в торговце просыпался благоговейный трепет. Полтора века прошли над Галактикой, а она еще сушествовала где-то в глубинах Космоса. И теперь снова объявилась на Периферии!

Мэллоу незаметно улыбнулся.

9

«Далекая Звезда» третий день дрейфовала в открытом космосе. Хобер Мэллоу вызвал в свою каюту старшего лейтенанта Дрота и, когда тот явился, вручил ему запечатанный пакет, блок микрофильмов и серебристый сфероид.

— Не пройдет и часа, лейтенант, как вы примете на себя командование «Далекой Звездой» в качестве капитана, до моего возвращения... а, возможно, и навсегда.

Дрот собрался было возразить, но торговец повелительным жестом вынудил лейтенанта промолчать.

— Сидите и слушайте. В пакете лежат точные координаты планеты, на которую вы полетите. Сядьте там и ожидайте моего прибытия в течение двух месяцев. Если же за это время Фонд сам найдет вас — дадите им полученные микрофильмы. Это мой отчет о проделанной работе.

Голос торговца стал мрачным.

— Если же через два месяца я не вернусь, а эскадры Фонда вас не разыщут, то вы тогда отправитесь прямиком на Термин и передадите капсулу с отчетом. Вам все понятно?

— Да, сэр.

— И запомните: никогда, ни при каких обстоятельствах и ни один член команды не должен вносить никаких изменений в мое официальное сообщение.

— А если мы подвергнемся допросу, сэр?

— Тогда вы ничего не знаете.

— Слушаюсь, сэр.

Они замолчали. И через пять минут с борта «Далекой Звезды» стартовала индивидуальная шлюпка.

10

Онам Барр был слишком стар для того, чтобы бояться. Он жил в полном одиночестве здесь, на краю земли, еще со времен последних беспорядков. Наедине с книгами, которые удалось спасти из развалин. Он равнодушно относился к любой потере и уж тем более к потере собственной жизни. Так что незнакомца Барр встретил без тени испуга или подобострастия.

— Ваша дверь не заперта, — заявил незнакомец с порога.

Он говорил с грубым акцентом, а на бедре его Барр заметил странное оружие, сделанное из голубоватого металла. В сумраке маленькой комнатушки отлично различалось свечение силового поля, смыкавшееся вокруг человека.

— Смысл закрывать дверь давно потерян, — устало сказал Барр. — Вам нужно что-нибудь?

— Нужно, — незнакомец продолжал стоять посредине комнаты. Он был высок ростом и прочно сложен. — Ваш дом единственный в этой местности.

— Да, места тут безлюдные, — согласился старик, — но дальше к востоку есть город. Показать вам дорогу?

— Успеется. Разрешите присесть?

— Садитесь. Если стулья выдержат вас, — хмуро ответил Барр.

Стулья — остатки былой роскоши — казались не моложе хозяина.

Незнакомец сказал:

— Мое имя Хобер Мэллоу. И прибыл я из далекой провинции.

Старик улыбнулся и кивнул.

— Вас сразу выдало ваше произношение. А я — Онам Барр, родом с Сайвенны, в прошлом патриций Империи.

— Так это Сайвенна! А у меня только старые карты...

— Естественно, старые, если вы смогли перепутать расположение звезд...

В голосе старика не было и тени насмешки. Незнакомец уважительно отвел взгляд от собеседника. Барр обратил внимание на тот факт, что силовое атомное поле вокруг пришельца исчезло, и равнодушно отметил про себя, что он уже перестал вызывать страх у незнакомых людей и, вероятно, у врагов. Ему было все равно, хорошо это или плохо.

— Дом мой беден, и запасы на исходе, — продолжил он, — но вы можете разделить со мной то, что пока есть. Если желудок ваш в состоянии переварить черствый хлеб и высохшую кукурузу.

Мэллоу отрицательно покачал головой.

— Спасибо. Я сыт и у меня нет времени. Мне нужны лишь указания, как побыстрее добраться до планеты с правительством данной территории.

— Это абсолютно несложно. Тем более, что советы мне ничего не стоят... Вас интересует столица планеты или Имперского сектора?

Торговец сузил глаза.

— А разве это не одно и тоже? Ведь это Сайвенна?!

Вышедший в тираж политик кивнул.

— Сайвенна. Только она давно не является столицей Норманского сектора. Все-таки ваши старые карты завели вас не туда... Звезды, понятное дело, веками не меняют своего расположения, но политические границы не отличаются подобным постоянством.

— Да, плохо дело... Крайне плохо. Далеко новая столица?

— На Орше-2. Двадцать парсеков отсюда. Я полагаю, ваша карта укажет вам дорогу. Намного она устарела?

— Ей сто пятьдесят лет.

— Почтенный возраст, — старик вздохнул. — За это время произошло много исторических событий. Вы хорошо знаете историю?

Мэллоу медленно пожал плечами.

— Вам повезло, — сказал Барр, — это было смутное время для провинций, если не считать эпохи правления Стэннела VI. Но он умер пятьдесят лет тому назад. С той поры восстания сменяются развалинами, а развалины — восстаниями.

Старик подумал, что становится болтливым. Он вел жизнь отшельника, и ему весьма редко доводилось беседовать с людьми.

Мэллоу спросил неожиданно резко:

— Вы говорите — развалины? Получается, что провинция вконец обнищала...

— Может быть, и не совсем вконец, но... Все-таки для истощения материальных ресурсов двадцати пяти богатейших планет требуется немало времени. Но если сравнивать с богатством, которое окружало нас еще в прошлом веке, то мы рухнули в пропасть, и непохоже, чтоб ситуация собиралась меняться к лучшему. А почему, собственно, все это так интересует вас, молодой человек? Глаза ваши заблестели, да и оживление явно не к месту!

Торговец готов был покраснеть. Тусклые глаза Барра заглянули в самую его душу, и старик улыбнулся тому, что увидел.

— Послушайте, — сказал Мэллоу, — я торговец. Я оказался в самом конце Галактики, запутался в устаревших картах и намереваюсь открыть новые рынки сбыта. И меня крайне волнуют разговоры об обнищавших провинциях. На планетах без денег денег не заработаешь. Афоризм. Вы можете обрисовать мне положение на Сайвенне?

Старик склонился к гостю.

— Точно не могу. Неужели вы торговец? Вам подобает скорее быть воином. У вас шрам на щеке, а руки постоянно находятся возле оружия.

Мэллоу мотнул головой.

— В тех местах, где мне приходится бывать, не слишком-то уважают законодательство. Так что в джентльменский набор торговца входят шрамы и драки. Но драки полезны лишь в том случае, когда приносят прибыль, а если гонорар могут выплатить и без стрельбы — что ж, тем лучше. Я к тому, что здесь явно не найдется денег, чтоб за них стоило сражаться, а драка, похоже, найдется весьма легко...

— Совершенно верно, — согласился Барр. — Для этого вы можете присоединиться к Вискарду с его разбитым воинством в области Алых Звезд. Правда, я затрудняюсь в определении их почтенного занятия — не то борьба, не то пиратство... Также вы можете явиться к нашему дорогому вице-королю, получившему этот титул за грабеж, разбой и убийства, а щенок-Император, подаривший ему титул, естественно, был убит.

Худое лицо старого патриция раскраснелось. Он сидел с закрытыми глазами, а когда открыл их, то они неожиданно ярко блестели.

— Мне кажется, патриций Барр, что вы без большой симпатии относитесь к вице-королю, — сказал Мэллоу. — А вы не допускаете, что я могу оказаться шпионом?

— Ну и что? — саркастически ухмыльнулся Барр. — Что вам взять с меня?!

Высохшей рукой старик обвел свое пустое ветхое жилище.

— Жизнь.

— Жизнь со мной не в ладах — она и так задержалась на лишних десять-пятнадцать лет. Но вы явно не входите в число слуг вице-короля. Я бы почувствовал, если бы вы были из их числа, и мой инстинкт самосохранения обязательно вынудил бы меня держать язык за зубами.

— Откуда такая уверенность?

Барр расхохотался.

— Как же вы подозрительны, молодой человек! Спорим, что вы решили, будто старый Барр заманивает вас в ловушку и ждет не дождется, когда же гость станет порочить правительство... Ничего подобного! Я давненько уже перестал вмешиваться в политику.

— Политика? Разве можно в нее не вмешиваться?! Какие слова подобрали вы для описания деятельности вице-короля? Грабеж, убийство и так далее... Так что вряд ли вы отошли от политики и тем более вряд ли объективны.

Патриций пожал плечами.

— Неожиданно возвращающиеся воспоминания имеют ядовитое жало. Выслушайте — и судите сами! Когда Сайвенна являлась столицей провинции, я был патрицием и входил в провинциальный сенат. Барры считались почтенной, древней семьей. И один из моих многочисленных предков был... Ладно, не будем об этом. Прошлые заслуги не накормят сегодня.

— Я так понимаю, — прервал его Мэллоу, — что у вас случилась революция. Или гражданская война.

Барр нахмурился.

— В нашу с вами эпоху вырождения гражданские войны приобретают хронический характер. Но Сайвенна находилась в стороне от подобных катаклизмов. И при Стэннеле VI процветание провинции поднялось на почти забытый уровень древних. Но его сменили легковесные правители, а у слабого императора обычно бывает сильный вице-король. И наш последний вице-король, кстати, это тот самый Вискард из Алых Звезд, где промышляют грабежом остатки его воинства! — он нацелился на пурпур императорской мантии. Но он не был первым в таком начинании. И даже преуспев, он все равно не стал бы первым... Только он не преуспел. Императорский адмирал подвел флотилии к взбунтовавшейся провинции, да и сама Сайвенна поднялась против предателя.

Барр грустно умолк.

Мэллоу обратил внимание, что сам он застыл в напряженной позе на краешке стула.

— Умоляю вас, сэр, продолжайте.

— Благодарю вас, — патриций выглядел измученным. — Вы любезно потакаете старческой болтовне. Итак, они восстали — то есть мы восстали, так как и я входил в число руководителей, хотя и

не самых значительных. Но Вискард опередил нас, покинув планету. После чего нам ничего не оставалось, как сдать планету адмиралу и дать присягу на верность нынешнему императору. Я и сам затрудняюсь сейчас объяснить мотивы этого поступка. Наверное, в нас глубоко сидела идея императорской власти, а не личность самого Императора — капризного и жестокого ребенка. А возможно, мы просто испугались кошмаров осады.

— А дальше? — осторожно спросил торговец.

Ответ был крайне мрачен.

— Дальше... Создавшееся положение не устраивало гордого адмирала. Он стремился к славе покорителя восставших провинций, а люди его рассчитывали на добычу, сопровождающую подобные походы. Так что, пока население крупных городов продолжало приветствовать освободителя-адмирала, он захватил все военные центры и отдал приказ подвергнуть противника атомной бомбардировке.

— В связи с чем?!

— В связи с тем, что народ восстал против законного вице-короля, ставленника законного Императора. Кошмар резни и разбоя продолжался больше месяца. После чего адмирал принял титул вице-короля на себя. Я имел шестерых сыновей. Пятеро из них погибли. Каждый — по-своему. Я имел одну дочь. Думаю, что она также погибла. Меня же миновала чаша сия лишь в силу преклонного возраста. Я уже прибыл на Сайвенну слишком дряхлым, чтобы прежний вице-король забеспокоился по моему поводу. И мне ничего не оставили от моей жизни, потому что я способствовал изгнанию вице-короля и отнял славу победителя у адмирала.

Он опустил свою седую голову.

Мэллоу помолчал некоторое время. Затем мягко спросил:

— Какова же судьба вашего шестого сына?

— Он в безопасности, — горько улыбнулся старик, — потому что присоединился к войскам адмирала. Под чужим именем, в качестве простого солдата. Он служит канониром в личной эскадре нового вице-короля. И не смотрите на меня так. Он хороший сын. Когда ему выпадает такая возможность, он навещает меня и приносит, что может. И когда-нибудь наш мудрый, наш великий, наш новый вице-король безвременно сойдет в могилу, и палачом его будет младший сын Онама Барра.

— И о таком вы разговариваете с первым встречным?! Подвергая опасности жизнь вашего сына?

— Ничего подобного. Я помогаю ему, выводя на сцену возможного нового врага. Врага адмирала. Если бы я оказался советником адмирала, а не его заклятым врагом, я бы порекомендовал ему наводнить космос кораблями до самых границ Галактики.

— Почему? Там что — нет кораблей?

— А вам встретился хоть один? Неужели космические часовые воспрепятствовали полету вашего судна в наш сектор? Когда машин катастрофически не хватает, а пограничные провинции наводнены интригами и доносами, то для охраны от внешних варварских миров нельзя выделить ни один корабль. Опасность из дальних регионов Галактики еще никогда не добиралась до нас. Но теперь явились вы.

— Я? Я не несу ни малейшей опасности!

— Но за вами придут другие.

Мэллоу задумчиво пригладил волосы.

— Мне кажется, я не понимаю вас...

Старик неожиданно заговорил с лихорадочным волнением.

— Слушайте! Я понял все, едва вы вошли в мой дом. Вокруг вас есть защитное силовое поле, или, во всяком случае, оно было вначале.

Мэллоу заколебался.

— Да. Это так.

— Отлично. И в этом крылась ваша ошибка — но вы не знали о ней. А я знал. Во времена застоя непопулярно быть ученым. События вспыхивают и гаснут, подобно молниям, и те, кто не обладает атомным оружием для противостояния, уходят во мрак небытия. Так случилось со мной. Но я был ученым и знаю, что за всю историю ядерной энергетики никто у нас не изобретал портативные установки для создания силового поля. То есть сами устройства у нас есть, но это громадные неуклюжие махины для защиты города, корабля, — но никак не для защиты одного человека.

— Ясно, — Мэллоу вызывающе выпятил подбородок. — И какие же последуют выводы?!

— Разные слухи бродят по открытому космосу. Они прибывают по самым неожиданным дорогам и сильно искажаются с каждым парсеком. Но в годы моей молодости к нам залетел корабль со странным экипажем, не знавшим наших обычаев. Они не сообщили, откуда явились сами, но мы узнали от них, что в самом конце Галактики проживают колдуны, светящиеся в темноте, летающие по небу без помощи машин, и оружие не причиняет им никакого вреда. Народ смеялся над ними. Я смеялся тоже. И я не вспомнил бы о прошлом до сегодняшнего дня. Но вы — вы светитесь в темноте, и я полагаю, что даже будь у меня бластер, он вряд ли смог бы причинить вам вред. Скажите, а по воздуху вы летаете так же легко, как сидите в кресле?

— Ничего подобного я не могу, — спокойно ответил Мэллоу.

Старик улыбнулся.

— Положусь на ваши слова... Я не считаю необходимым осматривать своих гостей. Но если допустить, что волшебники существуют на самом деле, и вы из их числа, то может прийти такой день, когда

некоторые из них — или некоторые из вас! — все же прилетят к нам. И это может быть полезным для нашего мира. Может быть, нам просто необходима свежая кровь...

Он еще долго бормотал что-то себе под нос, а потом медленно сказал:

— Но я могу предвидеть и противоположный вариант. Наш новый вице-король тоже изредка мечтает, и мечты его похожи на грезы прежнего Вискарда...

— И ему по ночам снится корона Императора?

Барр кивнул.

— До моего сына доходят разные разговоры. Это неотъемлемая черта окружения вице-короля. А сын все рассказывает мне. Если нашему бывшему адмиралу предложить корону, он не станет от нее отказываться, но параллельно он подготавливает позиции на случай поражения. Люди шепчутся, что в случае неудачи с этой короной, он собирается основать новую империю в варварской глуши. Я не могу отвечать за полную достоверность сказанного, но вроде бы он даже выдал одну из своих дочерей за какого-то мелкого королишку, сидящего на престоле в дебрях Периферии.

— Если верить всем слухам, тогда...

— Я понимаю вас. Но слухи слухам рознь. Кроме того, я стар и говорю разную чушь. И все же мне интересно ваше мнение по этому поводу?!

У старика оказались на удивление цепкие глаза.

Торговец некоторое время молчал.

— Мне нечего вам сказать, — наконец бросил Мэллоу, — я сам намерен задать некоторые вопросы. Есть ли на Сайвенне атомная энергетика? Я понимаю, что здесь знакомы с теорией. Но генераторы — сохранились ли они по сей день или были разрушены в ваше смутное время?!

— Разрушены? Да что вы! Они согласились бы скорее разнести в клочья полпланеты, чем нарушить ритм работы самой плюхонькой станции... Как же без атомных станций — они ведь держат на себе всю мощь местного флота.

В голосе старика Мэллоу с удивлением обнаружил некоторую гордость.

— На Сайвенне расположена самая большая, — продолжал Барр, — и самая мощная станция по эту сторону Трантора.

— Тогда следующий вопрос: что требуется для того, чтобы получить возможность осмотра реакторов?

— Это невозможно! — коротко заявил Барр. — За любую попытку приблизиться к военному объекту вас попросту пристрелят на месте. И не только вас, но и любого. И вам не удастся пожаловаться на несоблюдение на Сайвенне прав человека...

— Я понимаю вас так, что все местные энергостанции контролируются военными?

— Не все. Есть крохотные станции, подающие энергию для отопления и освещения жилых домов, для питания разной аппаратуры и так далее. Но они в свою очередь не более доступны и находятся в ведении техников.

— Кто такие техники?

— Особая категория населения, обслуживающая энергостанции. Эта должность почетна и передается по наследству. Детей берут в качестве подмастерьев для соответствующего обучения. Отсюда повышенное чувство ответственности, профессиональной чести и все такое прочее... Так что на станцию не допускается никто, кроме техников.

— Ясно...

— Но я не говорю, — продолжал старик, — что никогда не случалось подкупа техников. В наши смутные времена, когда за пять десятков лет поменялось девять императоров, и семеро из них стали жертвами покушения; когда каждый капитан космической флотилии тянется к титулу вице-короля, а всякий вице-король карабкается на императорский трон — в такой период даже техник вполне может клюнуть на денежную наживку. Но приманка обязана внушать уважение, а я на мели. Скажите, у вас найдутся такие деньги?!

— Деньги? Конечно, нет. Но взятка не всегда дается в виде денег.

— А чем же, учитывая тот факт, что все измеряется в денежном эквиваленте?

— Не все. Многие вещи купить нельзя. А теперь укажите мне, как добраться до ближайшего населенного пункта с энергостанцией, и я щедро отблагодарю вас.

— Остановитесь!

Барр предостерегающим жестом протянул высохшие руки.

— Вы зря спешите! Вы — мой гость, и поэтому я не спешил задавать вам вопросы. Но в городе, население которого до сих пор считается бунтовщиками, первый же солдат, услышавший ваш акцент или обративший внимание на вашу одежду, схватит вас.

Старик порылся в угловом древнем шкафу и извлек потрепанную книжечку.

— Мой фальшивый паспорт. Я бежал с его помощью.

Паспорт лег в ладонь Мэллоу.

— Разумеется, описание внешности не соответствует вашей, но если вы не станете совать его в любую дыру, есть надежда на неразборчивость проверяющих.

— А как же вы? — удивился торговец. — Вы же остаетесь без документов!

Дряхлый бунтовщик равнодушно пожал плечами.

— Ну и что с того? Кстати, еще одна предосторожность — старайтесь помалкивать! У вас непривычное произношение и варварские обороты, а речь полна необычных архаизмов. Меньше разговоров — меньше подозрений. А теперь вернемся к дороге в город...

Не прошло и пяти минут, как торговец отправился в путь.

Всего лишь на одну секунду вернулся Мэллоу к дому опального патриция, прежде чем покинуть эти места. На следующее утро Онам Барр вышел в сад и обнаружил ящик. Там находились концентраты — продукты из привычного торговцам корабельного рациона. Вкус и способы приготовления были непривычны для старика, но на качество жаловаться не приходилось, да и хватило их надолго.

11

Техник оказался мал ростом, крайне упитан, ухоженная кожа его физиономии лоснилась. Небольшая лысина розовела сквозь поредевшую шевелюру. Пальцы сверкали многочисленными перстнями, одежда благоухала тонкими духами, и вообще, по мнению Мэллоу, это был первый человек на планете, которого не хотелось накормить.

Тонкие губы техника кривились в презрительной ухмылке.

— Быстрее. Мне некогда ждать. У меня спешные неотложные дела. А вы явно иноземец...

Он открыто разглядывал отнюдь не местный наряд торговца с резко выраженной подозрительностью.

— Я не местный, — хладнокровно заявил Мэллоу, — но это не имеет отношения к делу. Вчера я имел удовольствие послать вам небольшое подношение...

Нос техника задрался еще выше.

— Да, я получил ваше... подношение. Любопытная вещица. Я полагаю, ей найдется какое-нибудь применение...

— У меня в свою очередь нашлись бы не менее оригинальные подарки. Также из числа любопытных вещиц.

— Да ну?

В голосе техника звучали подозрительные нотки, и он тщательно выговаривал каждое слово.

— Вы знаете, незнакомец, мне кажется, что можно предугадать весь наш последующий разговор. Такое уже случалось. Вы сунете мне дешевую мелочь — пару потертых кредиток, что-то из одежды, безделушки... То есть нечто такое, чем вы, наивный крохобор, рассчитываете подкупить техника.

Техник гордо выпятил узкий подбородок.

— И я знаю наверняка, что вы попросите за вашу презренную мзду. Вы не первый обладатель светлых идей. Вы попросите места в клане техников! Вы посягнете на тайны управления машинами и

производства атомной энергии! Таких, как ты, собака Сайвенны, постигла заслуженная кара за бунтарские склонности, но вы надеетесь обойти закон, приобщившись к привилегиям и защите звания техника!..

Мэллоу собрался было вставить слово, но техник слишком увлекся своей речью.

— Убирайся отсюда! Или я сообщу о тебе протектору города! Ты рассчитываешь, что я опозорю свое наследственное право?! Возможно, что сайвеннские предатели, работавшие здесь до меня, не преминули бы так поступить... Но, клянусь Космосом, я — человек иной породы! И я способен убить вас немедленно за ваше подлое предложение!..

Торговец слушал гневный спич и улыбался про себя. Слишком искусственен был весь тон, все содержание заявления техника; и пафос благородного негодования плавно переходил в нелепый фарс.

Торговец внимательно посмотрел на пухлые пальчики коротких рук, которые должны были стать орудием его незамедлительной казни. Затем сказал:

— Ваша образованность, вы допускаете ошибку. Причем сразу по трем пунктам. Во-первых, я не являюсь шпионом вице-короля, перед которым поставили задачу проверить ваше верноподданическое рвение. Во-вторых, сам Император со всем его богатством не отказался бы обладать теми дарами, которые могу предложить я. И, в-третьих, взамен я попрошу совершенно ничтожную услугу. Можно сказать, пустяк.

— Слова, слова, слова! — техник прикрылся личиной сарказма. — И какой же дар, достойный самого Императора, способно предложить ваше неизмеримое могущество?! Дар, которым не обладает даже его величество?!

Техник разразился презрительным, намеренно громким смехом.

Торговец встал, отодвинул стул и сказал:

— Три дня я дожидался встречи с вашей высокообразованностью. Демонстрация же займет не более трех минут. Рядом с вашей рукой лежит бластер. Возьмите его и...

— И что?

— И выстрелите в меня. Этим вы меня очень обяжете.

— Вы с ума сошли?

— Ничуть. И если вы убьете меня, то скажете потом полиции, что убили взяткодателя, пытавшегося выведать тайны гильдии техников. Вам выразят благодарность. А если я останусь жив, то вы сможете получить мой щит.

Техник впервые обратил внимание на светящийся белый туман вокруг фигуры странного посетителя. Это смахивало на то, что его с ног до головы обсыпали жемчужной пудрой. Глаза техника блес-

нули недоверием и подозрением, он схватил бластер и нажал на спуск.

Частицы воздуха, попавшие в стремительный луч атомного распада, превращались в горящие ионы и лишь подчеркивали ослепительную полосу, которая разбилась о грудь торговца!

На лице Мэллоу застыло выражение долготерпения. Атомные вспышки врезались в серебристый туман вокруг торговца, линии рикошета таяли в воздухе комнаты — а лицо гостя не менялось!

Бластер техника упал на пол, но сам он даже не обратил на это внимания.

Раздался спокойный вопрос торговца:

— Есть ли у вашего Императора индивидуальная силовая защита? А у вас она может быть.

— Вы техник?

Вопрос хозяина был совершенно бессмыслен.

— Нет.

— Тогда откуда вы взяли ЭТО?!

— А вам не все равно? — холодно и равнодушно ответил Мэллоу. — Вопрос в том, хотите ли вы владеть этим...

Выпуклая неширокая цепь свернулась на письменном столе.

— Здесь полный комплект? — техник стал нервно ощупывать цепь.

— Да.

— А где источник питания?

Вместо ответа Мэллоу ткнул пальцем в самую большую выпуклость под толстой свинцовой оболочкой.

Лицо техника налилось кровью.

— Сэр, я техник высшей категории. Мой трудовой стаж более двадцати лет. Моим учителем в Транторийском университете был сам великий Блэр. Если ваша наглость осмелится повторить, что в этой шишке находится... э-э-э... атомный генератор, то я немедленно отправлю вас к протектору.

— Я заявляю, что это так. А вы уж, если сможете, разбирайтесь сами.

Лицо техника постепенно приобрело естественный оттенок. Он повязал цепь на пояс и, вслушиваясь в указания торговца, нажал нужную кнопку. Возникшее вокруг него свечение напоминало тускло сияющий барельеф. Техник поднял оружие, подумал и настроил бластер на самый щадящий минимальный режим.

Палец его судорожно нажал спуск. Атомный огонь полоснул человека по руке, не причинив никакого вреда.

Техник резко повернулся к Мэллоу.

— Вы не подумали, что я могу пристрелить вас теперь и оставить защиту себе?!

— Попытайтесь! — рассмеялся торговец. — Вы что, серьезно считаете, что я додумался бы отдать вам единственный экземпляр?

Вокруг Мэллоу блестело такое же свечение.

Техник нервно засмеялся. Затем бросил бластер на стол.

— И в чем же заключается пустяк, который вы хотите заполучить в обмен?

— Я хочу осмотреть ваши атомные генераторы.

— Вы что, не понимаете?! Это запрещено. Нас выбросят в открытый космос...

— Я не собираюсь их трогать или ломать. Я всего лишь посмотрю. На расстоянии.

— И в случае отказа..?

— В случае отказа щит останется у вас, но у меня отыщутся иные игрушки. Например, специальный бластер, способный пробить защитное поле.

Техник отвел глаза.

— Пройдите за мной, — сказал он.

12

Техник проживал в небольшом двухэтажном особняке, стоявшем совсем рядом с огромным серым строением без каких бы то ни было окон — в центре города. Из дома техника в помещения станции вел подземный переход. Мэллоу прошел по нему и оказался в тихом энергоблоке, воздух которого был насыщен озоном.

Более пятнадцати минут он следовал за своим провожатым, не произнося ни слова. Но глаза его отмечали любую малейшую деталь. Торговец не прикасался ни к чему. И наконец, техник глухо заговорил.

— Я полагаю, достаточно? В таком щекотливом деле я не могу доверять своим подчиненным...

— А в других делах доверяете? — в голосе торговца звучала неприкрытая ирония. — Впрочем, я удовлетворен.

Они возвратились в кабинет. Мэллоу задумчиво протянул:

— И все эти генераторы контролируются именно вами?..

— Все до единого.

Техник неожиданно стал необычайно услужливым.

— И вы следите за их рабочим состоянием?

— Совершенно верно.

— А в случае поломки?..

Техник впал в возмущенное состояние.

— Это невозможно! Поломка исключена. Все здесь построено на века.

— Вечность — абстрактное понятие. Давайте предположим...

— Я отказываюсь предполагать антинаучные вещи.

— Ладно. Предположите, что я уничтожил с помощью бластера жизненно необходимые вещи. Я не думаю, что ваша аппаратура защищена от атомного излучения... Допустим, я разрушил какие-то соединения или разнес вдребезги кварцевую Д-трубку?..

— В таком случае, — злобно заорал техник, — вы погибнете!!!

— Я и сам понимаю это! — торговец взревел еще громче. — Но что станет с генераторами?! Вы сумеете их отремонтировать?

— Сэр, — взвыл техник, — я поступил с вами более чем честно. Вы получили все, что хотели! Теперь прошу вас удалиться. Мы с вами в полном расчете!

Мэллоу шутовски склонился в низком поклоне и вышел.

Через два дня торговец прибыл на базу, где ждала его готовая к отлету на Термин «Далекая Звезда».

А еще спустя два дня силовой щит техника внезапно отключился. Техник долго ругался, потом еще дольше ломал голову над подарком — но он больше никогда не засветился снова.

13

В первый раз за последние полгода Мэллоу позволил себе расслабиться. Совершенно обнаженный, он развалился в солярии своего нового дома. Крупные загорелые руки торговца были закинуты за голову. Когда он потянулся, мышцы вначале вспухли, а потом вновь расслабились.

Сидевший рядом с ним человек поднес ко рту Мэллоу сигару и дал прикурить. Затем он пожевал кончик собственной сигары и сказал:

— Я полагаю, вы переутомились. Скажите, вам не требуется более длительный отдых?

— Возможно, что и понадобится, Джаэл. Но я предпочитаю отдыхать, сидя в кресле Совета, потому что я собираюсь заполучить такое кресло в свое распоряжение. И вы, Джаэл, должны будете мне в этом деле помочь.

Анкор Джаэл удивленно поднял брови.

— Ну, а при чем здесь я?

— Лучше вашей кандидатуры не сыскать. Во-первых, вы старый политический волк. Во-вторых, из кресла члена кабинета вас вытолкал не кто иной, как Джорин Сатт, который скорей позволит выколоть себе глаз, чем допустит меня в Совет. А, в-третьих, вы считаете, что мои шансы на это кресло оставляют желать лучшего?

Бывший министр образования покачал головой.

— Шансов у вас действительно немного. Вы ведь родом со Смирно...

— Для правового подтверждения это не аргумент. К тому же я получил светское образование.

— А с каких пор Сатт стал руководствоваться законами, кроме придуманных им лично?! Кстати, что там ваш человек, этот Хаим Твер? Что он говорит?

— Он настаивал, чтобы я баллотировался в Совет еще год тому назад, — Мэллоу был абсолютно спокоен, — но я не вникал в его рассуждения. В любом случае тогда ему не удалось бы такое провернуть. Не те задатки и не те способности. Слишком много шума и напора, но их, скорее, можно отнести к недостаткам. Я намерен добиться подлинного успеха, но для этого мне необходимы вы.

— Джорин Сатт — самый опытный политик на планете. И он против вас. Его перехитрить я не возьмусь. И не рассчитывайте с ним на игру в поддавки или на то, что он решит не пользоваться грязными приемами.

— У меня хватит денег...

— Это неплохо. Но для подавления старых предубеждений понадобится очень много денег. Не забывайте, вы — грязный смирнианец.

— У меня будет много денег.

— Ладно. Я обдумаю ваше предложение. Но предупреждаю: не ползайте потом передо мной на коленях и не вопите о том, что именно я уговорил вас ввязаться во всю эту историю. Кто это там?!

Мэллоу поджал губы.

— Там Джорин Сатт, собственной персоной, — сказал торговец, — Он явился раньше, и я понимаю причину этого. Лично я избегал встречи с ним несколько месяцев. Слушайте, Джаэл, идите-ка в другую комнату и включите потихоньку микрофон. Я хочу, чтоб вы все слышали.

Он выпроводил из комнаты члена Совета, подталкивая его голой ногой, затем накинул на голое тело шелковый халат. Искусственный солнечный свет плавно перешел в нормальное освещение.

Секретарь мэра вошел в комнату. Держался он на удивление скованно. Идущий за ним на цыпочках почтительный дворецкий прикрыл дверь.

Мэллоу завязал пояс халата.

— Садитесь на любой стул, Сатт.

Лицо Сатта изобразило вымученную улыбку. Он выбрал достаточно удобное кресло, но внутренний зажим не исчез, когда он опустился в него. Он сидел на самом краешке кресла.

— Ваши условия, Мэллоу,— сказал Сатт. — Изложите их — и перейдем к делу.

— Какие условия?

— Вы хотите, чтоб я вас уговаривал? Хорошо. Чем, к примеру, вы занимались на Кореллии? Тем более, что рапорт ваш отнюдь не полон...

— Когда я передал его вам несколько месяцев тому назад — вы были удовлетворены.

— Да, был, — Сатт задумчиво потер виски. — Но ваша деятельность с тех пор вызывает серьезные... размышления. У нас есть точная информация, торговец Мэллоу. Мы знаем достоверно, какие вы строите заводы, сколько это вам стоит, и в какой спешке все делается. А ваш дворец, — Сатт обвел помещение взглядом, где читалось ледяное равнодушие, — он обошелся вам в сумму, значительно превышающую мой годовой доход. Ну а связи, которые вы налаживаете в высшем свете Термина — они также требуют весьма значительных расходов.

— Пока что все, сказанное вами, только подтверждает наличие у вас способной сети шпионажа.

— Сказанное мной подтверждает то, что у вас сейчас есть такие деньги, каких не было еще год тому назад. И это может означать все, что угодно. На Кореллии могло произойти очень многое, о чем мы не имеем ни малейшего понятия. Откуда у вас деньги, Мэллоу?

— Я надеюсь, мой дорогой Сатт, что вы не рассчитываете на мой ответ?

— Разумеется, нет.

— Я и не сомневался. И поэтому я расскажу вам. Мои деньги достаются из сундуков Эспера, Командора Кореллии.

Сатт заморгал.

Мэллоу вежливо улыбнулся и продолжил.

— И к вашему неудовольствию, все деньги вполне законны. Как старший торговец я получил вознаграждение за проданную партию хромитов и железа, которую, в свою очередь, я получил от Командора Эспера за целый ряд всякой ерунды. По официальному соглашению с Фондом я имею полное право на пятьдесят процентов. И в тот день, когда все добропорядочные граждане платят подоходный налог, вторая половина прибыли поступает в казну.

— В вашем отчете отсутствует информация о торговых сделках...

— В нем также отсутствует информация о том, что я кушал на завтрак, там нет данных о моей последней любовнице, и еще о целом ряде подробностей, не касающихся дела.

В улыбке торговца сквозило презрение.

— Если напомнить вам ваши собственные слова, то я посылался с заданием глядеть в оба. Вот я и глядел. Вас интересовала судьба захваченных торговых кораблей Фонда? Я их не видел и не слышал. Вас интересовало наличие на Кореллии атомной энергетики? Мой отчет сообщает об атомных бластерах охраны. Иных подтверждений я не обнаружил. Возможно, что эти бластеры остались от Империи. А, может быть, они вообще для показухи. И даже не работают. Так что я следовал всем вашим указаниям. Но, кроме этого, я остаюсь

человеком, свободным в выборе остальных действий. В соответствии с законодательством Термина, старший торговец вправе изыскивать новые рынки сбыта и получать за совершенные операции половину прибыли. И какие же вы найдете возражения? Я их не вижу.

Сатт с трудом сдерживал ярость. Он воззрился на стену и тихо протянул:

— Существует обычай, принятый всеми торговцами, — вместе с торговлей стараться насаждать и религию.

— Я сторонник законов, а не обычаев.

— Иной обычай выше закона.

— Хорошо. Обратитесь в суд.

Глаза Сатта, казалось, утонули в провалах глазниц.

— Вы смирнианец, — угрюмо бросил Сатт. — Я вижу, образование и образ жизни не вытравили из вас внутреннего порока. Но выслушайте и постарайтесь понять меня. Религия превыше рынка и сделок. Открытия великого Хари Селдона подтверждают, что от нас зависит судьба будущей Галактической Империи. И мы не можем сворачивать с избранного пути, ведущего к ее созданию. Религия — наилучший механизм достижения такой цели. Благодаря ей нам удалось подчинить себе Четыре Королевства, причем в такой ситуации, когда они вполне могли раздавить нас. Человечеству неизвестно иное орудие, обеспечивающее контроль над людьми и мирами. Основание для развития торговли и создания торговой гильдии — стремление скорейшего распространения и укоренения религии. А также распространение новой технологии, находящейся под исключительным нашим контролем.

Сатт с трудом перевел дыхание.

— Я не хуже вас знаю теорию, — тихо заметил Мэллоу. — И прекрасно ее понимаю.

— Неужели?! Это превосходит все мои ожидания. Тогда вы, конечно, должны понять и то, что ваша торговля ради торговли, попытка создания массового производства ненужных вещей, попытка дискредитировать политику сосуществования и подчинить ее диктату чистых прибылей, попытка разделения использования атомной энергетики и доминирующей религии — все это способно привести к ликвидации и полному распаду политики, столь успешно зарекомендовавшей себя на протяжении последнего века.

— Слишком долгий срок, — с усталым безразличием вставил торговец, — слишком долгий для опасной, устаревшей и больше неприемлемой политики. Как бы успешен ни был прием религии в случае с Четырьмя Королевствами, вряд ли еще хотя бы один из миров Периферии согласится на подобное. Во времена установления контроля над Королевствами вполне хватало изгнанников — лишь Галактике ведомо истинное число их! — и все они в один голос твердили по всему космосу, как Сэлвор Хардин ухитрился исполь-

зовать своих жрецов и людские суеверия для того, чтобы монархи и правители окончательно потеряли свою власть. И если таких слухов было бы недостаточно, то история с Асконом, история двадцатилетней давности, внесла в ситуацию окончательную ясность. Любой правитель Периферии скорее перережет себе горло, чем пустит жрецов Термина на свою суверенную территорию.

Мэллоу встал.

— Сатт, я не собираюсь вынуждать Кореллию или какой-нибудь другой мир к тому, чего они не хотят. А по моим сведениям, они многого не хотят. Нет, Сатт, если атомная энергия способна сделать их опасными, то искренняя дружба, возникшая на основе торговли, окажется во много раз привлекательней хрупкого владычества, базирующегося на руководящей роли иноземного ненавистного духовенства. Если власть религии ослабнет, она тут же падет, и за ней потянется пыльный шлейф вечной ненависти и ужаса.

— Красиво сказано, — цинично заявил Сатт. — Но давайте вернемся к первоначальной теме. Изложите ваши условия. Что требуется вам, чтоб сменять свои убеждения на мои?

— Вы уверены, что мои убеждения продаются?

— А в чем проблема? — коротко бросил Сатт. — Разве купля-продажа — не ваша специальность?

Мэллоу не проявил обиды.

— Только в случае получения прибыли. А у вас нет ничего, чего бы я не имел.

— Вы могли бы оставлять себе не половину прибылей, а три четверти...

Торговец хрипло рассмеялся.

— Отличное предложение. Ваши условия торговли принесут мне в десять раз меньше прибыли, чем мои. Продолжим торговаться.

— Вы могли бы получить место в Совете.

— А я получу его и так. Назло вам и без вашей помощи.

Сатт гневно сжал руку в кулак.

— А также вы сможете избежать тюремного заключения, сроком в два десятилетия, если я смогу доказать необходимое. Положите-ка на весы и эту прибыль.

— Прибыль тут возможна лишь в одном случае. Если вы сумеете осуществить сказанное.

— Вас осудят за убийство.

— Чье убийство? — презрительно спросил торговец.

Сатт продолжал тихо, но крайне сурово:

— Убийство анакреонского миссионера, состоящего на службе у Фонда.

— Вон что у вас на уме... И какие тому доказательства?

Секретарь мэра весь подался вперед.

— Поймите, Мэллоу, это не блеф. Предварительное расследование уже закончено. Мне достаточно поставить свою подпись под последним документом, и начнется процесс: «Фонд против старшего торговца Мэллоу». Вы передали подданного Термина в руки взбешенной толпы, на смерть и мучения. И для предотвращения грозящего наказания вы имеете теперь всего пять секунд. А если учитывать мое мнение, то я предпочел бы, чтоб вы продолжили изворачиваться. Вы менее опасны в качестве уничтоженного врага, нежели в качестве сомнительного союзника, еще вчера бывшего врагом.

Мэллоу произнес с торжественными интонациями:

— Сатт, поступайте так, как велят вам ваши желания.

— Договорились! — злобно улыбнулся секретарь мэра. — Это ведь мэр настаивал на достижении компромисса, а не я. И вы обратили внимание, что я не особенно и старался?..

Хлопнула дверь, и Сатт вышел.

Снова хлопнула дверь, и Мэллоу посмотрел на Анкора Джаэла, появившегося в комнате.

— Вы слышали? — спросил торговец.

Старый политик опустился прямо на пол.

— Я давно знаком с этой змеей, но никогда раньше не видел ее настолько разъяренной.

— Хорошо. И что вы об этом думаете?

— Я? Послушайте меня, Мэллоу. Внешняя политика диктата с использованием религиозных методов — навязчивая идея Сатта, но мне все же кажется, что конечные намерения его весьма далеко лежат от подлинной духовности. Именно за подобное заявление меня и изгнали из кабинета. Впрочем, вам совершенно ни к чему выслушивать эту историю.

— Действительно ни к чему. И каково же ваше мнение относительно его антидуховных намерений и целей?

Джаэл стал серьезен.

— Он достаточно неглуп. И поэтому не может не видеть несостоятельность нашей религиозной политики, которая за последние семьдесят лет не принесла нам практически ни одной победы. Сатт использует ее в качестве орудия личной выгоды. Продолжим дальше. Любой догмат, базирующийся в основном на эмоциях и вере и используемый против других, — опасное оружие для его владельца, и нет никаких гарантий, что оно не обратится против тебя самого. Вот уже более века мы реанимируем ритуалы и мифотворчество, и с каждым годом они становятся все более традиционными, устарелыми и неподвижными. И с определенной точки зрения весь процесс давно вышел из-под нашего контроля.

— А что это за точка зрения? — требовательно спросил Мэллоу. — Продолжайте, продолжайте, мне интересны ваши рассуждения.

— Мэллоу, предположите человека — честолюбивого человека! — воспользовавшегося силой религиозности не за нас, а совсем наоборот...

— Вы намекаете на Сатта?

— Да. Я имею в виду именно его. Подумайте, Мэллоу, вдруг он сумеет мобилизовать многие структуры на подвластных планетах в защиту истинной веры — и направит эту силу против Фонда? Много ли у нас шансов выстоять? Он способен встать во главе ортодоксов и ревнителей веры, он возглавит святую борьбу с ересью, которая воплотится, к примеру, лично в вас — и в конце концов Сатт станет королем. Вспомните Хардина! «Хорошее оружие — атомный бластер, но он поворачивается в обе стороны.»

Мэллоу хлопнул ладонью по бедру.

— Отлично, Джаэл. Вы протаскиваете в Совет мою кандидатуру, и я стану бороться против него.

Джаэл помолчал.

— А если не удастся? — многозначительно спросил он. — Что там за миссионер, которого подвергли суду Линча? Я полагаю, все это ложь?..

— Отчего же? — беззаботно заявил торговец. — Истинная правда.

Джаэл присвистнул.

— А у Сатта найдутся веские доказательства?

— Я думаю, найдутся, — Мэллоу задумался, и после добавил. — Хаим Твер с самого начала являлся шпионом Сатта, хотя ни один их них не подозревал, что мне известно об этом. А Хаим Твер лично присутствовал при событии.

— Плохо дело, — покачал головой политик.

— Плохо? Отчего же?! Священник заявился на планету, нарушив все законы самого Термина. И не вызывало сомнений то, что кореллианские власти использовали его в качестве наживки. И не важно — преднамеренно или случайно. Если следовать указаниям здравого смысла, то мне не оставалось иного выбора, кроме как действовать в строгих рамках законности. Так что, привлекая меня к суду, Сатт не добьется ничего. И выставит себя в идиотском виде.

И снова старый политик отрицательно покачал головой.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, старший торговец Мэллоу. Я же напоминал вам, что Сатт использует грязные методы. Так что он и не собирается добиваться вашего осуждения. Он знает, что это будет вопреки законам. Но окончательно испортит вашу репутацию в глазах народа. Вы же слыхали его слова? Обычай зачастую превыше законности. Из зала суда вы выйдете незапятнанным, но люди, узнав о брошенном несчастном священнике, растерзанном толпой, отвернутся от вас. Каждый скажет, что ваш поступок разумен, что он

соответствует законодательству. Но тот же каждый назовет вас подлой собакой, злобным чудовищем и бессердечным животным. Так что никогда вас не выберут в Совет. Я считаю, что вы можете даже потерять статус старшего торговца, потому что проведут референдум по лишению вас гражданства. Что и требовалось Сатту.

Торговец Мэллоу упрямо сдвинул брови.

— И что же из всего этого следует?!

— Мальчик мой, — сказал Джаэл, — я буду рядом с вами, но вряд ли смогу чем-нибудь помочь. Вы на мушке.

14

Зал Совета был набит битком в прямом смысле этого слова. Шел четвертый день процесса «Фонд против старшего торговца Мэллоу». Единственный отсутствующий советник проклинал свою болезнь и мучительный постельный режим. Люди на галереях висели гроздьями; проходы заполнялись до потолка теми, кто смог проникнуть на заседание исключительно благодаря богатству, влиянию и чертовскому упорству. Не сумевшие пробиться в зал толкались около трехмерных экранов на площади перед зданием Совета.

Анкору Джаэлу удалось проникнуть в зал лишь под защитой полиции, и то ценой невероятных усилий.

Едва ли меньшая толпа преграждала ему путь к креслу обвиняемого, но, наконец, закончилась и она.

Мэллоу облегченно повернулся к нему.

— Хвала Селдону! Вы все-таки успели! Все ли вы взяли с собой?

— Возьмите, — ответил Джаэл. — Это все, о чем вы просили.

— Отлично. Что там, на улице?

— Народ вконец озверел, — Джаэл возбужденно дернулся. — Я считаю, вы не должны были доводить дело до открытого слушания.

— Я не собирался им мешать.

— Ходят толки о суде Линча. А люди Паблиса Мэнилоу на других планетах...

— Вот это как раз и интересует меня, Джаэл. Он поднимает против меня церковную иерархию, правда?

— Поднимает — не то слово! Вы никогда не видели ничего подобного. Как министр иностранных дел, он протащил обвинение на уровне галактического законодательства. А как Верховный жрец и глава духовенства он доводит до бешенства легионы фанатиков...

— Успокойтесь и наплюйте. Вы не забыли афоризм Хардина? Ну, вы еще сами напомнили мне его?.. Сегодня мы покажем всем, как атомный бластер способен стрелять в разные стороны.

Мэр опустился в свое кресло. Весь Совет встал, приветствуя его.

— Сегодня мой день, — прошептал торговец Мэллоу. — Садитесь рядом и глядите на представление.

Слушание дела началось. Не прошло и пятнадцати минут, как Хобер Мэллоу подошел к пустому пространству перед кафедрой мэра, сопровождаемый злобным шипением зала. Острый луч прожектора взял его в светящийся круг, и на площадных экранах, и на экранах каждого дома всех планет Фонда возник крепко сбитый человек, рискнувший в одиночку бросить обществу перчатку.

Заговорил он тихо и спокойно.

— Для экономии общего времени я признаю все выдвинутые против меня пункты обвинения. Приведенная прокурором информация о священнике и толпе кореллианцев полностью соответствует истине во всех изложенных подробностях.

Гул пробежал по залу и перерос в торжествующий рев галерки. Мэллоу терпеливо подождал, пока все стихнет.

— Однако представленной обвинением картине недостает нескольких деталей. И я прошу разрешения предоставить необходимые факты в том виде, в каком сочту нужным. Возможно, вначале мой рассказ покажется не относящимся к теме заседания, но я умоляю всех быть терпеливыми.

Разные записи лежали перед торговцем, но он не заглядывал в написанное.

— И начну я с того же, с чего начинало и обвинение. С того дня, когда я имел честь беседовать с Джорином Саттом и Хаимом Твером. Происходившее во время этих бесед вам хорошо известно. Наши встречи неоднократно воспроизводились в зале, и мне нечего добавить по этому поводу. Но у меня есть некоторые соображения, появившиеся в результате состоявшихся разговоров. И соображения мои были насыщены подозрениями — ибо многое показалось мне тогда непонятным. Судите сами! Два разных человека, почти незнакомых со мной, обращаются ко мне со странными, почти невозможными предложениями! Первый из них, секретарь мэра, убеждает меня стать правительственным агентом, участвовать в крайне секретном деле, суть которого здесь неоднократно излагалась. Второй же, новоявленный лидер политической партии, уговаривает меня баллотироваться в члены Совета.

Разумеется, я тут же принялся искать скрытые мотивы. Намерения Сатта были понятны. Он не доверял мне. Может быть, он считал, что торговец Мэллоу продает ядерную технологию врагам и планирует бунт. Или он просто старался ускорить события. Или он думал, что ускоряет их в нужном направлении... В любом случае рядом со мной должен был находиться соглядатай, пока я выполнял свое шпионское задание. Но до этого я додумался позднее — когда в события вмешался Хаим Твер.

Рассудите здраво! Твер представляется мне в качестве торговца, занявшегося политикой, но я ничего не слышал о торговце Хаиме Твере! И смею заверить всех присутствующих, что мои познания в данной области выше всяких претензий. Далее, Твер все время хвастается своим светским образованием, и при этом ничего не знает о кризисе Селдона!

Хобер Мэллоу выдержал серьезную паузу. Он хотел, чтобы значение сказанного прочно вошло в сознание слушателей. И впервые в зале царила тишина. Даже буйная галерка затаила дыхание. Впрочем, это касалось лишь коренного населения Термина. В трансляции для жителей внешних планет шел откорректированный вариант, прошедший цензуру, и полностью соответствовавший религиозным требованиям. Ведь там и слыхом не слыхивали о кризисах Селдона. Хотя найдутся и другие моменты, не прошедшие мимо множества ушей.

— Кто в этом зале, — продолжал Мэллоу, — может представить себе человека, получившего светское образование и при этом ничего не знающего о кризисе Селдона?! Фонд подразумевает лишь один тип образования, из которого исключено всякое упоминание о теории планирования исторических процессов, разработанной Хари Селдоном, где сам Селдон выступает чуть ли не в образе мистического чудотворца... Поэтому я сразу понял, что Хаим Твер никогда не был торговцем. Он явно входил в число избранных и мог носить сан жреца! И стало совершенно ясно, что последние три года, будучи в качестве лидера политической партии, на самом деле он был оплачиваемым агентом Джорина Сатта!

Правда, тогда я действовал вслепую. Планы Сатта относительно меня оставались загадкой, но он позволил мне действовать с достаточной свободой в расчете на мои же ошибки. И я не преминул подкинуть ему пару ловушек собственного изготовления. Естественно, я понимал, что сопровождающий меня в путешествии Твер станет выполнять функции полуофициального соглядатая. А если бы я отказался от его услуг, то возможны были бы иные западни, которые я мог бы и не разглядеть. Так что я сам согласился на предложение Твера. И он согласился лететь со мной.

Господа советники, это объясняет два момента. Во-первых, это подтверждает тот факт, что Твер не входит в число моих друзей, и показания он дает отнюдь не «неохотно и лишь под давлением угрызений совести»! Хотя обвинение настаивает на таком объяснении. Твер — шпион, и за работу он получает вознаграждение. Во-вторых, это объясняет один мой поступок в отношении миссионера, поступок, предпринятый мной в отношении человека, чье убийство мне пытаются приписать, и поступок, неизвестный досточтимому Совету. Здесь он пока ни разу не упоминался!

По ряду советников пробежал обеспокоенный шепот.

Мэллоу снова выдержал театральную паузу.

— Мне стыдно вспоминать те ощущения, которые возникли у меня при сообщении о наличии на борту беглого миссионера. А описывать их мне еще более стыдно. В основном, у меня появилось ощущение крайнего неудобства и неуверенности. Сначала я предположил, что это ход Сатта, и не вник до конца в его суть. Я, старший торговец, был в полной растерянности.

У меня оставался лишь один выход. Я послал Твера за моими офицерами, тем самым удалив его из рубки на пять минут. Затем я немедленно включил видеозаписывающую аппаратуру, чтобы иметь потом возможность проанализировать случившееся. У меня была надежда — искренняя отчаянная надежда, что я все же смогу разобраться в происходящем.

Раз пятьдесят я просматривал сделанную запись. Теперь я взял ее с собой, и мы с вами в этом зале просмотрим ее в пятьдесят первый раз.

Спокойствие зала мгновенно исчезло, и галерка вновь взревела. Монотонным голосом мэр призвал к порядку. В пяти миллионах дюмов Термина заинтригованные зрители не отрывались от экранов. Сидящий на скамье обвинения Джорин Сатт презрительно покачал головой, посмотрел на взволнованного Верховного жреца, и снова пылающим взором впился в Мэллоу.

Освободили центр зала и приглушили освещение. Анкор Джаэл, расположившись на крайней левой скамье, занялся настройкой аппаратуры. Щелкнул тумблер, и посреди зала ожило трехмерное цветное изображение памятной сцены. Совершенно как в действительности.

Испуганный, потрепанный священник стоял между сержантом и лейтенантом. В молчании ожидал трехмерный Мэллоу. Затем появились члены экипажа, и последним — Хаим Твер.

Слово в слово повторился весь разговор. Миссионер подвергся допросу, сержант получил взыскание. За кадром возникла толпа, и донесся ее дикий рев. Джорд Парма вновь взмолился о милосердии и произнес свою речь. Мэллоу снова взялся за оружие. Миссионера поволокли к выходу, он вздымал руки к небесам, выкрикивая последние проклятия. Тут-то и возникла крохотная незаметная вспышка света, возникла — и тут же исчезла.

В конце сцены офицеры в ужасе застыли наподобие статуй, трясущийся Твер зажал себе уши, а торговец опустил оружие.

Зажегся свет в зале. Пустота в центре так и осталась незанятой. И реальный Мэллоу во плоти продолжил свой рассказ.

— Как вы успели заметить, все происходящее полностью соответствовало изложению обвинения. Но соответствовало лишь по

форме. Кстати, поведение Хаима Твера во время инцидента совершенно неоспоримо доказывает его религиозное образование.

Именно в тот день я отметил в присутствии Твера некоторые странности случившегося. Я спросил его, откуда в пустынном месте, где находились мы, мог ни с того ни с сего взяться миссионер? Далее возник следующий вопрос: откуда появилась толпа, если до ближайшего крупного города было не менее сотни миль. Причем обвинение решило не обращать внимания на эти несуразности.

Остановимся на следующих нюансах. Не любопытно ли вам, почему Джорд Парма оказался столь приметной фигурой? Незаконно объявившийся на Кореллии миссионер рискует жизнью, так как нарушает законы и Фонда, и Кореллии — меж тем он преспокойно разгуливает в новеньком одеянии, подтверждающем его принадлежность к ревнителям веры. Попахивает липой! Я сначала подумал, что Парма стал вольным или невольным пособником Командора Эспера, который пытается спровоцировать нас на проявление незаконной агрессии — и уничтожение корабля со всем экипажем юридически будет полностью соответствовать законодательству.

Обвинение могло предвидеть такие аргументы с моей стороны. И оно ожидало моих объяснений о безопасности корабля и команды, о значимости моей миссии, по сравнению с которой жизнь одного человека ничего не значит, потому что человек этот был бы уничтожен в любом случае. И на такие возражения были подготовлены ответы о чести Фонда и требованиях подтверждать поступками его достоинство для сохранения оснований нашего превосходства над остальными.

Однако обвинение по непонятным причинам решило пренебречь самим Джордом Парма как реально существующим человеком. Почему-то не предоставлены на суде данные о нем — место рождения, наличие образования, предшествующая трагедии жизнь и так далее. Этот странный факт связан напрямую с некоторыми странностями просмотренной вами записи.

Обвинение и не могло предоставить данных о Джорде Парма. Сцена, которую вы видели, абсолютно неестественна! Ибо Джорда Парма не существует в природе! Ни сейчас, ни ранее... И весь мой процесс выглядит фарсом, ибо строится на фундаменте, которого нет!

И снова Мэллоу ждал, пока утихнет шум в зале.

— Господа, — медленно сказал он, — я покажу вам увеличенное изображение лишь одного из кадров записи. И оно ответит само за себя. Джаэл, уберите свет.

Стало темно, и в пустоте центра зала вновь всплыли застывшие призраки участников события. Неловкие, неестественные позы офицеров, оружие в негнущейся руке торговца Мэллоу, Джорд Парма, замерший в проклинающем движении... Руки его были подняты, рукава опали до локтей и...

И на руке у миссионера блестела крохотная точка, которая при обычном просмотре выглядела незаметной вспышкой. Но теперь вспышка застыла, как и все.

— Обратите внимание на свечение у запястья, — крикнул Мэллоу. — Джаэл, дайте увеличение.

Изображение резко увеличилось. Исчезли боковые детали, а превратившийся в гиганта миссионер сместился к центру. Затем от великана остались лишь голова и рука, и наконец — одна рука, заполнившая всю пустоту. Она висела в воздухе наподобие огромной туманности.

Светящаяся точка превратилась в три буквы.

КТП.

— Это татуировка, господа, — громко прозвучал в наступившей тишине голос Мэллоу. — Она невидима при обыкновенном свете, но я наполнил помещение ультрафиолетом, и она проявилась весьма отчетливо. Я понимаю, наивный и нелепый метод, но вполне действенный на Кореллии, где нет на каждом перекрестке ультрафиолетового освещения! Кстати, я и на корабле-то нашел его чисто случайно.

Я подозреваю, что некоторые из вас уже поняли смысл аббревиатуры. Джорд Парма был отличным актером и потрясающе сыграл свою роль. Он был знаток жреческого сленга. И он носил татуировку, означающую «Кореллианская Тайная Полиция!»

Дальнейшее Мэллоу кричал сквозь суматоху и вопли публики.

— Я найду и документальные подтверждения! Я привез их с Кореллии! И если требуется, я могу предоставить их на рассмотрение совета!.. Обвинение, я не слышу ваших возражений! Вы же неоднократно распинались здесь, что я просто обязан был вступиться вопреки законности за несчастного миссионера и наплевать при этом на собственное задание, принося себя, команду и корабль в жертву достоинству Фонда... Ради кого? Ради самозванца?!

Идти на смерть ради агента тайной полиции Кореллии, ряженого в рясу и поднатаскавшегося в жреческом сленге у какого-нибудь беженца с Анакреона?! Так ведь это Паблису Мэнилоу и Джорину Сатту было нужно, чтобы я сунулся в их нелепую, бестолковую ловушку!..

Рев толпы перекрыл охрипший баритон торговца. Его подхватили на руки и повлекли к кафедре мэра. В окно хорошо были видны огромные потоки людей, вливавшиеся в тысячные толпы на площади. Мэллоу попытался найти взглядом Анкора Джаэла, но различить конкретное лицо в бушующем море он не смог. Постепенно из гула вычленились ритмичные выкрики, разросшиеся из тихого ропота до бешеной пульсации...

«Да здравствует Мэллоу! Да здравствует Мэллоу! Да здравствует...»

15

Анкор Джаэл посмотрел на торговца. Сам Джаэл был изможден до крайности. За последние двое сумасшедших дней спать ему не довелось ни минуты.

— Мэллоу, вы сумели устроить потрясающий спектакль. Поэтому не стоит портить впечатление, стараясь забраться еще выше. Не можете же вы всерьез выдвинуть свою кандидатуру на пост мэра! Симпатии толпы настолько же мощны, насколько и непостоянны...

— Совершенно верно! — хмуро ответил Мэллоу. — И мы должны поощрять эти симпатии. А лучший способ — продолжение спектакля.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, что вы должны взять под арест Паблиса Мэнилоу и Джорина Сатта.

— Что?!

— То, что слышите. Пусть мэр арестует их! И мне плевать, какие угрозы вы для этого предъявите ему! Сегодня я держу народ под контролем. И мэр не посмеет предстать перед толпами.

— А какие я могу предъявить обвинения?

— Самые реальные. Обвините их в подстрекательстве всего жреческого состава внешних планет на участие во фракционной борьбе. И клянусь Селдоном, это абсолютно противозаконно. Также обвините их в покушении на безопасность государства. А какой из этого выйдет приговор, мне безразлично. Им же было безразлично, какой приговор заслужу я?! Главное, необходимо парализовать их деятельность до того времени, пока я не стану мэром.

— Но до выборов больше полугода!

— Это не так долго! — торговец вскочил на ноги и крепко сжал руку Джаэла. — И поймите: в случае чего, я захвачу власть силой! Разве не так же поступил Сэлвор Хардин век тому назад?! Несмотря на наши споры, надвигается кризис Селдона, и к тому моменту, когда он разразится, я должен быть мэром и Верховным жрецом одновременно! Одновременно!!!

Анкор Джаэл нахмурился. Затем тихо спросил:

— Кто будет катализатором? Кореллия?

— Да, — кивнул Мэллоу. — Они объявят войну рано или поздно, но думаю, что не раньше, чем через пару лет.

— И с атомной флотилией?

— А что вы предполагали? Та тройка торговых кораблей, что исчезла в их секторе, была сбита боевыми крейсерами Эспера. И атомные корабли они получают от самой Империи! Закройте рот, Джаэл, у вас совершенно дурацкий вид. Я повторяю — от Империи! Она по-прежнему существует. С Периферии Империя ушла, но в центре Галактики ее позиции весьма устойчивы. Одна наша ошибка,

и Империя вновь усядется нам на шею. Именно по этой причине я обязан совместить посты мэра и Верховного жреца. И я единственный, кто знает, как надо бороться с кризисом...

— Как? — у Джаэла пересохло в горле. — ...что вы намерены делать?!

— Ничего.

— Да ну? — Джаэл робко улыбнулся. — И все?

— И все! — язвительно заметил Мэллоу. — Встав во главе Фонда, я не намерен ничего делать. Абсолютно ничего. И в этом секрет решения кризиса.

16

Командор Кореллианской республики, Эспер Арго Благословенный, виновато опустил глаза при появлении своей супруги. Он прекрасно понимал, что присвоенные им эпитеты на нее никак не действуют. И супруга подтвердила этот факт своим холодным тоном.

— Как я понимаю, мой досточтимый господин наконец соблаговолил принять решение касательно судьбы этих наглецов из Фонда?

— Правда? — с кислой миной спросил Командор. — И что же еще полагает ваш разносторонний ум?

— Он полагает многое, уважаемый муж. Вы провели очередную бурную консультацию с нашими советчиками. То есть советниками.

В ее голосе звучало бесконечное презрение.

— Шайка бесполезных, незрячих тупиц, упрямо держащихся за свои тощие прибыли в тот момент, когда они чувствуют недовольство моего державного отца.

Последовал кроткий вопрос Эспера:

— Скажите, дорогая, а откуда бьет источник вашей замечательной осведомленности? Ведь именно благодаря ему вы все так хорошо понимаете...

— Если я выдам его координаты, — засмеялась командорша, — вместо информации он станет вскоре пахнуть покойницкой...

Командор пожал плечами.

— Хорошо. Вы, как всегда, говорите весьма убедительно. А что касается недовольства вашего державного папеньки, то я опасаюсь, что оно не замедлит проявиться в отказе. Отказе на несколько дополнительных кораблей.

— Ах, дополнительные корабли! — взвилась супруга. — У вас уже есть пять. И только посмейте отрицать! И еще шесть кораблей вам обещаны!

— Обещаны, но еще в прошлом году.

— Вам хватит и одного крейсера, чтоб вдребезги разнести их поганый Фонд. Этого же корабля хватит, чтоб выгнать из космоса их скорлупки.

— Да, но на их планету я не смогу напасть и с дюжиной крейсеров.

— А долго ли продержится планета, если уничтожить их торговлю и сжечь грузы разного продажного мусора?!

— Ох, и дорого же стоит этот мусор, — вздохнул Командор Эспер.

— Но ведь весь Фонд попадет к вам в руки! И все их имущество станет принадлежать вам! Кроме того, заслужив благодарность и уважение моего отца, вы приобретете в сто раз больше, чем может дать вам ваш Фонд! Вот уже три года прошло с тех пор, когда прилетевший варвар демонстрировал свои жалкие трюки. Вполне достаточный срок.

— Дорогая! — Командор повернулся к ней лицом. — Я старею. Я устал. И у меня не хватает сил выдерживать вашу болтовню. Вы утверждаете, что знаете принятое мной решение. Вот оно. Между Кореллией и Фондом начались военные действия.

— Отлично! — жена Командора выпрямилась, глаза ее заблестели. — Несмотря на ваше старческое слабоумие, в вас впервые проявилась государственная мудрость. Когда Эспер станет владыкой этих занюханных окраин, то, возможно, вес его поднимется настолько, что даже в Империи поймут его значимость. И тогда мы сумеем покинуть окружающие дебри космоса и прибыть ко двору вице-короля. Собственно, так оно и будет.

Супруга повернулась и с улыбкой на разрумянившемся лице вышла из комнаты. Прическа ее поблескивала в тусклом освещении.

Командор выжидал. Дверь закрылась. Эспер помолчал и обратился к двери с неожиданной ненавистью.

— Когда Эспер станет владыкой этих, извините, занюханных окраин, он станет достаточно уважаемой личностью, дорогая, чтобы обойтись без советов вашего папаши и зазнайства его обожаемой дочери! Вот так-то!..

17

Старший лейтенант «Черной Туманности» в ужасе уставился на экран.

— Разрази меня Галактика! — вместо крика он говорил срывающимся шепотом. — Что это такое?!.

Это был корабль. И в сравнении с ним «Черная Туманность» выглядела килькой рядом с кашалотом. На борту гигантского судна сиял герб Империи — Космолет и Светило. Зазвенели все зуммеры тревоги «Черной Туманности». Полетели приказы, и патрульный ко-

рабль приготовился в лучшем случае к бегству, а в худшем — к битве. Из его ультразвуковой рубки через пространство понеслись истерические сообщения в Фонд: Всем, всем, всем! Просьба о помощи, но главным образом — сообщение о надвигающейся опасности.

18

Хобер Мэллоу перевернул очередную страницу доклада и устало пошевелил ногами. За последние два года, пребывая на посту мэра, он почти перестал бывать дома, стал мягче, терпеливее и покладистее, но он по-прежнему не любил официальные доклады и их невероятно нудный жаргон правительственных сообщений.

— Ну, и сколько кораблей они успели захватить? — спросил у него Джаэл.

— Четыре были задержаны на космодроме. Два пропали без вести. Дислокация всех остальных хорошо известна. Они в безопасности.

Мэллоу помолчал.

— Я бы предпочел обойтись совсем без потерь, — сказал он, — но и это всего лишь царапины.

Джаэл не ответил. Мэллоу посмотрел на него.

— У вас проблемы, Анкор?

Ответ был внешне не связан с темой беседы.

— Я бы предпочел, чтобы Сатт оказался здесь.

— Разумеется... И мы бы слушали очередной доклад о тяжком положении на внутренних фронтах.

— Вряд ли, — не согласился Джаэл. — Вы упрямец, Мэллоу. Я охотно поверю, что вы изучили международную обстановку подробнейшим образом, но на происходящее с нашей планетой вам всегда было плевать.

— А это уже не моя епархия, а ваша! Иначе зачем бы я ставил вас министром пропаганды и образования?!

— Видимо, с целью пораньше свести меня в могилу — если судить по оказываемой вами помощи. Весь последний год я регулярно твержу вам о растущей угрозе со стороны Сатта и его партии. Если ему удастся вынудить нас на чрезвычайные выборы и сместить вас с поста — что будет со всеми вашими грандиозными планами?

— Ничего не будет...

— И поэтому вы вчера в своей речи практически передали Сатту победу, да еще с улыбкой и пожатием рук?

— Анкор, вы не слышали такой афоризм: «Украсть чужую победу»?

— Слышал, — резко перебил его Джаэл, — но это не тот случай. Вы заявляете, что предвидели все наперед, но не объясняете, из каких соображений вы продолжали три года торговать с Кореллией, при-

лося им выгоду в одностороннем порядке. Ваш план ведения войны заключается в отсутствии планов и устранении без боя. Торговля со всеми секторами, прилегающими к Кореллии, прекращена. Пиковая ситуация объявлена вслух. И наступления вы не обещаете нам даже в обозримом будущем! Клянусь Галактикой, Мэллоу, как я должен понимать всю эту несуразицу?!

— А что, моим действиям недостает изящества?

— Они не оказывают воздействия на толпу. Эмоционального воздействия.

— А я считаю, что оказывают.

— Мэллоу, очнитесь. У вас осталось два варианта. Либо независимо от ваших личных взглядов вы кинете массам динамичную внешнюю политику, либо вы допустите какой-нибудь компромисс с Джорином Саттом.

— Ладно, — кивнул Мэллоу, — если я не смог убедить одного, попытаемся убедить другого. Сатт ждет в приемной.

Мэллоу и Сатт не встречались более двух лет — то есть со дня процесса. Внешне все выглядело по-прежнему, без видимых перемен, если не считать неуловимого ощущения, что за это время правитель и оппозиция кардинально поменялись местами.

Сатт сел в кресло. Руки он не подал.

Мэллоу предложил гостю сигару. Затем сказал:

— Вы не возражаете против присутствия Джаэла? Он искренне надеется на компромисс. Так что если мы перейдем границы вежливости, он сыграет роль посредника.

Сатт пожал плечами.

— Компромисс для вас — лучший выход, Мэллоу. Однажды я уже предлагал вам изложить ваши условия. Но я надеюсь, вы понимаете, что сегодня мы на противоположных рубежах?

— Совершенно верно.

— Тогда сообщаю мои условия. Я требую с вашей стороны отказа от порочной политики экономического шантажа и возвращения к проверенной политике наших предков.

— То есть вы имеете в виду завоевания через жреческий корпус и миссионерскую деятельность?

— Да.

— И это условия для компромисса?

— Да.

— Так.., — Мэллоу зажег сигару и медленно раскуривал ее до тех пор, пока кончик не стал ярко-красным. — В эпоху Хардина, когда установление диктата путем миссионерства являлось новшеством, такие люди, как вы, Сатт, были противниками нового. Сегодня такая политика опробована и испытана — и она вполне устраивает Джорина Сатта. И теперь ответьте мне, каким образом вы собираетесь спасать ситуацию?

— Вашу ситуацию. Я не приложил к ней рук.

— Допустим. Если вам больше нравится ваша формулировка, считайте, что я согласен.

— Очевидно, что требуются смелые решительные действия. Удовлетворяющее вас затишье для всех смертельно. Оно подтверждает нашу слабость перед всеми мирами Периферии. Если же мы не проявим силу, там найдется множество стервятников, которые тут же кинутся на труп в надежде урвать свой кусок падали. И вы не можете не понимать этого. Ведь вы со Смирно?

Мэллоу не обратил внимание на многозначительность финала.

— А если вы разобьете Кореллию, — спросил он, — что тогда станете делать с Империей? Ведь настоящий наш враг — она?

У улыбающегося Сатта задрожали уголки рта.

— Ну как же?! Ваш отчет о визите на Сайвенну был всеобъемлющ! Вице-король Норманского сектора заинтересован в расколе Периферии, но это для него не главное. Он не рискнет поставить на карту провинции, в окружении десятка враждебных соседей и имея под боком Императора, против которого собирается взбунтоваться. Это ваши собственные слова.

— Если вице-король сочтет нас достаточно серьезным противником, Сатт, то он может рискнуть. Ведь тогда мы — реальная опасность. А мы дадим ему повод так думать, если уничтожим Кореллию мощным открытым ударом. Так что приходится хитрить...

— Приведите пример.

— Сатт, — Мэллоу откинулся на спинку кресла, — я даю вам шанс. Вы мне не нравитесь, но использовать вас я могу. Так что я посвящу вас в свои планы, а там вы можете выбирать — присоединиться ко мне и получить пост в кабинете или отправиться в тюрьму, заняв пост святого мученика.

— Вы уже пытались использовать такой трюк...

— Но я не настоял на нем. А сейчас такое время пришло.

Мэллоу прищурился.

— Слушайте. Во время первого приземления на Кореллию я купил Командора Эспера всякой ерундой и приборами из стандартного арсенала любого торговца. Вначале я хотел за счет этого попасть на сталелитейный завод. В этом я преуспел, но дальше у меня не было планов. Я получил необходимую информацию. Но лишь посетив Империю, я понял, какое мощное оружие — торговля. Мы вошли в период кризиса Селдона, Сатт, а преодолеть подобный кризис может не отдельный человек, но историческая закономерность. Планируя прогресс нашей истории, Хари Селдон не рассчитывал на героев. Он рассчитывал на обширные внутренние течения в социуме и экономике. Так что каждый реальный кризис должен решаться теми средствами, которые есть в наличии. У нас в наличии — торговля!

Сатт скептически поднял бровь и влез в создавшуюся паузу.

— Возможно, я глуп, но ваша лекция не особенно просветила меня.

— Скоро просветитесь, — сказал Мэллоу. — Поймите, что мы недооцениваем торговые отношения. Мы надеялись исключительно на жрецов, находящихся в сфере нашего влияния. А это неправильно. Вот в этом и состоит мой вклад в политику Периферии. Торговля без религии! Только торговля! И ее сил достаточно. Давайте поговорим просто и конкретно. Кореллия вступила с нами в войну. Следовательно, мы прекратили с ними торговать. И теперь я свожу разъяснения к простой арифметической задаче. Мы внедрили у них атомную энергетику, и последние три года экономика базировалась лишь на проданной нами технике. Поставляем ее опять же только мы. И как вы думаете, что случится, когда крохотные атомные генераторы станут барахлить, ломаться, и различные устройства одно за другим станут выходить из строя? Первыми будут мелкие бытовые приборы. Вы ненавидите наше затишье, но через полгода атомный нож домохозяйки не захочет резать мясо. А печь перестанет жарить. Моечная машина откажет в стирке. А в летнюю жару откажет кондиционер и регулятор температуры. Что дальше?

Он подождал. Сатт равнодушно ответил:

— Ерунда. Во время войны люди способны обойтись и без этого.

— Конечно. Они согласны отправить детей на страшную гибель в разбитых кораблях. Они терпят бомбежки врага, питаются черствым хлебом и пьют протухшую воду. Они живут в бомбоубежищах. Но затишье будет продолжаться. И в его нудном болоте трудно обойтись без привычных мелочей. Бомбардировок нет. Трудностей тоже нет. Битвы отсутствуют. Но есть не режущий нож, не работающая печь, и промерзший насквозь дом. Это раздражает. Начнется ропот.

Сатт спросил медленно и с крайним любопытством:

— На этом вы построили свои расчеты? Надежда на восстание домработниц? Жакерия клерков? Бунт мясников и бакалейщиков, схвативших хлебные ножи и кричащих: «Верните нам стиральные машины фирмы «Мэллоу и К»?!

— Нет, — нетерпеливо перебил его Мэллоу, — я не жду ничего подобного. Но я ожидаю недовольства, охватывающего все большие слои населения.

— Какие еще слои?

— Фабриканты, производственники, экономисты Кореллии. Через два года того же затишья на их предприятиях машины выйдут из строя. Все отрасли, где устаревшее оборудование было заменено на новое — проданное нами! — потерпят жесточайший крах. Вся тяжелая промышленность одновременно останется не у дел, и кроме нашего неработающего оборудования у них не будет ничего.

— Но их промышленность и до вашего появления работала достаточно продуктивно.

— Работала... Но прибыли были в двадцать раз меньше сегодняшних. Кстати, даже без учета возвращения в доатомное состояние, а это весьма дорого. Сколько может продержаться воинственный Командор против промышленников, финансистов и простых сограждан?

— Сколько угодно. Если, конечно, сообразит закупить новые атомные генераторы в Империи.

Мэллоу довольно засмеялся.

— Вы ошибаетесь, Сатт, причем точно так же, как ошибается Командор Эспер. Вы тоже ничего не поняли. Поймите, Империя не в состоянии заменить что бы то ни было. Их ресурсы всегда были слишком огромны. Империя ведет счет на планеты, системы, звезды. Они мыслят колоссальными категориями, и генераторы их гигантские... в отличие от наших. Наш крохотный Фонд, изолированный от всех, всегда жил в режиме жесточайшей экономии. Наши генераторы не превышали размеров большого пальца — на большее у нас просто не хватило бы металла. И мы сумели разработать новые методы и новую технологию, а Империя не может перенять их, поскольку их деградация опустилась ниже черты, от которой еще возможен возврат. Они не развиваются, они сохраняют. Ясно?!

Создавая гигантские атомные щиты для городов, кораблей, миров, они так и не сумели сотворить такое же укрытие для одного человека. Я видел их двигатели для обеспечения электроснабжения городов — они размером с пятиэтажный дом! А наши можно разместить в моей комнате! Я там заявил одному специалисту по атомной энергетике, что контейнер величиной с грецкий орех содержит ядерный генератор — так он чуть не подавился собственной слюной прямо на месте.

Но сейчас они даже не в состоянии разобраться, как же работают их собственные гиганты. Все машины вот уже множество поколений работают в автоматическом режиме, а присматривающие за ними люди превратились в членов полурелигиозной наследственной касты техников. И если во всей этой махине перегорит какая-нибудь микроскопическая трубка, они будут беспомощнее новорожденных!

Вся наша война — война между Империей и Фондом, война между двумя системами — это сражение великого и крошечного! Они пытаются взять под контроль новый мир и предлагают взятку. Взятку в виде огромного крейсера! Такой корабль прекрасно используется для военных действий, но бесполезен для экономики. Мы же покупаем власть всякими мелочами, ненужными во время войны, но крайне необходимыми для ежедневного существования и извлечения прибылей.

Вице-король, Командор или иной правитель в подобной ситуации изберет крейсер и пойдет на войну. Правителям привычно разменивать благосостояние своих народов на фальшивую монету ложной чести, славы и победы. Но мелочи — главное в нашей жизни, и Командору Эсперу не устоять перед волной экономической депрессии, которая зальет всю Кореллию за ближайшие два-три года!

Сатт неподвижно стоял у окна, повернувшись спиной к Мэллоу и Джаэлу. За окном сгущались сумерки, и некоторые звезды уже замерцали на краю Галактики — там, где была еще могучая Империя, была и стояла перед маленьким Фондом. Боролась против него.

— Нет, — сказал Сатт. — Вы не тот человек.

— Вы не верите мне?

— Я не доверяю вам. Слишком уж гладко вы говорите. В свое время я полагал, что достаточно контролирую вас — во время первого полета на Кореллию. Вы одурачили меня в тот раз. Я считал, что вы на процессе уже загнаны в угол — но вы, опытный демагог, сумели выкрутиться и забраться при этом в кресло мэра. Вы не дилетант, Мэллоу. У вас за любым действием скрывается несколько мотивов. У каждого вашего высказывания не меньше трех значений. А вдруг вы шпион? Допустим, что Империя пообещала вам финансовую помощь и будущую власть... При таких исходных данных вы вели бы себя точно так же, как и сейчас. Вы вступили бы в войну, укрепив предварительно торговлей мощь противника. Фонд под вашим руководством вел бы себя совершенно определенным образом. И ваши объяснения были бы достаточно правдоподобны, чтобы все в них поверили.

— Я так понимаю, что вы не пойдете на компромисс? — мягко спросил Мэллоу.

— Я предлагаю вам подать в отставку по собственному желанию. Или вас заставят сделать это.

— Я предупредил вас об единственной альтернативе...

Кровь бросилась Сатту в лицо.

— А я в свою очередь предупреждаю вас, смирнианец Хобер Мэллоу, что в случае моего ареста вам не поздоровится. Мои люди распространят правду о вас любым путем, и народ наш сумеет объединиться против чужеземного поработителя! Народ поймет грядущее предназначение нашей планеты, чего никогда не поймет чужак со Смирно! И именно это уничтожит вас.

Двое охранников вошли в комнату.

— Уведите его, — тихо сказал Мэллоу. — Он арестован.

— Это был ваш последний шанс, — бросил Сатт.

Мэллоу занялся сигарой. На Сатта он не смотрел.

Только через пять минут Анкор Джаэл устало зашевелился.

— Ну, и что теперь? — спросил Джаэл. — Теперь, когда вы превратили его в великомученика?

Мэллоу прекратил манипуляции с пепельницей.

— Как он изменился! Это бык, увидевший красную тряпку. О, Галактика! Как же он ненавидит меня...

— Тем более он несет опасность.

— Опасность? Глупости! Он лишился способности здраво рассуждать.

— Не будьте так самоуверенны, Мэллоу, — сказал Джаэл. — И учтите реальную вероятность народного восстания.

Мэллоу был не менее мрачен, чем Джаэл.

— Поймите, наконец, Джаэл, возможность народного бунта полностью исключена.

— И все-таки вы излишне самоуверенны...

— Нет. Я уверен в наступлении кризиса Селдона и возможности решить его посредством определенных исторических тенденций. Решить раз и навсегда, в политике внешней и внутренней. Во всяком случае — этот кризис. Я не все сказал сейчас Сатту. Он управлял Фондом, опираясь на религию, и точно так же он управлял иными мирами. Сатт проиграл, и это является свидетельством тому, что в планах Селдона больше нет места религии.

Экономический контроль — совсем другое дело. Я осмелюсь перефразировать приведенное вами высказывание Хардина. Плох тот бластер, который не способен стрелять в обе стороны. Если на Кореллии возникло процветание — возникло благодаря торговле с нами! — то и мы получили кое-что! Остановка заводов Кореллии, падение уровня их производства неизбежно повлечет за собой остановку наших заводов, нашего производства. Наше благосостояние улетучится.

Так что любой завод, торговый центр, транспортная линия и все остальное — все сейчас находится под моим контролем. Если Сатт попытается где бы то ни было начать свою революционную пропаганду — я сотру это место в порошок! Если мне даже только покажется, что его влияние преуспело на любом предприятии — там мгновенно исчезнет процветание. Там же, где Сатт не будет популярен, благосостояние станет расти день ото дня, и именно поэтому мои предприятия никогда не испытают недостатка в рабочей силе. Поэтому я уверен, что кореллианцы обязательно взбунтуются для сохранения своего благосостояния, но я также уверен, что мы никогда не взбунтуемся против собственного благосостояния. Мы будем играть до конца.

— Но это значит, что вы открываете эпоху нуворишей. Мы превратимся в планету торговцев и торговых королей. А будущее?!

Мэллоу резко встал. На лице его была написана злость.

— А что мне до будущего? Я не сомневаюсь, что Селдон предвидел и его, и успел подготовить запасные варианты! Придут и другие

кризисы, когда деньги станут бессильны, так же, как сегодня бессильна религия. Я решил проблему сегодня — пусть мои преемники решат завтрашние проблемы!..

*«**КОРЕЛЛИЯ** — ...три года спустя, пройдя через самую мирную войну в истории человечества, республика Кореллия подписала акт о полной безоговорочной капитуляции. В благодарных сердцах населения Фонда в один ряд с Хари Селдоном и Сэлвором Хардином встал Хобер Мэллоу...»*

Галактическая Энциклопедия

ОСНОВАТЕЛИ
И
ИМПЕРИЯ

©Isaak Asimov. Foundation and Empire.
London, Hamilton: Panther books, 1964

Посвящается Мэри и Генри.
Помните, терпение — прежде всего!

Пролог

Галактическая Империя шла по пути распада.

Империя была необозрима — она целиком охватывала колоссальную двойную спираль Млечного Пути. Необозримым был и ее распад, чрезвычайно длительный и постепенный.

Первым человеком, заметившим признаки распада, длящегося уже не одно столетие, был Хари Селдон. Он был искрой творческого начала в сгущающихся сумерках упадка. Селдон создал новую науку — психоисторию.

Эта наука оперировала данными не о личностях, а о массах людей. С ее помощью поведение миллионных толп можно было рассчитать так же точно, как с помощью физических формул — траекторию биллиардного шара. Реакция отдельного человека на то или иное событие оставалось непредсказуемой, в то время как равнодействующая поведения миллионов — а это не что иное, как ход истории — легко описывалась в терминах математики.

Хари Селдон построил кривые основных социально-экономических тенденций общества и пришел к выводу о том, что падение Империи неизбежно, а возрождение ее из обломков возможно лишь через тридцать тысяч лет.

Предотвратить крах Империи было уже невозможно, но еще оставался шанс сократить период варварства. Селдон организовал два энциклопедических фонда, расположив их «в противоположных концах Галактики» так, чтобы события, центрами которых станут Фонды, уже через тысячу лет привели к образованию новой, более сильной и жизнеспособной империи.

Об одном из фондов рассказывает роман «Основатели» (Ноум Пресс, 1951). На планете Термин, находящейся в крайнем витке галактической спирали, поселяются ученые-естествоиспытатели. Вдали от светской суеты и политических интриг они трудятся над составлением универсального справочника — Галактической Энциклопедии, не зная, что Хари Селдоном уготована для них иная роль.

По мере загнивания Империи отдельные ее части оказывались во власти самозваных королей. Новоявленные королевства угрожали Фонду. Сэлвор Хардин, первый мэр поселения Терминус-Сити, стравил друг с другом правителей враждебных государств и сохранил независимость Термина. Более того, используя в качестве религии ядерную энергетику, энциклопедисты подчинили себе королевства периферии, наука которых деградировала, а промышленность работала на угле и нефти.

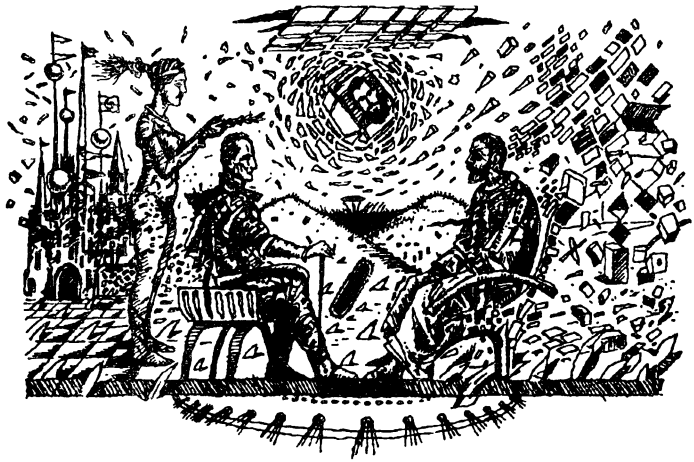
Со временем на первый план вышла торговля, потеснив науку. Купцы Термина колесили по Галактике, торгуя атомной техникой, которой не выпускала даже Империя во времена процветания.

При Хобере Мэллоу — он был торговым королем Фонда — Термин стал проводить по отношению к соседям политику экономической войны. В результате была разорена республика Кореллия, получавшая военную помощь от Империи.

Прошло двести лет, и Фонд стал самым мощным государством Галактики, за исключением Империи, занимавшей центральную треть Млечного Пути, но все еще владеющей тремя четвертями богатств Вселенной.

Столкновение Фонда с отживающей свой век Империей стало неизбежным.

Необходимо было готовиться к решающему сражению.

ЧАСТЬ I. ГЕНЕРАЛ

1. Требуются волшебники

БЕЛ РАЙОЗ *— ...относительно недолгая карьера Райоза принесла ему заслуженную репутацию великого полководца. Анализ кампаний Райоза показывает, что как военачальник, он был достоин самого Пейрифоя, а как организатор даже превосходил его. Райоз оказался менее удачливым, чем Пейрифой, лишь потому, что родился в период упадка Империи. Тем не менее, его выступление против Фонда Энциклопедии было весьма успешным....*

Галактическая Энциклопедия. **

Вопреки придворному этикету, который предписывал командующему космическим флотом выезжать с эскортом, Бел Райоз обходился без последнего. Он был молод и полон энергии — ее хватило на то, чтобы выполнить приказ верховного командования и забраться в буквальном смысле на край света. Кроме того, Райоз был любопытен, а Вселенная полнилась самыми разнообразными и невероятными слухами об этих краях. Предоставилась чрезвычайно заманчивая возможность поупражняться в воинском

---

* Все цитаты из Галактической Энциклопедии приводятся по изданию 116-му 1020 г. Эры Основателей (ЭО), выпущенному издательством: Энциклопедиа Галактика Паблишинг Кампани, Термин. С разрешения издательства.

искусстве... В Галактике не нашлось силы, способной нейтрализовать смесь любопытства с честолюбием.

Райоз вышел из неуклюжей наземной машины у крыльца старого дома. Подождал у дверей. Его оглядел фотонный глаз, но дверь отворил человек. Старик.

— Меня зовут Райоз, — улыбнулся ему генерал.

— Узнаю, — старик не двигался с места. — Что вам угодно?

— Я пришел с миром, — Райоз отступил на шаг и смиренно склонил голову. — Если вы Дьюсем Барр, не откажите мне во внимании.

Дьюсем Барр пропустил гостя в дом. Генерал вошел, отметив, что изнутри дом кажется не таким мрачным. Он тронул стену и испачкал пальцы.

— На Сайвенне до сих пор белят стены?

Барр улыбнулся:

— Бедные старики белят. Простите, что заставил вас ждать у дверей. Фотонный сторож докладывает о посетителях, но уже не может открыть.

— Почему бы его не починить? — удивился генерал.

— Нет запасных частей. Садитесь, сэр. Выпьете чаю?

— Мой дорогой сэр! Могу ли я отказаться от чая на Сайвенне? Старый патриций отвесил гостю церемонный поклон в стиле аристократии прошлого века и бесшумно вышел.

Генералу стало слегка не по себе. Он получил военное образование и всю сознательную жизнь провел в военных походах. Не раз, как говорится, смотрел смерти в лицо, и никогда не видел в ней ничего сверхъестественного и загадочного. Поэтому неудивительно, что оставшись один в этой лавке древностей, генерал смутился.

В черных шкатулках «под слоновую кость», рядами стоящих на полках, генерал угадал книги. Названия их были ему незнакомы. Громоздкий аппарат в углу — наверное, устройство для просмотра книг. Генерал слышал, что существуют такие приспособления, но никогда их не видел. Кто-то рассказывал, что в старые добрые времена, когда Империя охватывала всю Галактику, в девяти домах из десяти стояли такие аппараты — и такие же ряды книг.

Сейчас людям некогда читать: нужно охранять границы. Книги — удел стариков. А большая половина того, что рассказывают о прошлом, — враки.

Хозяин принес чай, гость сел на свое место. Дьюсем Барр поднял чашу:

— Пью в вашу честь!

— Спасибо. А я — в вашу.

Говорят, что вы молоды — заметил Дьюсем Барр. — Вам тридцать пять?

— Около того. Тридцать четыре.

— В таком случае, — произнес Барр с легким нажимом, — я считаю необходимым сразу же сообщить вам, что не держу приворотного зелья и не знаю заклинаний, с помощью которых можно было бы обратить на вас восхищенные взоры молодых дам.

— О! В этом отношении мне ваша помощь не нужна!— генерал не сумел скрыть самодовольных ноток в голосе. — Вас часто беспокоят подобными просьбами?

— Частенько. Видите ли, невежественные люди нередко путают науку с магией, а любовь — та область человеческой жизни, где магия оказывается сильней науки.

— Тем легче их спутать. Но я знаю, что наука — средство отыскания ответов на трудные вопросы.

— Боюсь, что вы так же далеки от истины, как и остальные, — мрачно заметил старик.

— Возможно, — молодой генерал поставил чашу в гнездо, и она наполнилась кипятком.

Генерал с легким всплеском опустил в чашу ароматическую капсулу.

— Объясните, пожалуйста, патриций, что такое волшебник — настоящий волшебник.

Барр вздрогнул: его давно не называли патрицием.

— В действительности волшебников нет, — ответил он.

— О ком же вся Сайвенна рассказывает легенды? Кого обожествляет? Среди ваших соотечественников есть люди, даже группы людей, которые грезят прошлым, какой-то свободой, независимостью... Все это каким-то образом связывается с волшебниками. Мне кажется, что подобные настроения представляют опасность для государства.

— При чем здесь я? — старик покачал головой. — Вы хотите сказать, что готовится восстание, а я должен его возглавить?

— Что вы, нет! — тут Райоз пожал плечами. — Впрочем, почему бы и нет? Ваш отец в свое время был ссыльным, вы патриот и даже, по-своему, шовинист. Как гость, я не имею права оскорблять вас таким заявлением, но как должностное лицо обязан это сказать... Боюсь, что в настоящее время восстание на Сайвенне невозможно. В людях истреблен дух противоречия.

Старик ответил не сразу:

— Вы нетактичный гость, а я нетактичный хозяин, и потому напомню, что некогда некий вице-король был того же мнения о жителях нашей планеты, что и вы. По приказу этого вице-короля мой отец был сослан, братья погибли в застенках, а сестра вынуждена была покончить с собой. Сам вице-король в конце концов принял достаточно ужасную смерть от рук моих раболепных соотечественников.

— Да-да. Вы сами заговорили о том, о чем я хотел с вами побеседовать. Вот уже три года, как таинственная смерть вице-короля не является для меня тайной. В его личной охране был солдат,

который поступил соответствующим образом. Я знаю, что этим солдатом были вы, другие подробности меня не интересуют.

— Что же вам угодно? — спросил Барр ровным голосом.

— Чтобы вы отвечали на мои вопросы.

— Не угрожайте мне. Я стар, но не настолько, чтобы жизнь значила для меня больше, чем она значит.

— Мой дорогой сэр, — с нажимом произнес Райоз, — времена сейчас суровые, а у вас дети, друзья, Родина, которой когда-то вы клялись в любви и верности. Если мне придется применить силу, я начну не с вас — я не настолько мелок.

— Чего вы хотите? — холодно спросил Барр.

— Поймите, патриций, — Райоз держал в руках пустую чашу, — в наше время успех сопутствует лишь тем солдатам, которые в праздничные дни участвуют в парадах, охраняют императорский дворец или эскортируют роскошные прогулочные корабли, в которых Его Императорское Величество выезжает на летние квартиры. А я... я неудачник. Мне всего тридцать четыре, а я уже неудачник, и до конца жизни им останусь. Потому, что люблю драться.

Именно поэтому я здесь. Я плохой придворный: не соблюдаю этикет, оскорбляю павлинов-адмиралов. Зато хороший командир кораблей и солдат, поэтому меня не ссылают на необитаемую планету, а используют мои способности на Сайвенне. В отделенной, нищей и непокорной провинции. И волки сыты, и овцы целы.

Увы, и здесь мне негде себя проявить. Ни народы, ни вице-короли не восстают; по крайней мере, со времен правления покойного отца Его Величества.

— У нас сильный император, — пробормотал Барр.

— Да, такого правителя можно пожелать любому государству. И помните: он мой хозяин, я защищаю его интересы.

Барр небрежно пожал плечами:

— Не пойму, какое отношение это имеет к нашему разговору?

— Сейчас объясню. Волшебники, о которых я начал говорить, пришли из-за границы, оттуда, где редки звезды...

— «Оттуда, где редки звезды, где ледяная тьма...» — подхватил Барр.

— Это стихи? — Райоз нахмурился, поэзия показалась ему неуместной. — Так вот, они пришли с Периферии, из единственной области, в которой я могу без оглядки драться во славу Императора.

— Вы хотите совместить приятное с полезным: послужить Императору и всласть подраться.

— Вот именно. Правда, мне хотелось бы знать, как и с кем придется драться, а вы можете мне в этом помочь.

— Почему вы в этом уверены?

Райоз небрежно отщипнул кусочек печенья.

— Три года я вылавливал малейший слушок, каждое словечко, каждый шепоток о волшебниках. Я собрал огромную массу информации, проанализировал ее и обнаружил, что среди множества

слухов есть два достоверных факта, по части которых все слухи совпадают: волшебники пришли со стороны Сайвенны, а ваш отец видел живого волшебника и говорил с ним.

Старик смотрел генералу в глаза, не мигая. Райоз продолжал:

— Для вас будет лучше, если вы мне расскажите то, что знаете.

— Пожалуй, стоит кое-что вам рассказать, — задумчиво проговорил Барр. — Когда еще мне представится случай провести собственный психоисторический эксперимент?

— Какой-какой эксперимент?

— Психоисторический, — старик с ехидцей улыбнулся. — Давайте-ка, я налью вам еще чаю, иначе вы не выдержите моей лекции.

Старик откинулся в кресле, лампы потускнели, жесткие черты генерала смягчились в полумраке.

— Я располагаю необходимыми вам сведениями, — начал Дьюсем Барр, — в результате ряда случайностей, а именно, в результате того, что я родился сыном своего отца и гражданином своей страны. Сорок лет назад, вскоре после неудачного восстания, мой отец скрывался в лесах на юге, а я служил в личном флоте вице-короля. Того самого, который подавил восстание, а впоследствии умер ужасной смертью.

Барр мрачно усмехнулся и продолжал:

— Мой отец, Онам Барр, был патрицием Империи и сенатором Сайвенны.

Райоз нетерпеливо прервал:

— Не трудитесь: я осведомлен об обстоятельствах его ссылки.

Старик пропустил это замечание мимо ушей.

— В ссылке отца однажды посетил путешественник. Торговец из крайнего витка Галактики. Это был молодой человек, говоривший со странным акцентом, совершенно не осведомленный о последних политических событиях в Империи и одетый, кроме всего прочего, в индивидуальное силовое поле.

— Индивидуальное силовой поле? — возмутился Райоз. — Ерунда! Еще не сконструирован генератор, который способен создать такое мощное поле в таком незначительном объеме. А может быть, ваш торговец тащил за собой на веревочке генератор весом в пять тысяч мириатонн?

Барр невозмутимо продолжал:

— Это был тот самый волшебник, о котором вы спросили. Звание волшебника не просто заслужить. При молодом человеке не было ничего, похожего на генератор, но никакое оружие не способно было пробить силовое поле, которым он себя окружил.

— И все? Мне следует считать, что волшебники порождаются галлюцинациями ссыльных стариков, мучающихся одиночеством?

— Сэр, легенды о волшебниках старше моего отца. Слушайте дальше: мой рассказ содержит более убедительные доказательства того, что индивидуальное силовое поле — не ерунда. По просьбе

торговца, которого люди называли волшебником, отец направил его в город к некоему технику. Торговец оставил технику генератор индивидуального силового поля, такой же, каким пользовался сам. Когда после казни вице-короля отец вернулся в город, то забрал генератор. Долгое время... Вот он, сэр, висит позади вас на стене. Он проработал только два дня. Но если вы его осмотрите, вы поймете, что он сконструирован и сделан не в Империи.

Бел Райоз потянул к себе висевший на стене пояс из металлических шишечек, который отделился от стены с чмоканьем, как будто держался на присоске. Одна из шишечек была крупней остальных.

— Здесь? — спросил генерал.

— Да, — кивнул Барр, — здесь был генератор. Именно был: нам так и не удалось определить принцип его действия. Анализ показал, что это цельный кусок металла, и даже дифракционный рисунок не дал возможности установить, какие детали здесь присутствовали, когда генератор был в рабочем состоянии.

— В таком случае ваше утверждение остается голословным.

Барр пожал плечами:

— Вы требовали, чтобы я изложил вам то, что знаю. Более того, вы угрожали вырвать у меня секреты силой. Я выдал их вам, и мне нет дела до того, верите вы мне или нет. Могу на этом закончить.

— Продолжайте, — резко сказал генерал.

— После смерти отца я продолжил исследования. На помощь мне пришла еще одна случайность: Хари Селдон хорошо знал Сайвенну.

— Кто такой Хари Селдон?

— Ученый времен императора Далубена IV. Последний и величайший из психоисториков. Он приезжал на Сайвенну, когда она была крупным торговым, научным и культурным центром.

Райоз поморщился:

— Каждая затхлая планетишка пытается уверить, что в прежние времена что-то значила...

— Это было двести лет назад, когда вся Галактика до последней звездочки подчинялась Императору, когда Сайвенна находилась в центре Империи, а не на задворках. В те дни Хари Селдон уже предвидел ослабление имперской власти и постепенный переход Галактики к варварству...

— Прямо-таки предвидел! — засмеялся Райоз. — Он не туда смотрел, любезнейший ученый! Вы, безусловно, считаете себя таковым? Знайте же, что Империя сильна, как никогда. Ваши старые глаза привыкли к провинциальной серости и забыли, что такое блеск столицы. Приезжайте в центр, полюбуйтесь на нашу роскошь!

Старик печально покачал головой:

— Все верно: угасание жизни начинается на периферии. Проходит время, прежде чем разложение подбирается к сердцу.

Тогда оно становится очевидным. Скрытое же разложение, которое вы отказываетесь признать, длится вот уже пятнадцать веков.

— Итак, ваш Селдон предсказал, что Империя погрязнет в варварстве, — снисходительно допустил Райоз. — Что дальше?

— Он организовал в противоположных концах Галактики две колонии, в которых собрал все самое лучшее, новое, прогрессивное. Селдон тщательно продумал, где их разместить и когда заселить. Он устроил все так, что в скором времени колонии оказались отрезанными от центра Империи и сами превратились в центры, вокруг которых должна выкристаллизоваться новая, Вторая Галактическая Империя — через тысячу лет после падения старой, а не через тридцать тысяч, как было бы без Селдона.

— Каким образом об этом узнали вы, да еще в таких подробностях?

— Я ничего не знал и не знаю. Это всего лишь догадка, возникшая в результате многолетнего сбора и сопоставления разрозненных фактов. Здесь гораздо больше домыслов, чем знаний. Однако, я убежден, что моя догадка верна.

— Я заметил, вы легко поддаетесь убеждению.

— Что вы! Мне потребовалось сорок лет, чтобы прийти к последнему убеждению.

— Сорок лет! Что ж, я постараюсь разубедить вас в течение сорока дней.

— Каким образом?

— О, самым простым! Я отправляюсь на поиски ваших колоний и посмотрю на них собственными глазами. Вы говорите, их две?

— Говорят, что две. Я нашел подтверждение существованию лишь одной, что неудивительно, так как другая находится в противоположном конце Галактики.

— Ну что ж, я нанесу визит в ближайшую, — генерал поднялся и поправил пояс.

— Вы знаете, куда лететь? — спросил Барр.

— Приблизительно. В отчетах вашего вице-короля — не того, которого вы так искусно умертвили, а его предшественника — содержатся сведения о варварах, живущих за границами Империи. Одна из его дочерей замужем за их правителем. Не заблужусь. Благодарю за гостеприимство, — генерал протянул руку.

Дьюсем Барр коснулся ее пальцами, почтительно поклонился и ответил:

— Вы оказали мне честь, посетив мой дом.

— Что до сведений, которые вы мне предоставили, — продолжал Бел Райоз, — то за них я рассчитаюсь с вами по возвращении.

Дьюсем Барр проводил высокого гостя до двери и тихо сказал вслед отъезжающей машине:

— Сначала попробуй вернуться!

2. Волшебники

ФОНД ОСНОВАТЕЛЕЙ... *— после сорока лет беспрепятственной экспансии Фонд столкнулся с Райозом. Времена Хардина и Мэллоу миновали, у деятелей Фонда поубавилось смелости и решимости...*

Галактическая Энциклопедия.

В отдельной комнате сидели четверо мужчин. Они то бросали друг на друга быстрые взгляды, то опускали глаза на разделявший их стол. На столе стояло четыре бутылки и столько же наполненных стаканов, так и не тронутых собравшимися.

Человек, сидящий ближе к двери, побарабанил пальцами по столу.

— Так и будем сидеть? — спросил он. — Неужели так важно, кто первым возьмет слово?

— В этом случае слово предоставляется вам, — сказал дородный человек, сидящий напротив. — Очевидно, вы больше всех озабочены происходящим.

Сеннетт Форелл грустно усмехнулся про себя.

— Конечно, я самый состоятельный и больше всех дрожу за свои богатства. Что ж, поскольку мне дали слово, я напомню присутствующим, что разведчика захватили корабли именно моего флота.

— У вас самый многочисленный флот, — сказал третий из собравшихся за столом, — и самые классные пилоты, опять-таки потому, что вы богаче всех нас. В сложившейся ситуации мы рисковали больше, чем вы.

Сеннетт Форелл снова усмехнулся.

— Вы правы, отец оставил мне в наследство кое-какие ресурсы, позволяющие рисковать. Однако, прошу учесть, что зачастую риск с лихвой окупается. Кроме того, разведчик был один, что давало возможность захватить его без потерь и не позволить ему предупредить своих.

В Фонде открыто говорили о том, что Форелл был дальним родственником покойного Хобера Мэллоу, и поговаривали о том, что он был незаконнорожденным сыном Мэллоу.

Четвертый из собравшихся, воровато глянув на собеседников, произнес:

— Не большая доблесть — схватить маленького разведчика. И пользы от этого, кроме вреда, не будет: молодой человек только рассердится.

— Вы хотите сказать, ему нужен повод? — насмешливо спросил Форелл.

— Вот именно, а ваша любовь к риску избавила его от необходимости этот повод искать, — процедил четвертый. — Хобер Мэллоу так не поступал. И Сэлвор Хардин. Эти люди ждали, пока

противник ступит на скользкую дорожку насилия, и всегда действовали наверняка.

Форелл пожал плечами:

— Поимка разведчика — не слишком серьезный повод для войны. А риск оправдался: разведчик хоть и молодой, но прислала его старая Империя.

— Для нас это не новость, — сказал второй, дородный, с явным неодобрением.

— До поимки разведчика мы об этом лишь догадывались, — мягко поправил Форелл. — Я согласен, что если человек приводит корабли, полные товаров, предлагает дружбу и честную торговлю, не стоит входить с ним в конфликт, пока твои подозрения в его недобрых намерениях не подтвердятся. Но сейчас...

Заговорил третий, с едва уловимыми слезливыми нотками в голосе:

— Следовало быть осторожнее. Нужно было все досконально выяснить, прежде чем отпустить его.

— Этот вариант мы обсуждали и отвергали, — сказал Форелл и сделал жест, как бы ставя точку.

— У нас слишком мягкое правительство, — продолжал жаловаться третий, — а мэр просто идиот.

Четвертый обвел собеседников взглядом и вынул изо рта окурок сигары. Он небрежно бросил окурок в щель атомного дезинтегратора.

— Позволю себе отнести последнее высказывание на счет привычки, — произнес он с саркастической усмешкой. — Мы уже условились считать, что правительство — это мы.

Все согласно кивнули.

— В таком случае оставим правительство в покое... Молодой человек мог стать нашим покупателем. Такое случалось. Каждый из вас пытался заключить с ним сделку втайне от остальных. Мы договорились так не поступать, тем не менее...

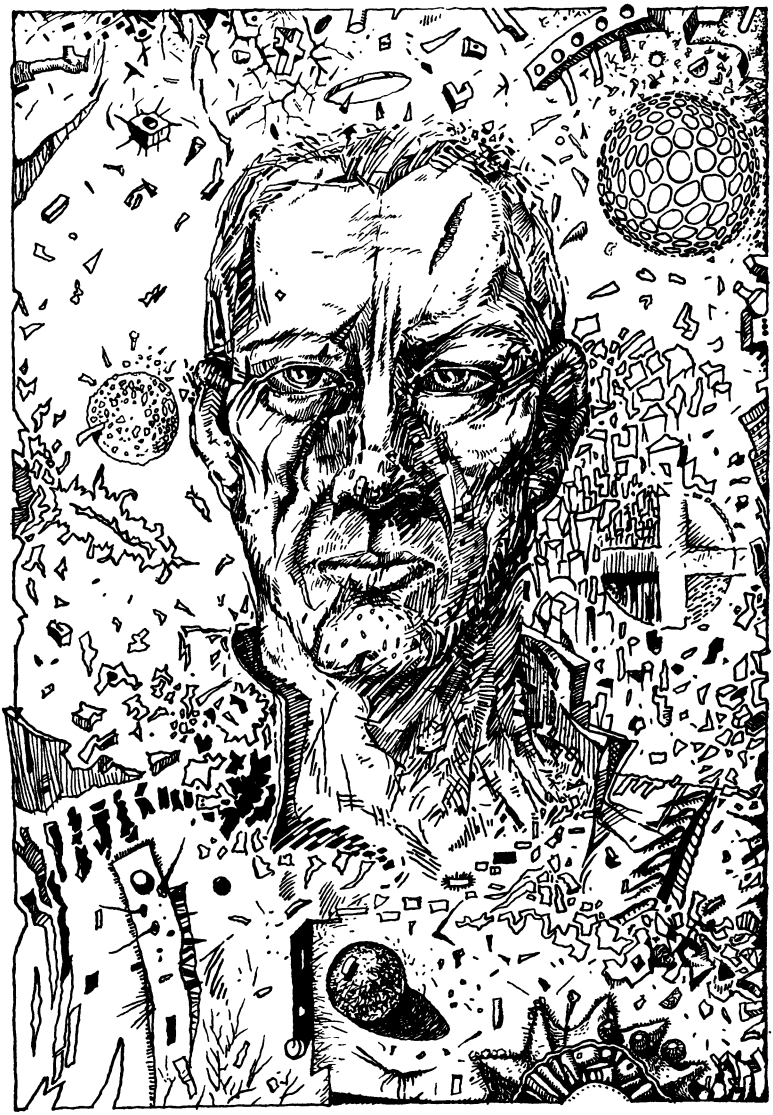
— Вы поступили точно так же! — прорычал второй.

— Разумеется, — спокойно сказал четвертый.

— Господа, отвлекитесь от того, что уже произошло, — нетерпеливо перебил Форелл. — Давайте подумаем, что делать дальше. Мы ничего не добились бы, лишив молодого человека свободы или жизни. Я до сих пор не могу составить определенного мнения о его намерениях, и, в любом, случае, смерть одного человека не подорвала бы основ Империи. Возможно, Империя ждала именно его смерти, чтобы отомстить нам за нее.

— Справедливо, — одобрительно заметил четвертый. — Что вам дала поимка разведчика? Я уже устал от пустой болтовни.

— Расскажу в двух словах, — мрачно ответил Форелл. Он генерал Имперского флота, или как это у них называется. — Молодой и талантливый военачальник. Говорят, солдаты его обо-

жают. Карьера весьма романтическая. Безусловно, половина того, что о нем говорят, — неправда, но даже половины достаточно, чтобы понять, что он необыкновенный человек.

— Кто «говорит»? — спросил второй.

— Экипаж корабля. Я записал их показания на микропленку, которую спрятал в надежное место. Как-нибудь покажу. Можете сами поговорить с ними, если хотите. В основном все.

— Как вам удалось это выведать? Вы уверены, что это правда?

Форелл сдвинул брови.

— Я не был излишне мягок, сэр. Пленных били, вводили им наркотики, применяли Зонд. Вот так. Их словам можно верить.

— В старые времена, — заговорил ни с того ни с сего третий, — на допросах применяли достижения психологии. Безболезненно и безотказно.

— Мало ли что делали в старые времена, — сухо сказал Форелл, — сейчас новые времена.

Что понадобилось от нас романтическому генералу? — спросил четвертый с усталой настойчивостью.

Форелл быстро взглянул на него.

— Неужели вы думаете, что генерал доверил экипажу тайны государственной политики? Люди ничего не знают. Я не добился от них ни слова, хотя, клянусь Галактикой, очень старался.

— Итак...

— ...предстоит самостоятельно делать выводы, — Форелл вновь забарабанил пальцами по столу. — Молодой человек, являясь генералом имперского флота, изображает младшего брата правителя какой-то затерянной в Галактике планеты. Одно это говорит о том, что он хочет скрыть от нас истинные цели своего визита. Сопоставьте род его занятий с тем фактом, что Империя не так давно предпринимала попытки нападения на нас, и результат окажется малоприятным. Первое нападение на нас оказалось для Империи неудачным. Сомневаюсь, что это внушает ей теплые чувства по отношению к нам.

— Я до сих пор не услышал от вас ничего определенного — лишь предположения, — осторожно заметил четвертый. — Вы ничего от нас не скрыли?

— Я не имею права что-либо скрывать, — Форелл смотрел ему в глаза. — Отныне о деловом соперничестве не должно быть и речи. Нам необходимо единство.

— У вас приступ патриотизма? — съязвил третий.

— Патриотизм здесь ни при чем, — спокойно ответил Форелл. — Я и гамма-кванта не дам для блага Второй Империи. Даже убыточную сделку не стану срывать ради нее. Однако, согласитесь, иго нынешней Империи не принесет пользы ни моему, ни вашему делу. Если империя победит, понадобятся не коммерсанты, а могильщики.

— И в большом количестве, — подтвердил четвертый.

Второй сердито заерзал.

— К чему предполагать невероятное? Империя не победит. Сам Селдон утверждал, что мы станем родоначальниками Второй Империи. Происходит всего лишь очередной кризис, мы уже благополучно пережили три.

— Действительно, происходит очередной кризис, — согласился Форелл. — Из первых двух нас вывел Сэлвор Хардин, из третьего — Хобер Мэллоу, а кто выведет из этого?

Он обвел собеседников мрачным взглядом и продолжал:

— Законы Селдона, на которые так приятно положиться, предполагают какую-то инициативу со стороны деятелей Фонда. Законы Селдона помогают тем, кто сам в силах себе помочь.

— Не личность творит историю, а история творит личность, — наставительно произнес третий.

— Нельзя на это рассчитывать, — вздохнул Форелл. — Подведем итог. Если это четвертый кризис, значит, Селдон его предвидел. Если так, кризис можно преодолеть, нужно только найти способ.

Империя все еще сильнее нас. Она всегда была сильнее, но сейчас она впервые угрожает нам непосредственно, а это особенно опасно. Если Империю и можно победить, то не в открытом бою. Как и наши предшественники, мы должны найти слабые стороны противника и сыграть на них.

— Вы знаете, на чем сыграть? — спросил четвертый. — Вы уже нашли слабые стороны противника?

— Нет, в этом вся соль. Правители прошлого видели слабые стороны противника и в нужный момент знали, куда бить. А мы... — Форелл развел руками.

Все молчали. Наконец четвертый произнес:

— Нам нужны шпионы.

— Правильно, — обернулся к нему Форелл. — Мы не знаем, когда Империя нападет. Возможно, еще есть время.

— Хобер Мэллоу сам летал на разведку в доминионы Империи, — заметил второй.

Форелл покачал головой:

— Нельзя действовать впрямую. Кроме того, мы все немолоды и отличаемся ловкостью лишь в перекладывании бумаг. Нужно прибегнуть к помощи молодых.

— Независимых торговцев? — спросил четвертый.

Форелл кивнул и прошептал:

— Если еще есть время.

3. Мертвая хватка

Бел Райоз мерил шагами комнату. Вошел адъютант, генерал взглянул на него с надеждой.

— Нашлась «Звездочка?»

— Нет. Мы все время слушаем космос — пусто. Капитан Юм докладывает, что флот готов к немедленной атаке.

Генерал покачал головой.

— Еще не время. Пропавший сторожевой корабль — недостаточно серьезный повод. Пусть удвоит... Погодите, я напишу. Зашифруете и отправите по плотному лучу.

Он написал распоряжение на бумаге и вручил листок офицеру.

— Сайвеннец прибыл?

— Нет еще.

— Проследите, чтобы немедленно по прибытии его доставили ко мне.

Адъютант отдал салют и вышел. Райоз снова принялся шагать по комнате.

Дверь открылась, адъютант впустил Дьюсема Барра. Райоз ногой выдвинул на середину кричаще роскошной, с трехмерной моделью Галактики на потолке, комнаты стул и отослал адъютанта:

— Никого не впускайте и сами не входите, пока не позову.

Затем приветствовал Барра:

— Добрый день, патриций, садитесь.

Райоз стал напротив старика, расставив ноги, сцепив за спиной руки и покачиваясь взад-вперед. Помолчав, он резко спросил:

— Патриций, вы верный подданный Императора?

Барр, до сих пор сохранвяший невозмутимое спокойствие, удивленно поднял брови.

— У меня нет особых причин любить Империю, — уклончиво ответил он.

— Это еще не значит, что вы станете предателем, не так ли?

— Безусловно. Однако, не быть предателем и быть активным пособником — не одно и то же.

— Как правило. Но в данных условиях, — подчеркнул Райоз, — отказ от сотрудничества будет рассматриваться как предательство и повлечет соответствующее наказание.

Брови Барра сошлись на переносье.

— Оставьте красивые словеса для подчиненных. Мне достаточно краткой формулировки ваших непосредственных потребностей.

Райоз сел, закинув ногу на ногу.

— Барр, вы помните, о чем мы беседовали полгода назад?

— О волшебниках.

— Точно. Вы помните, что я намеревался делать?

Барр кивнул. Руки его неподвижно лежали на коленях.

— Вы собирались нанести им визит. Четыре месяца вас не было. Вы видели волшебников?

— О, да! — закричал Райоз. — Это не волшебники, патриций, это демоны. Они так же далеки от ваших представлений о них, как внешние туманности от Сайвенны. Представьте себе! Они живут в

мирке размером с носовой платок, да что там! С ноготь! У них почти нет полезных ископаемых, численность населения меньше, чем в самых отсталых префектурах Темных Звезд. Но амбиций хватит на всю Империю. Они хотят править Галактикой!

Они настолько уверены в себе, что даже не спешат ее завоевывать. Не торопясь ходят по своей планете, мимоходом присоединяют соседние миры, этак самодовольно расползаются по Галактике. Столетием раньше, столетием позже. Вселенского владычества не миновать, стоит ли ради него усердствовать?

И представьте, им сопутствует успех. Их никто не останавливает. Хитрые коммерсанты организовали союз и опутывают Галактику своими сетями. Шпионы, именующие себя торговцами, шныряют буквально повсюду.

Дьюсем Барр прервал гневную тираду генерала.

— Сколько в ваших словах правды, а сколько ярости?

Военачальник взял себя в руки.

— Ярость не ослепляет меня. Я посетил миры, которые ближе к Сайвенне, чем к Фонду, и видел, что там Империя миф, а торговцы реальность. Нас самих приняли за торговцев.

— Деятели Фонда говорили вам, что стремятся к господству над Галактикой?

— Это ясно и без слов! — вновь распалился Райоз. — Говорили! Они говорили только о коммерции, их ничто другое не интересует. Я беседовал с простыми людьми, которые непоколебимо верят в свое особое предназначение и великое будущее. Они просто излучают оптимизм.

Старик не скрывал удовлетворения.

— Мои догадки подтверждаются...

Райоз саркастически усмехнулся.

— Вынужден отдать должное вашим аналитическим способностям, но от этого волшебники не станут менее опасными для Империи.

Барр равнодушно пожал плечами. Райоз наклонился к старику, взял его за плечи и неожиданно мягко заглянул ему в глаза.

— Зачем вы так, патриций? Я не хочу быть варваром. Мне тяжело видеть наследственную ненависть Сайвенны к Империи. Я готов сделать все возможное, чтобы отношение вашего народа к Империи изменилось. Но я военный и не могу вмешиваться в гражданские дела. Любая попытка вмешательства приведет к отставке. Вы понимаете меня? Вижу: понимаете. Так забудьте же насилие, совершенное над вами сорок лет назад, тем более, что вы отплатили за него. Мне нужна ваша помощь. Признаю открыто.

В голосе молодого человека слышались просительные нотки, но Дьюсем Барр отрицательно качнул головой.

Райоз заговорил почти умоляюще:

— Вы не понимаете, патриций, а я не знаю, смогу ли объяснить. Я не мастер доказывать: я не ученый, а солдат. Могу сказать

одно. Как бы вы ни относились к Империи, вы не можете отрицать ее заслуг. Да, ее вооруженные силы совершали отдельные преступления, но в основном они несли народам просвещенный мир. Именно имперскому флоту Галактика обязана двумя тысячами лет мирного существования. Сравните этот период с предшествующими двумя тысячами лет хаоса и вражды. Вспомните разрушительные войны тех лет. Решитесь ли вы после этого сказать, что Империя не нужна?

Посмотрите, к чему привело периферийные планеты отделение от Империи, что дала им независимость. Неужели чувство мести возобладает в вас над патриотизмом и вы не поможете Сайвенне сохранить положение провинции, находящейся под защитой Империи? Неужели вы допустите, чтобы Сайвенна примкнула к миру варварства, нищеты и деградации, прельстившись так называемой независимостью?

— Что, так плохи дела? Уже? — пробормотал старик.

— Пока нет, — ответил Райоз, — мы с вами и даже наши внуки и правнуки в безопасности. Меня беспокоит судьба Империи и армии. Слава армии для меня много значит, я пытаюсь поддержать традиции вооруженных сил как имперского института.

— Вы ударяетесь в мистику, и я перестаю вас понимать.

— Неважно. Главное, чтобы вы поняли, как опасен Фонд.

— То, что вы называете опасностью, я обрисовал еще во время нашей первой встречи.

— Тем более, вы должны понимать, что это необходимо пресечь в зародыше. Люди еще не слышали о Фонде, а вы уже догадывались о его существовании. Вы знаете о нем больше, чем кто-либо другой в Империи. Вероятно, вы знаете, с какой стороны его лучше атаковать и можете предупредить меня о возможных контрмерах. Пожалуйста, будем друзьями!

Дьюсем Барр поднялся и произнес ровным голосом:

— Помощь такого рода с моей стороны окажется для вас бесполезной. Поэтому позвольте отказать вам в ней, несмотря на ваши настоятельные просьбы.

— Позвольте мне судить о ценности вашей помощи после того, как она будет оказана.

— Я говорю серьезно. Империя бессильна пред этим крошечным мирком.

— Что значит бессильна! — Бел Райоз гневно сверкнул глазами. — Сядьте! Я не отпускал вас. Почему Империя бессильна? Если вы считаете, что я недооценил противника, вы ошибаетесь, — он замялся. — Патриций, на обратном пути я потерял корабль. У меня нет оснований утверждать, что он попал в руки Фонда, но его до сих пор не обнаружили. Сам по себе корабль — небольшая потеря, менее значительная, чем укус блохи, но, захватив его, Фонд фактически начал военные действия. Не означает ли подобная поспеш-

ность и подобное пренебрежение последствиями того, что Фонд располагает каким-то сверхмощным оружием? Ответьте хотя бы на конкретный вопрос: каков военный потенциал Фонда?

— Не имею ни малейшего представления.

— Хорошо, тогда объясните, пожалуйста, почему вы считаете, что Империя не способна победить слабого на вид противника.

Старик сел и отвернулся от Райоза.

— Я верю в психоисторию, — медленно начал он. — Это необычная наука. Она стала настоящей наукой только в руках Хари Селдона и умерла вместе с ним, потому что никто, кроме него, не смог владеть ею как орудием познания. Однако при нем психоистория была мощнейшим средством изучения законов жизни общества. Она не давала возможности предсказать судьбу отдельного человека, но позволяла с помощью математического анализа и экстраполяции предвидеть действия больших групп людей.

— Ну и что?

— Фонд организован с учетом законов психоистории. Место, время и прочие условия основания Фонда тщательно рассчитаны и должны породить цепь событий, которая неизбежно приведет к возникновению новой Империи.

Райоз спросил дрожащим от возмущения голосом:

— Вы хотите сказать, что эта самая психоистория предвидела нападение моего флота на Фонд и мое поражение в такой-то и такой-то битве по таким-то и таким-то причинам? Вы хотите сказать, что я глупый робот, в котором заложена программа самоуничтожения?

— Нет, — патриций повысил голос, — я только что сказал, что психоистория не предсказывает действия отдельных личностей. С ее помощью определяется ход истории в целом.

— То есть, нас с вами зажала в кулаке Ее Величество Историческая Необходимость?

— Психоисторическая Необходимость, — поправил Барр.

— А если я осуществлю право свободного выбора? Нападу на Фонд через год или не нападу вовсе? Что скажет Психоисторическая Необходимость?

Барр пожал плечами.

— Нападете вы или нет, нападете целым флотом или эскадрой, объявите войну или нападете без объявления — в любом случае вы потерпите поражение.

— Из-за мертвой хватки Хари Селдона?

— Не Хари Селдона, а логики человеческого поведения, которую невозможно отменить или изменить.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец генерал отвел взгляд.

— Я принимаю вызов, — сказал он. — Мертвая хватка против живой воли.

4. Император

КЛЕОН II, по прозванию Великий *— ...Последний сильный император Первой Империи, правление которого ознаменовано всплеском политической деятельности и культуры. Правление Клеона II совпало с годами деятельности Бела Райоза, поэтому в народных преданиях и в художественной литературе император известен, как император Райоза. Однако, не следует придавать последнему году его правления большего значения, чем сорока годам...*

Галактическая Энциклопедия.

«Клеон II, по прозванию Великий. Последний сильный...» — непостижимый и тяжкий недуг. Странным образом, эти утверждения не только не являются взаимоисключающими, но даже не противоречат одно другому. В истории было немало тому прецедентов.

Клеону II не было дела до прецедентов. Сколько бы их ни случилось в прошлом, ему не становилось от этого ни капельки легче. Не утешала его и мысль о том, что его прадед командовал шайкой разбойников на какой-то третьесортной планете, а он, Клеон II, живет в роскошном дворце Амменетика Великого и является наследником древней императорской династии. Не радовало Клеона и то, что его отец излечил Империю от междоусобиц и установил в ней мир, подобный тому, которым она наслаждалась при Стэннелле VI. Не приносило удовлетворения спокойствие в отдаленных провинциях, ничем не нарушаемое вот уже двадцать пять лет.

Император Галактики, Повелитель всего сущего застонал и откинул голову на подушки. Немного успокоившись, он сел в постели и угрюмо уставился в дальнюю стену спальни. Слишком большая комната, в ней неуютно одному. Другие комнаты тоже слишком велики.

Впрочем, лучше сидеть одному в спальне, чем смотреть на расфуфыренных придворных, терпеть их чересчур щедрое сочувствие, слушать пустую болтовню. Лучше одиночество, чем общество безжизненных масок, под которыми тщательно просчитываются варианты его смерти и наследования престола.

У Клеона трое сыновей, трое стройных юношей, исполненных сил и надежд. Где они сейчас, когда ему так плохо? Ждут, конечно. Затаились и следят друг за другом и за ним. Император тяжело заворочался. Бродриг просит аудиенции. Верный Бродриг, верный лишь потому, что его, простолюдина, дружно ненавидят все кланы придворных аристократов. Ему приходится быть верным, иначе день смерти императора станет кануном его собственной смерти в атомной камере.

Клеон II нажал кнопку на подлокотнике огромного дивана, и высокая дверь в дальней стене отворилась. По красному ковру к императору подошел Бродриг и, опустившись на колени, поцеловал слабую руку Клеона II.

— Как здоровье, сир? — спросил личный секретарь с подобающим волнением в голосе.

— Все еще жив, — раздраженно ответил Клеон, — несмотря на то, что каждый шарлатан, способный прочесть книгу по медицине, считает долгом использовать меня в качестве подопытного животного. Всякий ученый болтун, откопав новое или хорошо забытое старое средство: физическое, химическое или атомное — спешит проверить его действие на мне, ссылаясь при этом на весьма сомнительные книги. Клянусь памятью отца, в Галактике вымерли двуногие, которые умеют осматривать больного собственными глазами и лечить собственными руками. Нынешние лекари не могут даже пульс сосчитать, не заглядывая в трактат древней знаменитости. Мне плохо, а они заявляют: «Природа заболевания неизвестна»! Бестолочи! За тысячи лет человеческое тело научилось болеть новыми, неизвестными науке предков, способами, и современные врачи не могут помешать ему болеть. Либо древние рано умерли, либо я поздно родился! — император принялся шепотом ругаться.

Бродриг терпеливо ждал. Наконец Клеон II недовольно спросил:

— Сколько их там? — и кивнул на дверь.

— Как всегда.

— Ничего, подождут. Я занят государственными делами. Пусть начальник караула объявит. Нет, дела не годятся. Велите начальнику караула объявить, что я никого не принимаю, и сделать грустную мину. Возможно, врагам не удастся скрыть радость, — император злорадно усмехнулся.

— Ходят слухи, сир, — осторожно сказал Бродриг, — что у вас болит сердце.

Усмешка не успела сойти с лица императора.

— Если кто-то сделает из этих слухов поспешные выводы, ему будет больнее, чем мне. Ладно, оставим это. Что у вас?

Император жестом позволил Бродригу подняться с колен, тот встал и сказал:

— Меня беспокоит генерал Бел Райоз, военный комендант Сайвенны.

— Райоз? — Клеон II нахмурился, припоминая. — Кто это? А-а, Дон Кихот, от которого мы получили послание несколько месяцев назад? Помню, помню. Ему не терпелось сразиться с драконом во славу Империи и Императора.

— Верно, сир.

Император рассмеялся.

— Сейчас такой генерал редкость. Его нужно выставлять в музее. Что вы ответили ему, Бродриг? Я надеюсь, вы ответили.

— Конечно, сир. Ему было передано распоряжение собирать информацию и без приказа из центра не предпринимать шагов, могущих повлечь за собой развязывание войны.

— Разумно. Кто такой этот Райоз? Он был при дворе?

Бродриг кивнул и едва заметно поджал губы.

— Он начинал в дворцовой страже десять лет назад. Потом отличился в Скоплении Лемула.

— В Скоплении Лемула? А что там случилось? Память подводит... А-а, там какой-то солдат предотвратил столкновение двух кораблей, — император нетерпеливо тряхнул рукой. — Забыл! Помню только, что он поступил героически.

— Это и был Райоз. После этого случая он получил повышение, — сухо сказал Бродриг, — и назначение в действующую армию командиром корабля.

— А сейчас он военный комендант целой пограничной системы? Способный молодой человек!

— Он крайне неудобный человек, сир. Живет прошлым. Даже не самим прошлым, а тем, что о нем рассказывают на школьных уроках истории. Райозу очень недостает реализма. Сами по себе такие люди безопасны, но, оказываясь у власти, могут совершить непоправимое. Его люди готовы идти за него в огонь и в воду. Он один из самых популярных генералов.

— Правда? — Император задумался. — Знаете ли, Бродриг, не так уж плохо, если не все твои генералы бездарны. Несостоятельные военачальники часто оказываются предателями.

— Не стоит бояться бездарного изменника. Нужно остерегаться именно способных людей.

— В том числе и вас, Бродриг? — Клеон II рассмеялся, но тут же страдальчески поморщился. — Довольно воспоминаний и рассуждений. Что натворил наш молодой герой?

— От него получено очередное донесение, сир.

— На предмет чего?

— Он сообщает, что собрал достаточно сведений о варварах, и просит разрешения провести разведку боем. Приводит ряд длинных и утомительных аргументов. Не стану обременять Ваше Величество их изложением, учитывая ваше состояние. Тем более, что со временем они будут обсуждаться на сессии Совета Лордов, — секретарь искоса взглянул на императора.

Клеон II нахмурился.

— На сессии Совета Лордов? Стоит ли выносить это на Совет? Опять поднимется вопрос о более широком толковании Хартии. В последнее время лорды постоянно этого требуют.

— Ничего не поделаешь, сир. Конечно, было бы лучше, если бы ваш августейший отец, подавив последнее восстание, не даровал

Империи Хартию. Однако, Хартия существует, и приходится с этим мириться.

— К сожалению, вы правы. Совет, так Совет. Впрочем, к чему такие церемонии? Неужели это настолько серьезное дело? С каких пор вооруженный конфликт на границе с варварами стал делом государственной важности?

Бродриг тонко улыбнулся и холодно произнес:

— В этом деле участвует романтически настроенный чудак, который может стать смертоносным орудием в руках расчетливого мятежника. Сир, Райоз пользовался популярностью при дворе и уже завоевал ее в провинции. Он молод. Если он подчинит одну-две варварских планеты, то станет завоевателем. Нам сейчас не нужен молодой завоеватель, чувствующий свою власть над пилотами, углекопами, торговцами и прочей чернью. Если он сам не догадается поступить с вами так, как ваш августейший отец поступил с узурпатором Рикером, кто-либо из наших уважаемых лордов непременно осуществит подобный шаг с его помощью.

Клеон II сделал судорожное движение рукой и застыл, пронзенный болью. Он осторожно выдохнул и со слабой улыбкой прошептал:

— Вы очень ценный помощник, Бродриг. Вы всегда видите дальше, чем нужно, и мне, чтобы себя обезопасить, достаточно предпринять лишь половину того, что вы советуете. Мы вынесем этот вопрос на Совет Лордов, послушаем, что они скажут, и, исходя из этого, примем свои меры. Я надеюсь, что молодой генерал еще не начал военных действий.

— Если верить донесению, нет. Но он просит подкрепления.

— Подкрепления? — Император удивленно прищурился. — Какой у него флот?

— Десять линейных кораблей, сир, с полным штатом вспомогательных. Два линейных корабля оснащены снятыми с кораблей Великого Флота и прошедшими ремонт двигателями, еще один — взятыми оттуда же артиллерийскими орудиями. Остальные корабли новые, им не больше пятидесяти лет. Флот вполне боеспособен.

— По-моему, для разумного предприятия достаточно десяти кораблей. У моего отца и десяти не было, когда он одержал первые победы над узурпатором. Что представляют собой варвары, с которыми Райоз собирается воевать?

Секретарь состроил презрительную гримасу.

— В донесениях генерала они фигурируют под именем Фонда.

— Что это за Фонд?

— Не знаю, сир. В архивах нет записей о каких-либо фондах. Согласно архивным данным, Галактика кончается Анакреоном, бывшей провинцией Империи, отколовшейся двести лет назад и с тех пор все глубже погрязающей в варварстве. В этой провинции не было планеты под названием Фонд. Правда, сохранились сведения,

что незадолго до отделения Анакреона от Империи в эту провинцию была направлена группа ученых для работы над составлением энциклопедии, — Бродриг улыбнулся. — Эта группа называлась Фондом Энциклопедии.

— Что же вы остановились? — спросил император, когда пауза затянулась. — Продолжайте.

— Мне больше нечего сказать, сир. От ученых не поступало никаких известий, вероятно, вследствие беспорядков в провинции. Если кто-то из их потомков и остался в живых, он наверняка ведет столь же варварский образ жизни, как и весь Анакреон.

— А генерал требует подкрепления, — император с негодованием взглянул на секретаря. — Не странно ли, что для войны с дикарями не хватает десяти кораблей? Я вспомнил этого Райоза: красивый мальчик из хорошей семьи... Бродриг, я ничего не понимаю. По-моему, дело серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

Рука Императора небрежно играла краем покрывала, укрывавшего его окоченевшие ноги. Клеон сказал:

— Мне нужно иметь там надежного человека. Честного, с зоркими глазами и ясным умом. Бродриг...

Бродриг покорно склонил голову.

— А подкрепление, сир?

— С этим подождем, — Император застонал: ему было больно двигаться, — пока обстоятельства не прояснятся. Соберите Совет Лордов на следующей неделе. Заодно решим и финансовые вопросы.

Голова раскалывалась. Император снова лег на подушку, излучающую силовое поле.

— Вы свободны, Бродриг. Постойте, пришлите мне этого пустозвона врача.

5. Война

Корабли Империи осторожно погружались в черную неизвестность Периферии. Пробираясь между блуждающими звездами, они нащупывали границы владений Фонда.

Дальние миры, за два столетия отбившиеся от рук, снова почувствовали шаги хозяев по своей земле. Перед лицом тяжелой артиллерии они клялись в преданности Империи.

На планетах оставались гарнизоны. На погонах военных красовались Солнце и Звездолет. Старики вспоминали забытые рассказы прадедов о временах, когда Солнце и Звездолет правили мирной и процветающей Вселенной.

На границах Фонда разворачивались базы. На скалистой и пустынной блуждающей планете Бел Райоз основал Генеральный Штаб, куда стекались все сведения о продвижении сил Империи.

Райоз сидел в штабе и невесело улыбался Дьюсему Барру.

— Что вы об этом думаете, патриций?

— Имеет ли мое мнение какой-либо вес? Я не военный...

Старик с отвращением оглядел комнату, вкрапленную в мертвый камень.

— Я столько для вас сделал. Могли бы отпустить меня домой, — пробормотал он.

— Еще не время. Не время, — генерал повернулся лицом к большому, блестяще-прозрачному шару, изображающему провинцию Анакреон и соседние сектора. — Когда все закончится, вы вернетесь к своим книгам, и не только к ним. Я позабочусь о том, чтобы вашей семье возвратили фамильные владения.

— Спасибо, — ответил Барр с легкой иронией, — только я, в отличие от вас, не верю, что все быстро и хорошо закончится.

Райоз хрипло засмеялся.

— Довольно пророчеств. Моя карта убедительнее ваших пессимистических теорий, — он нежно провел рукой по невидимой сферической поверхности. — Вы умеете читать радиальную карту? Умеете? Вот, пожалуйста, убедитесь. Золотые звезды обозначают территорию Империи. Красные звезды — владения Фода, розовые изображают планеты, находящиеся в сфере экономического влияния Фонда. Смотрите, — рука Райоза легла на какую-то ручку, и белые точки, которыми была усыпана карта, постепенно поголубели.

— Территории, окрашенные голубым, захвачены моим флотом, — говорил Райоз с явным удовольствием. — Видите, сколько там красных и розовых звезд? Мы продвигаемся все дальше, нигде не встречая сопротивления. Варвары молчат. Фонд также бездействует — спокойно спит в самодовольном неведении.

— Концентрация ваших сил на захваченных территориях невелика? — спросил Барр.

— На первый взгляд это так, но на самом деле этого нельзя сказать. Места, в которых я оставляю гарнизоны и укрепления, немногочисленны, но хорошо подобраны. Поэтому малыми затратами достигается ощутимый результат. Есть у моего плана и другие достоинства, которых не оценит человек, не изучавший стратегию и тактику космической войны. Когда завершится размещение баз, я смогу атаковать Фонд с любого направления, а Фонд сможет контратаковать только в лоб, потому что у меня не будет ни флангов, ни тыла.

Метод окружения часто применялся в прошлом, например, в кампаниях Лориса VI около двух тысяч лет назад, но никогда нападающей стороне не удавалось окружить противника полностью. Обычно обороняющаяся сторона раскрывала намерения нападающей и не давала замкнуть кольцо. В данном случае этого не происходит.

— Война идет, как по учебнику? — лениво спросил Барр.

— Вы все еще считаете, что я потерплю поражение? — запальчиво сказал Райоз.

— Обязательно потерпите.

— Как вам объяснить, что военная история не знает случая, когда бы сторона, окружившая противника полным кольцом баз, проиграла войну? Окружающий может проиграть лишь в том случае, если окружение будет прорвано извне третьей силой.

— Вы говорите логично.

— Тем не менее вы упорствуете в своем неверии.

— Да.

— Дело ваше, — Райоз пожал плечами.

Наступила напряженная тишина. Барр спросил:

— Вы получили ответ от Императора?

Райоз достал сигарету из шкафчика в стене, захватил губами фильтр и закурил.

— Вы имеете в виду просьбу о подкреплении? — спросил он. — Я получил лишь уведомление о том, что она доставлена по назначению. Ответа нет.

— А подкрепления?

— Тоже. Я этого ожидал. Честно говоря, патриций, я жалею, что прислушивался к вашим теориям. Я усомнился в собственных силах, попросил помощи и выставил себя в дурном свете.

— Вы считаете?

— Определенно. Корабли сейчас в большой цене. Гражданские войны последних двух столетий вывели из строя чуть не половину Великого Флота. То, что осталось, находится в неудовлетворительном состоянии. Новые корабли и подавно никуда не годятся. Наверное, во всей Галактике нет человека, который сумеет собрать хороший гиператомный мотор.

— Я знаю, — старик задумался. — Однако, я думал, что вам это неизвестно. Итак, Его Императорское Величество не станет разбрасываться кораблями. Психоистория вполне могла это предвидеть, и, скорее всего, предвидела. Я бы сказал, что первый раунд выигрывает мертвая хватка Хари Селдона.

— Мне хватит моих кораблей, — резко ответил Райоз. — Ваш Селдон ничего не выигрывает. Если потребуются дополнительные корабли, они будут. Император еще не знает всех обстоятельств.

— Что же вы от него скрыли?

— Вы не догадываетесь? Ваши теории! — Райоз усмехнулся. — При всем уважении к вам я не могу поверить вашим пророчествам. Если все же, они подтвердятся, я забью тревогу и начну требовать помощи настойчивей. Кроме того, — с нажимом произнес генерал — ваши ничем не подтвержденные предположения попахивают государственной изменой и вряд ли понравятся Его Императорскому Величеству.

Старый патриций улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что император не сочтет достойным внимания предупреждение о том, что кучка нищих варваров собирается опрокинуть его трон? Если так, не следует ждать от него ответа.

— Почему же, он может прислать к нам наблюдателя.

— Зачем?

— Это старая традиция. Представители короны обычно присутствуют на особо важных для Империи кампаниях.

— В какой роли?

— Во-первых, они осуществляют власть центра на местах, а, во-вторых, проверяют лояльность генералов, что не всегда удается.

— Мне кажется, генерал, вам будет не очень приятно оказаться под надзором.

— Бесспорно, — Райоз покраснел, — но у меня нет выбора.

На столе засветилась какая-то лампочка, и из щели рядом с ней выскочила капсула с письмом. Райоз вскрыл капсулу и развернул письмо.

— Отлично!

Дьюсем Барр вопросительно приподнял бровь.

— Захвачен в плен торговец, — пояснил Райоз. — Торговец жив, корабль цел.

— Слышал об этом.

— Его доставили сюда, и через несколько минут мы его увидим. Не уходите, патриций. Вы можете понадобиться мне во время допроса. Для этого я вас и пригласил. Вы должны лучше меня понять, что он будет говорить.

Раздался гудок, генерал наступил под столом на какую-то кнопку, и дверь открылась. На пороге стоял высокий бородатый человек в куртке из искусственной кожи с капюшоном, откинутым на спину. Он был безоружен, но, казалось, ничуть не смущался тем, что его окружали вооруженные люди.

Он раскованно шагнул в комнату, окинул ее оценивающим взглядом, чуть заметно кивнул генералу и сделал невнятный приветственный жест рукой.

— Назовитесь, — потребовал Райоз.

— Латан Деверс, — торговец засунул большие пальцы за пояс. — Вы здешний босс?

— Вы торговец Фонда?

— Верно. Послушайте, если вы босс, велите своим людям не хозяйничать на моем корабле.

Генерал поднял голову и холодно взглянул на пленника.

— Вы здесь находитесь не для того, чтобы отдавать распоряжения, а для того, чтобы отвечать на мои вопросы.

— Хорошо. Я человек покладистый. Правда, один из ваших ребят сунул нос, куда не следует, и заработал дырку в голове.

Райоз перевел взгляд на лейтенанта, вошедшего вместе с пленным.

— Врэнк, этот человек не лжет? В донесении говорилось, что потерь нет.

— На момент отправки донесения их не было, сэр, — стал оправдываться лейтенант. Тогда мы еще не начали обыскивать корабль. Прошел слух, что на корабле женщина, мы вошли и стали ее искать. Женщины на борту не оказалось, зато было много различных приборов неизвестного назначения. Пленный утверждает, что это его товар. Один из солдат взял в руки какой-то прибор, произошла вспышка, и солдат умер.

Генерал вновь обернулся к торговцу.

— У вас на борту ядерное оружие?

— Клянусь Галактикой, нет. Зачем оно мне? Этот неуч схватил атомный перфоратор, повернул рабочей стороной к себе и включил на максимальную мощность. Кто мог предположить, что так получится? Это все равно, что направить себе в лицо нейтронную пушку. Я бы остановил его, но на мне сидели пятеро солдат.

Райоз приказал охране:

— Выйдите. Корабль опечатать, — и добавил. — Садитесь, Деверс.

Деверс сел на указанное место и оказался под огнем взглядов имперского генерала и сайвеннского патриция.

— Вы благоразумный человек, Деверс, — сказал генерал.

— Спасибо. Вам на самом деле понравилось мое лицо или вы делаете комплимент, рассчитывая что-то получить в ответ? Скажу одно: я деловой человек.

— Это одно и то же. Сдавшись, вы спасли свой корабль и сэкономили наши боеприпасы. Если вы и дальше будете действовать, исходя из принципов экономии, можете рассчитывать на хорошее отношение.

— К этому я и стремлюсь, босс.

— Отлично, а я стремлюсь к сотрудничеству, — улыбнулся Райоз.

— Вполне понятное стремление, — доброжелательно заметил Деверс, — только о каком сотрудничестве вы говорите, босс? Я даже не знаю, где нахожусь. Для начала объясните, где я и в чем дело.

— О, простите, мы не представились, — Райоз был в хорошем расположении духа. — Этот джентльмен — Дьюсем Барр, патриций Империи. Я Бел Райоз, пэр Империи и генерал третьей ступени вооруженных сил Его Императорского Величества.

У торговца отвисла челюсть.

— Империя? Это та самая Империя, о которой нам рассказывали в школе? Интересно! Я думал, что она больше не существует.

— Как видите, существует, — заметил Райоз.

— Мог бы догадаться, — Латан Деверс поднял глаза к потолку. — За мной гналась такая махина, каких я ни в одном соседнем королевстве не видел, — он наморщил лоб. — За что вам здесь платят, босс? То есть, генерал?

— За войну.

— Империя против Фонда, так?

— Точно.

— Зачем?

— Мне кажется, вы сами это понимаете.

Глядя генералу в глаза, торговец покачал головой.

— Уверен, что понимаете.

— Жарко здесь, — пробормотал Латан Деверс.

Он встал, расстегнул куртку и снова сел, вытянув ноги.

— Похоже, вы ждали, что я упаду в обморок, — заговорил он, — или намочу штаны от страха. А я могу вас одной левой придушить, если захочу, и этот старикан, который все время молчит, ничего против меня не сделает.

— Вы не захотите, — сказал Райоз уверенно.

— Верно, не захочу, — дружелюбно согласился Деверс. — Прежде всего, с вашей смертью война не прекратится. Вместо вас пришлют еще десяток генералов.

— Абсолютно правильно.

— Кроме того, если я убью вас, то ваши люди убьют меня. Может, не сразу, но это неважно. Важно то, что я этого не хочу. Быть убитым невыгодно: это никогда не окупится.

— Я знал, что вы благоразумный человек.

— Знаете, чего я хочу, босс? Я хочу, чтобы вы объяснили, зачем Империи воевать с Фондом? Вы сказали, что я сам должен это знать; я не знаю, а загадки отгадывать терпеть не могу.

— Вы слышали о Селдоне?

— Нет. Я сказал, что не люблю загадок.

Райоз быстро взглянул на Дьюсема Барра, тот улыбнулся в ответ и снова погрузился в задумчивость.

— Деверс, не притворяйтесь, — поморщился Райоз. — Ваш Фонд живет легендой, преданием или предсказанием о том, что вокруг него должна образоваться Вторая Империя. Мне известно многое о психоисторических выкладках Хари Селдона и о ваших планах агрессии против Империи.

— Даже так? — удивился Деверс. — Кто вам это сказал?

— Какое это имеет значение? — в голосе Райоза зазвучала угроза. — Здесь вопросы задаю я, а не вы. Говорите, что вы знаете о Селдоне.

— Вы сами сказали, что это легенда...

— Не придирайтесь к словам, Деверс!

— Я не придираюсь. Это действительно легенда. Каждый мир рассказывает сказки по-своему. Слыхал я и о Селдоне, и о Второй Империи. Бабушки рассказывают малышам на ночь. Ребята постарше гоняются за призраком Селдона по кладбищам и свалкам. Чепуха, глупость, да и только!

Взгляд генерала потемнел.

— Не лгите мне, любезнейший. Я был на планете Термин, встречался с людьми и знаю, что такое Фонд.

— Зачем же расспрашивать о нем меня? За последние десять лет я пробыл на Термине не больше двух месяцев. Вы лучше меня знаете, с кем вам придется воевать. Вперед! Не теряйте времени.

— Вы уверены, что Фонду нечего бояться? — осторожно спросил Барр.

Торговец обернулся к старику. Лицо его покраснело, и четко проступил белый шрам.

— А-а, молчальник заговорил. С чего вы взяли, док, что я в чем-то уверен?

Райоз сделал Барру едва заметный знак глазами, и тот продолжал:

— Если бы вы на секунду допустили, что ваш мир может потерпеть поражение и что, возможно, впоследствии вам долго придется пожинать горькие плоды войны, вы бы не были так беспечны. Я пережил войну и знаю, что это такое.

Латан Деверс потеребил бороду, глядя то на генерала, то на патриция, и засмеялся.

— Босс, он всегда так странно говорит? Подумайте, — торговец посерьезнел, — что такое поражение? Я видел войны и поражения. Планета переходит из рук в руки — ну и что? Кого это волнует? Мне и таким, как я, до этого нет никакого дела, — он презрительно фыркнул. — Поймите, планетой правят полдесятка толстосумов. Я не стану плакать, если их убьют. Народ? Простые люди? Конечно, некоторые погибнут, остальных на какое-то время обложат дополнительными налогами, но постепенно все успокоится, пойдет своим чередом, только наверху будут сидеть другие толстосумы.

Ноздри Барра раздулись, руки задрожали, но он промолчал. От торговца не укрылось волнение старика.

— Послушайте, — с еще большим жаром заговорил он, — я провел всю жизнь в космосе, торгуя вилками, ложками и перфораторами. На пиво с кренделем я зарабатываю. А там, — он показал большим пальцем за спину, — сидят толстые дяди и за минуту зарабатывают столько, сколько я — за год, потому что снимают сливки с тысяч таких, как я.

Если на их место сядете вы, мы будем необходимы вам и, пожалуй, больше, чем им, потому что вы ничего здесь не знаете. Я не против Империи, если от нее можно получать деньги.

Торговец вызывающе взглянул на генерала и патриция.

Несколько минут все молчали. На стол выскочило еще одно письмо. Генерал прочитал его и потянулся за плащом. Застегивая плащ под подбородком, Райоз шепнул Барру одними губами:

— Поручаю этого человека вам. Жду результата. Идет война, слабые не должны рассчитывать на милость. Помните это, — отсалютовав обоим, он вышел.

Латан Деверс посмотрел вслед генералу.

— Куда он побежал? Что случилось?

— Очевидно, началась война, — хрипло ответил Барр, — силы Фонда пошли в наступление. Пойдемте со мной.

В комнате появились вооруженные солдаты. Они держались почтительно, но лица их были суровы. Вслед за стариком Деверс вышел в коридор.

Они перешли в другую комнату, поменьше и поскромнее. Там стояли две кровати, видеоэкран, в углу душ и другие приспособления для соблюдения гигиены. Солдаты вышли и закрыли толстую дверь.

— Хм, — Деверс с недовольным видом огляделся, — Какие крепкие стены!

— Крепкие, — подтвердил Барр и отвернулся.

— Вам-то что нужно, док? — не выдержал торговец.

— Ничего. Мне поручено наблюдать за вами.

— Наблюдать? — Торговец встал и навис над старым патрицием. — Почему же солдаты, провожая нас в эту камеру, держали вас под прицелом точно так же, как и меня? Слушайте, чего вы кипятились, когда я говорил, что думаю о войне и мире?

Ответа не последовало.

— Хорошо. Задам другой вопрос. Вы сказали, что пережили войну и поражение. С кем вы воевали? С пришельцами из другой Галактики?

— С Империей, — поднял глаза Барр.

— И после этого вы здесь?

Барр ответил красноречивым молчанием. Торговец понимающе кивнул, выпятив нижнюю губу. Он снял с правого запястья браслет из плоских звеньев и протянул старику.

— Нравится?

Такой же браслет украшал и левую руку торговца. Старик взял украшение и, помедлив, надел. Проявилось странное ощущение, которое вскоре прошло.

— Все в порядке, док, — сказал Деверс другим голосом, — он так работает. Можете говорить, что угодно. Если нас захотят подслушать, ничего не выйдет. У вас на руке исказитель сигнала, изобретение самого Мэллоу. Стоит двадцать пять кредитов, а вам досталось бесплатно. Когда будете говорить, старайтесь не шевелить губами.

Дьюсем Барр вдруг почувствовал усталость. Пронзительные глаза торговца требовали невозможного.

— Что вам нужно? — спросил Барр, проталкивая слова между неподвижными губами.

— Я говорил. Вы произносите слова, которые можно услышать только от патриота. Империя разгромила ваш мир, а вы работаете на генерала имперской армии. Одно с другим не вяжется, правда?

Барр ответил:

— Я выполнил свой долг. От моей руки погиб наместник императора.

— Какой?

— Тот, который правил сорок лет назад.

— Сорок? — слова Барра произвели на торговца заметное впечатление. Он нахмурился. — Все же не стоило на этом успокаиваться. Молодой блондин с генеральскими погонами знает?

Барр кивнул.

— Вы хотите, чтобы Империя победила? — спросил торговец, недобро прищурившись.

Старый патриций взорвался.

— Пусть ее постигнет космическая катастрофа! Вся Сайвенна об этом молится. Империя убила моего отца, сестру, братьев. А теперь у меня дети и внуки, и генерал знает, где их искать.

Деверс молчал. Барр продолжал, теперь уже шепотом:

— Это не остановит меня, если я пойму, что стоит рисковать. Они сумеют умереть достойно.

— Вы говорите, что убили вице-короля? — заговорил торговец. — Сорок лет назад? Как раз в это время наш мэр Хобер Мэллоу был на Сайвенне, ведь так называется ваш мир? Он встретился с человеком по имени Барр.

Дьюсем Барр подозрительно взглянул на торговца.

— Что еще вам об этом известно?

— То же, что каждому торговцу Фонда. Вы думаете, я не догадываюсь, зачем вас ко мне приставили, старый хитрец? Вас водят под охраной, вы ненавидите Империю и во сне видите ее крах. Я должен растаять и все вам выложить. Номер не пройдет, док. Тем не менее мне будет приятно, если вы сможете доказать, что вы сын Онама Барра с Сайвенны, младший, шестой сын, чудом оставшийся в живых.

Дрожащими руками Дьюсем Барр открыл плоскую металлическую шкатулку, стоящую на полке в нише, и передал торговцу тихо позвякивающую металлическую цепь.

— Смотрите сюда, — сказал он.

Деверс приблизил самое крупное звено к глазам и шепотом выругался.

— Провалиться мне на этом месте, здесь монограмма Мэллоу, а конструкция пятидесятилетней давности!

Он посмотрел на Барра и улыбнулся.

— Лучшего доказательства не придумаешь. Вашу руку, док, — и протянул свою.

6. Фаворит

Из черной пустоты возникли крошечные кораблики и понеслись навстречу армаде. Они летели без единого выстрела и открыли огонь, лишь вклинившись в строй вражеских кораблей. Огромные корабли Империи неуклюже зашевелились, как сонные звери, которых донимают москиты. Две беззвучные вспышки прорезали космос, и два кораблика рассыпались на атомы. Остальные исчезли.

Большие корабли не стали отвлекаться на их поиски, они продолжали плести паутину окружения, захватывая мир за миром.

Бродриг, в роскошной, искусно скроенной военной форме, прогуливался по саду вокруг штаба верховного командования, расположенного на маленькой планете Ванда. Он шел медленно, глядя под ноги. Рядом шагал Бел Райоз, в темно-серой полевой форме с расстегнутым воротом.

Райоз заметил гладкую черную скамейку под папоротником, поднявшим перистые листья к белому солнцу.

— Взгляните, сэр, на этот обломок Империи, — сказал генерал. — Города пустеют, заводы останавливаются, а скамьи, поставленные для влюбленных, готовы служить.

Райоз сел, а личный секретарь императора Клеона II стоял и точными ударами трости сбивал с папоротника листья.

Райоз закинул ногу на ногу, предложил Бродригу сигарету и заговорил:

— Я преклоняюсь перед просвещенной мудростью Императора, приславшего столь компетентного наблюдателя, как вы. В глубине души я боялся, что Император за более важными делами забудет о незначительной приграничной кампании.

— От внимания Императора ничто не ускользает, — машинально ответил Бродриг. — Мы не склонны недооценивать роль вашей кампании, и все же мне кажется, что вы преувеличиваете ее трудность. Стоит ли затевать окружение ради войны с их миниатюрными корабликами?

Райоз покраснел, но сдерживался.

— Я хочу подготовить наступление, чтобы лишний раз не рисковать кораблями и человеческими жизнями. У меня не так много людей.

Окружение позволит свести потери к минимуму. Стратегические соображения я излагал вам вчера.

— Сдаюсь, сдаюсь: я не военный. Позволю вам уверить меня в том, что позиция, которая мне кажется правильной, в корне неверна. И все же ваши предостережения излишни. Во втором

донесении вы просили подкрепления. Между тем, ваш противник — кучка нищих варваров, с которыми у вас не было ни одного столкновения. В подобных обстоятельствах ваша просьба свидетельствует в лучшем случае о некомпетентности. Если бы ранее вы не зарекомендовали себя способным и смелым военачальником, я пришел бы к весьма нелестному мнению о вас.

— Спасибо, — холодно сказал генерал, — позвольте напомнить, что смелость и недальновидность — не одно и то же. Решительно действовать можно лишь тогда, когда знаешь противника и можешь хотя бы приблизительно просчитать исход компании. Выступать же против неизвестного противника, по-моему, бессмысленно. Это то же самое, что проводить соревнования в беге с препятствиями в темноте.

Бродриг сделал небрежное движение пальцами.

— Остроумно, но неубедительно. Вы были на варварской планете. Вы захватили в плен торговца. Неужели этого недостаточно?

— Нет. Прошу вас помнить, что в жизни мира, самостоятельно развивавшегося в течение двух столетий, нельзя разобраться за месяц. Я простой смертный, а не супермен с видеоэкрана. А единственный пленный, к тому же торговец, не связанный непосредственно с миром противника, не может посвятить меня во все тайны этого мира.

— Вы допросили его?

— Да?

— И что же?

— Результат есть, но не значительный. Его корабль слишком мал, чтобы его можно было использовать для нужд флота. Вещи, которые он вез для продажи, забавны, но не более. Я отобрал несколько наиболее хитроумных приспособлений; стоит отослать их Императору. На корабле много приборов, в которых мне не разобраться. Впрочем, я не специалист в этой области.

— Среди ваших людей должны быть специалисты по технике, — заметил Бродриг.

— Я это предположил, — язвительно ответил Райоз, — но оказалось, что их квалификация оставляет желать лучшего. Я послал за людьми, которые разбираются в ядерной энергетике, но ответа не получил.

— Мы не можем позволить себе, генерал, разбрасываться такими людьми. Неужели во всей провинции вы не можете найти нужного специалиста?

— Если бы я такого человека нашел, то на моих кораблях стояли бы исправные двигатели. Два из десяти кораблей моего флота не могут полноценно участвовать в сражении, потому что у них отказывают двигатели. Пятая часть моих сил пригодна для использования лишь во втором эшелоне.

Секретарь императора нетерпеливо пошевелил пальцами.

— В этом вы не одиноки, генерал. То же самое говорит Император.

Генерал отбросил истерзанную сигарету, закурил другую и пожал плечами.

— Это слабое утешение. Если бы у меня был хороший техник, я починил бы психозонд и узнал от пленного больше.

Секретарь поднял брови.

— У вас есть психозонд?

— Старый. И устаревший морально. Я включил его, когда пленный спал, но ничего не получилось. Проверил на собственных людях — работает. Никто из моих техников не мог понять, почему зонд не действует на пленного. Дьюсем Барр, специалист по физике частиц, говорит, что психика пленного может не реагировать на зонд вследствие того, что он всю жизнь находился в другом окружении и его нервная система развивалась под действием других стимулов. Не знаю. На всякий случай я сохранил ему жизнь. Может, еще удастся каким-либо образом его использовать.

Бродриг облокотился на трость.

— Я поищу в столице необходимого вам специалиста. Теперь, к чему вам старый сайвеннский патриций? По-моему, вы чересчур терпимы к врагам.

— Он хорошо осведомлен о противнике и может оказаться полезным.

— Он сын закоренелого сайвеннского мятежника.

— Он стар и слаб, и его семья у меня в заложниках.

— Понятно. Вы позволите мне поговорить с пленным торговцем?

— Конечно.

— Наедине, — жестко добавил секретарь императора.

— Разумеется, — согласился Райоз. — Как лояльный подданный Императора, я считаю его представителя своим начальником. Правда, пленный находится на одной из тыловых баз, и для беседы с ним вам придется покинуть передовую в ответственный момент.

— Ответственный? Что случилось?

— Мы завершили окружение, и через неделю Двадцатый пограничный флот будет штурмовать твердыни противника. — Райоз улыбнулся и отвернулся.

Бродриг почувствовал себя уязвленным.

7. Подкуп

Сержант Мори Люк по праву считался идеальным солдатом. Он был родом из сельскохозяйственных областей Плеяд, где единственной альтернативой крестьянскому труду была армия. Туповатый, он шел без страха навстречу опасности и успешно противо-

стоял ей благодаря природной силе и ловкости. Он выполнял приказы добросовестно и беспрекословно, требуя того же от подчиненных ему солдат, и всем существом обожал своего генерала.

При этом у него был легкий характер. Если по долгу службы требовалось убить человека, Люк убивал без колебаний, но и без злобы.

Сержант Люк постучал в дверь — исключительно из вежливости, он имел полное право входить без предупреждения — и вошел в комнату.

Двое оторвались от ужина, один из них поспешно наступил на старенький карманный приемник, что-то вещавший скрипучим голосом из-под стола.

— Книги принес? — спросил Латан Деверс.

Сержант протянул ему свернутую в тугую трубку пленку и поскреб в затылке.

— Это дал инженер Орр, на время. Он собирается отправить ее домой, детям в подарок.

Дьюсем Барр с интересом разглядывал пленку.

— Как она попала к инженеру Орру? У него есть читающий аппарат?

Сержант покачал головой.

— Нет. Это единственный, — и показал на поломанный прибор, стоящий в ногах кровати. — Орр достал эту штуковину в одном из занятых миров. В том доме не было аппарата для чтения. Книгу ему тоже не давали, пришлось убить нескольких местных, чтобы ее заполучить, — он одобрительно глянул на книгу. — Занятный подарок детям!

Сержант помолчал, потом сказал, хитровато прищурившись:

— Есть хорошие новости. Пока что это только слух, но такой радостный, что так и хочется рассказать. Генерал закончил окружение.

— Ну и что? — спросил Деверс.

— До чего лихой вояка! — сержант улыбнулся с отеческой гордостью. — Как ловко все провернул! У нас есть парень, мастер красиво говорить; так вот, он сказал, что генерал разыграл окружение как по нотам. Любопытно, что за ноты такие?

— Значит, скоро начнется наступление? — осторожно спросил Барр.

— Наверное, — бодро ответил сержант. — Так хочется на корабль! Рука срослась, можно драться. Надоело здесь сидеть.

— Мне тоже, — тихо, но твердо сказал Деверс, кусая нижнюю губу.

Сержант подозрительно покосился на него и сказал:

— Я, пожалуй, пойду: не то придет капитан, застанет здесь — мне попадет.

На пороге сержант задержался.

— Совсем забыл, сэр, — смущенно обратился он к торговцу. — Получил письмо от жены, она так довольна холодильником, что вы мне подарили, помните? Пишет, что уже заморозила месячный запас провизии. Большое спасибо.

— Не за что, пользуйтесь на здоровье.

Толстая дверь бесшумно закрылась за улыбающимся сержантом.

Дьюсем Барр поднялся со стула.

— Он с лихвой отплатил нам за холодильник. Давайте-ка взглянем на книгу... Ах! Заглавие потерялось!

Он отмотал около ярда пленки и принялся разглядывать ее на свет.

— Как говорит сержант, разрази меня гром! Деверс, это «В саду Саммы».

— Ну и что? — отозвался Деверс без интереса, отодвигая пустую тарелку. — Бросьте вы эту древнюю литературу, Барр. Сядьте. Вы слышали, что сказал сержант?

— Слышал, а что?

— Начинается наступление, а мы сидим здесь!

— Где вы предпочитаете сидеть?

— Барр, вы понимаете, что я хочу сказать. Пора действовать.

— Действовать? — Барр осторожно заправлял пленку в читающий аппарат. — За последний месяц вы подробно ознакомили меня с историей Фонда, деятели которой отнюдь не спешили действовать, предпочитая ожидать, пока события сами не начнут развиваться в выгодном направлении.

— Ах, Барр, они делали это сознательно!

— Сомневаюсь. Скорее всего, они заявляли об этом, когда все заканчивалось благополучно; хотя, кто знает? И кто знает, не пошли бы дела еще лучше, если бы они действовали неосознанно? Глубинные социально-экономические тенденции не зависят от действий отдельных людей.

Деверс фыркнул:

— Спорите вы как-то задом наперед. Может, все было бы хуже, если бы они действовали неосознанно, — он задумался. — Что, если застрелить его?

— Кого? Райоза?

— Да.

Барр вздохнул. На него нахлынули воспоминания.

— Убийство вождя — не выход, Деверс. Когда мне было двадцать, я убил вождя, но это ничего не решило. Я уничтожил негодяя, но не его Империю, а причиной всех бед была Империя. а не этот злосчастный негодяй.

— Док, Райоз не просто негодяй. На нем держится вся армия. Без него она распадется. Солдаты любят его, как отца родного. Сержант только вспомнит его — тут же слюни пускает!

— Пусть так. Но есть другие армии и другие генералы. Копайте глубже. Сюда прибыл Бродриг, который имеет на императора огромное влияние. По его требованию сюда пришлют сотни кораблей, тогда как Райозу дали только десять. Я много о нем слышал.

— Правда? Что же вы слышали? — в глазах торговца поубавилось отчаяния и засветился интерес.

— Он негодяй незнатного происхождения, добившийся расположения Императора с помощью лести и угодничества. Его ненавидят все придворные аристократы, тоже порядочные мерзавцы, за то что он, простолюдин, не проявляет по отношению к ним достаточного почтения. Он первый советник императора во всех делах и правая рука во всех злодеяниях. Прирожденный изменник, но вынужден быть верным. Во всей Империи нет человека, настолько утонченного в жестокости и грубого в наслаждениях. Говорят, что путь к Императору лежит через Бродрига, а путь к Бродригу — через бесчестье.

— О-о-о! — Деверс подергал аккуратно подстриженную бороду. — Значит, Император прислал его присматривать за Райозом. Знаете, мне в голову пришла идея.

— Теперь знаю.

— А что, если Бродригу не по душе любимец армии?

— Скорее всего. Бродриг не отличается способностью испытывать добрые чувства.

— А что, если Райоз сильно ему досадит? Об этом узнает Император, и у молодого генерала будут неприятности.

— Вполне возможно. Вы предлагаете это устроить? Каким образом?

— Не знаю. Может, подкупить?

Патриций засмеялся.

— Конечно, его можно подкупить, только не так, как вы подкупили сержанта. Бродригу мало мини-холодильника. Даже если вы подберете взятку, приличествующую его положению, вы можете потерпеть неудачу. Бродриг берет взятки, но зачастую их не отрабатывает. Настолько это бесчестный тип. Ваши деньги пропадут впустую. Придумайте что-нибудь другое.

Деверс закинул ногу на ногу и принялся усиленно думать, покачивая носком сапога в воздухе.

Снова раздался стук и вошел сержант. Он был сильно взволнован, лицо раскраснелось, глаза испуганно мигали.

— Сэр, — начал он, стараясь быть вежливым, — я очень благодарен вам за холодильник и за то, что вы говорили со мной, хотя я сын простого фермера, а вы важные лорды.

От волнения он перестал бороться с акцентом, его было трудно понять; сквозь армейскую выправку пробивались деревенские привычки.

Барр мягко спросил:

— Что случилось, сержант?

— Лорд Бродриг едет вас допрашивать. Завтра будет здесь. Я знаю, потому что капитан велел готовиться к смотру. Я подумал, что нужно вас предупредить.

— Спасибо, сержант, — сказал Барр, — мы вам признательны. Не волнуйтесь, это не так страшно.

Между тем на лице сержанта был именно страх. Люк прошептал:

— Вы не знаете, что о нем говорят. Он продал душу злым духам Галактики. Не смейтесь. О нем такое рассказывают! Будто у него есть люди с бластерами, они за ним всюду ходят, и когда ему хочется повеселиться, он приказывает им стрелять в первого встречного. Они стреляют, а лорд Бродриг смеется. Говорят, даже Император его боится, он заставляет Императора поднимать налоги и не пускает к нему никого жаловаться.

А еще говорят, что он ненавидит генерала. Говорят, будто он хочет генерала убить, потому что генерал великий и мудрый. Только у него не получится, потому что генерал не промах и знает, что лорд Бродриг плохой человек.

Сержант заморгал и улыбнулся, смущенный своей неожиданной откровенностью, и попятился к двери. С порога кивнул и сказал:

— Вы на него как глянете — вспомните мои слова, — и закрыл за собой дверь.

— Недурной поворот событий, а док? — глаза Деверса разгорелись.

— Это зависит от настроения Бродрига, — сухо сказал Барр.

Деверс не слышал: он думал. Думал изо всех сил.

Лорд Бродриг пригнул голову и вошел в жилую каюту торгового корабля. Двое телохранителей, с бластерами наизготовку и профессиональными улыбками наемников на лицах, вошли следом.

Глядя на личного секретаря императора, нельзя было сказать, что его душа погублена. Если ее и купил какой-нибудь галактический демон, внешне это никак не проявлялось. Скорее, Бродриг был светлым пятном на сером, скучном фоне военной базы.

Жесткие линии его безупречного костюма, украшенного позументами, делали Бродрига выше. Над воротником холодно блестели глаза. На запястьях подрагивали и переливались перламутровые украшения.

Он изящно облокотился на белую слоновой кости трость, посмотрел на торговца сверху вниз и сказал:

— Нет. Оставайтесь здесь. Мне не нужны ваши игрушки.

Он взял стул, тщательно протер его куском муаровой ткани, прикрепленным к трости, и сел. Деверс поискал взглядом стул для себя, но Бродриг небрежно бросил:

— В присутствии пэра Империи вам придется постоять, — и улыбнулся.

Деверс пожал плечами.

— Если вам не нужен мой товар, зачем мы сюда пришли?

Личный секретарь императора холодно ждал, и Деверс нехотя добавил:

— ...сэр?

— Чтобы побеседовать наедине, — ответил секретарь. — Неужели бы я проделал путь в двести парсеков ради того, чтобы полюбоваться безделушками? Я хотел увидеть именно вас, — он вынул из украшенной гравировкой коробочки розовую таблетку, зажал между зубами и принялся с увлечением сосать. — Скажите, к примеру, кто вы такой? Вы действительно гражданин варварского мира, который затеял всю эту чехарду?

Деверс с достоинством кивнул.

— Вас на самом деле взяли в плен после того, как началась эта склока, называемая войной?

Деверс снова кивнул.

— Великолепно, мой дорогой чужеземец! Вижу, вы не отличаетесь красноречием. Я облегчу вам задачу. Создается впечатление, что наш генерал ведет, и очень активно, совершенно бессмысленную войну за крошечный мирок, расположенный у края неизвестности, за который разумный человек и выстрела не сделает. Между тем, генерала нельзя назвать неразумным. Напротив, он весьма рассудительный человек. Вы меня понимаете?

— Не могу этого сказать, сэр.

Секретарь проинспектировал свои ногти и сказал:

— Хорошо, слушайте дальше. Генерал ради одной славы не пошлет людей на смерть. Да, он говорит о славе и чести Империи, но совершенно очевидно, что он не дотягивает до железного полубога Героической Эры. Его волнует не только слава, иначе он не стал бы проявлять такую странную и несколько неуместную заботу о вас. Если бы вы оказались в плену у меня и сказали бы мне так же немного, как сказали генералу, я вспорол бы вам живот и удушил бы вас вашими собственными кишками.

Деверс оставался бесстрастным, только покосился на молодцов с бластерами. Те были готовы к действию, им даже не терпелось.

Секретарь императора улыбнулся.

— Ах вы, молчаливый дьявол! Генерал говорил, что вас даже зонд не берет. Он напрасно это сказал; он выдал себя с головой, я теперь не верю ни одному его слову, — Бродриг был в приподнятом настроении.

— Мой честный торговец, — продолжал он, — у меня есть собственный психозонд, который должен вызвать у вас реакцию. Взгляните...

Императорский секретарь держал двумя пальцами, небрежно, несколько покрытых розово-желтыми разводами бумажных прямоугольников, назначение которых было очевидно.

— Похоже на деньги, — сказал Деверс и угадал.

— Это и есть деньги, лучшие деньги в Империи, обеспеченные моими поместьями, которые обширнее, чем поместья самого Императора. Сто тысяч кредитов. Вот они, у меня в руке. И все ваши!

— За что, сэр? Я всю жизнь торгую и знаю, что торговля — дело обоюдное.

— За что? За правду. Чего хочет генерал? Зачем ему эта война?

Латан Деверс вздохнул и задумчиво разгладил бороду. Глаза его следили за движениями рук секретаря, считавшего деньги.

— Он воюет за Империю.

— Фи! Как банально! По большому счету все воюют за Империю. Чего конкретно он добивается? Какая дорога ведет отсюда, с края света, к трону Империи?

— У Фонда, — с горечью в голосе начал Деверс, — есть тайны. В Фонде много старых книг, таких старых, что только посвященные понимают язык, на котором они написаны. Все это окутано туманом религии и ритуалов, так что никто не может проникнуть в тайны Фонда. Я попытался, и вот я здесь, а там меня ждет смертный приговор.

— Понятно. Так что же тайны? За сто тысяч я имею право на некоторые подробности.

— Трансмутация элементов, — сказал Деверс коротко.

Секретарь прищурился и утратил рассеянный вид.

— Я слышал, что практически трансмутацию осуществить невозможно.

— Если использовать внутриатомные силы. А наши предки были ловкие ребята. Они нашли более мощные силы, чем внутриатомные. Если Фонд осуществляет трансмутацию с помощью этих сил...

У Деверса засосало под ложечкой. Крючок заброшен, рыба готовится проглотить наживку.

— Продолжайте, — сказал секретарь, — Генералу, по всей видимости, это известно. Что же он собирается делать, когда эта опера-буфф закончится?

Деверс старался говорить спокойно.

— Он разорит вашу экономику. Полезные ископаемые станут бесполезными, если он начнет получать вольфрам из алюминия и иридий из железа. Система производства, основанная на изобилии одних элементов и недостатке других, перестанет себя оправдывать. Империя окажется на краю пропасти, и только Райоз сможет предотвратить ее крах.

Его уже нельзя остановить. Он взял Фонд за горло. А расправившись с ним, он за два года станет Императором.

— Итак, — Бродриг засмеялся, — иридий из железа? Хотите, выдам государственную тайну? Вы знаете, что генерал вступил в сношение с Фондом?

Деверс похолодел.

— Вы удивлены? Что здесь удивительного? Все вполне логично. Ему предложили сто тонн иридия в год в обмен на мир. Сто тонн железа, превращенного в иридий вопреки принципам религии. Неплохая плата за жизнь и власть, но наш неподкупный генерал, разумеется, отказался. Ведь он может получить и иридий, и Империю. А бедный Клеон называл его единственным честным генералом. Мой бородатый купец, вы заработали свои деньги!

Он швырнул их в воздух, и Деверс бросился собирать разлетевшиеся бумажки.

У порога Бродриг остановился и обернулся.

— Учтите, торговец, у моих работников нет ни ушей, ни языков, ни мозгов, ни образования. Они не умеют ни слушать, ни говорить, ни писать, ни читать, ни пользоваться психозондом. Зато они умеют пытать и казнить. Я купил вас за сто тысяч кредитов. Если вы об этом забудете и, скажем, попытаетесь пересказать нашу беседу Райозу, вас казнят. По моему методу.

В нежных чертах его лица вдруг проступила алчная жестокость, заученная улыбка превратилась в плотоядный оскал. На долю секунды перед Деверсом предстал галактический демон, которому человек, купивший Деверса, продал душу.

Молча, чувствуя спиной дула бластеров, торговец вернулся в свою камеру. На вопрос Дьюсема Барра он ответил со смутным удовлетворением:

— Нет, и самое интересное: он дал взятку мне.

Два месяца войны не прошли для Бела Рейоза бесследно: он стал жестче и раздражительнее. Благоговеющему сержанту Люку он сказал с нетерпением:

— Подождите за дверью, солдат, а потом отведете этих людей обратно. Никто не должен входить, пока я не позову. Никто, вы поняли?

Сержант, отсалютовав, вышел на подгибающихся ногах, а Райоз с отвращением сгреб со стола накопившиеся в его отсутствие бумаги, сунул их в верхний ящик и резким движением задвинул его.

— Садитесь, — отрывисто сказал он. — У меня мало времени. Я вообще не собирался приезжать, но мне нужно с вами поговорить.

Он повернулся к Дьюсему Барру, тот поглаживал длинными пальцами хрустальный куб, из центра которого смотрело суровое морщинистое лицо Его Императорского Величества Клеона II.

— Во-первых, патриций, — сказал генерал, — ваш Селдон проигрывает. Следует отдать ему должное, он здорово воюет. Люди

Фонда носятся, как заблудившиеся пчелы, и дерутся, как сумасшедшие. Каждая планета отчаянно защищается, а сдавшись, вскоре восстает, так что удержать ее не менее трудно, чем захватить. Но мы их захватываем и удерживаем. Ваш Селдон проигрывает.

— Он еще не проиграл, — пробормотал Барр.

— Сам Фонд менее оптимистично настроен. Мне предлагают миллионы за то, чтобы я не подвергал Селдона решающему испытанию.

— Это мы слышали.

— Слухи летят впереди меня? Последнюю новость слышали?

— Какая из них последняя?

— Та, что лорд Бродриг, любимец Императора, изъявил желание воевать у меня в непосредственном подчинении.

Заговорил Деверс.

— Изъявил желание? Что происходит, босс? Вы прониклись к нему любовью? — он усмехнулся.

— Этого я сказать не могу, — спокойно ответил Райоз, — он купил место за хорошую цену.

— А именно?

— А именно, попросил у Императора подкрепление.

Презрительная улыбка Деверса стала шире.

— Он сказал, что поговорил с Императором, так, босс? И вы со дня на день ждете этого самого подкрепления?

— Нет, не так! Подкрепление уже прибыло. Пять линейных кораблей, личное поздравление от императора и сообщение о том, что придут еще корабли. Что вам не нравится, торговец? — ехидно спросил генерал.

— Все в порядке, — губы Деверса вдруг перестали ему повиноваться.

Райоз вышел из-за стола и стал рядом с торговцем, держа руку на курке бластера.

— Я спрашиваю, что вам не нравится? Почему вы встревожились? В вас проснулся внезапный интерес к Фонду?

— Нет.

— Да! Вы хитрите! Вы подозрительно легко сдались и легко предаете свой мир. Здесь что-то не так.

— Я всегда с победителем, босс. Вы сразу сказали, что я благоразумный человек.

— Допустим, — хрипло сказал Райоз, — но кроме вас, ни один торговец не сдался. Они включали максимальную скорость и силовое поле, либо дрались до последнего. Именно торговцы являются инициаторами партизанской войны на оккупированных планетах и организаторами рейдов в глубину наших позиций. Что же, вы единственный благоразумный человек среди них? Вы не деретесь и не бежите, а добровольно становитесь предателем. Не странно ли это?

Деверс ответил спокойно.

— Я понимаю, к чему вы клоните, только у вас ничего против меня нет. Я сижу полгода тише воды, ниже травы.

— Да, и я платил вам хорошим отношением. Я не трогал ваш корабль и с вами обращался по-человечески. Вы утратили мое расположение. Вернуть его могут сведения об атомных игрушках, которые вы собирались продавать. Они работают на тех же принципах, что и новейшее оружие Фонда, верно?

— Я всего лишь торговец, — сказал Деверс, — я их продавал, а не изготовлял.

— Это мы увидим. Именно для этого я приехал. Для начала мы поищем на вашем корабле генератор индивидуального силового поля. Его носят все солдаты Фонда, на вас я его не видел. Если я его найду, я делаю вывод, что вы сказали мне не все, что могли. Идет?

Ответа не было. Райоз продолжал:

— Будут и другие доказательства. Я привез с собой психозонд. Однажды он не сработал, но контакт с противником — хорошая школа.

В голосе генерала звучала угроза, и Деверс почувствовал, что в грудь ему упирается оружие, которое до сих пор генерал держал в кобуре.

А генерал сказал:

— Снимите браслет и другие металлические украшения и отдайте мне. Видите ли, силовые поля иногда искажаются, а психозонд действует лишь в спокойном состоянии. Вот так. Давайте, давайте!

На столе загорелась лампочка и появилось письмо. Барр все играл с портретом Императора.

Райоз шагнул к столу, держа Деверса под прицелом, и обратился к Барру.

— Вас это тоже касается, патриций. Ваш браслет вынес вам приговор. Вы мне помогли, я не мстителен, но судьбу вашей семьи я намерен решить на основе показаний психозонда.

Райоз нагнулся за письмом, и Барр, подняв оправленный хрусталем бюст Клеона II, спокойно опустил его на голову генерала.

Деверс даже не успел удивиться. В старика будто вселился демон.

— Выходим! — сказал Барр сквозь зубы. — Быстро!

Он подхватил выпавший из рук Райоза бластер и сунул за пазуху. Дверь все же скрипнула, и сержант Люк обернулся.

— Ведите, сержант, — сказал Барр небрежно.

Деверс закрыл за собой дверь.

Сержант Люк довел их до двери в камеру, а потом, после заминки, во время которой в спину ему ткнулось дуло бластера, пошел дальше, повинуясь приказу:

— К торговому кораблю!

Деверс вышел вперед, чтобы открыть дверь, а Барр сказал:

— Стойте спокойно, Люк. Вы хороший человек, и мы не хотим вас убивать.

Но сержант узнал монограмму на бластере.

— Вы убили генерала! — в ярости задохнулся он.

Он закричал, бластер выстрелил, и Люка не стало.

Торговый корабль уже поднимался над планетой, когда замигал сигнал тревоги. Взлетели корабли охраны.

Деверс жестко сказал:

— Держитесь, Барр, сейчас проверим, есть ли у них корабль, который может меня догнать.

Он знал, что такого корабля нет!

В открытом космосе торговец сокрушено произнес:

— Слишком красивую сказку я рассказал Бродригу. Похоже, что он решил войти в долю с генералом.

И они понеслись среди звезд дальше.

8. На Трантор

Деверс склонился над маленьким тусклым шаром, боясь пропустить проблеск жизни. Локатор постоянно посылал в пустой космос сигналы.

Барр ждал, сидя на низенькой кушетке в углу.

— Что, не слышно больше? — спросил он.

— Ребят из Империи? Не слышно, — торговец злился. — Мы от них давно оторвались. Даже если бы у них были корабли быстрее нашего, они бы нас не догнали: мы уже сделали несколько скачков через гиперпространство.

Деверс откинулся на сидении и расстегнул ворот.

— Эти вояки могли разрушить нашу систему связи. Вполне возможно, что я ищу то, чего уже нет.

— Вы пытаетесь связаться с Фондом?

— С Ассоциацией.

— Что такое Ассоциация?

— Ассоциация независимых торговцев. Не слышали? Впрочем, о нас мало кто слышал. Мы еще не заявляли о себе всерьез.

Некоторое время они сидели молча. Молчал и индикатор кругового обзора. Барр спросил:

— Вы находитесь в пределах видимости?

— Не знаю. Я не могу точно определить, где мы находимся. Потому и включил круговой обзор. Мы можем до конца жизни никого не встретить.

— Неужели?

Барр сделал жест по направлению к индикатору. Деверс вздрогнул и надел наушники. В глубине маленького тусклого шара

зарождался робкий свет. Полчаса Деверс пытался раздуть этот огонек связи, светивший из глубины космоса, откуда-то с расстояния пятисот световых лет. Наконец, отчаявшись, снял наушники.

— Давайте поедим, док. Можете помыть руки, только экономьте воду.

Он присел на корточки перед рядом шкафчиков и пошарил в одном из них.

— Надеюсь, вы не вегетарианец?

— Я всеядный, — ответил Барр. — Что же ваша Ассоциация? Вы ее потеряли?

— Похоже на то. Будь мы немного ближе, я бы ее не упустил. Этого следовало ожидать.

Деверс выпрямился и поставил на стол два металлических контейнера.

— Пять минут постоит, потом нажмите сюда и получите тарелку, еду и вилку. Заранее прошу прощения, салфетки не будет. Думаю, вы не откажетесь узнать, что сообщила мне Ассоциация.

— Если это не секрет.

— Для вас не секрет, — покачал головой Деверс. — Райоз говорил правду.

— Насчет выкупа, что ему предложили?

— Да. Он действительно отказался. Дела плохи. Бои идут на границах Лориса.

— Лорис находится рядом с Фондом?

— Да, это одно из Четырех Королевств. Можно сказать, внутренняя линия обороны. Но это еще не самое страшное. Райоз действительно получил подкрепление: большие корабли новой конструкции. Много кораблей. И все из-за меня: я перепугал Бродрига.

Опустив глаза, он открыл контейнер. Блюдо, похожее на жаркое, вкусно запахло. Дьюсем Барр уже ел.

— Если так, довольно импровизаций, — сказал он. — Через линию фронта к Фонду мы не пробьемся, значит, единственное, что нам остается, — терпеливо ждать. Поскольку Райоз вышел на внутреннюю линию обороны, долго ждать не придется.

Деверс отложил вилку.

— Разумеется, — сказал он, возмущенно сверкая глазами, — вам можно подождать! Вам терять нечего.

— Вы считаете? — спросил Барр с тонкой улыбкой.

— Глядя на вас, иначе не скажешь, — Деверс заметно горячился. — Вы ведете себя так, как будто война — не война, а грызня пауков в банке, на которую занятно посмотреть. Я так больше не могу. Враг вошел в мой дом, от его рук гибнут мои сограждане и друзья. А вам что — вы чужой.

— Мне доводилось переживать гибель друзей, — старик уронил руки на колени и прикрыл глаза. — Вы женаты?

— Торговцы не женятся, — ответил Деверс.

— Так вот, у меня двое сыновей и племянник. Я предупредил их, но они, по ряду причин, не смогли скрыться. Наш побег означает их смерть. Дочь и внуки, я надеюсь, покинули планету еще до начала войны. Однако, даже не считая их, я поставил на карту и потерял больше, чем вы.

Деверс не смягчился.

— Вы пошли на это сознательно, — упорствовал он. — Могли бы и дальше работать на Райоза. Я вас не просил...

Барр покачал головой.

— Не было выбора, Деверс. Пусть ваша совесть будет чиста: я рисковал жизнью сыновей не ради вас. Пока было возможно, я сотрудничал с Райозом. Но он собирался применить психозонд.

Патриций открыл глаза, в них было страдание.

— Около года назад Райоз посетил меня в моем доме. Он расспрашивал меня о культе, созданном вокруг волшебников. Райоз неверно ставил вопрос: это не совсем культ. Видите ли, Сайвенна уже сорок лет несет бремя гнета, который теперь угрожает вашему миру. Пять восстаний были потоплены в крови. Однажды мне достались записи Хари Селдона, и из них я узнал, что так называемый культ ждет своего часа.

Он ждет, пока волшебники придут, и готовится к этому дню. Мои сыновья стоят во главе тех, кто ждет. Поэтому я не мог стать под психозонд. Пусть лучше они погибнут как заложники, а не как предводители восстания. Я не мог поступить иначе, и я не чужой!

Деверс опустил глаза. Барр продолжал, уже спокойнее:

— Вся Сайвенна уповает на победу Фонда. Именно ради победы Фонда я пожертвовал жизнью сыновей. Между тем в записях Селдона не сказано, что Фонд непременно победит и Сайвенна непременно освободится. У меня нет уверенности в спасении моего народа, я лишь надеюсь.

— Тем не менее вы согласны ждать. А вражеский флот уже в Лорисе.

— Я поступал бы точно так же, — просто ответил Барр, — даже если бы он высадился на Термине.

Торговец безнадежно вздохнул.

— Я не верю, что дела делаются сами собой. Что бы там ни говорила психоистория, Райоз гораздо сильнее нас. Ваш Селдон ничего здесь не поделает.

— Ничего и не нужно. Все уже сделано. Остается ждать результата. Вы не знаете, что происходит, но это не значит, что не происходит ничего.

— Возможно. А здорово, что вы пристукнули Райоза. Он один опаснее, чем вся его армия.

— Вот уж не знаю. Бродриг его заместитель, — лицо старика исказилось ненавистью. — Он возьмет в заложники всю Сайвенну.

Он уже не раз себя проявил. Есть планета, на которой пять лет назад казнили десятую часть взрослых мужчин только за то, что население не смогло выплатить непосильных налогов. Сборщиком налогов был известный вам Бродриг. Слава космосу, если Райоз остался жив. Его репрессии по сравнению с жестокостью Бродрига — просто милость.

— Но полгода, полгода на вражеской базе без всякой пользы, — Деверс хрустнул пальцами. — Без малейшей пользы!

— Погодите! Вы мне напомнили... — Барр пошарил в складках одежды. — Может оказаться полезным, — и бросил на стол металлическую капсулу.

Деверс схватил ее.

— Что это?

— Донесение. Райоз получил его как раз перед тем, как я его стукнул. Надеюсь, пригодится.

— Не знаю. Нужно посмотреть, что там.

Деверс положил капсулу на ладонь и стал внимательно разглядывать.

Выйдя из-под холодного душа, Барр застал Деверса за рабочим столом в глубокой задумчивости.

Старик спросил прерывисто, шлепая себя по телу, чтобы согреться.

— Что вы собираетесь делать?

Деверс обернулся. На лбу его блестели капельки пота.

— Собираюсь открыть капсулу.

— Не можете открыть без пароля Райоза? — в голосе патриция слышалось удивление.

— Если не открою — выйду из Ассоциации торговцев и до конца жизни не сяду за пульт корабля. Я уже провел электронный анализ содержимого и поработал отмычкой, каких в Империи и не видали. Специально для вскрытия капсул. Я когда-то был взломщиком, я не говорил? Торговцу приходится быть специалистом во всех областях.

Он снова склонился над капсулой, несколько раз коснулся ее маленьким плоским инструментом, высекавшим из нее красные искры.

— И все-таки это топорная работа. В Империи любят внушительные вещи. Вы видели, какие в Фонде капсулы? В два раза меньше и не поддаются электронному анализу.

Деверс замолк, сквозь рубашку было видно, как на плечах напряглись мускулы.

Барр не слышал, как капсула открылась. Деверс облегченно вздохнул, выпрямился и протянул Барру на ладони раскрытую капсулу с высунутым язычком письма.

— От Бродрига, — сказал он и с презрением добавил. — Носитель информации долговременный. У нас письмо через минуту испаряется.

Дьюсем Барр жестом велел ему замолчать и торопливо пробежал письмо глазами.

— Идиот! Напыщенный индюк! — воскликнул он почти в отчаянии. — И это называется донесение?

— В чем дело? — спросил Деверс, слегка разочарованный.

— Здесь нет никакой информации. Вот, прочтите:

ОТ АММЕЛЯ БРОДРИГА, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛАННИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЛИЧНОГО СЕКРЕТАРЯ ИМПЕРАТОРА И ПЭРА ИМПЕРИИ БЕЛУ РАЙОЗУ, ВОЕННОМУ КОМЕНДАНТУ САЙВЕННЫ, ГЕНЕРАЛУ ИМПЕРСКОЙ АРМИИ И ПЭРУ ИМПЕРИИ

ПОЗДРАВЛЯЮ

ПЛАНЕТА N1120 БОЛЕЕ НЕ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ, НАСТУПЛЕНИЕ РАЗВИВАЕТСЯ ПО ПЛАНУ. ВРАГ ТЕРЯЕТ СИЛЫ. НЕТ СОМНЕНИЯ В ТОМ, ЧТО КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ БУДЕТ ДОСТИГНУТА.

Придворный лизоблюд играет в генерала. Райоз уехал, и командование флотом перешло к этому павлину, которому хочется потешить свое мелкое самолюбие причастностью к победе, к которой он на самом деле непричастен. «Планета номер такой-то более не сопротивляется»! «Наступление развивается по плану»! «Враг теряет силы»! У него, по-видимому, в голове вакуум.

— Погодите, погодите...

— Бросьте его в корзину для мусора! — старик казался подавленным. — Клянусь Галактикой, я не надеялся, что это донесение будет иметь вселенское значение, но в военное время, казалось бы, можно надеяться, что пропажа даже рутинного сообщения должна повлечь за собой какие-то изменения в ходе военных действий. Поэтому я и прихватил капсулу. Но это убожество! Его вполне можно было оставить Райозу. Оно отняло бы у генерала минуту-другую, которую благодаря мне он использовал более плодотворно.

Деверс встал.

— Замолчите наконец! Успокойтесь ради Селдона! — он сунул письмо Барру под нос. — Еще раз внимательно прочтите. Что подразумевается под «конечной целью»?

— Завоевание Фонда, что же еще?

— И только? А может быть, завоевание трона Империи? Вы не предполагали, что такова конечная цель деятельности Бродрига?

— В самом деле?

— Представьте себе, ни больше, ни меньше, — Деверс криво усмехнулся. — Немного терпения, и вы в этом убедитесь.

Пальцем он затолкал щедро украшенное монограммами письмо обратно в капсулу. Раздался тихий щелчок, и капсула закрылась. Внутри что-то тихонько похрустывало — приходила в себя потревоженная вскрытием автоматика.

— Итак, без пароля Райоза капсулу открыть невозможно?

— В Империи невозможно, — ответил Барр.

— В таком случае, донесение считается аутентичным, а его содержимое — известным лишь отправителю и, возможно, адресату?

— Да.

— Император должен иметь возможность открыть капсулу. В его канцелярии должен быть список паролей чиновников государственной и военной службы. По крайней мере, в Фонде такой список есть.

— Он должен быть и в столице Империи, — согласился Барр.

— Тогда представьте, что вы, патриций Сайвенны и пэр Империи, говорите императору, как его там, Клеону, что его любимый ручной попугай и блестящий генерал сговорились и хотят сбросить его с трона, и вручите ему капсулу. Что он должен подумать о «конечной цели» Бродрига?

Барр бессильно опустился на стул.

— Постойте, постойте, я вас не совсем понимаю, — он провел ладонью по впалой щеке. — Вы шутите?

— Я говорю совершенно серьезно, — Деверс начинал сердиться. — Вам неизвестно, что девяти императорам из последних десяти либо перерезали горло, либо выпускали кишки их генералы, у которых были большие планы? Вы сами мне об этом не раз говорили. Наш дорогой император нам непременно поверит, и Райозу будет не в чем вынашивать планы.

— Нет, он шутит, — пробормотал Барр себе под нос. — Молодой человек, поверьте, кризис Селдона нельзя преодолеть таким ненадежным и старомодным методом. Что, если бы нам в руки не попала эта капсула? Что, если бы Бродриг не употребил слово «конечная»? Селдон никогда не рассчитывал на случайности.

— У Селдона нет закона, который бы запрещал воспользоваться выгодной случайностью.

— Конечно, но... но... — Барр запнулся, затем заговорил, с видимым жаром, но сдержанно. — Во-первых, как вы доберетесь до планеты Трантор? Вы не знаете, а я не помню ее координат в космосе. Вы не знаете даже наших координат.

— В космосе невозможно заблудиться, — усмехнулся Деверс.

Он уже стоял у пульта управления.

— Мы приземлимся на ближайшей планете и на Бродригову взятку купим самую подробную карту, какую только захотим.

— Скорее нам продырявят бластерами животы. Наши приметы давно разосланы по всей Империи.

— Док, — сказал Деверс снисходительно, — не будьте провинциалом! Помните, Райоз сказал, что мой корабль слишком легко сдался? Он был абсолютно прав. У моего корабля достаточно мощный щит и больше, чем достаточно всякого вооружения. Я готов к любому бою. Есть и индивидуальные щиты. Спрятанные на моем корабле так, чтобы солдаты Райоза их не нашли.

— Хорошо, — сказал Барр. — Хорошо, допустим, что мы на Транторе. Как мы попадем к Императору? Вы думаете, что у него есть приемные часы?

— Об этом подумаем, когда будем на Транторе, — ответил Деверс.

— Ну что ж, — сдался Барр. — Будь по-вашему. Я давно мечтал побывать на Транторе. Потом можно и умереть.

Заработал гиператомный двигатель. Замигали лампочки, и Барр почувствовал внутренний толчок: корабль совершил скачок через гиперпространство.

9. На Транторе

Звезд было, как сорняков на неухоженном огороде. Впервые Латану Деверсу при вычислении дальности и направления скачка пришлось обращать внимание на цифры, стоящие справа от запятой. Скачки в пределах светового года вызывали у него приступы клаустрофобии. Звезды были со всех сторон. Их излучение давило. В самом центре огромного звездного скопления, свет которого разрывал черноту космоса на жалкие лоскутки, вращалась столичная планета Трантор.

Это была не просто планета; это было сердце Империи, охватывающей двадцать миллионов звездных систем. Здесь была развита единственная отрасль промышленности — правительство, выпускающая единственный вид продукции — закон.

Вся жизнь планеты подчинялась единственной ее функции — управлению. Планету заселяли люди, домашние животные и паразиты. Другой жизни на Транторе не было. За пределами императорского дворца на всей поверхности планеты не осталось ни кусочка незастроенной земли, ни травинки. Естественные водоемы имелись лишь на территории дворца, остальная часть планеты получала воду из огромных подземных резервуаров.

Планета была закована в металл, сияющий и несокрушимый. Жизнь текла по металлическим трубам переходов и коридоров, днем заполняя соты офисов и огромные залы магазинов, а вечером выплескиваясь на крыши небоскребов в ночные заведения. На Транторе можно было прожить год, два, всю жизнь, не выходя из помещения.

Каждый день на Трантор приземлялось больше кораблей, чем насчитывалось во всех военных флотах вместе взятых. Они доставляли продукты и предметы, необходимые сорока миллиардам жителей планеты, не производящих для империи ничего, кроме необходимости распутывать бесконечные хитросплетения законов, указов, распоряжений самого большого правительства в истории человечества.

Двадцать сельскохозяйственных миров кормили Трантор. Остальная Вселенная служила ему.

Поддерживаемый с обеих сторон огромными металлическими руками, торговый корабль медленно съезжал по пандусу в ангар. Деверс все-таки пробился сквозь препоны, выставляемые этим миром бумаготворчества, живущего под девизом «отпечатать в четырех экземплярах».

Сначала они висели на орбите, заполняя бесконечные анкеты. Потом начались собеседования с применением психозонда, фотографирование корабля, определение антропометрических и других характеристик, таможенный досмотр, уплата въездной пошлины, проверка документов и виз.

У Дьюсема Барра все прошло гладко: он был гражданином Сайвенны, то есть подданным Императора, а Латан Деверс был незнакомец без документов. Таможенный чиновник искренне сожалел, но не мог разрешить Деверсу въезд на Трантор. В еще большее сожаление его повергла необходимость задержания Деверса для официального расследования.

Тут появились сто кредитов, новенькие, хрустящие, обеспеченные собственностью лорда Бродрига, и незаметно перешли из рук в руки. Чиновник с важным видом откашлялся и перешел от бесполезных сожалений к делу. Появилась соответствующая анкета, которая была тут же заполнена и сопровождена идентификационными данными Деверса.

Путь был свободен.

В ангаре торговый корабль еще раз сфотографировали, обыскали, составили опись груза и инвентаря, затем началась проверка документов, удостоверяющих личности пассажиров. За соответствующую мзду документы были приняты и зарегистрированы.

И вот Деверс оказался на гигантской галерее, где болтали женщины, визжа, бегали дети, а мужчины лениво потягивали напитки, глядя в огромные телевизоры, изрыгающие новости империи.

Барр заплатил несколько иридиевых монеток и завладел газетой, верхней в стопке. Это были транторийские «Новости Империи», правительственный орган. В дальнем конце зала стучали печатные машины, с которых сходили новые экземпляры газеты. Такие же машины стучали сейчас и в редакции «Новостей...», находящейся в

десяти тысячах миль отсюда по коридору или в шести тысячах миль по воздуху, и в десяти миллионах магазинов новостей по всей планете.

Барр просмотрел заголовки и осторожно спросил:

— С чего начнем?

Деверс встряхнулся, пытаясь сбросить с себя мрачное оцепенение. Этот чужой далекий мир угнетал его своей сложностью; люди вокруг совершали непонятные поступки и говорили едва ли на более понятном языке. Деверс чувствовал себя подавленным среди блестящих металлических громад, теснящихся до самого горизонта. Вокруг бурлила шумная, суетливая столичная жизнь, и он казался себе ничтожной каплей в этом водовороте.

— Пожалуй, вам виднее, док.

— Я предупреждал, — сказал Барр ровным, спокойным голосом, — но человеку трудно представить то, чего он не видел. Вы знаете, сколько человек ежедневно стремятся добиться аудиенции у Императора? Около миллиона. А известно вам, скольких он удостаивает аудиенции? Около десяти. Речь идет об аристократии, а мы пойдем на общих основаниях, что еще безнадежнее.

— У нас без малого сто тысяч.

— Этого хватит на подкуп одного пэра, а для того, чтобы пробиться к Императору, нужно заручиться поддержкой хотя бы четверых. Можно действовать через верховных комиссаров и старших инспекторов. Их понадобится около пятидесяти, и каждый обойдется нам примерно в тысячу. Договариваться буду я. Во-первых, они не поймут вашего акцента, а во-вторых, вы не знаете этикета придворного взяткодательства. Это настоящее искусство, можете мне поверить. Ах!

На третьей странице газеты Барр увидел то, что искал, и протянул газету Деверсу. Деверс читал медленно, с трудом справляясь с чужим лексиконом. Наконец он поднял глаза, в которых не было ни тени сомнения.

— Разве можно этому верить! — он гневно хлопнул по газете ладонью.

— В какой-то степени можно, — спокойно ответил Барр. — Вероятность того, что флот Фонда разгромлен полностью, очень мала. Я думаю, это не первое заявление подобного рода; оно весьма характерно для столицы мира, удаленной от театра военных действий, и означает, скорее всего, что Райоз выиграл еще одно сражение, что не является большой неожиданностью. Здесь сказано, что занят Лорис. Это, надо полагать, столичная планета королевства Лорис?

— Да, — угрюмо подтвердил Деверс, — точнее, того, что от него осталось. Оттуда нет и двадцати парсеков до Фонда. Док, нужно поторопиться.

Барр пожал плечами.

— На Транторе нельзя торопиться. Торопливые обычно попадают под дуло бластера.

— Сколько времени нам потребуется?

— Месяц, если повезет. Месяц плюс сто тысяч кредитов, и дай Галактика, чтобы хватило. И молитесь, чтобы Императору не пришло в голову отправиться на летние планеты: там он просителей вовсе не принимает.

— Но Фонд...

— ...сумеет сам о себе позаботиться. Позвольте, пора обедать. Я хочу есть. А после я предлагаю прогуляться. Вряд ли у нас будет другая возможность увидеть Трантор или подобный ему мир.

Комиссар по делам бывших провинций, по-совиному близоруко вглядевшись в просителей, беспомощно развел толстыми ручками.

— Его Императорское Величество не расположен к аудиенциям, господа. Не знаю даже, стоит ли передавать вашу просьбу моему начальнику. Его Императорское Величество за всю неделю никого не принял.

— Нас примет, — сказал Барр с подчеркнутой уверенностью, — если вы позволите нам изложить суть дела кому-нибудь из штата личного секретаря.

— Это невозможно! — патетически воскликнул комиссар. — Я рискую положением. Не могли бы вы хотя бы приблизительно объяснить мне, в чем дело. Поверьте, я рад помочь, но мне нужно что-то конкретное, что бы я мог представить своему шефу в качестве доказательства важности вашего дела.

— Мое дело можно доверить лишь человеку, осуществляющему высшее руководство империей, — мягко настаивал Барр, — иначе я не осмелился бы просить аудиенции у Его Императорского Величества. Прошу вас, попробуйте что-нибудь сделать. Если Его Императорское Величество придаст нашему делу то значение, на которое мы претендуем, — а я уверен, что так и случится — вы можете рассчитывать на ту степень признательности, которой заслуживает ваше участие в судьбе нашего дела.

— С удовольствием, но... — комиссар, не находя слов, вновь развел руками.

— Здесь есть определенный риск, — согласился Барр, — и он, несомненно заслуживает компенсации. Для нас большая честь обратиться к вам с просьбой, мы благодарны вам уже за то, что вы соблаговолили нас выслушать. И если вы позволите нам выразить благодарность...

Деверс нахмурился. За последний месяц он слышал эту речь, с незначительными вариациями, раз двадцать. За ней неизменно следовала передача из рук в руки сложенных бумажек. Обычно

бумажки сразу исчезали, но сегодня события развернулись по-другому. Комиссар развернул их и пересчитал, разглядывая на свет.

Чиновник заговорил с новыми интонациями в голосе:

— Обеспечены собственностью личного секретаря? Хорошие деньги!

— Вернемся же к нашему вопросу, — напомнил Барр.

— Вернемся, только немного погодя, — перебил чиновник. — Я настоятельно прошу вас изложить мне суть вашего дела. Это новые деньги, и у вас их, по всей видимости, немало, так как до меня вы должны были неминуемо встретиться с целым рядом должностных лиц. Ну, так как?

— Не понимаю, на что вы намекаете, — сказал Барр.

— Хотя бы на то, что вы находитесь на планете чуть ли не нелегально. У вашего молчаливого спутника не в порядке документы. Он не является подданным Императора.

— Я это отрицаю.

— Ваше заявление — пустой звук, — прямо сказал комиссар. — Служащий, выписавший за сто кредитов фальшивые документы вашему спутнику, сознался в этом — под определенным давлением, — и нам известно о вас больше, чем вы думаете.

— Если вы хотите сказать, сир, что сумма, которую мы просим вас принять, не соответствует степени риска...

Комиссар улыбнулся.

— Что вы, она даже превышает степень риска, — он отложил деньги в сторону. — Император сам заинтересован в вас. Ведь именно вы, господа, были гостями генерала Райоза? И именно вы бежали из расположения его войск с поразительной, я бы сказал, легкостью? Вы владеете ценными бумагами, обеспеченными собственностью лорда Бродрига. Словом, вы — шпионы и убийцы, присланные... Говорите, кто заплатил вам и за что!

— Известно ли вам, — начал Барр с подчеркнутой вежливостью, — что мелкий комиссар не имеет права обвинять нас в преступлениях. Мы уходим.

— Вы не уйдете, — комиссар поднялся, близорукое выражение сошло с его лица, — вы либо ответите на мой вопрос сейчас, либо вам зададут его в другой, менее непринужденной обстановке. Я не комиссар, а лейтенант имперской полиции. Вы арестованы.

Держа в руке бластер, он улыбался.

— Сегодня арестованы и более важные птицы, чем вы. Мы разорим ваше воронье гнездо.

Деверс оскалился и тоже достал бластер. Лейтенант полиции, по-прежнему улыбаясь, нажал курок. Силовой луч молнией ударил Деверсу в грудь и рассыпался тысячей искр, натолкнувшись на его щит. Теперь выстрелил Деверс. Торс лейтенанта растворился в воздухе, и голова упала на пол. Она лежала и улыбалась, освещен-

ная лучом солнца, который проникал в комнату сквозь отверстие, пробитое в стене выстрелом.

Они вышли черным ходом. Деверс скомандовал хриплым голосом:

— Скорее на корабль. Сейчас они поднимут тревогу, — он шепотом выругался. — В который раз все срывается! Не иначе, нам вредит галактический демон.

На улице у телевизоров сгущались толпы. Некогда было остановиться и послушать; долетали отдельные несвязные слова. Барр все же стащил где-то свежий номер «Новостей Империи».

Они прожгли крышу ангара и взлетели.

— Оторвемся? — спросил Барр.

За ними неслись десять кораблей дорожной полиции: они выбились из коридора и превысили скорость. Поднимались корабли секретной службы вдогонку кораблю, уносившему от расправы двух шпионов и убийц.

— Внимание! — сказал Деверс и провалился в гиперпространство, не успев подняться даже на две тысячи миль.

От резкого скачка в столь близком соседстве с планетой Барр потерял сознание, а Деверс чуть не задохнулся от боли, но космос вокруг был чист на много световых лет.

Деверс молча гордился своим кораблем, и, наконец, не выдержал:

— Во всей Империи нет корабля, который бы сравнился с моим!

И тут же горько добавил:

— Но нам некуда бежать, а драться с такими силами бессмысленно. Что же делать? Что нам делать?

Барр шевельнулся на своей кушетке. Воздействие скачка еще не прошло, все тело болело. Слабым голосом он сказал:

— Никому ничего не нужно делать. Все закончилось. Вот!

Он протянул торговцу номер «Новостей Империи» с красноречивыми заголовками.

— «Райоз и Бродриг арестованы», — прочел Деверс и уставился на Барра в недоумении. — Почему?

— Здесь ничего на этот счет не сказано, но какая разница? Война с Фондом закончилась, на Сайвенне поднялось восстание. Пока прочитайте газету, — совсем неверным голосом сказал старик, — а позже приземлимся в какой-нибудь провинции и расспросим людей. А сейчас, если вы не возражаете, я попробую заснуть.

Прыгая, как кузнечик, через гиперпространство, торговый корабль несся по Галактике к Фонду.

10. Война окончена

Латан Деверс испытывал смутное раздражение и отчетливый дискомфорт. Он получил награду и с молчаливым стоицизмом выслушал положенные при этом дифирамбы. Теперь приличия требовали, чтобы он остался, а это означало, что нельзя будет громко зевнуть или положить ногу на соседний стул, как он привык в милом сердцу космосе.

Делегация Сайвенны, в которую Дьюсем Барр вошел в качестве почетного члена, подписала конвенцию, согласно которой Сайвенна перешла из-под политического господства Империи под экономическое влияние Фонда.

Пять имперских линейных кораблей, захваченных повстанцами, напавшими на армию Райоза с тыла, проходя над городом, салютовали Фонду.

Звон бокалов, этикет, светская болтовня...

Деверса кто-то окликнул. Это был Форелл. Торговец отдавал себе ясный отчет, что этот человек на дневной доход может купить сорок таких, как он; и вот, этот человек со снисходительным добродушием манит его пальцем.

Деверс вышел на балкон, в ночную прохладу, поклонился, как положено по этикету, пряча в бороде недобрую гримасу. Рядом с Форелломстоял улыбающийся Барр.

— Выручите, Деверс. Меня обвиняют в ужасном, нечеловеческом преступлении — в скромности.

— Деверс, — Форелл вынул изо рта сигару, — лорд Барр утверждает, что ваш визит к императору Клеону не имеет никакого отношения к отзыву и аресту Райоза.

— Абсолютно никакого, сэр, — Деверс был краток. — Нам не удалось встретиться с императором. Сведения, которые мы собрали по пути сюда, говорят о том, что дело Райоза было сфабриковано на пустом месте. Вокруг генерала ходило много сплетен, и придворные воспользовались ими в своих тайных интересах.

— А он был чист?

— Райоз? — вмешался Барр. — О, да! Клянусь Галактикой, да. Изменником был Бродриг, но и он не был виновен в том, в чем его обвиняли на процессе. Это был судебный фарс, впрочем, необходимый, предсказуемый и неизбежный.

— С точки зрения психоисторической необходимости, надо полагать, — сказал Форелл с доброй насмешкой, как давний знакомый.

— Совершенно верно, — серьезно сказал Барр. — Необходимость долго назревала, наконец, назрела, и все стало ясно, как написанное черным по белому. Очевидно, что при данной расстановке политических сил Империя не в состоянии вести завоевательную войну. При слабом императоре империю разорвут на куски

генералы, борющиеся за бесполезный и смертоносный трон. При сильном императоре распад будет приостановлен, но по окончании его правления пойдет с удвоенной быстротой.

— Не понял вас, лорд Барр, — пробурчал Форелл, выпуская клуб дыма.

— Возможно. Тому виной слабая психоисторическая подготовка. Слова — плохая замена математическим формулам. Давайте поразмыслим...

Барр задумался. Форелл курил, облокотясь на перила, а Деверс смотрел в бархатное небо, вспоминая Трантор.

— Видите ли, сэр, — заговорил Барр, — вы и Деверс — и многие другие — считали, что для победы над Империей нужно прежде всего посеять раздор между императором и его генералом. И вы, и Деверс, и все остальные были правы, потому что верен принцип древних: «Разделяй и властвуй».

Однако, вы были неправы, полагая, что этот внутренний раскол может стать результатом действий отдельной личности, то есть результатом совпадения случайностей. Вы пробовали ложь и подкуп, играли на страхе и на честолюбии, но, несмотря на все старания, ничего не добились. Более того, вы терпели одно фиаско за другим.

А под рябью, поднятой вами, вызревала волна прилива, предсказанного Селдоном; она поднималась медленно, но неотвратимо.

Дьюсем Барр отвернулся и продолжал говорить, глядя на огни ликующего города:

— Всех нас направляла рука Хари Селдона: блестящего генерала и великого императора, мой народ и ваш народ. Селдон знал, что такой человек, как Райоз, плохо кончит. Его успех был началом конца, и чем больше успех, тем вернее последующий крах.

Форелл сухо заметил:

— Не могу сказать, что стал понимать вас лучше.

— Минутку, — попросил Барр, — сейчас объясню. Слабый генерал не мог бы нам серьезно угрожать, это очевидно. Сильный генерал при слабом императоре также не представил бы для нас серьезной опасности, так как с большой выгодой для себя он мог бы направить свое оружие в другую сторону. История показывает, что за последние двести лет три четверти императоров, прежде чем таковыми стать, были мятежными генералами или наместниками.

Поэтому опасным для Фонда мог быть только сильный генерал при сильном императоре. Сильного императора не так легко свергнуть, и сильный генерал вынужден применять свои способности за границами Империи.

А что делает императора сильным? Почему Клеон был сильным? Это очевидно: он силен, потому что его подданные слабы. Слишком богатый придворный или чересчур популярный генерал становятся опасными. Подтверждение тому — недавняя история. Райоз одерживал победу за победой, и император стал подозревать

его. Сама атмосфера, царившая при дворе, делала императора подозрительным. Райоз отказался от взятки? Подозрительно; наверное, готовится измена. Верный придворный, посланный к Райозу наблюдателем, благосклонно к нему отнесся? Крайне подозрительно; наверняка измена. Как бы они ни поступили, император все равно заподозрил бы измену. Вот почему ваши попытки вмешаться в ход событий оказались бесплодными. Подозрительным был сам успех Райоза. И его отозвали, обвинили в измене, осудили и казнили. И Фонд стал побеждать.

Приходим к выводу, что Фонд должен победить в любой ситуации. Наша победа неизбежна, она не зависит от наших действий или поступков Райоза.

Форелл важно кивнул.

— Хорошо. А что если генерал и император — одно и то же лицо? Этого случая вы не предусмотрели, значит, доказательство нельзя считать полным.

Барр пожал плечами.

— Я не пытаюсь ничего доказать. У меня нет необходимого математического аппарата. Я взываю к вашему здравому смыслу. Если в империи каждый аристократ, каждый сильный человек, каждый бандит может притязать на трон — и нередко успешно, как показывает история, — а император занимается войной с соседним государством, долго ли он будет воевать? Ему сразу же придется возвращаться в столицу, чтобы остановить гражданскую войну.

Я как-то говорил Райозу, что мертвую хватку Хари Селдона не разжать силами всей Империи.

— Хорошо, хорошо! — Форелл был удовлетворен. — Выходит, Империя больше не будет нам угрожать?

— Можно надеяться, — согласился Барр. — Клеон вряд ли проживет больше года, а там начнутся споры о наследовании престола, что может означать гражданскую войну, причем последнюю для Империи.

— Значит, — сказал Форелл, — у нас больше нет врагов?

Барр задумался.

— Есть второй Фонд...

— В противоположном конце Галактики? Нам еще долго будет нечего делить.

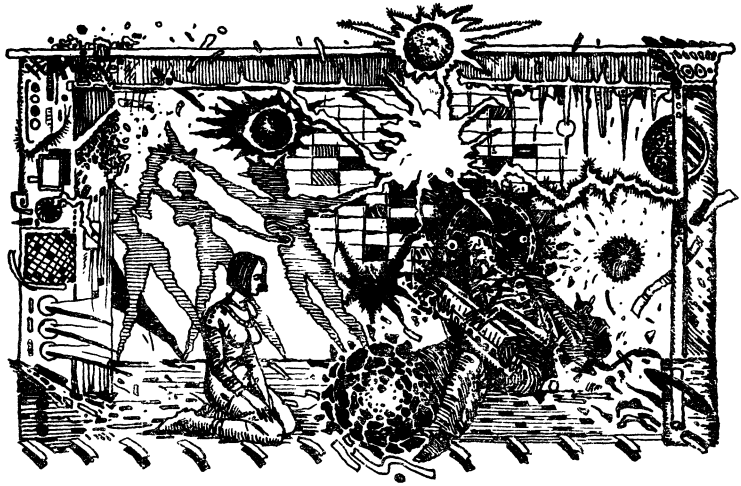
Деверс, смерив Форелла тяжелым взглядом, сказал:

— Могут появиться внутренние враги.

— Правда? — холодно спросил Форелл. — Какие?

— Это могут быть люди, которым не нравится, когда деньги сосредоточены в руках того, кто их не зарабатывает. Вы меня понимаете?

Презрение на лице Форелла постепенно сменилось гневом.

ЧАСТЬ II. МУЛ

11. Жених и невеста

***МУЛ** — О Муле известно меньше, чем о ком-либо из исторических деятелей его масштаба. Настоящее имя не выяснено, о детстве и юности можно строить лишь догадки. Сведения о деятельности в зрелые годы почерпнуты в основном из воспоминаний его противников, в частности, из рассказа невесты...*

Галактическая Энциклопедия.

На первый взгляд Хэвен показался Байте ничем не примечательным. Эту тусклую звезду, затерянную в пустоте галактической периферии, показал ей муж. Здесь уже не было скоплений, лишь изредка поблескивали одинокие звезды, к свету которых Хэвен не много мог добавить.

Торан понимал, что красному карлику Хэвену недостает импозантности и его вид не покажется чарующей прелюдией к семейной жизни.

— Конечно, это не Фонд, я понимаю, — сказал он, обиженно поджав губы.

— Далеко не Фонд, Торан. Зачем только я вышла за тебя?

Ему не удалось скрыть страдание, и она заговорила примирительно, «уютным» голосом:

— Ну, ну, дурачок. Я тебе разрешаю надуть губы и уткнуться мне в плечо, а я поглажу тебя по волосам, полным статического

электричества. Ты нарывался на какую-нибудь романтическую чушь, ведь так? Ты ждал, что я скажу: «С тобой хоть на край света, Торан!» или «межзвездные глубины будут мне домом, если ты будешь со мной, милый!» Признавайся!

Она приставила к его носу указательный палец, Торан щекнул зубами, делая вид, что собирается его откусить.

— Если я признаюсь, ты приготовишь обед?

Байта удовлетворенно кивнула, и Торан заулыбался.

Байта не была красива в общепринятом понимании этого слова, и Торан отдавал себе в этом отчет. У нее были совершенно прямые темные волосы, немного широкий рот, густые сросшиеся брови и бархатные, улыбчивые темно-карие глаза.

Но за весьма основательным фасадом, на котором для случайных прохожих был вывешен флаг воинствующего непробиваемого практицизма и приземленности, жила нежная душа, которая выходила не ко всякому гостю, а отворяла лишь тому, кто хотел достучаться.

Торан на всякий случай глянул на приборы и решил отдохнуть. Предстоит еще один скачок и несколько миллимикропарсеков полета, прежде чем нужно будет переходить к ручному управлению. Он повернулся, чтобы заглянуть в кладовую, где Байта передвигала контейнеры.

Глядя на Байту, Торан всегда испытывал какое-то самодовольство — благоговейное удовлетворение, сопутствующее триумфу человека, который три года балансировал на грани комплекса неполноценности.

В конце концов, он всего лишь провинциал, сын торговца-ренегата. А она из самого Фонда и ведет свой род от самого Мэллоу.

К самодовольству, как ложка дегтя, примешивался страх. Как можно везти ее на Хэвен — в пещерные города, под враждебные взгляды торговцев, недолюбливающих Фонд...

Итак, после ужина — скачок.

На небе горел злобный красный глаз Хэвена, рядом виднелась вторая планета в рыжеватом ореоле атмосферы. Сторона ее, обращенная в космос, была темной.

Байта склонилась над пультом и увидела Хэвен II в самом центре экрана.

Она торжественно сказала:

— Сначала я хочу познакомиться с твоим отцом. Если я ему не понравлюсь...

— Ты будешь первой хорошенькой девушкой, которая ему не понравилась, — серьезно ответил Торан. — Пока у него была цела рука, он носился по Галактике и... Ты только заведи об этом разговор, он все уши прожужжит. Я подозреваю, что отец немного приукрашивает: каждый раз одно и то же рассказывает по-разному.

Хэвен II несся навстречу. Под ними расстилалось море, серо-стальное в надвигающихся сумерках. Временами его закрывали лохматые тучи. Вокруг торчали щербатые зубы гор. Вскоре стали видны волны, а у берегов — ледовые поля.

Перед самой посадкой Торан напомнил:

— Ты загерметизировала костюм?

В облегающем костюме с внутренним подогревом лицо Байты стало румяным и совсем круглым.

Корабль со скрежетом опустился у подножия плато. Они вышли в ночную темноту, такую плотную, что, казалось, ее можно было пощупать, и у Байты перехватило дыхание от холода. Торан взял ее за руку, и они побежали против ветра по ледяной пустыне к далекому огню. На полпути их перехватила охрана и после быстрого обмена одним-двумя словами пропустила дальше. Открылись ворота в скале и, впустив людей закрылись. Внутри было тепло и шумно, всюду свет. За множеством столов сидели люди. Торан достал документы.

Чиновник, бегло просмотрев бумаги, махнул рукой, пропуская молодых людей дальше. Торан шепнул жене:

— Наверное, папа постарался. Иначе нас продержали бы часов пять.

Они вышли на открытое место, и Байта ахнула. Пещерный город был залит ярким белым светом утреннего солнца. Конечно, никакого солнца не было. А то, что должно быть небом, тонуло в белом сиянии. В теплом густом воздухе плыл запах зеленой листвы.

— Как здесь красиво, Торан! — сказала Байта.

Торан улыбнулся в тревожном восторге.

— Конечно, Бай, это не похоже на Фонд, но это самый большой город на Хэвене II — здесь живет двадцать тысяч человек. Тебе понравится. У нас нет роскошных дворцов, но нет и тайной полиции.

— Ой, Тори, город просто как игрушка! Беленький, чистенький!

Торан вслед за женой посмотрел на город. Дома большей частью двухэтажные, построенные из местной скальной породы. Здесь не было ни шпилей, характерных для городов Фонда, ни небоскребов, загромождавших улицы старых Королевств. Миниатюрные домики, и каждый имел собственное лицо. Островок нестандартности в океане унификации. Торан вздрогнул.

— Бай! Смотри! Вот папа. Да не туда смотришь. Вот он, видишь?

Высокий человек отчаянно загребал рукой воздух, будто плыл. До них долетел его басовитый крик. Байта схватила мужа за руку и потянула за собой, вниз по спуску. Байта не сразу заметила второго человека, невысокого и седого, стоявшего рядом с одноруким гигантом. Торан крикнул на бегу:

— Это папин сводный брат. Тот, что был в Фонде. Я о нем рассказывал.

На газоне с коротко подстриженной травой, смеясь, они встретились, отец Торана для пущего веселья испустил последний задорный вопль. Он одернул короткий пиджак, поправил пояс с металлической пряжкой и заклепками — единственную уступку роскоши, поглядел на молодых людей и сказал:

— Ну и день же ты выбрал для приезда, сынок!

— Обычный день. Погоди: сегодня день рождения Селдона!

— Вот именно! Городской транспорт не ходит, мне пришлось нанимать машину.

Взгляд однорукого надолго задержался на Байте.

— У меня есть твой портрет, — мягко заговорил он, — но теперь я вижу, что человек, который его делал, не большой мастер.

Он вынул из кармана маленький прозрачный куб, и на свету заключенное в нем смеющееся лицо заиграло живыми красками.

— Ах, этот! — сказала Байта. — Не понимаю, зачем Торан послал вам такую карикатуру. Удивительно, что после этого вы позволили мне приблизиться к вам, сэр.

— Называй меня Фран. Терпеть не могу церемоний. Позволь проводить тебя к машине... До сих пор я считал, что мой сын не знает, чего хочет. Сейчас мне кажется, что скоро я переменю мнение о нем. Придется переменить, я думаю.

Торан вполголоса спросил у дяди:

— Ну, что старик? Все заглядывается на женщин?

Рэнду улыбнулся, и на его лице резче проступили морщины.

— Случается, Торан, случается. Он иногда вспоминает, что следующие именины будут шестидесятыми по счету, и расстраивается. Когда он об этом факте забывает — снова становится самим собой. Твой отец — торговец старой закалки. А ты, Торан, тоже не промах. Где ты отхватил такую красивую жену?

Молодой человек улыбнулся и сложил руки на груди.

— Э-э-э, дядя, долго рассказывать...

Дома, в маленькой гостиной, Байта выпуталась из дорожного костюма и с облегчением встряхнула волосами. Села, закинув ногу на ногу, и посмотрела на свекра таким же оценивающим взглядом, каким он смотрел на нее.

— Я знаю, что вы пытаетесь определить, — сказала она. — Хотите, помогу? Возраст — двадцать четыре, рост — четыре и пять, вес — один и десять, специальность — историк.

Она заметила, что Фран старался повернуться так, чтобы скрыть отсутствие руки. Нагнувшись к ней, Фран сказал:

— Если быть точным, вес — один и двадцать.

Она покраснела, он громко засмеялся и сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Вес женщины можно определить по обхвату верхней части руки, при известном опыте, конечно. Хочешь выпить, Бай?

— И не только, — ответила она.

Они вышли, а Торан уткнулся в книги. Отец вернулся один и сказал:

— Бай скоро придет.

Он тяжело опустился на большое кресло в углу и положил негнущуюся ногу на скамеечку. Лицо его было красным и серьезным. Торан оторвался от книжной полки.

— Вот ты и дома, мальчик, я рад, — сказал Фран, — мне нравится твоя женщина. — Характер у нее ничего себе...

...Молодая женщина сказала:

— Это старая история, ей триста лет. Она известна всем жителям Фонда. Не сомневаюсь, что и вы ее знаете. Все же я решила вам ее напомнить. Сегодня день рождения Селдона и, хотя я — уроженка Фонда, а вы — жители Хэвена, — это наш общий праздник.

Она закурила.

— Законы истории так же точны, как и законы физики, но история работает со сравнительно небольшим числом людей, тогда как физика — с бесконечным числом атомов. Поэтому изменение поведения объекта исторического исследования имеет большой вес. Селдон предсказал, что на протяжении тысячелетнего развития Фонда произойдет ряд кризисов, каждый из которых будет знаменовать очередной поворот истории на заранее рассчитанном пути. Нашим успехам всегда предшествовали кризисы, они всегда выводили нас из тупика. Значит, назревает новый кризис.

— Мы на пороге кризиса, — подчеркнула она. — Вспомните, последний произошел сто лет назад, а за эти сто лет в Фонд перекочевали все недуги Империи, которые, по Селдону, ведут ее к гибели. Инерция — наши правящие классы знают один закон: поменьше перемен. Деспотизм — у них единственный аргумент в любом споре: сила. Несправедливое распределение богатства — у них одно желание: удержать свое...

— В то время, как другие голодают! — неожиданно воскликнул Фран, изо всех сил ударив кулаком по подлокотнику кресла. — Золотые слова, девочка! Эти толстяки сидят на мешках с деньгами и губят Фонд, а честные торговцы вынуждены бежать от позора в такие дыры, как наш Хэвен. Это неуважение к Селдону, оскорбление его памяти, плевок в бороду! — он поднял руку, лицо его побледнело. — Мне бы вернуть мою руку! Почему они меня не послушали?

— Папа, не переживай, — попросил Торан.

— Не переживай, не переживай, — сердито передразнил его отец. — Мы и дальше будем гнить в этой норе, а ты будешь говорить: «Не переживай»!

— Наш Фран, — сказал Рэнду, указывая на него трубкой, — второй Латан Деверс. Деверс восемьдесят лет назад умер в рудниках вместе с прадедом твоего мужа от излишка храбрости при недостатке мудрости.

— Клянусь Галактикой, на его месте я сделал бы то же самое, — выпалил Фран. — Деверс был величайшим Торговцем в истории, более великим, чем этот денежный мешок Мэллоу, идол Фонда. И тем больше кровавый долг, который мы обязаны выплатить фондовским головорезам, убившим его за то, что он любил справедливость.

— Продолжай, девочка, — сказал Рэнду, — иначе он проговорит всю ночь.

— Мне больше нечего сказать, — ответила она неожиданно упавшим голосом. — Нужно вызвать кризис, но я не знаю, как. Прогрессивные силы в Фонде затаились, опасаясь репрессий. У торговцев, пожалуй, хватило бы мужества выступить, но среди вас нет единства. Вот если бы вы объединились между собой и стали сотрудничать с прогрессивными людьми из Фонда...

Фран хрипло засмеялся.

— Ты только послушай ее, Рэнду! Она говорит, объединиться с прогрессивными людьми из Фонда! С кем объединяться! Там либо надсмотрщики с плетьми, либо рабы, которые до смерти боятся плети. Там не осталось ни одного хоть сколько-нибудь честного человека.

Байта тщетно пыталась вставить слово в его гневную тираду. Торан прикрыл ей рот ладонью.

— Отец, — сказал он холодно, — ты не был в Фонде и не знаешь, что там делается. Там достаточно смелое и активное подполье. Могу сказать, что Байта является его членом.

— Что ты, сынок, я не хотел никого обидеть, — заволновался Фран. — Не сердись, пожалуйста.

— Твоя беда в том, папа, — горячо продолжал Торан, — что у тебя провинциальные взгляды. Ты считаешь торговцев достойными людьми только потому, что они зарылись в норы на никому не нужной планете. Отдам вам должное, сборщики налогов, забредающие к вам, обратно в Фонд не возвращаются. Только это дешевый героизм. Что вы станете делать, если Фонд пришлет к вам флот?

— Мы его расстреляем, — резко сказал Фран.

— Или он вас расстреляет, если окажется сильнее, что более вероятно. Вас немного, вы плохо вооружены и организованы. Вы поймете это, когда Фонд решит, что пришло время вами заняться. Поэтому ищите союзников, пока не поздно, и лучше в самом Фонде.

— Рэнду, — Фран смотрел на брата, как большой беспомощный бык.

Рэнду вынул изо рта трубку.

— Мальчик прав, Фран. Загляни себе в душу поглубже, и поймешь, что он прав. Ты и кричишь затем, чтобы заглушить внутренний голос, который говорит не слишком приятные вещи. Напрасно, Фран. Торан, хочешь, скажу, зачем я затеял этот разговор?

Он некоторое время задумчиво попыхивал трубкой, потом выбил и вновь наполнил ее, приминая табак точными движениями мизинца.

— Дело в том, что ты намекнул, будто Фонд нами интересуется. Недавно снова приезжали сборщики налогов, причем одного из них сопровождал легкий сторожевой корабль. Они сели в Глейяре — для разнообразия, наверное, и, естественно, больше не взлетели. Теперь их отпустят. Твой отец это знает, Торан.

Посмотрите на старого упрямца. Он понимает, что Хэвен в беде, осознает, что мы бессильны, но продолжает твердить свое. Ему так легче. А когда он выскажется, выкрикнет свой вызов, почувствует, что выполнил долг честного человека и мятежного торговца, то начинает рассуждать так же трезво, как все мы.

— Кто вы? — спросил Байта.

Рэнду улыбнулся.

— В нашем городе собралась небольшая группа... Мы еще ничего не сделали, даже не наладили связь с другими городами, но все еще впереди.

— Что все?

— Мы еще не знаем, — Рэнду пожал плечами. — Надеемся на чудо. Мы тоже подумали, что кризис Селдона не за горами. Галактика полна кораблей и обломков старой Империи. Генералы кишмя кишат. Вдруг кто-то из них наберется смелости?

Байта подумала и так энергично замотала головой, что длинные черные пряди волос с загнутыми внутрь концами хлестнули ее по ушам.

— Нет. Этого не может быть. Нет генерала, который бы не знал, что нападение на Фонд равносильно самоубийству. Бел Райоз был талантливее всех современных генералов, он собрал корабли изо всей Галактики, но ничего не смог поделать против Плана Селдона. Неужели найдется генерал, которому это неизвестно?

— А если мы их подначим?

— Никакая подначка не заставит человека прыгнуть в атомную печь. Каким орудием вы их туда загоните?

— Есть у нас кое-что, вернее, кое-кто. В последние два года поговаривают о человеке по прозвищу Мул.

— Мул? — Байта задумалась. — Ты о нем что-нибудь слышал, Тори?

Торан задумчиво покачал головой.

— Что это за человек? — спросила Байта.

— Не знаю. Говорят, он одерживает головокружительные победы в самых неблагоприятных обстоятельствах. Это, несомнен-

но, преувеличение, но в любом случае было бы интересно с ним познакомиться. Обычно способные и честолюбивые люди не верят в Хари Селдона и в действенность его науки. Мы могли бы поощрить это неверие, и, возможно, это подтолкнуло бы его к нападению на Фонд.

— Фонд все равно победит.

— Да, но нельзя утверждать, что победа достанется ему легко. Может произойти кризис, а мы воспользуемся им для достижения компромисса с фондовскими деспотами. В худшем случае, они оставят нас в покое, и мы сможем разработать другой план.

— Что скажешь, Тори?

Торан задумчиво улыбнулся и потеребил упавшую на глаза каштановую прядь.

— Неплохо. Кто такой этот Мул? Что ты о нем знаешь, Рэнду?

— Ничего, Торан, но с твоей помощью надеюсь что-нибудь узнать. И с помощью Байты, если она не откажется. Мы с Франом об этом много думали и говорили.

— Каким образом вы собираетесь нас использовать, Рэнду? Что мы должны делать? — Торан бросил быстрый вопросительный взгляд на жену.

— У вас был медовый месяц?

— М-м-м.. да.... если можно считать медовым месяцем путешествие с Фонда на Хэвен.

— Тогда почему бы вам не совершить свадебное путешествие на Калган? Там субтропический климат, пляжи, водные лыжи, охота на птиц — словом, прекрасное место для отдыха. Это недалеко отсюда — всего семь тысяч парсеков к центру.

— А что там, на Калгане?

— Мул. По крайней мере, его люди. Ему сдали Калган без боя в прошлом месяце, хотя военный диктатор планеты грозился, что скорее превратит ее в ионную пыль, чем сдаст.

— Где он теперь?

— Его нет, — Рэнду развел руками. — Что скажете?

— Что от нас требуется?

— Не знаю. Мы с Франом уже немолоды, заплесневели в провинции. Да и остальные торговцы Хэвена провинциалы. Ты сам так сказал. Торговля у нас небольшая, мы уже не те галактические бродяги, какими были наши предки. Заткнись, Фран! А вы знаете Галактику. У Байты очень милый фондовский акцент. Посмотрите, поговорите. Может, что разведаете. Может быть, даже войдете в контакт... Впрочем, мы на это не рассчитываем. Подумайте. Может, собрать группу, посоветоваться... Нет, не раньше, чем на следующей неделе. Сначала отдохните.

Все замолчали. Фран пробасил:

— Кому еще налить?

12. Капитан и мэр

Капитан Хан Притчер не любил роскоши и привык ничему не удивляться. Он отвергал как таковые самоанализ и другие философские категории, не связанные с его работой.

Работа капитана состояла по большей части из того, что военное министерство называло разведкой, журналисты шпионажем, а романтики агентурной деятельностью, но, несмотря на трескотню телевидения и красивые слова, разведка, шпионаж, или агентурная деятельность оставалась грязным бизнесом, основанным на нарушении законов и нечистоплотных махинациях. Общество обычно закрывает на это глаза, поскольку беззаконие совершается в интересах государства. Философия то и дело наталкивала капитана на мысль о том, что даже в священных интересах государства общество легче успокоить, чем собственную совесть, поэтому капитан не признавал философию.

Но сейчас, в роскошной приемной мэра, мысли капитана против его воли обратились внутрь.

То и дело получали повышение по службе люди без особых способностей — следовало это признать, — а его, капитана, почему-то обходили. Ему приходилось терпеть бесконечные нагоняи и выговоры. Но Притчер упорно шел своим путем, твердо веря, что в священных интересах государства иногда возможно нарушение субординации.

И вот он в приемной мэра, с эскортом из пяти солдат. Возможно, его ожидает трибунал. Половинки тяжелой мраморной двери разъехались, открыв обитые атласом стены, пол, покрытый красным пластиком и еще две мраморные двери. Вышли два чиновника в строгих костюмах, модных триста лет назад, и объявили:

— К аудиенции допускается капитан Хан Притчер из службы информации.

Пропуская капитана, они церемонно поклонились. Эскорт остался в приемной. Притчер вошел один.

В большой, неожиданно скромно обставленной комнате за прямоугольным столом сидел маленький человек, который почти терялся в слишком просторном помещении.

Мэр Индбур, третий в династии, был внуком мэра Индбура I, человека жестокого и умного, наглядно продемонстрировавшего первое из упомянутых качеств во время захвата власти и подтвердившего второе ловкостью, с которой он уничтожил жалкие остатки свободных выборов, и еще большей ловкостью в поддержании гражданского мира.

Мэр Индбур был также сыном мэра Индбура II, который впервые в Фонде стал мэром по праву рождения и был лишь наполовину достоин своего отца, потому что отличался только жестокостью.

Итак, мэр Индбур — третий в династии и второй мэр по праву рождения. Из трех Индбуров он был самым незначительным, так как не обладал ни умом, ни даже жестокостью. Аккуратный чиновник, который имел несчастье родиться мэром. Из него вышел бы хороший заместитель.

Патологическую страсть к упорядочению он называл системным мышлением; неукротимым, болезненный интерес к бюрократическим повседневным процедурам — производством; нерешительность — осторожностью, а слепое упрямство — решимостью.

При этом он не тратил попусту денег, не убивал людей без крайней необходимости и руководствовался исключительно благими намерениями.

Если капитан Притчер и подумал что-то в этом роде, остановившись на почтительном расстоянии от стола, то его суровые черты не выдали мыслей. Капитан не стал топтаться или кашлять, чтобы привлечь к себе внимание, он терпеливо ждал. Наконец, трудолюбивое перо поставило последнюю заметку на полях, страница переместилась из одной стопки в другую, и мэр поднял к посетителю худое лицо.

Чтобы случайно не нарушить расположение предметов на столе, мэр сцепил руки в замок.

— Капитан Хан Притчер из службы информации, — произнес мэр вместо приветствия, как того требовал протокол.

Капитан Притчер, также в строгом соответствии с протоколом, преклонил колено чуть не до пола, склонил голову и оставался в таком положении, пока не прозвучало:

— Поднимитесь, капитан Притчер.

Мэр заговорил тепло и сочувственно:

— Вы пришли, капитан Притчер, чтобы обжаловать некое дисциплинарное взыскание, наложенное на вас высшим офицером. Документы, фиксирующие это событие, поступили ко мне в рабочем порядке, и, поскольку я не оставляю без внимания ни одно событие, которое происходит в Фонде, я взял на себя труд запросить более подробную информацию по вашему делу. Надеюсь, вас это не удивляет?

— Нет, ваше превосходительство, — бесстрастно ответил капитан. — Ваша справедливость вошла в пословицу.

— О, неужели? — на лице его проступило удовольствие, а контактные линзы, отражая свет, придали глазам сухой блеск.

Он принялся методично выкладывать на стол скоросшиватели с металлическими уголками. Открыв один из них, с хрустом перевернул несколько страниц, водя пальцем по строчкам.

— Передо мной ваше полное досье, капитан. Вам сорок три года, семнадцать лет вы являетесь офицером вооруженных сил. Вы родились в Лорисе, ваши родители были выходцами из Анакреона. Детскими болезнями не болели, перенесли мио... мио... так, это

неважно... образование... Естественнонаучная Академия, специалист по гипердвигателям, ученая степень... м-м-м... великолепно, я вас поздравляю... в армию пришли младшим офицером в сто второй день двести девяносто третьего года Эры Основателей.

Мэр закрыл папку, бросил быстрый взгляд на посетителя и открыл другую, затем положил в рот розовый ароматный желейный шарик. Это была единственная слабость, которую он себе неохотно позволял. На его столе отсутствовала почти неизбежная мини-печь для уничтожения табачного пепла. Мэр не курил. Следовательно, не курили и посетители.

Мэр продолжал монотонным голосом читать выдержки из личного дела капитана, иногда сопровождая их невыразительными одобрительными или неодобрительными комментариями.

Наконец он вернул папки в прежнее положение, сложив их аккуратной стопкой.

— Ну что ж, капитан, — сказал мэр отрывисто, — интересно было ознакомиться с вашим досье. У вас, бесспорно, незаурядные способности и значительные заслуги. Я отметил, что при исполнении служебного долга вы были дважды ранены и получили Орден Почета за поступок, которого в рамках служебных обязанностей могли не совершать. Значения этих фактов ни в коем случае нельзя преуменьшать.

Бесстрастное лицо капитана не смягчилось. Он все так же безмолвно стоял навытяжку. Протокол требовал, чтобы подданный, удостоенный аудиенции у мэра, не садился во время аудиенции. Не выполнить это требование было невозможно: в комнате был единственный стул — под мэром. Согласно тому же протоколу, посетитель имел право говорить лишь тогда, когда ему задавали конкретный прямой вопрос.

Мэр устремил на капитана тяжелый взгляд и заговорил с металлическими нотками в голосе:

— Однако, в течение десяти лет вас не продвигали по службе. Ваши начальники неоднократно ссылаются на ваше упрямство. О вас отзываются, как о человеке, систематически нарушающем субординацию, ведущем себя непочтительно по отношению к вышестоящим, не заинтересованном в поддержании нормальных отношений с коллегами и записном смутьяне. Как вы это объясните, капитан?

— Ваше превосходительство, я поступаю так, как считаю правильным. Моя награда и раны свидетельствуют о том, что мои интересы совпадают с интересами государства.

— Ваша откровенность достойна уважения, капитан, но ваша доктрина опасна. Об этом мы еще поговорим. В частности, вас обвиняют в том, что вы трижды отказались от выполнения заданий, несмотря на приказы, подписанные моими полномочными представителями. Что вы на это скажете?

— Ваше превосходительство, задание было неактуальным. Я не мог заниматься им в критический момент, когда оставались без внимания более важные дела.

— Кто вам сказал, что дела, о которых вы говорите, более важные? Даже если так, почему вы решили, что они остаются без внимания?

— Ваше превосходительство, я в состоянии оценить ситуацию. У меня есть определенный опыт и умение ориентироваться в событиях. Это признают и мои начальники.

— Неужели вы настолько слепы, что не видите, что, присваивая себе право определять характер и направление разведывательной деятельности, вы узурпируете права руководства?

— Ваше превосходительство, я служу не начальству, а государству.

— Нелогично, поскольку у вашего начальника есть свой начальник, и этот начальник — я, а я и есть государство. Тем не менее, можете положиться на мою справедливость, которая, как вы сами сказали, вошла в пословицу. Изложите причины, по которым вы нарушили дисциплину.

— Ваше превосходительство, последние полтора года я жил на Калгане под видом ушедшего от дел торговца. Моей задачей была координация деятельности агентов Фонда на планете с целью оказания давления на политику, в том числе и внешнюю, военного диктатора Калгана.

— Это мне известно. Продолжайте!

— Ваше превосходительство, в своих донесениях я неоднократно подчеркивал, что Калган и подчиненные ему системы занимают стратегически выгодное положение. Я докладывал об амбициях диктатора, о боеспособности его армии, о его намерениях расширить владения и о дружественной, скорее, нейтральной позиции по отношению к Фонду.

— Я читал ваши донесения. Дальше!

— Ваше превосходительство, я уезжал с Калгана два месяца назад и не заметил в то время признаков приближающейся войны. Армия Калгана была в состоянии отбить любое нападение. Месяц назад планету сдали без боя совершенно неизвестному военачальнику. Военный диктатор Калгана, по-видимому, мертв. Агенты сообщают, что захват планеты не является результатом измены. Дело в том, что завоеватель, этот Мул, силен и хитер.

— Как вы сказали? — у мэра был оскорбленный вид.

— Ваше превосходительство, он известен под именем Мул. О нем известно очень немногое. Я собрал всевозможные слухи и представлю на ваше рассмотрение то, что может оказаться правдой. Говорят, что он из небогатой и незнатной семьи. Мать умерла при родах. Кто отец — неизвестно. Воспитание уличное. Образование получил, скорее всего, на пиратских тропах. У него нет имени,

только прозвище Мул, которое он, якобы, дал себе сам, и которое символизирует его физическую силу и целеустремленность.

— Оставим физическую силу, капитан. Какова его военная сила?

— Ваше превосходительство, говорят об огромных флотах, но эти слухи могут быть навеяны катастрофическим падением Калгана. Территория, которую он контролирует, якобы невелика, но ее границы точно не определены. Этим человеком следует заняться.

— М-м-м... Ну-ну, — мэр задумался.

Двадцатью четырьмя штрихами он нарисовал на чистом листе блокнота куб, вырвал лист, аккуратно сложил его вчетверо и бросил в щель для мусора. Лист упал в атомный дезинтегратор.

— Хорошо, капитан, скажите, что вам предложили вместо этого? Вы говорите, что следует заняться Мулом. А чем вам приказали заняться?

— Ваше превосходительство, мне приказали разобраться с какой-то крысиной норой, которая не платит налогов.

— И только? Вы не знали, и вам не сказали, что люди, которые не платят налогов — потомки диких торговцев прошлых лет, анархисты, смутьяны, маньяки, претендующие на звание родоначальников Фонда и отрицающие нашу современную культуру. Вы не знали, и вам не сказали, что эта крысиная нора не единственная, что таких нор больше, чем кажется. Эти норы сговариваются одна с другой, а также с преступными элементами на территории Фонда. Вам это известно, капитан?

— Да, Ваше превосходительство, мне об этом говорили. Но я хочу быть верным слугой государства, а верным может быть тот, кто служит Правде. Каковы бы ни были политические позиции отребья, живущего в крысиных норах, реальная сила находится в руках диктаторов, завладевших обломками Империи. У торговцев нет ни оружия, ни ресурсов. У них нет даже единства. Я не сборщик налогов и не стану выполнять это детское поручение.

— Капитан Притчер, вы солдат и должны выполнять приказы. Более того, вы совершаете ошибку, позволяя себе не подчиниться моему приказу. Берегитесь! Моя справедливость происходит не от слабости. Уже не раз доказано, что генералы времен Империи и современные диктаторы в равной степени бессильны против нас. Наука Селдона, предначертавшая путь развития Фонда, отталкивается не от личного героизма, а от социально-экономических тенденций общества, что вам следовало бы знать. Мы успешно преодолели уже четыре кризиса, не так ли?

— Ваше превосходительство, это так. И все же, наука Селдона известна лишь Селдону. Нам остается лишь принимать ее на веру. В период первых трех кризисов, как говорится в учебнике, во главе Фонда стояли мудрые вожди, понимавшие природу кризисов и принимавшие должные меры.

— Почему вы умалчиваете о четвертом кризисе, капитан? В то время у нас действительно не было достойного руководства, но мы победили в схватке с противником, вооруженным мощнейшим оружием; победили, благодаря исторической необходимости.

— Это правда, ваше превосходительство. Но необходимость, о которой вы говорите, возникла только после года ожесточенной борьбы. Неизбежная победа стоила нам полтысячи кораблей и полмиллиона человеческих жизней. Ваше превосходительство, законы Селдона помогают лишь тем, кто сам способен себе помочь.

Мэр Индбур вздохнул и почувствовал, что ему надоело быть терпеливым. Мэру пришло в голову, что его снисходительность — заблуждение, поскольку посетитель принимает ее за позволение постоянно противоречить, придираться к словам, ударяться в диалектику.

— Тем не менее, капитан, — жестко сказал мэр, — Селдон гарантирует нам победу над внешними врагами, и я не могу позволить себе распылять силы. Торговцы, которым вы так упорно не хотите уделить внимание, — бывшие граждане Фонда, и война с ними будет гражданской войной. В этом случае план Селдона ничего не гарантирует нам, потому что Фонд — это и мы, и они. Поэтому их необходимо подавить. Выполняйте приказ.

— Ваше превосходительство...

— Я не задавал вам вопроса, капитан. У вас есть задание — будьте добры выполнять его. Дальнейшие споры со мной или с теми, кто меня представляет, будут рассматриваться, как государственная измена. Вы свободны.

Капитан снова поклонился и, пятясь, вышел.

Мэр Индбур, третий в династии Индбуров и второй в истории Фонда мэр по праву рождения, вновь обрел душевное равновесие и снял верхний лист со стопки, лежащей по левую руку. Это был отчет об экономии средств за счет сокращения числа металлических деталей в форменной одежде полиции. Мэр Индбур вычеркнул лишнюю запятую, исправил орфографическую ошибку, сделал три пометки на полях и, переложив страницу в стопку справа, снял со стопки слева новую.

Капитан Хан Притчер, вернувшись в казарму, обнаружил, что его ожидает капсула с секретным сообщением. В ней оказались приказы, очень категоричные, с красным грифом «Чрезвычайно важно» и заглавной буквой «И» на всю страницу.

Капитану Притчеру было строжайше предписано отправиться в «мятежный мир под названием Хэвен».

Войдя в одноместный скоростной корабль, капитан взял курс на Калган. Ночью он спал спокойным сном удачливого упрямца.

13. Лейтенант и шут

Падение Калгана под ударами армии Мула, весть о котором пролетела семь тысяч парсеков, разожгла любопытство старого торговца, вызвала серьезную озабоченность у капитана разведки и досаду у педантичного мэра, на самом Калгане никого не обеспокоило и ничего не изменило. Человечество получило очередное подтверждение тому, что расстояние — будь то расстояние во времени или в пространстве — фокусирует события. Впрочем, ни одна летопись не содержит и намека на то, что человечество учитывает подобные уроки.

Калган оставался Калганом. Это был единственный мир в своем секторе Галактики, который не знал, что Империя пала, что династия Стэннеллов угасла, что от былого величия не осталось и следа, что мирной жизни пришел конец.

Калган был миром наслаждений. Человечество катилось к гибели, а Калган продолжал производить развлечения, покупать золото и продавать удовольствия. Планета счастливо избегала исторических катастроф: за золото можно купить милость любого завоевателя.

Но однажды и Калган оказался во власти военного диктатора и вынужден был перестраивать жизнь в угоду войне. В его джунглях, подстриженных, как парки, на берегах, сглаженных под пляжи, в пестрых и шумных городах зазвучали марши. Деньги впервые были вложены не во взятки, а в покупку кораблей и организацию гарнизонов в провинциях. Правитель не давал подданным возможности усомниться в его решимости отстаивать свое и захватывать чужое.

Он собирался стать вершителем судеб Галактики, богом войны и дарителем мира, строителем новой Империи и основателем новой династии.

И вот, незнакомец со смешным именем захватил его владения, его оружие и его зарождающуюся империю.

Калган стал прежним Калганом. Жители поспешили снять военную форму и вернуться к мирной жизни, предоставив чужеземным военным профессионалам примерять новенькие мундиры.

И снова в девственных джунглях зазвучал охотничий рог, шикарные господа стреляли в зверей, которых специально для этого вырастили, и гонялись на скоростных воздушных машинах за птицами.

В городах жители павшей Империи старались забыться в развлечениях. Для толпы распахивали двери воздушные замки, в которых за полкредита можно было подивиться всевозможным чудесам, избранных в укромных уголках ждали отнюдь не эфемерные наслаждения.

Торан и Байта были меньше, чем капля в этом море охотников за наслаждениями. Они зарегистрировали корабль в публичном

ангаре на Восточном Полуострове и пошли на обычный для среднего класса компромисс — отправились ко Внутреннему Морю, где развлечения были вполне законными и даже пристойными, а цены настолько доступными, чтобы в заведениях собирались тысячные толпы.

На Байте были темные очки — от солнца — и тонкое белое платье — от жары. Она сидела, обняв загорелыми руками загорелые колени и рассеянно смотрела на мужа, растянувшегося рядом на песке и готового испариться под палящими лучами солнца.

— Торан, не перегревайся, — предупредила Байта в первый день.

Но Торану, родившемуся под умирающей красной звездой, все предупреждения были нипочем. За три года, проведенных на Фонде, он не успел насытиться солнцем. И вот уже четыре дня, предварительно обработав кожу, чтобы предохранить ее от ожогов, он не желал оскорбить ее прикосновением одежды, за исключением шортов.

Байта придвинулась ближе к мужу, и они зашептались.

— Я бы сказал, что мы не сдвинулись с места, — лениво говорил Торан, — Кто он? Где он? Этот сумасшедший мир ничего о нем не знает. Может, он и не существует.

— Он существует, — ответила Байта, стараясь не шевелить губами. — Просто он очень умен. Твой дядя оказался прав: его можно будет использовать... в нужный момент.

Помолчали, и Торан шепнул:

— Знаешь, Бай, я чуть не заснул на солнце, и мне все очень ясно представилось, — с этими словами он на самом деле едва не заснул, но взял себя в руки и продолжал. — Помнишь, что нам говорил в колледже доктор Аман? Фонд не может потерпеть поражение, но это не значит, что не могут потерпеть поражение его правители. Настоящая история Фонда и началась с того, что Сэлвор Хардин вышвырнул энциклопедистов и стал мэром планеты Термин. А через сто лет Хобер Мэллоу захватил власть столь же жесткими методами. Правители Фонда уже дважды терпели поражение. Почему бы нам не побить их в третий раз?

— Не слишком оригинальная мысль, Тори. Твой сон в летнюю сушь пропал впустую.

— Не согласен. Пойдем дальше: что такое Хэвен? Не является ли он частью Фонда? Можно сказать, что это часть фондовского пролетариата. Если мы победим, то можно будет говорить о том, что победил Фонд — победил очередного правителя.

— То, что ты хочешь победить, еще не означает, что победишь. Не будем делить шкуру неубитого медведя.

Торан поморщился.

— Бай, у тебя просто плохое настроение, и ты хочешь, чтобы у меня оно тоже испортилось. Если не возражаешь, я посплю.

Байта не слушала. Она куда-то смотрела, вытягивая шею, потом хихикнула, сняла очки и продолжала смотреть, заслоняясь от солнца рукой. Торан привстал и повернулся, стараясь проследить ее взгляд. Смотреть было не на что, кроме, разве что, долговязого чудака, забавлявшего толпу стойкой на руках. На пляжах было полно самодеятельных акробатов, готовых за монетку-другую завязаться узлом. Проходивший мимо полицейский патруль стал гнать акробата, и тот, стоя на одной руке, другой сделал насмешливый жест. Полицейский угрожающе двинулся на акробата, но, получив удар ногами в живот, отлетел назад. Акробат был уже на ногах и пустился бежать, а толпа, явно сочувствуя шуту, задержала полицейских.

Шут зигзагами бежал по пляжу. Несколько раз он собирался остановиться, но так и не остановился. Патруль пошел дальше, толпа рассеялась.

— Интересный тип, — заметила Байта с явной симпатией.

Торан равнодушно согласился. Шут тем временем подошел ближе, и его можно было хорошо рассмотреть. Худое лицо собиралось в большой нос с широкими крыльями и мясистым кончиком, похожий на хобот. В костюме, тесно облегающем длинные тонкие конечности и маленькое туловище, шут был похож на паука и так же легко и изящно двигался.

На него нельзя было смотреть без улыбки.

Шут, казалось, почувствовал их взгляды, потому что, уже пройдя мимо, остановился, резко повернул назад и подошел. Его большие темные глаза остановились на Байте, и ей стало не по себе. Шут улыбнулся, отчего лицо его стало только печальнее, и заговорил замысловатыми фразами, как принято в центральных секторах Галактики.

— Если бы разум, дарованный мне духами Галактики, был в моей власти, я бы сказал, что такая женщина может существовать лишь в мечтах, в которых и состоит реальность для мятежного разума. Я готов отказаться от власти над своим разумом и поверить тому, что говорят мне мои очарованные глаза.

— О-о-о! — сказала Байта, удивленно расширив глаза.

Торан рассмеялся.

— Ах, ты, очаровательница! Бай, подари ему пять кредитов, он заслужил!

Шут тут же отступил на шаг.

— Не нужно, моя госпожа, не пойми меня неверно. Я говорил не ради денег, а ради твоих ясных глаз и милого лица. Что ж, благодарю, — и Торану. — Неужели она думает, что в его глазах солнце?

Вновь обернувшись к Байте, шут заговорил громче и быстрее:

— Нет, не только ради глаз и лица, но и ради ума — ясного, твердого и доброго.

Торан поднялся на ноги, надел рубашку, которую все четыре дня лишь носил с собой, и шагнул к шуту.

— Слушай, парень! Скажи, что тебе надо, и перестань смущать даму.

Шут испуганно отступил и сжался.

— Я не хотел никому зла. Я здесь чужой и, говорят, не в своем уме. Но я умею читать по глазам. У этой дамы не только прекрасные глаза, но и доброе сердце, и я думал, что она сможет помочь мне в моем несчастье.

— Пять кредитов помогут твоему несчастью? — сухо спросил Торан и протянул шуту монету.

Шут не пошевелился, и Байта сказала:

— Тори, позволь, я сама с ним поговорю. Глупо обижаться на его речи: у него такая манера. Наши слова могут показаться ему столь же странными. Что с тобой? — спросила она у шута. — Ты боишься патруля? Не стоит, он тебя больше не тронет.

— О нет, он не больше, чем ветерок, поднимающий пыль, потревоженную моими ногами. Я страшусь другого, что подобен буре, разбрасывающей и сталкивающей миры. Вот уже неделю я сплю на городских улицах и скрываюсь в городской толпе. В поисках помощи я заглядывал в тысячи глаз, — последние слова он произнес с заметным волнением, отразившимся и в больших глазах, — и вот, я нашел тебя.

— Я рада помочь, — сказала Байта, — но поверь, друг, я не смогу защитить тебя от бури, разбрасывающей миры. Конечно, я могу...

Раздался мощный голос:

— Ах, ты, грязный негодяй!

К ним бежал обиженный полицейский с красным от жары и злобы лицом.

— Вы, двое, держите его! — кричал он, размахивая пистолетом. — Не дайте ему уйти!

Мощная рука полицейского легла на худое плечо шута, и тот заскулил.

— Что он сделал? — спросил Торан.

— Что он сделал? Что он сделал? Сейчас узнаете! — полицейский полез в пристегнутый к поясу карман, вынул красный носовой платок, вытер потную шею и, смакуя, произнес. — Он бежал! Вот что он сделал. Приметы разосланы по всему Калгану, и я узнал бы его раньше, если бы он стоял на ногах, а не на своей птичьей голове, — и победоносно встряхнул свою жертву.

— Откуда он бежал, сэр? — спросила Байта с улыбкой.

Полицейский возвысил голос. Собиралась толпа, она таращила глаза, гудела, и полицейский все больше проникался чувством собственной значимости.

— Откуда он бежал? — театрально воскликнул он. — Я надеюсь, вы слышали о Муле?

Наступила тишина, у Байты пересохло во рту. Шут, как тряпка, висел в руке полицейского и умоляюще смотрел на Байту.

— Этот мерзавец, — ораторствовал полицейский, — не кто иной, как беглый придворный шут Его Светлости. Признаешь, несчастный? — и он снова встряхнул беднягу.

Тот молчал, не в силах вымолвить ни слова. В мертвой тишине было слышно, как Байта что-то шепнула мужу на ухо.

Торан дружелюбно обратился к полицейскому:

— Послушайте, любезнейший, отпустите шута на минутку. Он обещал нас позабавить, мы заплатили ему, а он не успел отработать наши деньги.

— С какой стати? — возмутился полицейский. — За него обещана награда.

— Вы ее получите, если докажете, что это именно тот человек. А пока подождите. Я гость вашей планеты, и нарушение моих прав может дорого вам обойтись.

— А вы вмешиваетесь в дела Его Светлости, что вам не дешевле обойдется! — полицейский снова тряхнул шута. — Отдай человеку деньги, негодяй!

Торан сделал быстрое движение рукой и вывернул из руки полицейского пистолет, чуть не оторвав лежаший на курке палец.

Полицейский взвыл от боли и ярости. Торан толкнул его, клоун освободился и спрятался за спину Торана.

В толпе, границ которой уже не было видно, началось центробежное движение. Всем вдруг захотелось оказаться как можно дальше от центра событий. Прозвучал властный приказ, толпа зашевелилась быстрее, в ней образовался коридор, по которому прошли двое с электрическими хлыстами наготове. На их красных рубахах красовались эмблемы в виде молнии, разбивающей планету. Позади них шел гигант в форме лейтенанта, с темными волосами, темной кожей и мрачным взглядом.

Черный человек заговорил спокойно и негромко, что ясно давало понять, что не голос служил ему средством осуществления воли.

— Это вы нас предупредили?

Полицейский, оберегая поврежденную руку, морщась от боли, пролепетал:

— Я требую награды, Ваша милость, и обвиняю этого человека

— Вы получите награду, — сказал лейтенант, не глядя на просителя, и приказал своим людям. — Взять его!

Торан почувствовал, как шут вцепился в его одежду, и громко произнес, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

— Прошу прощения, лейтенант, этот человек мой.

Солдаты оставили его заявление без внимания. Один из солдат поднял хлыст, но тут же опустил, повинуясь окрику лейтенанта.

Его милость нависла над Тораном и спросила:

— Кто вы такой?

— Гражданин Фонда, — был ответ.

Ответ подействовал, по крайней мере, на толпу. Она загудела. Имя самого Мула не внушало такого ужаса, как упоминание о Фонде, уничтожившем Империю и страх, с помощью которого она правила Галактикой.

Лейтенант сохранял спокойствие. Он спросил Торана:

— Вы знаете, кто прячется за вашей спиной?

— Мне сказали, что это придворный вашего правителя, бежавший из дворца. Я же знаю о нем только то, что он мой друг. Чтобы забрать его, вы должны доказать, что он именно тот, кого вы ищете.

В толпе кто-то свистнул, лейтенант не обратил на это внимания.

— У вас есть документ, удостоверяющий, что вы гражданин Фонда?

— На корабле.

— Вы понимаете, что ваши действия незаконны? Я могу приказать расстрелять вас.

— Несомненно, но если вы расстреляете гражданина Фонда, может оказаться, что ваш четвертованный труп будет отправлен в Фонд в качестве компенсации. Такое уже случалось.

Лейтенант облизал губы. Он знал, что такое действительно случалось.

— Назовите ваше имя, — потребовал лейтенант.

Торан почувствовал перелом и принялся развивать успех.

— Я отвечу на ваши вопросы на моем корабле. Он зарегистрирован в публичном ангаре под именем «Байта».

— Вы выдадите нам беглеца?

— Мулу, возможно, выдам.

Затем они перешли на шепот. Лейтенант повернулся к своим людям и, сдерживая ярость, приказал:

— Разогнать толпу!

Заработали электрические хлысты, раздался визг, люди побежали прочь.

По дороге на корабль Торан лишь однажды прервал молчание.

— Если бы ты знала, Бай, как мне было страшно!

— Я представляю, — сказала она дрожащим голосом, глядя на мужа с восхищением.

— Я до сих пор не понимаю, как это случилось. Схватил пистолет, не зная даже, как им пользоваться, и городил, что в голову взбредет. Неужели это был я?

Торан посмотрел на противоположный ряд сидений воздушного автобуса, увозящего их из пляжной зоны. В одном из кресел скорчился спящий шут.

— Более тяжелой работы мне еще делать не приходилось, — с отвращением добавил Торан.

Лейтенант в почтительной позе стоял перед полковником.

— Хорошо сработано, — сказал полковник, — ваша миссия окончена.

Лейтенант не спешил уходить.

— Мул много потерял в глазах толпы, — мрачно проговорил он. — Необходимо принять меры, чтобы восстановилась атмосфера должного уважения.

— Необходимые меры приняты.

Лейтенант двинулся было к выходу, но вдруг остановился и с прорывающимся раздражением сказал:

— Я согласен, сэр, что приказ есть приказ, но если бы вы знали, как тяжело мне было стоять перед этим типом с пистолетом и слушать его оскорбления!

14. Мутант

Калганский ангар — особое учреждение, возникшее из необходимости размещения множества кораблей и расселения привезенных ими гостей. Человек, первым пришедший к очевидному решению этой проблемы, очень скоро стал миллионером, а его потомки, родившиеся и воспитанные в богатых семьях, постоянно находились в числе крупнейших собственников Калгана.

Ангар, постепенно расширяясь, покрывал уже сотни квадратных миль и перестал быть собственно ангаром, превратившись в отель для кораблей. Гость вносил плату за определенное время, и кораблю отводилось место, с которого он в любой момент мог подняться в космос. Турист имел право жить в своем корабле; при этом ему оказывались все виды гостиничных услуг. Ему приносили завтрак «в номер»; если нужно, вызывали врача или бригаду для ремонта корабля; подавали такси. В результате гость платил за место в ангаре и за услуги, ничего не платя за постой. Владельцы ангара не стеснялись в ценах на площадки для кораблей. Правительство не стеснялось в налогах. Никто на этом не терял, и все были довольны. Чего лучше!

По широкому коридору, соединявшему многочисленные крылья ангара, шел человек. Обычно во время вечернего обхода он восхищался оригинальностью и рациональностью описанной выше системы, но сегодня для подобных размышлений не было времени.

Один за другим он проходил ряды кораблей. Он был мастером своего дела, и даже если бы не нашел в регистрационном журнале номер ряда — где стояла не одна сотня кораблей, — все равно отыскал бы нужный.

Человек вошел в очередное крыло и отключил освещение. Там и сям светились иллюминаторы — люди возвращались от организованных развлечений к менее изощренным и более интимным домашним радостям.

Человек, возможно, остановился и улыбнулся бы, однако его лицо не способно было принимать соответствующее выражение. Однако, в его мозгу произошел процесс, в результате которого губы должны растягиваться, а глаза — светиться.

Корабль, перед которым он остановился, имел изящные очертания и, очевидно, обладал высокой скоростью. Это был особенный корабль. Уже давно во всем секторе использовались корабли, построенные либо самим Фондом, либо по его моделям. Корабль был построен в Фонде не для экспорта, хотя бы потому, что сквозь обшивку проступали бугорки генераторов защитного силового поля, которыми оснащались только корабли Фонда. Имелись и другие признаки.

Человек не колебался.

Меры по охране собственности клиентов, предпринятые администрацией ангара, были против него бессильны. С помощью специального нейтрализующего устройства он легко миновал электронный барьер, отгораживающий стояночные площадки от прохода.

Обитатели корабля все же не были застигнуты врасплох. Когда ладонь незваного гостя легла на обшивку чуть правее входной двери, в гостиной раздался гудок фотосторожа. Торан и Байта насторожились.

Придворный шут Мула, сообщивший, что его весьма компактное тело носит имя Магнифико Гигантикус, согнувшись над столом, поглощал пищу, изредка отрываясь от этого занятия, чтобы взглянуть на Байту.

— В благодарности слабых мало проку, — пробормотал он, — но все же я осмелюсь тебя поблагодарить, потому что за прошедшую неделю мне не пришлось много есть, и, хотя сам я мал, аппетит мой непомерно велик.

— Поэтому ешь, — сказала Байта, — не тратя времени на слова. Тебе лучше, чем мне, должна быть известна модная в центральных секторах поговорка о благодарности.

— Ты права, моя госпожа. В самом деле, кто-то из мудрых изрек: «Наилучшая благодарность та, что не испаряется в виде пустых фраз». Но увы, моя госпожа, все, на что я способен — это произносить пустые фразы. Пока мои пустые слова ублажали Мула, я носил роскошное платье и красивое имя (мое настоящее имя — Бобо — Мулу не понравилось), когда же моя пустая болтовня ему надоела, на меня посыпались тумаки и проклятия.

Из зала управления пришел Торан.

— Нам остается только ждать, Бай. Надеюсь, Мул понимает, что корабль Фонда — это территория Фонда.

Магнифико Гигантикус, бывший Бобо, воскликнул, раздувая ноздри:

— Как велик Фонд, перед которым трепещут даже жестокие слуги Мула!

— И ты слышал о Фонде? — спросила Байта, улыбаясь.

— Кто же о нем не слышал, — Магнифико перешел на таинственный шепот. — Говорят, это мир чудес; мир огня, пожирающего планеты, мир, владеющий тайной грозных сил. Говорят, что самый знатный и богатый человек Галактики не удостоится такого уважения и почета, как простой человек, который сможет сказать: «Я гражданин Фонда».

— Магнифико, если ты будешь произносить речи, ты никогда не закончишь есть, — сказала Байта. — Выпей лучше ароматизированного молока.

Она поставила на стол кувшин и вышла из кухни, поманив за собой Торана.

— Тори, что мы будем с ним делать? — Байта кивнула в сторону кухни.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если придет Мул, выдадим его?

— Как же иначе, Бай? — голос его звучал устало, и на лоб свисала влажная прядь. — Когда я ехал сюда, я думал, что стоит только спросить о Муле, и первый прохожий укажет дорогу к нему. Я надеялся, что мы переговорим с ним и будем свободны.

— Понимаю твое разочарование, Тори, но не разделяю, потому что я на многое не рассчитывала. Я не надеялась встретиться с Мулом, а собиралась разузнать о нем от приближенных к нему людей и сообщить это тем, кто более сведущ в межзвездных интригах. Я не воображала себя межпланетным шпионом.

— От тебя не дождешься поддержки, — Торан надулся и сложил руки на груди. — Ты подумай! Если бы не случай с шутом, мы ничего даже не услышали бы о Муле. Как ты считаешь, он придет за шутом?

— Не знаю... и не уверена, что мне этого хочется, — пожала плечами Байта. — Допустим, придет. Что делать?

Раздался гудок фотосторожа. Байта прошептала одними губами:

— Это Мул!

— Мул? — Магнифико, вытаращив глаза, дрожа, выскочил из кухни.

— Надо открывать, — сказал Торан.

Внешняя дверь открылась, впуская гостей в тамбур. На видеоэкране оказался только один человек.

— Он один, — сказал Торан с явным облегчением и нагнулся к переговорному устройству. — Кто вы такой?

— Сначала впустите меня, потом разберемся, ладно? — пришел ответ.

— Известно ли вам, — голос Торана все еще дрожал, — что, согласно международной конвенции, наш корабль считается территорией Фонда?

— Известно.

— Хорошо, входите, но если я увижу что-нибудь у вас в руках — стреляю без предупреждения. Я хорошо вооружен.

— Согласен.

Торан открыл внутреннюю дверь, снял бластер с предохранителя и положил палец на курок. Раздались шаги, дверь распахнулась, и Магнифико воскликнул:

— Это не Мул! Это просто человек.

«Просто человек» с достоинством поклонился шуту.

— Совершенно верно. Я не Мул, — в руках у него ничего не было. — При мне нет оружия, и я пришел с миром, так что можете отложить свой бластер. У вас нехорошо дрожит рука.

— Кто вы такой? — резко спросил Торан.

— Я имею больше прав задать вам этот вопрос, — холодно произнес незнакомец, — потому что не я, а вы самозванец.

— Что это значит?

— Вы заявляете, что вы гражданин Фонда, в то время как на планете в настоящий момент нет ни одного торговца, который бы выступал под эгидой Фонда.

— Откуда вам это известно?

— Я гражданин Фонда и могу представить соответствующие документы. Есть ли такие документы у вас?

— Мне кажется, вам лучше покинуть мой корабль.

— Я придерживаюсь иного мнения. Если вам известно, как Фонд защищает безопасность своих граждан, — а вам это, наверное, известно, хоть вы и самозванец — вы должны знать, что если я не явлюсь в определенное время на свой корабль, в ближайшую военную базу Фонда будет направлен специальный сигнал, и ваше оружие окажется для вас бесполезным.

Торан в нерешительности молчал, и Байта сказала:

— Отложи бластер, Торан. По-моему, этот человек говорит дело.

— Спасибо, — сказал незнакомец.

Торан положил бластер на стул рядом с собой.

— Надеюсь, теперь вы объясните, кто вы и зачем пришли.

Незнакомец не садился. Он был высок и широк в кости. На суровом лице с жесткими чертами казалась невозможной улыбка.

— Новости, а особенно невероятные, — сказал он, — распространяются очень быстро. На всем Калгане не осталось человека, который бы не знал, что людям Мула плюнули в лицо туристы из Фонда. Услыхав об этом, я удивился, потому что, кроме меня, здесь нет туристов из Фонда. Мы это легко проверяем.

— Кто «мы»?

— Мы. Например, я. Я знал, что вы живете в Ангаре: вы этого не скрывали. У меня есть способ проверить регистрационный журнал и отыскать нужный корабль.

Он резко повернулся к Байте и спросил:

— По рождению вы гражданка Фонда, не так ли?

— Неужели?

— Вы член демократической оппозиции, которую называют подпольем. Не помню вашего имени, но мне знакомо ваше лицо. Вы недавно вышли из организации; вас отпустили потому, что вы не слишком значительный член.

— Вы хорошо осведомлены, — пожала плечами Байта.

— Это правда. Вы бежали с мужчиной. Это, надо полагать, он?

— Мне кажется, мой ответ не будет иметь для вас большого значения?

— Нет, я просто хочу, чтобы мы лучше понимали друг друга. В неделю вашего поспешного отъезда паролем организации было: «Селдон, Хардин и свобода». Главой вашей секции является Порфират Харт.

— Откуда вы все это знаете? — неожиданно разъярилась Байта. — Его арестовали?

Торан попытался отодвинуть Байту за спину, но она высвободилась из его рук и подступила к незнакомцу. Тот невозмутимо продолжал:

— Никто не арестован. Дело в том, что подпольное движение охватывает очень широкий круг людей, многие из которых работают в самых неожиданных местах. Я капитан Хан Притчер из службы информации, член подпольной организации и глава секции.

Помолчав, он добавил:

— Можете мне не верить. Для вас лучше излишняя подозрительность, чем излишняя доверчивость. Впрочем, пора переходить к делу.

— Да, пожалуй, — сказал Торан.

— Позвольте, я сяду? Спасибо, — капитан сел, закинув ногу на ногу и перевесив руку через спинку стула. — Начнем с того, что ваше поведение меня озадачило. Я вижу, что вы не из Фонда, а из какого-то из независимых торговых миров. Впрочем, дело не в этом. Мне любопытно, зачем вы спасли этого клоуна? Вы рисковали жизнью.

— Не могу вам этого сказать.

— Хм... Так я и думал. Если вы ожидаете, что сюда под гром фанфар, барабанов и электрических органов явится Мул — напрасно. Мул не разменивается на подобные мелочи.

— Ах! — одновременно вскрикнули Торан и Байта, а Магнифико, весь обратившийся в слух, радостно вздрогнул.

— Поверьте профессионалу. Я сам пытался войти с ним в контакт, действуя гораздо более тонко, чем вы, но безуспешно. Этот человек не выступает перед публикой, запрещает себя фотографировать или изображать каким-либо другим образом. Его видят лишь самые близкие соратники.

— И этим объясняется ваш интерес к нам? — спросил Торан.

— Нет. Мне интересны не вы, а этот клоун. Он один из немногих, кто действительно видел Мула. Он мне нужен. Нужен, как доказательство... Я должен, наконец, пробудить Фонд от спячки!

— Так ли нужно его будить? — перебила Байта с неожиданной резкостью. — И кому вы должны: подполью или тайной полиции?

И лицо, и взгляд капитана стали еще суровее.

— Мадам Революционерка, да будет вам известно; когда страну порабощают, гибнут и диктаторы, и демократы. Сейчас я я согласен спасти наших диктаторов от более жестокого диктатора. Избавившись от него, мы легче справимся с ними — в свое время.

— Кто этот более жестокий диктатор? — настаивала Байта.

— Мул! Я узнал о нем кое-что, что заставило меня действовать осторожнее, и уже не раз рисковал жизнью. Пусть клоун выйдет. Не хочу лишних ушей.

— Магнифико, — сказала Байта, кивнув на дверь.

Шут молча повиновался.

Капитан заговорил, горячо, но тихо, так что Торану и Байте пришлось придвинуться к нему.

— Мул чрезвычайно проницательный руководитель, слишком проницательный, чтобы не понять и не оценить всех преимуществ личного общения с подданными. Если он предпочитает осуществлять свою волю через посредников, значит, на то есть причина. Она может состоять в том, что при выступлении Мула перед публикой может обнаружиться что-то такое, чего никак нельзя обнаруживать.

Притчер отмахнулся от вопросов и заговорил быстрее:

— Я побывал на его родине и говорил с людьми, которым знание могло стоить жизни. Многие уже поплатились ею. Те, кто остался, хорошо помнят малыша, родившегося тридцать лет назад, помнят, как умерла при родах его мать, как необычно проходило его детство... Мул не человек!

Слушатели отпрянули, подсознательно почувствовав опасность.

Капитан продолжал:

— Он мутант, и, как явствует из его успехов, мутация оказалась для него полезной. Я не знаю его возможностей и не могу сказать, в какой степени Мул является тем, что наши триллеры называют «супермен», но то, что он за два года прошел путь от хулигана до завоевателя планет, весьма красноречиво свидетельствует в пользу исключительных способностей Мула. Неужели вы не понимаете, как это опасно? Мог ли Селдон предусмотреть возможность появления человека с уникальными биологическими свойствами в результате дефекта чьей-то хромосомы?

— Мне трудно вам поверить, — задумчиво протянула Байта. — Здесь идет какая-то сложная игра. Почему люди Мула не убили нас, если он супермен?

— Я говорил, что не знаю всех его возможностей. Возможно, Мул еще не готов выступить против Фонда и потому — что весьма разумно — не хочет поддаваться на провокации. Разрешите мне поговорить с его шутом.

Дрожащий Магнифико смотрел на большого, угловатого капитана с явным недоверием.

— Ты видел Мула собственными глазами? — медленно произнес капитан.

— Не только видел, сэр, а ощущал тяжесть его кулаков своим собственным телом.

— В этом я не сомневаюсь. Можешь описать его?

— Страшно даже вспоминать о нем, глубокоуважаемый сэр. Он человек очень мощного сложения. Рядом с ним даже вы покажетесь ничтожным. У него красные волосы, а сила... всей своей силой и всем весом я не мог разогнуть его согнутую руку, — все посмотрели на тощего Магнифико и улыбнулись. — Иногда, чтобы позабавить генералов или позабавиться самому, он подвешивал меня на одном пальце за пояс и заставлял читать стихи. Только после двадцатого стиха отпускал, да и то, если я точно соблюдал все рифмы, а иначе — начинай заново. У него огромная сила, досточтимый сэр, и он применяет ее с большой жестокостью. И глаза, сэр: никто не видит его глаз.

— Ну-ка, ну-ка...

— Он носит странные очки, сэр. Говорят, что они непрозрачные, потому что Мулу не нужны глаза. Он будто бы видит чем-то другим, и гораздо лучше, чем простые люди. Я слышал, — он перешел на таинственный шепот — что увидеть его глаза все равно, что увидеть смерть. Говорят, он убивает взглядом, сэр.

Магнифико обвел взглядом слушателей и, передернув плечами, добавил:

— Это правда. Клянусь жизнью, правда.

— Кажется, что вы правы, капитан, — вздохнула Байта. — Что будем делать?

— Давайте подумаем. Вы здесь ничего не должны? Взлететь можете?

— В любой момент.

— Значит, летите. Мул не хочет выступать против Фонда, но очень боится упустить Магнифико. Вас могут ждать, но у вас есть щит и, по-моему, вы быстрее, чем их корабли. Как только выйдете из атмосферы, летите на другое полушарие, а там максимально ускоряйтесь. Если вы улетите, спрашивать будет не с кого.

— Вы правы, — согласился Торан.

— Пожалуй, — холодно сказала Байта, — но что будет с нами, когда мы вернемся в Фонд?

— Что плохого может случиться с гражданами Калгана, изъявившими желание помочь Фонду?

Больше никто ничего не сказал. Торан повернулся к пульту.

Когда корабль удалился от Калгана на расстояние, достаточное для того, чтобы можно было совершить скачок, капитан хмуро сдвинул брови: ни один корабль Мула их не преследовал.

— Похоже, что нам позволили увезти Магнифико, — заметил Торан. — Не годится ваша версия.

— Видимо, Мулу нужно, чтобы мы увезли Магнифико, — размышлял капитан. — Дело принимает скверный оборот.

Подлетая к Фонду, они услышали ультроволновую передачу. Шел выпуск новостей. Равнодушным голосом диктор объявил, что какой-то диктатор заявил Фонду протест по поводу того, что гражданами Фонда похищен один из его придворных. Затем диктор стал читать спортивные новости.

Капитан Притчер ледяным голосом сказал:

— Он идет на шаг впереди.

Подумав, добавил:

— Мул готов к нападению на Фонд, а похищение шута использовал, как повод. Нам придется нелегко: мы не готовы к войне.

15. Психолог

Вид человеческой деятельности, известный под названием чистой науки, являлся в Фонде наиболее свободной формой жизни, и неудивительно. Поскольку доминирование Фонда над Галактикой — и даже его выживание — зависело от уровня развития науки и техники, Ученый пользовался в Фонде значительной степенью свободы. Он был необходим и знал это.

В той же степени закономерным было и то, что Эблинг Мис — только те, кто не был с ним знаком, прибавляли к его имени все положенные звания — представлял собой наиболее свободную форму жизни среди представителей чистой науки. Он был Настоящим Ученым — с большой буквы. И чувствовал свою необходимость.

Случилось так, что все преклонили колени, а Эблинг Мис отказался это сделать и во всеуслышание заявил, что его предки в свое время не кланялись какому-то вонючему мэру. Мис сказал, что в прежние времена мэра обычно выбирали, а если что не так, то и смещали, а единственная вещь, принадлежащая человеку по праву рождения, — это врожденное слабоумие.

Когда же Эблинг Мис позволил мэру Индбуру почтить его, Миса, приглашением к аудиенции, случилось так, что ученый не стал ждать, пока его просьба поднимется по иерархической чиновной лестнице наверх и обратным порядком спуститься вниз. Он надел наиболее приличный из двух своих выходных костюмов, нахлобучил на голову шляпу невероятного фасона и, попыхивая

запретной сигарой, прошел мимо охраны, что-то робко заблеявшей вслед, прямо во дворец мэра.

Первым признаком вторжения была донесшаяся до Его Превосходительства, работавшего в саду, перебранка.

Мэр Индбур не спеша отложил лопату, не спеша выпрямился и нахмурился. Мэр Индбур ежедневно делал короткий отдых от работы. Если позволяла погода, он два часа после полудня проводил в саду. Там, в квадратных и треугольных клумбах, росли цветы, рассаженные строго по сортам так, что красные и желтые клумбы чередовались через одну, уголки всех клумб были фиолетовые, а края — зеленые. Никто не смел тревожить мэра в саду. Никто!

Мэр снял перепачканные землей перчатки и направился к калитке.

— Что это значит? — задал он обычный при таких обстоятельствах вопрос.

Этот вопрос, в этой самой формулировке, произносился на протяжении истории человечества бесчисленное множество раз, но всегда с единственной целью. Это был крик оскорбленного достоинства.

На этот раз сакраментальный вопрос не остался без ответа. В поле зрения мэра появился Мис, потрясающий кулаками и изрыгающий ругательства в адрес охраны, державшей в руках обрывки его пиджака.

Сделав недовольную мину, мэр махнул рукой, и охранники ушли. Мис нагнулся, поднял свою шляпу-развалюху, отряхнул ее от грязи и сунул под мышку.

— Слушайте, Индбур, ваши нецензурные прихлебатели должны заплатить мне за порванный пиджак. Я его носил бы и носил, — Мис, отдуваясь, несколько театральным жестом отер пот со лба.

Мэр, побледнев от обиды, надменно произнес:

— Мис, я не приглашал вас на аудиенцию, и мне не докладывали, что вы о ней просите.

Эблинг Мис с выражением крайнего удивления посмотрел на мэра.

— Галактика, Индбур, разве вы вчера не получили мою записку? Я передал ее позавчера с типом в фиолетовой ливрее. Я бы вручил ее вам лично, но знаю вашу любовь к формальностям.

— Формальности? — мэр вытаращил глаза от негодования, но сделав усилие, овладел собой. — Неужели вам неизвестно, что существует определенный порядок подачи просьб об аудиенции? Учтите на будущее: просьбу следует подавать в трех экземплярах в комиссию, созданную специально для рассмотрения таких просьб. Затем полагается ждать официального приглашения. Являться на аудиенцию следует в пристойной одежде, слышите, в пристойной, а при обращении к мэру следует соблюдать протокол. Можете идти.

— Что вам не нравится в моей одежде? — возмутился Мис. — Это был мой пиджак, пока его не разорвали ваши нецензурные

злодеи. А уйду я тогда, когда сообщу вам все то, что намеревался сообщить. Если бы речь не шла о кризисе Селдона, я бы вовсе к вам не пришел.

— Кризис Селдона? — мэр начал проявлять интерес.

Мис считался великим психологом, помимо того, что был буяном и демократом. Мэра так смутило заявление авторитетного ученого, что он не сумел выразить словами обиду, когда Мис сорвал с клумбы цветок, понюхал его и, сморщив нос, отбросил прочь.

— Пройдемте со мной, — сказал Индбур холодно. — Сад — не место для серьезной беседы.

В кабинете мэр почувствовал себя лучше: с возвышения, на котором стоял стол, он мог наслаждаться видом розовой лысины Миса. Еще лучше мэр почувствовал себя, когда Мис стал оглядываться, ища несуществующий стул, а не найдя, начал переминаться с ноги на ногу. Мэр окончательно пришел в себя, когда в ответ на сигнал, вызванный нажатием особой кнопки, прибежал служащий в ливрее, кланяясь, подошел к столу и положил перед мэром объемистый том.

— Итак, — сказал Индбур, снова став хозяином положения, — чтобы наша импровизированная беседа была как можно короче, прошу вас изложить ваше дело по возможности лаконично.

— Вы знаете, — неторопливо начал Эблинг Мис, — чем я занимаюсь в последнее время?

— Передо мной лежат ваши отчеты, — с удовлетворением произнес мэр, — как полные тексты, так и тезисы. Насколько я знаю, ваши исследования в области психоисторической математики имели целью продублировать работу Хари Селдона и проследить путь Фонда в будущее.

— Совершенно верно, — сухо сказал Мис. — У Селдона хватило ума на то, чтобы не поселить Фонде ни одного психолога, и в результате мы до сих пор вслепую шли по пути исторической необходимости. В ходе работы я понял смысл некоторых намеков Селдона...

— Все это мне известно, Мис. Не тратьте время на повторение.

— Я ничего не повторяю, — огрызнулся Мис. — То, что я хочу вам рассказать, не содержится в отчетах.

— Что значит, не содержится. — тупо переспросил Индбур? — Как вы...

— Галактика! Перестаньте, наконец, меня перебивать! Что за манера: переспрашивать каждое слово!. Или вы меня выслушаете, или я повернусь и уйду, и пусть все катится к черту! Только учтите, нецензурная вы бестолочь, что Фонд в любом случае выживет, потому что такова воля истории, а вы не выживете, если я уйду.

Мис швырнул шляпу на пол с такой силой, что из нее брызнули комочки земли, перепрыгнул ступени, ведущие к столу, и, яростно сдвинув в сторону бумаги, сел на край стола.

У Индбура мелькнула отчаянная мысль вызвать охрану или выстрелить из встроенного в стол бластера, но Мис придвинулся почти вплотную, и единственное, что мог сделать мэр — это сохранить на лице выражение собственного достоинства.

— Доктор Мис, — начал было он.

— Молчите, — взревел Мис, — и слушайте! Если это действительно мои отчеты, — его рука тяжело опустилась на толстую папку, — можете их выбросить на свалку. Всякий написанный мною отчет проходит через ...надцать рук, потом попадает к вам, потом его читают еще эн чиновников. Хорошо, конечно, что вы ничего не держите в секрете, но я пришел, чтобы рассказать вам секрет, которого не знают даже мои люди. Они работали над отдельными задачами, а я собирал все воедино. Вы знаете, что такое Хранилище?

Индбур кивнул, и Мис, откровенно наслаждаясь ситуацией, продолжал:

— Ладно, я вам скажу. Одной Галактике известно, сколько раз я воображал эту нецензурную сцену. Я вас вижу насквозь, жалкий обманщик: вы держите руку на кнопке, на сигнал которой прибегут вооруженные люди, чтобы меня прикончить. Но вы боитесь того, что я знаю. Вы боитесь кризиса Селдона. Кроме того, если вы тронете хоть что-нибудь на своем столе, я оторву вашу нецензурную голову раньше, чем сюда кто-то успеет войти. Ваши отец и дед, эти бандиты, высосали достаточно крови из Фонда. Хватит!

— Это измена, — пролепетал Индбур.

— Самая настоящая, — злорадствовал Мис, — но к делу это не относится. Я хотел объяснить вам, что такое Хранилище. Селдон построил Хранилище, чтобы мы в трудную минуту приходили туда за помощью. На каждый кризис Селдон приготовил выступление, в ходе которого объяснял, что делать. Четыре кризиса — четыре выступления. В первый раз Селдон явился в самый момент кризиса, второй раз — после успешного разрешения кризиса. Первые два выступления наши предки прослушали. Во время третьего и четвертого кризисов они почему-то к Селдону не пошли; наверное, не нуждались в его советах. Недавние исследования, не отраженные в отчетах, показали, что Селдон, тем не менее, являлся во время третьего и четвертого кризисов, и являлся в нужное время. Вы понимаете?

Ответа не было, но Мис его и не ждал. Он выбросил измочаленную сигарету, нашарил в кармане другую и закурил.

— Официально я работал над восстановлением психоистории. Это еще никому не удавалось и в ближайшие сто лет не удастся, но кое-каких результатов я добился. Я могу определить, и довольно точно, дату очередного появления Хари Селдона... Иными словами, я могу назвать вам день, когда очередной кризис Селдона, пятый, достигнет пика.

— Когда это случится? — с усилием выговорил Индбур.

— Через четыре месяца, — небрежно бросил Мис. — Через четыре нецензурных месяца минус два дня.

— Через четыре месяца! — повторил Индбур с несвойственной ему страстью. — Невероятно!

— Невероятно, но факт.

— Четыре месяца! Вы понимаете, что это значит? Если кризис достигнет пика через четыре месяца, значит, он назревал в течение многих лет.

— Почему бы и нет? В природе не существует закона, который бы запрещал кризисам вызревать в тайне от вас.

— Разве нам что-то или кто-то угрожает? По-моему, сейчас все спокойно, — в волнении мэр заламывал руки.

Внезапно, в приступе ярости, он закричал:

— Встаньте, наконец, с моего стола и позвольте мне привести его в порядок! Я не могу думать в такой обстановке!

Мис испуганно вздрогнул и, тяжело поднявшись, отошел.

Индбур суетливыми движениями наводил на столе порядок и торопливо, сбивчиво говорил:

— Вы не имеете права так себя вести. Вашу теорию следовало...

— Это не теория.

— А я говорю, теория. Ее следовало изложить письменно, сопроводив расчетами и доказательствами, и направить в Бюро Исторических Наук. Там ее рассмотрели бы, сделали соответствующие выводы и представили бы мне отчет. Я изучил бы его и принял необходимые меры. А вы ворвались ко мне и неизвестно зачем расстроили меня. А-а, вот он, — и мэр помахал перед носом психолога листом прозрачной серебристой бумаги. — Это сводка зарубежных событий, которую я собственноручно ежедневно составляю. Вот, слушайте: заключен договор о торговле с Мором, ведутся переговоры с Лайонессом, направлена делегация в Бонд на какие-то торжества, поступила жалоба с Калгана, я обещал ее рассмотреть, Асперта обещала рассмотреть наш протест против притеснения наших торговцев и так далее, — мэр пробежал сводку глазами и аккуратно положил в папку, которую отправил в ящик. — Видите, Мис, все спокойно.

В дальнем конце комнаты открылась дверь, и вошел — слишком порывисто, чтобы его можно было принять за галлюцинацию — одетый не по форме секретарь.

Индбур привстал. Происходящее казалось ему нереальным: слишком много сразу на него свалилось. Сначала Мис с сигарой, а теперь — вопреки протоколу — без формы и без доклада секретарь.

Секретарь преклонил колено.

— В чем дело? — резко спросил Индбур.

Секретарь заговорил, обращаясь к полу:

— Ваше превосходительство, капитан Хан Притчер, в нарушение вашего приказа пребывавший на Калгане, вернулся оттуда и

был, во исполнении ваших распоряжений — вашего приказа X20-513 — взят под стражу. В настоящее время он ожидает приговора. Сопровождавшие его лица задержаны для дознания. Отчет был представлен вам в надлежащем порядке.

— Я читал его! Дальше! — в бессильной ярости закричал Индбур.

— Ваше Превосходительство, капитан Притчер докладывал об опасных планах нового калганского диктатора. Согласно вашему распоряжению — приказу X20-651 — его доклад официально рассмотрен не был, но был запротоколирован...

Индбур почти завизжал:

— Знаю! Дальше!

— Четверть часа назад получено сообщение с Салиннианской границы. Корабли, идентифицированные как калганские, незаконно проникли в космическое пространство Фонда. Корабли вооружены. Они вступили в вооруженный конфликт с пограничными кораблями Фонда.

Секретарь согнулся чуть не пополам. Индбур лишился дара речи. Эблинг Мис очнулся первым. Он подошел к секретарю, похлопал его по плечу.

— Велите освободить капитана Притчера и привести его сюда. Живо.

Секретарь вышел, а Мис обратился к мэру:

— Пора действовать, Индбур. Осталось четыре месяца.

Индбур стоял, уставясь в пространство остекленевшими глазами, и пальцем чертил на столе треугольники.

16. Конференция

Когда двадцать семь независимых миров, объединенные ненавистью к породившему их миру, собираются на конференцию, они, преисполненные гордости, тем большей, чем меньше сам мир, ожесточенные одиночеством перед лицом постоянной опасности, пускаются в такие мелочные и утомительные предварительные переговоры, что падают духом даже самые стойкие.

Почти неразрешимым вследствие огромного политического значения оказывается вопрос о численности делегации и способе голосования. При размещении делегатов за столом переговоров и за обеденным столом возникают неразрешимые социальные проблемы. Почти невозможно выбрать место встречи: каждый провинциал хочет сделать свою провинцию столицей.

Наконец извилистые пути дипломатии привели в Рейдол, предложенный некоторыми в качестве места проведения конференции в самом начале переговоров.

Это был маленький мир, занимавший по отношению к остальным центральное положение в космосе и в военном отношении

самый слабый из двадцати семи. Этот последний фактор стал решающим в выборе Рейдола.

Рейдол относился к классу сумеречных миров, которых в Галактике великое множество, но которые в большинстве своем необитаемы. Иными словами, на освещенной стороне такой планеты невыносимая жара, на темной — невыносимый холод, а жизнь возможна лишь в узкой полосе сумерек.

На первый взгляд такой мир не покажется чересчур удобным, но в Галактике немало райских уголков, и случилось так, что Рейдол Сити оказался одним из них.

Он располагался на холмах у подножия высоких гор, сдерживавших холодные ветры ночного полушария, которые могли бы остудить теплый сухой воздух дневной половины. Теплый воздух подтачивал горные ледники, и с гор стекала вода. Сады Рейдол-Сити зеленели под неизменным утренним солнцем вечного июня. Улицы буквально утопали в садах, каждый из которых представлял собой агрономический эксперимент. Рейдол постепенно превращался из исключительно торгового мира в сельскохозяйственный. Это был оазис, осколок Эдема, что сыграло немалую роль в выборе Рейдол-Сити местом проведения конференции.

И вот из двадцати шести миров слетелись делегаты, их жены и секретари, газетчики, экипажи кораблей. Население Рейдола за несколько дней удвоилось. Гости вовсю ели, пили, но вовсе не спали. Гостеприимство оказалось обременительным.

Впрочем, не все делегаты приехали бражничать. Многие отдавали себе отчет в том, что переживают инкубационный период войны. Эта часть делегатов распадалась на три группировки. Первая, очень многочисленная, группировка объединяла тех, кто знал немного и потому был уверен в благополучном исходе дела.

К ней, очевидно, относился молодой пилот с эмблемой Хэвена на фуражке, который поверх стакана с напитком подмигивал местной красавице, отвечавшей слабой улыбкой.

— Мы специально по пути сюда пролетели по зоне военных действий, — говорил он. — Целую световую минуту в виду Орлеггора...

— Орлеггора? — перебил длинноногий местный житель, хозяин собрания. — Не там ли на прошлой неделе Мулу задали трепку?

— Откуда вы знаете, что Мулу задали трепку? — высокомерно спросил пилот.

— Радио Фонда передавало.

— Правда? Если хотите знать, Мул занял Орлеггор. Мы чуть не столкнулись с конвоем его кораблей, шедших именно оттуда. Хорошая трепка, если тот, кого треплют, удерживает позицию, а тот, кто треплет, бежит с поля боя!

— Не смейте так говорить, — крикнул кто-то обиженным голосом. — Сначала Фонд всегда притворяется слабым и получает

по носу. А потом разворачивается, и бах! Вспомните историю, — лицо говорившего расплылось в самодовольной улыбке.

— Как бы то ни было, — сказал пилот с Хэвена, помолчав, — мы видели корабли Мула. Вполне приличные корабли, и совершенно новые.

— Новые? — задумчиво протянул хозяин. — Они сами их строят? Он сорвал с ветки листок, понюхал, покусал. Потек зеленый сок с мятным запахом.

— Вы хотите сказать, — продолжал хозяин, — что их кустарной работы корабли разобьют флот Фонда?

— Док, я видел эти корабли. Поверьте, я могу отличить корабль от кометы.

Хозяин подступил ближе к пилоту.

— Мое мнение вам известно. Не обманывайте себя. Ясно ведь, что войны не начинаются сами собой. Их начинают люди, которые сидят наверху и знают, что делают.

Оптимист, успевший с лихвой утолить жажду, вставил веское слово:

— Вот увидите, Фонд еще покажет себя. Он ждет подходящего момента, а тогда — бах! — и, улыбаясь неверными губами, заглядел на девушку, которая сочла за лучшее отойти.

— Если вы думаете, что этот самый Мул — самостоятельная сила, вы ошибаетесь, — говорил тем временем хозяин. — Я слышал от очень авторитетных людей, что он — наш человек. Мы ему платим и строим для него корабли. Мне это представляется наиболее правдоподобным. Конечно, разгромить Фонд наголову ему не удастся, но истощить силы Фонда — вполне реальная задача. И тогда мы возьмем дело в свои руки.

— Клев, неужели ты не можешь говорить ни о чем, кроме войны? — сказала девушка. — Мне надоело это слушать.

Пилот с Хэвена решил продемонстрировать свою галантность.

— В самом деле, сменим тему, — сказал он. — Нехорошо надоедать девушкам. Упившийся гость согласно звякнул стаканом. С хихиканьем распались несколько парочек, еще несколько вошли из сада. Беседа стала более общей и светской.

Были люди, которые знали больше и менее уверенно смотрели в будущее.

К их числу принадлежал однорукий Фран, избранный членом официальной делегации Хэвена. Доверие соотечественников вселило в него бодрость духа, и он с увлечением заводил новые знакомства: с мужчинами — в рамках обязанностей — и с женщинами, если это было не в ущерб делу.

Сидя в солярии, дома у одного из своих новых знакомых Айво Лайона, Фран впервые за все время пребывания в Рейдол-Сити — а он приехал сюда уже во второй раз — наслаждался отдыхом. В Айво Фран чувствовал родственную душу. Дом Айво стоял в стороне от других, утопая в море цветочного аромата и стрекота насекомых.

Солярий представлял собою засеянную травой лужайку, наклоненную под углом сорок пять градусов к горизонту. Фран растянулся на траве и всей кожей впитывал солнце.

— У нас на Хэвене так не погреешься, — сказал он.

— Ты не видел ночного полушария, — сонно ответил Айво. — Там есть места, где кислород течет, как вода.

— Да ну!

— Факт.

— Так вот, Айво, я начал рассказывать, что в молодости, когда у меня еще была цела рука, я носился по всей Галактике и — ты не поверишь, — последовал длинный рассказ, которому Айво действительно не поверил.

— Да-а-а, — протянул он, зевая, — были люди в старое доброе время. Теперь таких нет.

— Пожалуй, что и нет. Погоди, как нет? — встрепенулся Фран. — А мой сын! Я тебе о нем рассказывал. Он герой не хуже прежних. Это будет великий торговец, клянусь Галактикой! По всем статьям дает мне сто очков вперед. Вот только дурак, женился!

— Ты хочешь сказать, заключил брачный контракт?

— Ну да. Лично я в этом смысла не вижу. Они с женой отправились в свадебное путешествие на Калган.

— Калган, Калган... Когда это было?

Фран широко улыбнулся и многозначительно произнес:

— Как раз перед тем, как Мул объявил Фонду войну.

— Ну и что?

Фран придвинулся к Айво поближе и прошептал:

— Я тебе кое-что расскажу, если обещаешь не болтать. Мой парень поехал на Калган не просто так. Мне не очень хочется говорить, зачем именно он туда летал, но ты сам видишь, как разворачиваются события, и, наверное, догадываешься. Мой сын не промах. Нам нужно было выманить зверя из берлоги, — Фран хитро прищурился. — Я уж не знаю, что там было, но мы получили, что хотели. Мой сын полетел на Калган — и Мул пошел на Фонд войной. Вот так. Айво проникся к Франу должным уважением и поделился своим секретом:

— Я слышал, у нас есть пятьсот кораблей, полностью готовых к тому, чтобы перехватить победу у Мула.

— Я слышал, что и больше. Вот это настоящая политика! Это мне нравится! — Фран почесал живот. — Только и Мул не прост. Он занял Орлеггор, а это мне уже не нравится.

— Говорят, он потерял десять кораблей.

— У него есть еще сто. Хорошо, конечно, что он бьет наших диктаторов, но слишком быстро все происходит, — Фран озабоченно покачал головой.

— Интересно, откуда у Мула корабли. Ходят слухи, что он покупает их в торговых мирах.

— Что ты! На Хэвене самая крупная верфь, но мы не построили ни единого корабля на продажу. Едва успеваем для себя строить. Неужели ты думаешь, что какой-либо другой из независимых миров способен самостоятельно создать целый флот? Не слушай эти сказки.

— Хорошо, откуда же берутся корабли?

Фран пожал плечами.

— Наверное, Мул строит их сам. В этом тоже приятного мало.

Фран зевнул, уперся ногами в перекладину и заснул, вторя храпом жужжанию насекомых в саду.

И, наконец, были люди, хорошо осведомленные о происходящем и потому ни в чем не уверенные.

Таковым оказался и Рэнду. На пятый день конференции он вошел в главный конференц-зал и увидел, что люди, с которыми он договорился о встрече, уже ждут его. Кроме этих двоих, в зале никого не было.

Рэнду подсел к ним и сказал:

— Мы трое представляем большую часть военного потенциала независимых торговых миров.

— Верно, — согласился делегат Иссa, Мэнджин, — мы с коллегой только что об этом говорили.

— Я буду краток и откровенен, — начал Рэнду. — Я ничего для себя не выгадываю и не заинтересован в недомолвках, тем более что наше положение стало крайне шатким...

— В результате? — поторопил его Овалл Гри, делегат Мнемона.

— В результате событий последнего часа. Не спешите, давайте обо всем по порядку. Первое. В столь опасном положении мы оказались не по своей вине, и я сомневаюсь, что мы можем каким-то образом его изменить. Мы заключили соглашения не с Мулом, а с другими правителями, например, с бывшим диктатором Калгана, которого Мул сверг в самое неподходящее для нас время.

— Если не вдаваться в подробности, Мул достойная замена бывшему диктатору, — заметил Мэнджин.

— Когда вы узнаете все подробности, они приобретут для вас большее значение, — Рэнду положил руки на стол и нагнулся к собеседнику. — Месяц назад я послал на Калган племянника с женой...

— Это ваш племянник!? — удивленно воскликнул Овалл Гри. — Я не знал...

— Зачем? — сухо спросил Мэнджин. — Чтобы... — и он большим пальцем начертил в воздухе круг, как бы обводя им всех присутствующих.

— Нет, если вы имеете в виду войну против Фонда. Так далеко я не метил. Молодой человек ничего не знал о целях нашей организации. Я сказал ему, что являюсь рядовым членом группы патриотов Хэвена, и попросил просто пожить на Калгане и посмот-

реть, что там делается. У меня тогда не было ясных планов. Мне было любопытно, что такое Мул. Это необычная личность, но не о нем я хочу поговорить. Мне казалось, что человеку, знакомому с положением дел в Фонде и связанному с фондовским подпольем полезно будет побывать на Калгане с подобным поручением.

Овалл Гри открыл в улыбке длинные зубы.

— И вы, конечно, удивились, когда ваш племянник похитил у Мула придворного, дав ему тем самым casus belli*. Не пытайтесь нас морочить, Рэнду. Мне трудно поверить, что это происшествие явилось для вас неожиданностью. Это интрига.

— К сожалению, не моя, — покачал седой головой Рэнду, — и не моего племянника, который сейчас сидит в Фонде под стражей и, может быть, не доживет до того времени, когда эта интрига даст какой-либо результат. Я недавно получил от него капсулу с письмом. Ему каким-то образом удалось передать ее на волю, потом ее везли через зону военных действий на Хэвен, а с Хэвена — сюда. Пока она путешествовала, прошел месяц...

— И что же?

— Боюсь, что нам уготована участь бывшего диктатора Калгана, — Рэнду хлопнул по столу ладонью. — Мул не человек, а мутант.

Как и ожидал Рэнду, произошло минутное замешательство. На лицах проступила растерянность. Когда же Мэнджин заговорил, голос его был спокойным и ровным.

— Откуда вам это известно?

— Так считает мой племянник, побывавший на Калгане.

— В каком направлении мутировал его организм? Мутации могут быть самые разные.

Рэнду подавил раздражение.

— Вы правы, Мэнджин, мутации бывают разные. Однако, совершенно очевидно, во что выливается мутация Мула. Что может представлять собой человек, который вышел из низов, собрал армию, организовал на астероиде диаметром в пять миль опорный пункт, оттуда напал на планету, захватил ее, потом захватил целую систему, потом занял весь сектор, напал на Фонд и в сражении при Орлеггоре нанес ему поражение? И все это не более, чем за три года!

Овалл Гри пожал плечами.

— Вы считаете, он разгромит Фонд окончательно?

— Не знаю. Давайте предположим, что да.

— Позвольте, зачем заходить так далеко? Вы основываете столь серьезные выводы на заявлениях неопытного мальчика. Давайте не будем торопиться. Победы Мула до сих пор не касались нас вплотную, и пока его предприятие не идет вразрез с нашими интересами, я не вижу причин что-либо менять.

Рэнду размышлял, нахмурив брови.

---

* Повод к войне (лат.)

— Скажите, удалось ли кому-либо войти в какой-либо контакт с Мулом? — спросил он.

— Нет, — ответили оба собеседника.

— Верно, хотя многие пытались. Нам нужно войти с ним в контакт, иначе наша конференция будет пустой тратой времени. До сих пор в этом зале не происходило ничего, кроме питья и нытья. Я цитирую редакционную статью «Рейдол Трибюн». А все потому, что единственный возможный шаг — это выступление против Мула. Тысяча наших кораблей ждет, пока Фонд ослабеет в борьбе с Мулом и можно будет напасть на Фонд. Это ошибка. Нужно отыскать Мула и выступить против него.

— За тирана Индбура и его команду, — ядовито подсказал Мэнджин.

— Бросьте клеить ярлыки, — устало сказал Рэнду. — Неважно за кого; главное: против Мула.

Овалл Гри поднялся с места.

— Рэнду, не втягивайте меня в политическое самоубийство. Если вам хочется быть освистанным, изложите свои соображения на вечернем заседании.

Вслед за Гри молча вышел Мэнджин, а Рэнду остался за столом, погруженный в безысходные размышления. На вечернем заседании он не выступал.

А на следующее утро к нему в комнату ворвался Овалл Гри, полуодетый, небритый и непричесанный. Рэнду так удивился, что уронил трубку на стол, с которого еще не были убраны остатки завтрака.

Не поздоровавшись, Овалл прохрипел:

— Вчера из космоса бомбили Мнемон!

— Неужели Фонд? — прищурился Рэнду.

— Мул! Мул! — взорвался Овалл. — Намеренно и без всякой провокации с нашей стороны. Большинство наших кораблей вошло в международный флот, оставшихся оказалось мало, они все погибли. Десанта еще не было, поскольку корабли, участвовавшие в нападении, согласно сообщениям, уничтожены. Но коль скоро война началась, можно ожидать чего угодно. Я пришел узнать, как поступит в этой ситуации Хэвен.

— Хэвен, несомненно, поступит, как предписано Хартией Федерации. А Мул — вы видите — уже атакует нас.

— Он безумец. Неужели он рассчитывает покорить Вселенную? Овалл Гри покачнулся и, упав на стул, сжал руку Рэнду. — Те немногие, что остались в живых после боя, утверждают, что у Мула... у противника есть новое оружие — депрессор силового поля.

— Что-о?

— Наши корабли были уничтожены потому, что не сработало атомное оружие и отказали щиты. Это не могло быть результатом случайности или диверсии. Скорее всего, это было действие нового оружия. Возможно, Мул, его только испытывает. Люди говорят, что

действие этого оружия не было непрерывным, иногда оказывалось возможным его нейтрализовать... Вы понимаете, что изменился характер войны, и наш тысячный флот оказывается морально устаревшим?

Рэнду почувствовал себя старым и слабым, руки его безвольно опустились.

— Вот оно, чудовище, которое пожрет нас всех! И все же, с ним нужно бороться.

17. Визисонор

Дом Эблинга Миса в скромном предместье Терминус-Сити был знаком интеллигенции, литераторам и всей читающей публике Фонда. Представление человека о доме Миса зависело от того, что этот человек читал. Вдумчивые биографы называли дом Миса убежищем от мирской суеты, светская хроника намекала на холостяцкий беспорядок, коллеги по университету говорили, что у Миса много книг, но хозяйство ведется бестолково, приятели — что всегда можно выпить и положить ноги на диван, а телевидение кричало:«Полуразвалившаяся хижина лысеющего клеветника и якобинца Эблинга Миса». Байте, у которой не было читателей и слушателей, как не было и предвзятого мнения, он показался просто неряшливым.

Даже тюремное заключение — за исключением первых двух-трех дней — не было ей так тяжело, как получасовое ожидание в доме психолога, возможно, под тайным наблюдением. В тюрьме, по крайней мере, рядом был Торан.

Байте стало немного легче, когда она взглянула на Магнифико, нос которого, понуро опущенный, выдавал тоскливое настроение хозяина. Магнифико подтянул колени к подбородку, словно хотел сжаться в точку, и Байта, машинально протянув руку, утешительно погладила его по голове. Магнифико поморщился, потом улыбнулся.

— О, моя госпожа, до сих пор мое тело живет отдельно от разума и ждет только ударов.

— Не беспокойся, Магнифико, я с тобой и никому не дам тебя в обиду.

Шут искоса взглянул на нее и сразу же отвел глаза.

— Все эти дни мне не позволяли видеться с тобой и твоим добрым мужем, и даю слово, можешь посмеяться надо мной, но мне вас очень не хватало.

— Я не стану смеяться: мне тебя тоже не хватало.

Шут просиял и еще сильнее сжался.

— Ты знакома с человеком, которого мы ждем? — осторожно спросил он.

— Нет, но это знаменитый человек. О нем много пишут и говорят. Мне кажется, это хороший человек, который не сделает нам зла.

— Правда? — шут беспокойно заерзал. — Возможно, моя госпожа, но он уже допрашивал меня, да так строго и напористо, что я вспоминаю об этом со страхом. Он задает такие странные вопросы, что я и слова не могу сказать в ответ. Я начинаю верить сказочнику, который говорил мне, ребенку, что иногда сердце встает поперек горла и не дает говорить.

— Сейчас другое дело. Мы вдвоем, двоих он не запугает, правда?

— Наверное, моя госпожа.

Где-то хлопнула дверь, и в дом ворвался вопль, похожий на львиный рык. У самого порога он оформился в слова:

— Вон отсюда!

Дверь открылась, и Байта увидела, как двое охранников ретируются. Вошел сердитый Эблинг Мис, поставил на пол какой-то сверток и пожал Байте руку, ничуть не заботясь о том, чтобы не сделать ей больно. Она ответила сильным мужским пожатием. Мис кивнул шуту и обратился к молодой женщине:

— Вы замужем?

— Да, мы прошли все предусмотренные законом формальности.

— Счастливы? — спросил Мил после небольшой паузы.

— Пока да.

Мис пожал плечами и, разворачивая сверток, спросил шута:

— Знаешь, что это такое?

Магнифико сорвался с места и вцепился в инструмент со множеством клавиш. Попробовав клавиши, шут в избытке радости сделал сальто назад, отчего обрушилась шаткая мебель.

— Визисонор, — пропел он, — инструмент, извлекающий радость даже из остывшего сердца.

Длинные пальцы шута любовно гладили инструмент, перебирали клавиши, ненадолго задерживаясь то на одной, то на другой, и в воздухе возникла какая-то теплая розовость.

— Ты говорил, что умеешь играть на таких штуках, — сказал Мис, — вот, играй и радуйся. Только сначала настрой инструмент: он из музея, — и вполголоса Байте. — Ни один человек в Фонде толком не умеет на нем играть, — и еще тише. — Шут не хочет без вас говорить. Поможете?

Байта кивнула.

— Спасибо. Он в постоянном страхе и, боюсь, под психозондом сойдет с ума. Поэтому я хочу усыпить его бдительность, а после этого задать несколько вопросов. Вы меня понимаете?

Она снова кивнула.

— Визисонор — первый шаг. Шут говорил, что умеет на нем играть, а сейчас по его реакции я вижу, что эта одна из величайших

радостей в его жизни. Поэтому, понравится вам его игра или нет, сделайте вид, что понравилась. По отношению ко мне выразите расположение и доверие. И во всем следуйте моим указаниям.

Мис быстро взглянул на Магнифико, который возился в углу дивана с визисонором и, казалось, был полностью поглощен своим занятием, и светским тоном спросил у Байты:

— Вы когда-нибудь слышали визисонор?

— Слышала однажды, — так же небрежно ответила Байта. — На концерте редких инструментов. Мне не очень понравилось.

— Значит, плохо играли. Хорошие мастера игры на визисоноре очень редки. Дело здесь не в быстроте и ловкости пальцев; орган требует более серьезной физической подготовки. Для визисонора нужна определенная раскованность мышления, — и тише. — Поэтому наш ходячий скелет может показать высокий класс игры. Часто случается, что люди, хорошо играющие на визисоноре, во всем остальном идиоты. Это один из парадоксов, которые делают психологию увлекательной.

— Вы знаете, как работает эта хитрая штуковина? — продолжал Мис, снова светским тоном. — Я ее осмотрел и выяснил, что ее сигналы непосредственно стимулируют мозговой зрительный центр, не затрагивая зрительного нерва. В природе такое явление невозможно. А звук нормальный. Работает барабанная перепонка и все, что положено. Тс-с-с! Он приготовился играть. Нажмите вон тот выключатель. В темноте будет лучше.

Когда свет погас, Магнифико почти растворился в темноте, а Мис превратился в бесформенную, тяжело сопящую массу. Байта изо всех сил таращила глаза, но ничего не видела. Раздался тонкий, пронзительный дрожащий звук и стал набирать высоту. Где-то в немыслимой выси он остановился и покатился вниз, распух, заполнил комнату и с оглушительным взрывом лопнул. В воздухе возник маленький пульсирующий цветной шарик. Он рос, выбрасывал протуберанцы, которые ползли вверх и в стороны, извиваясь и переплетаясь. Некоторые оторвались, образовав маленькие шарики разных цветов. Байта стала обнаруживать странные вещи.

Она заметила, что с закрытыми глазами видит танец цветовых пятен гораздо лучше, что малейшей пульсации цвета соответствует определенный звук, что она не может назвать ни одного из цветов, участвующих в игре и, наконец, что цветовые шарики — вовсе не шарики, а какие-то фигуры.

Сказочные фигуры, танцующие языки пламени, исчезающие в никуда и возникающие из ничего, обвивались один вокруг другого и сливались в новые фигуры.

Байта вспомнила, что нечто похожее она видела в детстве, когда по ночам зажмуривалась до боли, а потом всматривалась в темноту. А цветные шары, круги и волны вертелись вокруг нее в бешеном танце и вдруг понеслись прямо на нее; ахнув, она закрыла лицо руками, они остановились, и Байта оказалась в центре свер-

кающего водоворота, холодный свет сыпался с ее плеч, как снег, стекал по рукам, капал с пальцев и, подхваченный невидимым течением, возвращался в центр комнаты. А под ногами струились ручьи музыки. Потом Байта перестала понимать, где звук, а где свет. Ей стало любопытно, видит ли Эблинг Мис то, что видит она, и если нет, то что он видит. Долго думать об этом Байта не могла: перед ней запрыгали новые фигуры — человеческие? Да, женщины с волосами, пляшущими, как огонь. Они схватились за руки и закружились в хороводах, а музыка зазвучала, как смех, тихий женский смех.

Хороводы превратились в звезды; звезды, перемигиваясь, образовали сложный узор, вспыхнули, и на их месте встал дворец. Каждый камень в его стене сверкал, двигался и играл цветами по-своему, и по этим камням взгляд бежал все выше и выше — а там ослепительно сверкали двадцать башен, которыми был увенчан дворец.

Из ворот дворца выстрелил ковер, покатился, раскручиваясь и опутывая пространство. Из него поднимались фонтаны цвета, превращались в деревья и пели своими собственными голосами.

Байта потеряла ощущение реальности. Она вдыхала музыку, как воздух. Потянувшись к тоненькому деревцу, она тронула рукой цветок. Лепестки осыпались на землю с хрустальным звоном.

Зазвенели цимбалы, и перед Байтой завертелся огненный смерч. Он посыпался ей на колени, разлетаясь сверкающими брызгами, которые собирались в радугу, а по радуге, как по мосту, побежали фигурки людей. И все это: дворец, сад, люди на мосту — плыло по волнам плотной, почти осязаемой музыки.

И вдруг музыка испуганно задохнулась. Дворец, сад, мост, люди смешались, собрались в шар, шар сжался, подпрыгнул к потолку и исчез.

Снова стало темно.

Мис, пошарив по полу ногой, нашел выключатель, наступил на него, и в комнате зажегся свет, прозаический дневной свет.

Байта заморгала, и из ее глаз покатились слезы, словно от тоски по законченной сказке. Эблинг Мис сидел, не двигаясь, широко открыв глаза и рот. Магнифико в экстазе прижимал визисонор к груди.

— Госпожа моя, — выдохнул он, — это волшебный инструмент. Как он слушается руки, как отвечает на движения души. На нем можно творить любые чудеса. Тебе понравилась моя композиция?

— Это твоя собственная музыка? — благоговейно произнесла Байта.

Шут покраснел до самого кончика длинного носа.

— О да, моя госпожа, собственная. Мулу она не нравилась, но я часто играл для себя. Я лишь однажды, в молодости, видел дворец — обитель роскоши и богатства. Это было во время какого-то празд-

ника. Таких нарядных людей, такого великолепия мне больше не пришлось видеть, даже при дворе Мула. Увы, бедность моего воображения не позволяет мне передать все краски, звуки, все великолепие того праздника... Я назвал свое сочинение «Воспоминание о рае».

Мис очнулся и приступил к делу.

— Слушай, Магнифико, — сказал он, — хочешь сыграть свою музыку для всех?

Шут вздрогнул и отступил на шаг.

— Для всех?

— Для тысяч, — убеждал Мис, — в большом зале. Ты будешь свободен, богат, уважаем и... и, — на большее у Миса не хватало воображения, — и все такое прочее? А? Что скажешь?

— Как я могу всем этим быть, светлый сэр, если я всего лишь бедный шут, не способный на великое?

Психолог выпятил губы и тыльной стороной ладони стер пот со лба.

— Позволь, — сказал он, — ты играешь, как никто в Галактике. Сыграй так перед мэром и его магнатами, и они бросят мир к твоим ногам. Неужели ты этого не хочешь?

— А она будет со мной? — шут бросил быстрый взгляд на Байту.

— Конечно, глупышка, — засмеялась Байта. — Разве я могу тебя бросить, если ты вот-вот станешь знаменитым и богатым?

— Я буду играть для тебя, — торжественно сказал шут, — и все богатства Галактики отдам тебе. Даже этого мне не хватит, чтобы оплатить тебе за добро.

— Но сначала, — небрежно бросил Мис, — ты должен помочь мне.

— Что это такое?

Психолог слегка замялся и ответил:

— Поверхностный зонд. Тебе он не причинит ни малейшего вреда. Он затрагивает самую поверхность мозга.

Смертельный страх мелькнул в глазах Магнифико.

— Только не зонд! Я видел, как он действует! Он высасывает мозг и оставляет пустой череп. Мул наказывал зондом предателей и выгонял их на улицу, и они бродили, безумные, пока из милости их не убивали, — шут поднял руку, защищаясь от Миса.

— То был психозонд, — терпеливо объяснял Мис, — вредил он людям лишь потому, что его применяли, как оружие. Мой зонд поверхностный, он не повредит даже ребенку.

— Это правда, Магнифико, — подхватила Байта. — Он поможет нам отбить атаки Мула и даже победить его. А потом мы с тобой будем богатыми и знаменитыми до конца жизни.

— Ты подержишь меня за руку? — рука шута дрожала.

Байта сжала ее в ладонях и шут почувствовал, как на глаза ему опустились электроды...

Эблинг Мис, не поблагодарив за оказанную ему честь, плюхнулся на роскошный стул в личных апартаментах мэра Индбура. Он отбросил окурок сигареты и, выплюнув остатки табака, неприязненно уставился на мэра.

— Кстати, Индбур, если вы хотите увидеть что-то приличное на концерте в Мэллоу-Холле, бросьте ваших проходимцев с электронными инструментами обратно в канализацию, из которой они вылезли, и послушайте, как этот идиот играет на визисоноре. Индбур, это потрясающе!

— Я пригласил вас к себе не для того, чтобы выслушивать от вас лекции по музыке, — сварливым тоном произнес мэр. — Расскажите мне о Муле. Что вы о нем узнали?

— О Муле? Сейчас расскажу. Я применил поверхностный зонд и узнал очень немного. Психозонд применить не могу, потому что этот тип его до смерти боится, и если я подойду к нему с психозондом, в его нецензурной башке перегорят все предохранители. А то, что я выяснил при помощи поверхностного зонда, я расскажу при условии, что вы перестанете барабанить ногтями по дереву.

Во-первых, не стоит преувеличивать физическую силу Мула. Надо полагать, что он силен, но не в такой степени, как говорит шут. Он получил от Мула слишком много тумаков и потому не сохранил о нем приятных воспоминаний. У Мула странные очки и убийственный взгляд. Очевидно, он обладает гипнотическими способностями.

— Вы не сообщили мне ничего нового, — кисло заметил мэр.

— Подтвердив правдивость этих сведений с помощью зонда, я смог использовать их в качестве данных для математических расчетов.

— Ну и что? Я до сих пор ничего не узнал, но скоро оглохну от вашей болтовни. Сколько времени займут расчеты?

— Около месяца. Возможно, они дадут результаты, но возможно, не дадут. В любом случае, из этого ничего не следует. Если это не предусмотрено планом Селдона, наши шансы малы, нецензурно малы.

— Это ложь! — взвизгнул мэр. — Вы предатель! Посмейте только сказать, что вы не один из злостных распространителей слухов, что сеют пораженческие настроения и панику среди граждан Фонда и делают мою работу вдвойне сложной!

— Это я предатель? Я? — задохнулся Мис.

— Клянусь туманностями, — разошелся мэр, — Фонд победит! Он должен победить!

— Несмотря на поражение при Орлеггоре?

— Это не поражение! Вы поверили лживым слухам. Нас было мало, и нас предали!

— Кто же? — с презрением спросил Мис.

— Демократы, которые выползли из сточных канав! — закричал Индбур. — Я подозревал, что флот оплетен паутиной демократической организации. Многие предатели уже выявлены, но осталось достаточно. Они еще сдадут без боя оставшиеся двадцать кораблей. Они готовы сдать весь Фонд.

И в этой связи, мой откровенный и прямой патриот, поборник примитивных добродетелей, скажите мне, какое отношение имеете вы к демократам?

Эблинг Мис пожал плечами.

— Вы наверное, бредите? Может быть, вы скажете, что в отступлении и в потере половины Сайвенны тоже виноваты демократы?

— Нет, не демократы, — ехидно улыбнулся тщедушный мэр. — Мы отступаем по плану, как всегда отступали при встрече с сильным противником. И будем отступать до тех пор, пока к нам не придет неизбежная победа. Я уже вижу ее. Уже так называемое демократическое подполье выпустило манифест, в котором заявляет о солидарности с правительством и готовности сотрудничать с ним. Это может оказаться обманом, прикрытием для более глубокой измены, но я использую это заявление в своих интересах. Заключенная в нем пропаганда соберет вокруг меня людей. Более того...

— Куда больше, Индбур?

— Судите сами. Два дня назад так называемая Ассоциация Независимых торговцев объявила Мулу войну, и флот Фонда усилился, в одночасье, тысячей кораблей. Мул слишком далеко зашел. Он начал войну, когда среди нас не было единства, но перед угрозой порабощения мы забыли вражду, объединились и стали сильнее. Он не может нас победить. Он потерпит поражение. Это неизбежно: так было всегда.

Мис излучал скептицизм.

— Вы хотите сказать, что Селдон предусмотрел даже случайную мутацию чьих-то генов?

— При чем здесь мутация! Ни у меня, ни у вас нет доказательств того, что Мул мутант. Стоит ли прислушиваться к бреду мятежного капитана, чужеземного мальчишки и придурковатого шута? Вы забываете самое важное — ваши собственные открытия.

— Мои открытия? — Мис удивился.

— Вот именно, — фыркнул мэр. — Через два месяца открывается Хранилище. Ну и что? А то, что оно открывается во время кризиса. Если наступление Мула не кризис, где же настоящий кризис, тот, ради которого оно открывается? Отвечайте, вы, кусок сала!

Психолог пожал плечами.

— Ну, если вам от этого легче... Прошу вас, сделайте милость: позвольте мне присутствовать при открытии Хранилища. Вдруг старик Селдон скажет что-нибудь не слишком приятное.

— Хорошо. А теперь убирайтесь. И в ближайшие два месяца постарайтесь не показываться мне на глаза.

Выходя, Мис пробурчал себе под нос:

— С нецензурным удовольствием, ты, скелетина!

18. Падение Фонда

Внешне все было спокойно. Освещение и вентиляция работали нормально. Стены были окрашены в веселые цвета, а стулья, расставленные вдоль стен, казалось, были рассчитаны на века. Хранилищу было всего-то триста лет, и это недолгое время не оставило на здании следов. И архитектура, и обстановка были чрезвычайно скромными: Селдон не ставил себе целью повергнуть слушателей в благоговейный ужас.

И все же что-то было не так, что-то отрицательно заряженное висело в воздухе, сгущаясь в центре зала вокруг пустого стеклянного куба. На протяжении трехсот лет изображение Хари Селдона четырежды говорило из глубины куба, и дважды его слушали.

Этот человек, заставший золотой век Галактической Империи, видел на несколько столетий вперед и знал о жизни своих праправнуков больше, чем знали они сами.

Стеклянный куб ждал своего часа.

Проехав по затихшему в тревожном ожидании городу, первым в Хранилище вошел мэр Индбур III. Мэр привез с собой собственный стул, который был выше и шире установленных в Хранилище. Стул мэра поставили впереди других, и Индбур III оказался почти наравне со стеклянным кубом. Секретарь, стоящий слева, почтительно склонил голову.

— Ваше превосходительство, закончены приготовления к вашему вечернему выступлению с официальным заявлением.

— Хорошо. Пока пусть продолжаются межпланетные передачи, посвященные истории Хранилища. Надеюсь, в передачах на эту тему можно избежать спекуляций. Как реагирует население?

— Весьма удовлетворительно, ваше превосходительство. Распространившиеся недавно клеветнические слухи затихают. Люди проникаются оптимизмом.

— Хорошо, — мэр жестом отослал секретаря прочь и поправил замысловато завязанный шейный платок.

Было без двадцати двенадцать.

По одному и по двое стали собираться столпы государства — главы торговых корпораций — с помпой, соответствующей их достатку и популярности у мэра. Каждый подходил к мэру засвиде-

тельствовать почтение, и, удостоившись одного-двух благосклонных слов в ответ, усаживался на отведенное место.

Появился Рэнду с Хэвена, неожиданно, скромный на фоне всеобщей помпезности, и, вразрез с этикетом церемонии, без доклада, протолкался к креслу мэра.

— Ваше превосходительство, — буркнул он и поклонился.

Индбур нахмурился.

— Вам не давали аудиенции.

— Ваше превосходительство, я просил о ней неделю назад.

— Я очень сожалею, но государственные дела, связанные с явлением Селдона народу, не позволили...

— Ваше превосходительство, я сожалею не меньше вашего и вынужден просить вас об издании приказа, согласно которому корабли независимых торговцев были бы равномерно распределены между флотами Фонда.

Оскорбленный тем, что его перебили, Индбур покраснел.

— Сейчас не время обсуждать подобные вопросы.

— Самое время, ваше превосходительство, — не отставал Рэнду. — Упомянутый приказ нужно издать до выступления Селдона. Я настаиваю на этом как представитель независимых миров. После явления Селдона приказ не будет выполнен. Если Селдон решит наши общие проблемы, наш союз распадется. Мы заключали его лишь на время кризиса.

Индбур холодно взглянул на Рэнду.

— Известно ли вам, что я, и никто другой, стою во главе вооруженных сил Фонда, и потому я, и никто другой, определяю военную политику государства?

— Бесспорно, ваше превосходительство, но есть процессы, ходу которых никто не в силах помешать.

— Я не разделяю вашей позиции. В данных условиях нельзя допустить рассредоточения сил. Это сыграет на руку противнику. Нам необходимо единство, господин представитель, как военное, так и политическое.

У Рэнду заиграли на скулах желваки. Он не счел нужным тратить время на произнесение титула.

— Вот как вы заговорили теперь, когда с минуты на минуту явится Селдон. Месяц назад вы были мягче и податливее. Тогда наши корабли остановили Мула у Терела. Позвольте напомнить вам, что корабли Фонда пять раз подряд терпели поражение, а все победы, одержанные объединенными силами, одержаны благодаря кораблям независимых миров.

Индбур угрожающе сдвинул брови.

— Господин посол, вы больше не являетесь persona grata* на Термине. Вопрос о вашей высылке будет возбужден сегодня же.

---

* официальный дипломатический представитель (лат.)

Кроме того, будет проведено расследование вашего сотрудничества с антиправительственными подпольными силами Термина.

— Я уйду, — ответил Рэнду, — но со мной уйдут наши корабли. Мне ничего не известно о вашем подполье, зато мне известно, что ваши корабли сдавались Мулу в результате измены их командиров, а не матросов. Мне известно, что двадцать кораблей сдались при Ореггоре по приказу контр-адмирала — уж не знаю, демократ он или нет. Контр-адмирал, ваш ближайший соратник, сдал без боя двадцать совершенно целых кораблей, а потом председательствовал на суде над моим племянником, вернувшимся с Калгана. Это не единственный известный мне случай измены в верхах, и мои люди вместе со мной не хотят воевать под командованием потенциальных предателей.

— До момента отъезда с Термина, — сказал Индбур, — вы будете взяты под стражу.

Под обстрелом враждебных взглядов правителей Термина Рэнду направился к выходу.

Было без десяти двенадцать.

Байта и Торан уже сидели в зале. Они помахали проходящему Рэнду со своих мест в заднем ряду.

— В результате вы здесь! — удивился Рэнду. — Как это вам удалось?

— Нашим адвокатом был Магнифико, — улыбнулся Торан. — Индбур заказал ему композицию по мотивам сегодняшней церемонии с самим Индбуром в главной роли. Магнифико отказался присутствовать на церемонии без нас, и переубедить его было невозможно. Эблинг Мис тоже с нами. Куда-то пошел, — и вдруг испуганно. — Дядя, что с тобой? У тебя ужасный вид.

— Нечему радоваться, — сказал Рэнду. — Близятся тяжелые времена. Избавившись от Мула, Индбур примется за нас.

Подошел высокий прямой человек в белом и торжественно поклонился, приветствуя их.

— Капитан Притчер! — Байта с улыбкой протянула ему руку. — Вы уже на службе?

Капитан, пожимая ее руку, наклонился ближе.

— Что вы! Об этом не может быть и речи. Доктору Мису пришлось проявить чудеса изобретательности, чтобы вытащить меня сюда. Завтра опять домой — под домашний арест.

Было без трех минут двенадцать.

Магнифико был само страдание и уныние. Он скорчился в своем постоянном стремлении стушеваться. Нос его заострился, а глаза затравленно бегали.

Он схватил Байту за руку и, когда она нагнулась, прошептал:

— Как ты думаешь, моя госпожа, все эти великие люди были в зале, когда я играл на визисоноре?

— Я уверена, что все, — успокоила его Байта. — И я уверена, что все они считают тебя величайшим мастером игры во всей Галактике, а твой концерт — величайшим концертом в истории. Поэтому выпрямись и сядь как следует. Нужно всегда сохранять собственное достоинство, — и она легонько толкнула шута. В ответ на ее шутливо-суровую гримасу он слабо улыбнулся и выпрямился.

Наступил полдень, и стеклянный куб уже не был пуст.

Никто не заметил, как это произошло. Только что в кубе ничего не было, и вот, в мгновение ока появилось...

...Изображение старика, немощного и сгорбленного, сидящего в кресле на колесиках. На его морщинистом лице светились ясные глаза, и голос был живой и сильный. На коленях старика лежала книга.

— Я Хари Селдон, — сказал он.

Наступила тишина, зловещая, как перед грозой.

— Я Хари Селдон! Не знаю, слушает ли меня кто-нибудь, но это неважно. Я почти уверен в успехе плана. На протяжении первых трех столетий вероятность успеха равнялась девяноста четырем и двум десятым процента, — он улыбнулся и мягко добавил. — Если кто-то из вас стоит, садитесь. Если хотите, можете закурить. Я присутствую здесь не во плоти и не нуждаюсь в церемониях.

Вернемся к последним событиям. Впервые в своей истории Фонд переживает гражданскую войну, возможно, ее завершающую стадию. До сих пор все нападения извне получали достойный отпор. Такова была воля психоистории. В настоящее время происходит борьба левых сил, сосредоточенных в провинции, с авторитарным центральным правительством. Этот процесс неизбежен, и результат его очевиден.

Собравшаяся в зале аристократия утратила достоинство. Индбур привстал со стула.

Байта вслушивалась, вытягивая шею. Что сказал великий Селдон? Ах, пропустила какую-то фразу!

— ...компромисс необходим по двум причинам. Восстание независимых торговцев внесло в правительство, почившее на лаврах славы предков, элемент неуверенности, который, в свою очередь возродил элемент конкуренции. Здоровые демократические силы...

Стало шумно. Люди перестали шептаться и испуганно загалдели. Байта почти прокричала Торану в ухо:

— Почему он ничего не сказал о Муле? Торговцы еще не выступили против Фонда!

Торан пожал плечами.

Человек в кресле продолжал говорить, несмотря на шум и панику.

— Для прекращения гражданской войны, возникшей вполне закономерно, необходимо сформировать новое, более устойчивое

коалиционное правительство. Тогда единственным препятствием на пути дальнейшего развития и выхода в Галактику будут доживающие свой век обломки старой Империи. В ближайшие несколько лет они не станут Фонду серьезной помехой. Как всегда, я не стану вскрывать причины и характер следующего кри...

Публика заревела, губы Селдона шевелились беззвучно.

Эблинг Мис, красный от волнения, подскочил к Рэнду.

— Неужели старик спятил? Он объявил не тот кризис! Вы вправду готовили восстание?

— Готовили, — ответил Рэнду, — но отложили перед лицом угрозы со стороны Мула.

Значит Мул — посторонний фактор, не предусмотренный планом Селдона? Что такое?

Во внезапно наступившей ледяной тишине Байта обнаружила, что стеклянный куб снова пуст. Свет погас и ток подогретого воздуха прекратился.

Откуда-то донесся пронзительный вой сирены, и Рэнду едва слышно произнес:

— Это налет!

Эблинг Мис поднес к уху часы и крикнул:

— Галактика! Часы стоят! Кто-нибудь может сказать, который час?

Двадцать ушей прислушались к двадцати часам, и меньше, чем через двадцать секунд стало ясно, что ни одни часы не идут.

— Ну что ж, — сказал Мис с выражением покорности судьбе, — это значит, что подача атомной энергии в Хранилище прекращена и флот Мула атакует Термин.

Высокий голос Индбура перекрыл шум:

— Всем сесть! Мул находится в пятидесяти парсеках отсюда!

— Он там был неделю назад! — закричал Мис. — А сейчас идет обстрел Термина!

Байта почувствовала, как ее со всех сторон сдавливает какая-то сила. Ей стало больно дышать.

Снаружи доносился шум собравшейся толпы. Распахнулись двери, и в Хранилище вбежал человек. Индбур бросился ему навстречу.

— Ваше превосходительство, — быстро заговорил вошедший, — Транспорт и связь в городе не работают. Поступило сообщение о том, что Десятый флот сдался. Корабли Мула стоят на границах атмосферы. Генеральный штаб...

Индбур скорчился и упал на пол. В зале наступила тишина. Смолкла и толпа на улице. Все оцепенели от страха, холодного, как космос.

Индбура подняли. Откуда-то появился стакан вина. Не открывая глаз, Индбур шевельнул губами, произнося слово «капитуляция»

Байта поймала себя на том, что вот-вот заплачет — не от сожаления или унижения, а от самого обыкновенного страха. Эблинг Мис дернул ее за рукав:

— Пойдемте, голубушка!

Она не двигалась, и Мис стащил ее со стула.

— Пора уходить, — сказал он, — и музыканта своего заберите.

Толстые губы ученого побледнели и дрожали.

— Магнифико, — позвала Байта слабым голосом.

Шут в ужасе вцепился в стул. Глаза у него были безумные.

— Мул! — вскрикнул он. — Мул прилетел за мной!

Шут ударил Байту по протянутой руке. Торан сунул ему под нос кулак, и шут упал в обморок. Торан взвалил его на плечо, как мешок, и понес.

На следующий день уродливые, закопченные корабли Мула опустились на посадочные площадки Термина. Командующий оккупационным флотом пронесся по пустой главной улице Терминус-Сити в наземной машине неизвестной в Фонде конструкции. Машины Фонда, использующие атомную энергию, стояли мертвые.

Об оккупации было объявлено через двадцать четыре часа после выступления Селдона перед бывшими правителями Фонда. Независимые торговые миры отказались признать власть Мула и продолжали вооруженное сопротивление. Теперь все силы Мула были направлены против них.

19. Поиски начинаются

Одинокая планета Хэвен — единственная планета единственного в этом секторе Галактики солнца, постепенно сползающего в межгалактический вакуум, оказалась в осаде.

С точки зрения военной науки это был неоспоримый факт, так как на расстоянии двадцати парсеков от Хэвена к центру располагалось внешнее кольцо военных баз Мула. Через четыре месяца после капитуляции Термина связь Хэвена с другими торговыми мирами оборвалась, как паутина, перерезанная лезвием бритвы. Правда, почти все корабли Хэвена вернулись домой, и Хэвен оказался единственным очагом сопротивления.

С точки зрения мирного населения Хэвена осада была не только очевидной, но и мучительной. Тяжело сознавать себя отрезанным от жизни.

Байта брела по проходу между столами из молочно-белого пластика. Свое место она отыскала автоматически. Взобралась на высокий табурет, машинально ответила на приветствия, которых почти не слышала, потерла уставшими руками уставшие глаза и потянулась за меню.

У нее хватило времени определить, что чувство, возникшее у нее при чтении списка хэвенских деликатесов, — это отвращение. Воспитанная на Термине, она не могла признать грибы съедобными.

И тут Байта услышала, что рядом кто-то плачет. Она огляделась. До сих пор она лишь краем глаза замечала сидящую наискосок некрасивую, с круглым носом, блондинку Джадди. Сейчас Джадди плакала, кусая мокрый носовой платок. Она изо всех сил старалась подавить рыдания, и от напряжения лицо ее покрылось красными пятнами. Капюшон противорадиационного костюма был откинут на спину, смотровое стекло упало в тарелку, да там и осталось.

Байта присоединилась к трем девушкам, которые чередовались в безуспешных попытках утешить Джадди, то хлопая ее по плечу, то гладя по голове.

— Что случилось? — шепотом спросила Байта.

— Не знаю, — осторожно ответила одна из утешительниц, пожав плечами.

Потом, устыдившись своей скрытности, она отозвала Байту в сторону.

— Наверное, у нее сегодня был трудный день. И о муже беспокоится.

— Он ушел в дозор?

— Да.

Байта заглянула Джадди в лицо.

— Почему ты не идешь домой, Джадди? — спросила она бодрым и деловым голосом. Джадди, ожидавшая очередной ласковой глупости, подняла голову и взглянула на Байту чуть ли не с отвращением.

— Я уже была наверху на этой неделе.

— Значит, нужно выйти еще раз. Иначе на следующей неделе придется выходить три раза. Поэтому, если ты сейчас пойдешь домой, ты совершишь патриотический поступок. Девочки, кто с ней работает? Проследите, чтобы с пропуском было все в порядке. А ты, Джадди, сходи в уборную и смой с лица сливки. Живенько.

Байта с печальным облегчением вернулась на свое место и снова принялась изучать меню. Как заразительно плохое настроение. Стоит одной заплакать, весь цех сойдет с ума. Байта выбрала наиболее съедобные блюда, нажала соответствующие кнопки на столе и опустила меню обратно в кармашек. Высокая темноволосая девушка, сидящая напротив, заметила:

— Только и осталось, что плакать, правда?

У нее были удивительно полные губы, которые почти не двигались, когда девушка говорила. Байта заметила, что соседка подкрашивает уголки губ таким образом, чтобы создать впечатление постоянной полуулыбки. Байта не знала, как отвечать на этот

провокационный вопрос, заданный с полуулыбкой, то ли нарисованной, то ли настоящей, и с хитрым взглядом из-под длинных ресниц. К ее великому облегчению, стол раздвинулся и снизу подали обед. Байта разорвала фольгу и нехотя ковыряла вилкой в тарелке, пока еда не остыла.

— Мне кажется, Гелла, — сказала она, — что ты можешь найти себе более полезное занятие, чем слезы.

— Что правда, то правда, — ответила Гелла, — могу.

Привычным и небрежным жестом она отправила окурок сигареты в атомный дезинтегратор, и окурок исчез, не успев долететь до дна.

— К примеру, — Гелла сцепила тонкие, холеные руки под подбородком, — можно было бы договориться с Мулом и прекратить всю эту чехарду. Правда, мне не на чем будет смываться отсюда, когда Мул придет к власти.

Чистый лоб Байты не омрачился, а голос оставался ясным и спокойным.

— Наверное, ни твой брат, ни твой муж не участвуют в вылазках?

— Нет. И я не вижу смысла в том, чтобы жертвовать братьями и мужьями других женщин.

— Если мы сдадимся, жертв будет больше.

— Термин капитулировал и теперь живет спокойно. А наши мужчины носятся в космосе и наживают себе новых и новых врагов.

Байта пожала плечами и с милой улыбкой сказала:

— По-моему, тебя больше беспокоит первое, — и уткнулась в тарелку.

Никто из сидевших поблизости не потрудился ответить на циничное заявление Геллы. В полной тишине Байта закончила обед и поспешно ушла, нажав на кнопку, по сигналу которой стол очистился для следующего посетителя.

— Кто это такая? — поинтересовалась у Геллы одна из девушек.

Гелла поджала губы.

— Племянница нашего координатора. Ты не знала?

— Правда? — девушка стрельнула глазами Байте вслед. — Что она здесь делает?

— Работает. Сейчас модно быть патриоткой. Все такие демократы, что просто тошнит.

— Зачем ты так, Гелла? — сказала соседка Геллы справа. — Она ведь не пользуется дядиным именем.

Гелла смерила соседку презрительным взглядом и закурила новую сигарету.

Сидящая чуть поодаль большеглазая бухгалтерша увлеченно рассказывала:

— ...говорят, что она была в Хранилище, прямо в Хранилище, когда являлся Селдон. Говорят, тогда случились беспорядки, у мэра был припадок. Вот-вот должен был приземлиться Мул, и она чудом спаслась. Говорят, ей пришлось прорываться через блокаду. Почему она до сих пор не написала об этом книгу? Сейчас военные приключения имеют такой успех! А еще говорят, что она была на главной планете Мула, на Калгане, и...

Зазвенел звонок: пора было уходить. Бухгалтерша продолжала тараторить на ходу, а несколько слушательниц смотрели ей в рот и в нужных местах восклицали: «Правда!?»

Когда Байта вернулась домой, на улицах уже гасли огни, напоминая излишне увлекшимся работой, что пора спать. Торан встретил ее на пороге с куском хлеба в руках.

— Где ты была? — спросил он с полным ртом. — Я тебя не дождался, половину ужина съел. А может, и больше, ты, пожалуйста, не обижайся.

— Где твоя форма? Почему ты в гражданском? — удивленно спросила она вместо ответа.

— Таков приказ, Бай. Рэнду заперся с Эблингом Мисом и о чем-то с ним договаривается.

— А мне можно с тобой? — она с надеждой взглянула на мужа.

Торан поцеловал ее и сказал:

— Наверное, можно. Только это опасно.

— Сейчас все опасно.

— Верно. Мне велели послать за Магнифико. Наверное, его тоже нужно будет взять с собой.

— Значит, придется отменить его концерт на двигателестроительном заводе.

— Скорее всего.

Байта прошла в комнату и села к столу, на котором стояли остатки ужина. Байта быстро разрезала сэндвичи надвое и сказала:

— Жаль, если концерта не будет. Девочки так ждали. И сам Магнифико тоже. Какой он все-таки чудной!

— Он просто дразнит твои материнские инстинкты. Когда-нибудь у нас будет ребенок, и ты забудешь Магнифико.

— Когда-нибудь мои материнские инстинкты не выдержат, и я тебе задам! — пригрозила Байта, увлеченно жуя сэндвич.

Вдруг она отложила сэндвич и посерьезнела.

— Тори!

— Да?

— Я сегодня была в муниципалитете, в отделе промышленности. Потому и задержалась.

— Что ты там делала?

— Понимаешь, — она замялась, — обстоятельства сложились так, что я не могу больше оставаться на заводе. Работницы совершенно деморализованы. Плачут на ровном месте. Притворяются больными, говорят ужасные вещи. В моем цехе производительность снизилась втрое по сравнению с тем временем, когда я пришла. Каждый день кто-нибудь не выходит на работу.

— При чем тут отдел промышленности?

— Я задала несколько вопросов, мне сказали, что таково положение дел на всем Хэвене. Производительность труда падает, антиправительственные настроения растут. Начальник отдела только пожимает плечами — после того, как я прождала его час в коридоре и попала к нему только потому, что я племянница координатора, — и говорит, что ничего не может поделать. Мне показалось, что он ничего и не хочет делать.

— Ну, это слишком!

— А я говорю, он ничего не хочет делать, — рассердилась Байта. — Никто ничего не хочет делать. Я сама в отчаянии с тех пор, как нас покинул Селдон. И ты упал духом.

— Допустим.

— В таком настроении мы не сможем победить Мула, — яростно продолжала она. — У нас есть оружие, но нет воли, и всякая борьба становится бессмысленной.

Торан никогда не видел Байту плачущей, да и сейчас она не плакала, но было в ее голосе что-то такое, отчего он положил ей руку на плечо и шепнул:

— Не расстраивайся, малышка. Я все понимаю, но мы ничего...

— Правильно, ничего не можем сделать. Все так говорят, и никто ничего не делает, все сидят и ждут, пока Мул придет по их души.

Байта доедала сэндвич, Торан стелил постель. На улице было совершенно темно.

Рэнду, назначенный на период войны координатором действий городов Хэвена, попросил для себя комнату во втором этаже, из окна которой можно было бы смотреть на деревья и городские крыши. Вечером, когда гасли огни, город превращался в царство теней. Вот и сейчас, с наступлением темноты, Рэнду отвернулся от окна: ему был чужд символизм.

Рэнду сказал Мису, которому в этот момент, казалось, не было дела ни до чего, кроме бокала, наполненного чем-то красным.

— На Хэвене бытует поговорка о том, что если в городе гасят огни, значит, честным людям пора спать.

— Когда вы в последний раз спали?

— Давно. Простите, что и вам не даю. В последнее время ночь нравится мне больше, чем день. Странно. Живя в подзе-

мелье, мы привыкли, что темнота — это сон. И я привык, а теперь отвыкаю...

— Вы прячетесь, — тусклым голосом сказал Мис. — Днем вас окружают люди, они смотрят на вас с надеждой, и вам становится не по себе. А ночью, когда никого вокруг нет, вы вздыхаете свободно.

— Значит, вы тоже это чувствуете? Как и стыд поражения?

— Да, — не сразу ответил Эблинг Мис. — Это массовый психоз, нецензурный стадный страх. Галактика, Рэнду, чего вы ожидали? Вы воспитали целую цивилизацию в идиотской слепой вере в то, что народный герой прошлого все рассчитал и распланировал и позаботился о благополучном исходе каждого нецензурного дня их жизни. Это религия. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

Мис не горел желанием читать лекцию. Впрочем, Эблинг и в лучшие времена этим желанием не горел. Он покатал сигару между пальцами, помычал и сказал:

— У людей сложилась определенная вера, и, неожиданно потеряв ее, они лишились моральной опоры. Это приводит в лучшем случае к истерии, болезненному чувству неуверенности или, еще хуже, к помешательству или самоубийству.

Рэнду грыз ногти.

— Иными словами, Селдон покинул нас, и мы лишились поддержки. И за триста лет мы так к ней привыкли, что самостоятельно шагу не можем ступить.

— Вот-вот. Несколько неуклюжее сравнение, но, в общем, подходящее.

— А вы, Эблинг, еще способны ходить без поддержки?

Психолог сделал глубокую затяжку и выпустил клуб дыма.

— Хожу, хоть и со скрипом. По долгу службы еще не разучился самостоятельно думать.

— Вы видите выход?

— Пока нет, но он должен где-то быть. Может быть, Селдон не предвидел появление Мула. Возможно, он не гарантировал победу. Но и поражение он не гарантировал, просто он вышел из игры, и мы должны продолжить ее сами. Мула можно победить.

— Каким образом?

— Единственным — ударить в его слабое место. Поверьте, Рэнду, Мул — не супермен. Если он будет побежден, это станет видно всем. Люди ничего о нем не знают, и потому выдумывают легенды, одну страшнее другой. Говорят, что он мутант. Ну и что? Только для невежды мутант и супермен — одно и то же. Однако, это далеко не так. Каждый день в Галактике рождаются миллионы мутантов. Только у двух процентов мутации проявляются внешне. У девяноста восьми процентов они обнаруживаются лишь при

помощи микроскопа или химического анализа. Из тех, чьи мутации видны невооруженному глазу или невооруженному уму, девяносто восемь или даже девяносто девять процентов — чудаки, над которыми смеются в цирке или трудятся в лаборатории. Многие оказываются нежизнеспособными. Те немногие макромутанты, которым мутация пошла на пользу, чаще всего — безобидные люди, в чем-то оригинальные, в чем-то нормальные, а в чем-то весьма посредственные. Вы меня понимаете, Рэнду?

— Понимаю. Так что же Мул?

— Допустим, Мул мутант, обладающий какими-то способностями, которые позволяют ему легко завоевывать планеты. Но у него обязательно должны быть недостатки, которые мы должны обнаружить. Он не прятался бы от людей, если бы его недостатки не были очевидными, и, возможно, роковыми. Если он действительно мутант.

— Может оказаться, что нет?

— Конечно. Версия о мутации основана на догадках капитана Притчера. Он, в свою очередь, основывает свои предположения на показаниях людей, которые утверждают, что знали Мула — или того, кто мог им быть с определенной степенью вероятности, — в младенчестве и раннем детстве. Это не самое лучшее доказательство, тем более что Мул сам мог распространить подобные слухи. Вы согласитесь, что репутация мутанта-супермена выгодна Мулу?

— Любопытно. Когда это пришло вам в голову?

— Только что, как один из возможных вариантов. Давайте, к примеру, предположим, что Мул открыл способ подавления ментальной энергии. Нашел же он средство торможения ядерных реакций. Что тогда? Становится ясно, почему капитулировал Термин и почему мы стоим на грани капитуляции.

Рэнду погрузился в невеселые размышления.

— Что вы получили из показаний его шута? — наконец спросил он.

Теперь задумался Эблинг Мис.

— Ничего, — сказал он. — Перед мэром накануне капитуляции я петушился, чтобы приободрить его, да и себя самого. Если бы математика здесь что-то решала, я бы уже давно просчитал Мула. Он был бы у нас в руках. Я бы ответил и на некоторые другие вопросы.

— Какие?

— Вспомните. Мул громит флоты Фонда, но не может справиться с более слабыми кораблями Независимых. Фонд пал под первым же ударом, а Независимые до сих пор держатся. Впервые Мул применил депрессор силового поля при Мнемоне. На него работал фактор неожиданности, сам по себе депрессор можно было нейтрализовать. И после он на оружие Независимых не действовал.

А на корабли Фонда действовал — и на энергетику Термина. Почему? Наши знания не позволяют найти логическое объяснение. Значит, есть факторы, которые нам неизвестны и которых поэтому мы не можем принять в расчет.

— Предательство?

— Бросьте! Это нецензурная чепуха, Рэнду! В Фонде не было ни одного человека, который бы не был уверен в победе. Каждый был готов переметнуться на сторону победителя.

Рэнду отвернулся и долго смотрел в темноту за окном.

— А сейчас все уверены в поражении, пусть у Мула даже тысяча недостатков, пусть миллион.

Он не оборачивался, но сгорбленная спина и беспокойные руки были красноречивее, чем глаза.

— Нам легко удалось скрыться после скандала в Хранилище. Многим это удалось бы так же легко, но очень немногие воспользовались этой возможностью. Большинство не воспользовалось. С депрессором силового поля можно было бороться. Но никто не боролся, потому что это требовало определенного труда. Все корабли Фонда могли улететь на Хэвен или другие планеты и продолжать сопротивление, но почему-то ни один не улетел.

И фондовское подполье, на которое многие надеялись, бездействует. Мул оказался мудрым политиком. Он пообещал охранять собственность торговых магнатов Фонда, и они перешли на его сторону.

— Плутократы всегда были против нас, — упрямо сказал Эблинг Мис.

— И всегда власть была в их руках. Слушайте, Эблинг. У нас есть все основания предполагать, что многие Независимые оказались под влиянием Мула или его оружия. По крайней мере десять из двадцати семи торговых миров перешли на сторону Мула. Еще десять колеблются. Даже на Хэвене есть люди, которым было бы неплохо, если бы Мул пришел к власти. Мне кажется, что у правителя, предчувствующего свой политический крах, возникает непреодолимое искушение избавиться от политической власти, чтобы сохранить экономическую.

— Вы думаете, что Хэвен не может бороться с Мулом?

— Я думаю, что он не хочет, — Рэнду обернулся к психологу. — Мне кажется, что Хэвен жаждет сдаться. Поэтому я вас вызвал. Я думаю, вам лучше покинуть Хэвен.

— Как! Уже? — удивленно воскликнул Эблинг Мис.

Рэнду почувствовал ужасную усталость.

— Эблинг, вы крупнейший психолог в Фонде. Конечно, вы не такой мастер, как Селдон, но лучшего у нас нет. Только вы можете сопротивляться Мулу. Здесь у вас ничего не получится. Вам нужно попасть в Империю, или что там от нее осталось.

— На Трантор?

— Да. Это самый центр, там еще должна быть жизнь. Там у вас будет возможность глубже изучить математическую психологию и просчитать, что на уме у шута. Он полетит с вами.

Мис сухо ответил:

— Сомневаюсь, что он полетит со мной без вашей племянницы.

— Я знаю. Именно поэтому с вами полетят Торан и Байта. Кроме того, я дам вам более важное задание. Триста лет назад Хари Селдон основал два Фонда: по одному в каждом конце Галактики. Вы должны найти второй Фонд.

20. Заговорщик

Дворец мэра — бывший дворец бывшего мэра — мрачно чернел в темноте. Город притих, подавленный оккупацией и комендантским часом. В небе поблескивали одинокие звезды и разливался белый туман Млечного Пути.

За триста лет Фонд превратился из предприятия группы ученых в огромную торговую империю, запустившую щупальцы глубоко в Галактику, и за полгода скатился к положению скромной провинции.

Капитан Хан Притчер отказывался это понимать.

Мертвая тишина ночных улиц, затемненный дворец, в котором поселились завоеватели, достаточно красноречиво свидетельствовали о крахе, но капитан Притчер отказывался верить. Он стоял между ограждениями дворца, держа под языком миниатюрную атомную бомбу.

Неподалеку шевельнулась тень, и капитан пригнул голову.

— Сигнализация работает, как обычно, — раздался шепот. — Идите вас не заметят.

Капитан нырнул в низкую арку и пошел по дорожке, вьющейся среди фонтанов, в сад, ранее принадлежавший Индбуру.

Четыре месяца прошли с того для в Хранилище, против которого восставала память. Но незваные воспоминания все же приходили, чаще ночью и по одному.

То вставал перед глазами старый Селдон, снисходительно роняющий ненужные слова, то вспоминался Индбур, лежащий в обмороке, то испуганная толпа у входа, собравшаяся, чтобы услышать «Капитуляция», то молодой человек по имени Торан, бегущий к боковой двери с полумертвым от страха шутом на плече.

А потом вспоминалось, как не заводилась машина, как он проталкивался сквозь толпу, потерявшую предводителя и бегущую прочь из города — неизвестно куда. Люди бежали к «крысиным норам», где были — когда-то — центры демократического подполья,

которое за восемьдесят лет так ничего и не добилось. «Норы» оказались пустыми.

А наутро над городом показались черные чужие корабли. Глядя, как они садятся, капитан Притчер едва не задохнулся от сознания собственного бессилия.

И все же он не сдавался.

Месяц Притчер шел по планете пешком, преодолел две тысячи миль, отрастил бороду, оделся в форму рабочего гидропонного хозяйства, которого нашел мертвым у дороги, и наконец отыскал то, что осталось от подполья.

Город назывался Ньютон. В жилом квартале, когда-то богатом, а теперь скатывающемся к запустению, капитан отыскал ничем не примечательный дом, дверь которого отворил крупный человек с маленькими глазами и большими кулаками, бугрившимися в карманах.

— Я из Мирана, — пробормотал капитан.

— Рановато вы в этом году, — ответил хозяин, как условлено.

— Не раньше, чем в прошлом, — сказал капитан.

Однако, хозяин не спешил его впустить.

— Кто вы такой? — спросил он, по-прежнему стоя на пороге.

— Разве вы не Лис?

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

Капитан глубоко вздохнул и постарался ответить спокойно.

— Я Хан Притчер, капитан флота, член подпольной демократической партии. Можно войти?

Лис отступил в сторону.

— Мое настоящее имя Орум Пэлли, — сказал он, протягивая капитану руку.

Комната была скромной, везде порядок. В углу стоял аппарат для чтения книг. Армейскому воображению капитана он показался либо замаскированным бластером, либо наблюдательным устройством. Линза проектора смотрела прямо в дверь и могла иметь дистанционное управление.

Лис проследил взгляд бородатого гостя и улыбнулся.

— Да! Так было во времена Индбура и его вампиров. Против Мула аппарат бессилен. Против Мула вообще нет средств. Хотите есть?

Капитан сглотнул слюну и кивнул.

— Тогда, если не возражаете, подождите минутку, — Лис достал из буфета две банки и поставил их на стол перед капитаном. — Держите на них руку. Как нагреются — откроете. Автомат не работает. Даже на кухне невозможно забыть, что идет война, вернее, оккупация.

Этот бодрый монолог хозяин произносил отнюдь не бодрым голосом, глаза его смотрели печально и задумчиво. Усевшись напротив капитана, он сказал изменившимся тоном:

— Вы знаете, что если вы мне чем-нибудь не понравитесь, от вас останется только прожженный стул?

Капитан не ответил: он вскрывал банки.

— Жаркое, — сказал Лис, — с едой сейчас туго.

— Знаю, — ответил капитан и принялся за еду.

— Я, кажется встречал вас раньше, — сказал Лис, — но не узнаю: борода мешает.

— Месяц не брился, — начал было оправдываться капитан, но вдруг взорвался. — Что вам нужно? Я правильно назвал пароль и открыл подлинное имя. Проверьте!

Хозяин жестом прервал его.

— Я верю, что вы Притчер. Верю, что член партии, но очень многие члены партии, правильно назвавшие пароль, перешли на сторону Мула. Знаете Леввоу?

— Слышал о нем.

— Так вот, он сотрудничает с Мулом.

— Как! не может...

— И тем не менее. А его называли «человек, который не сдается», — губы Лиса дрогнули, словно в улыбке, но в глазах улыбки не было. — И Вилиг работает на Мула, и Гарр, и Нот. Почему бы и Притчеру не переметнуться к нему?

Капитан покачал головой.

— Они меня знают, — продолжал хозяин, — Нот как-то заходил. Поэтому, если вы не с ними, то вы еще в большей опасности.

Доев, капитан спросил:

— Если здесь нет организации, то, возможно, вы знаете, где она есть? Мэр сдался, а я продолжаю сопротивление.

— Бродяжничать опасно, капитан. Жителям Фонда запрещено переезжать из города в город без специальных документов. Вам это известно. Необходимо постоянно иметь при себе удостоверение личности. У вас оно есть? Кроме того, офицеры флота должны зарегистрироваться в ближайшем к месту их жительства штабе оккупационных войск. Вы это сделали?

— Не старайтесь меня запугать, — жестоко сказал капитан. — Я был на Калгане вскоре после того, как его занял Мул, и знаю, что Мул не оставил на свободе ни одного из офицеров бывшего диктатора. Ведь это потенциальные предводители восстания. Наш собственный опыт показывает, что революция не может быть успешной, если хотя бы часть армии не находится на ее стороне. Мул, очевидно, тоже это понимает.

— Что делает ему честь, — заметил Лис.

— Я знаю, на что иду. Я выбросил форму и отрастил бороду. Надеюсь, найдутся люди, которые поступили так же.

— Вы женаты?

— Вдовец. Детей нет.

— Вам легче: не запугаешь.

— Верно.

— Позвольте дать вам совет.

— Слушаю.

— Я не знаю, какие у Мула цели, но вижу, что трудящихся он не ущемляет, и даже наоборот. Промышленным рабочим повысили заработную плату, особенно в тех отраслях, которые связаны с производством атомного оружия.

— В самом деле? Он готовится к новому походу?

— Не знаю. Он хитер, как дьявол. Может быть, просто добивается популярности у народа. Если сам Селдон его не раскусил, я и вовсе не берусь. На вас спецовка рабочего. Вы уже поняли, о чем я?

— У меня нет рабочей квалификации.

— Неужели в армии вы не изучали ядерную физику?

— Изучал, конечно.

— Этого достаточно. В нашем городе работает фирма Атом-Филд Беарингс, Инкорпорейтед. Дирекция прежняя. Им все равно, на кого работать. Придираться к вам не будут: им нужны люди. Выпишут документ, дадут комнату. Идите хоть сейчас.

Так капитан Притчер стал Ло Моро, рабочим цеха 45 в Атом-Филд Беарингс, инкорпорейтед. Из агента разведки он превратился в заговорщика, и в этом амплуа оказался в саду Индбура.

Капитан взглянул на радиометр. Прибор светился — нужно ждать. Бомбе, которую он держал во рту, осталось жить полчаса. Капитан осторожно пошевелил языком.

Радиометр погас, и капитан двинулся вперед. До сих пор все проходило без осложнений.

Капитан отметил про себя, что жизнь атомной бомбы — это его жизнь; ее смерть — это его смерть и смерть Мула.

Вершина четырехмесячной личной войны, начатой по выходе из Хранилища, так и не будет достигнута.

Два месяца капитан Притчер носил свинцовый передник и закрывал щитом лицо, в строгом соответствии с правилами техники безопасности. Он добросовестно работал, экономно тратил зарплату, по вечерам гулял на свежем воздухе и никогда не говорил о политике.

Два месяца он не встречался с Лисом.

И вот, однажды мимо его стола прошел человек. Из кармана его спецовки торчал клочок бумаги с надписью «Лис». Человек

бросил бумажку в атомную камеру, и она, излучив миллимикровольт энергии, исчезла.

Вечером капитан был в гостях у Лиса и играл в карты с двумя мужчинами, одного из которых знал понаслышке, а другого — в лицо и по имени.

За игрой они беседовали.

— Это принципиальная ошибка, — сказал капитан. — Вы живете вчерашним днем. Уже восемьдесят лет наша организация ждет благоприятного исторического момента. Нас ослепила теория Селдона, одним из главных постулатов которой было пренебрежение ролью личности. Мы считали, что человек не может изменить ход истории, что он марионетка, послушная высшей силе социальных и экономических тенденций общества.

Капитан разобрался в своих картах и предложил:

— Что, если мы убьем Мула?

— Что нам это даст? — с явным неодобрением спросил сосед слева.

— Видите ли, — сказал капитан, сбрасывая две карты, — дело не в нас, а в Муле. Вы правы в том, что жизнь одного человека для Галактики ничего не значит. Если убить человека, она не перестанет вращаться. Но Мул не человек, он мутант. Он расстроил План Селдона, а это значит, если задуматься всерьез, что один человек — один мутант — опроверг психоисторию. Если бы этого человека не было на свете, Фонд не был бы разгромлен. Если он перестанет жить, Фонд возродится.

Восемьдесят лет мы боролись с мэрами и торговцами мирными средствами. Давайте испробуем террор.

— У вас есть план? — скептически спросил Лис.

Капитан начал издалека.

— Три месяца я провел в бесплодных размышлениях. Придя сюда, я нашел решение в течение пяти минут, — он взглянул на круглолицего, розовощекого соседа справа. — Вы были камергером у мэра Индбура. Я не знал, что вы член подполья.

— Я тоже не знал, что вы член организации.

— По долгу службы вам приходилось проверять работу охранной сигнализации.

— Так.

— В настоящее время дворец занимает Мул.

— Так было объявлено. Должен заметить, что Мул — скромный завоеватель. Он не выступает с речами и не появляется перед народом под другими предлогами.

— Это не новость и к делу не относится. Мой дорогой экс-камергер, вы то, что мне нужно.

Карты были открыты, Лис собрал ставки и начал сдавать для новой игры.

Бывший камергер, забирая свои карты, сказал:

— Простите, капитан. Хотя я проверял систему сигнализации, я не знаю, как она работает. Проверка была чистой формальностью.

— Я это предполагал. Однако, в вашем мозгу наверняка сохранилось зрительное воспоминание о каких-то ее деталях и ваших действиях над ними. Его можно добыть с помошью психозонда.

Румяное лицо камергера побледнело и осунулось, рука судорожно смяла карты.

— Что вы сказали?

— Не волнуйтесь, — жестко произнес капитан, — я умею им пользоваться. Вам грозит разве что трехдневное недомогание. Даже если случится что-то более серьезное — на войне, как на войне.

Я знаю людей, которые по внешнему виду ручек управления определят длины волн. Есть люди, которые могут изготовить минибомбу с часовым механизмом. Я доставлю ее к Мулу.

Заговорщики склонились к столу.

— Вечером назначенного дня, — продолжал капитан, — в городе, неподалеку от дворца, начнется драка. Не серьезная свалка, а так, для шума. Лучше, если все участники свалки убегут от полиции. Пока полиция и охрана дворца будет ими заниматься...

С этого вечера начались приготовления к диверсии, а капитан Притчер опустился еще на одну ступень общественной лестницы и из заговорщика стал террористом.

И вот террорист капитан Притчер во дворце, весьма довольный своей проницательностью. Он предвидел, что при столь изощренной системе сигнализации во дворце охраны будет немного. Ее не было вовсе.

Расположение комнат он помнил отлично. Бесшумно ступая, капитан поднимался по устланной коврами лестнице. Наверху он прижался к стене и стал осматриваться.

Напротив была закрытая дверь. За этой дверью должен находиться мутант, победивший непобедимых. Капитан пришел рано: бомбе оставалось жить еще десять минут.

Прошло пять минут. Ни один шорох не нарушил тишину. Мулу и вместе с ним капитану Притчеру оставалось жить пять минут.

Повинуясь внезапному внутреннему толчку, капитан шагнул вперед. Неудачи быть не может. Когда бомба взорвется, на воздух взлетит весь дворец. Мула не спасет ничто. Капитан хотел увидеть Мула, перед тем как они оба погибнут.

Капитан дерзко забарабанил в дверь.

Дверь открылась, и в коридор хлынул ослепительно яркий свет.

Капитан невольно отшатнулся, но тотчас же овладел собой. В центре маленькой комнаты, у аквариума, стоял важный человек и приветливо смотрел на капитана. На нем был черный форменный костюм. Человек рассеянно постукивал рукой по аквариуму, и длиннохвосные оранжевые и пунцовые рыбки, испуганные мельканием черного рукава, отчаянно носились туда-сюда.

— Входите, капитан! — позвал человек.

Капитану казалось, что бомба распухает у него во рту. Осталось меньше минуты.

Человек в форме сказал:

— Выплюньте свою машину и освободите рот для беседы. Взрыва не будет.

Прошла минута, и капитан, пьяным движением нагнув голову, выплюнул на ладонь серебристый шарик. С яростью брошенный о стену, шарик отскочил, тонко звякнув и весело блеснув.

Человек в форме пожал плечами.

— Не стоит так огорчаться, капитан. Я не Мул. Вам придется довольствоваться наместником.

— Как вы узнали? — пробормотал капитан хрипло.

— Наша контрразведка работает эффективно. Я могу назвать всех членов вашей банды, пересказать все ваши планы.

— Вы позволили делу зайти так далеко?

— Почему бы и нет? Более того, я старался заманить вас сюда. Мы могли арестовать вас еще на заводе в Ньютоне, но так лучше. Если бы вам в голову не пришел этот блестящий план, его предложил бы вам кто-нибудь из моих людей. В результате мы с вами присутствовали при весьма драматической и в то же время довольно забавной сцене.

Взгляд капитана был жестким.

— Надеюсь, спектакль окончен?

— Что вы! Только начинается. Полно, капитан, садитесь. Героику оставим дуракам, на которых она производит впечатление. Вы же, капитан, умный человек. По имеющимся у меня сведениям, вы первый в Фонде по достоинству оценили силу Мула. Мне известно, что вы наводили справки о детстве и юности Мула. Вы участвовали в похищении его шута, который пока что не найден. Кстати, за его поимку полагается вознаграждение. Вы были нам достойным противником, но Мул не из тех, кто боится сильного противника. Он превращает сильных противников в сильных союзников.

— Ах, вот оно что! Ну, нет!

— Да! Иначе к чему вся сегодняшняя комедия? Вы умный человек, тем не менее ваш заговор провалился. Его нельзя даже назвать заговором. Неужели ваша военная доктрина требует участия в битвах, заведомо обретенных на поражение?

— Нужно быть уверенным, что дело безнадежно.

— Ваше дело безнадежно, — заверил Притчера наместник. — Мул подчинил Фонд и в дальнейшем будет использовать его как подспорье для решения более важных задач.

— Каких?

— Для захвата всей Галактики. Для объединения всех миров в новую империю. Для осуществления, узколобый вы патриот, мечты Селдона семьюстами годами раньше намеченного Селдоном срока. И вы можете нам в этом помочь.

— Безусловно, могу, но, безусловно, не хочу.

— Насколько я знаю, — рассуждал далее наместник, — только три из двадцати семи независимых торговых миров сопротивляются нам. Они не продержатся долго. С их падением сопротивление Фонда прекратится. Вы все еще упорствуете?

— Да.

— Жаль. Друг поневоле — плохой друг. А нам бы хотелось видеть в вас хорошего друга. К сожалению, Мул сейчас далеко от Термина. Руководит войсками. Однако, он поддерживает с нами постоянную связь и не заставит вас долго ждать.

— Ждать чего?

— Обращения.

— У него ничего не выйдет, — отрезал капитан.

— Выйдет. Он обратил даже меня. Вы не узнаете? Позвольте, вы были на Калгане, должны вспомнить. Я носил монокль, отороченный мехом красный плащ, корону...

Капитан разинул рот.

— Вы бывший диктатор Калгана?

— Вот именно. А теперь — наместник Мула. Как видите, он умеет убеждать.

21. Космическая интерлюдия

Они вышли за кольцо осады. Человечество еще не изобрело техники, которая обеспечила бы успешное патрулирование в бескрайних просторах космоса. У них был маленький корабль, искусный пилот, определенное везение, и они вырвались.

Торан твердой рукой направлял мятежный корабль от одной звезды к другой и, оказавшись в соседстве с телом большой массы, посылал корабль в мучительный скачок. Зато на фоне звезд приборы противника не замечали его.

Так беглецы миновали кольцо застав и мертвое пространство, в котором невозможна была связь. Торан перестал чувствовать себя отрезанным от жизни.

Целую неделю по телевидению только и говорили, что об усилении власти Мула в Фонде. Корабль Торана скачками несся от Периферии к центру Галактики.

Как-то в зал управления заглянул Эблинг Мис. Торан нехотя оторвался от приборов.

— Что случилось? — Торан увлек Миса в маленькую соседнюю каюту, которую Байта постепенно превратила в гостиную.

— Пока не знаю, — покачал головой Мис, — подпевалы Мула объявили специальный выпуск новостей. Я подумал, что вы не откажетесь послушать.

— Разумеется, нет. Где Байта?

— В кухне: накрывает стол, составляет меню или занимается еще какой-нибудь ерундой.

Торан сел на кушетку, служившую Магнифико кроватью, и стал ждать. Специальные выпуски новостей всегда проходили одинаково. Звучала бравурная музыка, затем диктор масляным голосом читал новости. После утомительной сводки незначительных событий гремели фанфары, и лишь тогда передавали сообщение, ради которого составлялся весь выпуск.

Торан слушал молча. Мис что-то бормотал.

Диктор тараторил, извергая круглые фразы и обтекаемые слова, за которыми виделись расплавленные в космическом сражении корабли и рассеянные в пыль человеческие тела.

— ...крейсерская эскадра под командованием генерал-лейтенанта Сэммы отбила у Исса вылазку осажденного противника, — лицо диктора с наигранно беспристрастным выражением исчезло с экрана.

По экрану разлилась космическая чернота и заметались тени кораблей. Диктор кричал сквозь беззвучный грохот смертельного боя.

— ...наиболее захватывающим моментом боя был поединок тяжелого крейсера «Кластер» с тремя кораблями противника...

На экране возникло новое изображение. Огромный корабль испустил луч, один из атакующих кораблей осветился ответным гневным выстрелом и понесся на таран. «Кластер» рванулся в сторону и получил лишь скользящий удар, а нападающий, завертевшись, отлетел прочь.

Диктор ровным голосом дочитал, как был уничтожен последний корабль, и умолк. Другой диктор, так же бесстрастно, стал комментировать кадры боя при Мнемоне. Для разнообразия слушателей угостили рассказом о преследовании отступающих кораблей Мнемона, видом разбомбленного города и измученных пленных и заверили, что Мнемону уже недолго жить.

Пауза. Фанфары. Литавры.

По длинному коридору между плотными рядами солдат быстро шел человек в мундире государственного советника.

Стояла гнетущая тишина.

Наконец раздался голос, торжественный и суровый.

— По приказу нашего правителя сообщаю, что планета Хэвен, до сих пор оказывавшая сопротивление воле правителя, признала свое поражение. В настоящий момент происходит высадка оккупационных войск на планету. Капитуляции Хэвена предшествовало слабое и потому недолгое сопротивление.

Появился первый диктор и многозначительно намекнул, что слушателей, оставшихся у экранов, будут держать в курсе событий. Началась музыкальная программа, и Эблинг Мис выключил аппарат. Торан поднялся и молча, пошатываясь, вышел. Психолог не стал его удерживать.

Из кухни вышла Байта. Мис жестом велел ей говорить тише.

— Хэвен капитулировал, — шепнул он.

— Уже? — спросила Байта, округлив глаза и страдальчески сдвинув брови.

— Почти без боя, — Мис проглотил комок. — Торану сейчас тяжело. Не стоит звать его к столу, ему нужно побыть одному.

Байта глянула на дверь зала управления и упавшим голосом произнесла:

— Хорошо...

За столом Магнифико сидел тише воды, ниже травы. Он не ел, ничего не говорил, лишь смотрел прямо перед собой с выражением такого страха, что, казалось, на другие проявления жизнедеятельности в его хрупком теле не осталось сил.

Эблинг Мис рассеянно мял ложечкой десерт.

— Два торговых мира до сих пор борются, — хрипло сказал он. — Они истекают кровью, задыхаются, но не сдаются. А на Хэвене, как и на самом Термине...

— Что же произошло?

Психолог пожал плечами.

— Ответ на этот вопрос там же, где разгадка тайны Мула. Каждое необъяснимое происшествие — это новый толчок к пониманию природы его могущества. Он без видимых усилий обезоружил флоты Фонда, а корабли Независимых до сих пор дерутся. Депрессор ядерных реакций — оружие только против Фонда, против Независимых он бессилен. Я столько раз произносил эти слова, что, кажется, натер мозоль на языке.

— Рэнду предположил, — продолжал Мис, сдвинув седые брови, — что Мул вооружен депрессором воли. Должно быть, это оружие поработало на Хэвене. Почему же его не применили против Исса и Мнемона? Они дерутся так отчаянно, что Мулу пришлось усилить свой флот кораблями Фонда. Да, да — я обратил на это внимание, когда смотрел новости.

— Сначала Фонд, затем Хэвен, — прошептала Байта. — Беда идет за нами по пятам, но не догоняет. Мы всегда на шаг впереди. Успеем ли в следующий раз?

Эблинг Мис не услышал: он размышлял вслух.

— Теперь еще одна загадка, еще одна... Помните, Байта, выпуск новостей, в котором говорилось, что бежавший шут Мула не обнаружен на Термине? Высказывалось предположение, что он бежал на Хэвен или был увезен туда первоначальными похитителями.

Он что-то значит для Мула, до сих пор значит, только я не могу понять, что именно. Должно быть, Магнифико знает о Муле что-то чрезвычайно важное. Я уверен.

Магнифико еще больше побледнел и, запинаясь, возразил:

— Сир... мой господин и повелитель, я клянусь, что не в силах оправдать ваших ожиданий. Я рассказал вам все, что знал, а ваш зонд изъял из моего жалкого разума то, что я знал, сам того не зная.

— Знаю... знаю... Это что-то тонкое и неуловимое; настолько тонкое, что ни ты, ни я не смогли определить, что это такое. Но я должен это понять — ради Исса и Мнемона, потому что если они погибнут, мы останемся одни. Мы будем последними осколками независимого Фонда.

Корабль уже в центре Галактики. Мириады звезд собираются в скопления, необходимо учитывать влияние их гравитационных полей, способных изменить направление скачка.

Торан понял это, оказавшись после очередного скачка в гравитационном поле и зловещем свете красного гиганта. Гигант, словно обрадовавшись неожиданной добыче, стал притягивать корабль. Торан провел у пульта двенадцать бессонных отчаянных часов и едва вырвался.

После этого случая он часами просиживал над картами и расчетами. Спутники дружно помогали Торану. Байта намечала маршруты. Эблинг Мис проверял вычисления. Даже Магнифико усадили за счетную машину. Он очень быстро освоил работу и прекрасно с ней справлялся, получая от нее массу удовольствия.

Прошел почти месяц, и Байта, взглянув на траекторию полета корабля, выстроенную в трехмерной модели Галактики и заблудившуюся где-то на полпути к центру, с улыбкой произнесла:

— Наконец-то я поняла, на что она похожа! На десятифутового дождевого червя с несварением желудка в тяжелой форме. Еще немного, и ты привезешь нас обратно на Хэвен.

— И привезу, — пробурчал Торан, яростно шурша картой, — если ты и дальше будешь говорить под руку.

— Лучше не надо. Поехали дальше, только по прямой. Наверняка существует прямой путь.

— Где-то в космосе он, может быть, и существует, а в моей карте, купленной за полкредита, его нет. Если ты хочешь, чтобы я искал его сам, методом проб и ошибок, приготовься торчать в космосе пятьсот лет, тупица. И кроме того, на прямых дорогах всегда полно кораблей. Я не могу толкаться в толпе!

— Не ори и не изображай оскорбленную добродетель, — она вцепилась ему в волосы.

— О-о-й! Пусти! — застонал он и, схватив ее за руки, дернул вниз.

Торан, Байта и стул спутались в клубок и покатились по полу. Первым вышел из игры стул, а Торан и Байта еще долго, хохоча, тузили друг друга.

Тяжело дыша, вбежал Магнифико. Торан вскочил.

— Что случилось?

Шут был вне себя от испуга. Нос его побледнел и заострился.

— Сэр, приборы ведут себя странно. Сознавая свое невежество, я ничего не трогал...

Торан был уже в зале управления.

— Разбуди Эблинга Миса, — приказал он, — и приведи его сюда.

Байта, расчесывая пальцами волосы, остановилась в дверях.

— Нас засекли, — сказал ей Торан.

— Засекли? — руки Байты беспомощно опустились. — Кто?

— Одной Галактике известно, — пробормотал Торан, — но я думаю, бластерами они пользоваться не умеют.

Он сел за пульт и стал передавать в космос идентификационный код корабля.

Вошел Мис, одной рукой протирая заспанные глаза, а другой придерживая полу халата. Со спокойствием человека, которому больше не на что надеяться, Торан сообщил:

— Мы нарушили границы какого-то королевства под названием Автархия Филиа.

— Впервые слышу, — сказал Мис.

— Я тоже, — подхватил Торан, — но пограничные корабли нас услышали, задержали, и я не знаю, что с нами будет дальше.

На борт корабля поднялся капитан пограничного корабля с шестью вооруженными солдатами. Он был невысок, худ и плешив. Он уселся на стул, сухо кашлянул и открыл принесенную под мышкой папку.

— Предъявите документы и путевое предписание.

— У нас их нет, — сказал Торан.

— Вот как, нет? — он поднес к губам пристегнутый к поясу микрофон и быстро проговорил. — Трое мужчин и одна женщина. Документов нет, — и сделал соответствующую запись в папке.

— Откуда вы?

— С Сайвенны, — ответил Торан.

— Где это?

— Сто тысяч парсеков на восемьдесят градусов к западу от Трантора и сорок градусов...

— Достаточно, достаточно! — Торан увидел, как капитан в графе «Откуда прибыл» пишет «Периферия».

— Куда направляетесь? — продолжал пограничник.

— В сектор Трантора.

— Цель?

— Частная поездка.

— Груз?

— Груза нет.

— Хм... Это мы проверим, — он сделал знак солдатам и двое приступили к проверке.

Торан не стал им мешать.

— Что привело вас на территорию Филии? — спросил пограничник, окидывая Торана недобрым взглядом.

— Мы не знали, что это ваша территория. У меня недостаточно подробная карта.

— Вам придется заплатить за это сто кредитов, а кроме того, въездную пошлину и тому подобное.

Капитан снова заговорил в микрофон, потом долго слушал и, наконец, обратился к Торану.

— Вы разбираетесь в ядерной энергетике?

— Немного, — осторожно ответил Торан.

— Да-а? — капитан захлопнул папку и добавил, — Люди с Периферии известны познаниями в ядерной энергетике. Наденьте костюм и следуйте за мной.

— Что вы собираетесь с ним делать? — выступила вперед Байта.

Торан мягко отодвинул ее и холодно спросил:

— Куда я должен идти?

— На наш корабль. У нас не в порядке двигатель. Он пойдет с вами.

Речь шла о Магнифико, который в удивленном испуге раскрыл глаза.

— Он-то здесь при чем? — возмутился Торан.

— По имеющимся у нас сведениям, — холодно ответил капитан, — в этом районе действует банда пиратов. Этот человек подходит под описание одного из бандитов. Нам необходимо провести опознание.

Торан поколебался, но шесть бластеров — весьма убедительный аргумент, и он полез в шкаф за костюмами.

Через час, в машинном отделении филианского корабля, Торан не выдержал:

— Двигатель в полном порядке. И шины, и L — образные трубки исправны, реакция идет нормально. Кто здесь главный?

— Я, — ответил инженер.

— Проводите меня к капитану.

— Инженер отвел Торана на этаж, где жили офицеры, и оставил в тесной комнате, в которой сидел полусонный лейтенант.

— Где мой товарищ? — спросил Торан.

— Подождите, пожалуйста, — ответил лейтенант.

Через пятнадцать минут привели Магнифико.

— Что тебе делали? — нетерпеливо спросил Торан.

— Ничего. Абсолютно ничего, — Магнифико медленно покачал головой.

Филиа удовлетворилась двумястами пятьюдесятью кредитами, взыскав, кроме всего прочего, плату за срочность решения дела, и торговый корабль снова был в открытом космосе.

Байта с вымученным смехом сказала:

— Где же эскорт? Мы не заслужили даже пинка через границу?

— Неужели ты поверила, что нас в самом деле задержали на границе, — мрачно проговорил Торан. — Никакой Филией здесь и не пахнет. Идите сюда.

Эблинг Мис и Байта придвинулись к нему.

— Это был корабль Фонда, а на нем — люди Мула.

Мис нагнулся за упавшей сигарой.

— Здесь? — спросил он. — На расстоянии тридцати тысяч парсеков от Фонда?

— Ну и что? Кто мешал им прилететь сюда? Мис, поверьте, я могу определить, кому принадлежит корабль. Я осматривал двигатель, этого мне было достаточно. Ручаюсь, что и двигатель, и корабль построены в Фонде.

— Как они могли сюда попасть, — принялась рассуждать Байта. — Какова вероятность случайной встречи кораблей в космосе?

— При чем здесь вероятность, — горячился Торан, — нас просто преследовали.

— Преследовали? — присвистнула Байта. — Через гиперпространство?

— Это вполне возможно, — вмешался Эблинг Мис, — если иметь хороший корабль и хорошего пилота.

— Тем более, что я не маскировал след, — подхватил Торан. — Даже в нейтральном полете несся на предскачковой скорости. Нас нашел бы слепой.

— Черта с два! — крикнула Байта. — Ты прыгал вкривь и вкось и даже назад. Разве можно разобраться в такой путанице следов!

— Мы тратим время, — повысил голос Торан. — Это был корабль Фонда, а на нем — люди Мула, которые нас остановили и обыскали. Они допрашивали Магнифико, а меня взяли заложником, чтобы вы сидели тихо, даже если о чем-то догадывались. И сейчас я их сожгу.

— Успокойтесь! — Мис схватил его за руку. — Собираетесь пожертвовать нами ради того, чтобы уничтожить один корабль, неизвестно даже, вражеский ли. Подумайте, зачем Мулу гнаться за нами по всей проклятой Галактике; чтобы остановить нас, обыскать и отпустить?

— Ему хочется знать, куда мы летим.

— В таком случае, к чему нас останавливать?

— Отпустите меня, Эблинг, не то я вас ударю.

Магнифико, с дрожащими от возбуждения ноздрями, крикнул со своего излюбленного места на спинке стула:

— Прошу покорно простить меня за невежливость, но мой бедный разум вдруг посетила странная мысль.

Байта ожидала от Торана досадливого ответа или жеста и потому схватила его за руку с другой стороны.

— Говори, Магнифико. Мы все тебя внимательно слушаем.

— Находясь на чужом корабле, я был ослеплен, оглушен и всецело поглощен охватившим меня страхом. Я не помню толком, что со мной происходило. На меня смотрели какие-то люди, спрашивали меня о чем-то и говорили что-то непонятное. И вдруг — словно луч солнца озарил мой разум. Я увидел знакомое лицо. Я запомнил этот проблеск, и сейчас он мне кажется даже ярче, чем тогда.

— Кто это был? — спросил Торан.

— Капитан, который был с нами, когда вы спасли меня от рабства. Очевидно, Магнифико намеревался произвести сенсацию, потому что, когда ему это удалось, в тени его огромного носа родилась широкая самодовольная улыбка.

— Капитан Хан Притчер? — строго спросил Мис. — Ты в этом уверен? Твердо уверен?

— Сир, я клянусь, — шут положил прозрачную ладонь на узкую грудь. — Я готов поклясться в этом перед самим Мулом, пусть даже он употребит всю свою силу, чтобы опровергнуть мои слова.

— Зачем же он нас задержал? — произнесла Байта в недоумении.

— Я объясню, моя госпожа, — с готовностью ответил шут. — Объяснение пришло в мой бедный разум так внезапно, как будто его послал мне сам Дух Галактики.

Торан хотел было возразить, но шут не дал ему говорить. Повысив голос, Магнифико обращался исключительно к Байте.

— Моя госпожа, представь, что капитан, как и мы, бежал в одиноком корабле с какой-то тайной целью. Представь, что он столкнулся с нами в космосе. Разумеется, он заподозрил, что мы следили и гнались за ним все это время. Неудивительно, что он разыграл такой спектакль.

— Зачем он повел нас на свой корабль? — спросил Торан. — Что-то здесь не сходится.

— Почему же; напротив, сходится! — с новым воодушевлением закричал шут. — Капитан послал к нам подчиненного, который не знал нас в лицо, но передал описание нашей внешности в микрофон. Услышав описание моей внешности, капитан удивился, потому что в Галактике найдется немного равных мне по худобе и ничтож-

ности. Он потребовал меня на корабль, и я послужил всем остальным как бы паспортом.

— И капитан отпустил нас, даже не поздоровавшись?

— Мы ничего не знаем о цели его пребывания здесь. Возможно, степень секретности задания, с которым летел капитан, такова, что, удостоверившись, что мы не враги, он не имел права нам открываться. Это могло сорвать все его планы.

— Не упрямься, Тори, — медленно произнесла Байта. — Это наиболее правдоподобное объяснение происшедшего.

— Вполне правдоподобное, — поддержал ее Мис.

Торан подчинился большинству, но сохранил в душе сомнение. Что-то в слишком гладкой истории шута ему не нравилось. Что-то было не так. Однако, гнев его утих, и Торан, оправдываясь, прошептал:

— Мне так хотелось подстрелить хоть один корабль Мула... — и, потемнев лицом, уставился в пол.

Он переживал падение Хэвена.

22. Смерть на Неотранторе

НЕОТРАНТОР, бывш. Деликасс *— небольшая планета, на которой располагалась резиденция последней династии правителей Первой Империи. Это была призрачная столица призрачной империи; мы упомянули ее лишь ради исторической точности. При первом императоре неотранторийской династии...*

Галактическая Энциклопедия.

Планета называлась Неотрантор. Новый Трантор! На этом сходство планеты с великим тезкой кончалось. На расстоянии двух парсеков все еще светило солнце Старого Трантора, и столица Галактической Империи все еще совершала свой извечный путь по орбите.

На Старом Транторе даже жили люди. Не много — всего сто миллионов, тогда как полвека назад планету заселяли сорок миллиардов. Огромный мир из стали и стекла лежал в руинах. В стенах опустевших небоскребов зияли дыры, прожженные бластерами — память о Великом Погроме, случившемся сорок лет назад.

Как странно: мир, который две тысячи лет был центром Галактики, мир, который правил бесконечным космосом и был домом правителям и чиновникам, чьи капризы выполнялись на расстоянии тысяч парсеков от столицы, этот мир умер за месяц. Невероятно: мир, не тронутый завоевательными войнами первого тысячелетия; гражданскими войнами и дворцовыми переворотами второго, лежит в руинах. Сердце Галактики превратилось в живой труп. Как странно и печально!

Пройдет еще не одно столетие, прежде чем это творение рук человеческих рассыплется в пыль. И сейчас этот металл, эта мощь бездействует лишь потому, что у людей недостает сил привести ее в движение.

Миллионы, оставшиеся после гибели миллиардов, разорвали железные одежды планеты и открыли землю, тысячу лет не видевшую солнечного света. Окруженные механическими исполнителями всех видов работы, освобожденные чудесами техники от произвола природы, люди возвратились к земле. На местах транспортных развязок росли пшеница и кукуруза, у подножий небоскребов паслись овцы.

Но еще существовал Неотрантор, о котором никто не знал, пока туда, как в последнее пристанище, не бежала от Великого Погрома испуганная семья императора. Там Император пережидал восстание, а когда волнения улеглись, там и остался.

А в его власти осталось двадцать сельскохозяйственных миров.

Император Галактики, Повелитель Вселенной Дагоберт IX правил двадцатью мирами, населенными непокорными землевладельцами и угрюмыми крестьянами. В тот проклятый день, когда Дагоберт IX приехал с отцом на Неотрантор, ему было двадцать пять. В памяти императора жил образ прежней Империи, славной и могучей, а его сын, которому предстоит быть Дагобертом, родился на Неотранторе.

Он не знал другой Вселенной, кроме двадцати миров.

Воздушная открытая машина Джорда Коммазона по праву считалась самым шикарным средством передвижения на всем Неотранторе. Не только потому, что Коммазон был самым крупным землевладельцем на Неотранторе, но еще и потому, что когда-то он был компаньоном и злым гением молодого принца короны, боявшегося и тихо ненавидевшего стареющего Императора, а теперь стал компаньоном и по-прежнему злым гением стареющего принца короны, которого боялся и тихо ненавидел старый император.

Джорд Коммазон из своей машины в перламутровой, отделанной золотом и люметроном обшивке обозревал свои владения: поля волнующейся пшеницы, уборочные машины, домики арендаторов — и обдумывал дела.

Шофер, сгорбленный и усохший, выруливал против ветра и улыбался.

Джорд Коммазон заговорил, прямо в ветер, уносивший слова в небо.

— Помнишь, что я говорил тебе, Инчни?

Седые тонкие волосы Инчни шевелились на ветру. Он улыбнулся, словно утаивая какой-то секрет от себя самого, и губы его

вытянулись в ниточку, а вертикальные морщины глубже прорезали щеки.

— Помню, сэр. Я как раз об этом думал, — прошелестел шофер.

— Что ты надумал, Инчни? — вопрос звучал нетерпеливо.

Инчни не забыл, что на старом Транторе был молодым, красивым и знатным. Он помнил, что на Неотранторе он безобразный старик, живущий милостью Джорда Коммазона. Инчни тихо вздохнул и прошептал:

— Гости из Фонда, сэр, — неплохая вещь, особенно если учесть, что у них всего один корабль и один боеспособный мужчина. Можно сказать, что они полезная вещь, сэр.

— Полезная? — протянул Коммазон. — Возможно. Однако, они волшебники и могут обладать сверхъестественной силой.

— Вот еще! — фыркнул Инчни. — Расстояние искажает действительность. Фонд — всего лишь мир. Его жители — всего лишь люди. Если в них стрелять, они умирают.

Внизу блестящей лентой вилась река. Инчни выровнял машину по курсу и снова зашелестел:

— А эти убежали от другого человека, при упоминании о котором дрожит вся Периферия, ведь так?

— Ты что-то знаешь об этом? — с неожиданной подозрительностью спросил Коммазон.

— Не знаю, сэр, — улыбка исчезла с лица шофера. — Просто так спросил.

Землевладелец, немного поколебавшись, сказал напрямик и грубо:

— Ты никогда ничего не спрашиваешь просто так. Тебе когда-нибудь оторвут голову за настырность. Так и быть, расскажу. Этого человека называют Мулом, один из его подданных был здесь несколько месяцев назад с деловым визитом. Сейчас я жду другого посланца для... окончательного решения дела.

— А эти путешественники, не те ли они, кого вы ждете?

— У них нет положенных документов.

— Сообщали, что Фонд оккупирован...

— Я тебе этого не говорил.

— Это официальное сообщение, — холодно продолжал Инчни, — и если оно верно, эти люди могут оказаться беженцами, которых можно выдать человеку Мула в знак дружбы к нему.

— Да? — Коммазон сомневался.

— Сэр, известно, что друг завоевателя — его последняя жертва, а нам необходимо принять какие-то меры самозащиты. У нас есть психозонд, а у них — четыре фондовских головы. Мы имеем шанс узнать и о Фонде, и о Муле много полезного. Может быть, после этого дружба Мула не будет нам столь дорога.

Коммазон, нежась в слабом ветерке, вернулся к своей первой мысли.

— Что, если не верить сообщениям и предположить, что Фонд не оккупирован. Когда-то Фонду предрекали непобедимость.

— Эпоха пророков прошла, сэр.

— Все-таки, Инчни, что если Фонд не оккупирован? Подумай! Правда, Мул мне обещал... — он понял, что сказал лишнее и принялся заглаживать промах. — То есть, хвастался. Но похвальба — одно, а победа — другое.

Инчни беззвучно засмеялся.

— Вы правы, сэр: не всегда слова и дела — одно и то же. Только очень уж отдаленная угроза этот ваш Фонд, расположенный на краю Галактики.

— Есть еще принц, — почти неслышно пробормотал Коммазон.

— Он тоже ведет переговоры с Мулом, сэр?

Коммазону не удалось скрыть самодовольную улыбку.

— Не так активно и успешно, как я, но становится все более раздражительным и несдержанным. Можно подумать, что в него вселился демон. Если я захвачу этих людей, а он решит забрать их себе для собственных нужд — надо отдать ему должное: он не лишен некоторой проницательности — я не готов с ним ссориться, — землевладелец нахмурился и его тяжелые щеки обвисли от огорчения.

— Вчера я мельком видел чужестранцев, — небрежно сказал седой шофер. — Мое внимание привлекла женщина: у нее необычная внешность. Решительная мужская походка и удивительно бледная кожа, контрастирующая с чернотой волос. В голосе шофера прозвучала неожиданная теплота, и Коммазон обернулся к нему с удивлением.

— Никакая проницательность не откажется от разумного компромисса, — продолжал Инчни. — Принц отдаст вам всех мужчин, если вы оставите ему женщину.

Лицо Коммазона просветлело.

— Вот это мысль! Вот это идея! Поворачивай назад, Инчни! Если все получится, как задумано, мы обсудим вопрос твоей свободы, Инчни.

Дома, обнаружив на рабочем столе в кабинете капсулу с секретным сообщением, Коммазон испытал чувство, близкое к суеверному страху. Сообщение было передано на длине волны, известной лишь немногим. Прочитав его, Коммазон широко улыбнулся: Фонд действительно пал, а человек Мула направлялся на Неотрантор.

Туманное представление Байты об императорском дворце не соответствовало действительности, и, увидев настоящий дворец, она

в глубине души почувствовала разочарование. Комната была тесная, отнюдь не роскошная, даже скромная. Императорский дворец был скромнее резиденции мэра на Термине, а Дагоберт IX...

Байта составила для себя определенное мнение о том, каким должен быть император. По ее представлению, император не должен напоминать чьего-то доброго дедушку. Он не должен быть худым, бледным и увядшим. И самое главное, император не должен подавать чай своим гостям и беспокоиться об их удобстве.

А Дагоберт IX делал все, чего делать не полагалось.

Похохатывая, он наливал чай в чашку, которую Байта держала в оцепеневшей руке.

— Что вы, голубушка, это для меня удовольствие. Мне надоели придворные церемонии. А сколько лет у меня не было гостей из дальних провинций! Я стар, и этими делами ведает мой сын. Вы не знакомы с моим сыном? Милый мальчик. Возможно, несколько упрям, но он еще молод. Хотите ароматную капсулу? Нет?

— Ваше императорское Величество, — начал Торан.

— Да?

— Ваше величество, мы не хотим быть вам в тягость...

— Полно, вы мне не в тягость. Вечером будет официальный прием, а до тех пор можно наслаждаться свободой. Постойте, забыл, откуда вы? Как давно у нас не было официального приема! Вы сказали, что вы из провинции Анакреон?

— Мы из Фонда, Ваше Императорское Величество.

— Да-да, из Фонда, я вспомнил. Даже нашел на карте. Это в провинции Анакреон. Я там никогда не был. И в последнее время не получал сообщений от вице-короля провинции. Как там дела? — беспокойно спросил император.

— Сир, — пробормотал Торан, — у меня нет жалоб.

— Похвально. Вице-король также достоин одобрения.

Торан беспомощно взглянул на Эблинга Миса, тот напористо заговорил:

— Сир, нам сказали, что для посещения библиотеки Императорского университета на Транторе требуется ваше разрешение.

— На Транторе? — переспросил Император без гнева. — На Транторе? Ах, Трантор! Вспомнил. Мечтаю вернуться туда с армадой кораблей. Вы будете со мной. Вместе мы одолеем мятежника Джилмера. Вместе возродим Империю!

Его сутулая спина распрямилась, голос набрал силу, взгляд на мгновение стал жестким. Потом воодушевление императора прошло, и он тихо сказал:

— Ба-а, Джилмер умер — я вспомнил. Да, да, Джилмер умер. Трантор умер... что-то я хотел сказать... так откуда вы?

Магнифико шепнул Байте:

— Неужели это император? Я думал, что императоры мудрее и сильнее простых людей.

Байта сделала ему знак замолчать.

— Если Ваше Императорское Величество подпишет нам разрешение посетить Трантор, — сказала она, — он сделает неоценимый вклад в наше общее дело.

— На Трантор? — Император снова не понимал, чего от него хотят.

— Сир, вице-король Анакреона, от имени которого мы говорим, велел передать вам, что Джилмер жив.

— Жив! Жив! — взревел Дагоберт. — Где он? Мы пойдем на него войной!

— Ваше Величество, это неизвестно. Мы пока ничего не можем сказать о месте его пребывания. Вице-король прислал нас лишь сообщить, что он жив. Только оказавшись на Транторе, мы сможем его найти. А тогда...

— Да, да, Джилмера нужно найти, — старый император пошарил по стене и накрыл дрожащим пальцем фотоэлемент.

Ответа не последовало, и император пробормотал:

— Слуги заставляют долго ждать. А мне некогда.

Император нацарапал что-то на чистом листе бумаги, поставив внизу витиеватое «Д».

— Джилмер еще почувствует силу своего Императора, — сказал он. — Так откуда вы? Из Анакреона? Что там творится? Уважает ли народ своего императора?

Байта сказала, вынимая бумагу из слабых пальцев императора:

— Ваше Императорское Величество пользуется любовью и уважением народа. Народу известно, что Император заботится о нем.

— Надо бы посетить добрый народ Анакреона, но доктор говорит... Не помню, что он говорит, но... — он окинул гостей острым взглядом. — Вы что-то сказали о Джилмере?

— Нет, Ваше Императорское Величество.

— Он не продвинется дальше. Возвращайтесь на родину и передайте это вашему народу. Трантор выстоит! Мой отец возглавляет флот, а этот мятежный негодяй Джилмер замерзнет в космосе со своими жалкими кораблями.

Император упал в кресло, и снова взгляд его стал пустым.

— Что я говорил?

Торан поднялся с места и низко поклонился.

— Ваше Величество, вы были к нам очень добры, но время аудиенции истекает.

На минуту Дагоберт IX стал настоящим императором. Он поднялся, выпрямился и стоял так, пока его посетители по одному пятились к выходу.

А там их окружили двадцать вооруженных солдат.

Прозвучал выстрел.

Байта пришла в сознание не сразу, но без вопроса «Где я?» Она ясно помнила странного старика, называвшего себя императором и людей, ожидавших за дверью. Болели суставы, значит, стреляли из парализатора. Не открывая глаз, Байта стала изо всех сил прислушиваться к звучащей неподалеку беседе.

Говорили двое мужчин. Один медленно и вкрадчиво, с робостью, запрятанной глубоко под настойчивостью. Второй говорил резко и истерично, как пьяный, длинными фразами. Слов Байта не различала. «Пьяный» голос был громче. Байта напряглась и разобрала конец фразы:

— ...Этот старый безумец, наверное, никогда не умрет. Он мне надоел, он меня измучил. Когда же, наконец, Коммазон? Я тоже старею.

— Ваше высочество, давайте сначала посмотрим, какую пользу можно извлечь из этих людей. Может быть, от них мы получим более мощный источник силы, чем смерть вашего отца.

Пьяный голос перешел в слюнявый шепот. Байта услышала только слово «женщина», а потом заговорил второй, вкрадчиво, со смешком и немного покровительственно:

— Дагоберт, вы не стареете. Лгут те, кто говорит, что вам уже не двадцать пять.

Оба засмеялись, а Байта похолодела. «Дагоберт» — «Ваше высочество», а старый Император говорил о своем упрямом сыне. Она поняла, о чем они шептались... Разве такое случается с людьми в действительности?

Голос Торана произнес несколько ругательств подряд. Она открыла глаза и встретила взгляд Торана, в котором отразилось облегчение.

— Вы ответите перед самим императором за этот бандитизм, — яростно крикнул Торан. — Освободите нас!

Тут Байта обнаружила, что ее запястья и лодыжки прижаты к стене и к полу силовым полем.

На крик пришел обладатель пьяного голоса. У него было заметное брюшко, напудренные щеки и редеющие волосы. Остроконечная шляпа была украшена ярким пером, а костюм оторочен серебряными галунами.

Он с издевкой фыркнул:

— Перед императором? Перед бедным безумным императором?

— Он подписал мне пропуск. Никто из подданных не имеет права ограничивать мою свободу.

— А я не подданный, понял, космическое отребье! Я регент и принц короны, и обращаться ко мне следует соответствующим

образом. А что до моего бедного глупого отца, то ему приятно иногда принять гостей. Мы время от времени доставляем ему такое удовольствие. Это тешит его императорское воображение. Другого значения эти визиты не имеют.

Он остановился перед Байтой, она окинула его презрительным взглядом. Принц наклонился к ней. От него шел невыносимый мятный запах.

— Знаете, Коммазон, — сказал принц, — ей идут глаза. С открытыми она красивее. Что ж, она мне подходит. Как экзотическое блюдо к столу старого гурмана.

Торан безуспешно пытался освободиться от тисков силового поля, на что принц не обращал ни малейшего внимания. Байте казалось, что кровь стынет у нее в жилах. Эблинг Мис еще не пришел в себя, голова его бессильно свисала на грудь. Магнифико... Байта с удивлением обнаружила, что глаза Магнифико открыты и жадно впитывают происходящее, как будто он давно пришел в себя. Большие карие глаза повернулись к Байте, шут захныкал и кивнул в сторону принца короны:

— Он забрал мой визисонор.

Принц резко обернулся на новый голос.

— Это твое, уродец?

Он снял с плеча визисонор, которого Байта не заметила, хотя инструмент висел на знакомой зеленой ленте, пробежал пальцами по клавишам, пытаясь сыграть гамму. Визисонор молчал.

— Ты умеешь на нем играть, уродец?

Магнифико кивнул

— Вы напали на граждан Фонда, — неожиданно сказал Торан. — если за это вас не накажет император, то накажет Фонд.

Ответил Коммазон:

— Фонд способен наказывать? Что же, Мул больше не Мул?

Торан молчал. Принц улыбнулся, открывая неровные зубы. Шута освободили от пут силового поля и пинком подняли на ноги. Принц сунул ему в руки визисонор.

— Играй, уродец, — приказал принц. — Сыграй серенаду для прекрасной дамы из Фонда. Объясни ей, что тюрьма в стране моего отца — не дворец, а я могу поселить ее во дворце, где она будет купаться в розовой воде и вкушать любовь принца. Спой ей о любви принца.

Принц сел на краешек мраморного стола и, покачивая ногой, похотливо улыбался Байте. Она кипела в молчаливой и бессильной ярости. Торан напрягся, борясь с полем, на лбу его выступил пот. Эблинг Мис зашевелился и застонал.

— У меня онемели пальцы! — воскликнул Магнифико.

— Играй, урод! — рявкнул принц.

Жестом он скомандовал Коммазону погасить свет и в полумраке скрестил на груди руки.

Пальцы Магнифико пробежали, ритмично подскакивая, от одного конца клавиатуры к другому, и поперек комнаты встала яркая радуга. Раздался низкий, пульсирующий, тоскливый звук. Затем он разделился на два потока: вверх поднимался печальный смех, а под ним разливался тревожный колокольный звон.

Темнота в комнате сгустилась. Музыка доходила до Байты как через толстые складки невидимой ткани, а свет... ей казалось, что она сидит в темном подземелье, а где-то далеко мерцает свеча.

Байта невольно напрягла зрение. Свет стал ярче, но оставался размытым. Цвета были грязноватые, двигались нехотя, а музыка оказалась натужной, зловещей. Музыка становилась все громче, свет пульсировал ей в такт. А в световом пятне что-то извивалось. Извивалось и зевало, показывая ядовитые металлические зубы. Музыка тоже извивалась и зевала.

Байтой овладело странное чувство. Она стала бороться с ним и вдруг поймала себя на том, что оно ей знакомо. Так же тоскливо ей было в Хранилище и в последние дни на Хэвене. Та же липкая, неотвязная, жуткая паутина ужаса и отчаяния опутывала ее сейчас.

Байта вжалась в стену.

Музыка гремела у нее над головой, смеялась с дьявольской издевкой, а там, где-то вдалеке, как в перевернутом бинокле, на островке света танцевал ужас. Она отвернулась, и видение пропало. Лоб Байты был холодным и мокрым.

Музыка погасла. После пятнадцати минут кошмара Байта почувствовала невероятное облегчение. Зажегся свет, и в лицо ей заглянул Магнифико. Потный лоб, в глазах мрачное безумие.

— Как чувствует себя моя госпожа? — выдохнул он.

— Не слишком плохо, — прошептала Байта. — Зачем ты так играл?

Только теперь она вспомнила, что не одна здесь. Торан и Мис висели на стене, обмякшие и беспомощные. Принц лежал без движения под столом. Коммазон стонал, кривя рот и выпучив глаза.

Магнифико шагнул к нему, и Коммазон скорчился и завыл, как безумный.

Магнифико взмахнул руками, как фокусник, и все были свободны.

Торан подпрыгнул и, бросившись к землевладельцу, схватил его за горло.

— Пойдешь с нами. Ты нам понадобишься как пропуск на корабль.

Два часа спустя, в кухне родного корабля Байта поставила на стол домашний пирог, а Магнифико отметил возвращение в космос полным отказом от соблюдения правил поведения за столом.

— Вкусно, Магнифико?

— Ум-м-м!

— Магнифико?

— Да, моя госпожа?

— Какую пьесу ты сегодня играл?

— Я... мне не хотелось бы отвечать, — шут заерзал на стуле. — Я разучил ее несколько лет назад, и тогда же узнал, что визисонор оказывает на нервную систему чрезвычайно сильное влияние. Это очень страшная пьеса, она не для твоей светлой невинности, моя госпожа.

— Полно, Магнифико. Не льсти. Я не так невинна, как ты думаешь. Скажи, я видела что-нибудь из того, что видели они?

— Надеюсь, что нет. Я играл только для них. Если ты и видела что-то, то самый краешек, да и то издалека.

— Мне этого хватило. Ты понимаешь, что принц даже потерял сознание?

Магнифико мрачно ответил сквозь недожеванный кусок пирога:

— Я убил его, моя госпожа.

— Что? — у Байты перехватило дыхание.

— Я перестал играть, когда он умер, иначе я играл бы еще. Коммазон меня не не интересовал. Он умеет только убивать и мучить. А принц нехорошо на тебя смотрел, моя госпожа, — шут смущенно потупился.

Странные мысли замелькали в сознании Байты, но она поспешно прогнала их.

— У тебя душа рыцаря, Магнифико!

— О, моя госпожа! — Магнифико уткнул красный нос в пирог и перестал жевать.

Эблинг Мис смотрел в иллюминатор. Трантор был рядом — блестел его металлический панцирь. Тут же стоял и Торан.

— Зачем мы сюда летим? — с горечью произнес он. — Человек Мула наверняка уже здесь.

Эблинг Мис провел по лбу похудевшей рукой и пробормотал что-то нечленораздельное.

— Вы слышите, — с досадой сказал Торан, — все знают, что Фонд оккупирован. Вы меня слышите?

— Что? — Мис очнулся и смотрел на Торана с недоумением.

Он мягко накрыл руку Торана своей и невпопад заговорил:

— Торан, я... я смотрел на Трантор и, знаете,... у меня возникло странное ощущение. Давно возникло — еще на Неотранторе. Это какое-то непреодолимое стремление, какая-то потребность. Торан, мне кажется, я смогу. Я знаю, что мне это удастся. Я понял, где искать, я никогда еще не видел этого так ясно.

Торан выслушал Миса и пожал плечами. Слова психолога не вселили в него уверенности.

— Мис!

— Да?

— Улетая с Неотрантора, вы не видели, как туда садился другой корабль?

— Нет, — ответил Мис после недолгого раздумья.

— А я видел. Скорее всего, это игра воображения, но мне показалось, что это был тот самый филианский корабль.

— На котором летит капитан Хан Притчер?

— Одной Галактике известно, кто на нем летит. Больше слушайте Магнифико! Этот корабль преследует нас.

Мис промолчал.

— Что с вами? — забеспокоился Торан. — Вам плохо?

Мис молчал и смотрел прямо перед собой с выражением просветленной задумчивости.

23. Руины Трантора

Увидеть из космоса какой-либо объект на Транторе — уникальная по своей сложности задача. На нем нет ни океанов, ни материков, ни гор, ни озер, ни островов, по которым можно было бы сориентироваться. Закованный в металл мир представлял собою — когда-то — один колоссальный город. Единственным ориентиром при взгляде с высоты тысячи миль мог служить императорский дворец. Отыскивая его, «Байта» летела вокруг планеты со скоростью воздушной машины.

Увидев под собой оледеневшие шпили и башни (значит, вышли из строя или за ненадобностью не включаются генераторы погоды), Торан повернул от полюса к югу. Представлялась возможность проверить, насколько соответствует действительности — или не соответствует — полученная на Неотранторе карта.

Не узнать дворец было невозможно. Пятьдесят миль свободной земли отделяли один железный берег от другого. Все это пространство было занято буйной растительностью, из волн которой поднимался величественный корабль-дворец.

«Байта» зависла над дворцом, определяя дальнейший курс. Теперь можно было ориентироваться по скоростным шоссе, которые на карте выглядели, как жирные прямые линии, а на местности как широкие блестящие ленты.

В отношении университета карта почти не соврала. Корабль опустился на открытом поле, когда-то, очевидно, выполнявшем функции посадочной площадки.

Только тогда путешественники поняли, как обманчива красота, виденная ими из космоса. Их окружал хаос, поселившийся на планете после Великого Погрома. Усеченные шпили, прогнувшиеся стены, искореженный, рваный, ржавый металл. Снижаясь, они

успели заметить освобожденный от металла распаханный участок земли — около ста акров.

На посадочной площадке их ждал Ли Сентер. Корабль был незнакомый, не с Неотрантора, и Сентер сокрушено вздохнул. Чужие корабли и сомнительные сделки с прилетевшими неведомо откуда людьми предвещали скорый конец мирной жизни и возврат к романтической эпохе войн и смертей. Сентер был руководителем группы, в его ведении находились старые книги, в которых он читал о войнах давних времен. Он не хотел, чтобы эти времена вернулись.

Посадка заняла десять минут, но за это время Сентеру вспомнилась чуть не вся его жизнь. Детство, огромная ферма, всегда вспоминавшаяся, как толпа занятых работой людей. Переселение молодых семей на новые земли. Сентеру тогда было десять лет, он был в семье единственным ребенком, ничего не понимал и всего боялся. Вспомнилось, как люди корчевали огромные металлические плиты, освобождая землю, как пахали и удобряли ее и приспосабливали опустевшие небоскребы под жилье. Как выращивали и собирали плоды, как устанавливали мирные отношения с соседними фермами. Все лучше родила пшеница и росли дети — новое поколение, знавшее запах земли и не знавшее тирании. Сентер вспомнил великий день, когда его избрали Руководителем Группы, и впервые со дня восемнадцатилетия он не побрился и щупал пробившуюся бородку Руководителя.

И вот, в его мирную жизнь вторгается Галактика, чтобы положить конец идиллии отшельничества.

Корабль коснулся земли. Сентер молча смотрел, как открылась дверь и вышли четверо, настороженно осматриваясь. Трое мужчин, такие разные: старый, молодой и худой с длинным носом. Женщина: идет между ними, как равная.

Сентер выпустил из руки черную раздвоенную бороду и шагнул навстречу. Он протянул к пришельцам обе руки мозолистыми ладонями наружу: «Я встречаю вас с миром».

Молодой человек выступил на два шага вперед и повторил жест Сентера.

— Я пришел с миром.

Он говорил с сильным незнакомым акцентом, но все слова были понятны, и Сентер продолжал:

— Да будет мир между нами вечным. Примите гостеприимство нашей Группы. Вы голодны? Вас накормят. Вам хочется пить? Вас напоят.

Ответ последовал не сразу.

— Мы признательны вам за доброту и, вернувшись в свой мир, расскажем о ней нашим согражданам.

Странный ответ, но хороший. Члены группы, прятавшиеся неподалеку, вышли из укрытий и улыбались гостям.

В своем жилище Сентер вынул из тайника ящик с замком и зеркальными стенками и предложил гостям по длинной и толстой сигаре. Эти сигары он держал для торжественных случаев. Перед женщиной он замялся. Она сидела среди мужчин и, очевидно, они допускали и даже приветствовали такое непочтение к себе. Пересилив себя, Сентер открыл ящик перед женщиной.

Она, улыбнувшись, взяла сигару и закурила, вдохнув ароматный дым с удовольствием, какого можно было ожидать от такой женщины. Ли Сентер был возмущен, но сдержался.

Застольная беседа, не слишком оживленная, касалась вопросов земледелия.

Старший из гостей спросил:

— Вы не практикуете гидропонику? В таком мире, как Трантор, она решила бы многие проблемы.

Сентер медленно покачал головой. Его знания о гидропонике ограничивались материалом нескольких книг, слишком для него сложных.

— Вы имеете в виду возделывание растений на искусственных удобрениях? Нет, для Трантора это неприемлемо, для внедрения гидропоники потребуется развитие нескольких отраслей промышленности, например, химии. Представьте, что начнется война или произойдет стихийное бедствие. Промышленность придет в упадок, и народ будет голодать. Кроме того, не все растения можно вырастить искусственно. Некоторые культуры от этого теряют свою пищевую ценность. Земля все же дешевле и лучше, хотя требует много труда.

— Вы обеспечиваете себя продовольствием?

— Вполне, хотя наша пища не столь разнообразна. У нас есть птица, молочный скот. Мясо мы импортируем.

— Импортируете? — заинтересовался молодой человек. — Стало быть, вы торгуете. Что вы экспортируете?

— Металл, — прозвучал ответ. — Посмотрите вокруг: мы располагаем определенным запасом обработанного металла. К нам прилетают с Неотрантора и снимают металл с указанной площади, тем самым освобождая нам землю под угодья. Взамен оставляют мясо, овощные консервы, пищевые концентраты, земледельческую технику и тому подобное. Таким образом, обе стороны выигрывают.

Они пировали хлебом, сыром и овощным рагу, чрезвычайно вкусным. За десертом из мороженых фруктов (это была единственная привозная статья меню) чужеземцы стали не просто гостями. Молодой человек достал карту Трантора.

Ли Сентер слушал его, изучал карту, затем торжественно произнес.

— Университетский городок — заповедная территория. Мы, фермеры, решили ее не возделывать. И даже, по возможности, не

заходим туда. Это один из немногих памятников старого времени, который мы хотим сохранить.

— Мы приехали за знаниями и ничего не тронем. В залог оставляем корабль, — сказал старший, дрожа от нетерпения.

— Я отведу вас туда, — пообещал Сентер.

Ночью, когда гости спали, Ли Сентер отправил на Неотрантор сообщение.

24. Обращенный

Если за пределами университетского городка можно было уловить слабые признаки жизни, то внутри него они отсутствовали. Торжественное безмолвие заполняло его широкие аллеи.

Гости из Фонда ничего не знали о бурлящих днях и ночах кровавого Погрома, миновавшего университет. Они ничего не знали о тех днях, когда рухнула власть империи и студенты, неизвестно где раздобыв оружие, со всем пылом и бесстрашием неопытных поднялись на защиту галактической сокровищницы мудрости. Они не знали ничего о Семидневной войне, которую вела добровольческая студенческая армия, и о перемирии, которое она вырвала у Джилмера и его солдат, и о том, что ни один грабитель не вошел в университет, тогда как в императорском дворце дрожали стекла от топота солдатских сапог.

Войдя в университет, пришельцы поняли только, что в мире, очищающемся от застарелой гнили и возрождающемся для новой жизни, университет — музейный экспонат, который служит напоминанием о былом величии.

Они были своего рода захватчиками. Мрачная пустота отторгала их, еще не выветрившийся академический дух восставал против присутствия посторонних.

Библиотека размещалась в маленьком здании, которое, как айсберг, было на три четверти скрыто от глаз. В подвалах, гораздо более обширных, чем наземная часть, в задумчивой тишине стояли бесчисленные ряды книг. Мис остановился перед причудливыми фресками читального зала.

Он прошептал — здесь можно было говорить только шепотом.

— Мы, кажется, прошли каталог... Я обосную здесь.

Мис раскраснелся, руки его дрожали.

— Мне не хотелось бы отрываться от работы. Торан, вам не трудно будет приносить мне еду сюда?

— Как скажете. Мы во всем готовы помочь. Можем делать для вас расчеты.

— Нет. Я хочу работать один.

— Вы думаете, что найдете то, что нужно?

— Знаю, что найду, — ответил Эблинг Мис со спокойной уверенностью.

Перед Тораном и Байтой впервые за год семейной жизни встала необходимость вести хозяйство. Хозяйство у них получилось необычное: они жили с предельной скромностью среди роскоши. Продукты они выменивали на ферме Сентера на атомные устройства, без которых на корабле можно обойтись.

Магнифико научился манипулировать проектором и стал зачитываться приключенческими и сентиментальными романами, забывая о еде и сне, как Эблинг Мис.

Сам Эблинг с головой ушел в работу. Он настоял, чтобы в отделе психологии для него повесили гамак, и оставался там на ночь. Он побледнел, похудел, перестал кричать и забыл любимые ругательства. Случалось, Мис не узнавал Торана и Байту. Похожим на себя прежнего Мис становился лишь в обществе Магнифико, который приносил ему еду и часто сидел часами, глядя на Миса сосредоточенно и восхищенно. А старый психолог выписывал формулы, листал, подгоняемый ссылками, одну книгу за другой, ходил из угла в угол по комнате, обдумывая новый шаг к цели, ясной лишь ему одному.

Торан застал Байту в темноте и резким голосом окликнул:

— Байта!

Она вздрогнула и виновато спросила:

— Что такое? Я тебе нужна, Тори?

— Разумеется! Что ты здесь делаешь? Ты сама не своя с тех пор, как мы прилетели сюда. Что случилось?

— Тори, перестань, — устало отмахнулась она.

— Перестань, перестань, — передразнил он с досадой и с внезапной нежностью добавил. — Ну, скажи, что случилось, Бай? Я вижу, ты тревожишься.

— Что ты! Тебе кажется, Тори. Не мучь меня постоянными придирками. Я просто думаю.

— О чем?

— Ни о чем. Ну, о Муле, о Хэвене, о Фонде, обо всем. Думаю, найдет ли Эблинг Мис что-нибудь о Втором Фонде и поможет ли нам этот Второй Фонд. Есть о чем подумать. Доволен? — в голосе Байты послышалось раздражение.

— Мне кажется, тебе лучше не думать об этом. Ты нашла себе не самое приятное и полезное занятие.

Байта поднялась с места и слабо улыбнулась:

— Хорошо. Я счастлива. Видишь, я улыбаюсь.

За дверью взволнованно закричал Магнифико:

— Госпожа!

— Что случилось? Неужели...

Байта запнулась, увидев на пороге высокого человека с суровым лицом.

— Притчер! — воскликнул Торан.

— Капитан! — ахнула Байта. — Как вы нас нашли?

Хан Притчер вошел в комнату и ответил бесстрастным, даже безжизненным голосом:

— Я уже полковник... армии Мула.

— Армии Мула! — Торан лишился дара речи.

Некоторое время все молчали. Магнифико, никем не замеченный прошмыгнул в комнату и спрятался у Торана за спиной.

Байта сцепила руки в замок, но они все равно дрожали.

— Вы действительно перешли на их сторону? Вы пришли нас арестовать?

— Нет, я пришел не за этим, — торопливо ответил полковник. — На ваш счет мне не давали никаких инструкций. По отношению к вам я свободен и хотел бы, если позволите, сохранить нашу старую дружбу.

Торан с трудом сдерживал ярость.

— Как вы нас нашли? Значит вы были на «филианском» корабле? Вы следили за нами?

На каменном, бесстрастном лице Притчера, кажется, промелькнуло и сразу же исчезло что-то, похожее на смущение.

— Да, я был на филианском корабле. Я встретил вас — в тот раз — случайно.

— Случайная встреча двух кораблей в космосе почти невозможна!

— Не совсем так. Она маловероятна, поэтому мое утверждение остается в силе. Вы сообщили филианским пограничникам — разумеется, ни такого государства, ни нации не существует — что направляетесь в сектор Трантора, и, поскольку Мул уже наладил связь с Неотрантором, вас там задержали. Правда, вы успели покинуть Неотрантор до моего прибытия туда, но я предупредил фермеров Трантора, чтобы они сообщили мне о вашем приезде. Мне сообщили, и вот я здесь. Позвольте сесть. Поверьте, я пришел как друг.

Он сел. Торан опустил голову и погрузился в мрачные раздумья. Байта готовила чай.

Торан поднял голову и хрипло произнес:

— Чего вы хотите, полковник? Что такое ваша дружба? Вы нас не арестовали, зато взяли под надзор. Зовите своих людей, приказывайте!

Притчер покачал головой и терпеливо пояснил:

— Нет, Торан. Я пришел по своей воле, чтобы поговорить с вами и убедить вас в бесполезности вашего предприятия. Если мне это не удастся, я уйду. Больше мне ничего не нужно.

— Ничего? Отлично. Произносите свою агитационную речь и уходите. Я не хочу чаю, Байта!

Притчер, торжественно кивнув, принял из рук Байты чашку. Отхлебнув чаю, он пронзительно посмотрел на Торана и сказал:

— Мул на самом деле мутант. Его нельзя победить именно вследствие уникальности его мутации.

— Почему? Что это за мутация? — спросил Торан с мрачной усмешкой. — Надеюсь, вы нам скажете.

— Обязательно. Мулу ваша осведомленность не повредит. Видите ли, он способен регулировать эмоциональный баланс человека. Звучит не слишком внушительно, но, поверьте, это великая сила.

— Эмоциональный баланс? — перебила Байта. — Объясните, пожалуйста, что это. Я не совсем понимаю.

— Я имею в виду, что Мулу ничего не стоит вдохнуть в талантливого военачальника, скажем, полную по отношению к нему, Мулу, лояльность и веру в неизбежность победы Мула. Он управляет волей генералов. Мула никто не предает, его армии не отступают. Его враги становятся его союзниками. Военный диктатор Калгана сдал Мулу свою планету и стал его наместником в Фонде.

— А вы, — сказала Байта, — предали свое дело и стали послом Мула на Транторе. Понятно!

— Я не закончил. Еще более умело Мул создает отрицательные эмоции: неуверенность, отчаяние. Вспомните: в критический момент вождей Фонда, а после и вождей Хэвена охватило отчаяние. И Фонд, и Хэвен сдались почти без сопротивления.

— Вы хотите сказать, — с нажимом произнесла Байта, — что чувство, которое я испытала в Хранилище, навеял мне Мул?

— То же чувство он навеял мне. И всем остальным. Наверное, на Хэвене перед капитуляцией творилось то же самое?

Байта отвернулась.

Полковник Притчер продолжал:

— Эта сила действует и на целые миры, и на отдельных людей. Мул может превратить каждого из вас в покорного раба, когда только пожелает.

— Как я могу удостовериться, что вы говорите правду? — медленно проговорил Торан.

— Вы можете объяснить падение Фонда и Хэвена иначе? Вы можете найти причину моего обращения? Подумайте. А что вы, я, вся Галактика смогли противопоставить Мулу за все это время? Ничего.

Торан почувствовал в словах полковника вызов.

— Клянусь Галактикой, нам есть, что ему противопоставить! — выкрикнул он со злобным удовлетворением. — Вы говорили, что ваш чудесный Мул наладил связь с Неотрантором. Так вот, его

связные мертвы или даже хуже. Мы убили принца короны, а второй сошел с ума. Мул не отомстил нам за это, хотя должен был.

— Вы промахнулись. Это были не наши люди. Принц — всего лишь пропитанная вином посредственность. Второй, Коммазон, был феноменально глуп. Он пользовался определенным влиянием в своем мире, но это не мешало ему быть подлым, злобным и абсолютно невежественным. Мулу не нужны такие люди. Они служили прикрытием.

— Но именно они пытались нас задержать.

— Снова нет. У Коммазона был раб по имени Инчни. Это он надоумил Коммазона задержать вас. Он стар, но его жизни хватит на то, чтобы выполнить то, что нам от него нужно. Вам не удалось бы убить его.

Теперь на полковника напустилась Байта. Она так и не притронулась к своей чашке.

— Позвольте, вы сказали, что ваши чувства находятся во власти Мула. Вы верите в Мула и преданы ему. Чего же стоит для нас ваше мнение? Вы потеряли способность объективно мыслить.

— Вы ошибаетесь, — покачал головой Притчер. — Под контролем находятся только эмоции, а разум, как всегда, в моей власти. Безусловно, направления его работы определяются чувствами, но на качество работы разума чувства не влияют. И теперь, освободившись от прежнего эмоционального настроя, я вижу многое яснее, чем раньше.

Я понял, что Мул разработал чрезвычайно тонкий и стоящий план. После того, как меня обратили, я проследил его путь наверх с самого начала. Семь лет назад необычная способность позволила Мулу стать во главе банды какого-то кондотьера. С этой бандой при помощи своего дара он захватил планету. Он присоединял все новые и новые армии и планеты и, наконец, смог захватить Калган. Заняв Калган, он получил мощный флот, с которым уже можно было выступать против Фонда.

Фонд — это ключ к Галактике. В этой области Галактики лучше, чем где бы то ни было, развита промышленность. Поставив себе на службу ядерную энергетику Фонда, Мул стал, фактически, хозяином Галактики. Наша техника и его дар в конце концов заставят остатки империи признать его власть и со временем — после смерти старого сумасшедшего императора — короновать его. Тогда он станет императором не только де-факто, но и де-юре. Найдется ли после этого в Галактике мир, который выступит против него?

За эти семь лет он основал новую империю; иными словами, он сделал за семь лет то, на что Селдон отвел тысячу. Наконец-то в Галактике установится мир и порядок.

Вы не сможете ничего изменить, точно так же, как не сможете остановить вращение планеты, упершись в нее плечом.

За речью Притчера последовало всеобщее долгое молчание. Чай остыл. Полковник допил то, что осталось в его чашке, снова наполнил ее и не спеша опустошил. Торан сердито кусал ноготь. Лицо Байты было бледным, отрешенным и холодным.

— Вы не убедили нас, — сказала она наконец срывающимся голосом. — Если Мулу нужно, пусть приходит сам и агитирует. Вы тоже боролись с обращением до последнего, ведь правда?

— Правда, — торжественно подтвердил Притчер.

— Не лишайте и нас этой привилегии.

Полковник Притчер встал.

— Что ж, я ухожу, — отрывисто сказал он. — Как я и говорил, моя миссия здесь не имеет к вам отношения. Это не акт особого милосердия. Если Мулу понадобится вас задержать, он поручит это другим людям, и вы будете задержаны. Если мне придется участвовать в вашем аресте, я не сделаю больше, чем от меня потребуют.

— Спасибо, — сказала Байта едва слышно.

— Что до Магнифико, то... Магнифико, где ты? Выходи, не бойся...

— Что же Магнифико? — спросила Байта с внезапным воодушевлением.

— Ничего. На его счет я также не имею инструкций. Я слышал, что его разыскивают, но поскольку это поручено не мне, заниматься этим не стану. Мул найдет его в свое время. Ну что, пожмем друг другу руки на прощание?

Байта отрицательно покачала головой. Торан бросил на полковника презрительный взгляд.

Железные плечи полковника чуть опустились. Он пошел к двери, но на пороге обернулся.

— И последнее, — сказал он, — не подумайте, что мне неизвестна причина вашего упорства. Вы ищете Второй Фонд. В свое время Мул примет против вас меры, и тогда ничто вас не спасет. Я знал вас с лучшей стороны и потому попытался помочь вам сейчас. Еще немного — и будет поздно. До свидания.

Салютовав, он вышел.

Байта повернулась к Торану и прошептала:

— Они знают даже о Втором Фонде.

А в укромном уголке библиотеки, освещенном лишь лампочкой проектора, Эблинг Мис, ничего не видя и не слыша вокруг себя, уносился в призрачные миры и что-то победно напевал себе под нос.

25. Смерть психолога

Эблингу Мису оставалось жить три недели.

В течение этих трех недель Байта посетила его трижды. Первый раз она пришла к Мису после визита полковника Притчера. Второй — через неделю, и третий раз — в тот самый день, когда Мис умер.

Полковник Притчер ушел, оставив Торана и Байту в подавленном настроении.

— Тори, давай посоветуемся с Эблингом, — сказала Байта по некотором размышлении.

— Ты думаешь, он чем-то поможет? — хмуро спросил Торан.

— Нас всего двое. Так хочется сбросить хоть часть ответственности. А может быть, он сможет помочь.

— Он уже не тот, что прежде, — возразил Торан. — Вдвое похудел и стал не от мира сего.

Торан покрутил в воздухе растопыренными пальцами, иллюстрируя свою мысль.

— Иногда мне не верится, что он вообще на что-то способен. А чаще мне кажется, что нам никто и ничто не в силах помочь.

— Так нельзя! — крикнула Байта ломающимся голосом. — Не смей так говорить, Тори! Когда я слышу от тебя такие слова, мне кажется, что Мул уже обратил нас. Ну, давай поговорим с Эблингом!

Эблинг Мис поднял голову от стола и посмотрел на них мутными глазами. Его редкие волосы были взлохмачены, а губы сонно чмокали.

— А? Что нужно? — спросил он.

Байта нагнулась к нему.

— Мы вас разбудили? Нам уйти?

— Уйти? Кто это? Байта? Нет, нет, останьтесь. Где стулья? Только что я их видел, — он указал пальцем в угол комнаты.

Торан придвинул два стула. Байта села и взяла ослабевшую руку психолога в свои ладони.

— Доктор, можно с вами поговорить? — она редко употребляла это звание в беседе с Мисом.

— Что случилось? — его отсутствующий взгляд сосредоточился на Байте, на обвисших щеках выступил румянец. — Что случилось?

— Приходил капитан Притчер, — сказала Байта. — Тори, я буду говорить. Вы помните капитана Притчера, доктор?

— Да, да, — Мис потеребил пальцем губы. — Высокий мужчина. Демократ.

— Правильно. Он понял, в чем проявляется мутация Мула. Он был здесь, доктор, и рассказал нам об этом.

— Это не новость. Я уже давно это понял. Разве я вам не говорил? — честно удивился психолог. — Как же я смог забыть?

— Что забыть? — вставил Торан.

— Рассказать о мутации Мула. Он управляет эмоциями. Неужели я не говорил? Как это могло случиться? — он закусил нижнюю губу и задумался.

Через некоторое время мысли Миса вошли в привычную колею, и он вернулся к действительности. Он заговорил, словно в полусне, глядя не на слушателей, а между ними.

— Это очень просто. Здесь не нужны специальные знания. В психоисторической математике это описывается простым уравнением третьего уровня. Впрочем, здесь не нужна математика. Все рассуждения можно с высокой степенью точности передать словами.

Задайтесь вопросом: что может расстроить план Хари Селдона? — он прищурился и заглянул каждому из слушателей в глаза. — каковы были постулаты теории Селдона? Первое: в человеческом обществе в ближайшую тысячу лет не произойдет коренных изменений.

Допустим, к примеру, что где-то в Галактике произошел технический переворот. Скажем, нашли способ более полного использования энергии или открыли что-то новое в электронной нейробиологии. В результате исходные уравнения Селдона окажутся устаревшими. Пока что этого не произошло, не так ли?

Можно допустить, что где-то вне Фонда изобретено новое оружие, способное противостоять разнообразию и мощи фондовского оружия. Это также может вызвать катастрофическое отклонение от плана, хотя с меньшей степенью вероятности. Однако, и этого не случилось.

Депрессор ядерных реакций, изобретенный Мулом, оказался недостаточно действенным против вооружения Фонда. И он остался единственным техническим новшеством, которое предложил Мул.

Селдон сделал еще одно предположение, более спорное, чем первое. Он исходил из того, что реакция людей на воздействия останется постоянной. Доказав, что первое предположение осталось в силе, мы приходим к выводу, что второе не оправдалось. Значит, существует фактор, влияющий на эмоциональные реакции людей, иначе план Селдона не провалился бы. Этот фактор — не что иное, как Мул.

Правильно, как вы считаете? Вы не усматриваете в моих рассуждениях какого-либо противоречия?

— Ни малейшего, Эблинг, — Байта мягкой ладошкой погладила его руку.

Мис радовался, как ребенок.

— Это так легко! Знаете, я иногда сам удивляюсь тому, что происходит в моем сознании. Еще недавно многое было тайной для меня, а сейчас все так ясно. Никаких затруднений. Только начинаю осознавать проблему, как ко мне приходит решение. Все мои предположения подтверждаются, и я иду все дальше и дальше, не ем, не сплю. Меня словно кто-то понукает, я не могу остановиться, — Мис уже не говорил, а шептал.

Он поднес дрожащую, исхудавшую, опутанную голубыми венами руку ко лбу. Его глаза были полны тревоги, которая постепенно угасала и, наконец, совсем прошла.

Спокойным голосом он сказал:

— Значит, я не говорил вам об уникальных способностях Мула? Откуда же вы о них знаете?

— Нам сказал капитан Притчер, — ответила Байта.

— Капитан Притчер? — в голосе Миса звучала обида. — Как он до этого додумался?

— Он уже под контролем Мула. Служит в его армии полковником. Уговаривал и нас сдаться Мулу и для этого рассказал нам то же, что сейчас рассказали вы.

— Значит, Мулу известно, где мы? Я должен спешить. Где Магнифико? Его здесь нет?

— Магнифико спит, — нетерпеливо сказал Торан. — Уже давно за полночь.

— Правда? Тогда... Я спал, когда вы пришли?

— Да, — решительно ответила Байта. — И снова ложитесь. Не смейте работать. Ну-ка, Торан, помоги мне. Не толкайте меня, Эблинг, скажите спасибо, что не тащу вас под душ. Сними с него туфли, Тори. Завтра надо вытащить его на воздух, пока он совсем не зачах. Посмотрите на себя, Эблинг, вы скоро паутиной зарастете. Хотите есть?

Эблинг Мис покачал головой и капризно проворчал:

— Пусть завтра ко мне придет Магнифико.

Байта подоткнула ему под бок одеяло и сказала:

— Завтра к вам приду я с чистым бельем. Вы примете ванну и отправитесь на ферму подышать воздухом.

— Не пойду, — ответил Мис слабым голосом. — Я занят, понимаете?

Его редкие волосы рассыпались по подушке и светились, как нимб. Психолог прошептал тоном заговорщика.

— Разве вы не хотите скорее найти Второй Фонд?

Торан резко повернулся к Мису и присел у его изголовья.

— Вы уже что-то знаете о нем, Эблинг?

Психолог выпростал руку из-под одеяла и слабыми пальцами схватился за рукав Торана.

— Решение о создании Фондов было принято на конференции психологов, председателем которой был Хари Селдон. Торан, я обнаружил материалы конференции. Двадцать пять длинных пленок. Кое-что я уже просмотрел.

— Ну и что?

— На основании этих материалов человеку, хоть что-то смыслящему в психоистории, не составит труда определить координаты нашего Фонда. Если вы умеете читать уравнения, вы постоянно будете сталкиваться с упоминаниями о нем. Упоминаний же о Втором Фонде я до сих пор не встретил. Его почему-то обходили молчанием.

— Значит, он не существует? — нахмурился Торан.

— Кто вам это сказал? — сердито крикнул Мис. — Он безусловно существует. Просто о нем меньше говорят. Не афишируют ни его координат, ни роли в будущей истории Галактики. Понимаете? Второй Фонд главный. От него зависит судьба человечества. Мул еще не победил.

— Пора спать, — распорядилась Байта и выключила свет.

Торан и Байта молча вернулись в свою комнату.

На следующий день Эблинг Мис в последний раз в своей жизни вымылся, переоделся, вдохнул свежий воздух и погрелся под лучами солнца. Вечером он снова спустился в огромное подземелье библиотеки и больше уже не вышел оттуда.

В последующую неделю жизнь шла по заведенному распорядку. Солнце, освещавшее Неотрантор, поблескивало маленькой звездочкой в ночном небе Старого Трантора. Фермеры были заняты весенним севом. В университетском городке было пустынно и тихо. Казалось, что во всей Галактике так же пустынно и тихо, а Мул — не больше, чем страшная сказка.

Так думала Байта, наблюдая, как Торан закуривает сигару и пытается отыскать кусочек неба среди металлических башен и шпилей.

— Хороший день, — сказал Торан.

— Да. Ты ничего не забыл, Тори?

— Кажется, ничего. Полфунта масла, полтора десятка яиц, фасоль — все записано.

— Смотри, как бы тебе не сунули овощей прошлогоднего урожая. Между прочим, ты не видел Магнифико?

— Видел, за завтраком. Сейчас он, наверное, в библиотеке, вместе с Эблингом просматривает книги.

— Ну ладно, не задерживайся. Яйца нужны мне уже к обеду.

Улыбнувшись и помахав рукой на прощанье, Торан отправился на ферму.

Байта смотрела ему вслед, пока он не скрылся в нагромождении металла.

У дверей кухни она остановилась, оглянулась и вошла в колоннаду, ведущую к лифту, который отвез ее в подземелье.

Эблинг Мис, воплощенная жажда познания, прирос к окуляру проектора. Он не оглянулся на звук шагов Байты. Магнифико, свернувшись клубочком, сидел на стуле рядом с Мисом, не сводя с него пронзительного взгляда.

— Магнифико, — тихо позвала Байта.

Магнифико вскочил на ноги и услужливо прошептал:

— Да, моя госпожа?

— Магнифико, Торан ушел на ферму и не скоро вернется, а я забыла дать ему важное поручение. Будь другом, отнеси ему записку.

— С радостью, моя госпожа. Я всегда готов тебе служить, если могу быть хоть чем-то ничтожно полезен.

Байта осталась одна с Эблингом Мисом, который до сих пор даже не двинулся.

— Эблинг, — она положила руку ему на плечо.

— В чем дело? — капризным тоном крикнул психолог, вздрогнув. — Это вы, Байта. Где Магнифико?

— Я отослала его. Мне нужно поговорить с вами наедине, Эблинг, — сказала Байта, подчеркивая каждое слово.

Психолог хотел отвернуться к проектору, но рука, лежащая на плече, неожиданно оказалась сильной и твердой. Мис сильно похудел с тех пор, как начал работать в библиотеке. Трехдневная щетина не скрывала нездоровой желтизны лица, плечи заметно ссутулились.

— Магнифико сидит здесь целыми днями, — начала Байта. — Он не мешает вам, Эблинг?

— Нет-нет, абсолютно! Он сидит очень тихо и не докучает мне вопросами. Иногда приносит пленки. Удивительно, он всегда знает, что мне нужно, словно читает мысли. Не прогоняйте его от меня.

— Эблинг, вас это не настораживает? Вы слышите меня, Эблинг? Вас это не настораживает?

Байта ногой придвинула стул и села напротив психолога, глядя ему прямо в глаза, как будто хотела вырвать оттуда ответ.

— Что вы имеете в виду? — удивился Мис.

— Я имею в виду то, что слышала сначала от капитана Притчера, а затем от вас самого: что Мул управляет эмоциями людей. Не кажется ли вам, что Магнифико является исключением из этого правила?

Ответа не было.

Байта подавила желание хорошенько встряхнуть Миса.

— Что с вами, Эблинг? Очнитесь! Магнифико был шутом Мула. Почему же ему Мул не внушил любви и преданности? Магнифико единственный из видевших Мула, кто ненавидит его.

— Что вы, Бай! Мулу не нужна любовь и преданность Магнифико. Преданным должен быть генерал, а шут должен испытывать к своему господину страх, — голос психолога звучал все увереннее. — Разве вы не замечаете, что Магнифико пребывает в постоянном, чуть ли не патологическом страхе? Неужели вы думаете, что для человека такое состояние естественно? Со стороны Магнифико просто смешон. Наверное, и Мулу был смешон его страх, а кроме того, полезен. Именно страх внушил Магнифико то представление о Муле, которое он распространил по Фонду.

— Вы хотите сказать, что Магнифико говорил о Муле неправду? — спросила Байта.

— Он искренне заблуждался. Его ослепил страх. Мул не супермен, а скорее всего, человек весьма посредственных физических данных, которому забавно было предстать в глазах бедного Магнифико гигантом. Впрочем, — добавил психолог, махнув рукой, — ни Мул, ни Магнифико меня больше не интересует.

— Что же вас интересует?

Мис сбросил руку Байты с плеча и отвернулся к проектору.

— Что вас интересует? — повторила Байта. — Второй Фонд?

Психолог бросил на нее быстрый взгляд.

— Я что-то говорил вам об этом? Не помню. Я еще не готов. Что я вам говорил?

— Ничего, — с силой произнесла Байта. — Но, Галактика, как я хочу, чтобы, вы, наконец, что-то сказали. Я больше не могу ждать! Когда все это кончится?

Эблинг Мис со смутным беспокойством посмотрел на нее.

— Ну, ну, голубушка... Я не хотел вас обидеть. Я иногда забываю, кто мои друзья. Мне кажется, что мне не следует говорить о Втором Фонде вслух, но, поверьте, я скрываюсь от Мула, а не от вас, — он дружески похлопал Байту по плечу.

— Что же вам известно о Втором Фонде?

Мис говорил свистящим шепотом.

— Вы представить себе не можете, как тщательно Селдон маскировал Второй фонд. Материалы конференции нужно читать между строк. Если бы они попали мне в руки месяц назад, когда я не знал, что Второй Фонд — тайна, они оказались бы совершенно бесполезными. Материалы конференции зачастую двусмысленны, среди них много совершенно посторонних документов. Мне кажется, что участники конференции сами не знали, что у Селдона на уме. Я подозреваю, что конференция была организована для отвода глаз, и Селдон один, втайне от всех, создавал свое творение.

— То есть Фонды? — уточнила Байта.

— Нет, Второй Фонд! Наш Фонд — чепуха. Второй Фонд похож на наш только названием, его устройство гораздо сложнее. Он упоминается в материалах конференции, но разработки, свя-

занные с ним, настолько сложны, что я не могу в них разобраться. Еще очень много неясного, но за эту неделю некоторые отдельные фрагменты сложились в моем сознании в смутную общую картину.

Фонд Номер Один был заселен лишь естествоиспытателями. Представители отживающей свой век застойной имперской науки были поставлены перед выбором: развитие или смерть. Селдон не поселил в Первый Фонд ни одного психолога. Это показалось мне странным, и я стал искать объяснение. Официально принято было объяснять этот факт следующим образом. Законы психоистории лучше работают, если люди не знают механизмов их действия и не пытаются изменить свою реакцию в той или иной ситуации. Вам все ясно, голубушка?

— Да, доктор.

— Слушайте внимательно. В Фонде Номер Два были собраны ученые-гуманитарии. Он был зеркальным отображением нашего мира. Там правила не физика — Психология! Вы меня понимаете?

— Нет.

— Подумайте, Байта, поработайте головой. Хари Селдон знал, что его психоистория оперировала вероятностями, а не определенностями. Всегда существовала вероятность ошибки, и с течением времени она росла в геометрической прогрессии. Естественно предположить, что Селдон попытается защититься от ошибки. Наш Фонд, грубо говоря, силен физически. Он способен бороться оружием против оружия, однако, он оказался бессильным против психической атаки со стороны мутанта Мула.

— Ее должны отразить психологи Второго Фонда, — радостно догадалась Байта.

— Да, да, да! Правильно!

— Однако, они еще ничего не предприняли.

— Откуда вы это знаете?

— Я этого не знаю, — подумав, ответила Байта. — А вы видите признаки того, что они действуют?

— Нет. Я еще очень многого не знаю. Второй Фонд, как и наш, не был основан в готовом виде. Мы прошли долгий путь развития, постепенно набирая силу. Кто знает, в какой стадии развития находится сейчас Второй Фонд? Хватит ли у психологов сил, чтобы справиться с Мулом? Осознают ли они опасность? Есть ли у них достойный предводитель?

— Если Второй Фонд живет по плану Селдона, он обязательно должен победить Мула.

— Ах! Вы опять! — Мис поморщился. — Повторяю, что Второй Фонд устроен сложнее нашего. На несколько порядков сложнее, и тем больше для него вероятность ошибки. Если Второй Фонд не

победит Мула — дело плохо. Это будет знаменовать конец человечества как такового.

— Нет.

— Да. Потомки Мула могут унаследовать его психические способности. Тогда Гомо сапиенс не выдержит конкуренции с новым видом. Новый вид займет главенствующее положение, а гомо сапиенс превратится в низшую расу. Разве не так?

— Так.

— Даже если Мул не станет родоначальником биологического вида, он станет правителем новой империи. Она погибнет с его смертью, и все будет так же, как было до его появления, но не будет Фондов, вокруг которых, по плану Селдона, должна возродиться новая, здоровая, империя. Это означает тысячи и тысячи лет варварства.

— Что же делать? Мы можем предупредить Второй Фонд?

— Мы должны это сделать, но как? У нас нет возможности.

— Почему?

— Я не знаю, где находится Второй Фонд. Говорится, что «в противоположном конце Галактики», а там — миллионы миров.

— Неужели здесь, — Байта кивнула на стол, заваленный пленками, — ничего нет?

— Нет, вернее, я не могу найти. Наверное, не зря Селдон его так запрятал. Это что-то значит, — на лице Миса появилось озадаченное выражение. — Знаете, что: мне пора работать. Оставьте меня. У меня мало времени.

Он отвернулся к проектору, раздраженный, с нахмуренными бровями. Послышались легкие шаги Магнифико.

— Твой муж уже дома, госпожа, — сказал он, входя.

Эблинг Мис не заметил прихода шута: он был поглощен чтением.

Вечером Торан, выслушав рассказ Байты, спросил:

— Ты считаешь, что он прав, Бай? Он не... — Торан замялся.

— Прав, Тори. Да, он нездоров. Он переменился, похудел, не узнает нас, забывает, о чем говорил минуту назад — все это так. Но ты послушай, как он говорит о Муле, о Втором Фонде — о том, над чем он работает. Его мысли становятся ясными, как небо в открытом космосе. Он знает, о чем говорит. В этом ему можно верить.

— Значит, есть какая-то надежда, — это был полувопрос.

— Н... не знаю. Не поняла: может быть, есть, а, может быть, нет. На всякий случай буду носить с собой бластер, — говоря, она играла оружием. — Мало ли что может случиться.

— Что?

— Ничего, — истерически засмеялась Байта. — Просто я сошла с ума. Как и Эблинг Мис.

А Эблингу Мису оставалось жить семь дней, и эти семь дней незаметно прошли один за другим.

Торан все это время был словно в полусне. Его околдовали весеннее тепло и царящая в пустынном университете тишина. Торану казалось, что жизнь остановилась и вся Галактика погрузилась в спячку.

Мис был как неведомая планета. Он с головой ушел в книги и не сообщал, как движется работа. Никого к себе не подпускал, кроме Магнифико. Только от Магнифико, непривычно тихого и задумчивого, можно было узнать, что Мис еще существует.

Все больше уходила в себя Байта. От ее прежней живости не осталось и следа, уверенность в себе поколебалась. Она постоянно искала уединения, постоянно была поглощена мрачными мыслями, а однажды Торан застал ее с бластером в руках.

Она поспешно отложила оружие и через силу улыбнулась.

— Что ты с ним делала, Бай?

— Держала. Это преступление?

— Ты когда-нибудь снесешь себе голову.

— Ну и снесу! Невелика потеря!

Опыт семейной жизни показывал Торану, что спорить с женщиной бесполезно, особенно, когда она в таком настроении. Он пожал плечами и ушел.

В последний день к ним в комнату вбежал запыхавшийся Магнифико. В испуге он хватал их за руки.

— Вас зовет ученый доктор! Ему нездоровится!

Ему действительно нездоровилось. Он лежал в постели, широко раскрыв неестественно блестящие глаза. Он был грязен и неузнаваем.

— Эблинг! — вскрикнула Байта.

— Дайте мне сказать, — прохрипел он, с усилием опираясь на локоть. — Дайте сказать. Я закончил работу и хочу передать ее вам. Я не делал записей, редкие черновики я уничтожил. Кроме вас, никто не должен этого знать. Надейтесь лишь на свою память.

— Магнифико, — приказала Байта, — иди наверх!

Шут неохотно встал и сделал шаг назад, глядя на Миса печальными глазами. Мис слабо пошевелил рукой.

— Не страшно, пусть остается. Оставайся, Магнифико.

Шут быстро сел на свое место. Байта, кусая губу, смотрела в пол.

— Я убежден, что Второй Фонд справится с Мулом, — произнес Мис хриплым шепотом, — если в ближайшее время не будет им покорен. Селдон сохранил Второй Фонд в тайне, не следует и сейчас раскрывать эту тайну. В ней есть особый смысл. Вы должны отправиться во Второй Фонд и рассказать то, что

знаете. Это очень важно. От этого зависит судьба всей Галактики. Вы слышите меня?

— Да, да! — вне себя крикнул Торан. — Как туда попасть, Эблинг? Говорите!

— Сейчас скажу, — ответил Мис слабым голосом.

Но не успел.

Байта, бледная как смерть, подняла бластер, и раздался оглушительный выстрел. Верхняя часть туловища Миса и его голова исчезли. В стене зияла рваная дыра. Пальцы Байты разжались, и бластер упал на пол.

26. Поиски закончены

Эхо выстрела забилось о стены, ища выхода. Прежде чем замереть где-то наверху, оно заглушило стук упавшего бластера, задыхающийся визг Магнифико и нечленораздельный вопль Торана. Потом стало очень тихо.

Байта опустила голову. На губу ей упала соленая капля. До сих пор Байта никогда не плакала.

Торан скрипел зубами. Лицо Магнифико превратилось в бледную, безжизненную маску.

Торан чужим голосом с трудом выговорил:

— Значит, ты была с Мулом?

Байта подняла голову, губы ее дрогнули в невеселой улыбке.

— Я была с Мулом? Плохая шутка, Торан.

Сделав усилие, она улыбнулась почти по-прежнему и откинула назад волосы. И голос ее стал почти прежним, когда она заговорила:

— Наконец-то я могу говорить. Не знаю, буду ли я еще жить, но я могу говорить!

— О чем, Бай? — отчаяние Торана сменилось вялым равнодушием.

— О бедствии, которое гналось за нами по пятам. Мы давно это заметили, помнишь? Поражение преследовало нас, но мы всегда отрывались от преследования в самый последний момент. Мы были на Фонде, и он капитулировал, а Независимые еще дрались. Мы вовремя улетели с Термина и успели попасть на Хэвен. Мы были на Хэвене, и он капитулировал, а остальные сопротивлялись. Мы покинули Хэвен как раз перед капитуляцией. А на Неотранторе...

— Не понимаю, — покачал головой Торан.

— Тори, такое бывает только в сказке. Мы маленькие люди, и несколько раз в течение одного года мы оказываемся в центре вселенских политических событий. Это могло произойти лишь в

том случае, если бы мы носили этот центр с собой. И мы действительно носили источник инфекции с собой! Теперь ты понял?

Губы Торана побледнели. Он с ужасом взглянул на окровавленные останки.

— Давай выйдем отсюда, Бай! Выйдем на воздух.

Наверху было пасмурно. Резкими порывами налетал ветер и ерошил волосы Байты. Магнифико выполз вслед за Тораном и Байтой и теперь прислушивался к их разговору с расстояния нескольких шагов.

— Ты убила Миса, — с трудом начал Торан, — потому что решила, что источник инфекции — он? Мул — это был он?

Байта отрывисто засмеялась.

— Бедняга Эблинг — Мул? Галактика, нет! Если бы он был Мул, я не могла бы его убить. Он почувствовал бы эмоции, сопровождающие это намерение, и превратил бы их в любовь, преданность, восхищение, страх — во что угодно. Я убила Эблинга не потому, что он был Мул, а потому, что он собирался выдать Мулу секрет Второго Фонда.

— Собирался выдать Мулу секрет? — тупо повторил Торан. — Мулу, а не...

Торан вскрикнул и обернулся к шуту, который, пораженный услышанным, лежал без сознания.

— ...не Магнифико? — шепотом закончил Торан.

— Тори, ты помнишь, что произошло на Неотранторе? Подумай!

Он качал головой и бормотал что-то несвязное.

— Там умер человек, — устало сказала Байта. — Умер, хотя к нему никто не прикасался. Помнишь? Магнифико играл на визисоноре, а когда закончил, принц короны был мертв. Не странно ли, что человек, который всего боится, который всегда дрожит от страха, вдруг убивает усилием воли.

— Звук определенной частоты и световые эффекты оказывают на нервную систему сильное влияние...

— Ну да, на эмоциональную сферу. А Мул, как известно, управляет именно эмоциональной сферой. Конечно, это может быть совпадением. Но я слышала кусочек композиции, которой Магнифико убил принца. Я услышала совсем немного — самый конец, но мне хватило этого, чтобы испытать то же отчаяние, которое я испытала в Хранилище и в последние дни на Хэвене. Торан, это чувство ни с чем нельзя спутать.

Лицо Торана потемнело.

— Я тоже это чувствовал, только я забыл... как-то не думал...

— Тогда я начала что-то подозревать. Это была всего лишь догадка, мне не на что было опереться. А потом Притчер рассказал нам о мутации Мула, и мне все сразу стало ясно. Мул поверг в

отчаяние всех присутствующих в Хранилище, Магнифико заразил отчаянием Неотрантор. Совершенно одинаковым отчаянием. Значит, Мул и Магнифико — одно и то же лицо. Это ясно, как математическая аксиома. Две величины, порознь равные третьей, равны одна другой.

У Байты начиналась истерика, но она усилием воли взяла себя в руки.

— Я была до смерти напугана своим открытием, — продолжала она. — Если Магнифико — Мул, значит, он может уловить мои эмоции и преобразовать их по своему желанию. Я стала избегать его. К счастью, он тоже не искал моего общества: он занялся Мисом. Я решила убить Миса, прежде чем он успеет что-то сказать. Я старалась держать свое намерение втайне даже от самой себя. Если бы я могла убить самого Мула! Но я не решалась. Он мог заметить это, и все было бы потеряно.

Торан с безнадежностью в голосе сказал:

— Это невероятно. Посмотри на него. Какой он Мул? Он даже не слышит, что мы говорим, так напуган.

Глянув в ту сторону, куда указывал пальцем, Торан обнаружил, что Магнифико стоит на ногах и в глазах его нет и тени привычного испуга.

— Я слышу вас, мой друг, — сказал он без былого акцента. — Просто мне грустно было сознавать, что при всем моем уме и силе предвидения я совершил ошибку и так много потерял!

Торан отдернул руку и отшатнулся, словно испугавшись, что шут коснется его или отравит своим дыханием.

Магнифико кивнул, отвечая на непроизнесенный вопрос.

— Да, Мул — это я.

Его паучьи руки и ноги, его нос, похожий на птичий клюв, уже не казались смешными. Осанка стала гордой, а голос властным. Он был хозяином положения.

— Садитесь, — сказал он снисходительно, — можете принять удобные позы. Игра окончена, и я хочу вам кое-что рассказать. У меня есть одна слабость: хочу, чтобы люди меня понимали.

Он взглянул на Байту печальными, нежными глазами прежнего шута Магнифико и пустился в рассказ, как в плаванье по бурному морю.

— В детстве со мной не происходило ничего, о чем стоило бы рассказывать. Это можно понять. Я худ и мал: что-то не в порядке с железами внутренней секреции. Я родился с этим ужасным носом. У меня не могло быть нормального детства. Я не видел своей матери, не знал отца. Рос как придется, жалел себя и ненавидел остальных. Меня считали странным ребенком. Все избегали: кто из страха, а кто — из отвращения. Было несколько случаев, когда... нет, не стоит! Случилось достаточно странных вещей, чтобы капитану

Притчеру удалось понять, что я мутант. Я это понял, когда стал взрослым.

Торан и Байта, сидя на земле, рассеянно слушали. Шут расхаживал перед ними из стороны в сторону и говорил, глядя под ноги.

— Я очень медленно осознавал свои способности. До самого конца не мог поверить в свою сверхестественную силу. Для меня человек — как пульт, на котором можно дергать рычаги и нажимать кнопки. Нелестное сравнение, но иначе я не могу сказать. Постепенно я понял, что могу безнаказанно дергать эти рычаги, приводя их в нужное положение. Еще через некоторое время — очень значительное — я понял, что другие этого не могут.

И вот, наконец, ко мне пришло сознание силы, а с ним и желание отомстить за унижения, испытанные в детстве. Может быть, вы это сможете понять. Возможно, постараетесь понять. Нелегко быть уродом. Нелегко иметь разум и сознавать, что ты урод, терпеть насмешки и пинки; быть не таким, как все; быть всюду чужим!

Вы никогда этого не испытывали!

Магнифико глянул в небо, покачался на каблуках и продолжал:

— Постепенно я понял, что мы с Галактикой можем поменяться местами. Я решил, что так и будет: двадцать два года я терпел, пусть теперь другие потерпят, а я посмеюсь! Я один. Над миллиардами!

Он украдкой глянул на Байту.

— Однако, у меня есть недостаток. Сам по себе я ничто. Я мог захватить власть лишь руками других. Успех приходил ко мне через посредников — Притчер это верно подметил. Первую планету я захватил с помощью пиратов. Потом я действовал через промышленников, генералов и так далее, вплоть до диктатора Калгана. Вместе с Калганом я получил флот. Потом в моей жизни появились вы и Фонд.

С Фондом мне пришлось нелегко. Для того, чтобы победить его, нужно было уничтожить, разорить или подчинить себе его неимоверно разросшиеся правящие круги. Я не хотел очень активно упражнять свои способности; я делаю это лишь в случае крайней необходимости. Это понятно: сильный человек может поднять пятьсот фунтов, но это не значит, что он захочет делать это каждый день. Я стал искать посредника.

Я знал, что на Калгане должен быть агент Фонда, присланный разведать, что такое Мул. В роли своего шута я бродил по Калгану, ища этого агента. Теперь я знаю, что мне следовало искать капитана Притчера, но, по иронии судьбы, я нашел вас. Да, я телепат, но не на все сто процентов. Ты, моя госпожа, тоже из Фонда, и это сбило меня с толку. Позднее Притчер присоединился к вам, но после первого ошибочного шага все расстроилось.

Торан зашевелился и возмущенно крикнул:

— Постой, постой! Значит, когда я, с одним парализатором защищал тебя от лейтенанта, ты управлял моими эмоциями? — он захлебывался. — Ты хочешь сказать, что управлял мной, как марионеткой, все это время?

Тонкая улыбка заиграла на губах Магнифико.

— Почему бы и нет? Тебе кажется, что это не похоже на правду? Тогда спроси себя, рискнул бы ты жизнью ради странного уродца, если бы был в своем уме? Представляю, как ты потом сам себе удивлялся!

— Да, — отрешенно сказала Байта, — он удивлялся. Я помню.

— В тот момент, — продолжал Мул, — Торан не подвергался ни малейшей опасности. Лейтенант имел приказ в конце концов отпустить вас, а вместе с вами и меня. Мы с капитаном Притчером вылетели на Фонд, и дальнейшие события сами собой сложились благоприятно для меня. Капитана Притчера отдали под трибунал, и я занялся его судьями. Впоследствии они командовали эскадрами, которые сдались мне без боя. Так мой флот выиграл сражение при Орлеггоре и некоторые другие.

Через Притчера я познакомился с доктором Мисом, который принес мне визисонор, значительно облегчив мою задачу. Правда, он принес мне инструмент не совсем по своей воле.

— Вот для чего нужны были концерты! — перебила Байта. — А я все думала, зачем они?

— Да, — сказал Магнифико, — визисонор усиливает мое влияние. Он сам по себе оказывает влияние на эмоциональную сферу человека. Я с его помощью могу управлять либо большим количеством людей, либо одним человеком, но сильнее. Концерты, которые я давал на Термине и Хэвене перед их капитуляцией, способствовали укреплению и распространению пораженческих настроений, которые и без того были сильны. На Неотранторе я не убил бы принца без визисонора, хотя мог бы вызвать у него умственное расстройство.

Самой большой моей находкой был Эблинг Мис. Он мог бы, — начал Магнифико с сожалением, но запнулся и заторопился дальше. — Есть еще одна область человеческой психики, которой я могу управлять. Это интуиция, или ясновидение — называйте, как хотите. Это человеческое качество тоже можно рассматривать как эмоцию. По крайней мере, мне это удается. Вы понимаете?

Он не стал ждать, пока слушатели признаются в непонимании, и продолжал:

— Человеческий мозг работает крайне неэффективно. Обычно используется лишь двадцать процентов мыслительной энергии. Если вдруг в мыслительный процесс включается большая доля энергии, говорят о вдохновении, прозрении, интуиции и так далее. Я

рано обнаружил, что могу заставить мозг человека работать в напряженном режиме. «Подопытного» это изматывает, но зато дает большие результаты. Депрессор ядерных реакций, который я применил против Фонда, был результатом обработки одного калганского инженера...

Эблинг Мис был моей величайшей удачей. У него был огромный потенциал, и он оправдал мои надежды. Еще до войны с Фондом я отправил людей на переговоры с империей. Тогда же я начал поиски Второго Фонда. Разумеется, я его не нашел. Однако, я понимал, что мне необходимо его найти, и я мог это сделать с помощью Эблинга Миса. При его способностях и под моим руководством он мог бы продублировать работу Хари Селдона.

Частично Мису это удалось. Я напрягал его до предела. Это было жестоко, но у меня не было выхода. К концу работы он был полумертв, но остался бы в живых, если бы, — Магнифико запнулся, — мы втроем полетели бы во Второй Фонд, если бы не моя ошибка.

Торан старался говорить как можно жестче:

— Не тяни. Что это за ошибка? Говори, и закончим на этом.

— Ошибкой была твоя жена. Твоя жена — необыкновенный человек. Я таких еще не встречал. Я... Я, — голос Магнифико сорвался, и он с трудом справился с собой. — Я нравился ей без всяких усилий с моей стороны. Я не внушал ей ни смеха, ни отвращения. Она сочувствовала мне. Я ей нравился.

Ты не понимаешь? Ты не представляешь, как много это для меня значило. Никто никогда... и я это ценил. Своими эмоциями я не мог управлять, поэтому не решился вмешиваться и в ее чувства. Мне очень дорого было ее естественное расположение. Это была моя первая ошибка.

Тебя, Торан, я держал под контролем. Ты никогда меня ни в чем не подозревал, ни о чем не спрашивал. Помнишь, нас остановил «филианский» корабль? Он знал наши координаты, потому что я поддерживал связь с моими генералами. Меня тогда позвали к капитану Притчеру, который был на этом корабле пленником. Я обратил его. Когда я ушел, он был уже полковником моей армии. Ты что-то заподозрил было, но легко поверил моему объяснению, полному противоречий. Ты понял, к чему я веду?

Торан, поморщившись, бросил Мулу вызов:

— Как ты поддерживал связь со своими генералами?

— Это было нетрудно. Ультраволновые передатчики малы по размерам и просты в обращении. Засечь меня было невозможно. Если кто-нибудь заставал меня за передачей, я просто вырезал это событие из его памяти.

Вторую ошибку я совершил на Неотранторе. Меня снова подвели собственные чувства. Байта не была у меня под контролем,

но все равно не заподозрила бы меня, если бы я не перегнул палку с принцем. Его намерения по отношению к Байте оскорбили меня. Я убил его, хотя без этого можно было обойтись. Дурацкий поступок.

И все же, если бы я вовремя заткнул рот Притчеру и немножко отвлекся от Миса, чтобы заняться вами, ваши подозрения никогда не переросли бы в уверенность, — он передернул плечами.

— Это все? — спросила Байта.

— Все.

— Что дальше?

— Буду продолжать поиски. Вряд ли мне удастся в нашу эпоху вырождения найти такого способного и образованного человека, как Эблинг Мис, но я попытаюсь добраться до Второго Фонда другим путем. В некотором смысле вы победили меня.

Байта вскочила на ноги и победно крикнула:

— Только ли в некотором? Только ли? Мы победили тебя в полном смысле! Все твои победы за пределами Фонда ничего не стоят, потому что Галактика превратилась в вакуум, в котором живут варвары! И Фонд — не победа, потому что он не был рассчитан на противодействие твоей мутации. Чтобы победить, ты должен победить Второй Фонд, но этого не произойдет. За то время, которое ты потратишь на поиски, Второй Фонд успеет подготовиться к войне с тобой. Ты упустил свой шанс. С этой минуты время работает против тебя. Как знать, может быть, уже готовится оружие, которое убьет тебя. Ты осознаешь поражение, когда будет уже поздно. Ты всего лишь ходульный завоеватель, каких в истории великое множество.

Она тяжело дышала.

— Мы победили тебя, и теперь я готова умереть!

Мул смотрел на нее карими, печальными и любящими, глазами прежнего Магнифико.

— Я не стану вас убивать. Вы не можете причинить мне вреда, а ваша смерть не вернет Эблинга Миса. Я сам виноват в своих ошибках, и мне за них отвечать. Вы свободны. Идите с миром — ради того, что между нами было — ради дружбы.

И с гордостью:

— Все же я Мул, самый могучий человек в Галактике! И я завоюю Второй Фонд!

В ответ Байта выпустила последнюю, ядовитую стрелу:

— Нет! Я верю в мудрость Селдона! Ты будешь первым и последним правителем в династии.

Ее слова задели Магнифико.

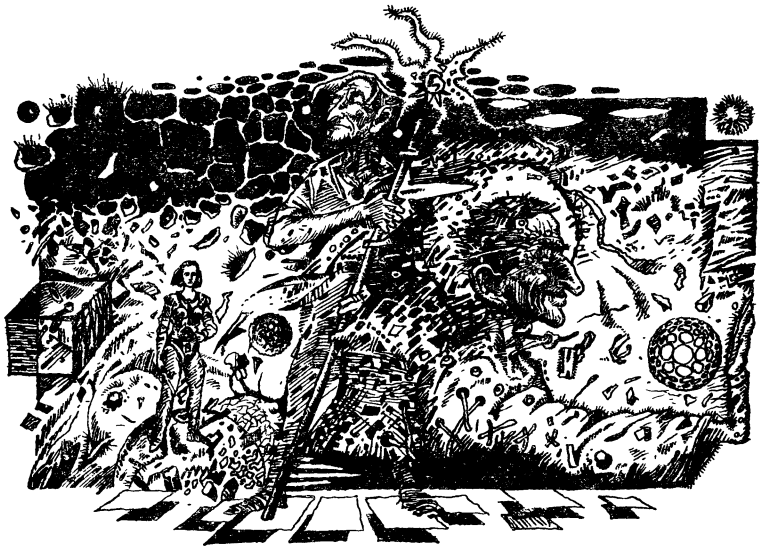
— Династии? Да, я часто думал, что неплохо бы основать династию.

Байта поняла значение его взгляда и в ужасе похолодела.

Магнифико покачал головой.

— Я чувствую твое отвращение, но дело не в этом. Я мог бы легко сделать тебя счастливой. Искусственная любовь и искусственная страсть не отличались бы от настоящих. Здесь дело во мне. Я называю себя Мулом, имея в виду не только силу...*

И он ушел, не оглядываясь.

© Перевод. А. В. Агранович, В. Н. Чернышенко, 1992

---

* Примечание для двоечников: Мул — животное, неспособное к продолжению рода.

ДУБЛЕРЫ

© *Isaac Asimov. Second Fondation.*
London, Hamilton: Panther books, 1964
© Перевод. А. В. Агранович, В. Н. Чернышенко, 1992

Дублеры — это организация ученых-психологов, заселивших окраинную планету Галактики, тайно действующая (согласно плану Селдона) в течение нескольких сотен лет.

Галактическая Империя рухнула, на галактическое владычество стал претендовать опасный мутант Мул.

Наш рассказ — о борьбе мира психологов, известного в Галактике под названием Второго Фонда, сначала с мутантом, а затем с Первым Фондом — миром ученых физиков.

Посвящается Марсии, Джону и Стэну

Пролог

Первая Галактическая Империя существовала несколько десятков тысяч лет. Она объединяла все планеты Галактики под централизованным правлением, временами тираническим, временами мягким, но всегда несущим порядок. Люди забыли, что возможны другие формы правления.

Нашелся человек, который об этом не забыл. Это был Хари Селдон.

Хари Селдон был последним великим ученым Первой империи. Ему принадлежит заслуга полного развития принципов психоистории. Психоистория — это квинтэссенция социологии, это наука, позволяющая описать поведение людей с помощью математических формул.

Селдон обнаружил, что в то время, как поведение отдельного поведение отдельного индивида остается непредсказуемым, реакции больших групп людей поддаются статистическому прогнозу. Чем больше людей участвуют в том или ином общественном процессе, тем точнее прогноз. Селдон составил прогноз поведения всего населения Галактики, которое в то время исчислялось квинтиллионами.

Хари Селдон первым заметил, что империя, внешне могучая и богатая, неизлечимо больна и медленно, но неуклонно движется к краху. Он предсказал, вернее, рассчитал, что Галактика, предоставленная самой себе, обречена на тридцатитысячелетнее прозябание в нищете и анархии, и только после этого можно надеяться на возрождение сильной центральной власти.

Селдон попытался исправить положение, и направить ход событий таким образом, чтобы цивилизованное общество возродилось по прошествии всего лишь тысячи лет. Он организовал две колонии ученых, два Фонда знаний, поместив их в противоположных концах Галактики. Об организации одного из них было объявлено публично. Организация и существование второго фонда были окружены тайной.

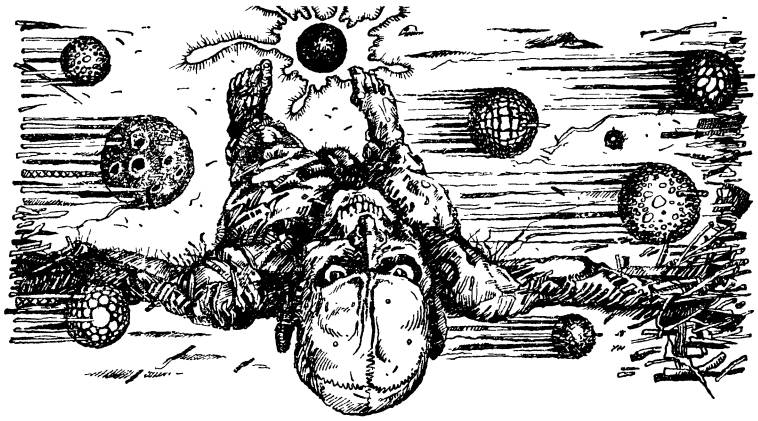
Романы «Основатели» и «Основатели и Империя» рассказывают о первых трех столетиях истории Первого Фонда. В начале своего существования Первый Фонд был небольшим поселением ученых, занятых составлением Галактической Энциклопедии. Постепенно поселение превратилось в самостоятельное государство. Время от времени Фонд оказывался в водовороте кризиса, образованном схлестнувшимися социально-экономическими течениями. Селдон выбрал время и место организации поселения ученых так, что

для Фонда существовал единственный вариант выхода из кризиса. Если Фонд находил этот вариант решения задачи, то перед ним открывались новые перспективы развития.

Вооруженный передовой наукой, Фонд подчинил своему влиянию соседние варварские планеты. Безопасности маленького государства постоянно угрожали правители отколовшихся от Империи провинций. Фонду пришлось столкнуться и с самой Империей, переживавшей правление последнего сильного императора. Из этого столкновения Фонд вышел победителем.

И вот произошло то, чего Селдон не предвидел. Независимости Фонда стал угрожать человек, в силу мутации генов получивший уникальные способности. Этот человек, называющий себя Мулом, обладал способностью преобразовывать человеческие эмоции и вторгаться в мыслительную деятельность человека. Он превращал самых отчаянных противников в самых верных союзников. Армии были бессильны против него. Мул покорил Первый Фонд и частично опроверг теорию Селдона.

Однако, где-то существовал Второй Фонд, ставший для всех необходимым. Мулу нужно было найти Второй Фонд для того, чтобы завоевать его, а вместе с ним — всю Галактику. Патриоты Первого Фонда ищут Второй, чтобы предотвратить завоевание Мулом Галактики. Где же он, таинственный Второй Фонд? Этого не знал никто. Перед вами история поисков Второго Фонда.

ЧАСТЬ I. МУЛ ВЕДЕТ ПОИСК

1. Мул и двое мужчин

МУЛ *— ...вскоре после падения Первого Фонда многим стали видны положительные стороны правления Мула. На фоне окончательного развала первой Галактической Империи он был единственным, кто был способен объединить Галактику под твердой властью. Коммерческая империя покоренного Фонда не была единой и держалась эфемерными связями, которых не упрочивали даже предсказания Селдона. Она была неизмеримо слабее крепко спаянного Союза Миров, в котором Мул объединил одну десятую часть планет и одну пятнадцатую часть населения Галактики. В эпоху так называемого Поиска...*

*Галактическая Энциклопедия**

Это далеко не все, что сообщает Энциклопедия о Муле и его империи, но содержание посвященной Мулу статьи Энциклопедии по большей части не связано прямо с нашим рассказом и слишком сухо для избранного нами жанра. В статье дан анализ экономических условий, приведших к возвышению Мула до Первого Гражданина Союза (это официальный титул Мула), и оценка экономических последствий его возвышения.

---

* Здесь и далее выдержки из Галактической Энциклопедии печатаются по тексту 116-го издания Энциклопедии (1020 год Эры Основателей) с согласия издателя — Энциклопедиа Галактика Паблишинг Кампани.

Авторы статьи не могли не удивляться тому, с какой быстротой Мул прошел путь от нищего сироты до правителя огромной области Галактики. Еще сильнее, наверное, они были удивлены тем, что Мул на пять лет прекратил экспансию в интересах укрепления власти на завоеванной территории. Однако, как положено авторам Энциклопедии, они тщательно скрывали свое отношение к описываемым фактам.

Поэтому мы отказываемся от помощи Энциклопедии и предлагаем читателю наш собственный рассказ об одном из периодов эпохи Великого Междуцарствия, или промежутка времени между распадом первой империи и возникновением второй, — а именно, об окончании пятилетнего периода консолидации Союза Миров.

В Союзе политическое благополучие и экономическое процветание. Никому не хочется менять покой — пусть даже в железной хватке Мула — на хаос прошлых лет. Миры, до Мула бывшие под властью Фонда, иногда испытывают легкую ностальгию по прошлому — не больше. Предводители Фонда, бесполезные для Мула, умерщвлены, а полезные — обращены. Один из самых полезных среди обращенных — Хан Притчер, генерал-лейтенант.

В Фонде Притчер был капитаном и членом демократического подполья. Когда фонд сдался Мулу без боя, Притчер продолжал сопротивление. Разумеется, до тех пор, пока его не обратили. Хан Притчер понимал, что его обратил не высший разум, а мутант, способный перестраивать психику других людей в соответствии со своими потребностями. Однако, это полностью устраивало Притчера, он воспринимал обращение как должное, что свидетельствовало об успехе обращения.

И сейчас, возвращаясь из пятого похода за пределы Союза, ветеран разведки предвкушал встречу с Первым Гражданином с чувством, близким к простодушной радости. Суровое лицо генерала, словно вырубленное из темного гладкого дерева, на котором трудно было представить улыбку, не выдавало его чувств, но Мул не нуждался в их внешних проявлениях: он читал в человеческих душах.

Притчер оставил воздушную машину в бывшем вицекоролевском ангаре и вошел во дворец пешком, как требовалось по этикету. Целую милю он шел по пустой дороге с нарисованной посередине стрелой, указывающей направление движения. Притчер знал, что на всей огромной территории дворца нет ни одного солдата-охранника, ни одного вооруженного человека.

Мулу не нужна была охрана.

Он всегда мог защитить себя сам.

Тишину нарушал лишь звук шагов Притчера. Впереди высился дворец, выстроенный из необычайно легкого и необычайно прочного металла в стиле поздней Империи. Дворец возвышался над всем городом.

А во дворце жил человек, на нечеловеческих способностях которого держалась новая аристократия и весь Союз Миров.

Высокая, массивная дверь распахнулась перед генералом, и Притчер вошел. Перед ним поднималась широкая лестница. Генерал воспользовался лифтом. Он остановился перед скромной дверью, ведущей в личные апартаменты Мула.

Дверь открылась.

Бейл Ченнис не был обращен. Говоря простым языком, его эмоции не были подстроены под желания Мула. Эмоциональная сфера Ченниса определялась наследственностью и полученным в детстве воспитанием. Такое положение дел Бейла вполне устраивало.

Ему еще не было тридцати, но он пользовался широчайшей популярностью в столице. Красота и остроумие принесли Ченнису успех в светском обществе, ум и выдержка послужили ключом к расположению Мула. От сознания своей популярности Бейл получал величайшее удовольствие.

И вот, Мул впервые вызвал его на личную аудиенцию.

Ноги сами несли его по длинному, блестящему шоссе, которое вело к башням из губчатого алюминия — бывшей резиденции калганских вице-королей, правивших от имени старой Империи, и независимых принцев, правивших от собственного имени, — ко дворцу Первого Гражданина Союза, правящего своей собственной империей.

Ченнис шел, напевая веселый мотив. Он знал, о чем пойдет речь — о Втором Фонде, об этом вселенском пугале, которого устрашился сам Мул, перейдя от экспансии к осторожному ожиданию, официально именуемому консолидацией.

В последнее время пошли слухи — а слухи нельзя остановить, — что Мул собирается предпринять новое наступление. Мулу якобы стало известно, где находится Второй Фонд, и он готовится к нападению. Мул заключил какое-то соглашение со Вторым Фондом и поделил с ним Галактику. Мул понял, что Второго Фонда нет, и решил захватить всю Галактику.

Чего только не услышишь в светских гостиных! И это — не в первый раз. Правда, в этот раз слухи передаются уж очень уверенными голосами, а беспокойные души, истосковавшиеся за пять лет застоя по военным походам, приключениям, политическим передрягам, воспрянули, и на лицах их обладателей сияют улыбки.

Бейл Ченнис тоже сиял. Он не боялся мистического Второго Фонда. Поэтому он не боялся и Мула и всюду это выпячивал. Были люди, которые завидовали его молодости и удачливости. Они молча ждали, когда же этот дамский угодник, наконец, поплатится за свое остроумие, расточаемое без меры по поводу внешности Мула и его уединенной жизни. Никто не поддерживал шуток Ченниса и очень

немногие им смеялись, но молодой человек оставался безнаказанным, и популярность его росла.

Шагая по длинному шоссе, Ченнис стал сочинять слова к мотиву, который напевал. Получилась какая-то чепуха: «Кто же, кто же тот герой, что захватит Фонд Второй?».

Вот и дворец.

Высокая, массивная дверь распахнулась, и Ченнис вошел. Перед ним поднималась широкая лестница. Ченнис воспользовался лифтом. Он остановился перед скромной дверью, ведущей в личные апартаменты Мула.

Дверь открылась.

Человек, у которого не было другого имени, кроме имени Мул, и другого титула, кроме титула Первый Гражданин Союза Миров, стоял у стены, прозрачной лишь изнутри, и смотрел на городские крыши и огни.

Сгущались сумерки, на небе проступали звезды, и все эти звезды принадлежали ему.

Он горько улыбнулся этой мысли: они принадлежали человеку, которого мало кто видел.

Мул — человек, на которого не стоит смотреть, ведь на него нельзя смотреть без улыбки. Сто двадцать фунтов веса в пяти футах и восьми дюймах роста. Разве можно назвать руками и ногами эти обтянутые кожей кости, угловато торчащие из безобразно худого туловища? И только клювом можно назвать торчащий на три дюйма вперед нос, в тени которого тонет все лицо.

Только глаза не вписываются в этот гротеск — большие, карие, неожиданно нежные на лице завоевателя Галактики глаза, в которых всегда светится печаль.

А город жил беззаботной жизнью роскошной столицы роскошного мира. Можно было бы учредить столицу на Термине, в самом сильном из завоеванных миров, но Термин расположен на самом краю Галактики. У Калгана стратегическое положение лучшее — он ближе к центру, а, кроме того, здесь многочисленна аристократия, поддерживающая придворные традиции.

Однако, в постоянном веселье, удвоенном процветанием, Мул не находил покоя.

Его боялись, ему повиновались, его даже уважали — на расстоянии. Но все, кроме обращенных, смотрели на него с презрением. А чего стоит любовь обращенных? Она безвкусна! Можно придумать себе десяток титулов, насадить церемонии, но что от этого изменится? Уж лучше — по крайней мере, не хуже — быть просто Первым Гражданином и спрятаться от всех.

Внезапно в его душе поднялась волна протеста. Ни в коем случае! Нужно действовать. Пять лет он сидит на Калгане, привя-

занный постоянной смутной, растворенной в космосе угрозой невидимого и неизвестного Второго Фонда. Ему уже тридцать два. Это еще не старость, но он чувствует ее приближение. Еще сильна воля, а тело слабеет.

Все звезды Галактики: и те, что видны ему, и те, которых он не видит, — должны быть в его власти!

Он должен всем отомстить. Всему человечеству, частью которого сам не является. Всей Галактике, в которой он чужой.

Замигал холодный предупредительный световой сигнал. Мул почувствовал приближение человека, вошедшего во дворец, и обострившимся в сумерках чутьем уловил его радостное настроение. Он без труда узнал гостя. Это был Притчер. Бывший капитан Притчер из бывшего Фонда. Капитан Притчер, которого незаслуженно обходило наградами загнивающее правительство. Капитан Притчер, когда-то мелкий шпион, а теперь генерал. Он, Мул, поднял его из грязи и расширил поле его деятельности до размеров Галактики.

Генерал Притчер, безоговорочно преданный, а когда-то так же безоговорочно мятежный. Впрочем, преданный ли? Он предан не по расчету, не из благодарности, не от чистого сердца, а в силу обращения.

Мул чувствовал этот мощный слой преданности и любви, подавляющий все остальные эмоции Хана Притчера. Он сам привил его пять лет назад. А из глубины души едва пробивались упрямство, горячность, идеализм — настолько обескровленные борьбой с верхним слоем, что сам Мул их с трудом улавливал.

Дверь открылась, и Мул обернулся. Внешняя стена комнаты сделалась непрозрачной, и мягкие сумерки сменились резким белым светом атомных ламп.

Хан Притчер сел на указанное место. На личных аудиенциях у Мула не было ни поклонов, ни коленопреклонений, ни других церемоний. Мул был всего лишь Первый Гражданин, в обращении — «сэр». В его присутствии можно было сидеть; уходя, посетитель мог повернуться к нему спиной.

Хану Притчеру такая скромность нравилась. Он усматривал в ней свидетельство тому, что правитель уверен в своей силе.

— Вчера я получил ваше последнее донесение, — сказал Мул. — Не стану умалчивать о том, Притчер, что я нахожу его несколько пессимистическим.

Генерал сдвинул брови.

— Пожалуй, но собранные мной сведения не подсказали мне иного вывода, сэр. По-видимому, Второго Фонда просто нет.

Мул задумался и медленно покачал головой из стороны в сторону, как случалось уже не раз:

— Эблинг Мис утверждал противное. Я не могу отбросить суждение Эблинга Миса.

Такой разговор происходил между ними не впервые. Притчер настаивал на своем:

— Мис был величайшим психологом Фонда, но в сравнении с Селдоном он ребенок. Работая над трудами Селдона, он находился под вашим влиянием. Вы могли толкнуть его слишком далеко. Он мог ошибиться. Скорее всего, он ошибся.

Мул вздохнул, повертев головой, сидящей на тоненьком стебельке шеи.

— Ах, если бы ему дали пожить еще минуту! Он как раз собирался сказать, где расположен Второй Фонд. Поверьте мне, он знал, где находится Второй Фонд. Мне нельзя было отступать, нельзя было обрекать себя на ожидание. Как много я потерял! Пять лет прошли впустую!

Притчер не был способен осудить недостойные стремления своего правителя: Мул искоренил в нем саму потребность критиковать вождя. Генерал почувствовал смутное беспокойство, граничащее со смущением.

— Как же еще объяснить это, сэр? Я провел пять экспедиций. Маршруты определяли вы сами. Я перевернул каждый астероид в указанных местах. Второй Фонд был якобы основан вместе с первым, хорошо известным нам, триста лет назад. Через сто лет слава о Первом Фонде разошлась по всей Периферии. Еще через пятьдесят лет он стал известен всей Галактике. Прошло триста лет, а о Втором Фонде никто даже не слышал. Где он может прятаться?

— Эблинг Мис сказал, что Второй Фонд на самом деле тщательно скрывался. Только неизвестность могла превратить его слабость в силу.

— Так успешно скрываться может только то, чего в действительности нет.

— Нет! — Мул пронзительно взглянул на собеседника и поднял тонкий палец. — Второй Фонд существует. Нужно изменить тактику.

Притчер нахмурился.

— Сэр, вы хотите сами отправиться на поиски? Я вам этого не советую.

— Что вы! Разумеется, я не полечу. Но вы полетите не один. Вам будут помогать в руководстве экспедицией.

После значительной паузы Притчер спросил несколько отчужденно:

— Кто, сэр?

— На Калгане есть молодой человек по имени Бейл Ченнис.

— Не знаю такого.

— У вас будет возможность с ним познакомиться. У него гибкий ум, он честолюбив и, самое главное, не обращен.

Тяжелая челюсть Притчера дрогнула.

— Не вижу в этом особых преимуществ, сэр.

— Тем не менее, они есть. Вы опытный и умный человек, Притчер. Вы были мне чрезвычайно полезны. Однако, вы обращены. Значит, вами движет верноподданическое чувство ко мне, навязанное мною же. Оно не может заменить того, чего вы лишились, утратив естественные мотивы поведения.

— Мне кажется, сэр, что я ничего не потерял — хмуро сказал Притчер. — Я вспоминаю, каким я был до обращения, и мне кажется, что я ни в чем не стал слабее.

— Конечно, кажется, — губы Мула дрогнули в улыбке. — В этом отношении вы не можете быть объективным. Ченнис честолюбив для себя. Ему можно верить, потому что он не предан никому, кроме себя самого. Он знает, что может выехать на моем успехе, и приложит все силы к тому, чтобы моя власть укрепилась. Тогда он будет ехать долго, проедет много и в конце концов приедет к славе. А вы его чуть-чуть притормозите.

Притчер заупрямился.

— В таком случае, — сказал он, — не лучше ли снять обращение с меня? Я уже не смогу стать вашим врагом.

— Что вы, Притчер! Пока я жив, я буду держать вас под обращением, а жив я буду, пока буду держать вас под обращением. Освободившись, вы тут же меня убьете.

Ноздри генерала дрогнули.

— Мне очень больно, сэр, оттого, что вы обо мне такого мнения.

— Я не хотел вас обидеть. Я не могу вам объяснить, и вам придется поверить, что ваши чувства, освободившись от моего давления, сразу же устремятся в русло естественных мотивов вашего поведения. Человеческое сознание сопротивляется давлению, поэтому гипнотизер не может загипнотизировать человека против его воли. Я могу, потому что я не гипнотизер, а что-то большее, и поверьте мне, Притчер, сопротивление, которое я подавил и которого вы в себе не ощущаете, — страшная сила.

Притчер опустил голову. Он чувствовал себя опустошенным.

— Как вы можете, — произнес он с усилием, — верить этому человеку в той же степени, что и мне, обращенному?

— Вот именно, я не могу доверять ему полностью. Поэтому вы летите с ним. Видите ли, Притчер, — Мул опустился в большое мягкое кресло, в котором стал еще больше похож на куклу, — вдруг он случайно наткнется на Второй Фонд, вдруг он решит, что союз с ним для него выгоднее союза со мной... Вы понимаете?

— Это уже лучше, сэр, — сказал Притчер с явным удовольствием.

— Но помните, ограничивать его инициативу не следует.

— Конечно.

— И еще, Притчер. Молодой человек хорош собой и очень приятен в общении. Не позволяйте ему дурачить вас и старайтесь его не раздражать. Это человек без совести.

Мул снова остался один. Он выключил свет, и стена вновь стала прозрачной. Небо было фиолетовым, а город превратился в золото, разлитое на горизонте.

К чему все это? Что изменится, когда он станет владыкой Вселенной? Высокие, сильные, уверенные в себе мужчины — такие, как Притчер, не сделаются ниже ростом и слабее. А красавцы — такие, как Бейл Ченнис, не станут уродами. И сам он будет тем же, что он есть сейчас.

Довольно! Нельзя поддаваться сомнению!

Снова замигал предупредительный световой сигнал. Снова Мул ощутил приближение человека и снова без труда узнал его. Это был Бейл Ченнис. В нем чувствовалось примитивное своеобразие сильного сознания, не тронутого ничьим влиянием. В нем что-то волновалось и переливалось, но это движение приглушалось разлитой по поверхности настороженностью с легкой примесью циничной наглости. Чуть ниже шло мощное течение самолюбия и самолюбования. Там и сям пробивались роднички жесткого юмора, а подо всем этим — бездна честолюбия.

Мул подумал, что ничего не стоит перегородить одно течение, а другое направить вспять. Ну и что? Если кудрявая голова Ченниса склонится перед ним в обожании, он сам не избавится от своего уродства, которое превращает властелина империи в мрачного отшельника.

Дверь открылась, и Мул обернулся. Внешняя стена сделалась непрозрачной, и темнота сменилась белым светом атомных ламп.

Бейл Ченнис изящно опустился на стул и сказал:

— Честь видеть вас, сэр, не была для меня полной неожиданностью!

Мул растопыренными пальцами почесал нос и спросил с заметным раздражением:

— Почему же?

— Вероятно, я провидец, сэр, иначе придется признать, что я интересуюсь слухами.

— Слухами? У нас их несколько десятков разновидностей. Чем именно вы интересуетесь?

— Теми, которые предсказывают новый поход на Галактику. Я надеюсь, что эти слухи верны и я смогу принять посильное участие в походе.

— Значит, вы считаете, что Второй Фонд существует?

— Почему нет? Это придало бы делу особую прелесть!

— В чем, по-вашему, состоит эта прелесть?

— О! В самой тайне, окутывающей Второй Фонд. Нет более благодатной темы для пересудов. Вот уже несколько месяцев приложения к газетам ни о чем, кроме этого, не пишут. Это что-то значит! «Космос» печатает фантастическую повесть о живых существах, состоящих чуть ли не из сплошного мозга. Имеется в виду Второй Фонд. Так вот, эти существа, по воле автора повести, обладают энергией разума, сравнимой с энергиями, известными физике. Усилием воли эти существа изменяют орбиты планет, отбрасывают космические корабли на сотни световых лет назад.

— Любопытно... Что вы сами об этом думаете? Вы согласны с идеей автора повести?

— Галактика, нет! Неужели такие существа станут сидеть на собственной планете, сэр? Мне кажется, что Второй Фонд скрывается потому, что он слабее, чем мы думаем.

— В таком случае мне нетрудно будет объяснить вам суть дела. Вам не хотелось бы принять участие в экспедиции по поиску Второго Фонда?

Ченнис, очевидно, не ожидал такого быстрого развития событий. Его всегда скорый на ответ язык прирос к гортани.

— Что же вы молчите? — сухо сказал Мул.

Ченнис наморщил лоб.

— Я согласен. Только куда мне лететь? Мне нужно знать хотя бы приблизительное направление.

— С вами полетит генерал Притчер...

— Значит, не я буду руководителем экспедиции?

— Дайте мне договорить, тогда вам все станет ясно. Насколько я знаю, вы не из Фонда. Вы уроженец Калгана, не так ли? Так. Поэтому вы имеете лишь смутное представление о теории Селдона. Когда первая Галактическая Империя начала распадаться, Хари Селдон с группой ученых-психоисториков составил прогноз исторических событий — к сожалению, математический аппарат, с помощью которого делаются такие прогнозы, утерян — и основал два Фонда, по одному в каждом конце Галактики, расположив их так, чтобы в ходе развития истории они послужили центрами кристаллизации новой Империи. Хари Селдон считал, что образование новой Империи должно произойти через тысячу лет при условии создания Фондов науки и через тридцать тысяч лет при условии, что Фондов не будет. Однако, он не предвидел, что появлюсь я. Я мутант, и мое появление предсказать абсолютно невозможно, потому что психоистория оперирует усредненными реакциями больших групп людей. Вам все понятно?

— Понятно, сэр. Но при чем здесь я?

— Сейчас вы и это поймете. Я хочу обогнать Селдона на семьсот лет и объединить Галактику сейчас. Первый Фонд — мир ученых-физиков — процветает под моим владычеством. Если процветание и политическое спокойствие продлятся еще несколько лет,

ядерное оружие, которое разрабатывается там, не будет иметь равных в Галактике, кроме, возможно, оружия Второго Фонда. Поэтому я хочу узнать о Втором Фонде как можно больше. Генерал Притчер придерживается твердого мнения о том, что Второго Фонда нет. Я уверен в обратном.

— Что дает вам такую уверенность, сэр? — осторожно спросил Ченнис.

Мул ответил с неожиданным возмущением:

— То, что сознание обращенных мною людей контролирует кто-то еще! Очень тонко! Очень осторожно! Однако, не настолько осторожно, чтобы это укрылось от меня! И чем дальше, тем чаще. Важные люди в критические моменты выходят из повиновения. Теперь вам не кажется странным, что я избрал осторожную тактику и медлю с наступлением?

Теперь вам ясно, зачем вы мне нужны? Генерал Притчер — лучший из оставшихся у меня людей, значит, его в любой момент могут у меня отнять. А вы не обращены, вас трудно заподозрить в том, что вы — человек Мула. Вы сможете обманывать Второй Фонд дольше, чем мои люди, и, может быть, этого хватит. Вы понимаете?

— М-м-м... да. Простите, сэр, можно задать вам вопрос? Как проявляется постороннее влияние на ваших людей? Вдруг я замечу в генерале Притчере какие-то перемены? Он должен освободиться от обращения? Изменить вам?

— Нет. Повторяю, это вмешательство почти неуловимо. Иногда мне приходится воздерживаться от действия, потому что я не могу определить, заблуждается ли человек, как это свойственно человеку, или им кто-то управляет. Человек остается преданным мне, но притупляется его инициатива и изобретательность. Человек становится бесполезным. За этот год меня лишили шестерых. Шестерых самых лучших, — уголок его рта приподнялся. — Они руководят военными базами. Мне остается только желать, чтобы они не оказались в критической ситуации и перед ними не встала необходимость принять решение.

— Допустим, сэр,.. Допустим, что это не Второй Фонд. Что, если вам вредит другой такой же человек, как вы, — другой мутант?

— Вряд ли. Один человек не действовал бы так продуманно и дальновидно. Это целый мир, и вы должны стать оружием против него.

Глаза Ченниса сияли.

— Я счастлив служить вам, сэр! — сказал он.

Мул уловил его эмоциональный подъем.

— Очевидно, вы поняли, что вам уготована особая роль, за успешное выполнение которой вы вправе ожидать особой награды. Вы можете стать моим преемником. Но в случае измены вас ждет особое наказание, помните это. Я умею внушать не только преданность.

Улыбка Мула стала зловещей, и Ченнис в ужасе вскочил со стула. На долю секунды он почувствовал, как на него опускается отчаяние и давит, причиняя физическую боль. Оно тут же исчезло, оставив после себя облако гнева.

— Гнев здесь бесполезен, — сказал Мул. — Вот видите, вы его почти подавили. Нет? А я вижу. Запомните, я могу сделать вам еще больнее и продержать вас так гораздо дольше. Мне приходилось убивать людей таким способом. Нет смерти мучительней.

Помолчав, он добавил:

— Это все.

Мул снова был один. Он выключил свет, и стена вновь стала прозрачной. Небо было черным, и на бархатном полотне космоса лежала усыпанная блестками лента Млечного Пути.

Все это были звезды, великое множество звезд. Их было так много, что они сливались в одно облако света.

И все они будут принадлежать ему!

Еще одно дело, и можно спать.

Первая интерлюдия

Исполнительный Совет Второго Фонда собрался на заседание. Мы не станем утруждать читателя описанием обстоятельств, при которых проходило заседание, как и перечислением имен и званий присутствующих. Мы не претендуем также на дословную передачу содержания выступлений, так как не хотим, чтобы они остались непонятными читателю.

Членами Исполнительного Совета были психологи, вернее, не просто психологи, а ученые с психологической ориентацией. Это люди, чьи научно-философские воззрения развиваются в совершенно ином направлении по сравнению с любой из известных нам научных концепций. «Психология» в понимании ученых, которые воспитаны на аксиомах, выведенных из данных, полученных средствами физики, не имеет почти ничего общего с ПСИХОЛОГИЕЙ.

Эти две психологии — как двое слепых, которые пытаются объяснить друг другу, что такое красный цвет.

Собравшиеся на заседание отлично понимали друг друга не только в целом, но и в мельчайших частностях. Они не выступали с докладами в принятом у нас значении этого слова. Незаконченную фразу «докладчика» слушатели мысленно продолжали до абзаца. Жест, гримаса, покашливание, даже пауза, выдержанная определенное время, — все было столь же значимо, сколь слова.

Поэтому мы взяли на себя смелость предложить читателю, воспитанному на философии физиков, выступления членов Совета в свободном переводе, что связано с неизбежным риском потерять какие-то оттенки смысла.

Главным в Совете был человек, которого мы назовем Первым Спикером.

— Стало совершенно очевидным, — сказал он, — что именно остановило экспансию Мула. Нельзя назвать сложившуюся ситуацию безоблачной. Мул чуть было не обнаружил нас, подвергнув жесточайшей эксплуатации мозг так называемого психолога. Этот психолог был убит в тот самый момент, когда собирался сообщить о своем открытии. Смерть психолога явилась результатом стечения ряда случайных обстоятельств. Это легко проверить расчетами по формулам Третьей Фазы. Ваше мнение?

Последние слова адресовались Пятому Спикеру.

— Увы, мы не можем управлять ситуацией, — с жесткими интонациями заговорил Пятый Спикер. — Более того, мы не в силах отразить вооруженное нападение, а особенно, если им будет руководить такой феномен, как Мул. Вскоре после покорения Первого Фонда, если быть точными, то через полгода, он был на Транторе. Еще через полгода он был бы у нас с вероятностью победы над нами в девяносто шесть и три десятых процента, плюс-минус пять сотых процента, если быть точными. Мы затратили значительное время на анализ факторов, остановивших его. Нам известно, что двигало Мулом — его физическое уродство и уникальные умственные способности. Приняв во внимание его нетипичное поведение в присутствии симпатизирующего ему лица, мы провели тщательные расчеты, и в Третьей Фазе пришли к заключению, что это возможно и в будущем.

Таким образом, развитие событий определяется случайностью постольку, поскольку случайно присутствие рядом с Мулом симпатизирующего ему человека. Нашим агентам удалось выяснить, что психолога, попавшего под влияние Мула, убила женщина, к которой Мул испытывал доверие и которую поэтому не держал под контролем.

Смерть психолога послужила для нас предупреждением, и с этого момента мы сдерживали Мула нестандартными методами, которые и ставят под угрозу надлежащее исполнение замыслов Селдона. У меня все.

Первый, главный, Спикер помолчал, давая возможность присутствующим осмыслить сказанное, затем сказал:

— Следовательно, ситуация весьма нестабильна. План Селдона на грани краха. В силу недостатка предвидения мы погубили его. Время уходит. У нас остался единственный вариант решения задачи, впрочем, достаточно рискованный.

Мы должны позволить Мулу найти нас — в определенном смысле.

После паузы, во время которой Первый Спикер прислушивался к реакции присутствующих, он сказал:

— Повторяю — в определенном смысле!

2. Двое мужчин без Мула

Корабль был готов к отправлению. Недоставало только маршрута. Мул предлагал лететь на Трантор — в мертвый мир, в пустую скорлупу бывшей столицы Галактики.

Притчер не соглашался: он не раз проделал этот путь, и каждый раз безуспешно.

Притчер застал Ченниса за навигационными приборами. Вьющиеся волосы молодого человека были в милом беспорядке, одна прядь свисала на лоб так хитро, как будто ее долго прилаживали перед зеркалом. Белозубая улыбка, которой Ченнис встретил Притчера, очень шла к прическе. Суровый генерал почувствовал к молодому человеку смутную неприязнь.

— Пока что все совпадает, Притчер! — радостно крикнул Ченнис вместо приветствия.

— Не понимаю, о чем вы, — холодно ответил генерал.

— Берите стул, дружище, садитесь, будем разбираться вместе. Я читаю ваш отчет. Он великолепно составлен.

— Приятно слышать...

— Мне любопытно, совпадут ли наши выводы. Вы когда-нибудь пытались подойти к проблеме с использованием методов дедукции? Конечно, прочесывание Галактики в выбранном наобум направлении со временем даст результат, но когда это произойдет? Вы подсчитывали, сколько времени может занять такой поиск?

— Да, несколько раз.

Притчеру очень не хотелось заискивать перед молодым человеком, но очень хотелось проникнуть в его мысли, неконтролируемые и потому непредсказуемые.

— Давайте рассуждать логически. Что мы ищем?

— Второй Фонд, — хмуро ответил Притчер.

— Мир психологов, — поправил Ченнис, — которые так же слабы в физике, как Первый Фонд — в психологии. Вы житель Первого Фонда и должны понимать, что из этого следует. Нам нужно искать мир, славящийся тонкой дипломатией, но отсталый в техническом отношении.

— Не обязательно, — возразил Притчер. — Союз Миров нельзя назвать технически отсталым, но наш правитель правит именно силой разума.

— Только потому, что опирается на силу оружия Первого Фонда, — с едва заметной досадой ответил Ченнис. — Другого такого клада знаний нет во всей Галактике. Второй Фонд может упражнять способности своих психологов лишь на жалких обломках старой Империи, где не может быть науки, подобной той, которую подчинил себе наш правитель.

— Значит, Второй Фонд должен обладать силой разума, достаточной для того, чтобы подчинить группу соседних миров, но при этом должен быть физически беспомощным?

— Не беспомощным, а сравнительно слабым. Второй Фонд способен защитить себя от деградировавших соседей, но перед современным вооружением армии Мула он, скорее всего, окажется бессильным. Иначе невозможно объяснить, почему триста лет назад Хари Селдон скрывал даже от своих единомышленников расположение Второго Фонда и почему теперь сам Второй Фонд окружает себя тайной. Вспомните, ваш родной Первый Фонд ни от кого не скрывался даже тогда, когда был маленьким, никем не охраняемым городом.

Жесткое лицо Притчера саркастически скривилось.

— По-видимому, вы закончили ваш блестящий анализ. Не желаете изучить список королевств, республик, городов-государств, диктатур, подходящих под ваше определение, и даже под более точное?

— Значит, вы проводили аналогичные рассуждения? — Ченнис не утратил ни капли дерзости.

— Разумеется, хотя не вносили их в дневники экспедиций. Неужели вы думаете, что Мул станет работать методом проб и ошибок?

— Хорошо, — с новым подъемом заговорил молодой человек, — Что вы можете сказать об Олигархии Ница?

Притчер задумчиво потеребил ухо.

— Ница? Что-то знакомое... По-моему, это не совсем периферия... Что-то около трети пути к центру?

— Правильно. Ну и что?

— По имеющимся у нас данным, Второй Фонд должен находиться в противоположном конце Галактики. Это единственное, из чего мы можем исходить. А Ница, кроме того, что находится не в конце Галактики, в угловом измерении отстоит от Первого Фонда на сто десять — сто двадцать градусов, но никак не на сто восемьдесят.

— В имеющихся у вас материалах говорится, кроме того, что Второй Фонд находится у Границы Звезд.

— В Галактике нет области с таким названием.

— Правильно, потому что это название употреблялось лишь населением области и в какой-то момент было изъято из употребления по соображениям секретности. Возможно, дело обстояло совершенно противоположным образом: название было придумано Селдоном из тех же соображений. Вы не улавливаете никакого сходства в названиях Граница Звезд и Ница?

— Слабого созвучия недостаточно для того, чтобы сделать серьезные выводы.

— Вы там были?

— Нет.

— Тем не менее это государство упоминается в дневниках экспедиций.

— Где? Ах, да! Мы останавливались там, чтобы пополнить запасы провизии и воды. В этом мире нет ничего примечательного.

— Вы останавливались на столичной планете?

— Не могу сказать.

Ченнис задумался. Притчер не спускал с него неприязненного взгляда.

— Вы не откажетесь взглянуть вместе со мной в Линзу?

— Нет, конечно.

Линза была новейшим навигационным прибором. Она представляла собой вычислительную машину, выдающую на экран изображение ночного звездного неба, видного из данной точки Галактики. Ченнис ввел в машину исходные данные и выключил свет. Осталась лишь красная лампочка на пульте Линзы. Красные блики ложились на лицо Ченниса. Притчер сидел на месте первого пилота, закинув ногу на ногу. Его лицо растворилось в темноте.

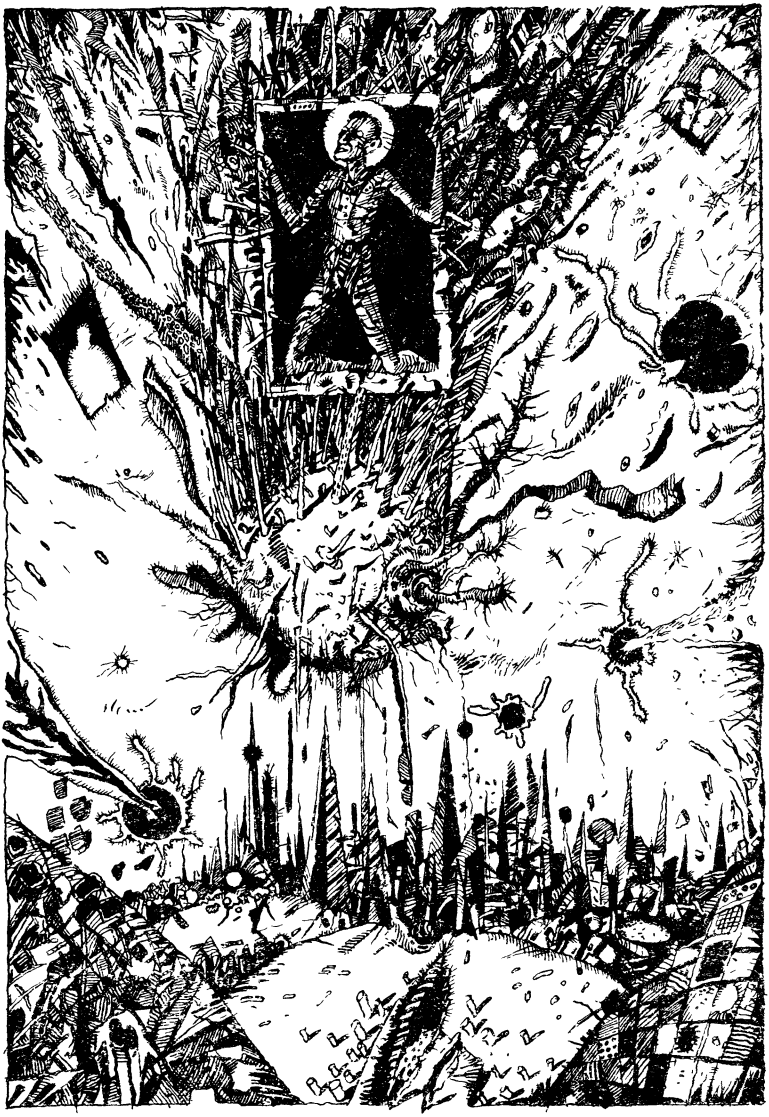
Машина закончила вычисления, и на экране стали проступать пятна света. Постепенно они становились все больше и ярче. Четко выделился центр Галактики.

— Такую картину, — пояснил Ченнис, — можно наблюдать зимней ночью на Транторе. Во всех предыдущих экспедициях отправной точкой считался Первый Фонд. Мне кажется, что ею должен служить Трантор. Трантор был столицей Галактической Империи, и в большей мере культурной и научной столицей, чем политической. Поэтому в девяти случаях из десяти центром координат при навигационных расчетах следует считать Трантор. Вспомните в этой связи, что Хари Селдон, уроженец Геликона, работал со своей психоисторической группой на Транторе.

— Что вы хотите этим сказать? — Притчер ледяным голосом пытался охладить энтузиазм молодого человека.

— Все скажет карта. Вы видите темную туманность? — Ченнис коснулся пальцем экрана в том месте, где в золотом шитье, казалось, была прорезана дырочка. — В стеллаграфическом справочнике она значится под названием Туманности Пеллота. Смотрите внимательно, я увеличиваю изображение.

Притчеру уже приходилось видеть укрупнение изображения, и каждый раз у него при этом захватывало дух. И сейчас ему показалось, что он у пульта корабля, несущегося сквозь скопление звезд и не имеющего возможности уйти в гиперпространство. Звезды мчались из центра экрана прямо на генерала, но, не долетев,

выпадали за рамку. Цельные пятна распадались на пары или россыпи, облачка света превращались в мириады мелких блесток. Ченнис, не останавливая движения, говорил:

— Мы движемся по прямой линии, соединяющей Трантор с туманностью Пеллота, то есть продолжаем смотреть с Трантора. Безусловно, здесь присутствует определенная ошибка, потому что у меня не было возможности учесть рассеяние света. Однако, я уверен, что ошибка пренебрежимо мала.

По экрану разлилась темнота. Ченис сбавил скорость увеличения, и звезды уже не мчались, а неохотно ползли к краю экрана. Их все еще было великое множество, густо рассыпаны они были и за туманностью — огромным, в сотни кубических парсеков, облаком из атомов натрия и кальция, не отражающих света.

— Эту область, — комментировал Ченнис, — жители соседних миров называют Устьем. Это очень важно, так как форму устья область имеет лишь при взгляде на нее со стороны Трантора.

Звезды, прилепившиеся по краю туманности, слились в линию, которая обрисовывала в профиль толстые выпяченные губы.

— Входим в устье, — сказал Ченнис, — и движемся вглубь, вдоль теперь уже единственного луча света.

Снова звезды посыпались за экран, и перед глазами Притчера осталась лишь туманность, прошитая тоненькой золотой ниточкой, по которой двигался палец Ченниса.

— Вот Граница Звезд, — сказал молодой человек. — Ткань туманности здесь тонка и пропускает свет этой звезды в единственном направлении — к Трантору.

— Вы хотите сказать, что... — генерал Мула не договорил, пораженный догадкой.

— Что это Ница — Граница Звезд.

Ченнис включил свет и выключил вычислительную машину. Притчер встал и подошел к Ченнису вплотную.

— Как вы к этому пришли?

— Случайно, — молодой человек откинулся на спинку стула и с недоумением пожал плечами. — Совершенно случайно, но мне эта идея нравится, и я склонен считать ее верной. Кроме того, Ница подходит под наше определение. Это олигархия, объединяющая двадцать семь населенных планет. Технически довольно слабое государство. Политически довольно скромное: не стремится к экспансии и придерживается строгого нейтралитета в разрешении всех политических проблем, возникающих в этой области Галактики. Мне кажется, что нам следует направиться туда.

— Вы сообщили об этом Мулу?

— Нет. А сейчас это невозможно: мы в космосе и готовимся к скачку.

Притчер в ужасе бросился к панели обзора, поспешно настроил ее. Перед глазами был пустой холодный космос. Придя в себя, генерал обернулся. Рука потянулась к курку бластера.

— Кто приказал?

— Я, генерал, — Ченнис впервые обратился к Притчеру по званию. — Мы взлетели, когда рассматривали карту звездного неба. Вы не почувствовали ускорения, потому что я укрупнял изображение, и вы приняли настоящее движение за иллюзию, созданную движением звезд на экране.

— Зачем? Что вам нужно? Значит, все рассуждения о Ницце — ерунда?

— Нет. В этом я вас не обманывал. Сейчас мы летим к Ницце. Мне нужно было взлететь до назначенного срока... Генерал, вы не верите в существование Второго Фонда, а я верю! Вы просто исполняете поручение Мула, а я вижу серьезную опасность. Мы дали Второму Фонду отсрочку в пять лет. За это время он мог подготовиться к борьбе с нами. Я не знаю, каким оружием он будет с нами бороться, но могу предположить, что на Калгане действуют его агенты. Они могут обнаружить, что в моем сознании возникла догадка о том, где находится Второй Фонд. Тогда моей жизни будет угрожать опасность, а мне очень дорога жизнь. Вот я и принял меры по ее защите. О Ницце не знает никто, кроме вас, да и вы узнали о ней, находясь в космосе. Впрочем, есть еще экипаж... — Ченнис снисходительно улыбнулся, чувствуя себя полным хозяином положения.

Рука Притчера бессильно опустилась, и генерал ощутил смутное беспокойство. Что мешает ему действовать? Чем скована его воля? Ведь было время, когда он был мятежным, опальным капитаном армии Первого Фонда, когда он был способен на более решительные и отчаянные поступки, чем Ченнис. Неужели Мул прав? Неужели его преобразованное сознание настолько отравилось послушанием, что неспособно породить инициативу? Генерал ощутил подавленность и бесконечную усталость.

— Ловко сработано, — одобрил он, — и все же в дальнейшем вам лучше советоваться со мной перед принятием подобных решений.

Замигал какой-то сигнал.

— Это из машинного отделения, — небрежно бросил Ченнис, — обещали за пять минут предупредить о скачке и дать знать, если что не так. Останетесь на хозяйстве?

Притчер молча кивнул и, оставшись в одиночестве, задумался о зле, которое несет человеку старость. На панели обзора сверкали редкие звезды. У края разливалось молоко Галактики. Освободиться бы от влияния Мула...

Генерал испугался этой мысли и прогнал ее...

...Шеф-инженер Гекслани испытующе взглянул на молодого человека, который был без формы, но держался с апломбом офицера и, кажется, на самом деле был облечен властью. Гекслани, с младых ногтей служивший во флоте, привык к тому, что власть принадлежит человеку с погонами.

Правда, этого человека назначил Мул, а Мулу всегда принадлежит последнее слово. Мул — это абсолютная истина. Даже подсознательно Гекслани в этом не сомневался. Он был прочно обращен.

Молча он протянул Ченнису небольшой овальный предмет. Ченнис взял его в руку и одобрительно улыбнулся.

— Вы из Фонда, шеф?

— Да, сэр. До того, как Первый Гражданин взял власть, я служил во флоте Фонда восемнадцать лет.

— Инженерному делу учились в Фонде?

— В Центральной Школе на Анакреоне, сэр. Получил квалификацию первого класса.

— Неплохо. А это вы нашли в аппарате связи, там, куда я просил посмотреть?

— Да, сэр.

— Это деталь аппарата?

— Нет, сэр.

— Что же это?

— Метка, сэр.

— Я не учился в Центральной Технической школе. Объясните подробнее.

— Это устройство, которое должно показывать координаты корабля при скачке через гиперпространство.

— Оно позволяет за нами следить?

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Это недавнее изобретение?

— Да, сэр.

— Разработано одним из новых исследовательских институтов, учрежденных Первым Гражданином? Принцип действия — государственная тайна?

— Да, сэр.

Ченнис несколько секунд играл меткой, затем протянул ее инженеру.

— Положите ее на то самое место, где нашли, и точно так же, как лежала. Ясно? И забудьте о ее существовании.

Шеф-инженер с трудом удержался от салюта, резко повернулся и вышел.

Корабль несся по Галактике, чертя прерывистую линию. Пропуски соответствовали скачкам, покрывающим около ста световых лет, а штрихи — участкам нормального полета протяженностью от десяти до шестидесяти световых секунд.

Бейл Ченнис сел к пульту Линзы и, как всегда, испытал чувство, близкое к благоговению. Он не был уроженцем Фонда, и волшебство, свершавшееся при повороте рычага или нажатии кнопки, еще не стало для него привычным.

Линза вряд ли приелась бы и уроженцу Фонда. В ее небольшом корпусе было такое множество электронных схем, что на экране умещалось сто миллионов отдельных звезд и точно воспроизводилось их взаимное расположение. И это еще не было пределом возможностей машины. Она могла развернуть заданный участок карты звездного неба по любой из пространственных осей и повернуть его на любой угол относительно заданной точки.

Линза совершила переворот в межзвездной навигации. До изобретения Линзы каждому скачку предшествовал расчет, занимавший значительное время — от одного дня до одной недели. Большая часть этого времени уходила на вычисление координат корабля. Нужно было найти по меньшей мере три звезды, положение которых относительно произвольно выбранного центра координат было бы известно, и определить положение корабля относительно этих звезд.

Вся соль заключалась в поиске этих трех звезд. Для человека, привыкшего видеть Галактику из определенной точки, каждая звезда имеет свое лицо. Но прыгни на десять парсеков — и не узнаешь, а, может, даже не увидишь собственного солнца. Приходилось прибегать к спектральному анализу. Составлялись каталоги «световых автографов» звезд, на их основе разрабатывались стандартные маршруты. Межзвездная навигация превращалась из искусства в науку. В эпоху Фонда усовершенствовались вычислительные машины, появились новые методы получения и классификации спектров, и все же на поиск трех знакомых звезд в незнакомой области уходило порой несколько дней.

С появлением Линзы все изменилось. Во-первых, ей требовалась только одна знакомая звезда. Во-вторых, Линзой мог управлять даже такой профан в технике, как Ченнис.

По результатам предыдущего скачка ближайшая знакомая звезда была Винцетори, а на панели обзора, в самом центре, горела яркая звезда. Ченнис надеялся, что это именно Винцетори. Осторожно нажимая клавиши, он ввел координаты Винцетори. На экране Линзы появилась яркая звезда, в остальном сходства с изображением на панели обзора не оказалось. Бейл Ченнис развернул карту по оси Z и посмотрел на фотометры. Обе звезды оказались одинаковой яркости. Ченнис выбрал на панели обзора другую звезду примерно такой же яркости и постарался найти ее на карте. Повернул карту на соответствующий угол, скривил рот: не то. Повернул еще, примерив еще одну яркую звезду, потом еще. Вот

оно! Конечно, какой-нибудь космический волк установил бы соответствие между картой и панелью обзора с первой попытки, а он, Ченнис, установил только с третьей, но это тоже вполне прилично.

Осталось разобраться с двойными звездами и установить точное соответствие. Это не отняло много времени, и вот уже готовы координаты корабля. На все ушло не более получаса.

Хан Притчер был в своей комнате и, по-видимому, готовился ко сну.

— Есть новости? — спросил он.

— Если это для вас новость, то следующий скачок приведет нас в Ницу.

— Знаю.

— Не хотел вас беспокоить, но мне любопытно, просмотрели вы пленку, которую мы прихватили в Силе?

Хан Притчер бросил презрительный взгляд на предмет разговора, лежащий на полке в черном футляре, и ответил:

— Да.

— Что вы можете сказать?

— Что тут скажешь? В этой части Галактики даже историков толковых нет.

Ченнис широко улыбнулся.

— Понимаю, понимаю... Скучновато?

— Отчего же; если вы интересуетесь биографиями монархов, то даже занимательно. Просто бесполезно: когда историк занимается отдельной личностью, он изображает ее либо в беспросветно черном, либо в приторно розовом свете, в зависимости от своих интересов.

— В книге идет речь о Нице. Именно поэтому я ее вам дал. Это единственная книга, в которой сказано о Нице несколько слов.

— Верно, немного сказано. Ница пережила десяток хороших правителей, полдесятка плохих, выиграла какие-то сражения, какие-то проиграла. Ничего особенного.

— Вы кое-что упустили. Вам не бросилось в глаза, что Ница никогда ни с кем не образовывала коалиций? Она всегда стояла в стороне от политических интриг. Да, правильно, завоевала несколько планет, но почему-то остановилась. Похоже, что Ница старалась не привлекать к себе внимания, а воевала в случае крайней необходимости.

— Что ж, — равнодушно сказал генерал, — я не возражаю против посадки. В худшем случае, потеряем время.

— О, нет! В худшем случае мы потерпим полное поражение. — Если это Второй Фонд, то это мир тысяч и тысяч Мулов.

— Что вы собираетесь делать?

— Приземлиться на какой-нибудь провинциальной планете. Как можно больше узнать о Нице и исходя из этого действовать.

— Отлично. Не возражаю. Выключите свет, будьте добры.

Ченнис взмахнул на прощание рукой и вышел.

Генерал Притчер долго не мог заснуть. Беспокойные мысли не оставляли его.

Если все, с чем так трудно было согласиться, верно — а факты говорят, что верно, — то Ница — не что иное, как Второй Фонд. Невероятно. Такой неприметный мир! Ничем не отличающийся от варварских миров, на которые рассыпалась погибшая империя. Генералу вспомнилось, с каким лицом и каким голосом Мул говорил о психологе Эблинге Мисе — о человеке, который раскрыл тайну Второго Фонда. Мул был бледен и голос его срывался: «Мне показалось, что открытие ошеломило Миса. Складывалось впечатление, что Второй Фонд либо превзошел ожидания Миса, либо обманул их. Если бы я мог прочесть его мысли, а не только чувства! Чувства же я видел ясно: самым сильным из них было удивление.»

Удивление — ключевая нота. Во Втором Фонде есть что-то в первую очередь неожиданное. Как этот мальчишка, конфетный красавец, разглядел в неприметной Нице что-то неожиданное? Ведь он прав, здесь что-то есть...

Последняя сознательная мысль Притчера была несколько злорадной. Метку в аппарате связи никто не заметил.

Вторая интерлюдия

Это был случайный разговор в вестибюле Совета. Члены Совета спешили заняться повседневными делами и обменялись лишь парой взглядов и гримас.

— Мул переходит в наступление.

— Да, я тоже слышал. Опасно, очень опасно.

— Если все пойдет по плану, нам ничто не угрожает.

— Мул необычный человек. Он замечает, когда мы пытаемся управлять его орудиями. Говорят, он уже знает, кого из его людей мы пытались перехватить.

— Тем не менее, нужно пытаться. Другого пути нет.

— Можно вторгаться в неконтролируемые умы, но Мул старается контролировать каждого, кто занимает хоть сколько-нибудь ответственный пост...

Лестница кончилась. Все стали расходиться по своим кабинетам.

3. Двое мужчин и крестьянин

Россем был одним из окраинных миров, до которых редко докатываются политические потрясения и о которых зачастую не знают жители других, более счастливых и заметных планет.

В последние дни Империи планета служила местом ссылки политических преступников, на ней стоял небольшой гарнизон и обсерватория. Еще до Хари Селдона обыватели, уставшие от длящихся десятилетиями войн, грабежей, дворцовых переворотов, бежавшие из неприютных столиц в поисках мира и покоя, стали оседать на Россеме.

На холодных пустошах выросли деревни. Солнце, маленький красный скряга, старалось сохранить все тепло для себя; девять месяцев в году на Россеме шел снег. В эти девять месяцев крепкое местное зерно спало под снегом; когда же солнце, неохотно расставаясь с теплом, все же нагревало воздух до пятидесяти градусов*, зерно пробивалось, росло и вызревало с лихорадочной поспешностью.

На лугах паслись маленькие, похожие на коз, животные, трехпалыми копытами выкапывая из-под снега траву.

У жителей Россема был свой хлеб и свое молоко, а иногда и мясо. Леса экваториальной зоны давали твердую мелковолокнистую древесину для строительства. Древесиной можно было даже торговать. Была еще пушнина и руды. Взамен из Империи привозили сельскохозяйственную технику, атомные обогреватели и телевизионное оборудование. Последнее было совсем не лишним, так как зимой крестьянину делать нечего.

Жизнь шла мимо Россема. Иногда новости приходили с торговыми кораблями, иногда — со случайными беженцами. Иногда появлялись большие партии беженцев, рассказывали захватывающие новости. Только так россемские крестьяне узнавали о жестоких сражениях, об убитых заложниках, об императорах-тиранах и мятежных вице-королях. Они вздыхали, качали головами и, философствуя на деревенских площадях, грели замерзшие носы в воротниках.

Потом торговые корабли перестали появляться, и жизнь стала суровей. Кончились запасы мягкого импортного дерева, табака, техники. Телевизоры говорили недомолвками или открыто пугали. Потом пронеслась весть о том, что разгромлен Трантор. Столица Галактики, величественный, роскошный, легендарный, недоступный, ни с чем не сравнимый дом императоров разграблен, разрушен и поруган! Это было что-то непостижимое, и многим крестьянам казалось, что не за горами конец света.

Этот день был не похож на другие. Снова прилетел корабль. Деревенские старики важно кивали и перешептывались. Во времена наших отцов, говорили они, происходило то же самое.

Корабль был чужой. На нем не сверкали Солнце и Звездолет. Это была развалина, собранная из нескольких старых кораблей. Вышедшие из корабля солдаты объявили себя солдатами Ницы.

---

* По шкале Фаренгейта

Крестьяне растерялись. Они не слышали ни о какой Ницe, однако оказали солдатам традиционное гостеприимство. Солдаты стали расспрашивать о природе планеты, о числе жителей, количестве городов, которые крестьяне перепутали с деревнями, вызвав всеобщее смущение, о характере экономики и тому подобном.

После этого прилетали другие корабли; на Россеме стало известно, что Ница — их новый столичный мир, и в его пользу в качестве оброка будет ежегодно взиматься определенное количество меха и зерна.

Крестьяне важно моргали, не зная, что такое оброк. Когда пришло время уплаты оброка, многие уплатили, а многие в недоумении стояли и смотрели, как одетые в военную форму инопланетяне грузят в большие машины зерно и шкуры.

Там и сям возмущенные крестьяне собирались кучками и доставали из сундуков старинное охотничье оружие, но из этого ничего не вышло. Когда приходили люди с Ницы, крестьяне, ворча, разбредались. В этот год борьба за существование была еще более жестокой, чем всегда.

Постепенно установилось новое равновесие. Губернатор поселился в деревне Джентри, изгнав оттуда всех местных жителей. Ни он, ни его чиновники в других деревнях не появлялись. Сборщики оброка были из местных, их запомнили и при их появлении прятали зерно, угоняли скот в леса и старались не хвастаться достатком. Тупо уставясь на сборщика, крестьяне разводили руками и кивали на скудную утварь.

Сборщики стали появляться все реже, словно Ница спасовала перед упрямым деревенским миром.

Возобновилась торговля: Ница, очевидно, поняла, что это выгоднее вымогательства. Товары, привозимые из Ницы, были похуже тех, что когда-то давала Империя, но при скудости местных запасов оказывались весьма кстати. Кроме всего прочего, Ница поставляла на Россем красивую женскую одежду.

И снова история свершалась где-то в стороне, а россемские крестьяне невозмутимо ковыряли холодную землю.

Выйдя за порог, Нарови присвистнул. На землю падали первые снежинки, солнце слабо розовело в мутном небе. Осмотревшись, Нарови решил, что бури не будет. Можно съездить в Джентри и обменять излишек зерна на консервы. Он открыл дверь, стараясь заскрипеть как можно громче, и рявкнул в дом:

— Эй, парень, машина заправлена?

Из глубины дома что-то крикнули в ответ, и вскоре к Нарови вышел старший сын.

— Машина заправлена, — угрюмо сказал он, — мотор работает, а оси не в порядке. Только я здесь ни при чем. Я тебя давно предупреждал, что требуется серьезный ремонт.

Крестьянин отступил на шаг, окинул сына сердитым взглядом из-под насупленных бровей и выставил вперед бороду:

— Значит, я виноват? Чем прикажешь платить за серьезный ремонт? Разве в этом году, и в прошлом, и в позапрошлом я собрал богатый урожай? Разве в моем стаде не было падежа? Разве град...

— Нарови! — знакомый голос заставил его замолчать на полуслове.

— Вечно твоя мать вмешивается, — вздохнул он. — Выведи машину и проверь, хорошо ли держится прицеп.

Он похлопал руками в рукавицах и посмотрел на небо. Солнце спряталось, собирались тучи. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь них, не давал тепла. И вдруг Нарови заметил...

— Жена! — завопил он, забыв о морозе. — Старуха! Иди сюда.

Возмущенная «старуха» высунулась из окна. Глянув туда, куда указывал пальцем муж, она ахнула и, отскочив от окна, затопала вниз по лестнице. Запыхавшись, она выскочила на порог, на ходу запахивая шубу и поправляя платок.

— Это корабль из дальнего космоса! — выдохнула женщина.

— Ясное дело, корабль! — презрительно фыркнул Нарови. — К нам летят гости, старуха, гости.

Корабль медленно опускался на холодное поле на севере фермы Нарови.

— Что делать? — очнулась женщина. — Мы не можем оказать этим людям гостеприимства. Мне нечего им предложить, кроме крошек вчерашнего пирога!

— Ты хочешь, чтобы они пошли к соседям? — красное от мороза лицо крестьянина покраснело еще сильнее, теперь уже от гнева.

Но тут же он успокоился и окоченевшими руками обнял широкие плечи жены.

— Душенька, — промурлыкал он, — пожалуйста, вынеси в гостиную стулья из нашей комнаты, испеки новый пирог и зажарь жирную скотинку с клубнями. А я пойду встречать пришельцев из космоса, — Нарови сдвинул шапку на лоб, почесал в затылке и решился. — А еще я принесу бочонок браги. Приятно иногда выпить горячительного.

Пока Нарови говорил, его жена беззвучно шлепала губами, не в силах произнести ни слова. В конце концов она совладала с голосом, но слов по-прежнему не было, и она проскрипела что-то невнятное.

Нарови наставительно поднял палец.

— Старуха, ты помнишь, что говорили старейшины неделю тому назад? Пошевели мозгами. Они сами ходили из дома в дом — а это что-нибудь, да значит — и говорили, что если кто увидит корабль из дальнего космоса, пусть сразу же сообщит губернатору.

Как же я могу упустить такую возможность выслужиться! Глянь на этот корабль! Ты когда-нибудь видела такой? Наверное, гости из дальнего космоса очень важные и богатые люди, если губернатор просит предупредить его о них, а старейшины по такому морозу сами ходят по деревне. Наверное, лорды из Ницы очень ждут гостей, а они приземлились на моем поле!

Он чуть не прыгал от волнения.

— Примем их как следует, наша фамилия станет известна губернатору, а там — все будет наше!

Женщина вдруг почувствовала, что слишком легко одета. Она шагнула в дом, бросив через плечо:

— Ну, давай, скорей!

Нарови не слышал. Он уже бежал по полю к тому месту, где сел корабль.

Генерала Хана Притчера не беспокоил ни холод, ни бледный ландшафт, ни общество потного крестьянина. Его мучил другой вопрос: разумно ли они с Ченнисом поступили? Они были здесь совершенно одни. Корабль поднялся в космос и в случае чего не даст себя в обиду, но даже это не утешало генерала. А все из-за Ченниса. Притчер посмотрел на молодого человека и увидел, что тот перемигивается с женщиной, которая подглядывает в щель между половинками обитой мехом двери.

Ага, делает вид, что чувствует себя непринужденно. Притчер почувствовал удовлетворение. В первый раз события приняли несколько иной оборот, чем хотелось бы Ченнису. И вот, они оба собственные заложники. Единственна связь с кораблем — ультраволновые наручные передатчики.

Хозяин тем временем широко улыбнулся, наклонил голову сначала к одному плечу, затем к другому и масляным голосом проговорил.

— Благородные господа, позвольте сообщить вам, что мой старший сын — достойный и умный юноша, которому моя бедность не позволяет получить образование по уму, — только что предупредил меня, что скоро сюда придут старейшины. Я надеюсь, что вам было приятно у меня погостить, ведь я предложил вам все, что только может предложить гостям такой бедный, хотя работящий и честный — это вам всякий скажет — крестьянин, как я.

— Старейшины? — небрежно переспросил Ченнис. — Это ваше местное правительство?

— Да, благородные господа, и все они — достойные, честные люди. Наша деревня славится на весь Россем честностью жителей, хотя жизнь здесь тяжела, а урожаи скудны. Может быть вы, господа, скажете старейшинам, какой почет и гостеприимство я вам оказал, и, может случиться, они попросят для нас новую машину. На машине держится все наше хозяйство, а наша старая еле ползает.

Крестьянин заискивающе взглянул на гостей, и Хан Притчер кивнул ему важно и снисходительно, как полагалось «благородному господину».

— Старейшины узнают о вашем гостеприимстве.

Хозяин вышел из комнаты, и Притчер воспользовался этим, чтобы переговорить с Ченнисом.

— Не могу сказать, что меня радует мысль о встрече со старейшинами, — сказал он. — Как вы к этому относитесь?

Ченнис встрепенулся и удивленно спросил:

— Вы волнуетесь? Что случилось?

— Мне кажется, нам не стоит привлекать всеобщее внимание.

Ченнис заговорил торопливо, тихо и монотонно.

— Притчер, иначе нельзя. Нужно рисковать, иначе мы никогда не выйдем на нужных людей. Люди, правящие силой разума, не обязательно должны обладать явной властью. Кроме того, психологи Второго Фонда наверняка составляют очень незначительную долю от общего населения, точно так же, как в Первом Фонде немного ученых и инженеров. А все остальные — обычные люди.

Возможно, психологи скрываются, и люди, занимающие какие-то посты, могут честно считать себя настоящими правителями. Встретившись со старейшинами, мы можем выяснить, как обстоят дела.

— Не понимаю.

— Позвольте, это очевидно! Ница — огромный мир, населенный миллионами и сотнями миллионов людей. Как найти среди них психологов, чтобы удостовериться, что мы нашли Второй Фонд?

Здесь же, в этом маленьком промерзшем мире, по словам нашего хозяина, все правители живут в одной деревне — Джентри. Их там не больше нескольких сотен. Среди них обязательно должно быть несколько человек из Второго Фонда. Мы должны туда наведаться, но сначала нужно встретиться со старейшинами.

Вернулся возбужденный хозяин, и они отвернулись друг от друга.

— Благородные господа, идут старейшины. Я еще раз прошу вас замолвить за меня словечко, — крестьянин угодливо поклонился.

— Непременно, непременно, — сказал Ченнис. — Это они?

В комнату вошли трое. Один из них выступил вперед, поклонился с уважением и с достоинством сказал:

— Досточтимые господа, нас ждет машина. Окажите нам честь: проследуйте с нами в Совет.

Третья интерлюдия

Первый Спикер задумчиво смотрел в ночное небо. Лохматые облака закрывали звезды. Космос излучал враждебность. Он всегда был холодным и грозным, а теперь где-то в его глубинах скрывается загадочный Мул. Первому Спикеру казалось, что космическая материя стала чернее и плотнее.

Недолгое заседание окончилось. Обсуждался все тот же вопрос — как бороться с мутантом. Проверялись и перепроверялись расчеты.

Можно ли быть в чем-то уверенным? Где сейчас Мул? Что он предпримет?

С людьми Мула разобраться нетрудно. Их реакции полностью предсказуемы, и сейчас они делают то, чего от них ожидали. Но сам Мул...

4. Двое мужчин и старейшины

Старейшины той местности Россема, где оказались Притчер и Ченнис, представляли собой не совсем то, что подразумевается под словами «деревенские старейшины». Они на самом деле были старше, чем управляемое ими население, но были более властными и менее простодушными, чем можно ожидать от крестьянина.

Они были насквозь пропитаны чувством собственного достоинства; гостям стало казаться, что это основное качество старейшин.

В позах мыслителей они сидели за овальным столом. Для большинства из них лучшая пора жизни давно миновала, но было несколько лиц, обрамленных аккуратными бородками, свидетельствовавших о том, что название «старейшины» — скорее символ уважения, чем обозначение возраста. Обед, служащий больше ритуалом, чем средством насыщения, проходил в полном молчании.

После обеда наиболее уважаемые из старейшин выступили с краткими приветствиями в адрес гостей — настолько краткими, что трудно назвать их выступлениями, — и обстановка стала менее официальной. Достоинство, с которым полагается встречать гостей издалека, наконец, уступило место исконным крестьянским качествам: дружелюбию и любопытству.

Старейшины столпились вокруг гостей и засыпали их вопросами.

Они спрашивали, трудно ли управлять космическим кораблем, сколько требуется для этого человек; можно ли поставить лучшие моторы в россемские машины; правда ли, что в других мирах редко идет снег; сколько народу живет в том мире, откуда они прилетели; далеко ли находится их мир; так ли он велик, как Ница; из чего соткана их одежда и почему она блестит, как металл; почему они

не носят меха; каждый ли день они бреются; какой камень в кольце у Притчера...

Почти все вопросы адресовались Притчеру; как старшего по возрасту, его сочли старшим по положению. Генералу ничего не оставалось делать: пришлось подробно отвечать. Он чувствовал себя, как среди детей, его обезоруживало бесхитростное любопытство, с которым эти люди задавали вопросы.

Они смотрели на генерала такими жадными глазами, что он не мог оставить чей-либо вопрос без ответа.

Притчер сообщил, что кораблем управлять нетрудно, что численность экипажа зависит от величины корабля: иногда нужно десять человек, а иногда достаточно одного; сказал, что не знает устройства двигателей, установленных на россемских машинах, но уверен, что его можно усовершенствовать; объяснил, что во всех мирах разные климатические условия, что в его мире живет несколько сот миллионов человек, но этот мир гораздо меньше Ницы; что их одежда соткана из силикопластовых волокон, что металлический блеск ей придан с помощью определенной ориентации поверхностных молекул; что им не нужен мех, поскольку одежда искусственно подогревается; что они бреются каждый день, что камень в его кольце — аметист, что...

Вопросы продолжались, Притчер отвечал, умиленный наивностью старейшин.

Выслушав ответ на очередной вопрос, старейшины быстро обменивались несколькими словами, будто обсуждая полученную информацию. Трудно было понять, что они говорили, так как старейшины переходили на местный вариант всегалактического языка, который отличался изобилием архаических форм.

Гости понимали лишь отдельные слова, но общий смысл комментариев от них ускользал.

Не выдержав, Ченнис вмешался.

— Господа! — сказал он. — Давайте поменяемся ролями. Нам тоже интересно знать, как живут в Нице.

Старейшины, до сего момента очень разговорчивые, вдруг разом умолкли. Их руки, до сих пор так живо двигавшиеся в пояснение и подкрепление слов, опустились. Они избегали смотреть друг на друга. Очевидно, каждый боялся, что ему предоставят слово.

— Господа! — стал уговаривать Притчер. — Мой товарищ любопытствует без злого умысла. Слава о Нице идет по всей Галактике... Мы заверим губернатора в верноподданничестве россемских старейшин.

Старейшины молчали, но лица их просветлели. Один из них поднял голову, тщательно разгладил бороду и сказал:

— Мы верные слуги правителей Ницы!

Досада Притчера, вызванная наглым вопросом Ченниса, утихла. Генерал понял, что годы, неумолимо давившие его своей тяжестью, еще не отняли у него умения заглаживать чужие ошибки.

— Мы живем далеко отсюда, — продолжал он, — и немного знаем о правителях Ницы. Давно ли началось их благодатное правление?

Ответил старейшина, имевший неосторожность заговорить первым:

— Правители были всегда. Ни наши отцы, ни деды не помнят времен, когда правителей не было.

— Жизнь была мирной?

— Да, — помолчав, он добавил. — Наш губернатор могуч, он без колебаний накажет любого изменника. Мы, разумеется, не изменники.

— Я полагаю, когда-то он кого-то наказал по заслугам?

Старейшина ответил не сразу.

— Среди нас нет изменников, не было их и среди наших отцов и дедов. Изменники были в других мирах, и их карали смертью. Нам это не нужно, мы честные бедные фермеры, далекие от политики.

Он говорил дрожащим голосом, все остальные смотрели на гостей настороженно.

— Скажите, — спросил Притчер мягко, — как нам встретиться с губернатором?

Теперь старейшины смотрели с удивлением.

— Как! Вы не знаете? — сказал наконец тот же старейшина. — Губернатор будет здесь завтра. Он ждал вас. Для нас это большая честь. Мы надеемся, что вы заверите его в нашей преданности.

— Ждал? — губы Притчера дрогнули.

Старейшины в недоумении переглядывались.

— Мы ждем вас вот уже неделю...

Жилье, которое им отвели, по россемским понятиям считалось роскошным. Бывало и хуже, подумал Притчер. Ченнис демонстрировал полнейшее безразличие.

Какая-то новая напряженность чувствовалась в их отношениях. Притчер видел, что решающий момент приближается, и ему хотелось хоть чуть-чуть оттянуть его наступление. Встреча с губернатором выведет игру на новый, более опасный, уровень, но победа в этой встрече будет означать дальнейшие встречи и, возможно, дальнейшие победы. Ченнис старался казаться беспечным, но озабоченно хмурил брови и нервно кусал нижнюю губу. Притчеру надоел спектакль, и он заговорил.

— Они предвидели наше появление.

— Да, — коротко ответил Ченнис.

— И все? Вам больше нечего сказать? Мы прилетаем и выясняем, что губернатор нас ждет. А губернатор нам скажет, что нас ждет вся Ница. Чего тогда стоит все наше предприятие?

Ченнис поднял голову и устало сказал:

— Одно дело ждать нас, а другое — знать, кто мы и зачем прилетели.

— Вы надеетесь скрыть это от психологов Второго Фонда?

— Разумеется. Вы уже готовы сдаться? Нас могли засечь в космосе. Вы находите что-то странное в том, что государство охраняет свои границы? Даже если бы мы были просто путешественники, нами бы заинтересовались.

— Заинтересовались бы настолько, что губернатор сам приехал бы к нам, вместо того чтобы милостиво допустить нас к себе?

Ченнис пожал плечами.

— Давайте обдумаем это после. Сначала нужно посмотреть, что представляет собой губернатор.

Притчер оскалил зубы в усмешке. Ну и дела!

Ченнис с напускным оживлением продолжал.

— Кое-что нам уже известно. Ница — это Второй Фонд, иначе следует признать, что все обстоятельства, подтверждающие это, подтверждают противоположное. Как иначе вы объясните ужас, в который повергает здешних жителей упоминание о Нице? Я не вижу признаков политического господства Ницы. Старейшины действуют без всяких ограничений. Налогообложение, по-моему, здесь не слишком суровое и осуществляется от случая к случаю. Крестьяне жалуются на бедность, но у них добротные дома и толстые щеки. У них варварский быт, бесспорно, но это обусловлено климатом.

Честное слово, я очарован этим миром. Такой скудости я нигде не видел, но здесь живут счастливые люди. Их простым душам недоступны страдания, свойственные населению более развитых миров.

— Вы поклонник простых радостей?

— Я бы не прочь, да звезды не дают, — пошутил Ченнис. — Нет, конечно; я хочу обратить на это ваше внимание. Как видите, Ница — преуспевающий правитель, но ее успех отличается от успеха старой Империи, Первого Фонда или даже нашего Союза. Ница не обездоливает порабощенные миры, она приносит в них счастье и достаток. Власть Ницы имеет другую ориентацию. Это власть разума, а не силы.

— В самом деле? — с иронией произнес Притчер. — А как вы объясните ужас, с которым старейшины говорят о возмездии за измену? Мне кажется, что это обстоятельство противоречит вашей идее доброго правителя.

— Позвольте, старейшины не говорили, что их наказывали. Их просто пугали наказанием и внушили им такой страх, что надоб-

ность в самом наказании отпала. Я уверен, что на Россеме нет ни одного солдата Ницы. Неужели непонятно?

— Все станет понятно, — сухо сказал Притчер, — когда мы встретимся с губернатором. Кстати, а что если и нам что-то внушают?

Ченнис ответил презрительно и грубо:

— Вам-то пора к этому привыкнуть.

Притчер заметно побледнел, но, сделав над собой усилие, промолчал. В этот день он с Ченнисом больше не заговаривал.

В тишине безветренной морозной ночи, прислушиваясь к ровному дыханию спящего Ченниса, Притчер настроил свой наручный ультраволновой передатчик на диапазон, недоступный передатчику Ченниса, и связался с кораблем.

Дважды Притчер спрашивал:

— Есть ли известия или распоряжения?

Дважды приходил еле слышный ответ:

— Нет. Ждем.

Генерал поднялся с кровати. Было холодно, и он, укутавшись в меховое одеяло, сел у окна и стал смотреть на небо, украшенное вместо привычного моста Млечного пути замысловатым узором из отдельных ярких звезд.

Где-то среди них был ответ на мучившие его вопросы. Притчеру захотелось поскорей найти его и положить конец своим страданиям.

Он вновь задал себе вопрос: что же на самом деле лишает его уверенности в себе — обращение или возраст.

Ах, не все ли равно? Он так устал.

Губернатор Россема приехал без церемоний. С ним был лишь шофер в военной форме.

Машина была шикарная, но ее конструкция показалась Притчеру нерациональной. Машина поворачивалась неуклюже, при переключении скорости спотыкалась. С первого взгляда было ясно, что двигатель работает не на ядерном, а на химическом топливе.

Губернатор Россема осторожно ступил на тонкий снег и пошел между двумя рядами полных почтения старейшин, не глядя на них.

Старейшины вошли в дом вслед за губернатором.

Гости из Союза Мула наблюдали за ними через окно. Губернатор оказался неприметным человеком, плотным и невысоким.

Но разве это что-то значит?

Притчер нервничал и проклинал себя за это. Лицо его оставалось бесстрастным, он не мог унизиться перед Ченнисом, но он чувствовал, что кровь стучит в висках, а во рту стало сухо.

Это не был физический страх. Нет, Притчер не был бесчувственным куском мяса, которому тупость не позволяет даже бояться, но чувство физического страха он умел распознавать.

Сейчас было другое.

Притчер украдкой взглянул на Ченниса. Молодой человек разглядывал ногти на левой руке и пытался отгрызть заусенец на правой.

Притчера охватило возмущение. Этот мальчишка просто не представляет, что такое давление на сознание.

Генерал подавил вздох и попытался вспомнить, каким он был до того, как Мул обратил его. Вспомнить было трудно. Притчер не мог сориентироваться в своем сознании, не мог порвать эмоциональные путы, связавшие его с Мулом. Он помнил, что собирался убить Мула, но, как ни старался, не мог представить, что чувствовал тогда. Наверное, это была самозащита сознания, потому что, когда Притчер пытался логически дойти до того, что он мог чувствовать, идя с бомбой к Мулу, у него начинало сосать под ложечкой.

Что, если губернатор тоже захочет преобразовать его эмоции?

Что, если невидимые щупальца Второго Фонда проникнут в глубины его души и расстроят там какие-нибудь струны?

Тогда это было не больно. Тогда он вообще ничего не ощутил, не заметил перехода из одного состояния в другое. Он почувствовал, что всегда любил Мула. Даже если и было время, когда он не любил Мула, то есть, когда он думал, что не любит Мула, а ненавидит его, то в это время Притчер находился во власти иллюзии. Притчер устыдился этой иллюзии.

Но тогда не было больно.

Будет ли так же при встрече с губернатором? Соединится ли то, что было раньше, с туманной мечтой, которую называют словом Демократия? Мул — тоже мечта, и только Нице принадлежит его, Притчера, верность.

Притчер судорожно вздохнул. Его тошнило.

Долетел голос Ченниса:

— Нас зовут, генерал.

В дверях появился полный достоинства и спокойного уважения старейшина и проговорил:

— Его Превосходительство губернатор Россема, исполняющий здесь волю правителей Ницы, рад позволить вам аудиенцию и приглашает вас к себе.

— Конечно, — Ченнис подтянул пояс и накинул на плечи россемскую шубу.

Притчер сжал челюсти. Игра началась.

На вид губернатор Россема не был страшен. Его глубоко посаженные глаза, окруженные сетью морщин, глядели пронзитель-

но, но сквозь темно-русые волосы просвечивала лысина, а свежевыбритый подбородок был мал, мягок и, согласно лженауке об определении характера по чертам лица, слаб.

Притчер решил смотреть губернатору не в глаза, а на подбородок, хотя не был уверен, что это поможет. Он не надеялся, что ему вообще что-либо поможет.

Губернатор заговорил высоким голосом, безразлично:

— Добро пожаловать в Ницу. Мир вам. Вы не голодны? — и махнул изящной, опутанной синими венами рукой в сторону П-образного стола.

Гости поклонились и сели с внешней стороны перекладины буквы «П». Губернатор сел с внутренней стороны перекладины, вдоль ножек расположились старейшины.

Губернатор говорил короткими, отрывистыми фразами: хвалил блюда, приготовленные из ввезенных из метрополии продуктов (блюда действительно были тонкие, но не более вкусные, чем простая деревенская пища), сетовал на погоду, пытался вызвать гостей на разговор о космических путешествиях.

Ченнис говорил мало, Притчер молчал.

Наконец, подали десерт из каких-то тушеных фруктов. Расправившись с ним, губернатор откинулся на спинку стула. Его маленькие глаза блеснули.

— Я наводил справки о вашем корабле. Хотел оказать вам помощь в его осмотре и, возможно, ремонте. Мне сказали, что его местонахождение неизвестно.

— Верно, — небрежно бросил Ченнис. — Мы оставили его в космосе. Это большой корабль, оснащенный всем необходимым для длительных полетов и обороны от возможного нападения. Мы подумали, что, стоя у всех на виду, он может вызвать у людей сомнения относительно наших мирных намерений. Мы вышли к вам лишь вдвоем и без оружия.

— Весьма дружественный акт, — заметил губернатор без особой уверенности. — Вы говорите, корабль большой?

— Ваше Превосходительство, это не военный корабль.

— Хм... Откуда вы?

— Из маленького мира в секторе Сантэнни, Ваше Превосходительство. Это очень незначительный мир, вы даже можете не знать о его существовании. Мы хотели бы завязать с вами торговые отношения.

— Хм... Что вы можете продать?

— Машины, Ваше Превосходительство. В обмен на мех, лес, зерно.

— Хм... — губернатор колебался. — Я слабо разбираюсь в торговле. Возможно, нам удастся прийти к соглашению, выгодному для обеих сторон, но сначала мне хотелось бы увидеть ваши документы. Прежде чем начинать с вами переговоры, мое прави-

тельство потребует от меня подробных сведений о вас. Кроме того, мне нужно осмотреть ваш корабль, иначе вас не пропустят в столичный мир.

Ответа не последовало, и губернатор повторил, теперь уже ледяным голосом:

— Мне необходимо осмотреть ваш корабль.

Ченнис рассеянно ответил:

— К сожалению, в настоящий момент корабль проходит ремонт. Если, Ваше Превосходительство, вы согласны подождать сорок восемь часов, вы сможете его осмотреть.

— Я не привык ждать.

Впервые за все время Притчер решился посмотреть губернатору в глаза. У него перехватило дыхание. Притчеру казалось, что он тонет, но тут губернатор перевел взгляд на Ченниса. Тот сказал, как ни в чем не бывало:

— Раньше, чем через сорок восемь часов, корабль посадить нельзя. Мы безоружны. Неужели вы сомневаетесь в честности наших намерений?

После долгого молчания губернатор резко сказал:

— Расскажите мне о своем мире.

На этом неприятные вопросы кончились. Губернатор, исполнив свои официальные обязанности, потерял к гостям интерес и слушал вполуха.

Вернувшись после аудиенции в свою комнату, Притчер решил проверить себя. Затаив дыхание, он осторожно «прощупывал» свои эмоции. Он не нашел в себе перемен, но должен ли он их найти? Ведь не чувствовал он себя другим, когда его обратил Мул. Все казалось вполне естественным и даже больше: казалось, что так и должно быть.

Притчер предпринял эксперимент.

Мысленно он крикнул: «Второй Фонд должен быть обнаружен и уничтожен!» Честная ненависть возникла в его душе с этими словами. Чистейшая ненависть, без тени сомнения.

Тогда Притчер заменил слова «Второй Фонд» словом «Мул». Его охватил ужас.

Что ж, пока все в порядке.

А вдруг на него повлияли по-другому, как-нибудь незаметно? Может, в нем произошли какие-то перемены, которых он не замечает именно потому, что они произошли?

Этого не узнать.

Однако, он по-прежнему верен Мулу. Если это не изменилось, остальное не имеет значения.

Притчер вернулся к действительности. Ченнис что-то делал в своем углу комнаты. Притчер небрежно потеребил большим пальцем браслет-передатчик.

Получив ответ, он почувствовал величайшее облегчение, а вслед за ним — чуть ли не слабость.

На суровом лице генерала ничего не отразилось, но душа пела от радости. Ченнис поднял на Притчера глаза, еще не зная, что фарс закончился.

Четвертая интерлюдия

На улице встретились два спикера Исполнительного Совета. Один сказал:

— У меня есть известие от Первого.

Второй испуганно заморгал:

— Точка пересечения?

— Да! Дожить бы до завтра!

5. Один мужчина и Мул

Ченнис, по-видимому, не догадывался, что отношение Притчера к нему изменилось. Он развалился на жесткой деревянной скамье, широко раскинув ноги.

— Ну, что вы думаете о губернаторе?

— Ничего особенного, — пожал плечами Притчер. — Гением он мне не показался. Очень средний представитель Второго Фонда, если здесь действительно Второй Фонд.

— Я бы не сказал, что он представитель Второго Фонда. Впрочем, кто знает? — Ченнис задумался. — Представьте, что вы представитель Второго Фонда и вам известна цель нашего приезда сюда. Как бы вы с нами поступили? Что бы сделали?

— Разумеется, обратил бы.

— Как Мул? — Ченнис снова задумался. — Может, нас уже и обратили, только мы этого не знаем... Допустим, Психологи не умеют обращать, они просто тонкие психологи. Что бы вы сделали, будь вы Психолог?

— Убил бы нас, не откладывая в долгий ящик.

— В нашем корабле? Нет, — Ченнис сделал отрицательный жест. — Притчер, старина, мы блефуем. Если даже во Втором Фонде умеют управлять эмоциями, то мы им не нужны. Мы только пешки, и они это понимают. Бороться они будут с Мулом, а с нами обойдутся так же осторожно, как мы с ними. Я подозреваю, что они знают, кто мы.

— Что вы намерены делать? — холодно спросил Притчер.

— Ждать, — отрезал Ченнис. — Пусть они начинают первыми. Они чем-то заинтересовались. Может быть, действительно кораблем, но, скорее, Мулом. К нам выслали губернатора, но ему не удалось нас запугать. Теперь должен прибыть кто-нибудь из самого Второго Фонда и предложить нам какую-нибудь сделку.

— Что дальше?

— Согласимся.

— По-моему, не стоит.

— Вы думаете, что это будет нечестно по отношению к Мулу? Не бойтесь, не будет.

— Я спокоен. Мул в зародыше разоблачит все ваши обманы, но все равно соглашаться не стоит.

— Почему? Вы боитесь, что мы не сможем обмануть психологов?

— Конечно, не сможем, но дело не в этом.

Взгляд Ченниса упал на предмет, который Притчер держал в руках.

— Ах, вот в чем дело, — злобно произнес он.

Притчер поиграл бластером.

— Вот именно. Вы арестованы.

— За что?

— За измену Первому Гражданину Союза.

— Что происходит? — Ченнис поджал губы.

— Вы слышали: измена. А с моей стороны — борьба с изменником.

— У вас есть доказательства? Вы бредите или сошли с ума?

— Нет. По-моему, с ума сошли вы. Вы думаете, что Мул каждый день отправляет неоперившихся юнцов на край Галактики с сумасбродными поручениями? Мне сразу показалось странным, что он послал вас на поиски Второго Фонда. Я потратил уйму времени на сомнения, но теперь мне все ясно. Хотите знать, почему Мул послал именно вас? Потому, что вы мило улыбаетесь, красиво одеваетесь, потому что вам двадцать восемь лет!

— Может быть, потому, что мне можно доверять? И потому, что у вас нелады с логикой?

— Потому, что вам нельзя доверять, что вполне логично, как оказалось.

— Мы соревнуемся в умении говорить парадоксами или в искусстве выразить как можно меньше мыслей как можно большим количеством слов?

Направив бластер на Ченниса, Притчер сделал несколько шагов вперед и приказал:

— Встаньте!

Ченнис неторопливо встал. Дуло бластера ткнулось ему в живот, но он и бровью не повел.

Притчер сказал:

— Мул искал Второй Фонд. Он его не нашел, и я его не нашел. То, что не можем найти мы с Мулом, должно быть очень хорошо спрятано. Оставался единственный выход — послать на поиски того, кто знает, где спрятан клад.

— То есть, меня?

— Вот именно. Сначала я этого не понял, но мой разум, пусть медленно, но все же поворачивает в нужном направлении. Как легко мы отыскали Границу Звезд! Вы просто чудом выбрали нужную область огромной Галактики! А в этой области — нужный мир! Глупец! Вы меня так недооценили, что сочли, что я не увижу закономерности в стечении стольких «случайностей».

— Вы хотите сказать, что я добился слишком большого успеха?

— Да. Для верного человека это слишком много.

— Прочему вы поставили мне такой низкий потолок возможностей?

Давление бластера стало сильнее, но на лице Притчера молодой человек не увидел признаков гнева, кроме, разве что, сухого блеска глаз.

— Потому, что вы наняты Вторым Фондом.

— Нанят? — бесконечное презрение. — Докажите!

— Либо находитесь под его влиянием.

— А Мул об этом не знает? Смешно!

— Мул знает. В том-то и дело, мой молодой тупица! Мул знает. Иначе вам не подарили бы такую дорогую игрушку, как корабль. Вы не обманули ожиданий Мула и привели нас ко Второму Фонду.

— Позвольте задать вам вопрос и добыть из ваших слов хоть крупицу смысла. Зачем мне было делать все это? Если я изменник, зачем мне вести вас ко Второму Фонду? Не логичнее ли было погонять вас по Галактике и ничего не найти?

— Нет. Вам нужно было привести Второму Фонду корабль. Ему ведь понадобится ядерное оружие для самообороны.

— Помилуйте, один корабль ничего не значит! Неужели вы думаете, что психологи надеются, разобрав корабль, за год выучить физику и наштамповать атомных двигателей? Плохо же вы о них думаете! Слишком просты ваши психологи, так же просты, как вы сами!

— У вас будет возможность объяснить это Мулу.

— Мы возвращаемся на Калган?

— Нет. Мы останемся здесь. Мул будет здесь через пятнадцать минут. Вы не догадывались, что он идет по нашему следу, мой хитроумно-остроумный самовлюбленный мальчик? Вы были приманкой наоборот: вы привели не наших жертв к нам, а нас к нашим жертвам.

— Позвольте мне сесть, — сказал Ченнис, — и объяснить вам кое-что на пальцах. Пожалуйста.

— Нет, вы будете стоять.

— Хорошо, я сделаю это стоя. Вы решили, что Мул следовал за вами, потому что в аппарат связи была подброшена метка?..

...Бластер едва заметно дрогнул. Ченнис готов был в этом поклясться.

— Вы не показываете удивления, но вы удивлены; я не стану и секунды тратить на сомнения. Да, я знал о существовании метки. Я показал вам, что знаю то, чего, вы думали, я не знаю. А теперь я скажу вам то, чего — я знаю — вы не знаете.

— Ченнис, вы тратите слишком много времени на вступление. Можно подумать, что ваша изобретательность плохо смазана.

— Здесь не нужна изобретательность. Да, изменники, или агенты противника были на Калгане, и Мул узнавал об их существовании весьма любопытным образом. Он чувствовал, что на сознание обращенных действует кто-то еще.

На этот раз бластер заметно дрогнул.

— Обратите внимание, Притчер: я был нужен Мулу, потому что я не обращен. Разве он не говорил вам, что ему нужен именно необращенный человек? Правда, он мог не объяснить, зачем.

— Придумайте что-нибудь другое, Ченнис. Если бы меня обратили против Мула, я знал бы об этом.

Притчер поспешно прощупал свое сознание. Все по-прежнему. Все в порядке. Ченнис лжет.

— Вы хотите сказать, что по-прежнему верны Мулу? Вполне естественно. Верность никто не стал бы преобразовывать: это слишком заметно. Позвольте спросить, вам в последнее время не дают причин для беспокойства ваши умственные способности? Вы не чувствовали ничего необычного во время этой экспедиции? У вас не было ощущения, что вы — это не вы? Что вы делаете? Вы пытаетесь проделать во мне дыру, не стреляя?

Притчер отодвинул бластер.

— Что вы пытаетесь мне доказать?

— Что вами управляли. Вы не видели, как Мул устанавливал метку. Вы не видели даже, кто ее установил. Вы увидели ее и решили, что ее подбросил Мул и, значит, Мул пойдет по нашему следу. Конечно, ваш передатчик работает в диапазоне, которого нет у моего. Вы думали, что я и этого не знаю? — Ченнис говорил торопливо и гневно, от его безразличия не осталось и следа. — Позвольте обрадовать вас: по нашему следу идет не Мул. Не Мул!

— Кто же, если не Мул?

— А как вы думаете? Я нашел метку в день отлета и сразу понял, что ее подложил не Мул. Зачем ему это делать, подумайте сами? Если бы я был изменником и Мул это знал, он обратил бы меня, так же легко, как вас, и узнал бы у меня секрет Второго Фонда, не отправляя меня на край Галактики. Скажите, вы можете держать что-либо в секрете от Мула? А если бы я не знал, где находится Второй Фонд, я не мог бы привести его туда. Опять-таки, зачем меня посылать?

Очевидно, метку подложил агент Второго Фонда, он же шел по нашему следу. Неужели вы не поняли бы этого, если бы кто-то не покопался в вашем уме? Совершив такую ошибку, вы говорите, что вы нормальный! Я привел Второму Фонду корабль! Что ему делать с этим кораблем?

Второму Фонду нужны вы, Притчер. Вы много знаете о Союзе и о Муле, но вы не опасны, тогда как Мул опасен. Поэтому агенты Второго Фонда подсказали мне направление поиска. Ища наугад, я не нашел бы Ницу так скоро. Я знал, что мы находимся под контролем Второго Фонда, и принял это условие. На блеф я ответил блефом. Им были нужны мы, нам были нужны они; кто проиграет — сам виноват!

И если вы не уберете бластер, то проиграем мы. Скорее всего, вы держите меня под прицелом не по своей воле, а по воле какого-нибудь психолога. Отдайте мне бластер, Притчер. Я знаю, вам не хочется, но у вас сейчас нет своих желаний. За вас думает Второй Фонд. Отдайте мне бластер, и вместе встретим того, кто шел по нашему следу.

Притчера охватило смятение, граничащее с ужасом. Неужели он так ошибся? Откуда эти сомнения? Почему он не уверен в себе? Почему все, что говорит Ченнис, так похоже на правду?

Где же правда?

Кто руководит его желаниями?

Притчеру казалось, что он раздваивается.

Сквозь какую-то пелену он увидел Ченниса, протягивающего руку за бластером, и почувствовал, что сейчас отдаст оружие.

Мускулы его руки уже готовы были сделать необходимые для этого движения, но позади него открылась дверь, и Притчер обернулся.

Есть в Галактике люди, которых можно легко спутать друг с другом. Бывает, человек не может распознать собственных чувств. Мула ни с кем и ни с чем нельзя спутать.

Несмотря на растерянность и волнение, Притчер безошибочно узнал этот специфический прилив моральных сил.

Физической силой Мул ни с кем не мог поделиться.

Сейчас он представлял собой особенно смехотворное зрелище. Даже в многослойной одежде он казался непомерно худым. Лицо было укутано шарфом, виднелся лишь огромный красный от холода нос. Трудно было представить его в роли спасителя.

— Оставьте бластер при себе, Притчер, — сказал Мул.

Ченнис тем временем сел на прежнее место. Мул, обернувшись к нему, заговорил:

— Эмоциональная атмосфера здесь, прямо скажем, накаленная. Вы, кажется, говорили, что по вашему следу шел не я, а кто-то другой?

— Сэр, — вмешался Притчер, — метку подбросили по вашему приказу?

— Конечно, — Мул устремил на него холодный взгляд. — Ни одна организация в Галактике, кроме Союза Миров, не располагает подобными приборами.

— Он сказал...

— Не стоит цитировать, генерал. Ченнис находится здесь и может ответить сам. Что вы говорили, Ченнис?

— По-видимому, я ошибся, сэр. Я считал, что метку подложил агент Второго Фонда, и подозревал, что мы находимся под контролем Второго Фонда. В отношении генерала я был в этом почти уверен.

— Теперь вы в этом разуверились?

— Приходится. Ведь вошли вы, а не кто-то другой.

— Что ж, давайте побеседуем, — Мул снял несколько слоев одежды с электрическим подогревом. — Вы не возражаете, если я сяду? Мы здесь в полной безопасности и можно надеяться, что нам не помешают. Никто из местных жителей не испытает желания приблизиться к этому месту.

Ченнис поморщился.

— К чему такие предосторожности? Я не собирался угощать вас чаем с девочками!

— Итак, молодой человек, изложите ваши соображения. Как вам удалось найти это место и как агенту Второго Фонда удалось использовать для слежки за вами приспособление, которое есть только у меня?

— Очевидно, сэр, — по крайней мере, мне это кажется очевидным — мне были навязаны определенные убеждения.

— Этими самыми агентами Второго Фонда?

— Я полагаю, что так.

— А вы не подумали, что агенту Второго Фонда, который решил заманить вас в свои владения и действует при этом методами, аналогичными моим (правда, я не умею насаждать идеи, моя специальность — эмоции), не нужна метка?

Ченнис взглянул на правителя с некоторой растерянностью. Притчер удовлетворенно вздохнул.

— Нет, сэр, — сказал Ченнис. — Я об этом не подумал.

— А приходило ли вам в голову, что тот, кто вынужден за вами следить, не может вами управлять? А не будучи управляемым, вы не нашли бы дороги сюда? Об этом вы тоже не думали?

— Не думал, сэр.

— Почему? Вы неспособны мыслить логически?

— Я могу ответить лишь вопросом, сэр. Вы вслед за генералом Притчером обвиняете меня в измене?

— Если да, вы можете доказать обратное?

— Повторю то, что только что говорил генералу. Если бы я был изменником и знал, где находится Второй Фонд, вы могли бы обратить меня, а потом спросить об этом. Если же вы следили за мной, значит, я не знал, куда лететь, то есть не был изменником. На ваш парадокс отвечаю парадоксом.

— Ваш вывод?

— Я не изменник.

— Согласен, так как ваши доводы неоспоримы.

— В таком случае, позвольте спросить, зачем вы за нами следили?

— Все случившееся имеет третье объяснение. Вы с Притчером по-своему объяснили некоторые факты, но не все. Я объясню все, если вы не торопитесь. Я буду краток и не успею вам надоесть. Притчер, сядьте и дайте мне ваш бластер. Нам никто не угрожает ни извне, ни изнутри, ни со стороны Второго Фонда. Спасибо, Ченнис.

Комната осветилась примитивной электрической лампой, висевшей под потолком.

— Понятно, что если я решил следить за Ченнисом, — заговорил Мул, — то не просто так. Поскольку Ченнис с удивительной быстротой и уверенностью устремился ко Второму Фонду, можно предположить, что я этого ожидал. Если я не получил информации непосредственно от Ченниса, значит, что-то мне мешало. Это факты. Ченнис, безусловно знает их подоплеку. Знаю и я. А вы, Притчер?

— Нет, сэр, — хмуро ответил Притчер.

— Хорошо, я вам помогу. Скажите, кто может знать тайну Второго Фонда и не позволить мне в нее проникнуть? Боюсь, Ченнис, что вы сами — психолог из Второго Фонда.

Ченнис наклонился вперед, упер локти в колени и потребовал:

— Представьте прямые доказательства. Только что логика дважды терпела поражение.

— За доказательствами дело не станет. Их нетрудно было собрать. Я заметил, что моими людьми управляет кто-то другой. Этот другой должен а) быть необращенным и б) находиться в центре событий. Таких людей много, но не бесконечно много. А вы выделялись. Вы пользовались успехом в свете. Вы всем нравились, со всеми ладили. Меня это удивило.

Тогда я вызвал вас к себе и поручил возглавить экспедицию. Вы восприняли это как должное. Я наблюдал за вашими эмоциями, Ченнис. Вы были совершенно спокойны, тогда как на вашем месте любой нормальный человек почувствовал бы неуверенность. Вы ее не чувствовали, то есть не понимали, что вам предлагают, либо слишком хорошо понимали.

Проверить вас было нетрудно. Случилось так, что вы расслабились. Я в этот момент наполнил ваше сознание отчаянием и сразу

же убрал его. Вы рассердились, да так натурально, что я готов был бы вам поверить, если бы не заметил в самом начале, что ваше сознание сопротивляется. Больше мне ничего не нужно было знать.

Только равный по силам может сопротивляться мне.

— Хорошо, — тихо сказал Ченнис, — что теперь?

— Теперь вы умрете. Надеюсь, вы понимаете, что этого требует логика?

И снова дуло бластера смотрело на Ченниса. А рука, державшая этот бластер, управлялась мощным сознанием, бороться с которым было несравнимо труднее, чем с подавленным сознанием Притчера.

И времени оставалось очень мало.

То, что произошло, почти невозможно понять (как и описать) человеку, у которого только пять чувств.

Все же попытаемся описать, что ощущал и сознавал Ченнис в тот краткий миг, в течение которого палец Мула опускался на курок бластера.

Он уловил в эмоциональном настрое Мула непоколебимую решимость, не замутненную ни каплей колебания. Если бы Ченнис задался целью понаблюдать, за какое время решимость выстрелить превратилась в нежелание стрелять, он обнаружил бы, что это произошло за одну пятую секунды.

Это нельзя даже назвать временем.

За эту же долю секунды Мул почувствовал, что эмоциональный потенциал Ченниса вдруг возрос, а ему, Мулу, нечем подпитаться и, более того, на него обрушивается холодная волна ненависти с совершенно неожиданной стороны.

Именно этот холод заставил Мула отдернуть палец. Ничто другое не могло заставить его изменить свое решение. Он понял, что случилось.

Описанная ниже сцена произошла гораздо быстрее, чем должна происходить, с точки зрения литературы, сцена подобной значимости.

Мул стоял, растопырив пальцы и напряженно глядя на Ченниса. Ченнис стоял, натянутый, как струна, и не решался вздохнуть. Притчер корчился на стуле. Каждая его мышца была поражена судорогой, каждое сухожилие натянулось, вышколенно-бесстрастное лицо неузнаваемо исказилось, глаза со смертельной ненавистью устремились на Мула. Немного было сказано между Ченнисом и Мулом, но каждому было достаточно этих слов, чтобы понять, что творится в душе у другого. Нам же, в силу нашей ограниченности, придется расшифровать их спор.

— Вы стоите между двух огней, Первый Гражданин, — сказал Ченнис. — Вам не справиться одновременно с двумя сознаниями, одно из которых равно по силе моему. Выбирайте. Притчер уже

свободен от вашего обращения. Я нейтрализовал ваше воздействие. Он стал прежним Притчером, тем самым, который пять лет наазад собирался убить вас... Он считает вас врагом всего святого и справедливого на свете, он не простит вам пяти лет унижения. Сейчас я удерживаю его от каких-либо действий, подавляя его волю, но если вы меня убьете, его некому будет сдерживать, и, прежде чем вы успеете навести на него бластер или перестроить его эмоции, он задушит вас.

Мул и сам это понимал и потому не двигался. Ченнис продолжал:

— Если же вы сейчас займетесь повторным обращением Притчера, вы не успеете остановить меня.

Мул не пошевелился, лишь вздохнул, признавая свое бессилие.

— Так вот, — сказал Ченнис, — бросьте бластер. Будем говорить на равных. Тогда я отдам вам Притчера.

— Я совершил ошибку, — обреченно сказал Мул. — Мне не следовало говорить с вами в присутствии третьего лица. Это лишняя переменная. А за ошибки нужно платить.

Он разжал руки, а когда бластер упал, пнул его ногой в дальний угол комнаты. Притчер тут же погрузился в глубокий сон.

— Он проснется нормальным, — безразлично сказал Мул.

С того момента, когда Мул собрался нажать на курок бластера, прошло не больше полутора секунд.

Но краешком сознания, на короткий миг, слишком короткий, чтобы что-нибудь понять, Ченнис уловил в душе Мула какой-то проблеск. Это был самый настоящий триумф.

6. Один мужчина, Мул и Третий

Внешне и Мул, и Ченнис чувствовали и вели себя непринужденно, в действительности же нервы каждого были напряжены до предела. Мул впервые за много лет не был полностью уверен в успехе. Ченнис понимал, что сейчас он вырвал у Мула жизнь лишь ценой невероятного усилия и Мул нападет еще не раз. Из соревнования на выносливость Мул неминуемо выйдет победителем.

Думать об этом было равносильно смерти. Нельзя показывать Мулу свою слабость: это все равно, что дать ему бластер. Он и так чувствует себя победителем.

Нужно тянуть время.

Почему остальные медлят? Не потому ли Мул так уверен в себе? Что он знает такое, что неизвестно ему, Ченнису? Если бы была возможность читать мысли! Спокойно!

Ченнис резко оборвал свои мысленные метания. Оставался лишь один выход — тянуть время.

— Вы решили, — заговорил Ченнис, — а я после дуэли из-за Притчера не стал отрицать, что я психолог из Второго Фонда. Как вы думаете, почему я полетел в Ницу?

— Помилуйте! — Мул звонко рассмеялся. — Я не Притчер и не хочу вам ничего объяснять. Я вам сказал то, что хотел сказать, а вы отреагировали так, как я хотел. Мне больше ничего не нужно.

— И все же для вас должно остаться много неясного в этой истории. Скажите, Ница — то, что вы искали? Притчер много рассказывал о вашей первой попытке найти Второй Фонд и о том, как вы эксплуатировали психолога Эблинга Миса. Я иногда... ну, скажем, вызывал Притчера на разговор и узнал немало любопытного. Вспомните Эблинга Миса, Первый Гражданин.

— Зачем?

«Как он в себе уверен!» Ченнису казалось, что Мул становится все более уверенным в себе, как будто не он только что отдергивал руку от бластера.

— Какой вы нелюбознательный! — продолжал Ченнис, подавляя тревогу. — Я узнал от Притчера, что Эблинг Мис чему-то очень удивился и все повторял, что Второй Фонд нужно предупредить *срочно*. Вам не интересно знать, почему он торопился? Эблинг Мис умер. Второй Фонд не получил предупреждения, но тем не менее Второй Фонд существует.

Мул улыбнулся довольной и жестокой улыбкой и сказал:

— Надо полагать, Второй Фонд получил предупреждение, если на Калган прилетел Бейл Ченнис и стал перехватывать моих людей и пытаться перехитрить меня. Предупреждение было получено, но слишком поздно.

— Что ж, — Ченнис изобразил и постарался почувствовать жалость, — вы даже не представляете, что такое Второй Фонд, и глубинный смысл всего происходящего остался для вас тайной.

Нужно тянуть время.

Мул уловил жалость, и глаза его неприязненно сузились. Он потер нос растопыренными пальцами и процедил:

— Вам хочется поговорить? Пожалуйста. Что же такое Второй Фонд?

Ченнис не стал использовать эмоциональную символику, а заговорил обычным языком:

— Притчер говорил мне, что Мис был сильнее всего заинтригован самой тайной, окружавшей Второй Фонд. Хари Селдон создал два мира-антипода. Первый Фонд был звездой, за двести лет ослепивший всю Галактику, а Второй — безвестной темной туманностью.

Вы не поймете поступка Селдона, если не почувствуете интеллектуальную атмосферу тех дней. Это было время абсолютов и универсалий, если не в делах, то в мыслях. На путях развития человеческой мысли были поставлены непреодолимые преграды,

что характерно для времен упадка. Величие Селдона заключается в том, что он попытался снести эти преграды. Он осветил сумерки Империи блеском своего созидательного таланта, он был провозвестником новой Империи.

— Красиво. Ну и что?

— На основе законов психоистории Селдон создал два фонда науки, но кому, как не ему, было знать, что законы психоистории тоже относительны. Поэтому он не создал законченного образования. Законченность есть начало вырождения. Селдон создал развивающийся объект, а Второй Фонд был орудием развития. Только мы можем претворить в жизнь План Селдона, слышите, Первый Гражданин Временного Союза Миров, только мы!

— Вы пытаетесь себя подбодрить? — презрительно спросил Мул. — Может, вы хотите произвести впечатление на меня? Не старайтесь. Я глух к словам «План Селдона», «Вторая Империя», «Второй Фонд». Они не трогают ни одной струны в моей душе. Кстати, говорить о Втором Фонде следует в прошедшем времени, так как он уничтожен.

Ченнис ощутил, что эмоциональный потенциал Мула возрос. Мул поднялся со стула и приблизился к Ченнису. Тот отчаянно сопротивлялся, но что-то безжалостно давило на его сознание, подавляло и угнетало.

Сзади была стена, а напротив — Мул, костлявое пугало с огромным носом и тонкими губами, растянутыми в страшной улыбке.

Мул сказал:

— Ваша песенка спета, Ченнис. И ваша, и всего Второго Фонда, вернее, того, что было Вторым Фондом. Было!

Чего вы ждали? Почему не отобрали у Притчера бластер? Для этого не требовалось физических усилий. Вы ждали меня, не так ли? Вы не хотели возбуждать моих подозрений.

Но у меня не было подозрений. Я все знал. Я хорошо все знал, Ченнис из Второго Фонда.

Чего вы ждете теперь? Вы произносите какие-то слова, надеясь, что звук вашего голоса пригвоздит меня к месту? Вы говорите, а внутри вас что-то сидит и ждет, ждет, ждет. А никто не идет. Никто из тех, кого вы ждете. У вас нет союзников, Ченнис, вы здесь один, и останетесь один. Знаете, почему?

Потому, что ваш Второй Фонд просчитался в пух и прах в отношении меня. Я давно разгадал ваш план. Ваши психологи думали, что я прилечу сюда вслед за вами и попаду в расставленные ими сети. Вы были хорошей приманкой для бедного, глупого и слабого мутанта, который очертя голову рвется к власти. Вот, я здесь. Но пленник ли я?

Неужели им не пришло в голову, что я не появлюсь здесь без флота? Неужели они думали, что я поведу с ними переговоры или дам новую отсрочку?

Двенадцать часов назад мои корабли атаковали Ницу. К настоящему моменту они выполнили задание. Ница лежит в руинах, крупнейшие населенные центры стерты с лица земли. Сопротивления не было. Второго Фонда не существует, Ченнис! А я, слабый, чудаковатый урод — хозяин Галактики!

У Ченниса хватило сил лишь на то, чтобы мотнуть головой и слабым голосом пробормотать:

— Нет! Нет!

— Да! Да! — поддразнил его Мул. — Вы единственный оставшийся в живых, и то ненадолго.

Последовала короткая напряженная пауза, и Ченнис застонал от внезапной боли, проникшей в самую глубину его сознания.

Мул отпустил его и пробормотал:

— Не то. Твое отчаяние — маска. Твой страх — не тот, что сопровождает гибель идеала. Это ползучий подлый страх собственной смерти.

Мул слабой рукой схватил Ченниса за горло, и Ченнис почему-то не смог оторвать от себя эту тонкую руку.

— Ченнис, ты залог моей правоты. Ты должен уберечь меня от просчета или недооценки каких-либо обстоятельств.

Настойчивый, требовательный взгляд Мула сверлил мозг Ченниса.

— Скажи, я верно рассчитал? Я перехитрил ваших психологов? Ница разрушена, полностью разрушена, почему же твое отчаяние ненастоящее? Где правда? Мне нужна правда! Говори правду, Ченнис! Я недостаточно глубоко проник в тебя? Опасность еще существует? Говори, Ченнис, что я сделал не так.

Ченнис почувствовал, что слова вопреки его воле стали выползать из горла. Он кусал язык, сжимал зубы, напрягал горло, но напрасно. Они проталкивались, царапая горло и язык и разжимая зубы.

— Правда... правда...

— Правда? Что еще нужно сделать?

— Селдон основал Второй Фонд здесь. Здесь. Это правда. Психологи прилетели и взяли власть в свои руки.

— Прилетели куда? В Ницу? — Мул запустил невидимые щупальца еще глубже, захватил что-то и резко рванул. — Ницу я уже разорил. Ты знаешь, чего я хочу. Говори!

— Не в Ницу. Я говорил, что психологи могут не иметь официальной власти. Ница — это прикрытие, — слова складывались сами собой, противно каждому атому его воли. — Россем — вот где...

Мул разжал руку и Ченнис, воплощенная мука, упал на пол.

— И ты хотел меня обмануть? — спросил Мул почти нежно.

— Я тебя обманул! — это была последняя искра сопротивления.

— Не надолго! Я поддерживаю связь с моим флотом. Разгромим и Россем — не жалко! Но сначала...

На Ченниса надвинулась темнота. Он поднял руку, пытаясь отвести ее от разрывающихся глаз, но не смог. Темнота давила, душила, жгла. Испуганное сознание все отодвигалось назад, назад... Последнее, что увидел Ченнис — это ликующий Мул: смеющаяся спичка с дрожащим от смеха носом.

Потом все пропало. Темнота ласково обняла его. Она окончилась яркой вспышкой. Некоторое время слезы мешали Ченнису смотреть, но постепенно зрение вернулось к нему. Болела голова, все тело сковывала слабость, невозможно было поднести руку к глазам. Мысли его, как подхваченные ветром листья, понемногу улеглись. Ченнис почувствовал, что снаружи в комнату просачивается покой.

Дверь открылась. На пороге стоял Первый Спикер. Ченнис попытался предупредить его, крикнуть, махнуть рукой, но ничего не вышло. Он все еще был во власти Мула.

Мул был в комнате. Он злился, глаза его сухо блестели. Он уже не смеялся, а яростно скалился.

Ченнис почувствовал целительное прикосновение Первого Спикера, но тут же зашевелились щупальца Мула и вытолкали Первого.

Мул сказал с нелепыми для него гневом и досадой:

— Еще один пришел засвидетельствовать почтение!

Прощупав пространство вокруг дома, Мул удивился:

— Вы один?

— Абсолютно один, — согласился Первый Спикер. — Я должен был прийти один, потому что не кто иной, как я, ошибся пять лет назад. Исправить положение без посторонней помощи — дело чести для меня. И снова я недооценил силу вашего эмоционального поля. Мне трудно было пробиться сюда сквозь заграждения, выставленные вами. Поздравляю: вы мастер своего дела.

— Спасибо, — враждебно ответил Мул, — да только зря стараетесь: мне не нужны ваши комплименты. Вы пришли, чтобы разделить участь вашего поверженного героя?

Первый Спикер улыбнулся.

— Этот человек достойно выполнил свою задачу, особенно, если учесть, что он много слабее вас. Я вижу, вы обошлись с ним жестоко, и тем не менее я надеюсь, что мы восстановим его. Он храбрый человек, сэр. Он пошел на это дело добровольно, хотя расчеты показывали, что велика вероятность нанесения ущерба его сознанию, а это страшнее, чем физическое уродство.

Сознание Ченниса билось в путах Мула, но не в силах было порвать их; слова предупреждения оставались не сказанными. Ченнис мог только излучать страх, страх...

— Вы знаете о том, что Ница уничтожена? — холодно спросил Мул.

— Да. Мы предвидели нападение.

— Я так и думал. Предвидели, но не предотвратили?

— Не предотвратили, — Первый Спикер не старался скрыть, что казнит себя за это. — В этом огромная доля моей вины. Мы должны были действовать еще пять лет назад. Мы с самого начала — с того момента, когда вы заняли Калган, — подозревали, что вы способны управлять человеческими эмоциями. Это не сверхъестественный дар, Первый Гражданин.

Способность передавать эмоции, развитая у вас и у меня, не является современным достижением человечества. В слабой степени она присуща каждому человеку. Любой может понять эмоции собеседника по выражению лица, интонациям речи, жестам и так далее. Животные распознают эмоции лучше человека, подключая обоняние. Естественно, их эмоции менее сложны.

На самом деле человек способен на большее, но, пользуясь в течение миллиона лет речью, человечество забыло о возможности непосредственного эмоционального контакта. Заслуга ученых Второго Фонда состоит в том, что они хотя бы частично восстановили эту человеческую способность.

Мы не рождаемся с нею. Мы развиваем ее в течение жизни путем постоянного упражнения, точно так же, как посредством физических упражнений можно развить силу мышц. Вы же рождены с этой способностью.

Мы вычислили это. Мы понимали, к чему это приведет. Вы были как зрячий в царстве слепых. У вас неминуемо должна была развиться мания величия. К этому мы подготовились. Однако, мы не учли двух факторов.

Мы не знали, в какой степени развита ваша способность управлять эмоциями. Мы можем влиять лишь на тех, кого видим, поэтому мы бессильны против оружия. Для вас же видение не играет никакой роли. Мы в конце концов обнаружили, что вы способны поддерживать эмоциональный контакт с людьми, находящимися на большом расстоянии от вас, но было уже поздно.

Кроме того, мы не знали о вашем физическом недостатке — том, который мучил вас сильнее всего и подсказал вам имя Мул. Мы не предвидели, что вы не просто мутант, а стерильный мутант, и не учли связанного с этим комплекса неполноценности.

Ответственность за эти просчеты лежит на мне, так как я был лидером Второго Фонда, когда вы захватили Калган. Мы поняли

нашу ошибку, когда вы покорили Первый Фонд, а теперь в результате этой ошибки погибли миллионы людей в Ницце.

— Вы намерены исправить положение? — тонкие губы Мула побледнели, он был сама ненависть. — Что вы сделаете? Превратите меня в толстяка? Наделите мужской силой? Вычеркнете из моей памяти безрадостное детство? Вас трогают мои несчастья, мои страдания? Я не жалею о содеянном: я не мог поступать иначе. Пусть Галактика защищается сама, как я защищался сам!

— Ваши чувства нельзя осуждать, — сказал Первый Спикер, — так как ясно, что они сложились под влиянием не зависящих от вас обстоятельств. Их можно только изменить. Гибель Ницы была неизбежной. Сохранить Ницу означало на долгие века разрушить Галактику. Мы сделали все, что могли. Мы эвакуировали с Ницы большинство населения. К сожалению, наши меры оказались недостаточно эффективными. Мы обрекли на смерть миллионы. Неужели вам не жаль их?

— Нисколько — как не жаль и ста тысяч, которые погибнут на Россеме не позднее, чем через шесть часов.

— На Россеме? — взволнованно переспросил Первый Спикер.

Он обернулся к Ченнису, который приподнялся и напряг все силы, но не сумел ничего сказать.

Ченнис вновь почувствовал, как за него борются две силы, потом обе они отступили, и дар речи вернулся к нему.

— Сэр, я обманул ваши ожидания. За десять минут до вашего прихода он вырвал из меня правду. Я не выдержал — мне нечего сказать в свое оправдание. Он знает, что Второй Фонд — это не Ница, а Россем.

И вновь Ченнис оказался во власти Мула.

Первый Спикер нахмурился.

— Что вы намерены делать?

— Вы еще спрашиваете? Вам не ясно очевидное? Вы битый час толкуете о природе эмоционального контакта, швыряете мне в лицо слова «мания величия» и «комплекс неполноценности», а я в это время работаю. Я связался с моим флотом и отдал ему соответствующие распоряжения. Через шесть часов — если я по какой-либо причине не отменю приказ — мои корабли обстреляют Россем. Они оставят только эту деревню, в которой и приземлятся.

Мул растопырил руки и захохотал, наслаждаясь растерянностью Первого Спикера.

— Вы не предлагаете нам никаких условий? — спросил тот.

— Нет. Ни при каких условиях я не получу больше. Стоит ли мне жалеть россемских крестьян? Если бы все психологи Второго Фонда сдались мне и согласились отдаться в мою власть, тогда, может быть, я отменил бы обстрел Россема. Неплохо иметь в своем распоряжении такую армию высокоинтеллектуальных людей. Одна-

ко, обращение такого числа людей требует известных усилий и я не знаю, хочется ли мне, чтобы вы на это согласились. Что вы видите, психолог? У вас есть оружие против моего разума, который, по меньшей мере, не уступает вашему? У вас есть оружие против моих кораблей, которые сильнее всего на свете?

— Вы хотите знать, что у меня есть? — с расстановкой произнес Первый Спикер. — Да ничего, кроме ничтожной крупицы знания, которой нет у вас.

— Я дам вам возможность поупражнять вашу изворотливость, — засмеялся Мул, — но вы все равно не выкрутитесь!

— Несчастный мутант! — сказал Первый Спикер. — Мне не нужно изворачиваться. Подумайте: почему именно Бейла Ченниса отправили на Калган в качестве приманки; Бейла Ченниса, молодого, храброго, но ментально слабого, почти такого же слабого, как этот ваш спящий офицер, Притчер? Как вы думаете, почему к вам прилетел не я или не кто-нибудь другой из наших правителей, кто мог бы стать вам достойным противником?

— Наверное, потому, — прозвучал уверенный ответ, — что среди вас нет равных мне.

— Истинная причина более логична. Вы знали, что Ченнис — агент Второго Фонда. Он не сумел скрыть это от вас. Вы знали также, что вы сильнее его, и потому не боялись вести с ним игру: вы были уверены, что всегда перехитрите его. Если бы на Калгане появился я, вы убили бы меня, понимая, что я представляю собой реальную опасность. Если бы я скрыл свою принадлежность ко Второму Фонду, вы не полетели бы за мной в космос. Вы отважились на это только потому, что ваше превосходство над противником было очевидным. Если бы вы остались на Калгане, Второй Фонд ничего не смог бы поделать против ваших людей, машин и способностей.

— Мои способности и сейчас при мне, — заметил Мул, — а люди и машины тоже скоро прибудут.

— Это так, но вы не на Калгане. Вы в королевстве Ница, которое считаете Вторым Фондом. Мы всеми силами старались вас в этом убедить. Это было нелегко: вы умный человек, Первый Гражданин, и во всем ищете логику.

— Верно, вы одержали надо мной временную победу, но у меня достаточно сил, чтобы вырвать у вашего человека правду, и достало мудрости понять, что эта правда может оказаться ложью.

— Мы предвидели этот ваш шаг, Первый Гражданин, и подготовили Бейла Ченниса к нему.

— Плохо подготовили. Я очистил его сознание от скорлупы, я видел его насквозь. Говоря, что Второй Фонд — это Россем, ваш человек говорил чистейшую правду. Ни в одной извилине его мозга не осталось и капли обмана.

— Это верно и делает честь нашей проницательности. Помните, я сказал, что Бейл Ченнис был добровольцем? Сейчас я поясню, на что именно он пошел добровольно. Он согласился на преобразование сознания. Мы знали, что вас невозможно обмануть. Поэтому, посылая к вам Ченниса, мы обманули в первую очередь его. Он свято верит, что Второй Фонд находится на Россеме.

Мы же в течение трех лет старательно создавали видимость того, что Второй Фонд находится на Нице. И мы обманули вас: вы разрушили Ницу, можете разрушить Россем, но Второй Фонд останется невредимым.

Мул вскочил на ноги.

— Вы смеете утверждать, что Россем — это не Второй Фонд?

Ченнис, почувствовав, что Мул, под давлением со стороны Первого Спикера, выпустил его из-под контроля, сел и воскликнул:

— Значит, Россем — не Второй Фонд?

— Видите, Первый Гражданин, Ченнис расстроен не меньше вашего. Разумеется, Россем не Второй Фонд. Неужели вы думаете, что мы позволили бы такому опасному противнику, как вы, проникнуть в наш мир?

Пусть ваш флот бомбит Россем, разрушает деревни. Пусть погибнем мы с Ченнисом — вам это ничего не даст.

Представители Второго Фонда, три года жившие на Россеме под видом старейшин, вчера вылетели на Калган. Они разминулись с вашим флотом и прибудут на Калган минимум на день раньше, чем вы. Поэтому я могу вам все рассказать. Если я не отменю своих распоряжений, то по возвращении на Калган вам придется бороться с восставшими подданными. Против вас будут все, за вас — лишь ваш флот. Мои люди проследят за тем, чтобы вам не удалось обратить никого из восставших. Ваша империя пала, мутант.

Охваченный бессильным гневом и отчаянием, Мул нагнул голову и пробормотал:

— Да... поздно... слишком поздно... я вижу.

В это момент, пользуясь тем, что Мул утратил бдительность, Первый Спикер проник в сознание мутанта и за малую долю секунды произвел там необходимые изменения.

Мул поднял голову и спросил:

— Значит, мне нужно вернуться на Калган?

— Конечно. Как вы себя чувствуете?

— Великолепно, — он наморщил лоб. — Кто вы такой?

— Это имеет для вас какое-то значение?

— Никакого, — согласился Мул и тронул Притчера за плечо. — Проснитесь, Притчер, мы возвращаемся домой.

Через два часа силы Ченниса восстановились настолько, что он смог самостоятельно передвигаться.

— Он обо всем забыл? — спросил он.

— Обо всем, — ответил Первый Спикер. — У него осталась его сила и империя, но мотивы его поведения изменились. Он теперь миролюбивый человек и не подозревает о существовании Второго Фонда. Он счастливо проживет те немногие годы, что остались ему при его слабом здоровье. А после его смерти события вновь начнут развиваться согласно Плану Селдона.

— И все же, неужели Россем — не Второй Фонд? Не сумасшедший же я?

— Нет Ченнис, вы не сумасшедший, просто мы определенным образом воздействовали на ваше сознание. Пойдемте! Нам тоже пора домой.

Последняя интерлюдия

Бейл Ченнис жил в маленькой белой комнате и ни о чем не думал. Он был счастлив жить одной минутой. Он видел стены, окно, траву во дворе, сестру, которая приносила еду и манипулировала проектором для книг; видел, но не трудился давать всему этому название.

Однажды он попытался сосредоточиться на случайно услышанном обрывке разговора. Говорили двое. Один сказал:

— Полная афазия. Все уничтожено и, кажется, без ущерба для здоровья. Теперь нужно придать мозгу первоначальную организацию.

Ченнис не понял значения услышанного, но ничуть не огорчился. Гораздо интереснее наблюдать за сменой цветов на стене.

Потом кто-то пришел, что-то сделал ему, и он надолго заснул.

А когда проснулся, понял, что стена — это стена, кровать — это кровать, а он, Ченнис, лежит в больнице. Он вспомнил, что говорил врач.

— Где я? — Ченнис сел в кровати.

— Во Втором Фонде, — ответил Первый Спикер. — Вам вернули первоначальную организацию сознания.

— Да! Да!

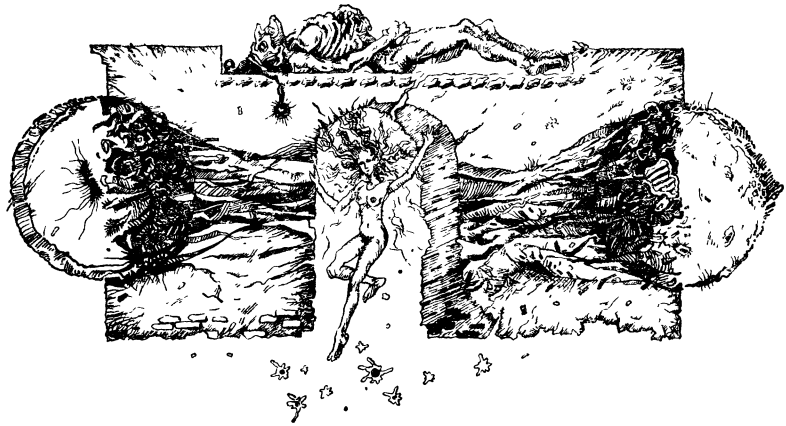
Ченнис понял, что он — это он, и его переполнило счастье.

— Ну-ка, скажите мне, — попросил Первый Спикер, — знаете ли вы, где находится Второй Фонд?

Огромной горячей волной нахлынула правда, и Ченнис не ответил. Он был изумлен, как Эблинг Мис пять лет назад.

Оправившись от удивления, он кивнул и сказал:

— Клянусь звездами Галактики, знаю!

ЧАСТЬ II. ПОИСК ВЕДЕТ ПЕРВЫЙ ФОНД

7. Аркадия

ДАРЕЛЛ, АРКАДИ — писательница, род. 5 апреля 369 года Эры Основателей. Автор популярных художественных произведений. Известность писательнице принесла биографическая повесть о ее бабушке, Байте Дарелл. В течение нескольких столетий это произведение служило основным источником информации о Муле и эпохе его правления... Как и повесть «Воспоминания», роман «Давным-давно» изображает блестящий калганский свет периода раннего междуцарствия и основан на автобиографическом материале.
Галактическая Энциклопедия.

Аркадия Дарелл бодро сказала в транскриптор:

— А. Дарелл. «Будущее Плана Селдона».

Умолкла и подумала, что когда-нибудь, когда станет великой писательницей, она будет подписывать свои произведения именем Аркади. Просто Аркади, без фамилии.

«А. Дарелл» — невыносимо пресное имя, только и годится, что для школьных работ по литературе и риторике. Все ученики в классе должны подписывать работы именно так, кроме Олинтуса Дама: у него выходит смешное сочетание. «Аркадия» хорошо для маленькой девочки, а кроме того, это прозвище ее исторической бабушки. У родителей совсем нет фантазии! А ей позавчера исполнилось

четырнадцать, уже можно требовать от окружающих, чтобы признали ее взрослой и в честь этого именовали «Аркади».

Она поджала губы, вспоминая, как отец сказал, оторвавшись от проектора:

— Сейчас ты делаешь вид, что тебе девятнадцать, а что будет, когда тебе исполнится двадцать пять, а молодые люди будут думать, что тебе уже тридцать?

Из большого глубокого кресла, в котором сидела девочка, ей было видно зеркало, стоящее на комоде. Нога, на большом пальце которой вращалась домашняя туфля, выглядела несерьезно. Аркадия надела туфлю, поджала ногу и села, напрягая спину и вытягивая шею, которой не хватало двух дюймов длины до царственной.

Аркадия внимательно поглядела на свое отражение — до чего толстые щеки! Не размыкая губ, она разжала зубы и стала изучать свое лицо в удлиненном виде. Облизала и чуть выпятила губы, томно, как светская кокетка, прикрыла глаза... Почему у нее такие бессовестно румяные щеки?

Аркадия оттянула пальцами внешние уголки глаз, стараясь быть похожей на женщину из центральных звездных систем, но руки, прижатые к вискам, портили впечатление.

Она надменно вздернула подбородок, повернулась к зеркалу в полупрофиль и сказала на октаву ниже, чем говорила обычно:

— Папочка, если ты считаешь, что меня хоть сколько-нибудь интересует, что думают эти глупые молодые люди, ты глубоко... — тут она вспомнила, что в руке у нее включенный микрофон, ахнула и поскорее выключила его.

На светло-сиреневом листе бумаги с персиковой полосой полей значилось:

БУДУЩЕЕ ПЛАНА СЕЛДОНА

Папочка, если ты считаешь, что меня хоть сколько-нибудь интересует, что думают эти глупые молодые люди, ты глубоко ой!

Аркадия с досадливой гримасой вынула из аппарата испорченный лист, и на его место с тихим щелчком вскочил новый.

Раздражение прошло быстро. Аркадия удовлетворенно улыбнулась. То что надо! Это начало романа!

Транскриптор ей подарили позавчера на первый «взрослый» день рождения. Она давно приставала к отцу:

— Папа, у всех в классе; у каждого, кто хочет хоть что-то собою представлять, есть транскриптор. Только самые отсталые пишут на ручных машинках!

Продавец сказал:

— Это самая компактная и самая простая в обращении модель. Ваш аппарат сам расставит знаки препинания согласно вашей

интонации. Это неоценимое подспорье для образованного человека: помогает выработать грамотное произношение и ритмику речи.

Отец выслушал продавца и заказал аппарат, работающий от пишущей машинки, как будто его дочь — старая незамужняя учительница.

Пришлось потратить немножко больше капризных слов и слез, чем может позволить себе взрослая четырнадцатилетняя девушка, зато ко дню рождения ей принесли транскриптор именно той модели, какую она просила. Аппарат писал изящным женским почерком, выводя прелестнейшие заглавные буквы.

Написанное таким почерком, даже «Ой!» выглядело чрезвычайно мило.

Однако, пора приступать к домашнему заданию. Аркадия с деловым видом отложила в сторону испорченный лист бумаги, села ровно, подтянула живот, набрала в легкие воздуха и начала, тщательно выговаривая каждый звук, следя за интонацией и дыханием:

— «Будущее Плана Селдона», — она вложила в эти слова весь свой патриотический пыл. — «Я уверена, что история Фонда хорошо известна всем нам, имевшим счастье воспитываться и получить образование в школах Термина, у знающих и опытных учителей».

«Неплохо! Такое начало должно понравиться этой карге мисс Эрклинг».

— «История нашего государства явилась воплощением в жизнь плана Хари Селдона. Сейчас всех волнует вопрос: будет ли в дальнейшем претворяться в жизнь мудрый план Хари Селдона или он будет предательски сорван, если еще не сорван.

Чтобы понять это, полезно вспомнить суть Плана.»

Эту часть написать было несложно: материал они недавно изучали в курсе Новой Истории.

— «Почти четыреста лет назад, когда Первая Галактическая Империя шла по пути упадка к неминуемой гибели, Хари Селдон был единственным, кто видел приближение конца. На основе законов психоистории, математический аппарат которой безповоротно утерян...»

Аркадия запнулась. Она не была уверена, что правильно продиктовала слово «бесповоротно». А-а, пустое, транскриптор не ошибается.

— «...Селдон и работающие с ним ученые проследили, по какому пути пойдет развитие Галактики. Они выяснили, что, предоставленная самой себе, Империя развалится, а за ее распадом последует тридцатитысячелетний период хаоса и анархии.

Предотвратить падение Империи было уже невозможно, но остался шанс сократить период хаоса. Селдон разработал план, предусматривающий создание новой империи на обломках старой всего за тысячу лет. Заканчивается четвертое столетие этого тыся-

челетия, не одно поколение людей сменилось на Термине, а План все действует.

Хари Селдон организовал два Фонда науки, по одному в каждом конце Галактики, выбрав время и место их основания так, чтобы наилучшим образом решить свою психоисторическую задачу. В одном из Фондов, основанном на Термине, Селдон сконцентрировал новейшие достижения и сильнейших специалистов в области естественных наук. Основанная на достижениях естественных наук техника помогала нашему Фонду отражать нападения соседних варварских королевств — бывших провинций Империи. Более того, под предводительством отважных и мудрых людей, таких, как Сэлвор Хардин и Хобер Мэллоу, способных правильно истолковать План, Фонд покорил эти королевства. Прошли столетия, но все наши планеты помнят эти события.

Со временем Фонд подчинил своему экономическому влиянию большую часть Сайвеннского и Анакреонского секторов Галактики и успешно отразил нападение великого генерала Империи Бела Райоза. Казалось, ничто не может расстроить план Селдона. Кризисы, которые предвидел Селдон, наступали в назначенное им время и успешно преодолевались. Преодоление очередного кризиса знаменовало новый гигантский шаг Фонда по пути к миру и Второй Империи. И вот...»

Аркадии не хватило воздуха, и она перешла на шепот, но транскриптор записал предложение все тем же ровным, красивым почерком.

— «...когда от Империи, этого колосса на глиняных ногах, не осталось ничего, кроме жалких обломков, которыми управляли ничтожные диктаторы, пришел Мул».

Эту фразу Аркадия позаимствовала из видеотриллера, но она знала, что мисс Эрклинг не заподозрит ее в плагиате, потому что не слушает ничего, кроме симфоний и научно-популярных передач.

— «Появление этого странного человека не было предусмотрено Планом. Мул был мутантом, рождение которого невозможно предсказать. Он обладал необычайной способностью управлять человеческими эмоциями и подчинять, таким образом, людей своей воле. С головокружительной быстротой он превратился из бродяги в завоевателя и основателя империи и, в конце концов, покорил даже Фонд.

И все же Мулу не удалось стать властелином Галактики. Его остановила мудрость и смелость великой женщины».

Здесь перед Аркадией встала обычная проблема. Отец запрещал ей вспоминать о том, что она внучка великой Байты Дарелл. Однако, это всем было хорошо известно, а Байта действительно была великая женщина и на самом деле остановила Мула.

— «Как это произошло, известно немногим.»

Если придется читать сочинение вслух, эту фразу нужно будет прочесть с особым нажимом. Кто-нибудь обязательно спросит, как это произошло, и тогда Аркадии придется, рассказать. Нельзя не рассказать, если просят. Аркадия продумала оправдательную речь, которую произнесет перед отцом, и продолжала:

— «Пять лет Мул деспотически правил Союзом Миров, в который входил Фонд, затем, в силу неизвестных причин, превратился в просвещенного правителя. Существует мнение о том, что перемена в настроениях Мула произошла в результате вмешательства Второго Фонда, основанного когда-то Селдоном. Однако, до сих пор точное местонахождение Второго Фонда, как и его роль в развитии Галактики, не установлено, поэтому утверждение о вмешательстве Второго Фонда остается...»

Аркадия хотела сказать «беспочвенным», но не рискнула.

— «...необоснованным. Четверть века прошло с тех пор, как умер Мул. Повлияло ли его правление на ход истории? Он прервал выполнение Плана Селдона и, казалось, даже расстроил его. Однако, после его смерти Фонд воспрянул, как нова* из холодного пепла погасшей звезды.»

Это сравнение Аркадия придумала сама.

— «Снова планета Термин стала центром торговой федерации, почти такой же обширной и богатой, как прежде, но более миролюбивой и демократичной.

Возможно, это было запланировано. Возможно, мечта великого Селдона жива, и через шестьсот лет родится Вторая Галактическая Империя. Я верю в это...»

Неуклюжий оборот, но без него не обойдешься. Мисс Эрклинг обязательно напишет красным через всю страницу: «Вы даете лишь изложение фактов. Не видно рассуждений и вашего отношения к написанному. Думайте! Выражайте себя! Проникните в свою душу!» — «Проникните в душу». Что она понимает в душах! Разве у человека с таким кислым лицом есть душа!

— «...потому что никогда еще политическая ситуация не складывалась так благоприятно для нас. Времена наследственных мэров-деспотов миновали, мы вернулись к свободным выборам. Нет больше мятежных торговых миров; нет несправедливости, сопутствующей общественному укладу, при котором все богатства страны сосредоточены в руках немногих.

Поэтому нет причин бояться неудачи. Некоторые считают, что нам угрожает Второй Фонд, однако им нечем подтвердить свои опасения, кроме смутных подозрений и суеверий. Мне кажется, что вера в себя и в великий План Хари Селдона должна вытеснить из наших сердец и умов все сомнения...»

---

* нова — новая звезда.

Как неприятно это писать, но к концу сочинения требуется что-нибудь такое...

— «Я считаю, что...»

Будущее Плана Селдона осталось неясным, потому что Аркадия услыхала тихий стук в окно, вскочила на подлокотник кресла и увидела за стеклом улыбающееся лицо с правильными чертами и прижатым к губам указательным пальцем.

После паузы, достаточной, чтобы почувствовать удивление, она соскочила с кресла, подошла к дивану, стоявшему под окном, взобралась на него и вопросительно взглянула на гостя.

Его улыбка погасла. Вцепившись побелевшими от напряжения пальцами правой руки в подоконник, левой он сделал быстрое движение. В ответ Аркадия открыла защелку и отодвинула нижнюю треть окна, впустив в комнату теплый весенний воздух.

— Все равно вы не влезете, — с довольным видом сказала она. — Наши окна экранируются и впускают только своих. Если вы попытаетесь влезть, сработает сигнализация и поднимется шум.

Помолчав, Аркадия добавила:

— Вы поступаете неблагоразумно, стоя на карнизе. Вы можете упасть, сломать шею и помять наши цветы, редкие и очень дорогие.

— Чтобы этого не случилось, — сказал мужчина, опасавшийся того же, что и Аркадия, но по-иному оценивавший ценности, — снимите, пожалуйста, экран и впустите меня.

— Это невозможно, — ответила Аркадия. — Вероятно, вы ошиблись адресом, потому что я не из тех девушек, которые впускают мужчин к себе в спальни в такое время.

Говоря это, Аркадия изо всех сил старалась или делала вид, что старается подавить в себе сладострастие.

Лицо незнакомца омрачилось.

— Это дом доктора Дарелла? — пробормотал он.

— Я должна пред вами отчитываться?

— Простите! До свидания...

— Молодой человек, если вы спрыгнете, я подниму тревогу.

Аркадия издевалась: по ее просвещенному мнению, незнакомец был далеко не молод — ему было все тридцать, а, может быть, и больше.

Молодой человек помолчал и строго спросил:

— Девочка, ты не хочешь, чтобы я оставался, и не хочешь, чтобы уходил. Что же мне делать?

— Я полагаю, вы можете войти. Это действительно дом доктора Дарелла. Я сниму экран.

Незнакомец оглянулся, осторожно просунул в окно руку и, когда ничего не случилось, подтянулся и влез в комнату. Сердитыми шлепками отряхнул одежду и поднял к Аркадии покрасневшее лицо.

— Ваша репутация не пострадает, если меня обнаружат здесь?

— Пострадает, но не так сильно, как ваша, потому что, услышав шаги за дверью, я закричу и скажу, что вы вошли без моего разрешения.

— Как вы объясните то, что не сработала сигнализация?

— Да очень просто! Ее у нас нет!

Незнакомец обиделся.

— Обманщица! Сколько тебе лет, малышка?

— Не кажется ли вам, молодой человек, что вы задаете нетактичный вопрос? Это первое. И второе: я не привыкла, чтобы меня называли малышкой.

— Понятно. Вы, наверное, бабушка Мула в гриме? Вы позволите мне уйти прежде, чем организуете линч-вечеринку в мою честь?

— Я не позволю вам уйти: вас ждет мой отец.

Незнакомец насторожился. Подняв бровь, он спросил:

— Ваш отец один?

— Да.

— К нему кто-нибудь приходил в последнее время?

— Какие-то торговцы и вы.

— В последние дни не происходило ничего необычного?

— Если не считать вашего визита...

— Забудьте обо мне, хорошо? Впрочем, нет, не забывайте. Скажите, откуда вы знаете, что ваш отец ждет меня?

— О, это проще простого. На прошлой неделе он получил секретное самоуничтожающееся послание в капсуле. Уже пустую капсулу бросил в атомный дезинтегратор и дал Поли — это наша горничная — отпуск на месяц. Отпустил ее к сестре в Терминус-Сити, а сегодня постелил себе в другой комнате. Я поняла, что он ждет кого-то и хочет, чтобы об этом никто не знал, даже я, хотя мне он обычно все рассказывает.

— Неужели? Я думал, ему и рассказывать не нужно: вы все угадываете по глазам.

— Так и есть! — Аркадия засмеялась.

Она перестала чувствовать неловкость. Гость был пожилой, но очень импозантный: вьющиеся темные волосы и голубые глаза. Может быть, когда она станет старше, ей встретится кто-нибудь похожий?

— А как вы узнали, — спросил незнакомец, — что ваш отец ждет именно меня?

— Кого же еще? Папа засекретился, кого-то ждет, и тут появляетесь вы — не через парадную дверь, как нормальный человек, а через забор и через окно, — тут Аркадия ввернула любимую мысль. — Мужчины такие глупые!

— Нельзя быть такой самоуверенной, малышка, то есть, мисс. Вы можете ошибаться. Что, если ваш отец ждет не меня, а кого-то другого?

— Вряд ли. Я недаром не приглашала вас, пока вы не бросили свой портфель.

— Что я бросил?

— Портфель, молодой человек. Я не слепая. Вы не уронили его, а именно бросили, да еще и примерились, чтобы он упал, куда надо. Вы бросили портфель под кусты, чтобы никто не видел. Поскольку вы пытались войти через окно, а не через парадную дверь, вы боялись входить в незнакомый дом без разведки. Вам попалась я, и вы, вместо того, чтобы позаботиться о себе, позаботились прежде всего о портфеле, что позволяет заключить, что содержимое портфеля, каково бы оно ни было, для вас важнее собственной безопасности, а это значит, что если вы здесь, а портфель там, и мы знаем, что портфель там, то вы достаточно беспомощны.

Аркадия остановилась, чтобы набрать воздуху для новой тирады, и гость, воспользовавшись паузой, заметил:

— Тем не менее я в состоянии придушить вас, выпрыгнуть из окна, взять портфель и уйти.

— Молодой человек, у меня под кроватью лежит бейсбольная бита, мне нетрудно ее достать, и я сильнее, чем обычно бывают девушки в моем возрасте.

Беседа зашла в тупик. Наконец «молодой человек» с натужной вежливостью заговорил:

— Мы почти подружились, но до сих пор не познакомились. Позвольте представиться. Я Пеллеас Антор. Как вас зовут?

— Меня зовут Аркади Дарелл. Рада с вами познакомиться.

— Аркади, деточка, будь добра, позови папу.

Аркадия заартачилась.

— Я не деточка. Когда человека просят об услуге, ему обычно не грубят.

Пеллеас Антор вздохнул.

— Хорошо. Милая, добрая старушка, вы меня премного обяжете, если соблаговолите позвать вашего отца.

— Это уже лучше, хотя не то, чего я добиваюсь. Я позову отца, но с вас глаз не спущу, — она несколько раз топнула ногой.

Послышались торопливые шаги, и дверь резко распахнулась.

— Аркадия! — возмущенно начал доктор Дарелл и не договорил. — Кто вы, сэр?

Пеллеас с явным облегчением поднялся на ноги.

— Доктор Торан Дарелл? Я Пеллеас Антор. Вы получили мое письмо? Ваша дочь говорит, что получили.

— Моя дочь говорит, что получил? — доктор грозно глянул на дочь, которая встретила его взгляд лучезарной улыбкой чистейшей невинности.

Доктор Дарелл сдался и обратился к гостю:

— Я вас жду. Прошу вас, пройдемте.

Тут внимание доктора на чем-то остановилось. Аркадия перехватила его взгляд и бросилась к транскриптору, но отец стоял прямо над ним.

— Он все время работал? — ехидно спросил доктор.

— Папа! — воскликнула Аркадия. — Неприлично читать записи чужих мыслей и бесед!

— А «беседовать» в спальне вечером с незнакомым мужчиной прилично? Я твой отец, Аркадия, и должен оградить тебя от порока!

— Папа! Ничего подобного не было!

— Еще как было, доктор Дарелл, — вдруг засмеялся Пеллеас. — Молодая леди обвиняла меня во всех грехах. Я осмелюсь настаивать, чтобы вы это прочитали, только вымарайте мое имя.

Аркадия с трудом сдерживала слезы. Ну вот, родной отец ей не верит! Проклятый транскриптор! И этот дурак, который влез в окно, вместо того чтобы позвонить в дверь! А теперь отец будет говорить длинную, проникновенную речь о том, что должна и чего не должна делать молодая девушка.

— Аркадия, — проникновенно начал отец, — мне кажется, более того, я уверен, что молодая девушка...

Так и знала. Так и знала.

— ...не должна так непочтительно разговаривать со старшими.

— А старшие не должны заглядывать в окна. Жилище молодой девушки неприкосновенно! Уходите, мне нужно закончить сочинение.

— Не тебе судить о праве других заглядывать в твои окна. Ты не должна была впускать этого человека. Тебе следовало сразу же позвать меня, особенно, если ты знала, что я его жду.

— Зря ты с ним связываешься, — парировала Аркадия. — Он завалит все дело, если будет и дальше лазать в окна, а не стучать в двери, как положено нормальному человеку.

— Аркадия, не вмешивайся в дела, в которых не разбираешься!

— Почему не разбираюсь? Вы ищете Второй Фонд!

В наступившей тишине даже Аркадия почувствовала себя неловко.

— Кто тебе это сказал? — осторожно спросил доктор Дарелл.

— Никто. Вы напустили на себя такой таинственный вид, что я сама все поняла. Не бойтесь, никому не скажу.

— Мистер Антор, — сказал доктор Дарелл, — я должен перед вами извиниться.

— О, ничего страшного, — последовал неискренний ответ. — Не ваша вина, если она продалась силам тьмы. Позвольте задать вашей дочери вопрос. Мисс Аркадия!

— Что вам нужно?

— Почему вы считаете, что глупо лезть в окно, если можно войти в дверь?

— Потому что глупо привлекать к себе внимание, если хочешь спрятаться. Если у меня есть тайна, я не заклеиваю пластырем рот, чтобы все видели, что я боюсь что-то выболтать. Я говорю столько же, сколько обычно, но о другом. Вы читали высказывания Сэлвора Хардина? Это наш первый мэр.

— Да, я знаю.

— Так вот, он говорил, что нужно лгать, не стыдясь своей лжи, если хочешь, чтобы тебе поверили. Еще он говорил, что нужно говорить не правду, а ложь, похожую на правду, и тогда тебе поверят. А если вы лезете в окно, значит, вы стыдитесь своей лжи, и она не похожа на правду.

— Что бы вы сделали на моем месте?

— Если бы у меня было к папе секретное дело, я познакомилась бы с ним открыто и несколько раз пришла бы к нему обсудить вполне законные дела. А потом, когда все привыкли бы видеть нас вместе, я заговорила бы о секретном деле, и никто не стал бы интересоваться, о чем мы секретничаем.

Антор удивленно взглянул на девочку, потом перевел глаза на доктора Дарелла.

— Пойдемте. У вас в саду остался мой портфель. Погодите! Последний вопрос. Аркадия, у тебя под кроватью взаправду лежит бейсбольная бита?

— Нет, понарошку.

— Хм. Надо проверить!

В дверях доктор Дарелл остановился.

— Аркадия, говоря о Плане Селдона, не намекай на бабушкины подвиги. Обойди эту тему.

По лестнице доктор Дарелл и Пеллеас Антор спускались молча. В саду гость сдавленным голосом спросил:

— Доктор, если не возражаете, сколько ей лет?

— Позавчера исполнилось четырнадцать.

— Четырнадцать? О, Галактика! Слушайте, она не говорила, что собирается замуж?

— Мне не говорила.

— Так вот, если скажет, застрелите его. Я хочу сказать, того беднягу, за которого она собирается замуж, — гость посмотрел доктору в глаза. — Я серьезно. Застрелите, чтоб не мучился. Вы представляете, во что она превратится, когда ей стукнет двадцать? Я не хотел вас обидеть...

— Я не обижаюсь. Я понимаю...

...А наверху объект их любовного обсуждения, усевшись перед транскриптором и глядя на него с отвращением, противным голосом произнес:

— «Будущеепланаселдона».

Транскриптор невозмутимо вывел на чистом листе бумаги элегантные заглавные буквы: «БУДУЩЕЕ ПЛАНА СЕЛДОНА».

8. План Селдона

***МАТЕМАТИКА ПСИХОИСТОРИИ** — синтез исчисления N переменных и N-мерной геометрии; то, что Селдон называл алгеброй человечества...*

Галактическая Энциклопедия.

Перед вами комната. Где она находится — неважно. Главное то, что в ней находится Второй Фонд.

Эта комната в течение нескольких столетий была обителью чистой науки, но в ней не было ни одного из тех приспособлений, которые за последние тысячи лет человечество привыкло ассоциировать с наукой. Наука, обитавшая в этой комнате, оперировала лишь математическими понятиями, она занималась логическими выводами, как наука доисторических людей, заселявших единственную, теперь неизвестную, планету Галактики.

В комнате находился предмет, Главный Излучатель, содержащий в себе полный план Селдона.

В комнате был человек — Первый Спикер. Он был двадцатым в династии главных хранителей Плана, а его титул означал, что на собраниях вождей Второго Фонда он должен говорить первым.

Его предшественник победил Мула, но отзвуки той великой битвы все еще сбивают человечество с пути, проложенного Селдоном. Вот уже двадцать пять лет Первый Спикер и его администрация стараются вывести Галактику — упрямых и строптивых людей — на этот путь. Это титанический труд!

Первый Спикер обернулся на скрип открывшейся двери. На пороге стоял молодой человек, которому Первый Спикер сквозь размышления о судьбах человечества посылал волны приветливого ожидания, — ученик, один из тех, кто в будущем может занять его место.

Молодой человек нерешительно топтался на пороге, и Первому Спикеру пришлось подойти к нему, обнять за плечи и увлечь за собой в комнату.

Ученик робко улыбнулся. Первый Спикер сказал:

— Первым делом я расскажу вам, зачем звал вас.

Они смотрели друг на друга через стол. Человек, не являющийся психологом Второго Фонда, не мог бы понять, что между ними происходит разговор.

Первоначально речь была приспособлением, с помощью которого Человек в грубом приближении передавал свои мысли и эмоции. Избрав произвольные звуки и сочетания звуков для обозначения определенных настроений, Человек выработал способ общения — грубый, неуклюжий, постепенно погубивший гибкость человеческого сознания и обеднивший палитру чувств.

Все страдания людей и беды человечества происходят оттого, что люди (за исключением Хари Селдона и немногих его соратников и последователей) не понимают людей. Человек живет в душном плотном тумане, в котором не видит никого, кроме себя самого. Иногда до него доносятся сигналы, подаваемые другим человеком из такого же кокона. Люди, шагните навстречу друг другу! Но они не знают друг друга, не понимают друг друга, не решаются верить друг другу, с рождения угнетены и напуганы одиночеством — и потому боятся и ненавидят друг друга.

Тысячелетиями ноги человека увязали в грязи, приковывая к земле его разум и душу, которые достойны парить среди звезд.

Инстинктивно человек искал способ освободиться от пут речи. Семантика, символьная логика, психоанализ явились попытками усовершенствовать речь или обойтись без нее.

Вершиной развития науки об интеллекте стала психоистория, или математизированная социопсихология. Математика позволила проникнуть в тайны нейрофизиологии, на атомном уровне рассчитать электрохимические процессы, в которых состоит деятельность нервной системы. Без этого не могло быть и речи о психологии, как о науке.

Добытые психологией знания о человеке были перенесены на человечество. Математика завоевала социологию.

Группы людей: миллиарды, заселяющие планеты, триллионы, занимающие сектора, квадриллионы, которыми исчисляется население Галактики, — стали не просто группами людей, а огромными историческими силами, действие которых можно рассчитать по формулам статистики. Для Хари Селдона будущее стало ясным и неизбежным, и он составил свой План.

Те же обстоятельства, которые привели Селдона к созданию исторического Плана, сейчас освободили Первого Спикера и Ученика от необходимости изъясняться словами.

Первый Спикер без слов знал, что происходит в сознании Ученика, ощущал малейшие токи, протекавшие в его мозгу. Однако, чутье Первого Спикера не было инстинктивным, как у мутанта Мула; оно было развито годами упражнений и опиралось на научные знания.

Поскольку и автор, и читатель принадлежат к обществу, где основным средством общения все же является речь, автору придет-

ся излагать беседу психологов в переводе, жертвуя какими-то оттенками смысла.

Мы остановились на том, что Первый Спикер сказал:

— Первым делом я расскажу вам, зачем звал вас.

Читатель может представить, как протекала дальнейшая беседа, если мы признаемся, что ничего подобного Первый Спикер не говорил. Он просто улыбнулся и поднял указательный палец.

Первый Спикер «сказал»:

— Всю жизнь вы занимаетесь наукой об интеллекте. Вы взяли от учителей все, что они могли дать. Пришла пора вам и некоторым другим попробовать себя в качестве Спикера.

Ученик просигналил волнение.

— Не притворяйтесь, что боялись, что вам недостает квалификации, а теперь радуетесь, что ваши надежды оправдались, и вас признали. Опасения и надежды суть слабости. Вы были уверены, что вас признают, но боялись это показать, не желая выглядеть самоуверенным, то есть непригодным. Пустое! Человек, не признающий себя умным, безнадежно глуп. Не этому ли вас учили, готовя к получению квалификации, которую вы, без сомнения, получите?

Ученик просигналил облегчение.

— Так-то лучше. Теперь, когда вы перестали отгораживаться от меня, вы способны мыслить и делать выводы. Помните, настоящий психолог не отгораживает свое сознание от мира барьером, который для хорошего зонда не барьер. Мастер должен воспитать в себе второе я, идеальное и невинное, которому нечего скрывать от окружающих. Смотрите, мое сознание открыто перед вами. Откройте же свое.

Спикером быть нелегко. Нелегко быть даже Психоисториком, а далеко не всякий психоисторик может стать Спикером. Дело в том, что Спикеру недостаточно владеть математикой Плана Селдона; он должен верить в успех Плана, жить во имя его осуществления. Более того, Спикер должен воспринимать План, как живое существо, любить и лелеять его.

Первый Спикер указал на черный блестящий куб, стоявший на столе:

— Вы знаете, что это?

— Не знаю, Спикер.

— Вы слышали о Главном Излучателе?

— Это он? — изумление.

— Вы ожидали увидеть что-то более благородное и возвышенное? Вполне естественно. Прибор был изготовлен во времена Империи людьми Селдона. Почти четыреста лет он безупречно служил нам, не требуя настройки или ремонта. И к счастью, ибо

среди нас нет людей, чьей квалификации хватило бы для технического обслуживания прибора, — Первый Спикер улыбнулся. — Изготовить второй такой или починить этот могут только в Первом Фонде, но люди Первого Фонда не должны знать о его существовании.

Он опустил какой-то рычаг на своей стороне стола, и в комнате стало темно, но только на миг. Стены осветились белым светом, затем на белом проступили черные полосы, вскоре превратившиеся в ряды формул.

— Подойдите к стене, мой мальчик. Не бойтесь, от вас не будет тени: Излучатель испускает свет особым образом. Я не знаю, как это получается, но знаю, что тени не будет.

Они стояли рядом у стены, в которой было тридцать футов длины и десять футов высоты. Буквы были мелкие, строки лежали плотно. Противоположная стена тоже была исписана.

— Это не весь План, — сказал Первый Спикер. — Чтобы уместить его здесь полностью, нам пришлось бы уменьшить буквы до микроскопических размеров. Сейчас перед вами основные положения. Вы это изучали?

— Изучал.

— Узнаете что-нибудь?

Помолчав, Ученик ткнул пальцем куда-то вверх. Строки побежали по стене вниз, и на уровне глаз Ученика оказалось уравнение, о котором он подумал.

— Видите, — засмеялся Первый Спикер, — он читает ваши мысли. Он и не то еще умеет. Что вы хотели сказать об уравнении, которое выбрали?

— Это интеграл Ригеля, — не совсем уверенно начал Ученик, — с планетарным распределением отношений, что означает наличие на планете или в секторе основных экономических классов и нестабильность их настроений.

— Еще?

— Уравнение описывает предельное состояние, так как здесь есть..., — снова строки побежали, — ...сходящийся ряд.

— Хорошо, — одобрил Первый Спикер. — Скажите, что вы думаете о Плане в целом? Это законченное произведение человеческой мысли?

— Безусловно!

— Нет! Неверно! — отрезал Спикер. — Вам придется забыть многое из того, чему вас учили. План Селдона нельзя назвать ни законченным, ни безупречным. Это просто-напросто лучшее, чего можно было достичь в то время. Двенадцать поколений людей корпели над этим планом, разбирали уравнения, проверяли каждый знак. Более того, они сверяли предсказания с действительностью и учились на ошибках.

Они узнали больше, чем знал сам Селдон, и если теперь, вооружившись этими знаниями, мы проделаем работу Селдона заново, мы выполним ее лучше. Вы хорошо меня понимаете?

Ученик был несколько растерян.

— Прежде чем стать Спикером, — продолжал Первый Спикер, — вы должны внести в План свою лепту. Пусть это не кажется вам кощунством. Видите, некоторые места выделены красным? Каждой отметке соответствует изменение, внесенное в План кем-то из последователей Селдона. А это... это, — он посмотрел вверх, и строчки посыпались вниз, — вот! Это моя работа.

Красной линией были обведены две расходящиеся стрелки, каждая из которых вела к столбцу уравнений, также взятому в красное кольцо. Между двумя этими столбцами был вставлен третий, весь написанный красным.

— Небольшое уточнение к сказанному Селдоном. До этого периода истории мы пока не дошли и не дойдем, по крайней мере, еще в течение четырехсот лет. Это будет время, когда за престол молодой Второй Империи будут бороться несколько претендентов. Если их силы будут равны, Империя окажется под угрозой распада. Если кто-то из них окажется намного сильнее, Империи грозит застой. Селдон рассмотрел обе возможности и дал соответствующие рекомендации.

Однако, существует вероятность того, что претенденты на престол придут к какому-то компромиссу. Она невелика — если быть точным, двенадцать целых шестьдесят четыре сотых процента, но мы уже сталкивались с фактами, вероятности которых были еще меньше. Я показал, что в этом случае Империя переживет кратковременный период застоя, за которым последует гражданская война, которая принесет больше жертв и разрушений, чем война, которая разразится, если компромисс не будет достигнут. К счастью, это можно предотвратить. Я показал, как это сделать.

— Позвольте спросить, Спикер, как вносятся изменения в План?

— Этим занимается специальная организация. Ваши расчеты будут проверены пятью различными комиссиями. Вам придется защищать свою работу перед придирчивыми и безжалостными оппонентами. Затем вашу разработку отложат, а через два года рассмотрят повторно. Иногда оказывается, что внешне безупречная работа не выдерживает проверки временем. Часто автор сам обнаруживает свою ошибку.

Если при повторном рассмотрении — не менее тщательном, чем первое, — ошибок не обнаруживается и — еще лучше — автор дополняет свою разработку или представляет новые доказательства своих идей, его расчеты вносятся в План. Это вершина карьеры психолога.

Автора разработки допускают к Излучателю, и он мысленно диктует все дополнения и изменения. Никаких указаний на то, кому принадлежит очередное дополнение или изменение, не делается. План — это продукт нашего коллективного творчества. Вы меня понимаете?

— Да, Спикер!

— Хорошо, довольно об этом, — Первый Спикер сделал шаг в сторону, и стены вновь стали пустыми. — Садитесь и послушайте меня. Обычному Психоисторику достаточно разбираться в биостатистике и нейрохимической электроматематике. Этого хватает, чтобы выполнять черновые расчеты. Спикер должен уметь обсуждать План без опоры на математику; если не сам План, то хотя бы его философскую концепцию и основные цели.

Итак, какова цель Плана? Постарайтесь ответить своими словами и не гонитесь за внешним лоском. Я буду оценивать ваш ответ не по форме, а по содержанию.

Впервые за время беседы Ученику предоставилась возможность сделать серьезное высказывание. Он помялся и неуверенно заговорил:

— На основании всего изученного я могу сделать вывод, что основной целью Плана является организация цивилизации на совершенно новых принципах. Последние достижения Психохимии свидетельствуют в пользу того, что новая ориентация человечества никогда спонтанно не...

— Стоп! — оборвал его Первый Спикер. — Нельзя говорить «никогда». Это свидетельство лености ума. Психоистория оперирует вероятностями. Вероятность наступления какого-либо события может быть бесконечно малой, но не может равняться нулю.

— Простите, Спикер. Вероятность того, что новая ориентация человечества избавит его от случайностей, очень высока.

— Это лучше. Какова эта новая ориентация?

— Это ориентация на науку об интеллекте. До сих пор человечество выше ценило науки, вооружавшие его новой техникой и дающие ему власть над окружающей природой. Управление собственным сознанием и обществом Человек пустил на самотек. В результате самая стабильная цивилизация была стабильной лишь на пятьдесят пять процентов. Наиболее стабильными были наименее развитые цивилизации.

— Почему новая ориентация снижает роль случайности?

— Очень немногие представители человечества обладают способностями, достаточными для того, чтобы внести вклад в развитие естественных наук. Плоды их деятельности материальны и всем доступны. Еще меньше тех, которые способны развивать и применять науку об интеллекте. Плоды их деятельности более долговечны,

но менее ощутимы. Ориентация общества на науку об интеллекте приведет человечество к диктатуре адептов этой науки, которых по праву можно назвать лучшими представителями человеческого рода. Их диктат — пусть мягкий — будет встречать сопротивление и осуществление его будет невозможно без низведения остальных людей до уровня животных.

Это для нас неприемлемо.

— Каков выход?

— Выход — План Селдона, который предусматривает, что ко времени образования Второй Галактической Империи человечество будет готово признать владычество науки об интеллекте. Второй Фонд, со своей стороны, к этому моменту, который наступит через шестьсот лет, подготовит людей, способных осуществить власть науки об интеллекте. Иными словами, Первый Фонд подготовит форму нового государства, а Второй — содержание.

— Понятно. Вы считаете, что любая империя, основанная в Галактике к моменту, назначенному Селдоном, явится успехом его Плана?

— Нет, Спикер, я так не считаю. В интервале между девятьюстами и тысячей семьюстами лет со дня принятия Плана могут существовать несколько империй, но лишь одна из них будет той Второй Галактической Империей, которую имел в виду Селдон.

— Почему же, в свете всего сказанного ранее, необходимо скрывать факт существования Второго Фонда, и особенно — от Первого Фонда?

Ученик задумался, ища в вопросе скрытый смысл, но не нашел. В ответе его звучало беспокойство.

— По той же причине, в силу которой следует скрывать от человечества сущность Плана. Законы психоистории носят статистический характер, и действие их нарушается, если отдельные люди начинают вести себя неслучайно. Если достаточно большой группе людей станут известны основные положения Плана, эти люди в своих действиях начнут руководствоваться своими знаниями. Их поведение не будет случайным в понимании психоистории, а, значит, окажется непредсказуемым. Простите, Спикер, я чувствую, что мой ответ неудовлетворителен.

— Хорошо, что чувствуете. Ваш ответ неполон. Мы держим в тайне не только План, но весь Второй Фонд. Дело в том, что Вторая Империя еще не родилась. Общество еще не готово принять правление психологов. Оно испугается нас и станет оказывать сопротивление. Вам все понятно?

— Да, Спикер. Мы недостаточно подробно разбирали этот вопрос.

— Не преувеличивайте: перед вами его даже не ставили, хотя вы могли бы сами об этом задуматься. Мы с вами еще побеседуем

об этом и о многом другом. Придете ко мне через неделю. Будьте готовы высказаться по проблеме, которую я перед вами поставлю. Расчетов не нужно: вы не справитесь с ними за неделю. Представите эмпирические выводы.

Приблизительно пятьдесят лет назад действительность разошлась с прогнозом. Случилось событие, вероятность которого составляла один процент. Подумайте, через какое время это расхождение начнет угрожать непоправимыми последствиями. Определите, к чему приведет расхождение, если его не устранить, и постарайтесь найти способ его устранения.

Ученик включил Излучатель и испуганно спросил:

— Почему вы выбрали именно эту проблему, Спикер? Мне кажется, она имеет не только академическое значение.

— Вы догадливы, мой мальчик. Да, это реальная проблема. Около пятидесяти лет тому назад Мул ворвался в историю Галактики и в течение десяти лет оставался самой значительной фигурой в Галактике. Его появление не было предусмотрено Планом, влияние на ход истории не было рассчитано. Он вызвал серьезное, но не фатальное, отклонение действительности от Плана.

Для того, чтобы это отклонение не стало фатальным, нам пришлось предпринять решительные действия. Мы обнаружили наше существование и, что гораздо хуже, наши возможности. Первый Фонд узнал о нас и теперь действует, отталкиваясь от этого знания. Обратите внимание на это и это. Никому не сообщайте, о чем мы беседовали.

Ученик долго молчал, потом в смятении воскликнул:

— Значит, План Селдона провалился?

— Нет еще. Он под угрозой провала. Вероятность успеха, по последним оценкам, составляет двадцать одну целую четыре десятых процента.

9. Заговорщики

Доктор Дарелл и Пеллеас Антор проводили дни в приятном безделье, а вечера в дружеских беседах. Доктор Дарелл представил молодого человека всем знакомым как дальнего родственника, и интерес к Антору угас.

Они вместе появлялись в обществе, и, поймав на себе любопытный взгляд, доктор говорил:

— Познакомьтесь, мой троюродный брат.

Аркадия вела свои приготовления, действуя еще менее прямолинейно.

Она добилась от Олинтуса Дама, одноклассника, того, что он подарил ей самодельное подслушивающее устройство. При этом она действовала методами, не сулившими ничего хорошего мужчи-

нам, которым придется общаться с нею в будущем. Не вдаваясь в подробности, скажем, что Аркадия стала проявлять интерес сначала к хобби Олинтуса — он увлекался техникой, — а потом к его личности, и несчастный мальчик неожиданно для себя самого обнаружил, что он 1)произносит длинный и страстный монолог о гиперволновых двигателях; 2)упивается восхищенным взглядом больших глаз слушательницы; 3)вручает ей свое величайшее изобретение — упомянутое выше подслушивающее устройство. После этого Аркадия подружила с Олинтусом еще немного, чтобы он не заподозрил, что все дело в уловителе звука, и охладела к бедняге.

Он еще некоторое время вздыхал и надеялся, но в конце концов оставил все надежды.

Однажды вечером, после ужина, в гостиной доктора Дарелла собрались пятеро мужчин. Аркадия в это время сидела в своей комнате за письменным столом, склонившись над тщательно замаскированным результатом творчества Олинтуса.

Вернемся к пятерым, собравшимся в гостиной. Один из них был сам доктор Дарелл, безупречно одетый, седеющий, кажущийся старше своих сорока двух лет. Другой — Пеллеас Антор, серьезный, настороженный и немного неуверенный в себе. Третий — Джоуль Турбор, телережиссер, дородный и толстогубый. Четвертый — доктор Элветт Семик, преподаватель физики в университете, морщинистый и сухой, заполняющий костюм лишь наполовину. И последний — Хомир Мунн, библиотекарь, долговязый и ужасно стеснительный.

Доктор Дарелл заговорил деловым тоном:

— Господа, мы собрались для серьезного разговора. Я полагаю, вы об этом догадывались. Вероятно, вы догадываетесь, что вам угрожает опасность. Не стану ее преуменьшать: мы приговорены.

Обратите внимание: вас пригласили сюда открыто. Вас не просили проникнуть в дом незамеченными. Окна в моем доме прозрачны в обоих направлениях. В комнате отсутствует какой-либо защитный экран. Чтобы быть уничтоженными, нам достаточно привлечь к себе внимание врага. Театральная конспирация сослужила бы нам именно эту службу. Вы меня понимаете?

— Умнеют, — подумала Аркадия.

Элветт Семик оттопырил нижнюю губу, обнажив зубы. Эта гримаса предшествовала любой его реплике.

— Прошу вас, приступим к делу. Расскажите нам о молодом человеке.

— Его зовут Пеллеас Антор. Он студент моего коллеги Кляйзе, умершего в прошлом году. Перед смертью Кляйзе сделал карты своего мозга до пятого подуровня. Мы сравнили их с картами человека, сидящего перед вами. Вам должно быть известно, что карта мозга человека уникальна, как и отпечатки его пальцев. Если

вы этого не знаете, можете поверить слову специалиста. Подделать карту невозможно.

— Мы верим вам, — поджав губы, сказал Турбор, — тем более, что после смерти Кляйзе вы единственный серьезный электронейролог в Галактике. Я говорил это в своей последней программе и вполне искренне повторяю сейчас. Итак, начнем. Сколько вам лет, Антор?

— Двадцать девять, мистер Турбор.

— Хм... Вы тоже серьезный электронейролог?

— Пока только студент, но я стараюсь не опозорить великого учителя.

Вмешался Мунн. Волнуясь, он заикался.

— Я п-прошу п-приступить, наконец, к делу. Мы говорим с-слишком много п-пустых слов.

Доктор Дарелл удивленно глянул на Мунна.

— Вы правы, Хомир. Начинайте, Пеллеас.

— Митер Мунн высказал дельное предложение, — медленно начал Пеллеас Антор, — но я не могу приступить к делу, не получив ваших электронейрологических данных.

— В чем дело, Антор? — нахмурился доктор Дарелл.— Какие данные вам нужны?

— Мне нужны ваши карты. Вы сняли мою, доктор Дарелл, а я сниму вашу, а также карты всех присутствующих. Все процедуры буду проводить сам.

— Все правильно, Дарелл, — сказал Турбор. — У молодого человека нет оснований доверять нам. Пусть проверит.

— Спасибо, — поблагодарил Антор. — Проводите нас, пожалуйста, в лабораторию, доктор Дарелл. Сегодня утром я позволил себе бестактность и проверил аппаратуру.

Элетроэнцефалография — наука старая, но в то же время новая. Старая она потому, что человечество уже забыло, откуда ему известно, что нервные клетки живых существ порождают электрические токи. Новой ее можно назвать потому, что знания о существовании электрических токов в живом мозге в течение десятков тысяч лет, на протяжении которых существовала Первая Галактическая Империя, не находили толкового применения. Некоторые ученые пытались классифицировать эти токи, подразделяя их на токи сна и бодрствования, спокойствия и возбуждения и тому подобное, но всякий раз находилось множество случаев, не вписывающихся даже в самые общие классификации.

Были люди, которые пытались разделить нервные токи на группы, аналогичные группам крови, и показать, что определяющее влияние на их качество оказывает окружающая среда. Это были расисты, стремящиеся доказать, что человечество состоит из нескольких биологических видов. Их воззрения не получили призна-

ния в экуменически настроенной Галактике, объединенной под властью одной Империи.

Кроме того, наука об интеллекте вообще не пользовалась уважением в Первой Империи, поклонявшейся физике и механике. Изучение интеллекта не приносило таких скорых и ощутимых результатов, как исследование атомного ядра. Правительство не финансировало науку об интеллекте, и люди неохотно ею занимались.

По мере деградации Империи деградировала и наука. В некоторых мирах люди утратили власть над атомным ядром и добывали энергию, сжигая нефть и уголь. Наука процветала и развивалась лишь в Первом Фонде, специально организованном как заповедник науки. Однако, и здесь правила физика. Мозг изучался лишь медиками.

Хари Селдон первым высказал то, что впоследствии превратилось в сам собой разумеющийся факт. Селдон считал, что электрические токи, порождаемые нервными клетками, отражают реакцию человека — сознательную или подсознательную — на воздействия окружающей среды.

Теоретически по графикам этих токов — дрожащим волнистым линиям — можно прочесть все, даже самые затаенные, мысли и чувства человека. Селдон утверждал, что по энцефалограмме можно определить не только состояние здоровья человека, но и настроение, образование, жизненный опыт и воззрения. Однако, осуществить это на практике Селдону не удалось.

Только через триста с небольшим лет после его смерти ученые Первого Фонда сняли первые энцефалограммы. Разумеется, они использовали при этом новейшие достижения родной физики. Электроды накладывались на швы между костями черепа и были настолько чувствительными, что не приходилось брить пациенту голову. Регистрирующие устройства автоматически вычисляли суммарную волну либо вылавали результат в виде шести самостоятельных функций от независимых переменных.

Примечательно, что энцефалография и специалисты в этой области пользовались в обществе большим уважением. Доктор Кляйзе, например, сидел на научных конференциях рядом с величайшими физиками. Доктор Дарелл, уже отошедший от дел, был обязан своей известностью в Фонде скорее успехами в энцефалографии, чем тому факту, что он был сыном Байты Дарелл, героини прошлого поколения.

И вот, доктор Дарелл сидел в кресле, ощущая легкое прикосновение электродов к коже. Регистрирующее устройство находилось у него за спиной. Так полагалось, потому что, глядя на свои собственные графики, человек подсознательно пытается ими управ-

лять и портит энцефалограмму. Однако, доктор знал, что центральный самописец вычерчивает правильную сигма-кривую, какой можно ожидать от его сильного и организованного ума. То же самое должен показывать самописец, снимающий волну с мозжечка. Передняя доля даст ломаную, почти прерывистую линию... Доктор знал карту собственного мозга, как художник знает свое лицо.

Доктор Дарелл встал, Пеллеас Антор бегло просмотрел семь графиков и сказал:

— Доктор Семик, прошу вас.

Лицо доктора Семика, покрытое пятнами старческой пигментации, было серьезно. Он с предубеждением относился к энцефалографии, этой науке-выскочке. Доктор Семик знал, что энцефалограмма лишний раз подчеркивает его старость. Морщины на лице, сгорбленная спина, трясущиеся руки на каждом шагу напоминали ему о возрасте. Но это возраст тела, а доктору не хотелось бы, чтобы всем стал виден возраст его ума. Он не хотел никого впускать в свою последнюю твердыню.

Антор установил электроды. Оказалось, что снимать энцефалограмму ничуть не больно.

Турбор все пятнадцать минут просидел совершенно спокойно.

Мунн дернулся, когда электроды коснулись его кожи, а потом все время отчаянно вращал глазами, словно пытался заглянуть за спину.

— Что дальше? — спросил Дарелл, когда все было закончено.

— В доме есть еще один человек, — сказал Антор оправдывающимся тоном.

— Вы имеете в виду мою дочь? — нахмурился Дарелл.

— Да. Если помните, я просил, чтобы вы сегодня не выпускали ее из дому.

— Вам нужна и ее карта? Галактика, зачем?

— Я не могу ничего сказать, пока не получу энцефалограммы всех присутствующих.

Дарелл пожал плечами и отправился за дочерью. Аркадия отключила уловитель звука и беспрекословно подчинилась отцу. Впервые в сознательной жизни ей делали энцефалограмму.

Когда с нее сняли электроды, Аркадия попросила:

— Можно посмотреть? — и протянула руку.

— Ты не поймешь, Аркадия, — сказал доктор Дарелл. — Отправляйся спать.

— Хорошо, папа, — скромно ответила она. — Спокойной ночи, господа.

Аркадия взбежала по лестнице и, не раздеваясь, плюхнулась в кровать. Включила Олинтусово изобретение и почувствовала себя

хитрой шпионкой из фильма. Первое, что она услышала, были слова Антора:

— Господа, ваши анализы удовлетворительны. У ребенка тоже все в порядке.

Ребенок зарычал в подушку от негодования.

Антор расстегнул портфель и вынул из него пачку снимков. Портфель закрывался не обычным замком. Если бы его открыла чужая рука, содержимое портфеля мгновенно окислилось бы, превратившись в кучу пепла. Извлеченные из портфеля рукой Антора, графики окислились только через полчаса.

Пока на них можно было смотреть, Антор торопливо говорил:

— Это энцефалограммы некоторых правительственных чиновников Анакреона. Эта снята с психолога, который работает в университете Локриса. Эта — с сайвеннского промышленника. Остальные подписаны.

Мужчины принялись разглядывать графики. Для всех, кроме Дарелла, это были просто волнистые линии. Для Дарелла — настоящие летописи.

— Обратите внимание, доктор Дарелл, — заметил Антор, — на ровный участок между вторичными тау-волнами в передней доле. Он встречается во всех графиках. Хотите проверить по аналитической линейке?

Аналитическая линейка — дальний родственник привычной читателю логарифмической линейки. Родство между ними такое же отдаленное, как между небоскребом и хижиной.

Дарелл пользовался ею мастерски. Проверка не отняла у него много времени. Он убедился, что Антор прав: передней доле соответствовал совершенно ровный участок, хотя здесь можно было ожидать сильных колебаний.

— Как вы объясните это, доктор Дарелл? — спросил Антор.

— Не знаю. Боюсь, что сразу ничего сказать не могу. Даже полная амнезия не дает такой ровной линии. Возможно, это результат какой-то операции.

— Правильно! Это операция, — воскликнул Антор. — Конечно, ножом здесь ничего не резали. Это операция в духе Мула. Он умел полностью подавлять чувства и настроения. Я уверен, что у обращенных были такие же ровные участки на месте подавленных чувств. А еще...

— ...это могли бы делать психологи Второго Фонда. Так? — с улыбкой подсказал Турбор.

Последовало красноречивое молчание.

— Что натолкнуло вас на подозрения, мистер Антор? — спросил Мунн.

— Подозрения возникли не у меня, а у доктора Кляйзе. Он, как и Межпланетная Полиция, коллекционировал энцефалограммы, но с другой целью, и потому брал их из других источников. Он интересовался учеными, бизнесменами и политиками. Совершенно очевидно: если Второй Фонд направляет ход истории, он старается делать это в минимальном масштабе и как можно незаметнее. Если психологи действуют через сознание, как можно ожидать, то они действуют через сознание влиятельных людей, которыми интересовался доктор Кляйзе.

— Ну и что? — возразил Мунн. — Что доказывает ваша ровная линия? Может быть, это вполне нормальное явление? Вы знаете, как ведут себя эти люди?

Мунн обвел взглядом присутствующих, но ни у кого не нашел поддержки.

— Это вопрос к доктору Дареллу, — сказал Антор. — Доктор Дарелл, скажите, часто ли вам приходилось встречать это явление в практике и литературе? Какова вероятность того, что оно встретится в одном случае из тысячи, как это произошло в выборке доктора Кляйзе?

— Я почти не сомневаюсь, — медленно заговорил доктор Дарелл, — что мы видели карты искусственного или контролируемого интеллекта. В свое время у меня возникали подобные подозрения...

— Я знаю, доктор Дарелл, — сказал Антор. — Мне известно также, что одно время вы работали с доктором Кляйзе. Почему вы прекратили работу?

В вопросе не было враждебности; он был произнесен всего лишь настороженно, но доктор Дарелл долго не отвечал.

Он переводил взгляд с одного гостя на другого и, наконец, торопливо и сбивчиво заговорил:

— Потому, что борьба Кляйзе была бессмысленной. Он состязался со слишком сильным противником. Он пытался поймать то, что — мы оба знали — невозможно поймать. Мы понимали, что нами кто-то управляет, но я не хотел докапываться! У меня есть гордость! Мне хотелось думать, что наш Фонд сам себе хозяин. Я не мог смириться с тем, что наши деды сражались и умирали за пустой звук. Я решил бежать, пока не успел удостовериться в ужасном. Мне не жаль было карьеры, потому что пенсии, назначенной государством нашей семье, вполне хватало на удовлетворение моих скромных нужд. Домашняя лаборатория избавляла меня от скуки, а когда-нибудь и жизнь кончится. Вот, Кляйзе умер.

Семик показал зубы и сказал:

— Что это за Кляйзе? Я его не знал. Как он умер?

— Умер, — с нажимом произнес Антор. — Он знал, что умрет. За полгода до смерти он сказал мне, что подошел очень близко...

— А теперь мы п-подходим б-близко? — прошептал Мунн, дергая кадыком.

— Да, — ответил Антор, — мы давно ходим по краю, потому и собрались здесь. Я ученик Кляйзе, доктор Дарелл его коллега. Джоуль Турбор, пока правительство не заставило его замолчать, пытался развеять миф о спасительной миссии Второго Фонда. Кстати, правительство действовало через некоего финансиста, в энцефалограмме которого имеется та самая ровная линия. У Хомира Мунна самая большая мулиана, если можно так назвать коллекцию литературы о Муле, в которой есть упоминания о Втором Фонде. Мистер Мунн опубликовал несколько статей об устройстве и целях Второго Фонда. Доктор Семик — он сам этого не знает — внес неоценимый вклад в разработку математического аппарата энцефалографии.

Семик широко раскрыл глаза и засмеялся:

— Что вы, молодой человек! Я исследовал внутриядерное движение частиц, проблему нейтронов, а об энцефалографии от вас впервые слышу!

— Итак, мы знаем, на чем стоим. Правительство бездействует. Не знаю, осознает ли кто-то из членов правительства, насколько серьезно положение. Однако, я знаю: нам нечего терять, выиграть мы можем многое. Чем больше мы будем знать, тем эффективнее сможем себя защитить. Все только начинается.

— Как глубоко, — спросил Турбор, — проник к нам Второй Фонд?

— Честно скажу: не знаю. Знаю точно, что его влиянием поражены провинции, и надеюсь, что столичный мир не затронут. Я не был в этом уверен, потому и посадил вас под энцефалограф. Больше всего я боялся за доктора Дарелла, потому что он в свое время ушел от доктора Кляйзе. Доктор Кляйзе не мог ему этого простить. Я считал, что доктор Дарелл попал под влияние Второго Фонда, а доктор Кляйзе говорил, что он просто трус. Простите, доктор Дарелл, я хочу объяснить свои поступки. Я вас понимаю и могу простить вам трусость.

Дарелл прерывисто вздохнул.

— Да, я бежал. Называйте это, как хотите. Но я пытался сохранить нашу дружбу, писал, звонил, но Кляйзе не хотел иметь со мной дела. Только недавно прислал мне вашу энцефалограмму, а через неделю умер.

— П-простите, — нервно перебил Мунн, — чем мы занимаемся, господа? Мы никогда не поднимемся выше жалкой кучки заговорщиков, если б-будем т-только болтать. Я н-не знаю, что

мы м-можем кроме этого. Это все д-детство: т-токи нервных клеток, мумбо-юмбо и т-тому подобное. С-скажите, что мы можем сделать?

— Сейчас скажу, — глаза Антора загорелись. — Нам нужна информация о Втором Фонде. Это первая и главная необходимость. Мул потратил первые пять лет своего правления именно на поиски информации. Потом он прекратил поиски. Почему? Потому, что отчаялся что-то узнать, или потому, что узнал что-то?

— С-снова с-слова, — с горечью сказал Мунн. — К-как мы это выясним?

— Выслушайте меня. Столица Мула находилась на Калгане. Ни тогда, ни сейчас Калган не входил в сферу экономического влияния Фонда. Сейчас Калганом правит некий Штеттин, если, конечно, сегодня утром не произошел дворцовый переворот. Штеттин называет себя Первым Гражданином и преемником Мула. О Муле вспоминают с благоговением: он был добрым монархом. Его дворец берегут, как святыню, ничего там не трогают и никого не впускают туда без особого разрешения.

— Ну и что?

— Вы можете объяснить, отчего это происходит? В наше время ничего не делается без причины. Что, если дело не только в доброй памяти о Муле? Что, если это подстроено Вторым Фондом? Что, если результат пятилетних поисков Мула...

— Чепуха!

— Почему? Второй Фонд все время прячется и старается не вмешиваться в политику. Для нас естественно было бы разрушить дворец или, по крайней мере, уничтожить свидетельства событий. Второй Фонд — государство психологов. Они все Селдоны, все Мулы, они идут к цели окольными путями. Они не станут ничего разрушать или уничтожать, если окажется возможным создать у людей нужные им умонастроения. Как вы считаете?

Ответа не было, и Антор продолжал:

— Вы, Мунн, сможете добыть информацию, которая нам нужна.

— Я? — взвизгнул Мунн.

Он затравленно оглянулся вокруг и заторопился:

— Нет, я не могу этого сделать. Я не человек действия, не герой приключенческого романа. Я библиотекарь. Я могу помочь вам в библиотеке, но летать в космос неизвестно зачем, как Дон Кихот...

— Послушайте, — мягко настаивал Антор, — мы с доктором Дареллом долго совещались и решили, что лучше вас никто с этим не справится. Вы библиотекарь? Великолепно! Ваше поведение будет вполне естественным. Вы интересуетесь жизнью Мула, собрали о нем целую библиотеку. Никто не удивится, если вы захотите узнать о нем больше. Если вы попросите разрешения на посещение дворца, вас ни в чем не заподозрят. Более того, у вас есть

собственный одноместный корабль. Всем известно, что отпуск вы проводите на других планетах. На Калгане вы еще не были. Вам нужно всего лишь полететь туда и вести себя, как ни в чем не бывало.

— В-вы хотите, чт-тобы я п-пошел к Штеттину и с-сказал: «Господин П-первый Гражданин, п-позвольте мне п-посетить дво рец Мула»?

— Почему бы и нет?

— Потому, что он не позволит!

— Если не позволит, вы вернетесь к нам и мы придумаем что-нибудь другое.

Мунн чуть не плакал. Как он ни сопротивлялся, его все же втравили в ненавистное ему дело. Напрасно он бросал на товарищей умоляющие взгляды: никто не хотел помочь ему выпутаться.

В этот вечер в доме доктора Дарелла было принято два решения. Одно из них приняли в лаборатории пятеро мужчин. Оно предписывало Хомиру Мунну в первый же день отпуска отправиться на Калган. Второе, неправомочное, решение было было принято таким же неправомочным членом совещания, после того как он спрятал под подушку звукоуловитель и приготовился ко сну. О сущности этого решения мы пока умолчим.

10. Кризис надвигается

Во Втором Фонде прошла неделя, и Первый Спикер вновь улыбнулся Ученику.

— Очевидно, вы плодотворно поработали, иначе вы не были бы исполнены такого гнева.

Ученик припечатал ладонью стопку исписанной бумаги, которую принес с собой, и спросил:

— Вы уверены, что поставили передо мной реальную проблему?

— Все предпосылки верны. Я ничего не исказил.

— Что ж, придется смириться с результатом, хотя мне очень не хочется этого делать.

— Не могу вас ничем утешить: история не станет считаться с вашими желаниями. Ну, расскажите, что вас так обеспокоило? Нет, отложите расчеты в сторону, я просмотрю их позже. Изложите ваши мысли словами. Я хочу оценить, насколько глубоко вы проникли в суть проблемы.

— Что ж, Спикер... Становится очевидным, что в психологии ученых Первого Фонда произошла значительная перемена. Пока жители Первого Фонда знали, что План Селдона существует, но не знали, в чем он заключается, они были сомневающимися оптими-

стами. Они верили, что успех обязательно придет, но не знали, когда и откуда. Они пребывали в постоянном напряжении, чего и добивался Селдон. Можно было рассчитывать, что Первый Фонд будет работать с максимальной отдачей.

— Сомнительная метафора, — сказал Первый Спикер, — но я вас понимаю.

— Сейчас в Первом Фонде узнали о существовании Второго. Люди догадываются о его роли. Они знают, что за каждым их шагом кто-то следит, и надеются, что этот кто-то не позволит им оступиться. Они отказались от борьбы и плывут по течению. Простите, еще одна метафора.

— Ничего, продолжайте.

— Отказ этих людей от борьбы, их растущая инертность, ширящиеся среди них упадочные и гедонистические настроения означают крах Плана Селдона. Нельзя помогать Первому Фонду, он должен развиваться самостоятельно.

— Это все?

— Нет. Я описал реакцию большинства. У некоторого, довольно значительного, меньшинства, наша опека вызывает протест. Это следует из теоремы Кориллова.

— Да, да, знаю.

— Простите, Спикер, трудно обойтись без математики. Как бы то ни было, Первый Фонд не только перестал развиваться, но какая-то его часть стала активно действовать против нас. Против нас!

— Теперь все?

— Остается еще один исход, вероятность которого сравнительно невелика.

— Отлично. Что это за исход?

— Пока энергия Первого Фонда была направлена на борьбу с Империей, пока его врагами были массивные и неуклюжие обломки прошлого, Первый Фонд развивал в основном физику. Теперь, увидев соперника в нас, они могут постараться изменить свою ориентацию, то есть, стать психологами.

— Это уже произошло, — спокойно сказал Первый Спикер.

Ученик побледнел.

— Это конец. Это главное расхождение с Планом. Зачем я стал кандидатом в Спикеры! Я бы этого не знал!

— Вы чувствуете унижение, молодой человек, — заговорил Первый Спикер, — оттого, что, оказывается, знаете и понимаете не так много, как вам казалось. Вы считали себя одним из хозяев Галактики, а оказалось, что вы на грани краха. И вы проклинаете оранжерею, в которой вас воспитывали, и воспитателей, которые

пичкали вас иллюзиями. Это вполне естественно. Когда-то я испытал то же самое. И все же, поверьте, это необходимо. Мы могли бы сказать вам правду раньше и уберечь вас от потрясения, но тогда у вас не было бы желания усваивать знания и оттачивать логику. Вы не увидели бы того единственного шанса, который видите теперь. Неужели вы не нашли выхода?

— Нет, — Ученик безнадежно опустил голову.

— Неудивительно. Слушайте, молодой человек! Выход есть. Вот уже десять лет мы идем по этому пути. Он не вполне приемлем, но лучшего нет. Этот путь связан с низкими вероятностями, опасными предприятиями. Иногда приходится учитывать реакции отдельных людей, хотя психостатистика бессмысленна в применении к отдельным людям.

— Что-нибудь получается? — выдохнул Ученик.

— Пока ничего сказать нельзя. В настоящий момент ситуация стабильна, но существует вероятность (что идет вразрез с принципами психоистории), что действия отдельной личности могут ее дестабилизировать. Мы держим под контролем некоторое число людей, чьи действия могут повлиять на ситуацию. У нас есть агенты в Первом Фонде. Однако, они действуют строго по инструкции, им запрещено импровизировать. Не объясняю, почему: вы должны это понимать. Теперь главное: если это обнаружится, не только творение Селдона будет уничтожено, но и мы с вами. Мы будем уничтожены физически. Так что предложенное нами решение не самое лучшее.

— Я не рискнул бы называть это решением. Это отчаянные полумеры.

— Нет. Согласитесь, это разумные полумеры.

— Когда наступит кризис, Спикер? Когда мы узнаем, победили мы или погибли?

— Не позже, чем через год.

Ученик подумал и кивнул.

— И все же хорошо, что я об этом узнал, — сказал он, прощаясь со Спикером за руку.

Ученик ушел. Первый Спикер подошел к окну и задумался, глядя на звезды. Год пройдет быстро. Будет ли кто-то из наследников Селдона жив через год?

11. Безбилетный пассажир

Прошел месяц. Началось лето. Начало лета — это не наступление теплой погоды, это время, когда Хомир Мунн составляет годовой финансовый отчет и инструктирует присланного заместителя. В прошлом году прислали совершенно безответственного человека. Это время, когда Мунн готовит к полету свой маленький

корабль «Юнимара», названный в честь героини романтического эпизода, произошедшего с Мунном двадцать лет назад.

Хомир Мунн улетал с Термина в мрачном настроении. Никто не пришел в космопорт проводить его. Это выглядело бы подозрительно, потому что его никогда никто не провожал. Мунн понимал, что все должно быть, как в прошлые годы, и все же ему было обидно. Он, Хомир Мунн, рискуя жизнью, пошел на эту возмутительную авантюру, а его бросили одного.

Мунн ошибался, думая, что его бросили одного. Когда ошибка Мунна обнаружилась, на «Юнимаре» и в доме доктора Дарелла поднялся переполох.

Первой ошибку обнаружила Поли, горничная Дареллов, недавно вернувшаяся из отпуска. Топая и охая, она побежала вниз по лестнице. Увидев доктора Дарелла, она некоторое время пыталась выразить свои чувства словами, но, осознав свое бессилие, сунула ему в руки листок бумаги и какой-то предмет кубической формы.

— Что случилось, Поли? — спросил доктор, неохотно принимая из рук горничной письмо и кубик.

— Она ушла!

— Кто?

— Аркадия!

— Как так ушла? Куда ушла? О чем вы говорите?

— Не знаю! — Поли топнула ногой. — Ушла, и все! Взяла чемодан, кое-какие вещи, оставила письмо и ушла. Что вы стоите, доктор? Прочтите письмо! Ох, уж эти мужчины!

Доктор Дарелл пожал плечами и развернул письмо. Письмо оказалось коротким. Написанное изящным почерком транскриптора, оно заканчивалось собственноручной корявой подписью дочери.

Дорогой папа!

Я не решилась прощаться с тобой лично. Я расплакалась бы, и тебе пришлось бы краснеть за меня. И вот, я пишу письмо, чтобы сказать, что буду скучать о тебе, хотя мне предстоят замечательные каникулы в обществе дяди Хомира. Я буду хорошо себя вести и скоро вернусь. Оставляю тебе одну вещь, очень дорогую для меня.

Твоя любящая дочь Аркади.

Доктор перечел письмо несколько раз, с каждым разом становясь все бледнее.

— Поли, вы читали это? — спросил он сухо.

Поли перешла в наступление.

— Я не виновата, доктор! Сверху было написано «Поли», откуда же я знала, что письмо адресовано вам? За все время, что я работаю у вас, я ни разу...

— Ладно, ладно, Поли, — примирительно заговорил доктор. — Я не об этом. Просто хотел удостовериться, что вы понимаете, что произошло.

Доктор напряженно размышлял. Нет, нельзя приказать Поли забыть о случившмеся. Во-первых, для Второго Фонда не существует понятия «забыть», а, во-вторых, подобное распоряжение подчеркнет важность случившегося и произведет противоположный эффект.

— Поли, вы ведь знаете: Аркадия — девочка с причудами. Она так романтически настроена. С тех пор, как я пообещал устроить ей во время каникул космическое путешествие, она сама не своя.

— Почему мне ничего не сказали об этом путешествии?

— Мы обо всем договорились, пока вы были в отпуске, а потом забыли. Вот и все.

Поли переключила всю свою энергию на возмущение.

— Это у вас называется все? Девочка поехала с одним несчастным чемоданчиком! Ей нечего будет надеть! Кто ее покормит? Когда она вернется?

— Успокойтесь, Поли! На корабле есть все необходимое. Мы обо всем позаботились. Скажите, пожалуйста, мистеру Антору, что я хочу его видеть. Нет, постойте. Аркадия оставила мне какую-то вещь. Это она? — доктор повертел в руках кубик.

Поли пожала плечами.

— Я ничего не знаю. На столе лежало письмо, а сверху — эта штука. Надо же, они забыли мне сказать! Была бы жива ее мать...

Доктор замахал руками.

— Поли, пожалуйста, позовите мистера Антора.

Антор отнесся к случившемуся не столь философски, как отец Аркадии. Он выкрикивал междометия, сжимал кулаки и дергал себя за волосы. Обретя способность говорить связно, он предложил:

— Чего мы ждем? Бежим в порт! Свяжемся с «Юнимарой» и остановим ее.

— Полегче, Пеллеас, там моя дочь!

— Зато здесь не ваша Галактика!

— Погодите. Аркадия умная девочка, я уверен, что она все продумала. Давайте поразмыслим и попытаемся предположить, что она станет делать. Вы знаете, что это такое?

— Нет. При чем здесь этот аппарат?

— Это звукоуловитель.

— Это?

— Да. Самодельный, но работает вполне удовлетворительно. Я его испытал. Аркадия дает нам понять, что слышала наши политические споры. Она знает, куда и зачем отправился Хомир Мунн. Ей захотелось полететь с ним.

— О, Галактика! — простонал Антор. — Это будет еще одна жертва Второго Фонда!

— Если только Второй Фонд догадается заподозрить в чем-то четырнадцатилетнюю девочку. Мы можем ему в этом помочь, если помчимся в порт и будем пытаться остановить «Юнимару». Вы забыли, с кем мы имеем дело? Забыли, по какому тонкому льду мы ходим?

— Тем более нельзя допускать, чтобы все зависело от взбалмошной девчонки!

— Моя дочь не взбалмошная, а у нас нет выбора. Она могла не оставить письмо, но оставила, чтобы мы не обратились в полицию и не организовали поиски пропавшего ребенка. Письмо составлено так, что можно подумать, будто Мунн просто пригласил дочь старого друга в интересную поездку. Почему бы и нет? Вот уже двадцать лет, как мы дружим. Аркадия выросла у Хомира на глазах. Кстати, очень удачно, что она отправилась с ним. Обычно шпионы не возят с собой малолетних дочерей своих друзей.

— Допустим. А что сделает Мунн, когда увидит ее?

Доктор пошевелил бровями.

— Не знаю, но думаю, что Аркадия с ним справится.

Всю ночь доктор Дарелл не мог заснуть, а к утру понял, что судьба Галактики значит для него удивительно мало, когда жизнь его дочери в опасности.

События на «Юнимаре», в которых принимали участие всего два человека, происходили более драматично.

Аркадия устроилась в багажном отсеке и в скором времени обнаружила, что ее положение весьма незавидно. Она мужественно перенесла стартовые перегрузки и легкое головокружение, сопровождавшее первый скачок через гиперпространство. Аркадии приходилось бывать в космосе, и эти ощущения были ей знакомы. Она не боялась задохнуться, так как знала, что багажный отсек подключен к общей системе вентиляции. Здесь был даже свет, но Аркадия не стала его включать, чтобы не развеивать романтическую атмосферу. Стараясь дышать как можно тише, она сидела в темноте, как настоящий шпион, и прислушивалась к звукам, доносившимся из соседнего отсека.

Это были обычные домашние звуки: шарканье туфель, шорох ткани по металлу, скрип стула, прогибающегося под весом тела,

щелчок выключателя, шлепок ладони по стеклу фотоэлектрического элемента.

Аркадия постаралась все предусмотреть. Она знала по фильмам и книгам, что нужно осторожно двигаться, чтобы ничего не свалить, что нужно носить с собой носовой платок, чтобы некстати не чихнуть. Шпионам нужно есть и пить — Аркадия набила чемодан консервами. Однако, она не подумала о вещах, которых не показывают по телевизору и не описывают в книгах. Настал момент, когда Аркадия поняла, что не может находиться в багажном отсеке неограниченное время.

А в одноместном кораблике, в котором была только одна жилая комната, трудно было рассчитывать, что Мунн отлучится и предоставится возможность на время покинуть багажный отсек.

Аркадия с нетерпением ждала, когда Мунн заснет. Хорошо, если он храпит. Вот заскрипела кровать, послышался зевок, затем глубокий вздох. Стало тихо, потом кровать снова заскрипела, видимо, Мунн устраивался поудобнее.

Аркадия толкнула дверь пальцем, и дверь приоткрылась.

Что-то зашуршало. Аркадия замерла.

Ей очень хотелось выглянуть за дверь, не высовывая головы, но это оказалось невозможным. Пришлось высунуть голову.

Хомир Мунн не спал. Над его кроватью горела лампочка: на коленях у Мунна лежал футляр от книги, а рука шарила под подушкой.

Аркадия юркнула обратно в багажный отсек. Во всем корабле погас свет, и дрожащий голос Мунна сказал:

— У меня бластер! Сейчас выстрелю!

— Это я! Не стреляйте! — завопила Аркадия.

До чего нежный цветок романтика! Стоит оказаться рядом нервному человеку с оружием, и цветок тотчас же увядает.

Зажегся свет, и Аркадия вышла из-за двери. Мунн, раздетый и небритый, сидел на кровати. Увидев Аркадию, он чуть было не выскочил из постели от удивления, но вовремя вспомнил, что раздет, и натянул на себя одеяло.

— Ч-ч... Ч-что? — только и выговорил он.

— Простите, — кротко сказала Аркадия, — мне нужно помыть руки, — и убежала.

Когда она вернулась, Хомир Мунн, в выцветшем халате и с бластером в руке, шагнул ей навстречу.

— Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала? Что я должен теперь делать? Что это такое?

Мунн мог бы задать еще много вопросов, но Аркадия с милой улыбкой сказала:

— Дядя Хомир, я просто хотела полететь с вами.

— Да? Ты знаешь, куда я лечу?

— Вы летите на Калган за сведениями о Втором Фонде.

Мунн взвыл и упал на кровать. Аркадия испугалась, что он впадет в истерику и начнет биться головой о стену. Он по-прежнему держал бластер в руке, и Аркадии было немного не по себе.

— Дядя Хомир, все в порядке... не волнуйтесь, — больше она ничего не придумала.

Мунн с силой швырнул бластер на пол и попытался успокоиться.

— Как ты все-таки пробралась сюда? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Очень просто. Вошла в ангар со своим чемоданом и сказала: «Багаж мистера Мунна». Дежурный даже не взглянул на меня, махнул рукой, чтобы проходила.

— Знаешь, мне придется отвезти тебя обратно, — сказал Мунн с тайной радостью.

Его никто ни в чем не сможет упрекнуть. Не его вина, что так вышло.

— Этого нельзя делать, — заметила Аркадия. — Вас начнут подозревать.

— Что?

— Вы сами знаете. Вас послали на Калган, потому что ваше стремление побывать во дворце Мула можно считать вполне естественным. Во всем остальном вы должны вести себя так же естественно, чтобы не привлечь ничьего внимания. Если вы отвезете меня обратно, мы можем попасть в теленовости.

— Ч-что за глупости! Какой Калган? — Мунн так категорично все отрицал, что не смог бы убедить и менее осведомленного, чем Аркадия, человека.

— Я все знаю. Я подслушала вас с помощью специального устройства, — сказала Аркадия чуть ли не с гордостью. — Вам ничего не остается делать, только взять меня с собой.

— А твой отец? — выставил козырь Мунн. — Он решит, что тебя похитили или убили.

— Я оставила ему записку, — парировала Аркадия. — Надеюсь, он догадается, что не стоит поднимать шум. Думаю, что скоро он с нами свяжется.

И тут же, словно по волшебству, загудел приемник.

— Спорим, что это папа, — сказала Аркадия.

Сообщение было кратким и предназначалось Аркадии. Оно гласило: «Спасибо за подарок. Очень полезная вещь. Желаю приятно провести время.»

— Вот видите! Приказано лететь дальше.

Хомир привык к обществу Аркадии и в глубине души был даже рад ему. Иногда ему казалось, что он не смог бы без нее обойтись. Она болтала, смеялась и ни о чем не беспокоилась. Она знала, что

они вступили в борьбу со Вторым Фондом, но ее это ничуть не волновало. Она знала, что на Калгане им придется иметь дело с недружественным правительством, и не могла дождаться прибытия на Калган.

Наверное, это оттого, что ей четырнадцать лет.

Как бы то ни было, неделя полета проходила в беседах, а не в самокопании. Конечно, толку от этих бесед мало, потому что они все вертятся вокруг того, что и как нужно говорить правителю Калгана. Суждения девочки, безусловно, незрелы, но очень забавны, а произносит она их с уморительной важностью. Хомир обнаружил, что еще способен улыбаться. Он слушал болтовню Аркадии и дивился: откуда она вычитала такие дикие представления о Вселенной.

Это было вечером, перед последним скачком. Калган горел в темном небе яркой точкой. В телескопе корабля точка превращалась в крохотный диск.

Аркадия сидела на единственном стуле, подобрав под себя ноги. Она была одета в брюки и рубашку Хомира, которые были ей тесноваты. Свою одежду перед выходом в свет Аркадия решила постирать.

— Когда я вырасту, — сказала она, — я буду писать исторические романы.

Аркадия получала от поездки огромное удовольствие. Дядя Хомир всегда выслушивал ее внимательно и серьезно, и ей это льстило.

— Я прочла много книг о героях Фонда, — продолжала она. — О Селдоне, Хардине, Мэллоу, Деверсе и других. Я прочла почти все, что вы написали о Муле, пропустила только те места, где Фонд терпит поражение: тяжело читать. По-моему, гораздо интереснее читать историю, из которой вырезаны грустные места. Правда?

— Правда, — согласился Мунн, — но это не настоящая история, Аркади. Она не имеет научной ценности.

— Ха! Кому нужна научная ценность! — «Какая он прелесть! Не забывает называть меня Аркади». — Мои романы будут занимательными, будут хорошо продаваться и прославятся. Зачем писать книги, которых никто не будет покупать и читать? Я хочу, чтобы меня знали все, а не только старые профессора.

Аркадия представила себя знаменитой, улыбнулась и поудобнее устроилась на стуле.

— Как только папа разрешит, я отправлюсь на Трантор собирать материал о Первой Империи. Я ведь родилась на Транторе, вы знаете?

Мунн это знал, но с удивлением в голосе произнес:

— Правда?

Наградой ему была лучезарная улыбка.

— Правда. Моя бабушка, Байта Дарелл — вы наверняка о ней слышали — тоже когда-то там была, с дедушкой. Там они остановили Мула, который захватил чуть не всю Галактику. Мои родители, когда поженились, поехали на Трантор. Там я и родилась. Мы жили там некоторое время, пока мама не умерла. Мне тогда было три года, я мало помню. Вы бывали на Транторе, дядя Хомир?

— Нет, не бывал.

У Мунна вдруг испортилось настроение: он вспомнил, что Калган близко.

— Это сказочный мир. Папа говорит, что при Стэннеле V — население Трантора было больше, чем население любых десяти современных миров, вместе взятых. Папа говорит, что это был один огромный город, целиком сделанный из металла, — столица всей Галактики. Он показывал мне фотографии. Сейчас там одни развалины, но какие они величественные. Мне так хочется побывать на Транторе. Между прочим... Хомир!

— Да?

— Почему бы нам не слетать на Трантор, когда мы закончим дела на Калгане?

Страх, который Хомир так старательно скрывал, все же проступил на его лице.

— О чем ты говоришь! Запомни: мы едем по делу, а не на прогулку.

— Трантор тоже дело! — крикнула Аркадия. — Там может быть масса информации. Разве нет?

— Мне кажется, что нет, — Мунн поднялся на ноги. — Ну-ка, отойди от компьютера. Мне нужно рассчитать последний скачок.

Одно лишь радовало Мунна: больше не придется спать на металлическом полу, укрываясь пальто.

Расчет не отнял у него много времени. В «Атласе космических маршрутов» маршрут Фонд-Калган был описан очень подробно. Скачок — и последний световой год остался позади.

Ярко светило большое бело-желтое солнце Калгана. Иллюминаторы на солнечной стороне автоматически закрылись. До Калгана оставалась ночь пути.

12. Правитель

Калган — планета с уникальной историей. История Термина, например, — непрерывный подъем; история Трантора — непрерывный спад.

Калган еще до появления на свет Хари Селдона прославился на всю Галактику, как мир удовольствий. Развлечения были на Калгане основной — и чрезвычайно прибыльной — отраслью промышленности. Увеселение публики — индустрия, которой не грозит

кризис. Цивилизация в Галактике постепенно умирала, а Калган процветал. Как бы ни складывалось экономическое и политическое положение в соседних секторах Галактики, в них всегда находилась элита, а развлечения, как известно, — ее основная обязанность и привилегия. Калган с одинаковой готовностью ублажал как имперскую аристократию — томных, надушенных лордов и страстных, хищных леди, так и солдафонов-диктаторов с их расфуфыренными подругами и преуспевающих толстощеких промышленников Фонда с их преступными любовницами.

Все они имели деньги, это главное их сходство затмевало все различия. И поскольку продукция Калгана пользовалась неослабевающим спросом, а Калгану было безразлично, от кого получать за нее деньги; поскольку Калган не вмешивался в галактическую политику, никого не поддерживал и ни с кем не соперничал, он процветал, когда другие нищенствовали, и пресыщался, когда другие голодали.

Потом появился Мул, и Калган пал перед завоевателем, равнодушным ко всем удовольствиям, кроме завоеваний. Для Мула все миры были одинаковы.

На десять лет Калган оказался в непривычной роли галактической столицы, центра огромной империи, величайшей со времен Первой Галактической Империи.

Мул умер, его империя распалась. Первым откололся Фонд, вслед за ним восстановили свою независимость и другие доминионы Мула.

Прошло пятьдесят лет, и на Калгане осталось лишь смутное воспоминание о власти над другими мирами. Оно опьяняло, как опиум, и Калган уже не мог вернуться к прежней беззаботной жизни. Калганом правили люди, которых в Фонде называли лордами. Сами они именовали себя Первыми Гражданами, подражая Мулу, и мнили себя великими завоевателями.

Последний Первый Гражданин занимал этот пост всего пять месяцев. Он получил его, пользуясь своим положением командующего флотом и неосторожностью предыдущего Первого Гражданина. На Калгане не нашлось людей, настолько глупых, чтобы поставить вопрос о законности пребывания нового Первого Гражданина на его посту. Это не первый подобный случай в истории.

Однако, столь нецивилизованная процедура выхода к власти иногда пропускает наверх достаточно способных людей. Лорд Штеттин был компетентным и самостоятельным правителем. С ним нелегко было договориться.

С ним не мог сладить его Первый министр, честно служивший предыдущему лорду и готовый столь же честно служить всем последующим, на которых хватит его жизни.

С ним не могла сладить леди Каллиа, значившая для лорда Штеттина больше, чем просто подруга, но меньше, чем жена.

В тот вечер все трое сидели в личных апартаментах лорда Штеттина. Первый Гражданин, величественный и блестящий, в форме адмирала, сидел на зачехленном стуле так прямо и неподвижно, будто тоже был отлит из пластмассы. Первый министр Лев Меирус отсутствующим взглядом смотрел мимо Первого Гражданина и рассеянно гладил длинным пальцем свой крючковатый нос. Леди Каллиа, надув губки, полулежала на кушетке, обитой мягким мехом.

— Сэр, — сказал Мерус (это был единственный титул Первого Гражданина), — вы недооцениваете непрерывность истории. Опыт вашей жизни, полной подвигов и свершений, подсказывает вам убеждение, что ход истории можно в любой момент изменить, приложив известное усилие. Вынужден заметить, что это не так.

— Это доказал Мул.

— Его жизнь никто не в силах повторить. Он был больше, чем человек, согласитесь. И даже ему не все удалось.

— Котик, — пропела леди Каллиа.

Первый Гражданин сердито отмахнулся, и она испуганно умолкла.

— Не мешай, Каллиа! Меирус, я устал от бездействия. Мой предшественник отдал жизнь, чтобы организовать флот, равного которому нет во всей Галактике.

Он умер, так и не воспользовавшись этим совершенным и мощным орудием. Бездействуя, оно заржавеет, а я, адмирал, не могу этого допустить. Мы постоянно вкладываем во флот деньги, ничего не получая от него. Офицеры жаждут славы, а солдаты — трофеев. Калгану нужна империя — вы можете это понять?

— Я вас понимаю, постарайтесь и вы меня понять. Власть, слава, добыча приятны, когда они есть. Путь к ним опасен и почти всегда неприятен. Удача может неожиданно обернуться поражением. Вспомните, нападение на Фонд ни для кого хорошо не кончалось. Даже Мулу не стоило с ним связываться...

В пустых голубых глазах леди Каллии стояли слезы. Ей так редко приходилось бывать с Котиком наедине. Этот вечер он обещал ей, но вот пришел этот ужасный, седобородый, худой человек, всегда глядящий скорее сквозь нее, чем на нее. И Котик принял его. Она не решалась произнести ни слова, боялась даже всхлипнуть.

Штеттин был в том настроении, которое леди Каллиа больше всего не любила. Он говорил жестко и нетерпеливо:

— Вы раб далекого прошлого. Фонд превосходит нас по территории и численности населения, но в нем нет единства. Он

распадется под нашими ударами. Лишь инерция удерживает вместе миры Фонда, а я достаточно силен, чтобы ее преодолеть. Фонд был силен раньше, когда ни у кого больше не было атомной энергии, а флоты состояли из разбитых посудин.

Мул положил конец монополии Фонда на науку. Он распространил по всей Галактике знание, которое Фонд держал в секрете. У нас есть все, чтобы выступить против Фонда.

— Вы забываете о том, что существует Второй Фонд, — холодно заметил Меирус.

— Второй Фонд? — так же холодно переспросил Штеттин. — Вам известны его намерения? Ему потребовалось десять лет на то, чтобы уничтожить Мула, если верить сказкам о том, что Мула уничтожил именно Второй Фонд. Вы знаете, что среди психологов и социологов Фонда широко распространено мнение, что Мул полностью сорвал план Селдона? Если же действие плана прекратилось, значит, образовался вакуум, который я могу заполнить.

— Мы знаем об этом так немного, что не имеем права принимать решения.

— Мы можем узнать больше. На нашей планете сейчас находится гражданин Фонда — некий Хомир Мунн. Он написал несколько работ о Муле, где высказал мнение, что План Селдона сорван.

— Я слышал о нем и о его работах, — кивнул Первый министр. — Что ему нужно на Калгане?

— Он просил разрешения посетить дворец Мула.

— Вот как... Нужно отказать. Не следует разрушать суеверие, на котором держится государство.

— Я подумаю об этом и объявлю о своем решении при следующей встрече.

Меирус поклонился и вышел.

Леди Каллиа со слезами в голосе спросила:

— Ты не сердишься на меня, Котик?

Штеттин напустился на нее:

— Сколько раз я тебя просил не называть меня так при посторонних!

— Тебе нравилось...

— Разонравилось! Чтобы этого больше никогда не было!

Штеттин мрачно уставился в пол. Удивительно, как он терпел ее до сих пор. Она была добрым, недалеким существом, приятным на ощупь. Ее привязанность скрашивала полную превратностей жизнь Штеттина, но в последнее время эта привязанность становилась утомительной. Каллиа мечтала о свадьбе, о титуле Первой Дамы.

Странно: адмирала она вполне устраивала, а Первому Гражданину и будущему завоевателю нужно было что-то большее. Ему

нужны были наследники, способные удержать его будущие доминионы. У Мула не было наследников, поэтому его империя не пережила его. Ему, Штеттину, нужна для основания женщина из какой-нибудь знатной семьи Фонда.

Он подумал, не избавиться ли от Каллии. Это будет нетрудно. Впрочем, не стоит. Она иногда оказывается очень полезной.

Каллиа тем временем приободрилась. Седобородый ушел, и железные черты Котика понемногу смягчились. Каллиа плавным движением поднялась с кушетки и прижалась к Штеттину.

— Ну, не ругай меня, пожалуйста...

— Ладно, не буду, — он рассеянно погладил ее по спине, — только помолчи немного, мне нужно подумать.

— Хорошо... Котик!

— Да?

— Котик, помнишь, ты говорил, что человек из Фонда привез с собой девочку. Можно мне будет с ней поговорить? Я никогда...

— У меня есть дела поважнее, чем принимать у себя во дворце детей! Здесь не воскресная школа! Оставь эти глупости, Каллиа.

— Тебе не придется ею заниматься. Я буду с ней говорить. Я так редко вижу детей и так их люблю!

Штеттин саркастически усмехнулся и поджал губы. Такой ход она делает впервые. Она, видите ли, любит детей, то есть, его детей, то есть, законных детей, то есть, надо пожениться. Он засмеялся.

— Этому «ребенку» четырнадцать лет. Она, наверное, выше тебя.

Каллиа тяжело вздохнула.

— Ну, пожалуйста, Котик. Мне так хотелось расспросить ее о Фонде. Мой дедушка родом из Фонда. Я мечтаю когда-нибудь там побывать. Давай когда-нибудь поедем в Фонд, Котик.

Штеттин улыбнулся, подумав, что неплохо бы въехать в Фонд завоевателем. От этой мысли поднялось настроение, и он ответил:

— Конечно, конечно. Можешь поговорить с этой девочкой, только чтобы меня это не отвлекало от дел.

— Честное слово, мы тебе не помешаем. Я уведу ее в свою комнату.

Леди Каллиа была счастлива. В последнее время ей не часто удавалось настоять на своем. Она обняла Штеттина за шею, и он, после недолгого колебания, положил голову ей на плечо.

13. Правительница

Аркадия торжествовала. С тех пор, как Пеллеас Антор расплющил свой глупый нос об оконное стекло, жизнь так переменилась! А все потому, что у нее, Аркадии, хватило ума и смелости поступать так, как следовало поступать.

И вот она на Калгане. Она побывала в Центральном театре и слышала голоса певцов, известных даже в далеком Фонде. Она сама делала покупки в Центре Моды, потому что Хомир ничего не понимал в женской одежде. Продавщицы предлагали ей длинные, расшитые блестками платья с продольными складами, в которых она казалась выше и тоньше. Хомир дал ей десятикредитовую бумажку и, когда Аркадия обменяла ее на калганские калганиды, получилась толстая пачка. Она сделала другую прическу: на висках оставила, как было, а на затылке попросила сделать покороче. Ей чем-то подкрасили волосы, и они стали из золотистых просто золотыми.

Но самое главное... Конечно, дворец лорда Штеттина не так роскошен, как театр, и не окружен таким романтическим ореолом, как дворец Мула, шпили которого она мельком видела, пролетая над планетой, но все же это дворец настоящего лорда. Аркадия упивалась каждой минутой, проведенной во дворце.

Ее пригласила к себе сама Фаворитка лорда. Аркадия мысленно написала это имя с большой буквы, потому что знала, какую роль фаворитки играют в истории, какова их слава и власть. Она сама не прочь была стать фавориткой, знаменитой и могущественной, да только в Фонде это сейчас не модно и папа вряд ли позволит.

Леди Каллиа не совсем соответствовала представлению Аркадии о том, какой должна быть подруга правителя. Она была довольно пухленькая и нисколько не казалась коварной и жестокой. Окруженные первыми морщинами глаза смотрели близоруко, голос был высокий, хотя Аркадия ожидала услышать грудное контральто.

Каллиа спросила:

— Хочешь еще чаю, девочка?

— Спасибо, Ваша Светлость, я выпью еще чашку.

«Может, «Ваше Высочество» лучше?»

Аркадия продолжала со снисходительностью затока:

— У вас такое красивое ожерелье, моя госпожа!

«Пожалуй, «моя госпожа» лучше всего.»

— Правда? — Калии польстил комплимент.

Она сняла ожерелье и поиграла им.

— Тебе нравится? Бери его себе!

— О! Благодарю вас! — Аркадия подержала украшение в руке, полюбовалась и, собрав всю свою волю, протянула хозяйке. — Папа этого не одобрит.

— Почему? Ему не нравится жемчуг?

— Он будет недоволен, что я приняла его от вас в подарок. Он говорит, что нехорошо брать дорогие подарки от чужих людей.

— Нехорошо? Значит, и я поступила нехорошо, взяв это ожерелье в подарок от Первого Гражданина?

Аркадия покраснела.

— Нет, я хотела сказать...

Но леди Каллиа устала говорить на эту тему. Уронив ожерелье на пол, она сказала:

— Ты обещала рассказать мне о Фонде. Начинай.

Аркадия растерялась. Что можно рассказать об этом скучном до слез мире? Для нее Фонд ограничивался маленьким городом, в котором она жила, домом, ежедневными уроками прозаическими, обязанностями.

— О Фонде написано столько книг, — неуверенно начала она. — Вы, наверное, их читали.

— Ты читаешь книги? Я не могу: у меня от них болит голова. Я очень люблю фильмы о ваших торговцах — героических, сильных людях. Ваш друг, мистер Мунн, наверное, один из них? Правда, с виду он очень цивилизованный. В фильмах все торговцы носят бороды, говорят басом и властно обращаются с женщинами. Это правда?

— Правда, моя госпожа, — ответила Аркадия с искусственной улыбкой, — но не вся. Такими торговцы были раньше, когда им приходилось осваивать космос, раздвигать границы Фонда и нести цивилизацию в другие миры. Мы это проходили в школе. Теперь другое время, независимых торговцев больше нет. Торговлей занимаются корпорации.

— А я не знала, какой позор! Если мистер Мунн не торговец, чем же он занимается?

— Он библиотекарь.

Каллиа покачала головой и сокрушенно поцокала языком.

— Он присматривает за книгами! Галактика! По-моему, для взрослого мужчины трудно придумать занятие глупее!

— Он очень хороший библиотекарь, моя госпожа, и в Фонде эта профессия пользуется большим уважением, — Аркадия поставила яркую чашку на молочно-белую металлическую поверхность стола.

Хозяйка забеспокоилась.

— Милая девочка, я не хотела тебя обидеть. Я уверена, что мистер Мунн умный человек. Это видно по его глазам. Они такие... глубокие. И, наверное, он храбрый человек, если хочет попасть во дворец Мула.

— Храбрый? — в душе Аркадии проснулась бдительность.

Вот то, чего она так долго ждала! Интрига! Интрига! Как можно равнодушнее, глядя на ноготь большого пальца, Аркадия спросила:

— Разве для того, чтобы посетить дворец Мула, нужна храбрость?

— И немалая! — леди Каллиа округлила глаза и перешла на шепот. — На нем лежит проклятие. Умирая, Мул сказал, что никто не войдет в его дворец, пока не будет основана Галактическая Империя. Не то что во дворец, даже на его территорию никто не заходит.

— Это суеверие, — сказала Аркадия, выслушав.

— Не говори так! — огорчилась Каллиа. — Котик тоже говорит, что это суеверие, но советует его поддерживать, потому что оно помогает ему сохранить власть над людьми. Но я не видела, чтобы он хоть раз ходил во дворец. И Таллос не ходил — это человек, который был Первым Гражданином до Котика, — тут ее посетила какая-то мысль, и она поинтересовалась. — А что нужно мистеру Мунну во дворце?

Пора действовать. Из книг и фильмов Аркадия знала, что настоящая власть находится в руках любовницы правителя, что все его решения зависят от прихоти подруги. Поэтому, если дяде Хомиру не удастся уговорить лорда Штеттина, то она, Аркадия, может попытаться уладить дело с леди Каллией. Правда, леди Каллиа не производит впечатление умной женщины, но история показывает...

— У него там очень важное дело, моя госпожа. Вы обещаете сохранить тайну?

— Клянусь! — сказала Каллиа, прижимая руку к белой пышной груди.

Аркадия начала издалека.

— Дядя Хомир великий знаток жизни и деятельности Мула. Он написал много книг, в которых доказывал, что с покорением Фонда Мул изменил историю всей Галактики.

— Как интересно!

— Он считает, что План Селдона...

Леди Каллиа захлопала в ладоши.

— Знаю! Знаю! Все торговцы в фильмах говорят о Плане Селдона. Селдон устроил все так, чтобы Фонд всегда побеждал. Там фигурирует какая-то наука, необычайно сложная. Я не понимаю длинных объяснений и не люблю их слушать. Но ты говори, дорогая. Ты так хорошо объясняешь, что мне все становится понятно.

Аркадия продолжала::

— Ну вот, Фонд не смог победить Мула, то есть План Селдона не сработал. Кто же должен основать Вторую Империю?

— Вторую Империю?

— Да, когда-нибудь должна образоваться Вторая Империя, но когда и как? Вот в чем вопрос. Потом, есть еще Второй Фонд.

— Второй Фонд? — леди Каллиа совсем растерялась.

— Ну да, это мир психологов, последователей Селдона. Они планируют историю. Они остановили Мула, потому что он появился не вовремя, а теперь они могут поддержать Калган.

— Зачем?

— У Калгана есть все возможности стать ядром новой империи.

Леди Каллиа задумалась.

— Ты хочешь сказать, что Котик станет императором?

— Этого нельзя сказать наверняка. Так считает дядя Хомир. Чтобы проверить свои предположения, он хочет посмотреть бумаги Мула.

— Все это так сложно, — с сомнением протянула леди Каллиа.

Аркадия молчала. Она сделала все, что могла.

Лорд Штеттин был зол. Беседа с библиотекарем из Фонда казалась ему неблагодарным занятием. Более того, он считал это ниже своего достоинства. Как так: он, повелитель двадцати семи миров, обладатель самой мощной в Галактике военной машины, преемник великого Мула должен обсуждать какую-то чепуху с книжным червем!

Проклятие!

Он должен нарушить обычаи Калгана. Пустить этого недотепу во дворец только потому, что тот хочет написать о Муле еще одну книгу! Во имя знания! Галактика! Неужели он думает, что ему поверят! Нормальные люди не принимают этих слов всерьез. Впрочем, чтобы не пустить библиотекаря во дворец, нужно придумать более веский довод, чем все доводы этого хлюпика, вместе взятые.

— Тебе-то что нужно? — рявкнул Штеттин, когда на пороге появилась леди Каллиа.

— Ты занят?

— Да, занят.

— Котик, здесь никого нет! Неужели ты не уделишь мне минутку?

— О, Галактика! Чего ты хочешь? Говори скорее.

— Девочка сказала, — начала, запинаясь, леди Каллиа, — что они с дядей собираются посетить дворец Мула. Мы могли бы пойти с ними. Там, наверное, красиво...

— Ах, она сказала! Пусть говорит, что хочет — ни она, ни мы, никто во дворец не пойдет. Оставь меня! Мне не до тебя!

— Но, Котик, почему? Почему им нельзя во дворец? Девочка сказала, что ты станешь основателем империи.

— Ничего не хочу знать... Что-что? — он подошел к Каллии и схватил ее за руку выше локтя. — Что она сказала?

— Мне больно. Если ты будешь на меня так смотреть, я не смогу вспомнить, что она сказала.

Штеттин отпустил ее, и Каллиа, потирая руку, плачущим голосом проговорила:

— Я обещала ей не рассказывать.

— Какие обещания? Говори! Сейчас же!

— Она сказала, что есть какой-то Второй Фонд, который изменил План Селдона и хочет помочь тебе основать империю. Вот и все. А мистер Мунн, оказывается, видный ученый; он хочет найти во дворце Мула подтверждение всему этому. Больше она ничего не сказала. Ты сердишься?

Штеттин не ответил. Он выбежал из кабинета, хлопнув дверью. Леди Каллиа проводила его печальным взглядом.

Не прошло и часа, как Первый Гражданин скрепил личной печатью два вердикта. Один из них предписывал пятистам кораблям военного флота отправиться в космос на учения. Другой привел в смятение одного человека.

Хомир Мунн уже приготовился к вылету домой, когда ему принесли конверт с печатью Первого Гражданина. В конверте было официальное разрешение посетить дворец Мула. Стоит ли говорить, что особой радости Мунн не испытал.

Аркадия ликовала. Она знала, что произошло. Вернее, ей казалось, что она знает.

14. Тревога

Поли накрывала стол к завтраку, поглядывая на приемник, из которого выползала лента со сводкой новостей. Чтение новостей не отвлекало Поли от работы, состоявшей лишь в том, чтобы обдумать меню, выставить на стол нужные контейнеры, а после завтрака убрать остатки.

Прочтя очередное сообщение, она покачала головой и заметила:

— Ах, люди такие злые!

Доктор Дарелл что-то пробурчал в ответ.

Поли продолжала визгливым скрипучим голосом, каким всегда произносила обличительные речи:

— Вы только посмотрите, что делают эти ужасные калганцы! Почему бы им не жить спокойно? Нет, им нужны скандалы. Вот, пожалуйста: «Толпа осаждает консульство Фонда». Если бы я могла, я бы каждому из них посадила свою голову на плечи. Почему люди такие недалекие? У них совершенно нет памяти, доктор Дарелл. Вспомните последнюю войну — это было после Мула. Я тогда была ребенком, но помню, сколько было горя. Дядю убили, а ведь ему

не было и двадцати. Тетя осталась одна с грудным младенцем на руках. А какой дядя был красивый: белокурый, кудрявый, с ямочкой на подбородке! Сейчас у его дочери — моей кузины — двое сыновей во флоте, и если что-нибудь случится...

Старики и женщины выставляли патрули в стратосферу — не дай Галактика, чтобы сейчас до этого дошло, — продукты были страшно дорогие, кое-что распределяли по карточкам. Мы жили впроголодь...

Не может быть, чтобы люди хотели воевать. Калганцам, я думаю, тоже приятнее сидеть дома с детьми и женами, чем носиться по космосу и рисковать жизнью. Во всем виноват этот страшный человек — Штеттин. Как только его земля носит! Убил старика Таллоса, а теперь хочет стать хозяином всего на свете.

Зачем ему с нами воевать, непонятно. Все равно мы победим. Так всегда было. Неужели все это нужно по Плану Селдона? Я иногда думаю, зачем планировать столько войн и смертей? Нет, я ничего не имею против Хари Селдона, он ученый, ему виднее. А что делает Второй Фонд? Почему не останавливает Штеттина? Будем надеяться, что остановит и ничего страшного не случится.

— Вы что-то сказали, Поли? — очнулся доктор Дарелл.

Глаза Поли удивленно округлились, потом сердито сузились.

— Нет, доктор, ничего. Молчу, как рыба. Разве в этом доме можно что-то сказать? Можешь хоть головой о стену биться, но попробуй хоть слово сказать! — и ушла, разгневанная.

Уход Поли произвел на доктора не большее впечатление, чем ее монолог.

Калган! Ерунда! Флот, вооруженный бластерами. Это не противник. Все же, отвернуться от этого нельзя. На прошлой неделе мэр предложил должность председателя комиссии по развитию науки. Он обещал дать ответ сегодня.

Доктор поерзал на стуле. Может, отказаться? Это покажется странным, а казаться странным сейчас никак нельзя. А Калган нужно выбросить из головы. У Дарелла один противник. Один.

Пока была жива жена, доктор рад был уклониться от борьбы, спрятаться от жизни. Как хорошо было на Транторе, среди руин прошлого. Тишина и забвение...

Но она умерла. Они не прожили вместе и пяти лет. Дарелл понял, что будет жить лишь для того, чтобы бороться с этим могущественным и осторожным врагом, который управляет его судьбой, который превратил его жизнь в войну с призраками, а Галактику — в шахматную доску.

Пусть это сублимация, он согласен, но лишь в борьбе он видит смысл своей жизни.

Пять счастливых лет он проработал в университете Сантэнни с доктором Кляйзе.

Кляйзе был хорошим экспериментатором, но теоретические разработки были ему не по силам. Дарелл ушел от Кляйзе, когда понял это.

Исследования, которые проводил Кляйзе, следовало бы держать в тайне, но Кляйзе не мог работать один. Ему нужны были сотрудники и информанты, а это — слабость.

Кляйзе не мог этого понять, а Дарелл не мог объяснить. Они расстались врагами. Так было нужно. Дарелл должен был уйти с поля боя побежденным — на случай, если кто-то за ним наблюдал.

Кляйзе работал с графиками, начерченными на бумаге, Дарелл проворачивал математические формулы в уме; Кляйзе окружил себя армией сотрудников, Дарелл работал один; Кляйзе был у всех на виду, Дарелл укрылся от любопытных глаз в загородном доме.

Он был очень близок к цели.

Психолог Второго Фонда — не человек, если судить по строению и работе мозга. Его отличие от обычного человека неуловимо, редкий психолог или нейрохимик заметит его, и все же оно есть. И поскольку оно сидит в мозгу, его нужно искать именно в мозгу.

Дано: человек со способностями Мула, врожденными или приобретенными, то есть, со способностями распознавать эмоции и управлять ими.

Найти: электрическую цепь, питающую эти способности, и детали энцефалограммы, ей соответствующие.

И тут в его жизнь вновь ворвался Кляйзе, в лице своего ученика Антора.

Карты! Графики! Для Дарелла это пройденный этап. Ему нужно не орудие, а рука, которая этим орудием управляет. Пришлось сотрудничать с Антором. Так безопаснее. От сотрудничества с мэром тоже не стоит отказываться. Придется стать председателем комиссии по развитию науки. Так безопаснее. Заговор внутри заговора.

Аркадия... Если бы его не трогали, этого никогда не случилось бы. Когда действуешь один, опасности подвергаешься тоже только ты один. Когда ты один...

Доктор Дарелл почувствовал, как в нем поднимается недоброе чувство к покойному Кляйзе, к живому и здравствующему Антору, ко всем дуракам, преисполненным благих намерений.

Аркадия сумеет за себя постоять. Она уже взрослая девочка. Она не даст себя в обиду, уговаривал себя доктор Дарелл.

В тот момент, когда доктор Дарелл гадал, сможет ли постоять за себя его дочь, Аркадия сидела в строгой приемной Первого

Гражданина. Вот уже полчаса она сидела здесь, глядя в потолок. Когда они с Хомиром входили, у дверей стояли вооруженные солдаты. Раньше их там не было.

Она была в приемной одна, но ощущала исходящую неизвестно от кого враждебность. И тоже в первый раз. К чему бы это?

Хомир пошел к лорду Штеттину. О чем они говорят?

Аркадия рассердилась. В книгах и фильмах в подобной ситуации герой знал, что его ждет, и был к этому готов. А она сидит и ничего не знает. Там, за дверью, может происходить что угодно. Что угодно, а она сидит.

Так. Припомним все, что уже произошло. Может быть, что-то выплывет.

Две недели Мунн почти не выходил из дворца Мула. Однажды, с разрешения Штеттина, он пригласил туда Аркадию. Дворец ей не понравился: он был большой, пустой и мрачный. Громким эхом отдавались под потолком шаги. Гораздо веселее ходить по широким, светлым улицам столицы этого мира, на самом деле менее богатого, чем Фонд, но более роскошного на вид.

Вечерами Хомир приходил зачарованный.

— Это сказка, — говорил он. — Если бы можно было разобрать дворец по кирпичику и перевезти на Термин — какой вышел бы музей!

Хомир уже не спешил домой. Он так увлекся работой, что позабыл все свои страхи. Аркадия определила это по верному признаку: Хомир не заикался. Однажды он сказал:

— Я нашел записи генерала Притчера.

— Это изменник, который прочесал всю Галактику в поисках Второго Фонда?

— Не совсем изменник, Аркади. Мул обратил его.

— Это одно и то же.

— Второго Фонда он так и не нашел. В материалах конференции, на которой обсуждалось учреждение Фондов, говорится, что Второй Фонд находится «на другом конце Галактики у Границы Звезд». Из этого исходили Мул с Притчером. Они не узнали бы Второй Фонд, даже если бы нашли его. Это безумие.

Он говорил для себя, но Аркадия внимательно слушала.

— У Притчера описана тысяча миров, а сколько еще не описано! И мы не в лучшем положении.

— Тс-с-с! — отчаянно зашипела Аркадия.

Хомир застыл. Опомнившись, он пробормотал:

— Не будем об этом говорить.

А теперь Хомир был у лорда Штеттина, а Аркадия ждала его за дверью и волновалась без видимой причины. Это было самое страшное...

...По другую сторону двери Хомиру тоже приходилось несладко. Он изо всех сил старался и в результате не мог членораздельно произнести и двух слов.

Лорд Шеттин, высокий, плотный, в полной форме, выглядел весьма внушительно. Тяжелый подбородок и еще более тяжелые кулаки придавали его словам особый вес.

— Итак, сэр, после двух недель работы вам нечего сказать? Может, вы боитесь огорчить меня плохим предсказанием? Мой флот будет разбит? Мне придется воевать не только с солдатами Первого Фонда, но и с призраками Второго?

— П-повторяю, м-мой госп-подин, я не п-пророк. Н-ничего не могу вам с-сказать.

— Не затем ли вы торопитесь домой, чтобы предупредить своих? Кончайте спектакль! Говорите правду, или я вырву ее из вас вместе с кишками!

— Я г-говорю п-правду, мой г-господин. Позвольте напомнить, что я гражданин Фонда, и н-насилие н-надо мной об-бойдется вам дороже, ч-чем вы ож-жидаете.

Правитель Каланга разразился хохотом.

— Не рассказывайте мне детские сказки! Мистер Мунн, я был с вами терпелив и в течение двадцати минут выслушивал чепуху, на сочинение которой вы, наверное, потратили не одну ночь. Вы зря старались. Я знаю, что вы прилетели сюда не ради того, чтобы разбирать пыльные бумаги Мула. Вам нужно что-то еще. Разве не так?

Хомир Мунн не смог преодолеть страх. Он прерывисто вздохнул, а лорд Штеттин, видя состояние собеседника, тяжело опустил руку на его плечо, едва не опрокинув его вместе со стулом, и сказал:

— Отлично. Будем откровенны. Вы изучаете План Селдона. Вы знаете, что он расстроен. Возможно, вы даже знаете, что отныне победа за мной и моими наследниками. Не все ли равно, в конце концов, кто создаст Вторую Империю; главное — чтобы она была создана. Глупо отмалчиваться. Я знаю, зачем вас прислали сюда.

— Ч-чего в-вы х-хотите? — хрипло спросил Мунн.

— Сделать вас моим советником. Боюсь отпугнуть удачу. Вы лучше моего разбираетесь в истории и можете обратить мое внимание на какую-нибудь важную мелочь, которой я не замечу. Разумеется, ваши услуги будут оплачены, вы получите свою долю добычи. Фонд не повернет историю вспять. Он лишь сделает свою гибель более мучительной. Надеюсь, у вас нет патриотического желания умереть вместе со своей страной?

— Я... Я.., — попытка Мунна высказаться не увенчалась успехом.

— Вы останетесь при мне, — продолжал правитель Калгана. — У вас нет выбора. Кстати, — вдруг вспомнил он, — говорят, что ваша племянница — внучка Байты Дарелл.

— Это п-правда, — пробормотал Мунн.

Он не мог сообразить, чего хочет правитель, и не знал, стоит ли лгать.

— Семья Дареллов известна в Фонде?

— Да, и с лучшей стороны, — кивнул Хомир.

— Великолепно! Сколько лет девочке?

— Четырнадцать.

— Отлично. Ни Второй Фонд, ни сам Хари Селдон не могут помешать девочкам взрослеть и становиться женщинами!

С этими словами он повернулся к Мунну спиной и бросился к занавешенной шторой двери. Резко отдернув штору, он загремел:

— Зачем ты сюда притащилась?

Леди Каллиа заморгала, задрожала и пролепетала:

— Я думала, что ты один...

— Как видишь, я не один. Я поговорю с тобой позже, а сейчас закрой дверь с той стороны! Живо!

Каллиа скрылась за дверью. Вернувшись к Мунну, Штеттин сказал, как бы про себя:

— Как ни жаль, а придется с нею расстаться. Значит, девочке четырнадцать лет?

Хомир похолодел от ужаса.

В конце коридора бесшумно открылась дверь, из-за нее высунулась дрожащая рука и поманила Аркадию пальцем. Аркадия колебалась, но рука все манила ее, и девочка, встав на цыпочки, пересекла коридор.

Леди Каллиа больно схватила ее за руку и потащила за собой. Аркадия, сама не зная, почему, не сопротивлялась. Леди Каллиа не внушала ей страха.

Что же случилось?

Они пришли в будуар, розовый леденцовый домик. Леди Каллиа прислонилась спиной к двери.

— Это ход из моих покоев в его кабинет, — прошептала она, мотнув головой назад и испуганно округляя глаза.

— Как удачно, как удачно, что я тебя увидела, — зрачки леди Каллии расширились, голос дрожал.

— Моя госпожа, скажите... — робко начала Аркадия.

— Ах, девочка, некогда! — воскликнула леди Каллиа, бросаясь к гардеробу. — Раздевайся. Быстрее. Пожалуйста, пожалуйста. Я дам тебе другое платье, чтобы тебя не узнали.

Она раскрыла дверцы гардероба и стала швырять на пол наряды, ища платье поскромнее, в котором девочка не привлекла бы к себе внимания.

— По-моему, это подойдет. Да, подойдет. У тебя есть деньги? Нет? Держи, — она стала снимать серьги и кольца. — Продай и поезжай домой — в Фонд!

— А как же Хомир, мой дядя?

— Он остается здесь, — леди Каллиа надевала на Аркадию надушенное платье. — Его задержал Котик. А тебе нельзя здесь оставаться. Ах, милочка, неужели ты не понимаешь?

— Нет, — Аркадия отступила на шаг, — не понимаю.

Леди Каллиа сжала ее руки.

— Пойми же, ты должна предупредить своих, что будет война!

От страха леди Каллиа начала мыслить и изъясняться чрезвычайно ясно и делово.

— Ну же! Одевайся!

Они вышли через другое крыльцо. Охрана смотрела им вслед, но не смела остановить ту, которую безнаказанно мог остановить лишь правитель Калгана. Караульные вытягивались перед ними и щелкали каблуками.

И вот Аркадия стоит за воротами. Перед ней парк, за ним — шумная улица. С того момента, как леди Каллиа поманила ее пальцем, прошло не более двадцати пяти минут, но Аркадии кажется, что прошла вечность.

Аркадии не хотелось уходить.

— Благодарю вас, моя госпожа, хотя не понимаю, зачем вы это делаете. А что будет с дядей Хомиром?

— Не знаю, — простонала Каллиа. — Уходи. Езжай прямо в космопорт. Не мешкай: тебя, наверное, уже ищут.

Аркадия все медлила. Как можно оставить Хомира! Она почувствовала запоздалые подозрения.

— Ну и пусть ищут, а вам-то что?

Леди Каллиа кусала нижнюю губу.

— Ты еще маленькая, я не могу тебе объяснить. Это нехорошо. Ты растешь, а я... Я встретила Котика, когда мне было шестнадцать лет... Я не хочу, чтобы ты была у него перед глазами, — она взглянула на Аркадию враждебно и пристыженно.

— Что с вами будет, когда он узнает? — шепотом ужаснулась Аркадия.

— Не знаю! — крикнула Каллиа со слезами в голосе и, схватившись за голову, побежала по дорожке ко дворцу правителя Калгана.

Аркадия осталась стоять на месте. В тот бесконечно краткий и бесконечно долгий миг, когда леди Каллиа отворачивалась, де-

вочка заметила в ее испуганных, полных слез глазах мимолетное выражение триумфа.

Холодного, нечеловеческого триумфа.

Этот взгляд можно было истолковать по-разному, но Аркадия точно знала, что он означает.

И она побежала со всех ног, побежала сломя голову — к ближайшей будке вызова такси.

Она бежала не от лорда Штеттина, не от ищеек, которых правитель двадцати семи миров может выпустить по ее следу, — нет.

Аркадия хотела убежать от слабой женщины, которая помогла ей бежать, которая насовала ей полные карманы денег и драгоценностей, которая рисковала жизнью, чтобы спасти ее. Аркадия бежала от существа, о котором знала точно и окончательно: это женщина из Второго Фонда.

Прилетело такси. Ветер ударил Аркадии в лицо и забился под капюшоном надушенного плаща, подаренного Каллией.

— Куда едем, мисс?

Аркадия постаралась ответить как можно более взрослым голосом:

— Сколько в городе космопортов?

— Два. Какой вам нужен?

— Какой ближе?

— Калган-Сентрал, — удивленно уставился на нее шофер.

— Поедем в другой. Вот деньги, — Аркадия вынула из кармана бумажку в двадцать калганид.

Она не знала, много это или мало, но шофер ухмыльнулся с довольным видом.

— Куда угодно, мисс. Воздушное такси доставит вас хоть на край света.

Аркадия прислонилась горячей щекой к холодной обшивке машины. Внизу проплывали огни города.

Что делать? Что делать? Только сейчас она поняла, что она маленькая глупая девочка, что она одна в целом свете, что папа далеко и не может помочь. На глаза ей наворачивались слезы, а горло больно сжималось.

Лорда Штеттина можно не бояться. Леди Каллиа постарается, чтобы он Аркадию не нашел. Эта гадкая леди Каллиа! Толстая, старая, глупая, а как-то привязала к себе лорда Штеттина! Теперь понятно, как! Теперь все понятно!

Аркадия вспомнила чаепитие с Каллией и чуть не задохнулась от отвращения к себе. Какой она себе казалась умницей! А на самом деле умницей оказалась глупая Каллиа. Она подстроила чай и беседу

за чаем, потом передала Штеттину выуженную у умной Аркадии ложь, и Штеттин позволил Хомиру работать во дворце. Ей нужно было пустить Хомира во дворец, и она устроила все так, что никто не догадался, что она в этом заинтересована.

Зачем же она выпустила Аркадию? Хомир остался заложником...

Ну конечно! Она, Аркадия, должна послужить приманкой! На нее должен пойматься отец и все остальные.

Значит, возвращаться домой нельзя.

— Приехали, мисс! — такси остановилось.

Заколдованный город! Она даже не заметила, как доехала до космопорта.

— Спасибо, — Аркадия сунула шоферу деньги, выбралась из машины и побежала, не видя дороги.

Фонари. Беззаботные мужчины и женщины. Огромные светящиеся табло, на которых отмечено время прибытия и отправления кораблей.

Куда лететь? Куда угодно, лишь бы не домой. Куда угодно, только не на Термин.

Слава Селдону, пославшему Каллии эту мгновенную слабость, усыпившему ее бдительность. Каллиа устала притворяться и позволила себе расслабиться при несмышленой девчонке. Не тут то было!

Вслед за этой мыслью в голову Аркадии пришла еще одна, которая на самом деле пришла давно, только не заявляла о себе вслух. И вот, эта мысль запульсировала, застучала в виски, и Аркадия поняла, что не имеет права быть маленькой, глупой, испуганной четырнадцатилетней девочкой.

Она должна скрыться.

Это прежде всего. Пусть раскроют заговор на Термине, пусть схватят отца. Она не может его предупредить, не имеет права рисковать собой. Ее жизнь сейчас самая ценная в Фонде, нет — во всей Галактике!

Аркадия стояла перед автоматической билетной кассой и гадала, куда бы полететь.

Никто в Галактике, кроме нее (и, разумеется, Второго Фонда) не знал, где искать Второй Фонд.

15. В плену

***ТРАНТОР** — ...в период междуцарствия Транпор оставался в тени. Город-гигант был разрушен, и среди руин жили немногочисленные фермеры.*

Галактическая энциклопедия.

Ничто не сравнится с большим столичным космопортом. Как прекрасны стальные гиганты-корабли, стоящие на старте или взмывающие в ночное небо! Они взлетают и садятся совершенно бесшумно, как во сне, потому что ими движет энергия тихой перегруппировки нуклонов в более компактные структуры, чем ядра атомов.

Но это еще не весь космопорт. Для кораблей, людей, обслуживающих корабли, и компьютеров, обслуживающих людей и корабли, отводится девяносто пять процентов территории. Пять процентов занимают люди, для которых космопорт — очередная станция на пути следования. Им некогда любоваться мощной красотой кораблей. На бегу они не успевают подумать, что серебристая иголочка, вонзающаяся в бархат неба, весит тысячи тонн. А ведь такая иголочка при посадке может промахнуться и опуститься где-нибудь на расстоянии полумили от посадочной площадки на стеклянную крышу зала ожидания, от которого после этого останется лишь кучка фосфатной пыли.

Впрочем, этого не происходит, так как корабли оборудованы системами страховки, и только очень нервные люди могут всерьез думать об аварии.

О чем же думают люди в космопорте? Они не просто толпа, они толпа, у которой есть цель. Эта цель делает атмосферу космопорта чрезвычайно напряженной. Там и сям выстраиваются очереди, родители стараются не потерять детей, носильщики несут чемоданы — люди куда-то едут.

Представьте теперь, как чувствует себя в этой озабоченной толпе одинокий человек, не знающий, куда ехать. Тем не менее, ему обязательно нужно куда-нибудь уехать. Нетрудно догадаться, что этот человек будет на грани отчаяния. Да что там, в полном отчаянии.

Аркадия Дарелл, одетая в чужое платье, стояла в космопорте чужой планеты и всей душой желала прекратить этот ужасный спектакль, в котором ей досталась чужая роль. Ах, хорошо бы стать маленькой и уткнуться лицом в мамины колени! Нет, и этого мало. Нужно спрятаться в какой-нибудь неисследованный уголок Вселенной, куда никто не догадается заглянуть.

Кто из этих людей, бегущих мимо, наступающих на ноги и задевающих ее локтями, кто из них психолог Второго Фонда? Кто

из них в ответ на просьбу о помощи уничтожит ее за ее преступное знание?

Как удар грома, раздался голос, от звука которого у Аркадии застыла в жилах кровь.

— Мисс, — сказал кто-то с досадой, — вы покупаете билет или просто стоите?

До Аркадии дошло, что она стоит перед автоматической кассой. Касса работает быстро. Бросаешь в щель деньги, нажимаешь кнопку, соответствующую пункту назначения, и получаешь билет и сдачу. Стоять у кассы пять минут просто смешно.

Аркадия сунула в щель банкноту в двести кредитов, и тут в глаза ей бросилась кнопка с надписью «Трантор». Трантор, мертвая столица бывшей Империи, страна ее детства. Как во сне, Аркадия нажала на кнопку. Билета она не получила, а в окошке засветились цифры: 172.18.

Этой суммы недоставало до стоимости билета. Аркадия сунула в машину еще двести кредитов, и машина выплюнула билет и положенную сдачу.

Аркадия схватила билет и деньги и убежала, не решаясь взглянуть на человека, который ее поторопил.

А бежать было некуда. Кругом были враги.

Аркадия читала указатели: «Стеффани», «Анакреон», «Фермус», «Термин». Она вздрогнула и отвернулась.

Она могла бы купить путеводитель, сказать ему «Трантор», и он за пятнадцать минут до объявления посадки объяснил бы ей, как пройти к нужному выходу. Однако, такими вещами пользуются люди, у которых есть время и силы вспомнить об их существовании.

И вот, пытаясь смотреть во все стороны сразу, Аркадия ткнулась лицом в чей-то мягкий живот. Она услышала испуганный вскрик, и чья-то рука схватила ее выше локтя. Аркадия попыталась вырваться, но ей это не удалось: рука, державшая ее, была сильной. Прекратив сопротивление, Аркадия подняла глаза. Перед ней стоял невысокий плотный мужчина с густой седой шевелюрой, зачесанной назад, и круглым, румяным крестьянским лицом.

— Что случилось, девочка? — участливо спросил он. — У тебя такой испуганный вид!

— Простите, — пробормотала Аркадия. — Мне нужно идти. Простите.

Пропустив ее слова мимо ушей, он продолжал:

— Спрячь билет, девочка, не то потеряешь.

Он вынул из ее ослабевших пальцев билет и поднес к глазам.

— Так я и думал, — удовлетворенно произнес он и заревел, как бык. — Ма-а-ма!

На зов пришла женщина, еще более коротенькая, плотная и румяная.

— Папа, — сказала она с упреком, заталкивая седой локон под старомодную шляпку, — разве можно так кричать в общественном месте! Люди подумают, что ты сошел с ума. Ты не на ферме.

Она ласково улыбнулась насупленной Аркадии и добавила:

— Он совершенно невоспитанный. Папа, что ты делаешь? Отпусти девочку.

Папа помахал перед нею билетом:

— Вот! Она едет на Трантор.

Мама просияла.

— Ты с Трантора? — и Папе. — Отпусти ее, я сказала!

Она поставила на землю пухлый чемодан и усадила на него Аркадию.

— Сядь, — сказала она, — отдохни. Корабль будет только через час, а сесть негде: все скамейки заняты бродягами. Значит, ты с Трантора?

Аркадия тяжело вздохнула и сдалась.

— Я там родилась, — сказала она хрипло.

Мама радостно всплеснула руками.

— Мы здесь целый месяц и не встретили никого из своих. Как мило! Где твои родители? — Мама принялась оглядываться.

— Я еду одна, — осторожно сказала Аркадия.

— Как! Такая маленькая девочка путешествует одна? — сочувственно возмутилась Мама. — Как это получилось?

— Мама, — Папа потянул ее за рукав, — послушай меня. Здесь что-то не так. Девочку кто-то обидел, — Папа говорил Маме на ушко, но Аркадия все слышала. — Она бежала, не разбирая дороги. Я видел. Я хотел посторониться, но не успел, и она в меня врезалась. Мне кажется, у нее какое-то несчастье.

— Ерунда, Папа! В тебя нетрудно врезаться.

Однако, Мама присела рядом с Аркадией на чемодан, который жалобно скрипнул, обняла девочку за плечи и спросила:

— Ты от кого-то бежишь, милочка? Скажи, не бойся, мы тебе постараемся помочь.

Аркадия взглянула в добрые серые глаза женщины, и губы ее задрожали. Одна половина ее существа говорила, что это люди с Трантора, с которыми можно полететь на эту планету, с которыми можно пожить, чтобы осмотреться и решить, куда лететь дальше. Другая же половина кричала, что она не помнит матери, что она устала бороться со всей Вселенной, что ей хочется свернуться клубочком в чьих-нибудь добрых объятиях и ни о чем не думать, что если бы мама была жива...

Аркадия заплакала, роняя слезы на рукав старомодного платья незнакомой женщины, а та стала гладить девочку по голове.

Папа принялся шарить по карманам в поисках носового платка. Наконец платок нашелся. Мама схватила его и знаком велела Папе молчать. Люди равнодушно пробегали мимо. В тесной толпе Мама, Папа и Аркадия были совершенно одни.

Слезы иссякли, и Аркадия, вытирая красные глаза Папиным платком, виновато улыбнулась.

— Мне так неловко...

— Ш-ш-ш! Молчи, — сказала Мама. — Отдышись, успокойся, а потом расскажешь, что случилось. Вот увидишь, мы все уладим. Все будет хорошо.

Аркадия из последних сил соображала. Правду говорить нельзя. Никому. Ни за что. Что же сказать?

— Я уже успокоилась, — прошептала она.

— Вот и хорошо, — сказала Мама. — Теперь скажи, что случилось? Ты не сделала ничего плохого? Что бы ты ни сделала, мы тебе поможем, но все-таки скажи правду.

— Для земляка нам ничего не жалко! — подтвердил Папа.

— Папа, закрой рот, — беззлобно огрызнулась Мама.

Аркадия порылась в сумочке, чудом не забытой в будуаре леди Калии, нашла, что искала, и протянула Маме.

— Вот мои документы, — сказала она неуверенно.

Документы были выданы ей в день приезда на Калган послом Фонда и подписаны соответствующим калганским чином. Мама беспомощно посмотрела на большой лист глянцевой гербовой бумаги и передала документы Папе, который принялся за чтение, важно надув губы.

— Ты из Фонда? — спросил он.

— Да, но я родилась на Транторе. Видите, написано.

— Вижу, вижу... Похоже, настоящий. Тебя зовут Аркадия? Красивое имя. А где твой дядя? Здесь сказано, что ты приехала с дядей, Хомиром Мунном.

— Его арестовали, — сказала Аркадия упавшим голосом.

— Арестовали? — хором вскричали Папа с Мамой.

— За что? — спросила Мама. — Что он сделал?

Аркадия покачала головой.

— Не знаю. У дяди Хомира было какое-то дело к лорду Штеттину, мы пришли, и... — Аркадии не пришлось притворяться, чтобы вздрогнуть. Это получилось само собой.

— Дело к лорду Штеттину, — с уважением протянул Папа. — Твой дядя, должно быть, большой человек.

— Не знаю, какое у них было дело, — продолжала Аркадия, — но лорд Штеттин захотел, чтобы я осталась с ним обедать...

Аркадия умолкла, припоминая слова Каллии. Каллиа мастерица врать, поэтому Мама с Папой должны поверить.

— Почему именно ты? — спросила Мама с любопытством.

— Точно не знаю, но мне кажется... Он пригласил меня одну, но я сказала, что без дяди Хомира не останусь. Он тогда взял меня за плечо и так странно посмотрел...

Папа раскрыл рот, Мама покраснела.

— Сколько тебе лет, Аркадия? — сердито спросила она.

— Скоро пятнадцать.

Мама ахнула.

— Какой мерзавец! Бродячие собаки, и те честнее! И ты убежала от него, милочка, да?

Аркадия кивнула.

— Папа, беги в справочное бюро, — распорядилась Мама, — и узнай, когда подадут на посадку корабль на Трантор. Живо!

Папа сделал шаг и остановился. Громкий металлический голос раздался над космопортом, и пять тысяч пар глаз испуганно взглянули вверх.

— Господа пассажиры! В порту скрывается опасный преступник. Порт оцеплен. Начинается проверка документов. Входить на территорию порта и покидать ее запрещается. Никто не пропустит свой рейс, так как проверка будет проведена быстро, и в течение этого времени ни один корабль не взлетит. Будет спущена решетка. Никто не имеет права покидать свой квадрат до тех пор, пока проверка не будет окончена. В противном случае мы вынуждены будем применить силу.

Аркадия оцепенела. Это ищут ее. Не может быть!

Побег организовала Каллиа. Каллиа из Второго Фонда. Почему же она не предотвратила погоню? Ошиблась? Как может Каллиа ошибиться? Наверное, это очередная ее хитрость.

Аркадия была готова выйти и крикнуть, что это она, что она сдается, что выполнит любой приказ, но Мама схватила ее за руку и потянула за собой.

— Быстрее, быстрее, нам нужно в туалет, пока они не начали.

Аркадия ничего не понимала, но послушно пошла за Мамой. Они протискивались сквозь неподвижную толпу. Сверху опускалась решетка. Папа, открыв рот, смотрел, как она опускается. Он слышал и читал о ней, но никогда ее не проходил. Небо было расчерчено на квадраты светящимися силовыми лучами. Решетку всегда спускали сверху, чтобы у людей сложилось впечатление, будто их поймали в сеть. Вот уже светящиеся силовые лучи протянуты на уровне пояса. Порт расчерчен на квадраты со стороной десять футов. В своих ста квадратных футах Папа оказался один. В соседних квадратах было по нескольку человек. Папа почувствовал себя неуютно, но перейти в другой квадрат означало пересечь светящу-

юся границу, поднять тревогу и навлечь на себя удар электрического хлыста.

Папа стал ждать.

Встав на цыпочки и глядя поверх голов, он заметил вдалеке движение. Это шли полицейские, проверяя квадрат за квадратом.

Наконец и в Папин квадрат вошел полицейский. Записав координаты квадрата, он потребовал:

— Документы!

Папа протянул полицейскому бумаги. Тот пробежал их привычным взглядом.

— Прим Пэлвер, уроженец Трантора, на Калгане пробыли месяц, возвращаетесь на Трантор. Отвечайте, да или нет.

— Да, да!

— Что вы делали на Калгане?

— Я торговый представитель аграрного кооператива. Приехал по делу в Министерство Сельского Хозяйства.

— Хм... Здесь сказано, что с вами едет жена. Где она?

— Она... — Папа замялся и махнул рукой в сторону уборной.

— Ханто! — крикнул полицейский.

Подошел второй полицейский.

— Еще одна баба в сортире, — сказал первый. — Сколько их там помещается? Запиши ее имя, — он ткнул пальцем в соответствующую графу Папиного документа.

— Кто еще с вами?

— Племянница.

— Почему не записана?

— Она приехала отдельно.

— Где она? Разумеется, там же. Как ее зовут? Ханто, пиши: Аркадия Пэлвер. Оставайтесь на месте, Пэлвер. Нам нужно разобраться с вашими женщинами.

Потянулось долгое ожидание. Наконец Папа увидел Маму, за которой шла Аркадия и двое полицейских.

Они вошли в Папин квадрат, и полицейский спросил:

— Эта скандальная старуха — ваша жена?

— Да, сэр, — примирительно ответил Папа.

— Тогда скажите ей, что ей будет плохо, если она и дальше будет так разговаривать с полицией Первого Гражданина, — полицейский расправил плечи. — Это ваша племянница?

— Да, сэр.

— Дайте мне ее документы.

За спиной полицейского мама едва заметно, но решительно покачала головой.

Папа, помолчав, сказал со слабой улыбкой:

— Боюсь, что не могу сделать этого, сэр.

— Что значит, не можете? — полицейский протянул руку. — Давайте их сюда!

— Дипломатическая неприкосновенность, — сказал Папа тихо.

— Что-о?

— Я торговый представитель аграрного кооператива, официально аккредитованный на Калгане. Мои документы это подтверждают. Я вам их предъявил и прошу, чтобы вы оставили меня в покое.

Полицейский растерялся.

— Мне нужно проверить все документы, у меня приказ.

— А ну, уходи, — вмешалась Мама. — Когда ты нам понадобишься, мы тебя позовем. Болван!

Полицейский побледнел.

— Ханто, присмотри за ними, — сказал он напарнику. — Я позову лейтенанта.

— Сломай ногу по дороге! — крикнула ему вслед Мама.

Кто-то хихикнул и тут же умолк.

Проверка заканчивалась. Толпа начинала беспокоиться. Прошло сорок пять минут, а результата все не было. Лейтенант Дириге торопливо проталкивался сквозь толпу.

— Она? — спросил лейтенант, останавливаясь около Аркадии.

Ее внешность соответствовала описанию. Галактика, столько шума поднимать из-за ребенка!

— Пожалуйста, покажите документы девочки.

— Я уже объяснял, — начал Папа.

— Мне докладывали, — перебил лейтенант. — Прошу прощения, но я должен выполнить приказ и проверить все документы. Потом можете, если пожелаете, заявить протест. Прошу вас, иначе я вынужден применить силу.

Папа хрипло сказал:

— Покажи документы, Аркадия.

Аркадия отчаянно замотала головой. Папа многозначительно кивнул.

— Давай их мне, не бойся.

Аркадия вынула из сумочки бумаги и передала их Папе. Папа внимательно прочитал их и вручил лейтенанту. Лейтенант, в свою очередь, внимательно просмотрел бумаги, окинул Аркадию долгим взглядом и вернул документы Папе.

— Все в порядке. Простите. Пойдемте, ребята.

Полицейские ушли, и не более, чем через две минуты, решетка была снята. Толпа зашумела и засуетилась.

— Как это вышло? — спросила Аркадия.

— Ш-ш-ш, — ответил Папа. — Некогда разговаривать. Пойдем на корабль, его уже, наверное, подали.

На корабле Папа, Мама и Аркадия жили в отдельной каюте и сидели за отдельным столиком в ресторане. Аркадия решилась заговорить на интересующую ее тему, когда от Калгана их отделяли два световых года.

— Мистер Пэлвер, — сказала она, — они искали меня, у них было описание моей внешности. Почему меня отпустили?

Папа улыбнулся и, прожевав кусок ростбифа, ответил:

— Аркадия, деточка, все очень просто. Я двадцать лет работаю торговым агентом. За это время я столько перевидал, стольким хитростям научился! Когда лейтенант заглянул в твои бумаги, он увидел там сложенную в несколько раз пятисоткредитовую банкноту. Видишь, как все просто?

— Я вам отдам. У меня много денег.

— Что ты! — Папа смущенно улыбнулся и замахал руками.

Аркадия не настаивала.

— А что, если бы он взял деньги и задержал меня, обвинив в подкупе?

— И отказался от пятисот кредитов? Никогда! Я знаю этих людей, девочка.

Аркадия не поверила. Не знает он людей, а особенно этих. В постели она еще раз все припомнила и обдумала и поняла, что никакая взятка не остановила бы лейтенанта полиции, если бы ему не было приказано *не задерживать* беглянку. Ее не хотели задерживать, но старательно делали вид, что хотят.

Зачем? Чтобы удостовериться, что она улетела? И именно на Трантор? Неужели Мама с Папой, эти недалекие добросердечные люди, такие же беспомощные марионетки в руках Второго Фонда, как она сама?

Должно быть, так.

Или...

Все бесполезно. С ними невозможно бороться. Что бы она ни делала, она всегда сделает то, что нужно им, всемогущим сверхчеловекам.

И все же, она должна перехитрить их, должна, должна!

16. Война начинается

По причине — или причинам, — неизвестным населению Галактики в описываемое нами время, основной единицей Всегалактического стандартного времени считалась секунда, то есть промежуток времени, в течение которого свет преодолевает расстояние в 299776 километров. Промежуток времени в 86400 секунд считался Всегалактическим стандартным днем, а 365 таких дней составляли Всегалактический стандартный год.

Почему именно 299776, 86400 и 365?

Традиция, ответит историк. Магические числа, ответят нумерологи, культисты, мистики и метафизики. Именно такими отрезками, скажут очень немногие, измерялось время на потерянной родине человечества, для которой они являлись естественными периодами обращения вокруг своей оси и вокруг солнца.

Как бы то ни было, в 185 день 11692 года Галактической Эры крейсер Фонда «Хобер Мэллоу» встретился с калганской эскадрой, возглавляемой «Бесстрашным», отказался принять на борт вооруженный отряд и был расстрелян. Это был также 185 день 419 года от рождения Хари Селдона и 185 день 348 года от основания Фонда. Для Калгана это был 185 день 56 года от учреждения Мулом династии Первых Граждан. Для удобства в каждом летосчислении годы были подогнаны так, чтобы дни в них совпадали.

Разумеется, каждый из миллионов миров Галактики имел свое собственное время, определяемое вращением его небесных соседей.

Но с какой бы датой мы ни соотнесли день гибели «Хобера Мэллоу», именно он считается началом войны со Штеттином.

Для доктора Дарелла это был тридцать второй день с тех пор, как Аркадия улетела с Термина.

Мало кто знал, чего ему стоило сохранять спокойствие в течение этого месяца. Только доктор Элветт Семик о чем-то догадывался. Он был стар и любил говорить, что его мозговые извилины настолько отвердели, что мыслительные процессы идут одними и теми же путями и приводят к одним и тем же результатам. Он всячески приветствовал насмешки над своей старческой немощью и первый над нею смеялся. Но глаза его, пусть выцветшие, все замечали; разум, пусть не скорый, хранил опыт всей жизни.

Семик оттопырил губы и сказал:

— Нужно что-то делать.

Дарелл, очнувшись от раздумий, спросил:

— На чем мы остановились?

Семик пристально посмотрел на него и снова показал желтые редкие зубы:

— Нужно искать девочку.

— Я спрашивал, можете ли вы построить резонатор Симса-Молффа заданной мощности?

— Я ответил, что могу, но вы не слушали.

— Простите, Элветт, я становлюсь рассеянным. То, что мы делаем сейчас, гораздо важнее для Галактики, чем спасение Аркадии. Для всей Галактики, кроме меня и Аркадии. А интересы большинства — прежде всего. Какого размера будет резонатор?

— Не знаю. Можно посмотреть в каталогах.

— Хоть приблизительно? Длиной в квартал? Весом в тонну?

— Я думал, вам нужны точные цифры... Нет, это маленький аппарат. Вот такой, — Семик выставил фалангу большого пальца.

— Хорошо, вы можете сделать что-нибудь в таком роде?

Дарелл начертил что-то в блокноте и показал рисунок физику.

Тот посмотрел и улыбнулся.

— Знаете, в моем возрасте мозг окостеневает. Никак не пойму, что это.

Дарелл объяснил. Семик покачал головой.

— Нужны гипер-реле. Только они могут обеспечить необходимую скорость. Причем нужно много.

— Но аппарат можно сделать?

— Конечно.

— Вы можете достать необходимые детали, не привлекая к себе внимания? Под видом плановой работы?

— Пятьдесят гипер-реле? — Семик приподнял верхнюю губу. — Я бы за всю жизнь столько не израсходовал.

— Нельзя ли придумать что-нибудь мирное, на что они могли бы понадобиться?

— Постараюсь.

— Какого размера будет аппарат?

— Гипер-реле микроскопические, проводка, трубки... Галактика, да здесь несколько сот цепей!

— Ничего не поделаешь. Так какого?

Семик показал руками.

— Слишком большой, — сказал Дарелл, — он должен висеть у меня на поясе.

Он скомкал рисунок и бросил тугой бумажный шарик в пепельницу с атомным дезинтегратором. Белая вспышка — и шарика не стало.

— Кто к вам пришел? — спросил Дарелл.

Семик перегнулся через стол и глянул на экран.

— Юноша Антор и кто-то еще.

Дарелл побарабанил пальцами по ножке стула.

— При них об этом ни слова, Семик. Если наше знание обнаружится, оно будет стоить нам жизни. Не стоит ставить под угрозу еще две.

Пеллеас Антор ворвался в тихую келью Семика, как вихрь. Широкие рукава его летней рубашки подрагивали, словно крылья, хотя воздух в комнате был неподвижен.

— Доктор Дарелл, доктор Семик, познакомьтесь — Орум Дириге, — сказал он.

Спутник Антора был высокого роста. Длинный прямой нос придавал лицу мрачноватое выражение. Доктор Дарелл протянул ему руку.

Антор тонко улыбнулся.

— Лейтенант полиции Дириге, — уточнил он и многозначительно добавил. — С Калгана.

Дарелл резко обернулся к Антору.

— Лейтенант полиции с Калгана? Зачем вы привели его сюда?

— Он был последним, кто видел на Калгане вашу дочь. Что вы делаете?

Торжество во взгляде Антора сменилось озабоченностью, и эти два выражения боролись на его лице все время, пока сам Антор боролся с Дареллом. Наконец он усадил Дарелла на стул, сам устроился на столе, отбросил со лба каштановую прядь и, покачивая ногой, сказал:

— Что с вами? Я принес хорошие новости.

Дарелл обратился прямо к полицейскому.

— Почему вы последний, кто видел мою дочь? Она погибла? Говорите без околичностей!

Дарелл был бледен. Полицейский ровным голосом произнес:

— Я был последним, кто видел ее на Калгане. Теперь она не на Калгане. Больше я ничего не знаю.

— Простите, док, — заговорил Антор, — я перегнул палку. Вы все время держались, как скала, и я подумал, что у вас совсем нет чувств. Позвольте, я все объясню. Лейтенант Дириге один из нас. Он родился на Калгане, но его отец уроженец Фонда, в свое время служивший Мулу. За лояльность лейтенанта по отношению к Фонду я ручаюсь.

Когда от Мунна перестали поступать сообщения, я сразу же связался с лейтенантом.

— Как вы посмели!— перебил Дарелл гневно. — Мы, кажется, решили, что не станем предпринимать в этом случае никаких шагов. Вы рисковали жизнью каждого из нас и успехом всего дела.

— Этим я занимаюсь дольше, чем вы! — последовал столь же гневный ответ. — Мне известны кое-какие обстоятельства, неизвестные вам. Я действую не вслепую, понятно?

— Вы сумасшедший.

— Выслушайте сначала!

Дарелл опустил глаза.

Антор примирительно улыбнулся.

— Не будем ссориться, док. Дайте нам пару минут. Дириге, рассказывай.

Дириге заговорил:

— Насколько мне известно, доктор Дарелл, ваша дочь сейчас на Транторе. Во всяком случае, в Восточном космопорте у нее был билет на Трантор. Она была с торговым агентом одного из аграрных

кооперативов этой планеты и назвалась его племянницей. У вашей дочери интересный подбор родственников, доктор. Второй дядя за две недели. Он дал мне взятку. Думает, наверное, что я именно поэтому его отпустил, — он усмехнулся.

— В каком состоянии была моя дочь?

— Она была невредима, но очень напугана. Впрочем, неудивительно: из-за нее подняли на ноги всю городскую полицию. Интересно, почему.

Дарелл глубоко вздохнул. Руки дрожали, он не в силах был справиться с дрожью.

— Значит, все в порядке. Вернемся к торговому агенту. Что это за человек? Какова его роль во всем случившемся?

— Не знаю. Вам что-нибудь известно о Транторе?

— Одно время я там жил.

— Сейчас это сельскохозяйственный мир. Экспортирует фураж и зерно. Все очень хорошего качества и продается по всей Галактике. Там два десятка аграрных кооперативов, каждый имеет по нескольку агентов в других мирах. Все страшные прохиры. Человек, с которым уехала ваша дочь, мне известен. Он бывал на Калгане прежде, обычно с женой. Исключительно честные и абсолютно безобидные люди.

— Э-э-э, — заговорил Антор, — док, вы, кажется говорили, что Аркадия родилась на Транторе?

Дарелл кивнул.

— Все ясно. Ей нужно было уехать — подальше и поскорее, и она вспомнила о Транторе.

— Почему бы ей не вернуться домой?— возразил Дарелл.

— Наверное, кто-то висел у нее на хвосте, и девочка не захотела приводить его к нам.

У доктора Дарелла не хватило сил на дальнейшие вопросы. Пусть будет Трантор, если на Транторе Аркадии ничто не угрожает. Впрочем, разве в этой подлой, злобной Галактике найдется место, где человеку ничто не угрожает? Доктор направился к двери. Почувствовав, что кто-то тронул его за рукав, доктор остановился, но не обернулся.

— Док, можно, я вас провожу? — спросил Антор.

— Будьте любезны, — машинально ответил Дарелл.

Дома доктор Дарелл позволил себе не тратить силы на общение с внешним миром. Он отказался от ужина и, запершись в лаборатории, углубился в дебри энцефалографического анализа.

Только к полуночи он вышел в гостиную.

Пеллеас Антор стоял у телевизора и переключал программы. Услышав шаги за спиной, он обернулся.

— Привет, док! Вы еще не спите? Вот, пытаюсь выловить что-нибудь кроме официальных сводок. Сообщили, что корабль «Хобер Мэллоу» задержался в пути и связь с ним прекратилась.

— Правда? Как это объясняют?

— Вы не догадываетесь? Калганские головорезы. Сообщают, что в том секторе, где пропал «Хобер Мэллоу», находится калганская эскадра.

Дарелл пожал плечами, а Антор почесал в затылке.

— Слушайте, док, почему бы вам не поехать на Трантор?

— Зачем мне туда ехать?

— Здесь вы нам не нужны. Вы сам не свой. А на Транторе вы успокоитесь и сможете с пользой для дела поработать в библиотеке университета. Изучите труды Селдона.

— Из них еще никто не извлек ничего ценного.

— А Эблинг Мис?

— Это не доказано. Он лишь сказал, что нашел Второй Фонд, и моя мать сразу же убила его, чтобы он не успел выдать Второй Фонд Мулу. Таким образом она лишила нас возможности узнать, действительно ли Мис нашел Второй Фонд. Как бы то ни было, последующее изучение трудов Селдона не дало результатов.

— Если вы помните, Эблинг Мис работал под управлением Мула.

— Вот именно. Мозг Миса пребывал в ненормальном состоянии. Вам известно что-нибудь о том, в каком состоянии находится мозг человека, эмоциями которого кто-то управляет? Вы знаете, каковы его преимущества и недостатки по сравнению с независимым мозгом? Я тоже не знаю. Я не поеду на Трантор!

— К чему столько страсти? — нахмурился Антор. — Я не настаиваю, но мне трудно вас понять. Вы постарели на десять лет. Представляю, какой ад у вас в душе. В таком состоянии вы не можете нормально работать. Будь я на вашем месте — обязательно полетел бы на Трантор и отыскал дочь.

— Мне этого очень хочется, но именно поэтому я не могу лететь на Трантор. Поймите, вы ведете игру — мы ведем игру — с противником, неизмеримо превосходящим нас по силам. Вы сами это знаете, что бы вы ни болтали в припадке донкихотства.

Полвека назад мы узнали, что психологи Второго Фонда — истинные наследники и ученики Селдона, но так и не поняли, что это значит. А это значит, что любое событие, произошедшее в Галактике, имеет для них большее значение, чем оно имеет для нас. Для нас жизнь — это цепь случайностей, на которые мы реагируем случайным образом. Для них жизнь — закономерная последовательность событий, которые можно предвидеть и к которым можно подготовиться.

В этом их сила, но в этом и слабость. Они живут по законам статистики, которая с неизбежностью предсказывает лишь массовые действия. Психологи Второго Фонда не могут вычислить, как поведет себя отдельный человек в тех или иных обстоятельствах и как это отразится на ходе истории. Я не знаю, какова моя роль в истории, но знаю, что значительна, и поэтому во Втором Фонде мое поведение хотя бы приблизительно просчитано. Поэтому я не доверяю своим порывам и желаниям. Несмотря на то, что мне хочется полететь на Трантор, вернее, именно потому, что мне этого хочется; потому, что это естественно для человека в моем положении, я туда не полечу.

Молодой человек невесело улыбнулся.

— Психологи Второго Фонда могут знать вас лучше, чем вы себя знаете. Что если, зная вас, они предвидели ход ваших мыслей, ваше нежелание повиноваться собственным желаниям и теперь исходят из того, что вы не едете на Трантор?

— Наверняка они предвидели, что мне в голову придет эта мысль, и заготовили что-нибудь на этот случай. Это бесконечный цикл обманов. Неважно, сколько раз я его повторю, главное то, что я могу либо поехать, либо не поехать. Если они затащили мою дочь чуть ли не на другой конец Галактики, значит, хотят, чтобы я последовал за ней. Если бы им нужно было, чтобы я сидел на месте, они ничего не стали бы делать. Я нужен им на Транторе, значит, я останусь здесь.

Кроме того, Антор, Второй Фонд замешан далеко не во всех событиях. Вполне возможно, что отъезд Аркадии на Трантор случаен и она будет там в безопасности.

— Нет, — резко сказал Антор, — вы сбились на ложный путь.

— У вас есть другая версия?

— Да, если позволите.

— Я слушаю. Спешить некуда.

— Вы уверены, что хорошо знаете свою дочь?

— Нет, конечно. Нельзя хорошо знать другого человека.

— Вот именно. Я знаю ее еще меньше, но я смотрел на нее свежим взглядом. Вот что я увидел. Первое: она отчаянный романтик, единственный ребенок элитарного ученого, выросший на фильмах и книгах. Она бредит интригами и приключениями. Второе: она сама умная интриганка. Вспомните, она перехитрила нас. Решила подслушать наше совещание — и подслушала. Решила полететь с Мунном — и полетела. Третье: она стремится быть похожей на свою героическую бабушку, которая победила Мула.

Я ни в чем не ошибся? Превосходно, продолжим. В отличие от вас, я получил от лейтенанта Дириге полную информацию о

событиях, связанных с отъездом вашей дочери с Калгана. Кроме того, лейтенант Дириге — не единственный мой агент на Калгане. Так вот, мне сообщили, что поначалу правитель Калгана отказал Хомиру Мунну в просьбе посетить дворец Мула. После того, как Аркадия поговорила с леди Каллией, доброй приятельницей Первого Гражданина, Мунну было разрешено работать во дворце.

— Как вы это узнали? — перебил Дарелл.

— Дириге допрашивал Мунна в рамках кампании по поиску Аркадии. Он передал мне полный протокол допроса.

Вернемся к леди Каллии. Ходят слухи, что она утратила расположение Штеттина, однако эти слухи не подтверждаются фактами. Во-первых, Штеттин по-прежнему с ней живет, во-вторых, по ее совету пропускает Мунна во дворец Мула, в-третьих, никак не ограничивает свободу ее действий: она открыто устроила побег Аркадии. Солдаты дворцовой охраны говорят, что в день побега видели Аркадию с Каллией. Тем не менее, Каллиа осталась безнаказанной, хотя Аркадию искали со всей видимостью старания.

— Ваши выводы?

— Побег Аркадии был подстроен.

— Разумеется.

— Это еще не все. Аркадия знала, что ее побег подстроен. Она везде видит заговоры, увидела и здесь и стала рассуждать, как достойная дочь своего отца. Ее хотят вернуть в Фонд, решила она, значит, надо ехать в другое место. Но почему на Трантор?

— Почему?

— Потому, что туда бежала Байта, ее легендарная бабушка. Сознательно или подсознательно, Аркадия повторила ее путь. Возможно, что и бежала она от того же врага.

— От Мула?

— Нет, конечно. Не от Мула, а от врага, перед которым сознавала свое бессилие. От Второго Фонда или его агента, находящегося на Калгане.

— Вы думаете...

— Почему вы считаете, что Калган защищен от влияния Второго Фонда? Мы оба разными путями пришли к выводу, что побег Аркадии был подстроен. Так? Ее искали и нашли, но Дириге дал ей уйти. Именно Дириге, наш человек. Почему именно ему поручили поиски? Кто знал, что он наш человек?

— Теперь вы пытаетесь меня убедить, что Аркадию честно хотели вернуть? Быстрей заканчивайте свою мысль, Антор. Я устал и хочу спать.

— Сию минуту, — Антор достал из внутреннего кармана пачку фотоснимков. Это были энцефалограммы. — Вот графики Дириге, снятые по приезде с Калгана.

Дарелл все понял с первого взгляда.

— Он под контролем! — прошептал он, бледнея.

— Вот именно. Он дал Аркадии уйти не потому, что он наш человек, а потому, что он человек Второго Фонда.

— И он позволил ей лететь на Трантор!

Антор пожал плечами.

— Его запрограммировали отпустить Аркадию. Он не должен был ничего менять, он был всего лишь орудием. Поскольку она пошла по пути меньшей вероятности, можно надеяться, что она будет в безопасности... до тех пор, пока Второй Фонд не сочтет возможным или необходимым изменить положение дел.

На телевизоре замигала сигнальная лампочка: передавали экстренный выпуск новостей. Дарелл боковым зрением заметил сигнал и машинально включил телевизор. Аппарат включился на середине предложения, но и без первой половины было понятно, что «Хобер Мэллоу» расстрелян и, после почти полувека мирной жизни, вновь началась война.

На скулах Антора играли желваки.

— Слышали, док, на нас напал Калган, руку которого направляет Второй Фонд. Теперь вы готовы ступить на путь, указанный дочерью, и лететь на Трантор?

— Нет. Я останусь здесь.

— Доктор Дарелл, ваша дочь умнее вас. Я не могу больше вам доверять, — он выразительно посмотрел на Дарелла и молча вышел.

Дарелл сидел у телевизора, снедаемый сомнениями и отчаянием.

А диктор произносил тревожные слова, и на экране сменялись страшные картины первого часа войны между Калганом и Фондом.

17. Война

Мэр Фонда пригладил остатки волос и удрученно вздохнул:

— Сколько лет потеряно! Сколько шансов упущено! Я никого не обвиняю, доктор Дарелл, но мы заслуживаем поражения.

— Сэр, — ровным голосом сказал Дарелл, — я не вижу причин для столь мрачных настроений.

— Не видите? Ах, доктор Дарелл, а я не вижу причин для иных настроений. Вот, взгляните.

Мэр чуть ли не силой подвел Дарелла к прозрачному овоиду, который удерживало на весу силовое поле. Мэр коснулся овоида рукой, и внутри него появилось трехмерное изображение двойной спирали Галактики.

— Желтым, — сказал мэр, — обозначена территория, контролируемая Фондом. Красным — территория Калгана.

Дарелл увидел красный мячик, зажатый в желтом кулаке. Мячик был великоват: желтые пальцы не могли сомкнуться. Обращенная к центру Галактики сторона оставалась открытой.

— Галактография, — сказал мэр, — наш первый враг. Адмиралы не скрывают, что наше положение крайне невыгодно. Смотрите. Силы противника сконцентрированы. Он может контратаковать в любом направлении без особых усилий. Наши силы рассредоточены. Среднее расстояние между населенными планетами в Фонде в три раза больше, чем на территории Калгана. Чтобы попасть из Сантэнни в Локрис, нам нужно преодолеть расстояние в две с половиной тысячи парсеков, а калганскому флоту — только восемьсот.

— Я понимаю это, сэр, — сказал Дарелл.

— И вы не понимаете, что это равносильно поражению?

— Исход войны определяется не только расстояниями. Калган не победит нас. Это абсолютно невозможно.

— Что дает вам основания утверждать это?

— Мое собственное истолкование Плана Селдона.

Мэр поморщился и пожал плечами.

— Вы тоже рассчитываете на помощь мифического Второго Фонда?

— Нет. На помощь неизбежности, а также решительности и настойчивости.

Дарелл говорил бодрые слова, а сам мучился вопросом: что, если Антор прав? Что, если Калган служит орудием этим колдунам? Что, если их задача — уничтожить Фонд? Это неразумно. И все же, что если...

Дарелл горько улыбнулся. Снова он пытается смотреть сквозь гранит, который для врага прозрачнее стекла.

Для лорда Штеттина невыгодное положение Фонда также не было секретом. Он стоял перед такой же моделью Галактики, какая была у мэра Фонда, только не хмурился, а улыбался. Его массивная фигура казалась еще более внушительной в расшитом позументами мундире адмирала. От правого плеча к поясу тянулась красная лента Ордена Мула, пожалованного Штеттину предыдущим Первым Гражданином за полгода до того, как Штеттин несколько насильственно сменил его на этом посту. На левом плече блестела Серебряная Звезда со скрещенными мечами и кометами.

Обращаясь к шести офицерам генерального штаба, одетым не так роскошно, и первому министру Меирусу, серому и неприметному, как паук, Штеттин говорил:

— По-моему, все совершенно ясно. Мы можем подождать. Для противника же каждый день ожидания будет ударом по боевому духу войск. Если противник примет решение защищать все свои территории, ему придется рассредоточить силы. В этом случае мы нанесем удары здесь и здесь, — от красного мячика протянулись два белых луча, пересекая желтую руку по обе стороны Термина. — Мы разделим флот противника на три части и разгромим каждую в отдельности. Если же Фонд решит сконцентрировать силы, то ему придется оставить две трети своих доминионов, а это чревато восстанием.

В тишине прозвучал тонкий голос Первого министра.

— Мне кажется, что не следует медлить. Через полгода Фонд станет на полгода сильнее. Не забывайте, что у противника больше и кораблей, и людей.

Однако, голос Первого министра не имел на этом собрании никакого веса. Лорд Штеттин улыбнулся и махнул рукой.

— Даже через год Фонд не станет сильнее. Люди Фонда не готовы и не будут готовы к войне. Они верят, что их должен спасти Второй Фонд. Но на этот раз они просчитались. Правда?

Присутствующие молчали, глядя себе под ноги.

— Вы сомневаетесь, господа?— холодно произнес Штеттин. — Хорошо, я повторю содержание донесений наших агентов, засланных в Фонд; я попрошу мистера Мунна, агента Фонда, перешедшего на службу к нам, еще раз рассказать о результатах работы с документами Мула. Давайте отложим совещание.

Штеттин вернулся в свои покои, забыв снять с лица дежурную улыбку. Что за тип этот Мунн, думал он. Не человек, тряпка. Наверняка не выполнил обещания. Правда, порой он приносит любопытные сведения, которые кажутся очень убедительными, особенно в присутствии Каллии.

Штеттин улыбнулся шире. Хоть какая-то польза есть от толстой глупой Каллии. С нею Мунн говорит охотнее, чем с кем бы то ни было. Выдать бы ее замуж за Мунна. Штеттин нахмурился, вспомнив, как глупая ревнивица Каллиа выгнала эту девчонку Дарелл. Если бы девчонка была здесь, все было бы гораздо легче. Почему он не размозжил Каллии голову?

Непонятно.

Может, потому, что она ладит с Мунном, а Мунн ему нужен. Недавно Мунн обнаружил, что Мул не верил в существование Второго Фонда. Может быть, обнаружит что-то еще, чем можно успокоить адмиралов.

Неплохо было бы обнародовать открытие Мунна, но не стоит подстегивать Фонд. Пусть уповает на чью-то помощь. Кажется, это идея Каллии. Да, это она сказала. Бред! Она ничего не говорила. И все-таки...

Штеттин зажмурился и замотал головой.

18. Мир — призрак

Трантор возрождался из руин. Он не видел своего настоящего, грезя прошлым и будущим.

Было время, когда невидимые нити власти тянулись с Трантора к самым дальним мирам Галактики.

В гигантском городе, занимавшем всю планету, жили четыреста миллиардов чиновников. Трантор был величайшей столицей во всей истории человечества. Но вот разложение Империи докатилось и до него. Великий Погром оборвал последние ниточки власти и втоптал в грязь богатство и величие. Буря пронеслась и стихла, но городские развалины хранили память о ней.

Оставшиеся в живых после погрома разрывали металлический панцирь планеты и меняли его на зерно и скот. Они стали выращивать урожаи и пасти стада. За этими нехитрыми занятиями Трантор забывал о грандиозном прошлом. И только пустые искореженные небоскребы бывшей столицы напоминали о нем.

Аркадия с тоской смотрела на горизонт, украшенный металлическими громадами. Ей было скучно в деревне Пэлверов. Кучка примитивных домиков, желтые однообразные поля. А там, на горизонте, все еще жила память о прошлом. По вечерам она превращала лучи закатного солнца в жидкий огонь. Однажды Аркадия побывала там. Она взобралась на гладкий металлический тротуар и направилась в пыльное безмолвие. Сквозь дыры в стенах лился солнечный свет. Это была застывшая боль.

Аркадия бросилась прочь. Она бежала, преследуемая грохотом собственных шагов, и остановилась лишь тогда, когда сошла с гулкого металла на землю.

С тех пор она не решалась нарушить этот мрачный покой, только смотрела на башни мертвого города и вздыхала.

Где-то в этом городе она родилась — где-то в окрестностях университетской библиотеки, в самом сердце Трантора. Библиотека — свЯтыня из святынь; она одна пережила Великий Погром, она одна во всей Вселенной осталась невредимой.

Там, в библиотеке, Хари Селдон организовал свой заговор. Там, в библиотеке, несколько столетий спустя Эблинг Мис раскрыл этот заговор. Там же, в библиотеке, вместе с Эблингом Мисом вновь умерла тайна Селдона.

Там десять лет, пока не умер Мул, жили бабушка и дедушка Аркадии. Туда отец Аркадии привез свою невесту. Вместе они пытались проникнуть в тайну Второго Фонда, но напрасно. Там родилась Аркадия и там умерла ее мать.

Аркадии хотелось побывать в библиотеке, но Прим Пэлвер покачал круглой головой.

— Это очень далеко, Аркади, да и нечего тебе там делать. Библиотека — это святыня, не стоит нарушать ее покой.

Аркадия угадала в его словах тот же страх, который на Калгане люди испытывали перед дворцом Мула. Суеверный страх пигмеев настоящего перед гигантами прошлого.

Но разве можно сердиться за это на маленького смешного человека! Три месяца Аркадия живет на Танторе, и все это время Папа и Мама очень добры к ней. А чем она может их отблагодарить? Втянуть во вселенскую интригу? Возможно, на ней лежит печать смерти, а она их об этом не предупредила. Спокойно позволила им взять на себя смертельно опасную роль покровителей.

Аркадия почувствовала угрызения совести. Впрочем, у нее не было выбора.

Позвали завтракать. Аркадия неохотно поплелась вниз.

Прим Пэлвер заткнул салфетку за воротник рубашки, повертел головой на толстой шее и с неприкрытым удовольствием потянулся к яичнице.

— Я вчера был в городе, Мама, — сказал он с полным ртом.

— Что ты там видел, Папа? — равнодушно спросила Мама, ища глазами солонку.

— Ничего хорошего. Прилетел корабль с Калгана, привез газеты. Там война.

— Война!? Ну и пусть. Пусть переломают друг другу шеи, если не могут придумать ничего умнее. Кстати, ты получил деньги? Скажи своему Коскеру, Папа, что его кооператив не единственный на свете. Мало того, что он тебе платит гроши — людям сказать стыдно, — так еще и не вовремя.

— Вовремя, шмовремя, — с досадой огрызнулся Папа. — Прекрати этот разговор, у меня от него кусок хлеба поперек горла становится.

Он икнул, проглатывая гренку с маслом, и добавил, уже спокойнее:

— Калган уже два месяца воюет с Фондом.

Руками Папа изобразил космический бой.

— Ну и как?

— У Фонда плохи дела. Ты была на Калгане, видела: все солдаты. Калган готовился к войне, а Фонд — нет. Ну, и получил пилюлю.

Вдруг Мама бросила вилку и прошипела:

— Дурак!

— Что?

— Ничего! Не соображаешь, что болтаешь.

Мама сделала движение бровями, Папа обернулся и увидел Аркадию, замершую на пороге.

— Фонд воюет? — спросила Аркадия.

Папа растерянно глянул на Маму и кивнул.

— И проигрывает?

Папа снова кивнул.

У Аркадии встал в горле комок. Медленно подойдя к столу, она прошептала:

— Все кончено?

— Кончено? — переспросил Папа фальшиво-бодрым голосом. — Кто тебе сказал, что кончено? На войне может случиться что угодно и... и...

— Сядь, голубушка, — сказала Мама ласково. — На голодный желудок нельзя говорить о серьезных вещах.

Аркадия пропустила ее слова мимо ушей.

— Калганцы уже высадились не Термине?

— Нет, — ответил Папа. — В газете за прошлую неделю написано, что Термин сражается. Честное слово, Фонд еще силен. Принести тебе газету?

— Да, пожалуйста.

Аркадия читала прямо за столом, кое-как ковыряя завтрак.

Сантэнни и Кореллия сданы без боя. В секторе Инфи расстреляна эскадра Фонда. У Фонда остаются лишь четыре королевства, присоединенные первым мэром Сэлвором Хардином. Но он еще борется, еще не все потеряно. Во что бы то ни стало Аркадия должна предупредить отца. Обязательно.

Но как это сделать? Между ними война!

После завтрака Аркадия подошла к Папе.

— Мистер Пэлвер, вам не предстоит в ближайшее время деловая поездка?

Папа грелся на солнышке, устроившись в большом кресле на веранде. В его толстых коротких пальцах дымилась сигарета. Он был похож на добродушного мопса.

— Деловая поездка? — лениво переспросил он. — Да нет, я никуда не собирался. Такая хорошая погода, отпуск еще не закончился, какие могут быть дела и поездки? А ты скучаешь, Аркади?

— Что вы, мне у вас очень хорошо. Вы и миссис Пэлвер так добры ко мне.

Папа замахал руками.

— Я все думаю о войне, — сказала Аркадия.

— А ты не думай. Ты ведь ничего не можешь сделать. А если не можешь, не стоит и беспокоиться.

— Я ничего не могу с собой поделать. Фонд потерял почти все свои сельскохозяйственные миры. Там, наверное, распределяют продукты по карточкам.

Папа смутился.

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

Аркадия не слушала.

— Как бы мне хотелось помочь Фонду продовольствием! Когда Мул умер, Фонд восстал. Термин тогда на некоторое время оказался в изоляции. Его блокировал генерал Хан Притчер, первый преемник Мула. Тогда было очень голодно. Папа рассказывал, что люди ели аминокислотные концентраты, отвратительные на вкус. Одно яйцо стоило двести кредитов. Потом блокаду прорвали и стали приходить корабли с продовольствием. Наверное, сейчас на Термине так же голодно.

Аркадия помолчала и добавила:

— Я готова биться об заклад, что Фонд заплатит за продовольствие любую цену. Двойную, тройную и даже больше. Если бы какой-нибудь кооператив Трантора взялся за это дело, все его члены стали бы миллионерами задолго до конца войны. Торговцы Фонда богатели именно на войнах. Они летели туда, где шла война и продавали то, что там требовалось. За одну поездку они зарабатывали по два миллиона чистыми. Только на том, что может увезти один корабль!

Папа поерзал в кресле. Его сигарета потухла.

— Выгодно, говоришь? Но Фонд так далеко!

— Я знаю. Кроме того, лететь туда прямо — опасно. Нужно остановиться где-нибудь на Массене или на Смушике, нанять несколько маленьких скоростных кораблей и на них лететь через район боевых действий.

Папа размышлял, почесывая в затылке.

Через две недели приготовления к полету были окончены. Все две недели Мама не переставая ворчала на Папу. Она не могла понять, зачем он идет на верную смерть, и обижалась, что не берет ее с собой.

— Мама! — возмущался Папа. — Что ты все ворчишь, как старуха? Я не могу взять тебя с собой. Женщинам нечего делать на войне. Это не игра и не увеселительная прогулка.

— А что ты собираешься делать на войне? Какой из тебя солдат: ты одной ногой стоишь в могиле! Пусть молодые воюют — те, у кого еще есть волосы на голове.

— Все мои волосы пока при мне! — парировал Папа. — Не у всякого молодого их столько! И почему я должен отдавать кому-то миллионы?

Против этого довода Маме нечего было возразить.

Перед самым отъездом Аркадия заговорила с Папой.

— Вы летите на Термин? — спросила она.

— Ну да. Разве ты не просила меня отвезти туда хлеб, рис и картошку?

— Мистер Пэлвер, когда вы будете на Термине, вы не зайдете к моему отцу?

Папа расплылся в улыбке.

— Конечно, зайду! Я скажу ему, что ты жива-здорова, что все о'кей и что когда война кончится, я привезу тебя домой.

— Спасибо. Я сейчас объясню вам, как его найти. Его зовут доктор Торан Дарелл, он живет в Стэнмарке. Это пригород Терминус-Сити, туда ходит воздушный автобус. Улица Ченнэл Драйв, дом 55.

— Погоди, я запишу.

— Нет, нет! — Аркадия замахала руками. — Ничего записывать нельзя. Пожалуйста, запомните адрес и ни у кого не спрашивайте, как пройти.

Папа удивленно взглянул на Аркадию и пожал плечами.

— Хорошо. Стэнмарк, пригород Терминус-Сити, доехать автобусом, улица Ченнэл Драйв, дом 55. Доктор Дарелл. Так?

— Так. И еще одно.

— Давай.

— Вы не передадите ему пару слов?

— Конечно, передам.

— Я скажу вам на ушко.

Папа наклонился, и Аркадия прошептала несколько слов. Папа сделал круглые глаза.

— Ты хочешь, чтобы я передал ему эту чепуху?

— Он поймет. Скажите, что это я просила передать, и он сразу поймет. Только, пожалуйста, передайте точно так, как я сказала, не меняйте ни одного слова. Не забудете?

— Не забуду. Всего четыре слова...

— Нет! — Аркадия даже подпрыгнула. — Не повторяйте. И больше никому не говорите. Только моему отцу. Обещайте!

— Ладно, никому не скажу, — пожал плечами Папа. — Ну, до свидания!

— До свидания, — печально сказала Аркадия.

Папа пошел к калитке, у которой его дожидалось такси, а Аркадия думала, что, возможно, только что подписала ему смертный приговор. Может быть, она его больше не увидит. Как теперь смотреть в глаза доброй, ласковой Маме? Когда все кончится, она убьет себя за то зло, которое причинила этим добрым людям.

19. Конец войны

***КВОРИСТОН (сражение при Квористоне)** — произошло в 17 день 9 месяца 377 года эры основателей между войсками Фонда и Лорда Штеттина, правителя Калгана. Последнее значительное сражение в период Междуцарствия...*

Галактическая Энциклопедия.

В роли военного корреспондента и в военной форме Джоуль Турбор чувствовал себя лучше. Ему нравилось вылетать в районы боевых действий. Наблюдая войну обычных людей, стреляющих из обычного оружия, он забыл о войне с призрачным вторым Фондом.

Война не была для Фонда победоносной, но Турбор подходил к этому философски. После полугода войны твердыни Фонда оставались неприступными, флот был вполне боеспособным. В последнее время флот усилили новыми кораблями, и он стал технически еще сильнее, чем был до войны.

На планетах, принадлежащих Фонду, проводилось укрепление оборонительных систем, обучение новобранцев. Калганский флот тем временем рассредоточивался, так как требовалось удерживать «завоеванные» территории.

Турбор находился в расположении Третьего Флота в секторе Анакреона. Доказывая свой тезис о том, что «войну выигрывают солдаты», он интервьюировал Феннела Лимора, добровольца, инженера третьего класса.

— Расскажите о себе, солдат, — сказал Турбор.

— Да что тут рассказывать, — Лимор смущенно улыбнулся и затоптался на месте. — Я родом с Локриса. Работал на заводе, строил воздушные автомобили. Был начальником цеха, хорошо зарабатывал. Женат, двое детей — девочки. Слушайте, можно сказать им пару слов, вдруг они нас смотрят?

— Говорите, что хотите и кому хотите — вас слушает весь Фонд.

— Спасибо... Здравствуй, Милла, если слышишь меня. У меня все хорошо. Как поживают Санни и Томма? Я о вас все время думаю. Когда будем в порту, постараюсь заскочить. Посылку вашу получил, но отсылаю обратно. Нас хорошо кормят, а вот вы, я слышал, голодаете. Все, пожалуй.

— Когда я буду на Локрисе, — сказал Турбор, — я зайду к вашей жене и позабочусь, чтобы ее снабдили продуктами. О'кей?

Молодой человек улыбнулся и кивнул.

— Спасибо, мистер Турбор. Большое спасибо.

— Не за что. Скажите, вы доброволец?

— Конечно! Когда на меня бросаются с кулаками, я не жду, пока мне расквасят нос. Я пошел воевать, как только узнал, что «Хобер Мэллоу» расстрелян.

— Вы настоящий патриот. Вы участвовали во многих боях? Я вижу у вас две звезды.

— Тьфу! — сплюнул солдат. — Это были не бои, а гонки. Калганцы дерутся только тогда, когда имеют перевес пять к одному в свою пользу. И то не дерутся, а ходят кругами и выбивают по одному кораблю. Мой двоюродный брат был в секторе ифни. Он служит на корабле, которому удалось уйти — на «Эблинге Мисе». Так вот, он рассказывал, что калганцы напали Большим Флотом на нашу эскадру и не дрались, а хороводы водили, пока у нас не осталось пять кораблей. Наши за это время подбили у них вдвое больше кораблей, чем они у наших.

— Значит, мы выиграем войну?

— Разумеется. Мы уже перестали отступать. А если нам станет совсем туго, я думаю, что вмешается Второй Фонд. У нас есть План Селдона, Калган это тоже знает.

Турбор слегка поморщился.

— Вы рассчитываете на помощь Второго Фонда?

— Кто же на нее не рассчитывает? — последовал удивленный ответ.

Когда трансляция окончилась, в комнату Турбора вошел младший офицер Типпеллум. Он сдвинул фуражку на затылок и прицелился в корреспондента сигаретой.

— Мы поймали одного типа, — сказал он.

— Какого?

— Этакого чудаковатого толстяка. Говорит, что нейтральный, провозглашает дипломатическую неприкосновенность. Галактика знает, что с ним делать. Говорит, что он с Трантора. Зовут его Пэлмер или Пэлвер, что-то в таком роде. Что ему тут понадобилось?

Турбор сел на кушетке. Сон с него слетел. Он вспомнил последний разговор с Дареллом, состоявшийся во второй день войны.

— Прим Пэлвер, — сказал Турбор уверенно.

Типпеллум выпустил несколько колечек дыма и сказал:

— Вот-вот. Откуда вы знаете?

— Неважно. Я могу с ним поговорить?

— Н-не знаю. Старик запер его в своей каюте. Все думают, что он шпион.

— Скажите старику, что я знаю этого человека, если он тот, за кого себя выдает. Всю ответственность беру на себя.

Капитан первого ранга Диксил, командир флагмана Третьего Флота, неотрывно смотрел на локатор. Каждый корабль является источником электромагнитного излучения, а каждому такому источнику на трехмерном экране локатора соответствует искорка.

Искорок было ровно столько, сколько кораблей в подчинении у капитана, плюс еще одна — пойманный шпион, объявляющий себя нейтралом. Как он некстати появился. Возможно, из-за него придется менять тактику.

— Итак, что вы предлагаете?

— Я поведу эскадру через гиперпространство, — сказал капитан третьего ранга Сенн. — Радиус 10,00 парсеков; тета 268,52 градуса; фи 14,15 градуса. Возврат в исходную позицию в 13-30. Длительность — 11,83 часа.

— Хорошо. Мы рассчитываем, что вы вернетесь в назначенное место к назначенному времени. Понятно?

— Да, сэр, — Сенн посмотрел на часы. — Мои корабли будут готовы к 1-40.

— Хорошо, — сказал капитан Диксил.

Калганские корабли еще не появились в пределах видимости локатора, но скоро должны появиться. Капитан располагал информацией на этот счет. Без эскадры Сенна численный перевес противника будет чувствоваться еще сильнее, но капитан был спокоен. Он твердо верил в успех.

Печальный взгляд Прима Пэлвера остановился сначала на высоком и худом адмирале, затем, перескакивая с одного человека в форме на другого, задержался на дородном человеке без галстука, с расстегнутым воротом, непохожем на остальных. Этот человек сказал, что хочет поговорить с Пэлвером.

— Господин адмирал, — говорил Джоуль Турбор, — я понимаю, что последствия могут быть очень серьезными, но если вы позволите мне поговорить с этим человеком, я постараюсь разрешить существующую неопределенность.

— Почему вы не можете поговорить с ним в моем присутствии?

Турбор упрямо поджал губы.

— Господин адмирал, — сказал он, — я создал вашему флоту неплохую репутацию. Если хотите, поставьте у дверей охрану, но дайте мне возможность поговорить с этим человеком наедине. Сделайте мне маленькую уступку, и ваша репутация не пострадает. Вы меня понимаете?

Адмирал понял.

Все вышли, и Турбор, обернувшись к Пэлверу, приказал:

— Быстро: как зовут девочку, которую вы похитили?

Пэлвер недоуменно округлил глаза и покачал головой.

— Без фокусов, — сказал Турбор. — Если не скажете — вы шпион, а шпионов в военное время расстреливают без суда.

— Аркадия Дарелл, — выдохнул Пэлвер.

— Отлично. Она в безопасности?

Пэлвер кивнул.

— Вы уверены? Ошибка может дорого вам обойтись.

— Она в полной безопасности и совершенно невредима, — сказал Пэлвер, побледнев.

Вернулся адмирал.

— Ну?

— Этот человек не шпион. Его словам можно верить. Я ручаюсь.

— Если так, — нахмурился адмирал, — этот человек представляет один из аграрных кооперативов Трантора, который предлагает Термину поставки зерна и картофеля. Однако, отпустить его мы не можем.

— Почему? — спросил Пэлвер.

— Потому, что мы находимся в центре боя. Если останемся в живых — отвезем вас на Термин.

Противники обнаружили друг друга на невероятном расстоянии. Поблескивая светлячками в экранах локаторов, они стали сближаться.

Адмирал Фонда, нахмурившись, сказал:

— По-видимому, Штеттин бросил против нас основные силы. Посмотрите, сколько кораблей. И все же, им с нами не справиться, особенно, если подоспеет Сенн.

Капитан Сенн улетел несколько часов назад — как только первые корабли противника попали в поле зрения локатора. Изменить план было уже невозможно. Удастся хитрость или нет — адмирал был уверен в успехе. Его уверенность передавалась офицерам и солдатам.

А светлячки все летели, выстроившись парами, как в танце. Флот Фонда медленно отступал, уводя наступающего противника от курса.

По плану калганский флот должен был занять определенную область космоса, в которую флот Фонда и заманивал его, медленно отступая. Корабли Калгана, вышедшие за границы этой области должны были подвергнуться жестокому обстрелу. Корабли, оставшиеся в «мешке», оставались в безопасности. Все зависело от того, захотят ли калганцы взять инициативу на себя.

Капитан Диксил взглянул на часы — 13-10.

— Осталось двадцать минут, — сказал он.

Лейтенант, стоящий рядом, кивнул.

— Да, сэр. Пока все идет хорошо. Они почти все влезли в мешок. Если бы мы могли их там удержать!

— Если бы! — вздохнул капитан.

Корабли Фонда двинулись вперед, медленно-медленно. Так медленно, что калганцы не стали отступать, а лишь приостановили продвижение.

Потянулось ожидание.

В 13-25 семьдесят пять кораблей Фонда получили от адмирала приказ атаковать противника. На максимальной скорости они понеслись на строй калганцев, в котором было триста кораблей. Силовые лучи прошили космос. Триста калганских кораблей повернулись в ту сторону, откуда к ним мчались атакующие, и...

В 13-30 из ниоткуда возникли пятьдесят кораблей капитана Сенна. Вынырнув из гиперпространства, они оказались в незащищенном тылу противника.

Мышеловка сработала.

Калганцев было больше, но они были сломлены морально. Они попытались бежать с поля боя, ряды их кораблей смешались и стали совершенно беззащитными.

Бой превратился в избиение.

Из трехсот калганских кораблей чуть больше полусотни вернулось на Калган, многие в плачевном состоянии. Потери Фонда составили восемьдесят кораблей из ста двадцати пяти.

Прим Пэлвер прибыл на Термин в разгар праздника. Несмотря на всеобщее веселье и нежелание заниматься делами, он выполнил то, что планировал, и взял на себя новое дело.

Пэлвер заключил с Терминой договор, по которому его кооператив в течение года обязался поставлять на Термин по двадцать кораблей продовольствия ежемесячно по ценам военного времени, но (после недавнего сражения) без связанного с военным положением риска.

Пэлвер передал доктору Дарелла слова Аркадии.

Несколько секунд Дарелл смотрел на Пэлвера испуганными круглыми глазами, потом попросил передать Аркадии ответ. Пэлвер с удовольствием принял это поручение: ответ доктора был прост и содержал конкретную мысль. Доктор Дарелл передал дочери следующее: «Возвращайся. Опасность миновала.»

Лорд Штеттин был в ярости и в отчаянии. Оружие, на которое он возлагал столько надежд, ломалось в руках. Военная мощь на поверку обернулась бессилием. Он не знал, что делать.

Вот уже три ночи лорд Штеттин не спал, три дня не брился, отменил все встречи. Адмиралы были предоставлены сами себе, и никто лучше правителя Калгана не понимал, что вот-вот начнется гражданская война.

Даже от Первого министра Меируса не было толку. Старый, жалкий, он стоял перед лордом Штеттином и, как всегда, поглаживал длинным нервным пальцем крючковатый нос.

— Что вы молчите? — кричал Штеттин. — Вы понимаете, что мы разгромлены? Разгромлены! А почему? Я не знаю. Может быть, вы знаете? Ну, почему? Вы знаете?

— Кажется, знаю, — спокойно ответил Меирус.

— Измена! — прошипел Штеттин. — Вы знали об измене и молчали. Вы служили идиоту, которого я вышвырнул из кресла Первого Гражданина, и готовы служить любому подлецу, который сядет на это кресло вместо меня. Да я выпущу из вас кишки и сожгу их у вас на глазах!

Меирус оставался бесстрастным.

— Я пытался, и не раз, поделиться с вами своими сомнениями, но вы не слушали меня. Вы предпочитали следовать советам других людей, говоривших вам лестные вещи. Результаты превзошли мои самые худшие опасения. Вы и сейчас не слушаете меня, сэр. Что ж, я уйду и вернусь к вашему преемнику, который первым делом, без сомнения, подпишет мирный договор.

Штеттин устремил на министра налитые кровью глаза. Его тяжелые кулаки сжимались и разжимались.

— Ах ты, слизняк! Хорошо, говори, я слушаю.

— Я не раз говорил вам, сэр, что вы не Мул. Вы можете управлять кораблями и пушками, но не эмоциями ваших подданых. Понимаете ли вы, сэр, с кем вы воюете? Вы воюете с Фондом, который нельзя победить, с Фондом, за которым стоит План Селдона, с Фондом, которому предстоит объединить Галактику в империю!

— План Селдона расстроен. Так сказал Мунн.

— Значит, Мунн ошибся. Даже если бы он был прав, ничего не изменилось бы. Я и вы, сэр, — это еще не народ. А народ Калгана и других миров, находящихся в вашей власти, свято верит в существование Плана Селдона, как верит в него и вся остальная Галактика. В течение четырехсот лет никому: ни Империи, ни независимым королевствам, ни военным диктаторам — не удалось покорить Фонд.

— Его покорил Мул.

— Да, но Мула нельзя принимать в расчет: он исключение из правила. Вы — не исключение, и ваш народ это знает. Ваши солдаты идут в бой, страшась поражения. Они все время помнят о Плане Селдона и воюют с оглядкой. А противник, рассчитывая на тот же План Селдона, воюет без оглядки. Несмотря на первоначальные поражения, он не падает духом. В Фонде привыкли к тому, что поражение впоследствии оборачивается победой. А вы, сэр, занимая две трети территории противника, уже чувствуете себя побежденным. Вы даже не допускаете для себя возможности победы, потому что знаете, что такой возможности не существует. Уступите, иначе вас разобьют наголову. Отступитесь, и, может быть, вы что-то

сохраните. Вы рассчитывали на силу огня и металла — они сделали все, что могли, но они бессильны против силы духа. Послушайте моего совета: отпустите Хомира Мунна. Отправьте его на Термин просить мира.

Штеттин побледнел и заскрипел зубами. Другого выхода не было.

В первый день нового года Хомир Мунн покидал Калган. Он провел здесь полгода, и за это время успела начаться и закончиться война.

Он прилетел один, а улетал с экскортом. Он прилетел как частное лицо, а улетал как неофициальный, но действительный посол мира. А самое главное, он раскрыл тайну Второго Фонда. Он улыбался, предвкушая, как удивит доктора Дарелла, молодого энтузиаста Антора и всех остальных.

Ему, Хомиру Мунну, наконец, открылась правда.

20. «Я знаю...»

Хомир не заметил, как прошли последние два месяца войны. Став чрезвычайным посредником, он оказался в центре межзвездной политики и нашел это положение весьма приятным.

Больших сражений уже не было. Случилось несколько стычек, неспособных что-либо изменить в ходе войны. Мирный договор был подписан на выгодных для Фонда условиях. Штеттин сохранил кресло Первого Гражданина, но лишился всего остального. Его флот был распущен, доминионы получили независимость. Им предоставили право войти в состав Фонда или же остаться самостоятельными государствами.

Формально война окончилась на одном из астероидов звездной системы Термина, на котором располагалась старейшая военная база Фонда. Со стороны Калгана договор подписал Лев Меирус. Хомир был заинтересованным наблюдателем.

Все это время он не видел ни доктора Дарелла, ни других членов тайного общества. Однако, Мунн не торопился: его новость могла подождать. Он всякий раз улыбался, воображая, как будет ее рассказывать.

Через несколько недель после подписания мира доктор Дарелл вернулся на Термин. В тот же день в его доме собрались люди, которые собирались там десятью месяцами ранее.

Обед тянулся долго, потом подали вино. Никто не решался заговорить о деле.

Первым нарушил молчание Джоуль Турбор. Разглядывая свой бокал на свет, он пробормотал:

— А вы интриган, Хомир! Как ловко все провернули.

— Я? — рассмеялся Мунн громко и весело. — Я здесь ни при чем. Все сделала Аркадия. Кстати, Дарелл, что с ней? Я слышал, она возвращается с Трантора?

— Вы слышали правду, — ответил Дарелл. — Корабль, на котором она летит, прибывает на этой неделе.

Раздались радостные возгласы.

— Тогда все в порядке, — сказал Турбор. — На такой успех мы и не надеялись. Мунн побывал на Калгане и вернулся. Аркадия побывала на Калгане и на Транторе и тоже возвратилась. Война окончилась нашей победой. Вы говорите, историю можно предсказать. Кто мог предсказать все, что мы пережили за эти десять месяцев?

— Чему вы радуетесь? — кисло спросил Антор. — Можно подумать, что мы выиграли настоящую войну. Да это была просто склока, которую нам навязали, чтобы отвлечь наше внимание от настоящего противника.

Все нахмурились, только Хомир Мунн улыбался непонятно чему.

Антор яростно стукнул кулаком по ручке кресла.

— Я говорю о Втором Фонде, о котором вы не хотите не то что говорить, но даже вспоминать. Неужели вы уступили стадному чувству и вместе со всеми идиотами предаетесь эйфории победы? Так давайте обниматься, целоваться, кричать ура и бросать в окна конфетти! Израсходуйте запас радости и вернемся к делу. Перед нами стоят те же проблемы, что и десять месяцев назад. Неужели вы думаете, что психологи Второго Фонда стали слабее оттого, что мы уничтожили эскадру-другую кораблей?

Антор тяжело дышал, лицо его покраснело.

Мунн негромко спросил:

— Антор, вы позволите мне высказаться или будете продолжать обвинительную речь?

— Говорите, Хомир, — сказал Дарелл, — только давайте воздержимся от красивых слов. Иногда они хороши, но сейчас совершенно излишни.

Хомир Мунн взял со стола графин с вином, наполнил стакан и откинулся в кресле.

— Меня послали на Калган, — сказал он, — для работы над документами Мула. Я работал в его дворце несколько месяцев. Это не моя заслуга. Я уже говорил, что вход во дворец мне обеспечило вмешательство Аркадии. Моя заслуга в том, что я знаю о Муле и его времени больше, чем кто бы то ни было. Работа над документами, хранящимися во дворце, позволила мне добавить к первоначальным знаниям много нового и ценного. Поэтому я могу вернее

оценить опасность, исходящую от Второго Фонда, чем наш пылкий друг.

— Хорошо, — снисходительно бросил Антор, — во сколько вы ее оцениваете?

— Ни во сколько. Опасность равна нулю.

— Нулю? — удивленно переспросил Элвет Семик.

— Конечно. Друзья, Второго Фонда не существует!

Антор побледнел и закрыл глаза.

— Более того, — продолжал Мунн, наслаждаясь произведенным впечатлением, — его никогда не было.

— На чем вы основываете столь неожиданное заключение? — спросил Дарелл.

— Оно отнюдь не неожиданное, — возразил Мунн. — Всем известно, что Мул пытался отыскать Второй Фонд. Однако, никому не известно, как целеустремленно Мул искал его. Он не жалел на это ни людей, ни кораблей, но ничего не нашел.

— Он и не должен был что-либо найти, — перебил Турбор с нетерпением. — У Второго Фонда есть средства защиты от любопытных.

— Но не от таких, как Мул. Я не могу изложить вам за пять минут содержание пятидесяти томов, в которых собраны отчеты о поисках. По договору с Калганом, документы Мула переходят в собственность Исторического музея имени Селдона. Когда их туда доставят, вы сможете с ними ознакомиться. В последнем томе черным по белому написано то, что я вам сказал: Второго Фонда не было и нет.

— Что же, в таком случае, остановило Мула? — спросил Семик.

— Как что? Смерть! Она всех нас рано или поздно останавливает. Мнение о том, что Мула остановили таинственные сверхчеловеки, — величайшее заблуждение нашей эпохи. Это результат предвзятого отношения к действительности.

Всем известно, что Мул был уродом, как нравственным, так и физическим. Он умер, когда ему не было и сорока. Работа души истощила и без того слабые ресурсы его тела. В последние годы жизни он был насквозь больным человеком. А в лучшую свою пору он был слаб, как котенок. Он завоевал Галактику и умер. Удивительно, что он не умер раньше. Запаситесь терпением, друзья, изучите отчеты о поиске Второго Фонда — и вы сами прочтете то, чему сейчас не хотели верить. Попробуйте стать на другую точку зрения.

— В самом деле, давайте попробуем, — задумчиво произнес Дарелл. — Это в любом случае будет полезно. Как вы предлагаете

с этой точки зрения объяснить характер энцефалограмм, которые Антор показал нам почти год назад?

— Очень просто. Сколько лет вашей науке? На какой стадии развития она находится?

— Согласен, мы в самом начале пути, — сказал Дарелл.

— Вот именно. Поэтому нельзя быть уверенным, что плато, которое вы с Антором называете плато марионетки, порождено чьим-то вмешательством в деятельность мозга. Это можно предполагать, но нельзя этого с уверенностью утверждать. Очень легко объяснить непонятное, призвав на помощь сверхъестественную силу. Это свойственно человеку. В Галактике много изолированных планетных систем, где цивилизация деградировала до первобытного состояния. Дикари, живущие на этих планетах, приписывают необъяснимые явления природы: грозы, засухи, наводнения — деятельности разумных существ, обладающих более мощным разумом. Увы, мы тоже дикари и несвободны от этой слабости, которая называется антропоморфизм. Мы мало знаем об устройстве собственного мозга и все необъяснимое сваливаем на суперменов, вместо того, чтобы попытаться найти нужное объяснение. Мы не знаем, зачем Селдон...

— О, вы помните Селдона! — перебил Антор. — Я думал, вы забыли, что был такой. Между прочим, он сказал, что Второй Фонд существует. Как объяснить это с вашей точки зрения?

— Я говорил, что мы не знаем, зачем Селдон убеждал нас в существовании Второго Фонда. Мы не знаем всех его целей. Второй Фонд был хорошим пугалом для наших врагов. Без него мы не одержали бы победу над Калганом. Турбор, вы помните, о чем писали в своих последних статьях?

Турбор зашевелился в своем кресле.

— Я понимаю, чего вы хотите. В конце войны я был на Калгане, Дарелл, и должен сказать, что боевой дух калганцев был крайне низок. Я читал их газеты — калганцы заранее были согласны на поражение. Они не испытывали ни малейшей надежды на победу, потому что были уверены, что в трудную минуту Второй Фонд придет на помощь Первому.

— Совершенно верно, — сказал Мунн. — Я пробыл на Калгане всю войну. Я сказал лорду Штеттину, что Второго Фонда нет, и он мне поверил. Он не боялся Второго Фонда, но не мог заставить людей разувериться в том, во что они верили всю жизнь. Второй Фонд — очень хитрый ход Селдона на шахматной доске Вселенной.

— Вы лжете, — Антор в упор посмотрел на Мунна.

Хомир побледнел.

— Я не считаю нужным не то что отвечать, но даже принимать к сведению подобные заявления.

— Я не хотел вас обидеть. Вы не можете не лгать; вы лжете, сами того не понимая. Но все равно лжете.

Семик положил на рукав Антора сморщенную руку.

— Остыньте, мальчик.

Антор грубо стряхнул его руку и продолжал:

— Простите, но вы вывели меня из терпения. Я видел этого человека всего несколько раз, но могу сказать, что он разительно переменился. Вы знаете его всю жизнь, но ничего не замечаете. С ума сойти можно! Разве это Хормир Мунн? Это не тот Хомир Мунн, которого я знал раньше!

Немая сцена.

— Вы хотите сказать, что я подставное лицо? — крикнул Мунн.

Все зашумели. Антор пытался их перекричать:

— Нет, не в обычном смысле, но тем не менее это так. Замолчите! Послушайте меня!

Вы помните, каким был Хомир Мунн до отъезда на Калган? Это был типичный интроверт, который стеснялся слово сказать, заикался, нервничал. Разве этот человек похож на него? У него уверенный голос, складная речь, он спорит с нами и не заикается. Разве это прежний Хомир Мунн?

Все смутились, даже Мунн, а Антор продолжал.

— Его нужно проверить.

— Каким образом? — спросил Дарелл.

— Вы еще спрашиваете? Самым простым: снять энцефалограмму и сравнить с той, что мы снимали десять месяцев тому назад.

Антор посмотрел на помрачневшего библиотекаря и страшным голосом произнес:

— Только попробуйте отказаться!

— И не думал! — с вызовом бросил Мунн. — Я тот же, каким был всегда.

— О, Галактика! Вы не можете этого знать! — презрительно сказал Антор. — Далее: я не верю никому из присутствующих. Мне нужно снять энцефалограммы у всех. Была война. Мунн был на Калгане. Турбор был на боевом корабле, то есть в районах военных действий. Дарелл и Семик тоже уезжали из города — уж не знаю, куда. Только я оставался в изоляции, поэтому я не верю никому и хочу всех проверить. Чтобы все было по-честному, я первый пройду проверку. Вы согласны? Если нет, я оставлю вас и начну действовать сам.

— У меня нет возражений, — сказал Турбор, пожав плечами.

— Я уже сказал, что согласен, — подхватил Мунн.

Семик согласно махнул рукой, и Антор перевел взгляд на Дарелла. Подумав, Дарелл кивнул.

— Я иду первым, — повторил Антор...

...Молодой ученый сел в кресло, и ломаные линии побежали по расчерченному на мелкие клетки полю. Дарелл вынул из картотеки старую энцефалограмму Антора и показал ему.

— Это ваша подпись?

— Да, да. Проводите сравнение.

На экране проектора появились старые и новые графики: шесть пар ломаных линий.

В темноте раздался торжествующий голос Мунна:

— Смотрите: есть изменения!

— Это первичные линии, Хомир. Они ничего не дают. Добавочные пики, на которые вы показываете, — всего лишь отражения гнева. Смотреть нужно на результирующую линию.

Дарелл тронул какую-то ручку, и шесть пар линий превратились в пару совершенно одинаковых линий, которые слились в одну.

— Удовлетворены? — спросил Антор.

Дарелл кивнул и сел в кресло. За ним сел Семик, затем Турбор. Мунна проверили последним.

Сев в кресло, он несчастным голосом попросил:

— Я иду последним, кроме того, я под подозрением. Нельзя ли сделать на это скидку?

— Мы все учтем, Хомир, — заверил его Дарелл. — Сознательные эмоции отражаются лишь в первичных линиях и не влияют на форму результирующей.

Прошла безмолвная вечность. В темноте прозвучал хриплый шепот Антора.

— Так и есть! Я не рискну утверждать, что это чье-то вмешательство: меня могут обвинить в антропоморфизме. Однако, факт налицо. Наверное, совпадение.

— Что случилось? — крикнул Мунн.

— Спокойно, Хомир, — рука Дарелла сжала плечо библиотекаря. — Они обработали вас.

Зажегся свет, и Мунн, безуспешно пытаясь улыбнуться, посмотрел на товарищей.

— Вы шутите? Вы испытываете меня? Правда?

— Нет, Хомир, мы не шутим.

Глаза библиотекаря наполнились слезами.

— Я не верю. Я не изменился, — тут его осенила догадка. — Вы сговорились против меня!

Дарелл, пытаясь его успокоить, протянул к нему руку. Мунн ударил по руке Дарелла и взвизгнул:

— Вы хотите меня убить! Клянусь Космосом, вы решили меня убить!

Антор бросился на Мунна. Что-то хрустнуло. Когда Антор, дрожа, поднялся, Мунн остался лежать на полу с застывшим на лице выражением испуга.

— Его нужно связать, — сказал Антор, откидывая волосы со лба. — Потом решим, что с ним делать.

— Как вы догадались, что с ним что-то не так? — спросил Турбор.

Антор усмехнулся.

— Это было нетрудно. Видите ли, я случайно узнал, где на самом деле находится Второй Фонд.

Когда потрясения следуют одно за другим, они перестают потрясать.

— Вы уверены? — спокойно спросил Семик. — Случай с Мунном только первый...

— Случай с Мунном — не причина, а следствие, — обернулся к нему Антор. — Дарелл, помните наш разговор в тот день, когда началась война? Я уговаривал вас покинуть Термин. Если бы я мог доверять вам, я бы сказал вам еще тогда то, что скажу сейчас.

— Вы уже тогда знали, где находится Второй Фонд? — улыбнулся Дарелл.

— Да, я понял это в тот момент, когда узнал, что Аркадия полетела на Трантор.

— При чем здесь Аркадия? — Дарелл вскочил на ноги. — Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, кроме того, что и так ясно. Аркадия, оказавшись на Калгане, в ужасе бежит оттуда в самый центр Галактики, лишь бы не домой. Наш лучший человек, лейтенант Дириге, попадает под контроль. Хомир Мунн, оказавшись на Калгане, тоже попадает под контроль. Мул, завоевав Галактику, учреждает столицу на Калгане. Я начинаю подозревать, что Мул был не завоевателем, а всего лишь орудием завоевателя. Всюду Калган, Калган и еще раз Калган — мир, переживший невредимым всех диктаторов и все войны.

— Ваши выводы?

— Они очевидны: Второй Фонд находится на Калгане.

— Я был на Калгане, Антор, — заговорил Турбор. — Если Второй Фонд там, то я сумасшедший. А скорее, вы сумасшедший.

Молодой человек яростно напустился на Турбора.

— Значит, вы толстый тугодум! Вы считаете, что Второй Фонд — это учреждение с красивой вывеской, вроде магазина? Второй Фонд должен прятаться в мире, в котором живет, и прятать этот мир от глаз Галактики.

— Мне не нравится ваша позиция, Антор, — заметил Турбор.

— Я просто в отчаянии! — съязвил Антор и продолжал. — Посмотрите на себя. Вы живете в центре, в самом сердце Первого Фонда, известного всей Галактике достижениями в области физики. А много ли на Термине физиков? Вы сами умеете управлять станцией передачи энергии? Вы знаете, как работает гиператомный

двигатель? Число ученых-физиков, настоящих ученых, составляет едва ли один процент от числа жителей Термина.

Что говорить о Втором Фонде, который должен таиться от всех! Там еще меньше психологов, чем здесь физиков, и они скрываются даже друг от друга.

— Позвольте, — сказал Семик, — мы только что разгромили Калган.

— Ну да, разгромили. Устраиваем иллюминации и фейерверки, кричим ура на улицах и по телевизору. И, разумеется, если начнем искать Второй Фонд, то не на Калгане.

Наша победа — иллюзия. Мы разбили несколько десятков кораблей, убили несколько тысяч человек, расчленили империю — но это ничего не значит. Я готов ручаться, что правящие круги Калгана ничуть не пострадали. Более того, они избавлены от внимания окружающих, но не от моего. Что скажете, Дарелл?

Дарелл пожал плечами.

— Любопытно. Я пытаюсь соотнести ваши слова с сообщением, полученным от Аркадии.

— Вот как? — спросил Антор. — Что же она сообщила?

— Всего четыре слова. Очень занятных.

— Постойте, я не совсем понимаю, — вмешался Семик. — Давайте начнем с начала.

— Что вам неясно?

Семик заговорил, тщательно подбирая слова и по одному выпуская их из-под верхней губы:

— Хомир Мунн только что сказал, что Хари Селдон блефовал, когда говорил, что создал два Фонда. Вы говорите, что Хари Селдон говорил правду и Фондов действительно два.

— Да, Хари Селдон не блефовал. Он на самом деле создал два Фонда.

— Хорошо, но он говорил кое-что еще. Он говорил, что Фонды расположены в противоположных концах Галактики. Значит, лжете вы, молодой человек: Калган находится не в противоположном конце Галактики.

— Здесь мог солгать и Селдон, — с легкой досадой сказал Антор. — Ему нужно было спрятать Второй Фонд, но на самом деле прятать его на другой конец Галактики неразумно. Какова функция психологов Второго Фонда? Наблюдать за выполнением Плана. А кто основные исполнители? Мы — Первый Фонд. Как можно наблюдать за нами с другого конца Галактики? Это смешно! Вполне естественно, что они поселились в пятидесяти парсеках от нас.

— Хороший довод, — похвалил Дарелл, — разумный. Послушайте, Мунн очнулся. Я предлагаю его развязать. Он не опасен.

Антор бросил на Дарелла возмущенный взгляд, а Мунн энергично закивал. Через несколько секунд он так же энергично растирал запястья.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Дарелл.

— Отвратительно, — угрюмо ответил Мунн, — но это неважно. Я хочу кое-что спросить у нашего молодого гения. Я слышал его последние слова и прошу позволения поинтересоваться, что он намеревается делать.

Последовало неловкое молчание. Мунн горько улыбнулся.

— Допустим, что Второй Фонд находится на Калгане. Но где именно он находится? Кто в него входит? Как вы собираетесь искать этих людей? Что будете делать, если найдете?

— Позвольте мне ответить, — сказал Дарелл. — Позвольте заодно рассказать, чем мы с Семиком занимались последнее время. Именно поэтому, Антор, мне нужно было остаться на Термине.

— Прежде всего, — продолжал он, — я работал над методами энцефалографического анализа. Я ставил перед собой серьезные цели. Распознать психолога Второго Фонда по энцефалограмме сложнее, чем обнаружить у обычного человека «плато марионетки». Я до сих пор не вижу способа это сделать, однако, я кое-чего добился.

Кто-нибудь из вас знает, как осуществляется управление эмоциями? С тех пор, как умер Мул, писатели и режиссеры написали и сняли уйму ерунды на эту тему. Они изображают управление эмоциями, как сверхъестественный процесс, что, разумеется, не соответствует действительности. Все знают, что мозг излучает слабые электромагнитные волны. Известно также, что каждой эмоции соответствуют определенные электромагнитные волны и поля.

Можно предположить, что существует мозг, способный воспринимать и различать поля, создаваемые другим мозгом, и даже создавать резонансные поля. Какой орган за это отвечает, и как он работает, я не знаю, но это неважно. Это все равно, что я, будучи слепым, изучил бы квантовую теорию и усвоил бы, что восприятие кванта определенной энергии вызывает определенные химические процессы в зрительном органе, и эти процессы вызывают у человека определенное ощущение. Но я не научился бы в результате этого распознавать цвета. Всем понятно?

Антор уверенно кивнул, остальные тоже сделали вид, что поняли.

— Такой гипотетический резонирующий орган, подстраиваясь под поля, излучаемые чужим мозгом, осуществляет то, что среди людей известно под названием «чтение в душе» или «чтение в мыслях». Представив себе такой орган, нетрудно представить и аналогичный, способный воздействовать на чужие поля, ориентировать их с помощью своего, более сильного, поля, подобно тому как магнит ориентирует электромагнитные поля в куске металла и превращает этот кусок в магнит.

Я вывел функцию, которая описывает комбинацию нейронных путей, необходимую для создания такого органа, но эта функция слишком сложна для современной математики. Это очень печально, так как я не имею возможности распознать Психолога по энцефалограмме.

Но я нашел другой путь. С помощью Семика я сконструировал прибор, который можно назвать генератором статистического поля. Современная физика способна создать источник электромагнитных колебаний, сходных с колебаниями, порождаемыми мозгом. Наш генератор можно настроить так, чтобы он давал статистическое поле, то есть «шумовые» колебания, которые не дадут Психологу войти в контакт с чужим мозгом.

Всем все ясно?

Семик хохотнул. Оказывается, он верно угадал назначение прибора, хотя Дарелл ему ничего не говорил. Нет, не выжил еще старик из ума!

— Пожалуй, ясно, — сказал Антор.

— Изготовить такой генератор нетрудно, — продолжал Дарелл. — У меня, как у председателя комиссии по развитию науки, были для этого все возможности. В настоящее время генераторами оборудованы все правительственные учреждения и крупнейшие промышленные предприятия. Им не страшны даже армии Психологов. В моем доме тоже стоит. Вот так, — и хлопнул рукой по колену.

— Значит, все в порядке? Слава Селдону, война закончилась! — обрадовался Турбор.

— Не совсем, — охладил его Дарелл.

— Почему?

— Мы еще не обнаружили Второй Фонд.

— Вы хотите сказать, — начал Антор.

— Да, я хочу сказать, что Второй Фонд находится не на Калгане.

— Откуда вы знаете?

— Видите ли, — небрежно бросил Дарелл, — я случайно узнал, где на самом деле находится Второй Фонд.

21. Удовлетворительный ответ

Турбор вдруг захохотал — громко, но невесело. Успокоившись, он сказал:

— Господа, мы так просидим до утра. Один за другим мы выдвигаем идеи и тут же их опровергаем. Это интересное, но совершенно бесполезное занятие. Не все ли равно, где находится Второй Фонд — на Калгане, на Транторе или на всех планетах Галактики сразу, — если у нас есть оружие против него?

— Что толку в оружии, если не видишь врага?— улыбнулся Дарелл. — Нельзя прожить всю жизнь со сжатыми кулаками. Мало знать, как бороться, нужно знать, с кем бороться. И я знаю, где скрывается враг.

— Не томите, — устало сказал Антор. — Что вы знаете?

— Аркадия, — начал Дарелл, — передала мне сообщение, и, получив его, я увидел очевидное. Если бы не эти четыре слова, я мог бы до конца жизни этого не увидеть. Аркадия передала следующее: «У кольца нет конца». Поняли?

— Нет!, — на этот раз Антор выразил общее мнение.

— У кольца нет конца, — повторил Мунн, наморщив лоб.

— А я сразу понял, — сказал Дарелл. — Что нам точно известно о Втором Фонде? То, что Хари Селдон расположил его на другом конце Галактики. Хомир Мунн предположил, что Хари Селдон лгал, говоря о самом существовании Второго Фонда. Пелеас Антор утверждал, что Хари Селдон лгал, говоря о том, что Второй Фонд находится на другом конце Галактики. Я же утверждаю, что Хари Селдон не солгал ни в чем. Второй Фонд существует, и существует на другом конце Галактики.

Но где этот другой конец? Галактика — это плоский объект, имеющий форму выпукло-вогнутой линзы. Сечение Галактики плоскостью, параллельной плоскости линзы, имеет форму кольца, а у кольца, как верно заметила Аркадия, нет конца. Мы, Первый Фонд, Термин, находимся на краю кольца. По определению, мы находимся на одном конце Галактики. Давайте двигаться по краю кольца к другому ее концу. Мы не найдем его и вернемся в исходную точку. Там и находится Второй Фонд.

— Там? — переспросил Антор. — Вы хотели сказать, здесь?

— Вот именно! Здесь! — воскликнул Дарелл. — Где же еще? Вы только что говорили, что наблюдатели должны жить рядом с исполнителями. Вы почему-то решили, что целесообразнее всего поселить их на расстоянии пятидесяти парсеков. А я говорю, что это так же нецелесообразно, как размещать их в разных концах Галактики. Лучше всего поселить их вместе. Где еще наблюдатели были бы в большей безопасности? Кто догадался бы искать их в своем доме? Самый надежный способ спрятаться — это остаться у всех на виду!

Почему так удивился бедняга Эблинг Мис, открыв тайну Второго Фонда? Он пролетел половину Галактики, чтобы предупредить Второй Фонд об опасности, и обнаружил, что Второй Фонд покорен Мулом вместе с Первым. Почему Мулу не удалось найти Второй Фонд? Потому, что он не стал искать непобедимого врага среди уже побежденных.

У психологов была возможность спокойно подумать над тем, как остановить Мула, и они его остановили.

Это просто до смешного. А мы строим заговоры, пытаемся что-то от кого-то скрыть, а этот кто-то заглядывает нам через плечо! Комедия!

— Доктор Дарелл, — скептически спросил Антор, — вы верите в то, что говорите?

— Да.

— Значит, любой из ваших соседей, с которым вы каждый день здороваетесь на улице, может оказаться Психологом, чувствующим пульсацию вашего мозга?

— Совершенно верно.

— Почему же до сих пор никто не помешал осуществлению нашего заговора?

— Почему не помешал? Кто вам сказал, что нам не помешали? Мы только что убедились в том, что кто-то взял под контроль Хомира Мунна. Это первое, а второе: вы уверены, что мы отправили его на Калган по своей воле? Вы уверены, что Аркадия подслушала нас и полетела с Мунном по своей воле? Нам постоянно мешают. Просто мы этого не замечаем. Врагам гораздо выгоднее ввести нас в заблуждение, чем остановить окончательно.

Антор погрузился в размышления и вынырнул с недовольной миной.

— Не нравится мне все это. Чего стоит ваш генератор? Мы не можем всю жизнь просидеть в четырех стенах. Может быть, вы собираетесь изготовить такую машину для каждого жителя Галактики?

— В этом нет необходимости, Антор. Видите ли, у Психологов есть чувство, которого нет у нас. Это их сила, но в то же время их слабость. Скажите, какое оружие поразит зрячего, но оставит невредимым слепого?

— Разумеется, свет, — сообразил Мунн.

— Правильно, — сказал Дарелл, — яркий, ослепительный свет.

— Не пойму, какое отношение это имеет к нам, — заволновался Турбор.

— Самое прямое. Генератор статистического поля можно настроить на генерацию поля, которое будет восприниматься мозгом Психолога, как яркий свет глазами обыкновенного человека. Генератор работает, как калейдоскоп. Он постоянно меняет «картинки» и делает это гораздо быстрее, чем мозг Психолога может их прочитать. Это аналогично постоянной быстрой смене темноты и яркого света. Не слишком приятное ощущение. Если усилить свет — или электромагнитное поле — и ускорить чередование кадров, неприятное ощущение превратится в непереносимую боль. Разумеется, для того, кто «видит» это поле.

— В самом деле? — спросил Антор. — Вы испытывали прибор?

— Нет, конечно. На ком я мог его испытать? Но уверяю вас, он будет работать.

— Ну-ка, где включается генератор, установленный в вашем доме? Покажите.

— Здесь, — Дарелл вынул из внутреннего кармана предмет величиной с сигаретную коробку и протянул Антору.

Антор осмотрел рогатый предмет и пожал плечами.

— Не пойму, что к чему. Дарелл, объясните, что можно нажимать, а что нельзя. Боюсь случайно отключить.

— Не беспокойтесь, случайное отключение невозможно. Выключатель фиксируется, — Дарелл подергал неподвижный рожок.

— А эта ручка зачем?

— Она регулирует частоту смены кадра. А эта — силу поля.

— Можно..? — Антор положил палец на регулятор.

Все сгрудились вокруг него.

— Отчего же нельзя? Ведь с нами ничего не случится.

Дрожащей рукой Антор повернул регулятор сначала в одну сторону, потом в другую, но ничего не случилось. Пытаясь напрячь свои чувства и уловить таинственный сигнал, Мунн часто моргал, а Турбор скрипел зубами.

Антор пожал плечами и бросил панель управления Дареллу на колени.

— Придется верить вам на слово. Мне трудно представить, что в тот момент, когда я поворачивал ручку, что-то происходило.

— Вы правы, Пеллеас Антор, в тот момент ничего не происходило, — сказал Дарелл, поджав губы. — Вы держали в руках макет. А настоящая панель осталась у меня.

Дарелл расстегнул пиджак и взял в руку пристегнутую к поясу точно такую же рогатую коробочку.

— Вот сейчас произойдет! — и Дарелл повернул регулятор мощности до упора.

С жутким криком Антор повалился на пол. Он стал кататься по полу и рвать на себе волосы.

Мунн, глядя на него полными ужаса глазами, подобрал на кресло ноги, чтобы случайно не коснуться корчащегося на полу тела.

Турбор и Семик сидели неподвижно, бледные, как гипсовые статуи.

Дарелл выключил генератор. Антор несколько раз дернулся и затих. Он был жив и дышал, как загнанная лошадь.

— Помогите мне положить его на диван, — сказал Дарелл, беря молодого человека под мышки.

Турбор взял его за ноги, и вдвоем они подняли Антора, как мешок с мукой, на диван.

Прошло несколько минут. Дыхание молодого человека успокоилось, веки дрогнули и приподнялись. Лицо его пожелтело, по вискам струился пот. Он заговорил чужим, надтреснутым голосом:

— Не надо! Не надо больше! Вы не представляете, не представляете, как это о-о-о...

— Не будем, — сказал Дарелл, — если вы признаетесь, что вы агент Второго Фонда.

— Дайте воды, — попросил Антор.

— Принесите воды, Турбор, — распорядился Дарелл, — и бутылку виски.

Влив в Антора стакан виски и два стакана воды, Дарелл повторил вопрос. В молодом человеке сломалась какая-то пружина.

— Да, — сказал он устало, — я агент Второго Фонда.

— Который, — продолжал Дарелл, — находится на Термине?

— Да, да, вы абсолютно правы, доктор Дарелл.

— Хорошо. Теперь объясните нам, что происходило в последние полгода.

— Я сейчас засну, — прошептал Антор.

— Нет! Сейчас же говорите!

Антор прерывисто вздохнул и едва слышно торопливо заговорил. Все склонились к нему, чтобы ничего не упустить.

— Сложилась опасная ситуация. Мы знали, что на Термине физики заинтересовались электромагнитными полями мозга и созрели для того, чтобы создать прибор вроде вашего генератора. Появились враждебные настроения по отношению ко Второму Фонду. Нужно было изменить ситуацию, не нарушая Плана Селдона.

Мы пытались управлять процессом, влившись в него, чтобы снять с себя подозрения. Война с Калганом была развязана для того, чтобы отвлечь ваше внимание. Специально для этого я отправил Мунна на Калган. Любовница Штеттина — наш человек. Она позаботилась о том, чтобы Мунн действовал, как надо.

— Как! Каллиа... — начал Мунн, но Дарелл жестом велел ему молчать. Антор продолжал, не заметив, что его перебили.

— С Мунном полетела Аркадия. Мы этого не ожидали, мы не можем все предусмотреть. Каллиа отправила ее на Трантор. Вот и все, за исключением того, что мы проиграли.

— Вы и меня пытались отослать на Трантор, — напомнил Дарелл.

— Мне нужно было убрать вас с дороги, — кивнул Антор. — Я чувствовал триумф, сопровождавший вашу работу над генератором.

— Почему вы не взяли меня под контроль?

— Не мог. Не мог. Не имел права. Мы работали по плану. Отход от плана означал его крах. План предсказывает лишь вероятности... как План Селдона, — Антор говорил короткими, почти несвязными фразами, вертя головой из стороны в сторону. — Мы работали с отдельными людьми... не с группами... очень низкие вероятности... почти нулевые. Кроме того, нейтрализовать вас... изобрел бы кто-нибудь другой. Нужно было управлять временем... очень тонко... по плану Первого Спикера... мне не все известно, — он замолк.

Дарелл грубо встряхнул его.

— Спать нельзя! Сколько вас здесь?

— А? Что? немного... вы удивитесь... пятьдесят... больше не нужно.

— Все здесь, на Термине?

— Пять или шесть... в других местах... как Каллиа... спать хочу.

Антор вдруг взбодрился, глаза его прояснились. В последней попытке сгладить свое поражение он сказал:

— В конце я раскусил вас. Я хотел отключить систему, но вы дали мне нерабочую панель. Вы подозревали меня все время, — и заснул.

Взглянув на Дарелла с благоговением, Турбор спросил:

— Когда вы начали его подозревать?

— С самого начала, — был ответ. — Он сказал, что пришел от Кляйзе. Ах, я знал Кляйзе и помнил, как мы расстались. Он был фанатиком, а я отошел от него. Я считал, что безопаснее работать в одиночку. Сказать этого Кляйзе я не мог, да он и не стал бы слушать. Для него я был трус, предатель и, может быть, даже агент Второго Фонда. Кляйзе не умел прощать и почти до самой смерти не хотел со мной разговаривать. Вдруг он присылает мне письмо, в котором приглашает к сотрудничеству и возобновлению старой дружбы. Это было не в его характере. Кляйзе мог так поступить, лишь находясь под чьим-то влиянием. Я подумал, что таким образом ко мне в доверие хочет втереться настоящий агент Второго Фонда. Так и оказалось.

Дарелл вздохнул и прикрыл глаза.

— Что мы станем с ними делать, — спросил Семик, — с этими ребятами из Второго Фонда?

— Не знаю, — печально ответил Дарелл. — Их можно куда-нибудь сослать. Например, на Зоранель, и окружить статистическим полем. Можно разлучить или стерилизовать полы, и через пятьдесят лет от Второго Фонда ничего не останется. А может, гуманнее будет их убить.

— А нельзя ли, — предложил Турбор, — перенять их способность? Они ведь не рождаются с ней, как Мул?

— Наверное, нет. Энцефалограммы показывают, что в зачаточном виде такая способность существует у каждого человека. Психологи, очевидно, тренируют ее. Только зачем она нам? Даже им она не помогла.

Дарелл нахмурился и умолк.

Слишком легко все получилось. Невероятно легко пали эти колоссы, и это настораживало. Можно ли быть уверенным, что ты не марионетка в чьей-то руке?

Как в этом убедиться?

Скоро возвратится Аркадия. Доктор Дарелл даже думать не хотел о том, что будет, если...

Вот уже неделю Аркадия дома. Вот уже две. По какому-то волшебству она превратилась из ребенка в девушку и стала очень похожа на мать. Доктора Дарелла мучили мрачные мысли, но он боялся проверять свои опасения, боялся обнаружить, что его дочь, смысл его жизни, единственную память о молодости и любви, — подменили.

Однажды вечером он сказал как можно небрежнее:

— Аркадия, почему ты решила, что оба Фонда находятся на Термине?

Они сидели в театральной ложе, на Аркадии было новое нарядное платье.

Она посмотрела на отца и пожала плечами.

— Не знаю. Решила, и все.

Сердце доктора Дарелла сжалось.

— Подумай, — попросил он. — Хорошо подумай, это очень важно. Как ты догадалась, что оба Фонда находятся на Термине?

Аркадия наморщила лоб.

— Там была леди Каллиа. Я догадалась, что она из Второго Фонда. И Антор так сказал.

— С леди Каллией ты встретилась на Калгане. Почему же ты решила, что Второй Фонд на Термине?

Аркадия задумалась надолго. В самом деле, почему она так решила? Откуда к ней пришла эта мысль

Что-то ускользало от ее сознания.

— Леди Каллиа все знала, значит, она получила информацию с Термина. Наверное, я незаметно для себя об этом подумала и решила, что Второй Фонд находится на Термине. Что-то не так, папа?

Доктор Дарелл молча качал головой.

— Папа! — крикнула Аркадия. — Я это знала! Чем больше я думала, тем более правдоподобным мне это казалось. Это же очевидно.

Отец посмотрел на нее растерянно.

— Если в деле замешан Второй Фонд, интуиция становится подозрительной. Возможно, ты догадалась сама, а возможно — под контролем.

— Под контролем? Ты думаешь, они изменили меня? Нет! — Аркадия отшатнулась от отца. — Этого не может быть! Антор подтвердил, что я была права, и он говорил правду, потому что ты потом обнаружил целую компанию Психологов. Ведь так?

— Все это так, Аркадия, и все же позволь мне сделать энцефалографический анализ твоего мозга.

Она отчаянно замотала головой.

— Нет, нет! Я боюсь!

— Меня боишься? Что ты, Аркадия! Мы просто узнаем правду, и все.

Уже сидя в кресле, Аркадия тронула отца за рукав и спросила:

— Папа, что будет, если меня на самом деле изменили? Что ты должен со мной сделать?

— Ничего. Если тебя изменили, мы уедем отсюда. Плюнем на всю Галактику и полетим на Трантор.

Никогда еще Дарелл не было так тяжело делать анализ. Никогда он не тратил на него столько времени. Самописцы остановились, Аркадия съежилась в кресле, не решаясь взглянуть на отца. Потом она услышала его смех, и поняла, что все в порядке. Аркадия выскочила из кресла и повисла у отца на шее.

— Мы победили, Аркадия! — упоенно говорил доктор Дарелл, обнимая дочь. — Генератор статического поля включен на полную мощность, а твои поля в полной норме. Мы победили! Можно жить!

— Папа, — сказала Аркадия, — мне кажется, мы имеем право на медали.

— Как ты узнала, что я отказался от наград? — доктор на секунду отстранил дочь, но тут же прижал к груди и засмеялся. — Ты всегда все знаешь. Хорошо, ты получишь свою медаль, цветы и аплодисменты.

— Папа...

— Да?

— Теперь ты станешь называть меня Аркади?

— Зачем... хорошо, Аркади.

Доктор Дарелл постепенно проникался сознанием победы. Фонд — Первый и теперь единственный — стал хозяином Галактики. Между ним и Второй Империей, о которой мечтал Селдон, не было преград. Оставалось сделать лишь шаг. Доктор не знал, что обязан этим...

22. Истинный ответ

...некоей комнате в некоем доме в некоем мире.

Первый Спикер взглянул на Ученика.

— Нас спасли пятьдесят мужчин и женщин, — сказал он, — пятьдесят мучеников. Они знали, что их ждет смерть или пожизненное заключение. Мы не могли сориентировать или подпитать их поля: это могло обнаружиться. Но они выстояли и выполнили план, потому что были преданы главному Плану.

— Нельзя ли было обойтись меньшим числом жертв? — спросил Ученик.

Первый Спикер покачал головой.

— Нет, никак нельзя. Будь их меньше, они утратили бы уверенность в успехе, а, чтобы действовать без риска, требовалось семьдесят пять человек. Вы проанализировали план, разработанный Советом Спикеров пятнадцать лет назад?

— Да, Спикер.

— И сравнили его с ходом действительных событий?

— Да, Спикер, — ответил Ученик и, помолчав, добавил, — я был поражен.

— Естественно. Однако, если бы вы знали, сколько людей трудилось над планом и сколько времени ушло на его разработку, вы удивились бы не так сильно. А теперь переведите формулы в слова и расскажите, что произошло.

— Сейчас, Спикер, — молодой человек собрался с мыслями.

— Нам нужно было убедить Первый Фонд, — сказал он, — в том, что он обнаружил и уничтожил Второй. Нам нужно было, чтобы Термин ничего о нас не знал и никак на нас не рассчитывал. Мы добились этого, пожертвовав жизнями пятидесяти человек.

— Зачем была нужна война с Калганом?

— Для того, чтобы показать Фонду, что он способен разгромить физически сильного противника. После неудачной войны с Мулом Фонд потерял уверенность в своих силах.

— Это недостаточно глубокий ответ. Обратите внимание, население Термина испытывало по отношению к нам двойственные чувства. Первый Фонд завидовал нам и ненавидел нас, но рассчитывал на нашу помощь. Если бы нас «уничтожили» до войны с Калганом, Фонд проиграл бы эту войну. Штеттин обязательно напал бы, а Фонд, оставшись без нашей поддержки, не решился бы выступить против него. Кроме того, «победа» над нами была невозможна без победы над Калганом. Первый Фонд мог подняться против нас, лишь окрыленный победой над Штеттином.

— Понятно, — кивнул Ученик. — Теперь история должна развиваться строго по Плану Селдона, без отклонений.

— Если не вмешается непредвиденная случайность, — напомнил Первый Спикер.

— Для этого мы и нужны, — сказал Ученик. — Вот только... одна вещь меня беспокоит, Спикер. У Первого Фонда есть оружие против нас — генератор статистического поля. Это новый фактор, отсутствовавший прежде.

— Верно, но у Первого Фонда нет врага, против которого он мог бы использовать это оружие. Точно так же, в отсутствие угрозы с нашей стороны, энцефалография сделается бесполезной наукой. Внимание людей переключится на другие области знания, развитие которых приносит более ощутимые плоды. Первое поколение психологов Первого Фонда станет последним. Не более, чем через сто лет генератор статистического поля превратится в музейный экспонат.

— Пожалуй, вы правы, — поразмыслив, согласился Ученик.

— И самое главное, молодой человек, обратите внимание на то, с какими трудностями связана работа с отдельными людьми. Сколько ухищрений пришлось употребить Антору, чтобы возбудить против себя подозрения, которые переросли в уверенность в нужный нам момент.

Как нелегко нам было устроить, чтобы никто на Термине раньше времени не догадался, что цель поиска находится на Термине. Эту догадку мы внедрили в мозг девочки, Аркадии Дарелл. Затем мы отправили ее на Трантор, чтобы она раньше времени не встретилась с отцом. Отец и дочь были как полюса гиператомного двигателя — разъединение означало для них бездействие. Я проследил за тем, чтобы в нужный момент они соединились.

Попутно я позаботился о том, чтобы поднять дух фондовского флота и посеять смятение среди калганцев.

— Мне кажется, Спикер, — заговорил Ученик, — что вы, то есть мы, рассчитывали на то, что доктор Дарелл не догадается, что Аркадия — наше орудие. Вероятность того, что он заподозрит это, составляет не более тридцати процентов. Что произошло бы, если бы он заподозрил?

— Мы постарались сделать все, чтобы этого не случилось. Вы знаете, что такое плато марионетки? Оно является не признаком новой ориентации эмоциональных полей, как решили на Термине, а признаком уничтожения первоначальной ориентации. Если мы навязываем необходимую нам ориентацию человеку, у которого нет собственной, — например, грудному младенцу, — это никак не обнаруживается. Именно так мы поступили с Аркадией Дарелл пятнадцать лет назад, когда Дареллы жили на Транторе. Ни доктор Дарелл, ни сама Аркадия никогда не узнает, что мы контролировали ее сознание. Могу заметить, что благодаря нашей ориентации Аркадия стала яркой и талантливой личностью.

Первый Спикер умолк, потом засмеялся и сказал:

— А самое удивительное то, что за четыреста лет никто не понял, что подразумевал Селдон под «другим концом Галактики». Люди искали физический конец Галактики, мерили углы и расстояния и оказывались ни с чем. Странно, что никто не догадался взглянуть на задачу под несколько иным углом. Известно, что Галактика — не просто плоский овоид, а ее периферия не является замкнутой кривой. Галактика имеет форму двойной спирали. Термин находится у конца одного из крыльев спирали. Где же другой конец спирали? Конечно, в центре!

Еще быстрее к этому ответу можно прийти, если вспомнить, что Селдон не физик, а социолог. Для социолога «другой конец» — это не противоположный край карты.

Первый Фонд был основан на периферии, там, где Империя была всего слабее, где варварство начало вытеснять культуру, где нищета пришла на смену благоденствию. Где же искать другой социальный конец Галактики? Конечно, там, где Империя всего сильнее, где люди всего богаче и просвещеннее. Здесь, в центре, на Транторе, в современной Селдону столице Империи!

Иначе быть не могло. Хари Селдон завещал Второму Фонду дублировать его работу. А где удобнее всего работать наследникам Селдона? Разумеется, на Транторе, где работал сам Селдон, где накоплены результаты его работы. Второй Фонд должен был охранять План Селдона от врагов. А откуда исходила наибольшая угроза Термину и Плану Селдона? Отсюда, с Трантора, где Империя еще могла бы разгромить Фонд, если бы захотела.

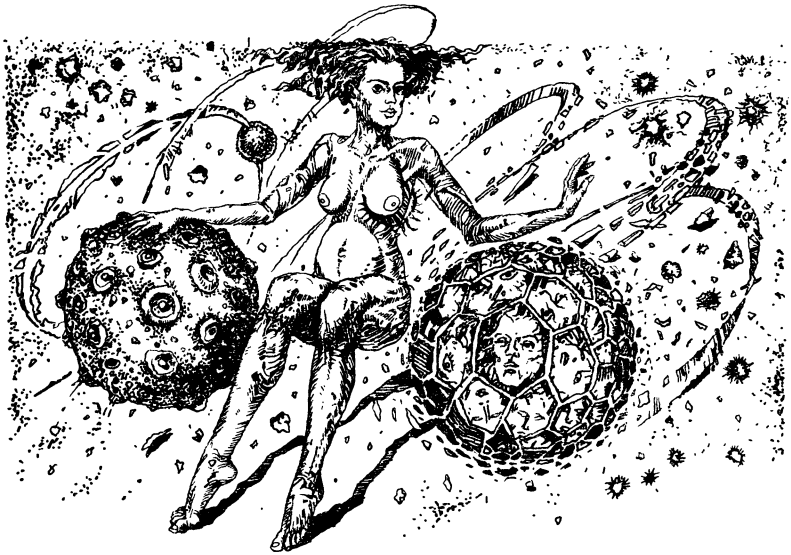
Сто лет назад Трантор был разорен, но мы сумели отстоять свою твердыню — университетскую библиотеку. Галактика не поняла этого намека.

В библиотеке нас и обнаружил Эблинг Мис, но мы позаботились о том, чтобы он не пережил свое открытие. Нам пришлось «заставить» простую женщину победить грозного мутанта Мула. Мы боялись, что это событие привлечет внимание к планете, на которой оно произошло. Здесь мы изучили Мула и наметили план борьбы с ним. Здесь родилась Аркадия, здесь начались события, позволившие нам вернуться к Плану Селдона. Однако, этих совпадений никто не заметил, потому что Селдон подразумевал под «другим концом Галактики» не то, что остальные.

Первый Спикер взглянул сквозь окно на небо, на спасенную Галактику, и продолжал:

— Хари Селдон позволил себе маленькую поэтическую вольность и назвал Трантор Границей Звезд. Действительно, отсюда когда-то началась Вселенная. «Все дороги ведут на Трантор» — гласит древняя пословица.

Первый Спикер — Прим Пэлвер — стоял у того же окна и смотрел на те же звезды, что без малого год назад, но его круглое румяное лицо выражало уже не тревожную озабоченность, а глубокое удовлетворение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Айзек Азимов, известный американский писатель-фантаст, критик, профессор химии, родился в 1920 году в Смоленской области. В 1923 году семья эмигрирует в США.

Фантастикой Азимов увлекся в девятилетнем возрасте, прочитав журнал «Эмейзинг Сториз». Спустя десять лет, в 1939 году, в этом журнале публикуется его первая повесть «Брошенные на Весте», а в 1941 году выходит в свет рассказ «Приход ночи», названный критиками лучшим рассказом современной фантастики. В дальнейшем Азимов удачно совмещает научную деятельность с литературой, которая и приносит ему мировую известность.

Азимов — автор большого количества романов. «Галька в небе» (1950), «Звезды, как пыль» (1951) и «Космические течения» (1952) по сюжету являются предысторией сериала «Основатели», который состоит из романов «Основатели» (1951), «Основатели и Империя» (1952), «Дублеры» (1953), получивших в 1956 году премию «Хьюго» с формулировкой: «...За лучшую серию всех времен».

Позднее сериал был дополнен. Критиками также с одобрением отмечались романы «Стальные пещеры» (1954), «Обнаженное солнце» (1956), «Сами боги» (1972), а роман «Конец вечности» (1956) единодушно признан лучшим произведением писателя.

Перу Азимова также принадлежит большое число рассказов. Наиболее известные из них вошли в сборники «Путь марсиан» (1955), «Девять завтра» (1959), «Купить Юпитер и другие рассказы» (1975).

Перечисленные произведения составляют лишь небольшую часть огромного количества книг, выпущенных Азимовым. Всего их насчитывается около четырехсот. Кроме того, Азимов неоднократно выступает в качестве составителя антологий и издателя журналов научной фантастики.

А. Бобита

СОДЕРЖАНИЕ

Основатели 5

Основатели и Империя 201

Дублеры 375

Сведения об авторе 541

Литературно-художественное издание.
Серия «Библиотека фантастики»

Айзек Азимов
Основатели. Основатели и империя. Дублеры: Романы.

Редакционная коллегия под руководством А. Г. Бобита, в составе:

Д. Е. Громов
О. С. Ладыженский
Т. Г. Корельская

Подписано в печать 10.04.92. Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 28,6. Тираж 100 000. Заказ 73. С. 73.

Подготовка оригинал-макета МП «Информатика и техника».
Издательство «Гермес». 344092, Ростов-на-Дону, ул. Комарова, 11.

Отпечатано в ИПК «Царицын».
400066, Волгоград, Привокзальная площадь.

В
следующей книге
серии
«Библиотека фантастики»
Вы познакомитесь с
лучшими романами
Роберта Хайнлайна
«Чужак в чужом краю»
«Двойная звезда»

